

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА
новые исследования

Ольга Кошелева

Люди
САНКТ - ПЕТЕРБУРГСКОГО
ОСТРОВА
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

О.Г.И

ОЛЬГА КОШЕЛЕВА

Люди
Санкт-Петербургского
острова
Петровского времени

О · Г · И
МОСКВА
2 0 0 4

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
К76

Серия «Нация и культура / Новые исследования»

Информационная поддержка издания «Рамблер Интернет Холдинг»

Rambler

Кошелева О.Е.

К76 Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени / Ольга Кошелева. — М.: ОГИ, 2004. — 486, [2] с.: ил., 4 л. ил. — (Нация и культура / Новые исследования).

ISBN 5-94282-262-X

Книга знакомит читателя с первым поколением жителей Санкт-Петербурга, «переведенных» в новую столицу при Петре I. Она основана на впервые вводимых в научный оборот архивных документах (подворных переписях Санкт-Петербургского острова, судебных гражданских и уголовных исках петербуржцев и др.). Исследование раскрывает социальный состав и структуру жителей города, а также их повседневную жизнь, взаимоотношения, стратегии поведения в процессе уникального социального эксперимента по созданию в России города европейского типа.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 5-94282-262-X

© О.Е. Кошелева, 2004
© ОГИ, 2004

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ: МЕСТО, ВРЕМЯ, ВЛАСТИ, ДОКУМЕНТЫ

Глава 1

«Остров Санкт Питер бурхский» в 1718 г. и позднее

23

Глава 2

Учреждения правопорядка

39

**«Важнейшая в крае»
(Губернская канцелярия)**

39

**«Фундаментальный подпор человеческой безопасности»
(Полициеймейстерская канцелярия)**

41

**«Удобнейшим образом учрежденное правосудие»
(Надворный и Нижний (Провинциальный) суды)**

46

Глава 3

Сказки, явки и другие источники

53

Санкт-Петербургский остров в зеркале переписей

53

Жители Санкт-Петербургского острова в зеркале судебных документов

71

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДВОР

Глава 4

**«Своею охотою» и «по указам»
(Заселение Санкт-Петербургского острова)**

79

Стихийное переселение

79

Указное переселение «на вечное жительство»

82

Указное переселение на время

88

Переселение специалистов

89

Принуждение или поощрение?

94

Глава 5

«Дворенцо я имею здесь купленное»
(Дворовладение на Санкт-Петербургском острове)

99

Покупка двора

100

Цены на дворы

105

Пожалование двора из казны

109

Дворовое и хоромное строение

110

Ремонт и драгоценная древесина

115

Огонь в домах

118

Глава 6

«За многолюдством немалое утеснение»
(Чужой кров)

124

Жильцы и временные постояльцы

124

Постой

128

Наем жилья

133

Надзор за жильцами

136

Постоялые дворы

138

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ГРАДСКИЕ ОБЫВАТЕЛИ

Глава 7

Кого и сколько? (Структура населения Санкт-Петербургского острова)

145

Количество дворов и людей

145

Головоломка бюрократической систематизации

147

От сказок к табелям: процесс работы над переписью 1717 г.

150

Небюрократический взгляд на социальность

157

Неформальные общности

158

Не разделить, а перемешать

160

Глава 8

Мужчины и женщины, старики и дети Санкт-Петербургского острова

165

Возраст и пол

165

Люди одинокие

173

Люди семейные

178

На все четыре стороны

(Развод и двоебрачие)

188

Глава 9

«Обретаясь в услужении...» (Дворовые люди)

195

Кто из петербуржцев имел прислугу?

196

Кто «пашни не пашет...»

197

Как приобрести служителя?

198

Разнообразие служб

205

Семья

206

Господин и его «двор»

206

Путь наверх

(Коммерция приказчиков)

210

Горечь воли

213

Феномен холопства

215

Глава 10

Гражданство

217

Состав и численность посада Санкт-Петербургского острова

217

Купцы

221

Торговцы и ремесленники

226

Казенные мастера

235

Три судьбы рыбаков

242

Глава 11

Из сел и деревень

(Крестьяне)

248

«По принуждению и ради своего промыслу»

249

Состав и численность крестьян

255

Санкт-Петербургские жители

258

Глава 12

**Всегда при канцелярии
(Приказные люди)**

265

Состав и численность

265

Путь наверх и его трудности

266

Доходы от трудов своих

269

Расходы и утраты

274

Одежда и содержимое карманов

276

Обучение, квалификация, ответственность

280

Глава 13

**Батюшки Санкт-Петербургского острова
(Духовенство)**

286

Три храма — три прихода

286

«Переведенцы» духовного звания

291

Батюшка в своем дворе

295

Дела тяжелые

298

**ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПРОБЛЕМЫ И КОНФЛИКТЫ**

Глава 14

Судебный процесс и его участники

307

Явка в судебную канцелярию

307

Истцы и ответчики

309

Свидетели и другие «доказы»

311

Уголовники и розыск

313

Колодники

316

Судейские и вершение дел

318

Глава 15

«Бег» и «снос»

322

«На что он холопу верил?»

322

Каждого «записать, где надлежит»

325

Порядок безопасности

326

«...Чтобы бегство холопа в вину не причлось»

328

Умыслы воровские

329

В бегах

338

Скорое сыскание

338

Наказание

340

Глава 16

О тех, кто не бегал, а уходил

342

«Не стерпя такой работы и бою»

342

«...А мы им не крепки»

345

Просьбы письменных отпусков

349

Давид и Голиаф

351

Глава 17

Искусство жить вместе

361

«И в тесноте, и в обиде»

363

За воротами двора

374

Рынок и бани

377

В церкви

380

Глава 18

Бой и брань

383

«За какие бесчестья править иски, а за какие — не править?»

383

Рассерженные петербуржцы

389

«Учали меня бранить и бесчестить»

396

Унижение словом

398

«Я о моей персоне не говорю...»

404

Глава 19

Невольники поруки

409

Поручитель в судебном процессе

412

Купля-продажа

415

Денежный займ

416

Ручательство за «благонадежность»

417

Пострадавшие поручители

421

Заключение

426

Приложение 1

Список владельцев и держателей дворов с указанием их рода деятельности,

1718 г.

430

Приложение 2

Происхождение жителей Санкт-Петербургского острова

443

Опубликованные источники и литература

445

Список сокращений

459

Указатель имен

460

*Памяти
Юрия Львовича Бессмертного*

Предисловие

Города не возникают мгновенно, они рождаются долго и с трудом. Наперечет те случаи в мировой истории, когда город создавался искусственно и вырастал стремительно¹. Санкт-Петербург принадлежит к таковым: он отличается внезапностью возникновения и сказочной быстротой развития, которого иные города достигали в течение столетий.

Эта книга — о тех, кто стал свидетелем и участником стремительного взросления необычного города, о тех, кто из «семян слез» выращивал на берегах Невы «плоды радости», доставшиеся будущим поколениям. Эта книга о заурядных жителях Петербурга, которые вошли в историю именно потому, что их повседневные дела, заботы и проблемы были важнейшим компонентом жизни молодого Петербурга

Я никогда не собиралась заниматься ни историей Петербурга, ни петровской эпохой — меня интересовали более ранние времена. Но однажды в архиве мне случайно попала кipa из сотни разнородных документов, и каждый из них был подписан или самостоятельно написан кем-то из первых петербуржцев: в них они докладывали властям о населении своего петербургского двора. Здесь встретились все — и известнейшие лица своего времени, и простые обыватели. Дотоле безлика для меня масса «петербургских жителей» стала обретать черты конкретных людей, с их именами, возрастом, с их домочадцами, с их профессией. Их жизнь, их судьбы стали мне интересны — так начались многолетние исследовательские разыскания, так оказалась написанной эта книга.

¹ О таких «быстрорастающих» городах см. подробно: *Barth G. Instant cities. Urbanization and the rise of San Francisco and Denver*. N. Y., 1975.

Ее несхожесть с подавляющим большинством исследований по истории Петербурга в том, что я не «изучаю Петербург», а «изучаю в Петербурге»², т.е. сам по себе город не является для меня объектом исследования, он лишь «место действия», сцена, на которой происходит драма жизни обыкновенных петербуржцев. В ней я пытаюсь разглядеть проблемы российской повседневности, которые ее структурировали, проблемы, затрагивавшие одновременно разные слои городского населения.

Исследование намеренно сфокусировано на достаточно небольшом объекте, что позволяет представить его «крупным планом» и рассмотреть его в подробностях: речь пойдет не обо всем Петербурге, а только об одном из его районов — Санкт-Петербургском острове. Из множества свидетельств по преимуществу отбирались связанные с жителями именно этого района.

Предельно сжаты и хронологические рамки исследования: в начале оно было задумано как рассказ об одном годе из жизни города — 1718, но ограничение столь кратким временем оказалось слишком жестким и непродуктивным, в конечном итоге в книгу вошли материалы, относящиеся в основном к 1717–1722 гг. Таким образом я пытаюсь представить читателям жизнь петербуржцев в определенный отрезок времени и в определенном месте, с тем чтобы ее очертания приобрели наибольшую конкретность, а из массы жителей стали бы проступать фигуры отдельных личностей. Конечно, было бы наивно предполагать, что будет создан точный «портрет» жителей Санкт-Петербургского острова, получается лишь некий фоторобот, но именно локальность сюжета помогает его создать.

Может быть, в большей степени, чем в жизнь других российских подданных, в жизнь каждого из петербуржцев вторгалась власть в самых разнообразных своих воплощениях, поэтому данный текст с неизбежностью затрагивает и тему образов власти.

Царь Петр и его «птенцы», военачальники, палатные люди и царедворцы не являются главными героями этой книги — о них, в том числе и об их петербургской жизни и деятельности, написано уже немало. Зато так и не вышли из тени забвения обычные, рядовые петербуржцы, представители

² Парафраз известного высказывания американского этнолога Клиффорда Гирца: «Мы изучаем не деревни, мы изучаем в деревнях».

низших и средних городских слоев населения. Об этих людях, терпевших всю страшную тяжесть родовых мук появления на свет красавца-города, и пойдет дальнейший рассказ. Тот не парадный, не дворцовый, а обывательский, мрачноватый и страшноватый Петербург, который оставил заметный след в русской литературе благодаря, в первую очередь, перу Ф. М. Достоевского, находил малое отражение в повествованиях исторического жанра, выступал лишь как его дальний фон. В этом смысле А. С. Янцевич, автор книги «Крепостные в Петербурге», бывшей лишь частью его так и не завершеного исследования, утверждал: «История Петербурга еще не написана»³. Неоценимый вклад в изучение быта и жизни простых горожан Петербурга внесла Л. Н. Семенова, особенно много внимания уделившая мастерам людям⁴.

Представление о том, что об обычных горожанах в исторических источниках сохраняется мало сведений, весьма преувеличено, а для XVIII века оно и вовсе неверно. Эти источники остаются невостребованными именно потому, что относятся к безызвестным личностям и их обыденным поступкам: покупкам, ремонту, ссорам, отношениям с прислугой, нарушению договоров и проч., что долгое время не казалось существенным для исторической науки и лишь в последнее время стало формировать особое направление исследований в области изучения структур городской повседневности⁵. Видимо, из-за своей кажущейся «мелкотемности» в сочетании с трудоемкостью работы с массовым материалом два вида источников, исключительно богатых информацией об истории жителей петровского Петербурга, до сих пор остаются нетронутыми на архивных полках. Это переписи жителей Санкт-Петербургского острова и материалы городских судов (Надворного и Нижнего), которые и легли в основу этой книги, сформировали ее содержание. Переписи дали возможность заглянуть во дворы Петербургского острова, увидеть, как они застроены, кто в них живет, и как давно. Судебные материалы, относящиеся к этим же самым людям, их

³ Янцевич А. С. Крепостные в Петербурге. Л., 1933. С. 3.

⁴ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974; Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982; Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). М., 1998 и др.

⁵ См.: Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 341–403.

челобитные и записи допросов приоткрыли некоторые аспекты их обыденной жизни, позволили уловить отголоски их речи. Переписям и судебным материалам отведена в книге главная роль, что, безусловно, не исключает привлечение и множества других источников, уже неоднократно введенных в научный оборот. Два человека, жившие на Санкт-Петербургском острове в рассматриваемое время, окажут мне в знакомстве с городом и горожанами особую помощь — это художник Федор Васильев (1667–1737) и прожектёр-крестьянин, «фонтанный» и «денежный» мастер, а также писатель Иван Посошков (1657–1725). Васильев — единственный из «малеров» того времени, кто не был увлечен парадной стороной Петербурга. Ему принадлежат уникальные бытовые зарисовки города 1718–1722 гг.⁶ Посошков в то же самое время писал длиннющие наставления своему сыну Ивану, составившие книгу «Завещание отеческое...»⁷. В ней он начертил идеальные социальные портреты различных современных ему «чинов», в которых волею судьбы мог оказаться подросший сын — начиная с поденщика и кончая архиереем. Вольно или невольно Посошков зафиксировал множество характерных черт, свойственных социальным типам своего времени.

Воссоздание истории жителей Санкт-Петербургского острова неразрывно связано с историей Петербурга вообще. Невозможно вырвать один район из общего контекста города, можно только изучить его подробнее и судить о целом по его части. К Санкт-Петербургскому острову относились те особенные черты, которые характеризовали рождение Петербурга в целом, а именно: а) его искусственное создание по воле монарха как экспериментальной площадки, на которой отрабатывались всевозможные планы вестернизации страны; б) насильственное принуждение жителей Российской империи к строительству города и к переезду в него навечно; в) закладка столицы в малозаселенном месте, разоренном войной, плохо пригодном для жилья, вблизи границ с враждующим государством (Швецией), которое претендовало на обладание данными землями; г) организация города как первого военного морского порта в России; д) перемещение центра управления страной в новую столицу и, таким образом, конкуренция со

⁶ Гаврилова Е. И. «Явился здесь живописец Федор Васильев...» // Первые художники Петербурга. Л., 1984.

⁷ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со правоучением, за подтверждением божественных писаний. СПб., 1883.

старой столицей — Москвой; е) потребление в огромных масштабах людских и материальных ресурсов страны; з) большой процент иностранцев в составе жителей города.

Петербург первых десятилетий — это город-вавилон: ни для кого из переехавших в него жителей он не являлся «малой родиной», для большинства населения оказывались порваны связи с отеческим домом и с родной общиной. Человек здесь должен был в большей степени полагаться на себя самого, принимать самостоятельные решения, приучаться к новому и непривычному. Все это оказало соответствующее влияние на жителей Петербурга, их образ жизни и психологию.

Эта работа создавалась много лет, в течение которых множество людей оказывали мне помощь и дружескую поддержку, без которых ее вряд ли удалось бы завершить. Приношу глубокую благодарность сотрудникам Российского государственного архива древних актов и в первую очередь И. Г. Шаховцовой, российским коллегам — историкам Е. В. Анисимову, М. А. Бойцову, Э. Д. Днепрову, А. С. Завадье, Ю. П. Зарецкому, А. Б. Каменскому, Д. О. Серову, зарубежным коллегам — М. По, Д. Кайзеру, Ю. Шлюмбу, Е. Зеленской, редактору Т. П. Зыковой, моим друзьям и родственникам — И. В. Кошелевой, Е. Ю. Фоменко, В. А. Шульге и С. М. Клюмель. Разработка компьютерной базы данных для материалов переписей была сделана при неоценимой помощи Е. А. Елпатьевской, в их обработке принимал участие А. М. Прокopenко. Работа с переписью 1718 г. осуществлялась при поддержке фонда RSS Института Открытое общество (грант 407/1996).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог: место, время, власти, документы

Глава 1

«Остров Санкт Питер бурхский» в 1718 г. и позднее

Есть такое малоизвестное слово «палимпсест». Оно означает пергаменную рукопись, первоначальный текст которой был смыт и поверх него нанесен новый. Однако полностью уничтожить въевшиеся в пергамен буквы, как правило, невозможно, поэтому всегда есть надежда, приложив усилия, утраченный текст восстановить. В качестве метафоры понятие палимпсеста применимо к истории городов¹ — время всегда стремится стереть его «старый текст» и нанести новый.

Тот город, что был построен в петровское время, быстро исчез. Городской пейзаж, который предстал перед взором Петра и являлся его детищем, не сохранился, его сменили новые постройки, и лишь единицы из первоначальных строений во главе с Петропавловской крепостью по-прежнему противостоят натиску времени. Тем не менее представить структуру города последнего десятилетия правления Петра I возможно.

В первую очередь для этого следует обратиться к Андрею Ивановичу Богданову (1690-е–1766), жившему в петровское время на Санкт-Петербургском острове. Серьезно занявшись изучением истории города на склоне лет, он мог припомнить виденные им в молодости постройки, переговорить со старожилками, использовать документы, утраченные ныне. Собранные Богдановым материалы были в конце XVIII в. опубликованы в авторизованном виде В. Г. Рубаном, а сгруппированы по определенным районам К. Логачовым, который представил обстоятельнейшее описание интересующего нас Санкт-Петербургского острова². Сведения А. И. Богданова являются той твердой поч-

¹ Martin G. H. The Town as Palimpsest // The study of Urban History. The proceedings of an international round-table conference of the Urban History Group... at University of Leicester / Ed. by Dyos. L., 1975. P. 155–169.

² Логачов К. Историко-географический ключ к «Описанию Санкт-Петербурга» А. И. Богданова // Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. М., 1997. С. 25–37.

вой, встав на которую исследователи уже дополняли и уточняли их³. Во многом этому могли способствовать данные переписей. Другим материалом, помогающим воссоздать облик города, являются карты и планы вкупе с описаниями к ним⁴. Зрительный образ города воспроизводят гравюры и небольшое количество живописных произведений, созданных современниками.

Пользуясь ими, можно запросто объяснить, как попасть на рынок или в баню, как пройти к Генеральской мызе или к лютеранской кирхе, где перекусить, где заявить о бегстве холопа, а где — нанять извозчика. Однако рассказ о топографии острова, совершенно необходимый для того, чтобы представить себе место, о котором в дальнейшем пойдет речь, будет краток и посвящен в первую очередь тому, как здесь реально воплощались функции, присущие городу: городу как военному укреплению, городу как рынку, городу как резиденции власти.

* * *

Санкт-Петербургский остров расположен на правом берегу реки Невы в ожерелье разной величины островков. Он омывается Малой Невой, отделяющей его от Васильевского острова, Малой Невкой и Большой Невкой, другой берег которой выходит на Выборгскую сторону. Во всех официальных документах остров именовался только Санкт-Петербургским⁵, хотя в иного рода текстах встречаются и другие его названия: Койвасаари, Березовый, Городовой, Троицкий и проч.

³ Например: *Божерянов И. Н.* Санкт-Петербург в Петрово время. Иллюстрированный исторический очерк. СПб., 1903. Т.1.; *Гречишкин С. И.* Из русской истории. В Петербурге при Петре Великом. М., 1910; *Столянский П. Н.* Как возник, основался и рос Санкт-Петербурх. М., 1918 и мн. др.

⁴ Исторические планы столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1739 г. СПб., 1843; Объяснения к Историческим планам столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1739 г. СПб., 1843; Петербург-Ленинград. Историко-географический атлас. Л., 1957. Ч. 1; *Кукушкина В. В.* Топонимика Санкт-Петербурга XVIII в. по планам города. СПб., 2002.

⁵ Исследователи часто вслед за наиболее авторитетным историком Санкт-Петербурга П. Н. Петровым (см.: *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления. СПб., 1885) называют остров «Городским» или «Городовым». Этот выбор удобен, так как не совпадает с названием самого города и легче воспринимается в тексте. Однако мне ни разу не встретилось такое название острова в источниках русского происхождения. «Санкт-Петербургским» остров назван и на всех картах и планах петровского времени (*Кукушкина В. В.* Указ. соч. С. 230).

Не случайно само применение названия «Петербург» к этому острову в первые годы существования города: именно он стал «колыбелью» новой столицы и ее центром со всеми главными столичными учреждениями.

На маленьком островке Енисари, отделенном от Санкт-Петербургского острова протокой, в 1703 г. началось строительство Петропавловской крепости. Она стала центром, вокруг которого разрастались первые поселения нового города. В 1706 г. по другому берегу протоки был построен Кронверк — большие земляные валы (бастион и два полубастиона), призванные прикрывать с севера Петропавловскую крепость⁶. В самой протоке зимовали корабли. От Кронверка на север, не доходя речки Карповки, шли линии палисадных укреплений со рвом «для некоторого предохранения обывательских дворов»⁷. По берегам Невы было построено несколько батарей. Возможный подход неприятеля к крепости с севера сдерживался множеством рек, речушек, ручьев и болот. Место это вполне удовлетворяло военным целям, но было менее приспособлено для мирного поселения.

Часть острова, выходящая на Неву, неподалеку от Петропавловской крепости, является его самой высокой и сухой территорией. Здесь и образовалась центральная Троицкая площадь, на которой находились главный храм города, главный торговый центр, главные правительственные здания, корабельная пристань.

Название этой площади дала деревянная церковь Святой Живоначальной Троицы, построенная в 1703 г. В 1710–1711 гг. здание церкви было перестроено и увенчано шпилем. Она стала кафедральным собором города⁸, в котором проходили официальные молебны, читались проповеди церковными иерархами, принималась присяга, а в 1721 г. состоялась церемония принятия Петром I титула императора. На соборе помещалось «нечто вроде плохих курантов, на которых каждый час вручную исполняют некую мелодию»⁹.

⁶ Лебединский А. П. Кронверк Петропавловской крепости в его прошлом и настоящем: (К 250-летию его существования) // Сборник докладов военно-исторической секции Ленинградского дома ученых им. М. Горького. М.; Л., 1960. № 3.

⁷ Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. М., 1997. С. 36.

⁸ Немиров Г. А. Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703–1903 гг.: Историческая справка. СПб., 1905.

⁹ Беснятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.

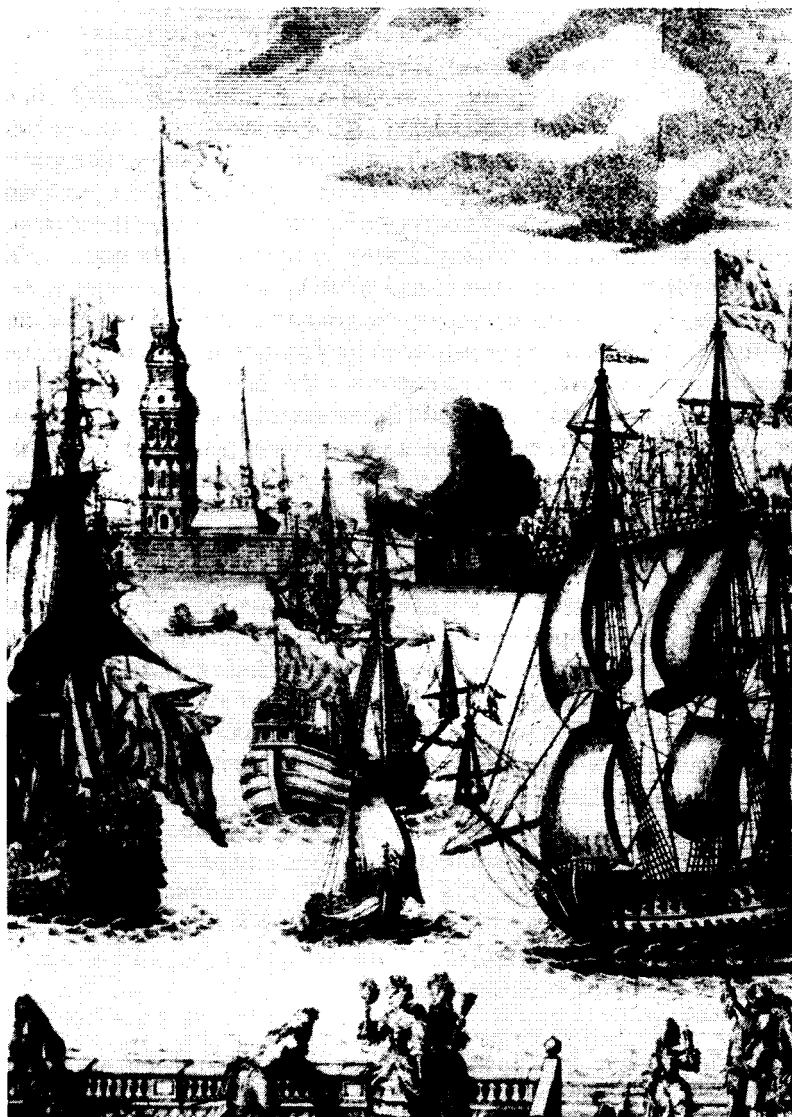

Рис 1. А. Зубов. Вид Петербурга

Помимо Троицкой церкви на острове было еще два достаточно скромных православных храма — Образа Казанской Богоматери в Посадской слободе и Успения Богородицы на Мокруше (о них подробно см. в гл. 13), несколько часовен и лютеранская церковь. Последняя первоначально находилась в стенах Петропавловской крепости, но затем была перенесена на Петербургский остров.

Торговые ряды появились рядом с Троицкой церковью уже в 1705 г. В одном из самых ранних воспоминаний о Петербурге, опубликованном в 1713 г., говорится: «Близ крепости прежде стоял большой русский рынок в несколько сотен лавок, построенных на русский лад исключительно из бревен, но в июле 1710 года он вдруг ночью сторел дотла едва ли не за час; при этом многое было разграблено, и купцы, по их состоянию, конечно, понесли большие убытки»¹⁰. Новый торговый центр — Гостиный двор, задуманный уже не на «русский лад», — был построен к 1713 г. и находился «в нескольких сотнях шагов дальше» от прежнего¹¹. Как писал ганноверский резидент в России Ф.-Х. Вебер, «это большой рынок, где продаются все купеческие товары и ведется всякая торговля, помимо него никому не дозволено заниматься какой-либо торговлей или продавать. Это очень большое фахверковое здание в два этажа, крытое черепицей, с большим пустым двором внутри. В длину здание посередине разделено стеной, так что лавки двойные: половина выходит на внешнюю площадь, а другая — на внутренний двор; по каждой стороне есть галерея, позволяющая проходить перед лавками посуху. Так все лавки и в верхнем, и в нижнем этаже хорошо заняты»¹². Внутри рынка находилась купеческая биржа, для нее в 1724 г. было построено специальное здание.

Однако Гостиный двор не являлся единственным торговым местом на Петербургском острове, были здесь также рынки попроще и подешевле, например, знаменитая Татарская барахолка, на которой можно было «дешево приобрести всевозможные товары: старую одежду различных наций, лапти, всякие старые железные предметы, бечевку, старую веревку, деревянные седла вместе с принадлежащими им потниками и иные тому подобные изысканные вещи». За рынком

¹⁰ Там же. С. 51.

¹¹ Там же. С. 82.

¹² Там же. С. 112.

находилась и сама Татарская слобода¹³. Другой рынок, специализировавшийся на съестных припасах («Обжорный, или Сытный рынок»), располагался за Кронверком. «Здесь с двух сторон напротив улиц, — писал Вебер, — найдешь все потребное для домашнего хозяйства: горох, чечевицу, бобы, крупу, муку, сало, деревянную посуду, горшки и тому подобные нужные вещи»¹⁴. Третий рынок — Мытный — был за крепостью на берегу протоки, он назывался так по мазанковому зданию таможни, находившейся в его центре. Около Мытного двора на свайном фундаменте была устроена бойня. От нее неподалеку располагались мясной и рыбный ряды. Продовольствие в город, за исключением рыбы, доставляли крестьяне из других районов. Привезенную муку и крупы хранили в двух специальных магазинах. Чтобы приобрести коней, а возможно, и домашнюю скотину, шли на Конную площадку рядом с Троицкой площадью, здесь же стояли для найма извозчики.

Множество питейных заведений и харчевен острова возглавляла «торжественная» австерия, или главный кабак, где Петр I проводил праздничные застолья. Австерия была ровесницей Троицкой церкви, строилась в том же 1703 г. и находилась неподалеку от нее — рядом с Троицкой пристанью, у Петровского моста. Торжества, начинавшиеся с молебна в церкви, заканчивались обычно в австерии. Петр устраивал перед ней «почасту фейерверки к торжествам, понеже удобнее одного места ко отправлению помянутых фейерверков не было». Здесь же на пристани был устроен «кофейный дом». Вторая царская австерия, построенная в 1719 г., располагалась на Большой Никольской улице¹⁵.

Перемещение центра государственного управления из Москвы в Петербург потребовало строительства специальных зданий для правительственных учреждений, до этого их размещали в неприспособленных к тому помещениях. Так, Посольский двор существовал в доме на набережной, первоначально принадлежавшем А. Д. Меншикову. По указу от 28 апреля 1714 г. на Троицкой площади начали возводить здание, предназначенное для центральных учреждений, в том числе и Сената, который со времени своего

¹³ Там же. С. 113, 52.

¹⁴ Там же. С. 113.

¹⁵ Богданов А. И. Указ соч. С. 199, 200.

образования в 1711 г. проводил заседания в стенах Петропавловской крепости. Строилось здание по плану архитектора Доменико Трезини и представляло собой двухэтажное строение, разделенное на четыре одинаковых сектора. На чертеже Петр своей рукой разметил «хозяев» помещений: Сенат и Аудиенц-камору, а также канцелярии — Посольскую, Военную, Ссудную, Счетную и Коммерции¹⁶. Эта постройка, как и многие другие здания Санкт-Петербургского острова, осуществлялась в непривычной для русской архитектуры строительной технике: в петровском указе о строительстве она называлась «пруским новым будинком», что означало западноевропейский «фахверк» (деревянный каркас с глиняным заполнением). В русском обиходе того времени подобные здания именовались мазанками. Внутреннее убранство здания Сената стремились сделать дешевым, но претендующим на роскошь. Строительство шло медленно, 15 января 1718 г. часть здания сгорела, но 18 декабря того же года в нем, еще не окончательно отстроенном, начал заседать Сенат¹⁷.

На острове находились также Канцелярия городских дел во главе с кн. А. М. Черкасским, ведавшая всеми строительными делами Петербурга; Губернская канцелярия — «важнейшая в крае», Ратуша — выборный орган самоуправления купечества и посадских людей.

Из казенных предприятий два важнейших заняли свое место на Петербургском острове: Оружейная канцелярия, объединявшая мастеров по металлу (кузнецов, оружейников, замочников и проч.), художников и граверов; и Типография, в ведении которой находились и рабочие-типографы, и справщики (редакторы). Оба учреждения возглавлял цейх-директор Михаил Аврамов. Мазанковое здание Типографии возводилось как «образец» постройки такого типа¹⁸. В ней печатались петровские «Ведомости» и другие светские издания. Печатная продукция поступала в типографскую книжную

¹⁶ Иогансен М. В. Здание «мазанковых коллегий» на Троицкой площади Петербурга // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века. М., 1984. С. 75.

¹⁷ Богданов А. И. Указ соч. С. 150.

¹⁸ О дате строительства здания в литературе существуют разные мнения, называются даты 1713, 1712, 1711 гг. (Беспах Ю. Н. Указ соч. С. 134; Петербург петровского времени: Очерки / Под ред. А. В. Предтеченского. Л., 1948. 112; Богданов А. И. Указ. соч. С. 169).

лавку Гостиного двора¹⁹. Оружейная канцелярия представляла собой здание того же образца.

В глубине острова, на берегу Малой Невки, находились пороховые заводы, построенные в 1710 г., а в 1718 г. перестроенные «по-голландски»²⁰. Они работали на конной тяге. Рядом размещались амбары с порохом²¹. В большом каменном доме М. М. Голицына в 1717 г. была устроена «Штофных и прочих шелковых парчей мануфактура»²².

Важным заведением была также главная Аптека. Она находилась внутри крепости в одном из самых примечательных каменных зданий, неизменно вызывавших восхищение даже надменных иностранцев. «Она, — писал Вебер, — наверняка может быть сочтена одной из лучших как по своим превосходным медикаментам, так и особенно по редким сосудам из тонкого китайского фарфора ценой во много тысяч рублей». Склад аптечных трав находился на государевом садовом аптекарском дворе, занимавшем особый островок по Большой Невке рядом с Петербургским островом²³.

Из медицинских учреждений стоит отметить лазарет для солдат, стоявший по берегу недалеко от Аптекарского острова. Он представлял собой 18 жилых изб, в каждой была печь и «комора», при лазарете действовало пять бань и был поваренный двор с тремя избами, а также «крестовая светлица», т. е. домашняя церковь²⁴. Другой госпиталь из 11 изб для строительных рабочих содержала Городовая канцелярия. На берегах Малой Невы напротив Васильевского острова и за Карповкой располагались общественные (торговые) бани²⁵.

Застройка Санкт-Петербургского острова делилась на две части: одну — богатую и официальную, располагавшуюся лицом к Неве, и другую — «черную», обыденную, уходившую вглубь острова. Дома на набережной Невы отличались разма-

¹⁹ Петербург петровского времени. С. 112.

²⁰ Богданов А. И. Указ соч. С. 185.

²¹ Гейман В. Г. Мануфактурные предприятия Петербурга // Санкт-Петербург петровского времени. Л., 1948. С. 59.

²² Там же. С. 70. Видимо, она была устроена в загородном доме Голицына на Карповке.

²³ Беспярых Ю. Н. Указ соч. С. 105, 128.

²⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 6 об. См. также: Петров П. Н. Указ. соч. С. 95.

²⁵ Богданов А. И. Указ соч. С. 31.

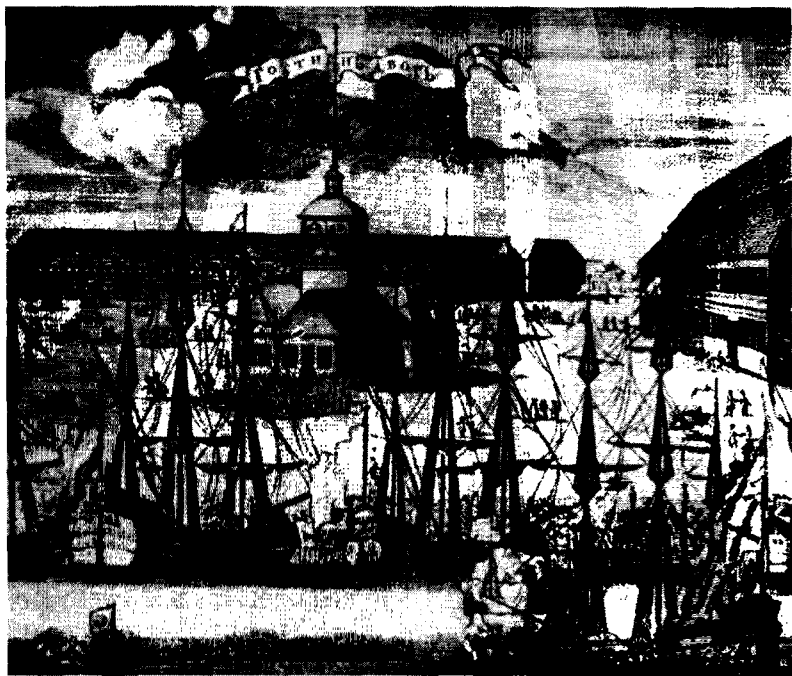

Рис 2. А. Ростовцев. Вид Троицкой площади

хом и умеренным великолепием. Здесь жили царедворцы из ближайшего окружения царя. Богатые дворы преобладали и на трех Дворянских улицах, выходивших на набережную Большой Невы (подробнее см. гл. 5, с. 112–114); их обитатели были прихожанами Троицкой церкви. Парадным лицом острова, конечно же, являлась Троицкая площадь, сам облик которой был необычным и для русского, и для европейского взора: фахверковые строения, получившиеся непохожими ни на русскую, ни на западную архитектуру, церковь с острым шпилем и курантами, доселе неизвестными в православных храмах, и, конечно, флотилия судов, органично «вписывающихся» в ее очертания.

Все дороги острова вели на Троицкую площадь. Ее насыщенность важнейшими учреждениями делала площадь многолюдным центром. «Поскольку место для торговли, суды, все публичные учреждения и великий совет империи находятся на столь малом пространстве, это исключительно удобно для быстрого рассмотрения дел», — писал посетивший Петербург

Рис 3. Ф. Васильев. Березовый остров.

иноземец П. Г. Брюс²⁶. Этим «рассмотрением дел» занимались достаточно обширные штаты канцелярий²⁷.

Вид Троицкой площади того времени, о котором пойдет в книге речь, представлен на нескольких гравюрах: Г. Девита по рисунку П. Пикарта «Троицкая площадь в Петербурге. 1714–1715 гг.», А. Ростовцева «Вид Троицкой площади на Городовом острове» 1717 г., А. Зубова «Торжественный ввод четырех шведских фрегатов в Петербург после победы при Гренгаме 8 сентября 1720 года». На гравюре Ростовцева запечатлен обычный день из жизни города. На глади Невы стоят многочисленные суда со спущенными парусами. По площади скачут всадники и едут кареты, горожане толпятся у пристани и у входа в церковь, у здания Коллегий некоторые спокойно прогуливаются и беседуют, пожимают друг другу руки.

Купечество, духовенство, приказные люди, спеша к своему рабочему месту, появлялись на площади ежедневно; проходили по ней и военные, несшие в Петропавловской крепости гарнизонную службу, а также люди, служившие на морских судах; здесь на строительстве работали мастеровые люди; сюда приезжали и иностранные послы, и высшие государственные

²⁶ Беспятых Ю. Н. Указ соч. С. 163.

²⁷ Например, Коллегия иностранных дел имела в штате 98 сотрудников и роту солдат в количестве 41 человека, Военная коллегия — 61 сотрудника и 7 военных, Коммерц-коллегия — 35 служащих и 20 военных, канцелярия Сената — 64 служащих и Сенатскую роту 146 человек (Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. М., 1997. С. 299–305).

Рис. 4. Ф. Васильев. Солдатская слобода.

сановники, среди них, конечно, и «господа Сенат». Да и сам царь нередко бывал здесь же.

На гравюре А. Зубова Троицкая площадь изображена в тот момент, когда она превращалась в сцену для публичных торжеств, для грандиозных петровских представлений: под пушечную пальбу к ее набережной подводят захваченные в бою фрегаты.

Благодаря эскизу живописца Федора Васильева «Березовый остров» (ок. 1719 г.) есть редкостная возможность заглянуть на «задворки» Троицкой площади. Площадь здесь угадывается на заднем плане, лишь где-то вдали едва намечен кривоватый абрис Троицкой церкви, здание Сената, мазанки. На первый план художником помещены не корабли с надутыми парусами, а спокойно лежащие и жующие коровы. Их мирный облик создает образ «другого» Петербурга, отчеркнутого от парадной площади Гостиным двором.

Массовая жилая застройка образовала несколько слобод: элитную Дворянскую, обширную Посадскую (в ней выделялись Певческая и Оружейная слободки), Солдатские слободы (их названия многочисленны и образованы преимущественно по названиям полков) и Татарскую. Население последней было многонациональным: здесь, писал один из иноземцев, «живут татары, калмыки, казаки, турки и другие подобные народы в соответствии со своими обычаями»²⁸. Перепись 1713 г. не отмечает в этих жилищах турок, однако во множестве фиксирует дворы пленных шведов. Недаром именно здесь

²⁸ *Беснятых Ю. Н.* Указ соч. С. 51.

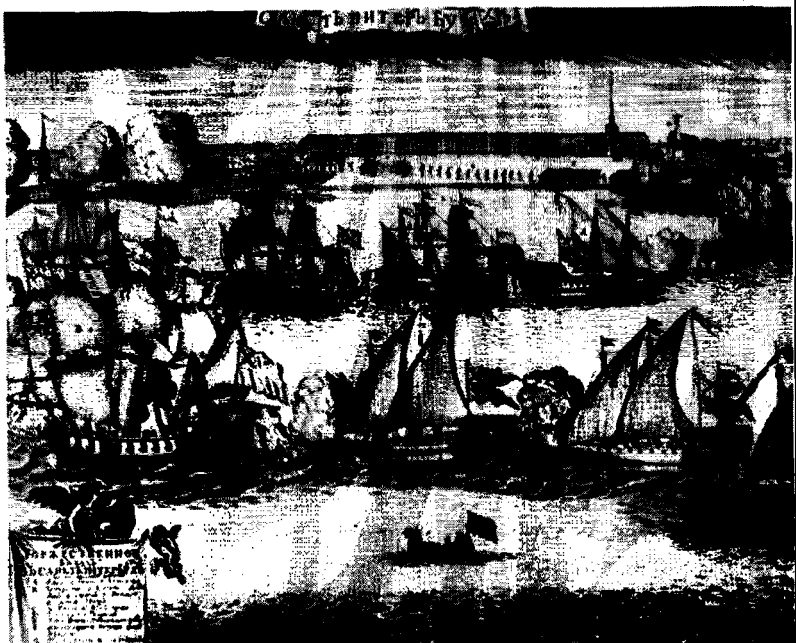

Рис. 5. А. Зубов. Торжественный ввод в Санкт-Петербург плененных шведских фрегатов

расположилась и лютеранская кирха²⁹. В слободах жили в основном в деревянных избах с русской печью и баней.

На речке Карповке, отделявшей Петербургский остров от Аптекарского, находились обширные дворы офицеров и царедворцев, именовавшиеся «загородными» или «мызами». Нашедший чертеж застройки этой части острова А. И. Копанев³⁰ утвер-

²⁹ Двор шведского пастора в Татарской слободе отмечен в переписи 1713 г. (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 30), и в одном из документов 1719 г. упоминается «пастор протестантской кирки, которая в Санкт-Петербурге в Татарской слободе» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 156. Л. 240). О Татарской слободе см. также: *Беспялых Ю. Н.* Указ соч. С. 98.

³⁰ *Копанев А. И.* Неизвестный чертеж Городского острова петровского времени // *Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 500–501.* Датировка чертежа (1723–1725) основана Копаневым на дате смерти коменданта М. О. Чемесова — 1723 г., заимствованной им у А. И. Богданова. Однако перепись 1718 г. свидетельствует, что М. О. Чемесова в мае 1718 г. уже не было в живых (Л. 149–149 об., 151, 211). На чертеже обозначено здание австери, построенной к 1720 г. Таким образом, чертеж мог быть выполнен в 1720–1725 гг.

ждал на его основе, что «набережная Карповки по социальному облику приближалась к районам Большой Невки и Дворянской улицы»³¹. Однако эти дворы, за небольшим исключением, имели скорее хозяйственное значение, здесь держали скот и возделывали огороды.

* * *

1718 г. оказался и очень тяжелым для всех столичных жителей, и переломным в судьбе Санкт-Петербургского острова. В 1716–1717 гг. столица жила без бдительного ока хозяина: Петр I пребывал в Европе. Он вернулся в Россию в октябре 1717 г., насыщенный впечатлениями и преисполненный новыми идеями относительно строительства Петербурга, мысли о котором и вдали от отечества его не покидали. Создание проектного генерального плана было поручено французскому архитектору Леблону, но фактически Петр сам продумывал каждую его деталь³². Все внимание царя оказалось направлено на Васильевский остров, который должен был стать образцовым районом города.

В 1718 г. Петербургский остров еще остается административным центром, на нем продолжается строительство, но он уже обречен на скорый упадок. Мазанковые дома «парадной» части города быстро обветшали и пришли в негодность. Иностранцы, писавшие о Петербурге в двадцатых годах, уже называют мазанковые здания «деревянными». Типографский двор, например, созданный как образец мазанкового здания, за 15 лет превратился в «скверную постройку»³³. Почти все требовало ремонта, но проще было строить на новом месте, чем заниматься перестройкой ветхого. Стихийную застройку слобод «спрямить» и замостить, а ее избы преобразовать на европейский манер тоже оказалось чрезвычайно трудным делом.

Параллельно с решением строительных проблем разрабатывалась новая система государственного управления: «декабрь 1717 г. можно считать этапным рубежом в истории государственной реформы», а к 1720 г. образование новой административной системы следовало закончить³⁴. 1718–1719 годы,

³¹ Копанев А.И. Указ соч. С. 501.

³² Иогансен М. В. К вопросу об авторстве генерального плана Петербурга петровского времени // От Средневековья к Новому времени. М., 1984

³³ Беснятых Ю. Н. Указ соч. С. 220.

таким образом, явились переходным периодом, с обычной в таких случаях неразберихой и нестабильностью. Реформа привела к уничтожению прежних государственных учреждений. Приказы были заменены коллегиями, и новое каменное здание для них с 1722 г. возводилось на Васильевском острове. С 1723 г. Сенат заседал уже в Зимнем дворце, а в 1727 г. здание канцелярий на Троицкой площади покинули и другие ведомства. Оно стало использоваться под мастерские, а в 1732 г. его снесли³⁵.

В 1718 г. было задумано учреждение городских магистратов, а в 1720 г. Главный магистрат получил Регламент и заменил собой петербургскую Ратушу; Ближнюю канцелярию сменила Ревизион-коллегия; Губернская канцелярия, передав свои функции Полицеймейстерской канцелярии и Юстиц-коллегии, как пишет А. И. Богданов, «отменилась»³⁶.

В 1726 г. Типография готова была к переезду в новое каменное здание на Васильевском острове, туда же, в новое каменное здание переместились лавки Гостиного двора; лавки старого Гостиного двора к 1735 г. «от старости пришли в совершенный упадок, поскольку были лишь фахверковыми»³⁷. Петропавловская крепость, утратившая свое военное значение, стала употребляться для купеческих складов и содержания арестантов. Но в 1718 г. еще завершалось ее строительство: в мае 1718 г. жители Санкт-Петербургского острова глазели на то, как поднимали большие брусья на купол и на шпиг колокольни церкви Петра и Павла³⁸. Знаменитая Аптека была перенесена на Дворцовую сторону, к 1736 г. от ее здания в крепости не осталось и следа³⁹. Некоторые из вновь создаваемых учреждений размещались на невской набережной Санкт-Петербургского острова в каменных хоромах знати, лишившихся своих прежних хозяев: в доме Р. В. Брюса (а затем кн. М. П. Гагарина) разместился в 1721 г. Синод, в доме

³⁴ Анисимов Е. В. Указ соч. С.115.

³⁵ Иогансен М. В. Здание «мазанковых коллегий» на Троицкой площади Петербурга. С. 81.

³⁶ Богданов А. И. Указ соч. С.155.

³⁷ Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 134.

³⁸ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. С.80.

³⁹ Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С. 357.

П. П. Шафирова — Академия наук, в доме П. А. Толстого — Инженерный корпус. Постепенно и высшие сановники перестали занимать резиденции на Петербургском острове, «после того как двор поселился по другую сторону реки и знать тоже пожелала жить ближе к нему»⁴⁰.

Пережив расцвет, Санкт-Петербургский остров быстро стал «малопрестижным районом» города, парадный фасад которого сместился на другие территории, своею роскошью и новизной затмив его стремительно устаревающие постройки. С.-Петербургский остров так и остался черновым наброском центра новой столицы; едва насчитывая в своей истории 25 лет, он уже получил название «Старый Петербург».

Но в 1718 г. жители этого острова еще не предчувствовали его плачевную судьбу и продолжали жить своей жизнью. Вернувшийся из-за границы Петр I вел расследование по делу царевича Алексея, дворец которого находился здесь же, на Санкт-Петербургском острове. В феврале из села Преображенского Петр отправил указ о запрещении кому бы то ни было выезжать из Петербурга до своего приезда, на дорогах организовали заставы⁴¹. В марте была проведена присяга царевичу-младенцу Петру Петровичу, проходившая в Троицкой церкви⁴². Скоро Петр и сам появился на берегах Невы, где и утвердил рождение зловещей Тайной канцелярии, занимавшейся делом царевича, но и с его смертью в июне того же года не прекратившей своей деятельности политического сыска. Страх попасть под репрессии преследовал многих жителей острова. В переписи 1718 г. то там, то здесь отмечены пустые дворы, владельцы которых уже отправились в ссылку. Головы казненных украшали Троицкую площадь.

Кроме того, долго отсутствовавший в Петербурге Петр был неприятно поражен тем, что в возводимом им «парадизе», оказывается, так много лачуг и хибар, и вплотную занялся проблемами города. В апреле — мае царь, сидя в Петергофе, набрасывал указы о строительстве фундаментов, крыш и печей новых домов на Васильевском острове, писал «пункты» о посадке деревьев и устройстве огородов, разрабатывал меры по установлению порядка в городе для обер-полицеймейстера, иначе говоря, он с присущей ему энергией включился в рабо-

⁴⁰ Там же. С. 125.

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 155. Л. 731–735.

⁴² РГА ВМФ. Ф. 234. Д. 10. Л. 67.

ту над усовершенствованием столицы. Для жителей это означало серию новых суровых распоряжений. Петр лично следил почти за каждым строением, за каждой улицей и за каждым ее жителем, с тем чтобы они соответствовали предписанным образцам и действовали согласно объявленным указам. Населению же это часто никак не удавалось, и оно находилось в постоянном страхе перед царским гневом.

Глава 2

Учреждения правопорядка

Эту главу о полиции и суде мне долго не хотелось включать в книгу, посвященную не учреждениям и реформам, а петербургским обывателям. Однако использование в исследовании таких материалов, как переписи или судебные дела, и одновременное игнорирование их «фондообразователей» оказывается вещью невозможной. Понимание основных механизмов деятельности бюрократической машины помогает постичь суть документов, ею производимых. Повествования, имеющиеся в текстах, невозможно просто так изъять из контекста бюрократических и судебных процедур. Ведь то, где, как, кем и с какой целью написан текст, влияет на его содержание и в конечном счете на его корректное понимание и исследованием, и читателем. Поэтому, прежде чем обращаться непосредственно к судебным документам, следует ответить на эти вопросы.

Кроме того, Губернская и Полицеймейстерская канцелярии, как и городские суды, оказываются неотъемлемой частью жизни Петербургского острова, а их служащие — обычными гражданами этого города.

«ВАЖНЕЙШАЯ В КРАЕ» (Губернская канцелярия)

Петербургская Губернская канцелярия, созданная в 1708 г. во время губернской реформы, являлась учреждением общего управления⁴³ при губернаторе А. Д. Меншикове. Ее деревянное здание располагалось в конце Большой Никольской улицы Петербургского острова, в достаточном удалении от центра. Канцелярия имела административные и судебные

⁴³ Бабич М. В. Губернская канцелярия // Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. С. 294.

функции. При ней была Расправная палата, осуществлявшая уголовное и гражданское судопроизводство. Во главе палаты стоял обер-ландрихтер Петербурга Федосей Семенович Мануков, его помощником был дьяк Дмитрий Никитич Овинов. Оба подчинялись вице-губернатору Степану Тимофеевичу Клокачову⁴⁴. Губернская канцелярия являлась канцелярией губернатора и, несмотря на новое название, была очень похожа на обычную городскую воеводскую приказную избу, в которой проходил воеводский суд. При воеводской избе (а в Москве — при Земском приказе) имелся съезжий двор, на котором содержались лица, задержанные по разным подозрениям⁴⁵, был он и при Губернской канцелярии. Примечательно то, что Ф. С. Мануков в 1736 г. получил должность «воеводы Санкт-Петербурга»⁴⁶.

23 января 1719 г. в Сенат были поданы следующие сведения о штате канцелярии: «На прошлый 1718 г. убыло из канцелярии 58 человек, из них 12 бежало; ныне в штате наличествуют 8 старых подьячих, 6 — средних и 23 молодых — всего 37 человек»⁴⁷. При канцелярии была также рота драгун и сторожа.

При Губернской канцелярии имелся «крепостной стол», в котором совершались сделки на покупку дворов, лавок и крепостных людей. Здесь же оформляли духовные завещания. Дворы в городе, их количество, размеры и их владельцы были записаны в составлявшиеся и хранившиеся здесь переписные книги⁴⁸. Указ 1714 г. предписывал хозяевам петербургских дворов осуществлять регистрацию «пришлых людей» в петербургской Губернской канцелярии⁴⁹, здесь оформляли и «жилые записи» на наемную прислугу.

Несколько военных лиц, состоявших при Губернской канцелярии, исполняли полицейские обязанности, они следили за порядком в городе: за требуемым внешним видом построек, за противопожарными мерами и за мерами безопасности,

⁴⁴ О Ф. С. Манукове, Д. Н. Овинове и С. Т. Клокачеве см.: Серов Д. О. Строители империи. Новосибирск, 1996. С. 234, 238, 242.

⁴⁵ О съезжих дворах см.: Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века. М., 1876. С. 90.

⁴⁶ Серов Д. О. Указ соч. С. 238.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 195. Л. 215 об. — 216

⁴⁸ Здесь хранились не только книги по Петербургу, но и по другим городам губернии (Описание дел и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. М., 1888. Кн. 5. С. 194).

⁴⁹ ПСЗ. Т. 5. № 2862.

за несанкционированной торговлей и содержанием притонов. Им подчинялись выборные от горожан сотские и десятские, которые наблюдали за порядком на своем участке⁵⁰.

В процессе административной реформы в 1719–1720 гг. все эти виды деятельности, осуществлявшиеся Губернской канцелярией, оказались возложенными на два ведомства: Полициеймейстерскую канцелярию и Юстиц-коллегию (особенно на Надворный суд). Губернская канцелярия стала заниматься непосредственно делами губернатора и переместилась ближе к его резиденции на Васильевский остров. Деревянное здание Губернской канцелярии несколько раз горело (в 1716 и, возможно, в 1720 г.), после чего документы были снесены в одну из казарм Петропавловской крепости, откуда и разбирались чиновниками разных ведомств вплоть до 1762 г.⁵¹

«ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДПОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» (Полициеймейстерская канцелярия)

В мае 1718 г. денщик Петра I португалец Антон Мануйлович Девиер был назначен генерал-полициеймейстером Санкт-Петербурга и возглавил Полициеймейстерскую канцелярию. Обязанности полиции были определены царем в «пунктах» Девиеру⁵², однако в дальнейшем Петр не раз уточнял и расширял круг возложенных на нее задач. Большинство этих задач выполнялось и ранее, но другими учреждениями⁵³. «Пункты», составленные в 1722 г. для московского генерал-полициеймейстера Грекова, были намного обширнее петербургских и учитывали петербургский опыт. В частности, в них разводились сферы компетенции полиции и Надворного суда, чего не было в «пунктах», писанных Девиеру: «Воров, которые пойманы

⁵⁰ Об исполнении в Петербурге полицейских функций до организации Полициеймейстерской канцелярии см. подробнее: *Луттов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 157–158.

⁵¹ Описание дел и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Кн. 5. С. 194.

⁵² Пункты генералу-полициеймейстеру // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 631–632.

⁵³ О заимствовании допетровских установлений, относящихся к городскому порядку, Полициеймейстерской канцелярией см.: *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов на свете...» — град святого Петра. СПб., 1999. С. 140–144.

будут в ево полиции слободах, кто б какова звания ни был, для скорого сыскания тех воровства и товарищей ево разыскивать и экзекуцию отправлять ему ж, полицеймейстеру, и репортовать в Надворный суд. А которые по челобитью в разбоях, татьбах и прочем тому подобном явяца, тем быть в Надворном суде, а ему, полицеймейстеру, розыском в такие дела не вступать»⁵⁴. Иначе говоря, полиция занималась теми преступниками и правонарушителями, кого с полицным ловили на улицах, а Надворный суд — теми, на кого поступали жалобы и судебные иски.

Судебной юрисдикцией над «гражданством» (т. е. посадскими и купеческими людьми) оказался наделен и Главный магистрат, поэтому магистратам в Генеральном регламенте (1721) указывалось работать в согласованности с полицией «к общенародной пользе, а не к повреждению» и в дела полиции не вмешиваться, «понеже полиция особливое свое состояние имеет». Далее следовало подробное описание задач полиции, большинство из которых не попало в «пункты» Девиеру, здесь же они даны в форме панегирика: «...а именно: полиция споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей города и в них улицы регулярно сочиняет (т. е. следит за прямизной улиц. — О. К.), препятствует дороговизне и приносит довольство во всем, потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам; и в домах запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения; призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце же над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности»⁵⁵.

Упоминания о полиции содержатся в самых разных документах, видимо, ее деятельность постоянно так или иначе ошущалась горожанами.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1206. Л. 35.

⁵⁵ Законодательство Петра I. С. 446.

Одним из главных дел полиции являлось выявление преступников и правонарушителей в городе: воров и мошенников, беглых колодников, беглых дворовых и крепостных, беглых рекрутов, дезертиров и просто лиц, без разрешения властей покинувших свое место жительства. Задержанные содержались на каторжном дворе, имевшемся при полиции, их допрашивали, «чинили экзекуции», а «распросные речи» отсылали в суд, где могли обнаружиться челобитные с заявлением о пропаже и ограблении, связанные с пойманным лицом. Петербуржцы пытались делать заявления о побегах и кражах («сносе») дворовых людей прямо в полицию, но там их не принимали и отсылали в суд⁵⁶. В свою очередь из суда в полицию отправляли осужденных, здесь их «распределяли» на каторгу. По словам купца Сахарова, отказывавшегося явиться в полицию, где «заложником» вместо него находился его сиделец (т. е. продавец в лавке), полиция могла и самостоятельно отправить человека на каторгу. Сахаров ссылаясь на собственный опыт: «...еже ли буде какое до него касалось дело по полицеймейстерским делам, — говорил он, — и мог [бы] ответствовать, токмо, де, за многоустрастием ему там отвечать невозможно, понеже многих купецких людей и ево, Сахарова, захватя во оную канцелярию и не допрашивая, отсылают в каторжную работу и бьют безвинно палками, в которой каторжной работе был он многое время»⁵⁷.

Для надзора за населением полиция использовала паспортный режим, именно в ее обязанности входила выдача паспортов, в том числе и иностранным подданным. Паспорт того времени давал разрешение на переезды с постоянного места жительства. Никто из иностранных граждан не мог покинуть Петербург, не получив паспорт на выезд.

Полиция также занималась контролем над жильем, она следила не только за его пристойным и пожаробезопасным состоянием, но и за распределением квартир для приезжих: полицеймейстер указывал, кого и куда поставить на постой, устраивал иногородних чиновников и иностранцев, опечатывал конфискованные помещения и проч.

В полиции оформлялись все «жилые записи», необходимые при поселении хозяином в свой дом жильцов или наемных работников: регистрация их в полиции была обязатель-

⁵⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 76 об.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 291. Д. 31. Л. 8 об.—9.

ной. О пойманных беспаспортных людях проводили расследование: посылали на указанное ими место жительства, где спрашивали о них соседей и родственников. Так, в январе 1721 г. в Полицеймейстерскую канцелярию в результате облав попали Петр Пичугин и Илья Лаптев, оба сказались «гулящими людьми», но у них не нашлось «покормежного письма» — документа, который выдавала община своему члену, удостоверяя, что он по бедности с ее согласия ушел «кормиться», т. е. искать работу за ее пределами. Полицеймейстер указал «допросить подлинно, для чего они из домов своих отбыли и сколь давно, и кто в домах остались, и чего ради в Санкт-Петербург пришли, и где и у кого жили, и коликое время, и до указу держать их под караулом». Пичугин оказался москвичом, уехавшим из слободы самовольно на заработки (см. о нем подробно с. 247), а Лаптев — новгородцем, нанявшимся «без ведома старосты», но с ведома отца сторожить барку с лесом, сплавлявшуюся до Ладоги, а затем — до Петербурга. Поскольку оба «подозрительных» оказались посадскими людьми, их передали «в колодках» в Главный магистрат для разбирательства. В конечном итоге обоих отпустили под расписку, так как их показания подтвердились⁵⁸. Подобным же образом разбирались и дела других «беспаспортных» лиц, если они оказывались бродягами, их отправляли на каторгу или в солдаты.

Другим средством к выявлению правонарушителей был контроль улиц в ночное время. «Рогатки» или «рогатошный караул», а по-новому «шлахбаумы», расставлялись по всему городу для охраны общественного спокойствия и поимки подозрительных лиц, шатавшихся по ночам. В караулах находились солдаты и выборные горожане. По данным Полицеймейстерской канцелярии, за 1723 г. «в Санкт-Петербурге ночных караулов у шлакбомов и промежду шлакбомех, кроме Васильевского острова, — 171 караул, на оные караулы выходят по вся ночи караульщики с жилых дворов, кроме соцких, и пятидесятих и десятих — 342 человека, которые стоят в ночь, и в зиму, и в лето в одну перемену»⁵⁹. Сотский, пятидесятский и десятский являлись выборными должностями от горожан, которые были призваны заниматься социальным контролем на определенной территории. Такой порядок существовал в русских городах давным-давно, минимум на протя-

⁵⁸ РГАДА. Ф. 291. Д. 10.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1209. Л. 373 об.

жении всего XVII в. Но если ранее сотские подчинялись губному старосте и воеводе, то в Петербурге они стали подчиняться главному полицеймейстеру.

Антон Девиер добивался перемены этой традиции и замены дежурных горожан на обученных полицейских. Тем не менее он считал, что и с необученными караульщиками он достиг определенных результатов: «И хотя ныне и переменные с жителей караульщики содержат(ся), однако ныне лучшее от того учинился порядок и безопасности, нежели прежде бывали ночные, а иногда и денные грабления, татьбы и драки»⁶⁰.

Полиция стремилась знать о каждом человеке, находящемся в Петербурге: кто он, где проживает и на каком основании. Тот, о ком ей это было неизвестно, оказывался подозрительным лицом и брался под караул.

Полиция следила за законностью торговли и имела постоянные стычки с купечеством (например, Главный магистрат получил сведения о том, что «человек с десять» взят с Гостиного двора с неклепленным серебром в полицию⁶¹). Досмотры торговых лавок производились с тем, чтобы не торговали краденными и не обложенными пошлиной товарами, особенно спиртным.

В «надзирании на Санкт Петербургском острову» состоял полицеймейстерских дел поручик Дм. Игнатьев (Ягнетев)⁶² и капитан М. Маслов. Они командовали на съезде дворе Петербургского острова, куда доставляли всех подозрительных лиц и нарушителей порядка⁶³. Игнатьев лично, в сопровождении сотского или десяткового, ходил по улицам острова и замечал, где какой непорядок, о чем составлял рапорт: например, «в Посадской слободе против двора посадского человека Алексея Кочергина каменного мосту (т. е. мостовой. — О. К.) не намощено, а оной, де, двор отписан на великого государя...»⁶⁴.

К 1723 г. штат полиции составлял 88 человек. Обмундирование полицейского состояло из епанчи, кафтана василькового с красным обшлагом, камзола красного или зеленого, штанов васильковых, картуза с красными отворотами, чулков

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1206. Л. 342–373.

⁶¹ РГАДА. Ф. 291. Д. 31. Л. 7 об.

⁶² О других «чиновниках с полицейскими функциями» см.: Агеева О. Г. Указ соч. С. 137–141.

⁶³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1563. Л. 7 об.

⁶⁴ Там же. Д. 1554. Л. 242.

красных и васильковых и галстука. Непременным предметом каждого патрульного полицейского был барабан, им он привлекал к себе внимание населения, делая объявления. Доведение до сведения населения царских указов также являлось обязанностью полиции. Жалованье полицейские получали из доходов собственной канцелярии, т. е. были «на хозрасчете»⁶⁵. Штат канцелярии требовал секретаря, комиссара, нотариуса, регистратора, архивариуса, канцеляриста и переводчика, нескольких копиистов и заплечных дел мастера, однако Девьер испытывал большие трудности с наймом писцов и использовал малолетних грамотных, но неопытных работников⁶⁶. Для рекламной продажи свеч нового свечного завода Полицеймейстерская канцелярия послала пять малолетних ребят торговать ими вразнос у церковей Петербургского острова⁶⁷.

«УДОБНЕЙШИМ ОБРАЗОМ УЧРЕЖДЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ» (Надворный и Нижний (Провинциальный) суды)

О надворных судах написано мало⁶⁸, они лишь упоминаются в связи с рассмотрением судебной реформы Петра I и исключительно на законодательных указах⁶⁹. В то же время материалы этих судов хорошо сохранились⁷⁰ и раскрывают их повсе-

⁶⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1206. Л. 163–168.

⁶⁶ Там же. Л. 432.

⁶⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1111.

⁶⁸ Наиболее обстоятельные описания деятельности Надворного суда см.: Надворный суд // Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 3; Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1909. С. 260–285.

⁶⁹ Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859; Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902; Судебная реформа / Под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М., 1915; Сташенко Л. А., Сафроненко К. Н. Государственный строй России первой четверти XVIII в. М., 1973; Peterson Cl. Peter the Great's administrative and Juridical reforms. Stockholm, 1979; Ефремова Н. Н. Судостроительство России XVIII — первой половины XIX в. М., 1993; Бабич М. В. Государственные учреждения России XVIII в. М., 1999 и др.

⁷⁰ М. В. Бабич указывает на фонды № 348 и 981, хранящиеся в РГАДА, а фонд № 285 (Юстиц-коллегия), в котором содержатся книги петербургского Надворного суда, попадает в «др.» (Надворный суд // Государственность России: Словарь-справочник. С. 179).

дневную практическую деятельность, которая пока не привлекала внимания исследователей⁷¹.

В Московском государстве XVII в. суд осуществлялся в приказах приказными судьями. Кто в каком приказе «был ведом», под его юрисдикцией и оказывался: городовое дворянство «ведал» Разрядный приказ, посадских людей Москвы — Земский приказ, сибиряков — Сибирский приказ, ямщиков — Ямской и проч. Идеей петровской реформы было создание по образцу шведской судебной системы единого бессословного гражданского суда, отделенного от администрации, с кассационной инстанцией. Но «шведский росток» не прижился на российской почве, уже в 1727 г. надворные суды закончили свое существование.

Еще в 1715 г., работая над Воинским артикулом, Петр I предполагал разделить все судопроизводство на военное (кригсгерихт) и гражданское (гофгерихт). Название «Надворный суд» явилось дословным переводом со шведского и фактически означало «гражданский суд», хотя прилагательное «надворный» имело значение «находящийся во дворе» или «при дворе»⁷². В «Кратком изображении процессов или судебных тяжб», посвященном воинскому суду, Петр высказался и о суде гражданском: «По нашему намерению правосудие удобнее последующим образом учреждено быть может: В гражданской суд, который во время миру и войны в каждом государстве определен есть и разные ссоры и брани между подданными разных чинов происходящие оной же власти судейской подтвержены суть»⁷³. Высший военный суд должен был являться кассационным органом для гражданского суда. После завершения трудов над военным судопроизводством, в 1718 г., в связи с областной реформой дело дошло до преобразования гражданского суда⁷⁴. Сначала была образована Юстиц-коллегия, призванная разработать подчиненную ей гражданскую систему судопроизводства. 3 декабря 1718 г. Юстиц-коллегия внесла в Сенат законодательное предложение новой судебной системы. После проработки

⁷¹ Исключение составляет работа М. О. Акишина, кратко описавшего деятельность надворных судов Сибири: Акишин М. О. Полицейское государство и Сибирское общество. Новосибирск, 1996. С. 98–102.

⁷² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1983. Вып. 10. С. 62.

⁷³ Законодательство Петра I. С. 824, 839.

⁷⁴ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. № 372.

множества ее вариантов⁷⁵ судебная система получала следующий пятиступенчатый вид:

1) суды в небольших городах, куда Юстиц-коллегия назначала судей ландрихтера со штатом ассессоров⁷⁶;

2) Нижний (вскоре переименованный в Провинциальный) суд в городах-центрах губерний и провинции;

3) «высший» Надворный суд, который принимал к ведению и пересмотру дела Нижних судов, а также самостоятельно занимался тяжкими преступлениями;

4) Юстиц-коллегия, которой подчинялся Надворный суд;

5) Сенат — высшая инстанция, отправляющая самостоятельное судопроизводство, но в основном работающая с апелляциями⁷⁷.

8 января 1719 г. были определены города, в которых устанавливались Надворные суды: Санкт-Петербург, Москва, Казань, Курск, Ярославль, Воронеж, Нижний Новгород, Смоленск и Тобольск⁷⁸, а также Енисейск и Рига⁷⁹.

Именной указ о создании Надворного суда последовал 8 апреля 1719 г.⁸⁰, а правила его деятельности повелевалось составить Юстиц-коллегии⁸¹, иначе говоря, процедурные вопросы судопроизводства предполагалось установить после того, как судебное учреждение уже было организовано и начало действовать⁸². Инструкция оказалась разработана только к 1722 г., но и она по ряду причин не была опубликована⁸³. Поэтому Надворный и Нижний суды Петербурга, приступившие к деятельности уже в начале 1720 г., как до создания инструкции, так и после нее работали приблизительно по той же схеме, что была и в московских приказах, дополнительно ориентируясь на статьи Воинского артикула и, главное, на «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (1716), где Петр I четко расписал все этапы судебного процесса. Прези-

⁷⁵ См.: *Peterson Cl. Op. cit.* P. 311–332.

⁷⁶ Например, при новгородском судье Иване Мякингине Юстиц-коллегия постановила «быть в ассессорах для разправы тех дел четырех человек». См.: РГАДА. Ф. 285. Оп. 2. Д. 1554. Л. 184

⁷⁷ *Воскресенский Н. А.* Указ соч. С. 378–379. № 381.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 71451. Д. 11. Л. 5.

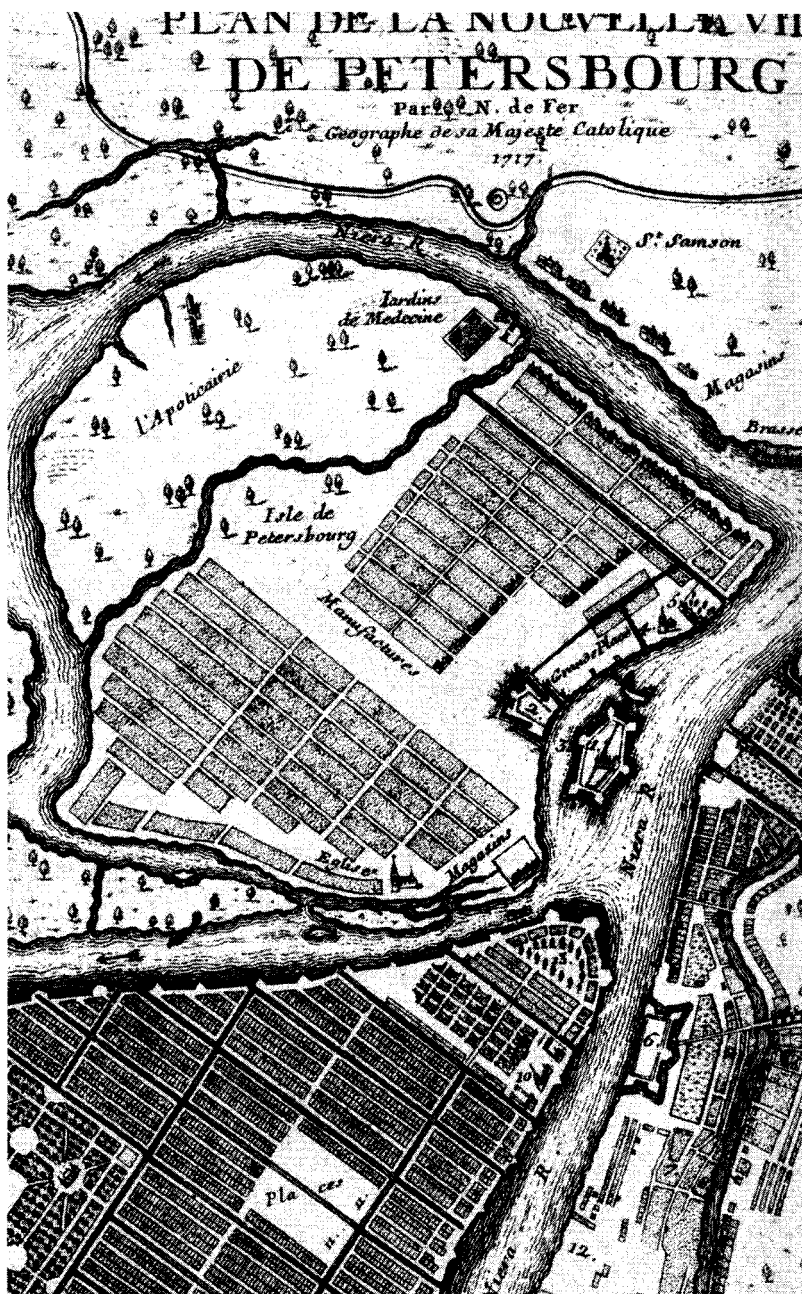
⁷⁹ *Богословский М. М.* Указ соч. С. 186.

⁸⁰ ПСЗ. Т. 5. № 3, 269; ПРП. Вып. 8. С. 68–69.

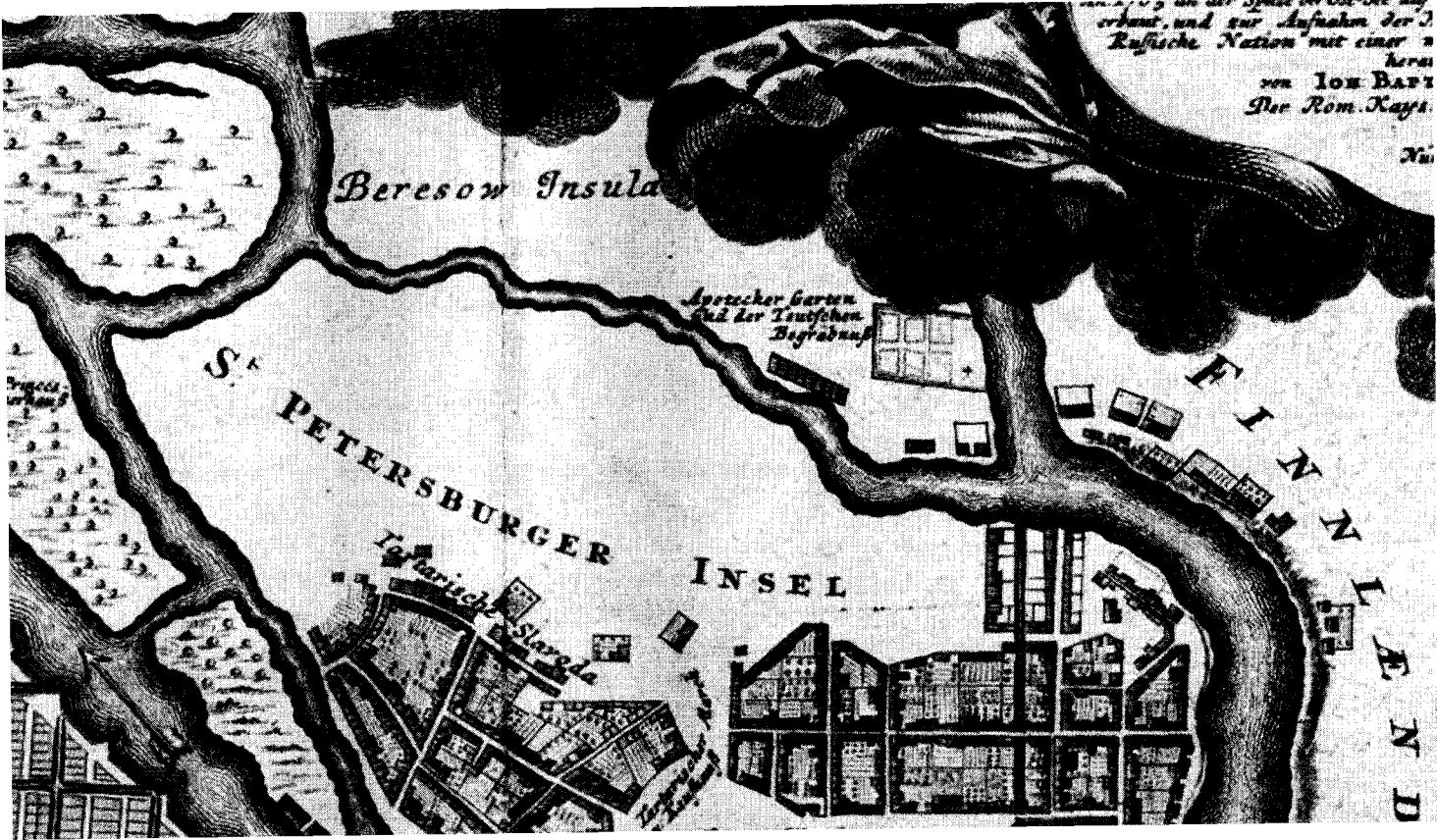
⁸¹ ПСЗ. Т. 5, № 3344.

⁸² О процедурных вопросах см.: *Peterson Cl. Op. cit.* P. 332–355.

⁸³ *Богословский М. М.* Указ соч. Приложение. С. 4–97.

Фрагмент «Плана нового города Петербурга» Н. де Фера, 1717 г.

an der Spitze der Insel liegt
erbaut, und zur Aufnahme der
Russische Nation mit einer
heraus
von ION BAPT
Der Rom. Kays.

Beresow Insula

Apotheker Garten
Friedhof der Deutschen
Begräbnis

S. PETERSBURGER

INSEL

Historische Slaweta

F I N Z
L E N D

Фрагмент топографического плана Петербурга М. Зейтнера, 1744 г.

дентами Надворных судов стали губернаторы и вице-губернаторы, что, как единодушно отмечают исследователи, не только нарушало принцип отделения суда от администрации, но и соответствовало практике XVII в.⁸⁴

Надворный суд, судя по всему, находился в одном здании с Юстиц-коллегией, а Нижний (Провинциальный) — где-то в другом месте. В конце 1719 г. большая часть подъячих Губернской канцелярии была переведена в ведомство Юстиц-коллегии, в том числе и в Надворный суд⁸⁵. Происходил мучительный для тяжущихся процесс переноса дел в другую инстанцию, отчего их рассмотрение затягивалось. В декабре 1720 г. из Губернской канцелярии были запрошены следственные дела по реестру, «а те дела в Надворный суд велми надобны, понеже по оным делам содержатся многие колодники». Однако в передаче этих дел произошла заминка потому, что «подъячий Сапогов тех дел (из Губернской канцелярии. — О. К.) не отдает». Лишь через какое-то время выяснилось, что он и сам находится под караулом. Юстиц-коллегия срочно просила на время выполнения этого поручения выпустить подъячего из-под ареста⁸⁶. В Надворный суд из Губернской канцелярии переводились и содержавшиеся при ней на тюремном дворе колодники⁸⁷.

Существует именная роспись сотрудников московских, а не петербургских Надворного и Провинциального судов 1723 г., однако очевидно, что он строился по образцу петербургского и не сильно от него отличался, если отличался вообще⁸⁸. Надворный суд состоял из: вице-губернатора, двух судей, двух секретарей, двух дьяков, нотариуса, пятерых «старых» подъячих, восьмерых «средних» подъячих, одиннадцати «молодых» подъячих, шестерых сторожей. Канцелярия при суде имела свой штат: два дьяка, три «старых» подъячих, три «средних», семь «молодых».

Провинциальный суд имел следующий штат: обер-ландрихтер, три ассессора (судьи), нотариус, выполнявший должность не явившегося к службе секретаря, 15 «старых» подъя-

⁸⁴ Там же. С. 187–188; *Peterson Cl. Op. cit.* P. 331; *Акишин М. О.* Указ. соч. С. 98.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 195. Л. 215 об.—216.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1553. Л. 5–5 об.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 195. Л. 309.

⁸⁸ О штате надворных судов см.: Надворный суд // Государственность России: Словарь-справочник. С. 177.

чих, 17 подъячих «средней статьи», 9 «молодых», 26 «негодных» подъячих: старых и больных, но тем не менее бравших временную работу, 20 учеников. В Крепостной конторе числились: дьяк, один «старый» подъячий, один «средней статьи», 3 «молодых», 4 надсмотрщиков, 20 писцов, 4 «челобитенных писцов», 2 сторожа⁸⁹. В росписи не указаны солдатское подразделение, курьеры, а также заплечных дел мастера.

В компетенции Надворного и Нижнего (Провинциального) судов оказывались дела по гражданским искам и уголовные; особо тяжкие «разбойные дела» рассматривал только Надворный суд. Крепостная контора, занимавшаяся нотариальным оформлением документов, действовала при Юстиц-коллегии⁹⁰. Вне ведения Надворного суда находились спорные поземельные дела, которыми занимался Приказ вотчинных дел и его наследница Вотчинная коллегия, а также политический сыск⁹¹, семейное право⁹², должностные преступления особо крупных размеров⁹³.

Наряду с Надворным судом продолжали действовать и другие судебные органы: церковный (синодальный) суд для духовенства, военный (кригсгерихт) — для военных; Главный магистрат (с 1721 г.) стал судебным учреждением для посадских людей и купечества; знать обращалась с жалобами прямо в Юстиц-коллегию и в Сенат.

В силу издавна сложившейся традиции Московского государства, не исчезнувшей и в Петербурге, людей часто не судили, а подвергали административному наказанию в тех учреждениях, к которым человек был причастен по роду своей деятельности. Яркие примеры административного произвола имеются среди данных, собранных в 1723 г. Главным магистратом о своих «подопечных» посадских людях, томящихся в различных застенках Петербурга, особенно в Надворном суде

⁸⁹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 2. Л. 225–233.

⁹⁰ См.: Балакирева Л. М. Создание Крепостной конторы при Юстиц-коллегии (1719) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000.

⁹¹ См. Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

⁹² Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991.

⁹³ О комиссиях см.: Бабич М. В. Комиссии как государственные учреждения Петровской эпохи // Российское самодержавие и бюрократия. Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: Из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения. СПб., 2001. Вып. 1: Эпоха Петра Великого.

и в Полицеймейстерской канцелярии. Например, петербургский житель Селиванов по иску своего брата был взят в Соляную контору и «бит смертным боем палками» и «распрашиван с пристрастием» о взятых в Шуге «соляных деньгах». В Главном магистрате справедливо посчитали, что «Соляной конторег того челобитья и принимать не подлежало». Другой торговец — Федоров — был «взят» к вице-адмиралу Змаевичу, а лавку его опечатали, потому что он подозревался «в приеме у матроса краденных денег и пожитков». В более вежливой форме, но и ему магистрат указал на то, что «помянутому вице-адмиралу к своему суду, не снесшись с Главным магистратом, по челобитью брать, и лавки печатать, и судить не подлежало»⁹⁴. Иначе говоря, осуждением и наказанием людей многие учреждения занимались, выходя за рамки своей компетенции.

В некоторых челобитных, поданных в Надворный суд, упоминаются случаи, когда сначала истец пытался пожаловаться на своего обидчика его начальству, но тот жалобу не принял и велел обращаться в суд. Например, дьяк Ф. Богданов, которого побил прапорщик И. Бешенцов, «извещал» о том капитана Заборовского, на что капитан посоветовал обратиться в Надворный суд «или другую канцелярию»⁹⁵. Не кто иной, как сам судья Нижнего (Провинциального) суда дьяк Дмитрий Овинов «бил челом» лейб-гвардии майору Матюшкину на двух коллежских ассессоров, нанесших ему бесчестье, тот же направил его в Юстиц-коллегию⁹⁶.

Людям казалось удобнее разрешать конфликты, не прибегая к суду, поскольку внесение дела в суд требовало от истца серьезных жертв: времени, немалых денег, душевных и физических сил. Тем не менее существовали причины, заставлявшие многих идти на все эти жертвы, о чем говорит значительное количество дел, внесенных в петербургские суды, рассмотрение которых вскоре начало превышать их возможности. В 1722 г. Сенат запросил из Надворного суда реестр «невершенных» (т. е. нерассмотренных. — О. К.) им дел. Видимо, сенаторам поступало много жалоб на волокиту. Ассессоры Надворного суда в ноябре 1723 г. ответили, что «во оном, де, суде имеется та с четыре тысячи дел, в том числе

⁹⁴ РГАДА. Ф. 291. Д. 31. Л. 7 об., 9.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 31.

⁹⁶ Там же. Д. 1570. Л. 91.

невершенных более двух тысяч пятисот, из которых многие зачались в давних летех и за сем по 1722 год не вершены... и о каждом деле объявить невозможно. А в 1722 году с февраля месяца судьи в том Надворном суде никого нет... и непрестанно дела и колодники умножаются⁹⁷». В 1727 г. надворные суды были отменены, — их опыт сочли неудачным и снова ввели воеводский суд.

Итак, знакомство с учреждениями, в стенах которых были произведены тексты, послужившие «строительным материалом» для данной книги, произошло. Теперь настало время охарактеризовать и сами тексты.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1920. Л. 132–133 (за указание на этот документ благодарю Д. О. Серова).

Глава 3

Сказки, явки и другие источники

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ОСТРОВ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСЕЙ

Любите ли вы переписи так, как люблю их я? Скорее всего — нет. Но это только потому, что мало кто погружается в бюрократическую поэтику с надеждой увидеть за нею не только сухие цифры, но и живую материю текста. Материалы переписи однотипны и однообразны, но они же — совершенно различны. Материалы переписи громадны и бесконечны, их невозможно охватить сознанием, и они же чудодейственно превращаются в небольшие наглядные таблицы. Как это происходит — трудно объяснить. Со случайного знакомства с переписью начался мой долгий путь создания этой книги и именно переписи легли в ее основу, хотя жанр книги сейчас уже трудно назвать историко-демографическим. Обратимся же к рассказу о них.

* * *

Переписи⁹⁸ населения были одним из постоянных мероприятий внутренней политики Петра I. Их проведение вызывалось необходимостью налогообложения и рекрутских наборов, поэтому переписи в первую очередь фиксировали тяглое

⁹⁸ Историко-демографические исследования, посвященные XVIII в. в России, обычно базируются на материалах ревизских переписей, первая из которых относится к 1719 г. О переписях см.: *Ключев М. В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911; *Горская Н. А.* Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994, 165–201; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империализма (XVIII — нач. XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 16–166. О городских (ландратских) переписях см.: *Kaiser D.* Urban Household Composition in Early Modern Russia // *Journal of Interdisciplinary History*. 1992. Vol. 23, № 1.

население, а также «военнообязанное» население мужского пола. В 1710 г. в связи с реформой городского управления был издан наказ губернаторам, требовавший в городских переписях фиксацию всего населения дворов без исключения, как мужчин, так и женщин, а также детей, включая новорожденных⁹⁹. Населению объявляли в церквях и на площадях царский указ о проведении переписи и о предоставлении городским властям сведений о лицах, проживающих в каждом дворе. «Двор» был той хозяйственной единицей, которая традиционно лежала в основе российских переписей¹⁰⁰, с него взимался налог. Хозяин двора подавал так называемую «сказку»¹⁰¹, внося в нее сведения, согласно требованиям указа. На основе сказок составлялись переписные («ландратские») книги, систематизированные по разным позициям.

Четко продуманная на бумаге, в реальной действительности работа по проведению городских переписей оказалась непосильной. В Сенат из городов поступали разрозненные, неполные сведения, которые не давали желаемой четкой картины количества и состава населения. Бум переписной активности к 1721 г. закончился, правительство разочаровалось в ее результатах¹⁰².

* * *

Переписи XVIII в., проведенные в Петербурге, остаются до сих пор почти не исследованными. В «Статистических сведениях о Санктпетербурге», изданных МВД в 1836 г., в качестве первой сохранившейся переписи Петербурга указывается перепись 1764 г.; хотя составителю книги был известен указ о проведении переписи 1737 г., ее материалов он не знал и их не использовал¹⁰³. Перепись 1737 г. была введена в научный оборот Л. Н. Семеновой, считавшей ее «первой в России пере-

⁹⁹ ПСЗ. Т. 4. № 2253.

¹⁰⁰ О русском понятии «двор» см.: *Hellie R. The economy and material culture of Russia. 1600–1725. Chicago, 1999. P. 395.*

¹⁰¹ В работе над переписью 1717 г. использовали термин «ведомость» для подаваемого хозяином двора документа с соответствующими сведениями, над переписью 1718 г. — синонимичный термин «сказка».

¹⁰² *Ключков М. В. Указ соч. С. 354–355.*

¹⁰³ *Статистические сведения о Санктпетербурге. СПб., 1836. С. 112–113.*

писью наличного городского населения»¹⁰⁴. В том же году в Петербурге проводилась и церковная «исповедальная» перепись¹⁰⁵. Действительно, обе переписи стоят первыми в ряду полностью сохранившихся по всему Петербургу¹⁰⁶, однако самыми ранними они не были. Архивные разыскания показали, что подобные переписи проводились уже в петровское время.

С 1710 по 1718 г. на Санкт-Петербургском острове процедура переписи проводилась четыре раза. Переписывались и другие части города, но сохранились материалы переписей в наиболее полном объеме именно по этому району¹⁰⁷. Каждая из переписей помещала в центр внимания свой объект — постройки, дворовладельческие права, состав населения. Таким образом, переписи дают разносторонние сведения об одном и том же интересующем нас объекте — о жизни Санкт-Петербургского острова.

Перепись дворов 1710 г.

Ингерманландская губерния, в которую входил Петербург, была в рамках губернской реформы подвергнута переписи одной из первых. Эта перепись была поручена в 1707 г. ландрихтеру, а затем — вице-губернатору Петербурга Якову Римскому-Корсакову¹⁰⁸, но данных по Петербургу в сохранившихся документах не имеется¹⁰⁹. Однако есть сведения о том, что перепись захватила и Петербург: на нее неоднократно

¹⁰⁴ Семенова Л. Н. Источник о первой в России переписи наличного городского населения (Переписные книги Петербурга 1737 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 268.

¹⁰⁵ Варламова Н. А. Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988.

¹⁰⁶ К сожалению, данные этих переписей, нуждающиеся в компьютерной обработке, остаются лишь внешне описанными в указанных статьях Л. Н. Семеновой и Н. А. Варламовой и фактически не введены в научный оборот.

¹⁰⁷ Поэтому ошибочно утверждение О. Г. Агеевой о том, что «описания-переписи» дворов Петербурга петровского времени «сохранились только за 1717 г. и только относительно Адмиралтейской стороны» (Агеева О. Г. Указ соч. С. 220).

¹⁰⁸ ПСЗ. Т. 4, № 2130. Сводный табель результатов переписи был подан в марте 1711 г. в Ближнюю канцелярию (Ключков М. В. Очерки подушной переписи при Петре Великом // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1915. № 1. С. 21–23).

¹⁰⁹ См.: Описание дел и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Кн. 5. Приложения.

ссылаются жители Петербургского острова в своих сказках, поданных в 1717 г. в Губернскую канцелярию. Из них становится известно, что в 1709—1710 гг. стольник Василий Жемайлов переписывал на Санкт-Петербургском острове дворы и пустые участки «где кто занял или кому дано, измеряв, писал в писцовые книги... а вышеписанные писцовые книги взяты в Губернскую канцелярию»¹¹⁰. С этой книгой следовало сверяться при всех дальнейших земельных сделках в городе.

Переписную книгу Жемайлова мне не удалось найти, но она не сгорела во время пожара, случившегося в Губернской канцелярии в 1716 г., что следует из множества помет, сделанных на материалах переписи 1717 г. и отсылающих к переписной книге 1710 г.

Перепись строений 1713 г.

Данные переписи 1713 г. вошли практически во все труды, посвященные юности новой российской столицы, через ее пересказ, сделанный исследователем конца XIX в. П. Н. Петровым в его фундаментальной книге о Петербурге¹¹¹. Но пересказывать в тексте длинную перепись дело непростое, и потому у Петрова получился лишь эскиз, сделанный с оригинала. Оригинал же, использованный Петровым, давно считается утраченным: таковым его объявил другой авторитетный историк раннего Петербурга — С. П. Луппов¹¹², и его мнение повторяется во многих работах¹¹³. К счастью, оно не верно, перепись не утрачена и даже никогда не терялась, ее подлинник находится в Москве, на том же самом месте, где был при П. Н. Петрове¹¹⁴; кроме того, существует ее точная копия, сделанная для него и хранящаяся в Петербурге¹¹⁵.

Каковы были задачи этой переписи? Подъячим Петербургской губернской канцелярии Семену Яковлеву, Андрею Уланову, Алексею Маркову по царскому указу было велено «переписать дворы, солдатские избы и казармы, все, что есть и что в каждом дворе изб и бань, и поварен, и в них печей и

¹¹⁰РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1064; а также Д. 1065, 1137 и др.

¹¹¹Петров П. Н. Указ соч. С. 95—101.

¹¹²Луппов С. П. Указ соч. С. 9.

¹¹³Беснятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 81; Копанев А. И. Неизвестный чертеж Городского острова петровского времени С. 500—501; Агеева О. Г. Указ соч. С. 220 и др.

¹¹⁴РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817.

¹¹⁵РО РНБ. Ф. 575. Д. 126.

очагов, и всякого строения порознь немедленно» и передать перечневую выпись в Губернскую канцелярию. Какие цели преследовало правительство, организовывая ту или иную перепись, оно ни населению, ни переписчикам не объясняло. Мне представляется, что эти сведения нужны были для расчета солдатского постоя и подселения во дворы людей, приезжавших по казенной надобности. Количество лиц, которые могли бы проживать в одном дворе, зависело не только отимеющихся строений, но и от наличия в них очагов тепла.

Работу проводили подьячие Губернской канцелярии, сделавшие соответствующую опись всех дворов. Форма, по которой описывался двор, демонстрирует следующий краткий пример: «Двор генерала Якова Вилимовича Брюса, строения две светлицы, при одной комнатка, в них три печи, да три избы вновь строяцца бес печей»¹¹⁶. Перепись сохранилась полностью, на 85 листах¹¹⁷.

Таким образом, материалы переписи 1713 г. дают представление о топографии Петербургского острова, называют по имени и званию всех хозяев дворов, показывают общее количество домохозяйств, их расположение в районах, а также внутренние постройки в каждом дворе (жилые и хозяйственные).

Перепись дворовладельцев 1717 г.

На этот раз Петр I, находившийся в 1717 г. за границей, потребовал у губернатора А. Д. Меншикова собрать и прислать ему сведения о количестве дворов в Санкт-Петербурге и о том, с какого времени и на каких основаниях хозяева ими владеют. «Инструкция» от 28 апреля 1717 г., посланная от имени А. Д. Меншикова в Губернскую канцелярию, гласила, что «его царское величество» требует прислать «подлинную ведомость о дворовом при Санктпитебурхе числе», для этого следует выделить дьяков и подьячих «добрых» (т. е. квалифицированных), «чтоб те дворы всяких чинов людей переписали имянно (точно. — О. К.), безо всякого замедления, дабы оную в скором времени к его величеству отправить, також и ямские и прочие слободы по тому ж отписать имянно, не обходя ничьих дворов, какое б кто звание ни имел, и кто в котором году

¹¹⁶РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 2.

¹¹⁷Последние листы переписи при сшивке в тетради попали в начало рукописи и пронумерованы как л. 15–18, это создает ложное впечатление утраты последних листов. За помощь в работе с этой рукописью благодарю И. Г. Шаховцову и Л. В. Мошкову.

поселился, в том числе и салдатские; и когда она опись окончитца, изготовить перечневую ведомость погодно и объявить ему, светлейшему князю». Перепись прошла по всему городу, работа же на Санкт-Петербургском острове была поручена дьяку Ивану Свешникову¹¹⁸: «всяких чинов людей и в салдатских слободах дворы переписать со всяким поспешением, а кто в котором году и по каким указом теми дворами поселился, о том тех дворов у владельцев вышних персон у людей их, и кому те дворы от них приказаны, а у шляхетства и нижних чинов у самих, взять ведомости за руками; и по тем их ведомостям в переписных книгах¹¹⁹ под каждым двором отметить имянно. Окончив оную перепись и учиня всем дворам переписные книги, и для объявления светлейшему князю и тех книг перечневую ведомость и табель о поселении тех дворов по годам и по чинам, за своею рукою подать в Санкт-Петербургской канцелярии в немедленном времени»¹²⁰.

Близкая по содержанию инструкция была 23 апреля послана А. Д. Меншиковым майору Г. П. Чернышеву, которому поручалась организация переписи на Адмиралтейской стороне¹²¹.

Перепись 1717 г. замечательна тем, что сохранились документы от всех этапов ее проведения: и сами сказки (или ведомости), поданные жителями, и перечневые выписи, и таблицы¹²². Сбор сказок начался 4 мая 1717 г. и закончился в июне; судя по датам на сказках, ею занимались ежедневно без выходных и праздников. Результаты этой работы были переданы дьяком Свешниковым в Губернскую канцелярию 24 августа 1717 г.¹²³

¹¹⁸Иван Денисов сын Свешников в 1721 г. стал обер-ландрихтером Воронежского провинциального суда (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Кн. 92. Л. 331). За указание на эти сведения благодарю Е. В. Анисимова.

¹¹⁹Как представляется, речь идет о сверке новых данных с переписными книгами Василия Жемайлова. На сказках переписи есть пометы «подписано», т. е. данные сказок подписаны к первоначальным сведениям книги.

¹²⁰РГАДА. Ф. 198. Д. 94.

¹²¹Перечневая выпись 1717 г., сделанная по Адмиралтейскому острову: РГАДА. Ф. 198, № 79.

¹²²РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1054–1420; Ф. 198. Д. 642; Ф. 199. Портф. 150. Ч. 17. Д. 4.

¹²³РГАДА. Ф. 198. Д. 642. Л. 52.

Пример текста одной из сказок 1717 г.: «Оружейной канцелярии живописец Иван Григорьев сын Адолский имеет двор на Санкт-Петербургском острове в приходе у церкви Пресвятой Богородицы Казанской, покупкой в 1713 г. апреля в 4 день архангелогородского полку у адъютанта Василия Иванова сына Журавина, и владею по купчей, писанной в Санкт-Петербургской Губернской канцелярии. Живописец Иван Адолский руку приложил. Мая в 28 день 1717 году»¹²⁴.

Сказки 1717 г. сохранились не полностью, мне известно около 350 сказок. Переписчики дворов на Санкт-Петербургском острове насчитали их 1678, включая те 325 дворов, сведения о которых оказались неподанными¹²⁵.

С итогового табеля переписи было сделано несколько копий и вариантов — для Губернской и Полицеймейстерской канцелярий, для Кабинета Петра I, возможно, и для других учреждений. Разбросанные по разным архивным фондам, они практически не изучены. Впервые данные переписи были опубликованы по копии из Московского государственного архива иностранных дел (МГАМИД) в «Объяснении к историческим планам столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1839 год» (СПб., 1843)¹²⁶, отсюда они вошли в «Очерки истории Ленинграда» и другую справочную литературу¹²⁷.

Архивный подлинник Табели 1717 г. в 1947 г. был использован Л. Р. Куракиным в кандидатской диссертации по истории архитектуры под названием «Массовая застройка Петербурга в XVIII веке»¹²⁸, с публикацией материалов МГАМИД автор оказался не знаком. Молодой архитектор, не имевший

¹²⁴РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1172.

¹²⁵РГАДА. Ф. 199. Портф. 150. Ч. 17. Д. 4.

¹²⁶Здесь на с. 8 приведены и заглавия документов: «Таблица о числе домов в С.-Петербурге по Адмиралтейскому острову, с 1702 по 1717 гг. с означением свобод» (ныне это документ или его другая копия — РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 79); «Табель из переписных книг, что при Санкт-Петербурге на Санкт-Петербургском острове и на Московской и на Выборгской сторонах переписи дьяков Ивана Свешникова, Луки Колошина, нынешнего 1717 году дворов, ис какого году построено и по каким указом, кроме Адмиралтейства и Васильевского острова» (ныне это документ или его другая копия — РГАДА. Ф. 199. Портфель 150. Ч. 17. Д. 4.).

¹²⁷Очерки истории Ленинграда М.; Л. 1955. Т. 1; Население // Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград. Энциклопедический справочник. М., 1992. С. 417; Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 6 и др.

¹²⁸Диссертация Л. Р. Куракина хранится в библиотеке МГАРХИ.

специальной исторической подготовки, не сумел сделать правильных ссылок на архивные источники, в том числе и на скопированный им Табель 1717 г.¹²⁹ Не понял он, какие именно данные вносились в перепись, с какой целью она делалась (подробнее см. гл. 7, с. 146). С. П. Луппов, автор по сей день наиболее значимого исследования о застройке Петербурга петровского времени¹³⁰, не смог ни обойти вниманием работу Куракина, ни обнаружить в архиве документов, приведенных в ней, и ему пришлось привести их в своей книге по диссертации последнего, сравнив с публикацией МГАМИД. И уже из работы Луппова цифры численного количества петербургских дворов до настоящего времени входят во все исследования по истории Петербурга¹³¹.

Информативная отдача этой переписи гораздо больше, чем общая цифра количества дворов. Сказки 1717 г. раскрывают историю заселения Петербургского острова, пути приобретения дворов и интенсивность купли-продажи дворовых мест. Через них видна вся процедура работы над переписью, становится понятным происхождение тех цифровых данных, которые входят в исследовательскую и справочную литературу (подробнее см. гл. 7, с. 147–149).

Перепись жителей острова 1718 г.¹³²

В 1718 г. население Петербурга снова было потревожено очередным указом о переписи. Этот указ мне не известен, но на него сослался в своей сказке «купецкий человек» Игнатий Пряжников: «...его великого государя указ, который опубликован (объявлен. — О. К.), он слышал» (л. 37). Иначе говоря, указ по заведенному порядку объявлялся на торговых местах и в церквях¹³³. По одному из более поздних указов о переписи

¹²⁹ Ссылка на табель оказалась такой: «Кабинет Петра. 2 отдел». Сделанный мною просмотр описей 2-го отдела Кабинета Петра не привел к обнаружению там Табеля 1717 г., были найдены другие ее копии».

¹³⁰ Луппов С. П. Указ соч. С. 28–29.

¹³¹ См.: Население // Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград. С. 417; Семенова Л. Н. Указ соч. С. 5–6; Агеева О. Г. Указ соч. С. 95.

¹³² РГАДА. Ф. 26. Оп.1. Ч. 3. Д. 8451–8662. Л. 325–497 об. и Д. 8663–8947 Л. 1–265. Далее ссылки на листы переписи 1718 г. даны в тексте. Благодарю Д. О. Серова за то, что он обратил мое внимание на данный источник.

¹³³ Е. В. Анисимов отмечает следующие места Санкт-Петербургского острова, на которых «публиковались» царские указы: «у Акцизной каме-

(от 1721 г.) ясно, что жители должны были расписаться в том, что они с указом ознакомлены¹³⁴.

Задачей переписи являлся учет всего населения С.-Петербургского острова, проживающего на нем в момент переписи как постоянно, так и временно. Требовалось указать возраст, чин и род деятельности каждого из жителей.

Представляется, что перепись проводилась для нужд полиции. Она была начата 1 мая 1718 года, а 25 мая последовал указ об учреждении Полицеймейстерской канцелярии. Эти два события представляются тесно связанными между собой, так как новое учреждение, отвечающее за порядок в городе, нуждалось в создании регистрационных книг, фиксировавших как постоянных жителей, так и приезжих, останавливающихся в Петербурге. Ранее этим занималась Губернская канцелярия¹³⁵. То, что перепись делалась для полиции, подтверждается и полицейской переписью Петербурга 1737 г., которая имеет похожий, но более обстоятельный формуляр¹³⁶.

Всего от переписи 1718 г. сохранилось 460 сказок, а должно их было быть около полутора тысяч. Ни «перечневая выпись», ни табель этой переписи мне не известны, как не известны и сделанные на нее ссылки в других документах. Возможно, сказки так и остались не обработанными, работа с ними из-за множественности данных представляется очень трудоемкой.

Как и в переписи 1717 г., каждая из сказок 1718 г. начинается с указания на имя и социальный статус того, кто сказку «сказал», затем указывается местоположение двора, о котором идет речь. Далее сообщается, кто является хозяином двора (это мог быть и сам податель сказки, и другое лицо). Например: «Санкт Питер бурхский житель отставной солдат Андрей

ры», «у Полицеймейстерской канцелярии», «у врат Строительной канцелярии», «у Ратуши», «у столба, который близ церкви Живоначальной Троицы», «у Рождества Богородицы, что в Посадской», а также «в Оружейной слободе, у кузнечного ряду», «на Сытном рынке», «у кабака на Сытном рынке», «у австери, что в Татарской улице», «у австери, что против кронверха», «у кабака в Посадской улице», «у Гостиного двора с Наличной линии, у ворот» (Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 330).

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1451. Д. 24. Л. 79.

¹³⁵ ПСЗ. Т. 5. № 2862.

¹³⁶ Семенова Л. Н. Источник о первой в России переписи наличного городского населения. С. 271–272.

Михайлов сын Палкин сказал: двор у него в Санкт Питер бурхе на Санкт Питер бурхском острову в Оружейной слободе за полисадом, на том дворе живет он, Андрей, ему 65 лет, и его жена Алена Михайлова дочь сорока лет» (л. 219–219 об.). Или: «Санкт Питер бурхской губернской канцелярской роты капитана Семена Алексеевича Мордвинова человек ево Клим Артемьев сказал: помещик мой ныне в отлучении от Санкт Питер бурха в посылке, а двор ево на Санкт Питер бурхском острову в приходе церкви Николая Чюдотворца, от рождения ему тридцать семь лет, жена его Дарья Иудишна двадцати семи лет» (л. 264).

Во дворах проживало много людей, занимавших в них разное положение. Как, в каком порядке следовало расположить все сведения о них на бумаге подателю сказки? Делалось это в основном по следующим традиционным правилам.

Состав жителей двора разделялся на определенные группы: 1) хозяева и их домочадцы (жена, дети, другие родственники, слуги), 2) жильцы и их домочадцы, 3) временные постояльцы и их домочадцы. У каждого человека отмечался возраст, у мужчин — принадлежность к тому или иному «чину», его род деятельности, иностранное происхождение жителей записывалось обязательно. Статус жильцов во дворе определялся подателем сказок достаточно неопределенно: «у его живут...», «в избах живут», «поставлены на квартере...», «у него жильцы...». О временных постояльцах говорится «приехали на время», «стоят на время». Иногда сообщается и то, откуда приехали постояльцы.

Каждая группа жителей двора описывалась, при этом люди разделялись на одиноких и семейных. Члены семей перечислялись на основе патрилинейного принципа¹³⁷ (т. е. мужчины-родственники следовали по старшинству со своими женами и детьми), после членов семьи записывались принадлежавшие ей слуги в том же порядке.

Среди дворовых людей выделялись крепостные и свободные, попавшие во временную зависимость через наемную работу. Военные чины имели денщиков, набираемых из рекрут, ремесленники — учеников.

Для военных, чиновничества, мастеровых указывался обычно не только «чин» (капитан, дьяк, художник и проч.), но и место службы (полк, приказ, канцелярия и проч.). Предста-

¹³⁷ Подробнее о патрилинейной системе описания семьи см. в гл. 8.

вители городского сословия — купцы, торговые люди, посадские — часто отмечены с указанием на их специализацию (замочник, харчевник и проч.). Для купечества отмечалась его принадлежность к определенной купеческой сотне. Попав в состав горожан Петербурга, бывшие посадские люди других городов писали о себе так: «санкт-петербургский житель, то, что был москвитин Мещанской слободы Иван Яковлев...» (л. 390). Завершается каждая сказка «рукоприкладством» (т.е. подписью).

Таким образом, обработка переписи, сделанная мною благодаря оформлению ее сведений в виде компьютерной базы данных, позволяет сделать наблюдения над половозрастным и социальным составом населения, над структурой семьи, составом домохозяйств, грамотностью петербуржцев и над топонимикой города.

Однако нельзя не учитывать, что сказки 1718 г. сохранились не полностью, они зафиксировали приблизительно четвертую часть дворов Петербургского острова (460 из 1678), тем не менее население даже этой части достаточно репрезентативно — 5160 человек. Таким образом, оказывается невозможным в точном цифровом выражении охарактеризовать состав **всего** населения Санкт-Петербургского острова. Сохранившийся его компонент приходится принимать за самоценную единицу, имея в виду, что на самом деле он таковым не является. Однако я не претендую на то, что по полученным цифровым результатам можно точно судить обо всем населении острова. Тем не менее, получив сведения о части объекта, логично предположить, что она содержит определенные характеристики, свойственные и объекту в целом, дает определенные возможности реконструкции. В отдельных случаях справедливость этого более вероятна, в других — менее. Например, в дошедшей до нас части сказок полно представлена Певческая слобода, в которой жили певчие его величества, но плохо представлена Офицерская слобода, поэтому случайность в сохранности сказок делает процентные данные о структуре населения искаженными, что, безусловно, учитывается и корректируется сведениями других переписей. В то же время сведения о возрасте жителей достаточно репрезентативны в сохранившейся части сказок. Поэтому возрастные характеристики, сделанные на материале Петербургского острова, будут справедливы для города в целом.

Текст сказки: точности и неточности

Хотя сказки и содержат однотипные сведения, которые возможно формализовать и свести к цифровым показателям, они сопротивляются этой формализации. Ведь сказки писали разные люди, и несмотря на предоставление одних и тех же данных, среди сказок нет двух одинаковых, каждая так или иначе несет на себе следы «авторства» ее подателя. Это является минусом при обобщении данных и плюсом при уходе от такого обобщения.

Вопрос, который невозможно обойти при работе с переписью, заключается в том, насколько полны и точны сведения, внесенные жителями в сказки. Известно, что население всегда не любило и боялось переписей и шло на разные хитрости, чтобы утаить дворы или «души» от налогов. Рассматриваемые переписи, как кажется, не носили фискального характера, но поскольку жителям не разъяснялось, с какой целью они проводятся, они должны были относиться к переписям с обычной настороженностью. Сказка являлась текстом, который писался по требованию властей, по предписанным правилам и формам. Следуя им, податели сказок тем не менее старались не сказать лишнего (например, что хозяин в Москве, когда ему велено проживать в Петербурге), что-то утаить, а что-то сообщить особенно подробно, чего и не требуют. Очевидно, например, что во дворах Петербурга находили кров беглые люди (и крестьяне, и дворовые, и рекруты), о таковых подавали множество жалоб в суд, и где-то же в городе они должны были скрываться (см. гл. 15). Но, конечно, никто в сказки их как беглых не вносил. Скорее всего, эти люди меняли и свое имя.

Чтобы понять характер сведений, имеющихся в переписях, и степень их достоверности, следует выяснить, как они собирались и записывались, как организовывалась эта работа.

Сведения переписи 1713 г. о дворовых строениях были собраны тремя подьячими, которые разделили всю территорию острова на несколько частей, один за другим обошли все его дворы и самостоятельно их описали. Представляется, что описаны все строения двора, однако, скорее всего, это не так, во всяком случае отсутствуют нужники, дровяные сараи и, за редким исключением, помещения для скота и птицы. Допускались ли при этом переписчики внутрь дворов знати, осматривали ли они очаги во всех помещениях: и в парадных комнатах, и в избах на огородах, или они довольствовались тем, что сообщал дворецкий? Существовали ли какие-либо пра-

вила на этот счет или действовали по-разному в зависимости от «гостеприимства» хозяина к переписчикам? На эти вопросы трудно ответить. Получившийся текст, однако, сделан терминологически унифицированным, в нем повторяются одни и те же шаблонные фразы, и какая-либо живая речь здесь не заметна.

Иное дело сказки 1717 и 1718 гг. Они записывались со слов жителей или писались ими собственноручно. В нескольких сказках 1718 г. помечено, что они «говорены» на съезде двора при Губернской канцелярии перед дворянином Василием Обрютиным (лл. 60, 163, 186, 328). В 1720-х гг. сказки таким же порядком приносились в Полицеймейстерскую канцелярию¹³⁸. Указ жителям Петербурга от 11 июля 1721 г. гласил, чтоб они «объявили все свои крепости на дворы в Полицеймейстерской канцелярии в самой скорости» и чтобы «явитца в канцелярию полицеймейстерских дел самим, а вышним персонам — людям, которые за дела ходят»¹³⁹. Е. В. Анисимов отмечает перемену организации работы переписчиков по сравнению с XVII в. во время первой ревизии (1719–1720 гг.): ранее переписчики приезжали в уезды и собирали от населения сказки о «дворовом числе», теперь крестьяне сами привозили с мест свои сказки¹⁴⁰. Видимо, и в городских переписях начали действовать по той же схеме. При этом Губернской канцелярией была организована очередность подачи сказок, они по большей части расположены друг за другом в том же порядке, что и дворы по улице.

Подавать сказку обязан был дворовладелец, но знатных персон заменяли служившие у них «люди, которые за делами ходят». Они это делали профессионально, часто уже имели готовые реестры всех слуг. За дворовладельцев низших чинов сказки составлялись другими лицами из жителей двора только в случае их отсутствия в Петербурге.

Податель сказки ставил свою подпись под заверением о верности сообщенных им сведений: если «сказал ложно», то примет соответствующую «казнь». Свидетелей, подтверждающих его слова, не требовалось. Если во дворе не находилось никого, умеющего грамотно составить сказку, то такой

¹³⁸РГАДА. Ф. 1451 Д. 24 Л. 79.

¹³⁹Там же.

¹⁴⁰Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России: 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 59–60.

человек приглашался и записывал то, что ему сообщал пода-тель сказки, и он же расписывался за подателя «по его ве-лению», обозначая свои имя и звание. В сказках часто мелькают одни и те же имена людей, занимавшихся написанием сказки для неграмотных. Но такой писец мог быть человеком незна-комым подателю сказки и не вызывающим его доверия, поэто-му подписывался за подателя после зачитывания ему текста вслух другой человек — тот, кому он доверял¹⁴¹.

Таким образом, получается три варианта подписи: 1) сказ-ка написана самим ее подателем и им же подписана («сказку писал я, Андрей, и руку приложил» л. 340); 2) сказку записал другой человек (неизвестно кто), но подписал ее податель («к сей сказке Иван Зотиков руку приложил» (л. 394 об.); 3) сказку и писал, и подписал вместо ее подателя другой чело-век (например, «к сей сказке вместо Никиты Матвеева (кото-рый сообщал сведения. — О. К.) по его велению церковный староста Афанасий Артемьев руку приложил» (л. 345 об.).

Из 460 сказок 1718 г. написаны подателем и им же подпи-саны 211 сказок, только подписаны — 117, и 132 подателя со-вершенно не владели навыками письма.

Сказки помимо воли ее составителей отражают их индиви-дуальные черты, иногда даже особенности их речи. Так, когда говорил иностранец, то в текст непреднамеренно попадала не-правильность его русского словоупотребления (например, швед-слуга А. И. Остермана называет себя «услужник» (л. 241) вместо обычного «прислужник»). В одной из сказок можно услышать московский говорок: «к сей скаске маськви-тин пасатьской человек... руку приложил» (л. 449), в другой — отчетливое оканье: «Оптекорской Концелярии лекорской учен-ник Полуехт Ортемьев сын сказал...» (л. 446).

Принадлежность к разным социальным группам также на-кладывала свой отпечаток на текст сказок. Приказные люди помещали в сказки такие подробности о различных докумен-тах, связанных с двором, которые не делал никто другой. В сказках 1717 г. и даже иногда 1718 г., сообщая, что имеют купленный двор, некоторые отмечали своих соседей «в ме-жах», что не требовалось, говорили точную дату покупки и ее регистрации в крепостном столе, сообщали, кто был предыду-

¹⁴¹ Например, четыре написанные единовременно сказки имеют один и тот же почерк, но он не принадлежит ни тем, кто сказку подписал, ни тем, кто ее сказал (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1203–1206).

щий владелец двора¹⁴², и проч. Очевидно, что они имели под руками все необходимые документы, в то время как другие с трудом припоминали, была ли вообще у них купчая. Не только о своем, но и о чужом документе подьячий знал все: вот в отсутствие хозяина двора, капитана лейб-гвардии, живущий временно в его доме подьячий Кирил Шарапов сообщил: двор куплен капитаном тогда-то и у такого-то, и «на двор есть у него, капитана, купчая, а ныне он в походе, а подлинная купчая при нем»¹⁴³. Не требует излишних объяснений то, что приказные люди всегда писали и подписывали сказки самостоятельно и делали это профессионально. А вот представители духовенства давали сведения о церковном приходе с несвойственной всем другим точностью, помещая в них не только название церкви, но и прежнее ее именование, и название ее приделов.

Некоторые жители на всякий случай вставляли какие-то излишние, не требуемые сведения. Например, «Камисар Иван Григорьев сын Лошаков сказал: определен он к строению гавани от сибирской губернии и ныне у той работы» (л. 246–246 об.), чего сообщать и не требовалось. Такие «излишние» с точки зрения унификации данных сведения подчас оказываются особо ценными.

Вопрос о достоверности сообщаемой информации отнюдь не всегда связан с каким-то прямым обманом или утайкой сведений. Такие понятия, как возраст, адрес и фамилия, для подателей сказок не содержали той степени точности и однозначности, которую они имеют в наши дни. Для посадских людей вполне обычна неустойчивость фамилий, которая образовывалась от имени отца и, следовательно, с отцовской не совпадала. Например, сын Андрея Миронова называет себя в сказке Степаном Андреевым (л. 205 об., 207) и т. д.¹⁴⁴ Трудно бывает определить родственные связи тех, кто жил не в одном дворе, а по соседству. Так, замочники Петр и Степан Яковлевы каждый имеют по двору в Кузнецкой слободе, и только по тому, что на обеих сказках имеется «рукоприкладство» Петра, можно предположить, что они — братья (л. 10, 202). Фамилии

¹⁴² Например, РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1220.143 Там же. Д. 1254.

¹⁴³ Там же. Д. 1254.

¹⁴⁴ Такое же наблюдение над мастеровыми сделала и Л. Н. Семенова. См.: Семенова Л. Н. К истории генеалогии мастеровых Петербурга начала XVIII–XIX вв. // История и генеалогия. М., 1977.

записывались часто на слух, и их написание, особенно иностранных имен, имеет различные варианты.

День рождения человека в те времена еще не записывался ни в церковные книги, ни в паспорт. Насколько точно люди знали свой возраст и могли его верно сообщить — важный вопрос, встающий перед теми, кто работает с ранними переписями, и в своем месте будет сказано об этом подробно (см. гл. 8). Очевидно, что не всегда податель сказки мог быть осведомлен о возрасте других лиц: «...а помещика моего и помещицы при Санкт-Петербурхе нет, а что им лет — сказать не знаю», — сообщал, например, слуга кн. Ю. Я. Хилкова Дм. Третьяков (л. 357). Видно, что Третьяков, лично написавший и подавший сказку, серьезно относился к клятве о том, что дает точные сведения, он не решился сказать приблизительно возраст не только своих хозяев, но и никого из временных постояльцев их двора, так как его тоже не знал. Другие податели сказок писали неизвестный им возраст на глазок. А вот подьячий Лазарь Кучин написал о себе собственноручно в двух сказках: по одной из них ему 27 лет, а жене — 25, по другой — ему 28, а жене — 27 (л. 5, 261).

В сказке следовало определить местоположение двора, но в городе не только не существовало официальных названий улиц, но даже не сложились их устойчивые названия в устной речи самих жителей. В адресной части всех сказок обязательно называется Санкт-Петербургский остров, другой непременный ориентир — принадлежность к определенному церковному приходу. Он обозначен во всех сказках, как 1717, так и 1718 г., а это около тысячи текстов. О. Г. Агеева, рассмотревшая адреса на 74 прошениях о ремонте дворовых строений, поданных в Губернскую канцелярию в 1717 г., пишет, что церковь или приход упомянуты в них «изредка». Это хорошо демонстрирует тот факт, что текст тексту — рознь, и в написании адреса более выполняются бюрократические требования, чем отражаются «особенности восприятия структуры застройки Петербурга»¹⁴⁵, ибо в переписях было велено обязательно указывать церковный приход, а в прошениях этого можно было не делать. Описание адреса двора в купчей имело другие требования — там следовало сообщать, чьи дворы находятся «в межах», т. е. имена соседей с четырех сторон. Некоторые, особенно из подьячих, и в сказки переписи

¹⁴⁵ Агеева О. Г. Указ соч. С. 220.

умудрялись вставить такие заимствованные из формуляра купчих сведения.

Еще один способ использовали переписчики дворов: они делили район на «длинник» и «поперечник», внутри обозначая определенные ориентиры. Перепись 1713 г. с этой точки зрения выглядит так: «Вдоль — от церкви Живоначальные Троицы до Аптекарского острова, поперек — до двора певчих дьяков Петра, Осипа и Нилы Беляевых»; «от церкви Живоначальной Троицы подле Невы реки по берегу»; «от церкви новосозидаемой до казарм», «слоботка что у Малого рынка» и т. д.¹⁴⁶ Неутомимый на советы И. Т. Посошков и по поводу проведения переписей надумал интересное новшество, советуя воображаемому переписчику: «А изшед ис коегождо двора, над ворота вели учинить на доске резную подпись, чтобы она прочна была, и вырезать большими словами сице «двор первой»... И кои дворы описаны будут, то и в книге подписать на пробеле в начале «опись первого двора», а над другою описью молвить «опись второго двора»; и тако над всякою описью подписывать, чтобы явно было в книге, коего двора опись»¹⁴⁷. Однако время нумерации домов еще не пришло.

Самое частое определение местоположения двора — это слобода. Большинство подателей сказок не мудрствовало и просто отмечало «двор мой на Санкт-Петербургском острове, в Посадской (или Белозерской, или Татарской, или Дворянской и др.) слободе, в приходе таком-то». Термин «Русская слобода» использовали только иностранцы, причем применительно к разным слободам Петербургского острова, в русских же текстах такого названия нет. «Слобода» нередко заменялось словом «улица». Но и названия слобод не были неизменны, а их границы — четки. Поселились солдаты одного полка — и слобода называется его именем, или фамилией их командира; сменился состав военных — и слобода уже носит другое имя. Район Белозерской слободы назывался разными людьми и Офицерскими улицами, и Капитанскими, и Гренадерскими, и Новой слободкой, и Брюсовой слободой, и Солдатской слободой. Внутри Посадской слободы некоторые авторы сказок называют более мелкие районы — Оружейная слобода, Кузнецкая слобода, Певческая слободка. Переписчик дворов в 1713 г.

¹⁴⁶Ср. анализ переписи Адмиралтейского острова, сделанный О. Г. Агеевой (Там же. С. 221–222).

¹⁴⁷Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением божественных писаний. СПб., 1893. С. 306.

в Белозерской слободе обозначил улицы так: «первая», «в другой улице», «третья»¹⁴⁸. Часто встречается название Глухой (или Тупой) переулоч, обозначававшее просто тупик. Но некоторые податели сказок сочли нужным дать особенно точное описание своего адреса и использовали в качестве ориентира различные постройки, такие, как Кронверк, церкви, канцелярии, Оружейный двор, палисады, генеральская мыза, лазарет и др. Адрес мог быть записан так: «идучи от Оружейных мазонков, не доходя кузниц, на левой стороне в переулке возле болота» (л. 246).

Хорошим ориентиром являлись набережные рек, но реки жители называли в то время не так, как сейчас они обозначены на картах Петербурга: Малую Неву, Большую, Малую и Среднюю Невки они называли все одинаково «Малой Невой», видя в ней одну реку (помимо Большой Невы), омывающую их остров. Например, при переписи 1713 г. один подъячий переписывал «дворы по Малой Неве по берегу до Аптекарского острова», а другой «от Крон Верха по берегу Малой Невы вдоль до Петровского острова»¹⁴⁹ (в первом случае речь идет о Большой Невке). Такое несовпадение современных названий с названиями петровского времени порождает путаницу в литературе. Так, А. И. Копанев на найденном им чертеже Санкт-Петербургского острова отмечает ошибку его исполнителя — на нем якобы вместо Малой Невки отмечена Малая Нева¹⁵⁰. На самом деле чертеж, выполненный подъячим Губернской канцелярии Иваном Гордеевым, абсолютно точен, и реку он называет так, как было принято в его время (а на современных картах это — Большая Невка), и австрию, неподалеку от которой он и жил, также отметил правильно, а не ошибочно, как считал А. И. Копанев¹⁵¹.

¹⁴⁸РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 18 — 25 (в подлиннике даны буквенные обозначения цифр).

¹⁴⁹Там же. Л. 3, 18.

¹⁵⁰Еще большую путаницу в название рек вносит «Описание» А. И. Богданова, где одна и та же река, отделяющая Васильевский остров от Санкт-Петербургского, называется и Малой Невой, и Малой Невкой.

¹⁵¹Копанев А. И. Неизвестный чертеж Городского острова петровского времени. С. 502. А. И. Копанев принимает австрию в Большой Никольской за «торжественную» австрию у Петровского моста и поэтому утверждает, что она изображена ошибочно по отношению к Кронверку. О подъячем Иване Гордееве, авторе чертежа, см. в поданной им сказке 1718 г. (л. 265).

Таким образом, к тексту сказок можно подходить двояко: либо не обращать внимания на индивидуальные черты текстов и вычленять в них общие данные, их структурировать и просчитывать, как это принято в демографии, либо подходить к сказке как к авторскому тексту с чертами индивидуальности, стремясь увидеть стратегию составления самого текста, те понятия и представления, которые он в себя впитал, и те различия, которые он обнаруживает. Оба эти подхода взаимно дополняют друг друга и необходимы при работе со сказками.

ЖИТЕЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОСТРОВА В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ

К судебным материалам, накапливавшимся и в застенках инквизиции, и в светском суде, историки проявляют постоянный интерес: эти документы хранят в себе и обыденные сообщения, и удивительные истории, которые уже не раз помогали создавать замечательные исторические исследования¹⁵².

Какие же документы имеются в результате деятельности петербургских судов и что они могут рассказать о жизни горожан? «Дела» в их целостности, т. е. документы, собранные по какому-то одному судебному делу в единую папку, не сохранились: видимо, они уничтожались по прошествии времени. Однако в фонде Юстиц-коллегии РГАДА есть записные книги Надворного и Нижнего (Провинциального) судов, а также несколько книг Расправной палаты Губернской канцелярии, в которых копировались документы.

Составлялись записные книги по виду документа: это челобитные (разных типов), купчие и закладные, пошленные сборы, входящие указы, переписка с другими учреждениями, приговоры. Таким образом, составить представление о конкретном судебном деле достаточно трудно: документы, относящиеся к нему, оказываются в разных книгах, куда они переписывались, подлинники же «подшивались» в дело. По той же причине почти невозможно осуществить статистические

¹⁵² Например: *Есипов Г. В.* Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880; *Семевский М. И.* Тайный сыск Петра I. Смоленск, 2000; *Дэвис Н. З.* Возвращение Мартена Герра. М., 1990; *Davis N. Z.* Fiction in the Archives. Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford: Stanford University Press, 1987; *Гинзбург К.* Сыр и черви. М., 2000; *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю. Оксиганская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001 и мн. др.

подсчеты по деятельности суда (например, социальный состав истцов и ответчиков).

Большинство дел — это разбирательства конфликтов (краж, обманов и др.) между обычными людьми, банальных и в то же время выходящих за рамки нормы поведения событий, к которым вполне применим термин «нормальное исключение»¹⁵³. Использование судопроизводственных текстов с описанием конфликтных ситуаций, бытовых эпизодов, отрывков разговоров привлекло меня возможностью «оживить» население дворов Санкт-Петербургского острова, ставшего мне хорошо знакомым по переписи 1718 г. Но одновременно возникла и другая существенная задача — с их помощью нащупать основные житейские проблемы, которые систематически появлялись у петербуржцев и организовывали их жизнь определенным образом.

Наиболее информативными текстами являются приговоры суда и явочные челобитные, помещенные в соответствующие записные книги. Самому приговору обычно предшествует протокол всего дела, в котором в сжатой форме представлены (или должны были быть представлены) тексты других документов. Иногда подъячему легче было переписывать из дела в протокол все подряд, чем сокращать тексты и излагать их суть, тогда дело оказывается представленным с большой степенью полноты. В этом отношении оказался уникальный протокол дела А. Гуляева — Р. Маракушева (см. гл. 16, раздел «Давид и Голиаф»).

Текст приговора по гражданскому делу составлялся по следующей форме: «[такого-то] числа по указу великого государя [в таком-то] суде [такие-то], слушав сего дела приговорили: [такого-то] обвинить, а [такого-то] оправить, потому [что]...». Далее идет изложение дела: от кого и о чем был подан иск или челобитная, допрос истца и ответчика, допрос свидетелей, другие возможные документы и те законодательные статьи, на основе которых судьи приняли решение о том, кто будет платить пошлины и сколько, какие расписки следует взять с тяжущихся сторон. Таким образом, протокол — «полифонический» текст, в котором сведены воедино разные «голоса»: челобитчика, ответчика, подозреваемого, свидетелей, писцов и самих судей. Но партии, которые исполняли эти голоса, аранжировались в рамках приговора с ориентацией

¹⁵³ См.: Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус-1996. М., 1997.

на вышестоящие инстанции, особенно это касалось судей. Предполагая, что дело может быть обжаловано в Юстиц-коллегии или в Сенате (что часто и бывало) и правильность их действий будет проверяться по записной книге приговоров, они из дела убирали все подробности, до главного криминального действия не касающиеся. Казус старались представить так, чтобы он как можно более точно совпадал с ситуацией, описанной в той статье Соборного уложения, на которой строился приговор. Официально судей никогда не интересовали мотивы действий тяжущихся людей, они не стремились к разгадыванию сложных и загадочных ситуаций.

Таким образом, если общую картину поведения петербуржцев рассматривать на основе материалов суда, может создаться впечатление, что они вели себя исключительно в соответствии с Соборным уложением. Но, конечно, это было не так. Встречались такие запутанные дела, которые невозможно было «причесать». Тяжущиеся стороны хитроумно обличали друг друга и приводили разные доказательства своей правоты. Когда малоопытный молодой подьячий, немного хлебнув спиртного, начинал на бумаге сводить это все в единую картину, он часто совершенно терялся, и голоса разных людей выходили из-под его контроля, переставали звучать в унисон.

Проще было с записью «розыскных речей» (т. е. допросов под пыткой), фиксировавшихся по вопроснику, в чем пытаемый сознался, а в чем — нет. Для нас из этого важен один вывод: событие, произошедшее в реальности с тем или иным петербургским жителем, в записях приговоров часто подается в сильно усеченном и приглаженном виде и сводится лишь к нескольким важным для суда фактам. Тем не менее, зная о принципах и процедурах составления подобных текстов, можно представить себе и то, что осталось за их скобками¹⁵⁴.

По неизвестной мне причине в сохранившихся документах отсутствуют записные книги исковых челобитных, есть только пометы о том, когда и кем такая челобитная подана.

¹⁵⁴Такая работа успешно проделана американским исследователем Дэвидом Сабианом на основе немецких судебных протоколов местных судов XVIII в., о которых он пишет: «Эти документы дают возможность увидеть, как из многих голосов составляется единое решение». Исследователь делает успешную попытку восстановить «первичные» голоса участников конфликта. См.: *Сэбиан Д.У. Голоса крестьян и тексты бюрократов: нарративная структура в немецких протоколах начала Нового времени // Прошлое — крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003.*

Возможно, что в связи с перегруженностью суда исковые челобитные не копировались, а просто подшивались к делу и затем пересказывались в тексте приговора, чего было достаточно. Зато явочные челобитные обязательно копировались в специальных книгах, так как к ним могли обратиться в будущем. Именно они представляют для данного исследования особое значение.

Явочная челобитная, в отличие от протокола, — это один «голос», но тоже не чистого звучания. Она представляет собой рассказ очевидца о событии, в котором он усматривал криминал и жертвой которого часто сам и являлся.

Правило «делать явку» властям существовало испокон веков в том случае, если человек оказался невольным участником или свидетелем какого-то нарушения правопорядка. Ее делали либо словесно, чтобы записали в присутственном месте, либо письменно в явочной челобитной¹⁵⁵. Явочную челобитную составляли потому, что необъявление преступных действий потерпевшим или свидетелем означало соучастие, явкой отводились возможные обвинения. Приведу пример из допетровского времени. Некий воронежец Филат Козлов в 1658 г. был обвинен в разбое, но поймать его не удалось. Когда приставы пришли к нему в дом конфисковывать имущество, его мать заявила, что давно прогнала его со двора «и письменные явки на него, Филатку, на Воронеже подавала в ево воровстве, и ныне те явки в съезжей избе и по иным приказам»¹⁵⁶. Таким образом женщина хотела показать свою непричастность к «воровству» сына.

Явочная челобитная оказывалась необходимой и при решении человека подать в суд иск. Явку следовало делать по свежим следам преступления, а через некоторое время подавался уже более обстоятельный иск, с объявлением свидетелей, перечнем украденного и проч. Если же иск подавать было не на кого, например, дом ограбили «незнакомые» люди, которых и след простыл, то все равно следовало сделать явку. В общих чертах явка соответствовала тому, что сегодня известно как «заявление в милицию».

¹⁵⁵ Наиболее ранний из известных комплекс явочных челобитных относится к 1568–1612 гг. См.: *Маштафаров А. В.* Явочные челобитные 1568–1612 гг. из архива Суздальского Покровского девичья монастыря XVI – начала XVII веков // *Русский дипломатий.* М., 2003. Вып. 9.

¹⁵⁶ *Глазьев В. Н.* Власть и общество на Юге России XVII века. Противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 256.

При использовании текстов явочных челобитных важно помнить, что их адресат — это власть, рассказ челобитчика предназначен для нее с тем, чтобы она его защитила, а обидчика — наказала. Текстуально все челобитные обращены к Петру I, т. е. апеллируют к высшей власти, судьи же, которые в реальности заслушивали эти тексты, являлись лишь его представителями. Автор челобитной старался продемонстрировать властям, что он знает правила, ими установленные, и следует им, а другие их нарушают.

Трудно избежать эмоций при рассказе о том, как тебя оскорбили, обманули, ограбили, побили и т. п. Тем не менее если и не все авторы явочных челобитных, то по крайней мере те профессионалы-писцы, которые работали над составлением этого документа, понимали, что для власти эмоциональная сторона дела не интересна, ей важно четкое указание на то, в чем состоят криминальные действия. В описание, таким образом, попадает лишь один конфликтный «фрагмент» отношений между людьми, а их история остается за рамками текста. Иногда текст явочной челобитной описывал не конфликт, а скорее представлял собой донос на своих близких, занимающихся чем-то недозволенным. Мало или ничего не известно и о действующих лицах описанных эпизодов. Лишь в редких случаях встречается обстоятельный рассказ, и чаще это именно те тексты, в которых сам же подъячий оказывался истцом и писал челобитную о себе.

Если указанные документы и помогут нам подглядеть жизнь во дворах Санкт-Петербургского острова, то только с ее темных сторон, поскольку, увы, ни о чем приятном петербуржцы в суд не сообщали. А то, что они писали, относилось к весьма специфическому жанру, — с одной стороны, призванному сообщать точные факты, с другой — изображать их с точки зрения собственных интересов под соусом своей крайней благонадежности.

* * *

Насколько проанализированные документы, относящиеся к Санкт-Петербургскому острову, оказываются репрезентативными для всего города в целом? Иначе говоря, возможно ли черты, проявившиеся в материалах, связанных с одним из районов города, переносить на весь город, и нужно ли это делать? Может ли история лишь одного из островов

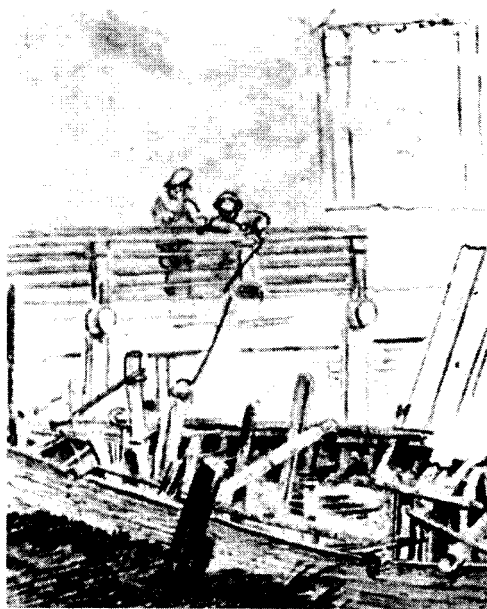
оказаться вообще самодостаточной для исторического исследования?

Ответы на эти вопросы неоднозначны. Санкт-Петербургский остров стал «черновым вариантом» столичного центра и вскоре после своего расцвета превратился в периферийный район. И в этом отношении его судьба специфична, а его особенности, связанные с быстрым превращением в городскую окраину, невозможно прилагать к блестящей имперской столице. Переписи Санкт-Петербургского острова выявляют особенности застройки и населения именно данного района. Однако точно так же, как и Санкт-Петербургский остров, каждый из островов и районов города имеет свою специфику, свое «лицо», именно целостность этого разнообразия и составляет историю Петербурга.

В то же время конфликты и проблемы жителей Петербургского острова, отраженные в судебных делах, как увидим в дальнейшем, типичны для всего населения города, а в ряде случаев и для всей страны. Явочные челобитные, сохранившиеся в судебных учреждениях других российских городов, изобилуют такими же жалобами на бегство дворовых людей, на бесчестье, на кражи, разбой, обман и т. д. Источники отражают, таким образом, как общераспространенные, так и особые черты жизни людей петровского времени.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Двор

«Своею охотою» и «по указам»

(Заселение Санкт-Петербургского острова)

СТИХИЙНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Заселение Санкт-Петербурга началось в 1704 г., в процессе строительства Петропавловской крепости, рядом с которой стал разрастаться городской посад. Царедворцы, военные и солдаты, мастеровые люди, торговцы, снабжавшие людей продовольствием и стройматериалами, полковые священники и писари, дворовые люди, имевшиеся в распоряжении всех вышеперечисленных чинов, по долгу службы трудились на берегах Невы вдалеке от семей и родного дома, но еще надеялись в него возвратиться.

Первоначально все строились где придется. Например, ближний боярин Петр Иванович Бутурлин сообщал, что свой дом «построил... сам в 704 году на порозжем месте собою»¹. Обер-комендант крепости Р. В. Брюс стремился упорядочить стихийное строительство, отводя под него земельные участки, однако при этом никаких документов на земельную собственность не выдавал. Так, уже в 1704 г. на набережной Невы застраивалась Дворянская слобода, в которой первопоселенцами стали кн. М. Голенищев-Кутузов, кн. Д. А. Бестужев-Рюмин, кн. Ю. Ф. Щербатов, кн. Н. И. Репнин, Г. И. Головкин, П. И. Бутурлин, И. И. Стрешнев, И. С. Потемкин, С. А. Чебышев, В. М. Глебов, кн. Ю. Я. Хилков, Ф. П. Вердеревский, кн. М. М. Оболенский и др. В 1710 г. «дворы и порозжие места, где кто занял или кому дано»² переписал стольник Василий Жемайлов.

Таким образом, владельческие права на дворы были зафиксированы, и документы хранились в Губернской канцелярии, где нотариально оформлялись купчие или данные

¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1199, 1200.

² Там же. Д. 1082.

на земельную собственность. К 1717 г. из поселенцев 1704 г. в своих прежних дворах осталось только 17 человек, жителей Дворянской слободы³.

До 1714 г. на Петербургском острове самостоятельно строили дома те, кто приезжал в город «своею охотою». Среди них были пушкарь Афанасий Лапотников и посадский Никифор Ильин: один из них вспоминал, что «построил он тот двор в 711 г. на порозжей земле, как ево братья посадские люди разных городов для промыслов охотою своею в Санкт Петербурх приехав, построились»; другой также отмечал, что его двор в 1711 г. «построен на порозжем месте, а земли мне под тот двор никто не отводил, потому что в том месте строились всяких чинов люди повольно и никому заказу в строении не было»⁴. И крестьянин Ф. Ларионов в 1712 г. построил двор близ Сытного рынка, поскольку «в те годы было велено строиться всех чинов людям»⁵. В 1711 г. на острове по именному указу возникли большие полковые слободы. Военные (офицеры, унтер-офицеры, рядовые) составили значительную группу жителей (79%) самостоятельно строивших себе дома (табл. 1).

Приезжим отводили землю под дворы в 1708–1709 гг. безо всяких указов свыше и без выдачи на нее документов артиллерийский подполковник В. Геннин и полковник О. М. Чемесов, в 1710 г. — дьяк П. Юрьев, в 1712 г. в Татарской слободе — полковник П. И. Шмидт и др., однако каждый из них «отвел» не более десятка дворов. Также обеспечением приезжих дворовыми местами занималась и Городовая канцелярия. С 1705 по 1716 г. 33 дворовых места на Санкт-Петербургском острове лично отвел служивший в ней архитектор Д. Трезини. Всего же в Петербурге Трезини отвел 165 дворов⁶.

В 1711 г. начался переезд из Москвы в Петербург Оружейной канцелярии (к 1718 г. штат канцелярии насчитывал 179 человек)⁷. В 1712–1713 гг. оружейники «по приказу командира своего цейх-директора Михайла Петровича Аврамова» застроили Кузнецкую слободу близ Гостиного двора, но когда стали возводить новый Гостиный двор, им пришлось ос-

³ РГАДА. Ф. 199. Портф. 150. Ч. 17. Д. 4.

⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1223, 1131.

⁵ Там же. Д. 1173.

⁶ РГАДА. Ф. 198. Д. 642.

⁷ Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876. С. 405–410.

Таблица 1

Способы приобретения дворов на Санкт-Петербургском острове⁽¹⁾ (по переписи 1717 г.)

Сословная группа	По дан- ным гра- мотам и имянным указам	По отво- ду ⁽²⁾	Построи- ли само- стоя- тельно	По куп- чей	Про- чее	Все- го
Члены царской семьи и казенные дворы ⁽³⁾			1	9	8	18
Ближние люди, вышние персоны, боярыни-вдовы, разных статей шляхетство	3	23	5	53 ⁽⁴⁾	51	135
Обер-офицеры	35	9	20	85		149
Унтер-офицеры и рядовые	264 ⁽⁵⁾	14	176	228		682
Штатские чиновники ⁽⁶⁾	3	22	5	219	2	251
Духовенство	5	1		16		22
Купцы, посадские, мастеровые и служители казенных канцелярий		42	24	186		252
Разночинцы ⁽⁷⁾	13	4	16	90	47	170
Всего	323	115	267	886	108	1679

⁽¹⁾ РГАДА. Ф. 199. Портфель 150. Ч. 17. Д. 4; Ф. 198. Д. 642, л. 52–66.⁽²⁾ Отводы обозначены следующие: Р. Брюса (11), В. Геннина (5), В. Долгорукого (1), Д. Трезини (33), Губернской канцелярии (42), Мекешина (1), Шмидта (1), А. Матвеева (2), А. Меншикова (1), М. Аврамова (5), Неронова (1), М. Чемесова (1).⁽³⁾ «Дворы ...посольских и губернских домов».⁽⁴⁾ Из них на 50 дворов у хозяев купчих не имелось.⁽⁵⁾ «Под полки и баталионы городов».⁽⁶⁾ Начиная от губернаторов и кончая подьячими.⁽⁷⁾ В том числе певчие дьяки, разных дел управители, отставные военные, шведские (офицеры?).

вободить уже обжитое место и перенести свои хоромы на пустырь «у кузниц»⁸. Занимаясь заселением Оружейной слободы, цейх-директор не забывал и о себе: кн. Н. М. Засекин сообщил, что Аврамов пришел на купленный им двор и сказал государев указ, чтобы Засекин «с того двора свез всякое строение, а то место очистил под ружейные слободы; а ныне он, дьяк Михайло Аврамов, на том дворе живет сам и строение переез свое и владеет неведомо по каким крепостям»⁹.

УКАЗНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ «НА ВЕЧНОЕ ЖИТЕЛЬСТВО»

Перепись конца 1713 года подвела черту под переселением, проходившим более-менее добровольно и не навсегда. Уже с 1712 г. свободную застройку людьми, приезжавшими в город «охотою» или по долгу службы, предполагали заменить плановым заселением «на вечное жительство», хотя свободное переселение не возбранялось, но никак и не поощрялось.

Петр, судя по его указам, хотел, чтобы новая столица заселялась не просто кем придется, а «высококачественным» населением: с одной стороны, людьми богатыми и многодетными (чтобы были продолжатели отцовского дела), с другой — квалифицированными работниками, (например, приказные люди требовались не столько зажиточные, как купцы, сколько «добрые (т. е. хорошие работники) и умные».

Первые именные указы о переселении в Петербург были не очень продуманы. Петр, видимо, не предполагал, насколько это окажется трудным делом. В 1712 г. было намечено к переселению 205 человек купцов из шести губерний¹⁰. В 1712–1713 гг. предписывалось определить к переселению на Котлин остров 350 дворянских, 500 купеческих и 500 ремесленнических семей¹¹. Летом 1714 г. последовала уже более детально разработанная серия указов о переводе в Петербург разных сословных групп населения, и для каждой из них выделялась своя квота, определялись свои условия. Роспись «палатных людей и царедворцев» (350 человек, имеющих не менее 100 дворов) царь

⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1158, 1162–1166, 1168.

⁹ Там же. Д. 1183.

¹⁰ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительственном Сенате, в царствование Петра Великого/Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1880. Т. 4, кн. 1. № 42.

¹¹ Доклады и приговоры... Т. 3, кн. 2. № 1239; Т. 5, кн. 2. № 1145; ПСЗ. Т. 4. № 2753.

составил сам по боярским спискам. Она была послана во все губернии и каждый, указанный в ней, ставил свою подпись в том, что осведомлен и «строиться в Петербурге будет». Петр надеялся, что за лето и осень указанные им семьи успеют переехать и уже к следующей зиме станут «петербургскими жителями». Возводить хоромы они должны были своими силами, поскольку являлись имущественно состоятельными, «зажиточными» людьми.

Другой указ от июня того же года определял переселение купцов и мастеровых людей по 300 человек (купцов — 150 первостатейных и 150 средних статей)¹². Расклад высылаемых был сделан на все 8 губерний¹³, их количество арифметически вычислялось в процентном отношении от имеющихся городских дворов, переписи которых хранились в Ближней канцелярии¹⁴. Полученное число следовало «наполнить» наиболее зажиточными людьми из горожан, которые определялись по налоговой документации («окладов из тягла»). Выбирать перевезенцев должны были губернаторы с помощью ландрихтеров.

Однако четко расписанным царевым указам в реальности противостояла сила пассивного сопротивления. Указы раз за разом, из года в год рассылались во все губернии, но результаты были малыми. Например, на повторные запросы Сената 1715, 1716, 1717 гг. сибирскому губернатору М. П. Гагарину и на сообщения ему о том, что до сих пор «царедворцы к Санкт-Петербургу не высланы и не построились», ответом из Сибири было полное молчание. Ему и другим губернаторам писали из столицы в январе 1717 г., что «люди» (т. е. слуги) тех, кто не построился, будут держаться за караулом, пока их хозяева не явятся в канцелярию Сената. А если они все равно не явятся, то «отписать их имущество бесповоротно». Если кто-то из внесенных в списки уже умер, его должны были заменить наследники, а если боярыни и другие вдовы будут отговариваться, что у них мало деревень, то брать у них сказки и проверять. Наконец, в 1718 г. от Гагарина в Сенат поступил меланхолический ответ, что «царедворцев», которые бы были «не у дел», в Сибирской губернии не имеется и высылать в Петербург некого¹⁵.

¹² ПСЗ. Т. 4. № 2817.

¹³ Доклады и приговоры... Т. 4, кн. 1. № 667.

¹⁴ См.: Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 51–54.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 155. Л. 335–341.

Дворян, определенных к жительству в Петербург, «отглавливали» на дворянских смотрах. Один из таких смотров состоялся в 1718 г. Именной указ от 21 марта предписывал «из губернный царедворцев выслать всех в Санкт-Петербург и явиться и приезды свои записывать в канцелярии Сената в мае и июне месяцев сего году». У явившихся выясняли, справляясь со списком, не состоят ли они среди тех, кто до сих пор не построился в Петербурге, в списке против каждого имени отмечалось наличие купчей или другого документа на владение двором¹⁶.

Дворяне выходили из положения следующим образом: посылали в Петербург своего приказчика, который покупал какую-нибудь недорогую хибару, а сами продолжали жить в Москве или в деревне, а если появлялись на берегах Невы, то ненадолго. Правительство пыталось выявлять таких хитрецов. Например, «высланный бессрочно» В. А. Ржевский жаловался, что двор он купил в 1717 г. и живет в Петербурге шестой месяц и в сенатском списке по купку его двора пометили, но в Москве его люди держатся по-прежнему «за крепким караулом», так как нет сенатского указа о том, что двор приобретен, и просил людей его освободить. Канцелярия Сената на запрос по этому делу дала справку, что Ржевским куплен двор «воопче» (т. е. совместно) с В. М. Иездиновым за 70 рублей (цена свидетельствовала о том, что это было явно дешевое и малопрестижное жилище), а мать — вдова Ржевского, написанная с ним вместе на житье, в Петербург не явилась¹⁷. Тем не менее к 1721 г. по спискам, представленным из Сената в Полицеймейстерскую канцелярию, из «шляхетства» в Петербург переселилось уже более 700 человек¹⁸.

С наименьшими трудами власти добивались высылки в Петербург купцов и ремесленников. В городах производились выборы посадских людей «на вечное жительство» в столицу, имена выбранных заносились на бумагу и отсылались в Петербург, в Канцелярию Сената, а там дожидались, когда явятся люди, в тех списках означенные. Ведь, согласно указу, как только переведенцы были определены, им следовало повелеть, «чтоб конечно (обязательно. — О. К.) дома у них построены были в Санктпитебурхе того году летом и осенью, и в том ве-

¹⁶ Там же. Кн. 647. Л. 374.

¹⁷ Там же. Л. 664, 696.

¹⁸ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов на свете...» — град святого Петра. СПб., 1999. С.105–106. Там же см. подробнее об уклонении шляхетства от проживания в Петербурге (С. 112–117).

леть им приложить руки, а буде в отлучках — прикащиком и работником их»¹⁹. Но людей приезжало гораздо меньше, чем ожидалось. Тогда по городам начинали розыск — почему названные в списках не явились.

Вот что дал такой розыск, например, по г. Вязьме. Выбранный купец Гостиной сотни вязьмитин Никон Веленин бил челом, что он — не «первостатейный», а первостатейный у них в городе — Яков Болотин, но вице-губернатор кн. Гагарин, «охраняя того Болотина, ево, Веленина, выслал заочно, без выбору». По делу было проведено расследование: городские бурмистры сказали, что Веленина они не выбирали, а подали в Смоленск губернатору о всех своих купцах общую справку. Веленин с братом в последнее время потерял свои торги, а Болотин, напротив, разбогател. Поступил и донос на кн. Гагарина от обер-фискала А. Нестерова, который засвидетельствовал, что Веленин не только разорившийся купец, но и семья, кроме брата, не имеет, а Болотин — первый купец города. В результате Болотин был определен к высылке.

Якобы выбранный от вязьминского посада Григорий Яшинский сказал, что он является крестьянином и в вязьминский посад приписан временно, что на житье в Петербург его никто не выбирал. Допрошенные по этому поводу посадские люди все сказанное Яшинским не опровергли и обязались срочно выбрать из своей среды другого «пожиточного» человека²⁰. Этот пример вполне типичен — представители посада хотели использовать случайных лиц, чтобы уберечь от высылки своих «пожиточных людей», которых обычно было немного (в Вязьме — 6 человек): без них тяжесть податей на всех членов посада ложилась более тяжелым бременем. Иначе говоря, список по Вязьме был составлен, вероятно, губернатором по его разумению, записанные в него и не собирались ехать в Петербург. Каждый город имел свою эпопею с выборами переведенцев.

К 1717 г. в Канцелярии Сената накопилось много жалоб от выбранных из купечества и посада переведенцев на то, что они люди бедные и малосемейные и прожить в Петербурге не смогут. Неисполнение прежних указов стало правительству очевидным. Виновными в этом посчитали тех, кто был за порученное дело ответственен, т. е. губернаторов, и указом от 27 января 1717 г. их от выборов отстранили. В указе также говорилось

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 62. Л. 875 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 68. Л. 14–14 об.

о том, что многие купецкие и ремесленные люди из губерний на житье в Санкт-Петербург не высланы «и о том, зачем та высылка остановилась по многим указам (губернаторами. — О. К.) не ответствовано». Теперь на место губернаторов и ландрихтеров ставились земские бурмистры, которые должны были руководить выборами в посадской общине. Им подробно разъяснялось уже на основе имеющегося опыта, кого и как выбирать и какие будут наказания за ослушание. Указ гласил следующее: «Ныне выбрав, выслать их (переведенцев. — О. К.) с женами и детьми в Санкт Питербурх бессрочно, а выбрать их в городех земским бурмистрам и выборным людям меж собою самим. Как из первостатейных, так и из средних людей, добрых и пожиточных, которые имели б у себя торги и промыслы, или и заводы какие свободные, а не убогие были б и не малосемейные, и тот выбор учинить им без всякого послабления, не обходя и не наровя никому ни для чего, такожде и на маломочных не посягая отнюдь. И в том тех людей, на которых тот выбор меж себя положен у них будет, привести к вере под таким прещением, что ежели они в том будут чинить несправедно: и из первостатейных, и из средней статьи, и из семейных, и из пожиточных, кто от кого обойдены, а вместо их из маломочных и из одинаких или из престарелых выбраны, такожде и в высылке их какое вымышленное продолжение чиниться от них будет, и за то те выборные (яко клятвопреступники и ослушники указа) с разорением домов и всего имения их, жестоко наказаны будут. И для того губернаторам, такожде лантратом и лантрихтером, и иным никому в те их выборы не вступатца и никакого помешательства не чинить. Кроме того, что привести их к вере, и понуждать, чтоб в выборе и в высылке помянутых людей, никакого они продолжения не чинили. А которые купецкие и ремесленные люди из губерний в Санкт Петербурх на житье высланы, и против челобитья их по розыскам явилось одни из них старые, а другие — скудные и одинакие, а первостатейные обойдены, и вместо тех, выбрав иных добрых потомуж, выслать в Санкт Петербурх немедленно. А выбрав тех купецких людей, как из первостатейных, так и из средней статьи, так и из ремесленных с выбором и с имянными их росписи, с оклады привести в Санкт Петербурх, и с каждого города самим бурмистром, или выборным, которые их выберут, немедленно»²¹.

²¹ ПСЗ. Т. 4. № 3118; см. также: Доклады и приговоры... Т.5, кн.1. № 220, 738.

Видимо, с губернаторов невозможно было так строго спросить за каждого человека, как с бурмистров. Сам бурмистр или кто-нибудь из посадских выборщиков должен был сопровождать избранных ими переведенцев до самого Петербурга и являться вместе с ними в канцелярию, а там предъявлять ведомость за подписями всех выборщиков и лично отвечать за своего избранника. К 1718 г. состав переведенцев еще не был окончательно укомплектован. В июне этого года продолжали рассылать по городам очередные указы из петербургской Ратуши «для житья и на строение домов недосланных купеческих людей и о приводе оных с выборы самим бурмистром или выборными»²².

Но когда процедурой выбора стали руководить не губернаторы, а бурмистры, которые обычно сами и являлись наиболее зажиточными представителями посада, дело отнюдь не пошло на лад. Они шли на различные хитрости и насилие над выборщиками, чтобы уберечь от отъезда из родного города «свою братию». Естественно, что высланные тут же начинали жаловаться на неправильный выбор, благодаря чему в нашем распоряжении имеется множество рассказов о том, как мучительно происходил процесс заполнения новой столицы жителями²³.

Процедура выборов среди посадского населения русских городов была давно отработана и не представлялась жителям каким-то новшеством. В городах издавна из купечества выбирались лица на временную казенную отъезжую службу — заниматься таможенными и кабацкими сборами, приемом и распределением провианта в армии, закупками для царского дворца и проч., на нее тоже выбирались исключительно «пожиточные» люди. Переезд в Петербург рассматривался как такая же «казенная служба». Переведенцев выбирали по этой отлаженной схеме, но тут выборные процедуры из-за особой болезненности их решения сопровождались большим количеством конфликтов. Посады русских городов в целом были настроены против мероприятий по заселению Петербурга за их счет, так как оно наносило им моральный и материальный ущерб, и оказывали ему сопротивление всякими

²² РГАДА. Ф. 764. Д. 1366.

²³ См.: Лысова Е. Ю. Формирование торгово-ремесленного населения Петербурга в первой четверти XVIII века: Дипломная работа, защищенная на кафедре отечественной истории историч. ф-та МГУ. М., 1999. Л. 119.

хитростями и отговорками. Даже если кто-то из посадских людей все же изъявлял желание переехать в Петербург²⁴, бывало, что посадские власти пытались воспрепятствовать этому. Московский посадский человек И. Нагибин, подавший челобитье в Сенат о своем желании добровольно переселиться в Петербург, описывает вызванное этим негодование московского бурмистра В. Горского, который указ с разрешением Нагину переезда «подрал пополам и бросил на землю», а также пытался силой, с помощью солдат, удержать его от отъезда²⁵.

Больше всего желающих жить в новом городе было, видимо, среди крестьян-предпринимателей, но их поселение здесь вообще не предполагалось. Полиция вылавливала и выдворяла из города тех крестьян, кто пытался обосноваться на постоянное жительство, не имея достаточного капитала²⁶.

УКАЗНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА ВРЕМЯ

Одновременно с теми, кто выезжал «бессрочно», из посадов высылались в Петербург и работники на время²⁷. Осенью 1711–1712 гг. только при Адмиралтействе трудились 1465 мастеровых и 1081 человек работных, присланных на установленный срок²⁸. С 1718 г. Городовая канцелярия предложила перейти на свободный наем работных людей, и Петр с этим согласился, однако дальнейшие указы еще несколько лет сочетали добровольность с принудительностью. Например, 19 мая 1718 г. вышел указ «о высылке в Санкт-Петербург для городского дела со всех городов и со всякого звания человек по расчислению работных людей плотников» из центральной России: «В первую половину мая к первому

²⁴ Перечень таких добровольцев см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 56. Л. 114 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 56. Л. 84–85.

²⁶ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. С. 181.

²⁷ О городах, из которых присылались строители «первой смены», см. Агеева О. Г. Указ соч. С.99. Автор отмечает, что принудительная организация рабочей силы была отменена к 1721 г.

²⁸ Колобов Б. В. Строители Балтийского корабельного флота — первые жители Санкт-Петербурга (мастера и мастеровые люди Санкт-Петербургского адмиралтейства // Город и горожане России в XVII–XIX вв. М., 1991. С. 18.

числу с Дмитрова и с Переяславля Залесского триста тридцать шесть человек и быть им у дела три месяца: май, июнь, июль. А во вторую половину, августа к первому числу, смена с Ростова триста тридцать пять человек и быти им у дела август, сентябрь, октябрь». По разнарядке от 45 дворов выбирали одного человека, он должен был быть не престарелый и не малолетний, чтоб с собой у него были свои топор и другие плотничьи инструменты, а также еда на дорогу. До Петербурга каждых десятерых плотников сопровождал проводник из горожан, отвечавший за то, чтобы люди «не разбежались и не переменялись»²⁹.

В 1710 г. состоялся указ о высылке «на вечное житье» рабочих людей из Казанской губернии, в том числе 200 кузнецов. На черные работы присылали татар, не случайно на Петербургском острове возникла обширная Татарская слобода. Здесь критерий отбора был более чем прост — на строительство отсылали мусульман, крещенных же в православие не трогали. В 1717 г. было велено сделать четыре высылки на трехмесячный срок по 500 и по 1000 человек «некрещенных мурз и татар». Всего по планам властей приложить силы к строительству должны были более четырех тысяч мусульман, однако их «явилось мало для того, что неподлинно дворы их переписаны или плутуют высылщики»³⁰.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ

Помимо рабочих-строителей, Петербург нуждался в специалистах самых разных профилей. Крайне необходимой специальностью являлись ямщики, соединявшие жителей столицы со всеми другими пунктами необъятной страны. «К 1720–1725 гг. относится целый ряд распоряжений по улучшению условий гоньбы и материального благосостояния ямщиков»³¹. В январе 1714 г. была проведена очередная реформа в оплате труда ямщиков, в результате путь от Новгорода до Петербурга оплачивался наивысшим образом — «по деньге за версту» на одну лошадь, от Новгорода до Москвы проезд стоил две деньги за 10 верст, во всех других губерниях за 10 верст должны были платить четыре деньги. Годовое

²⁹ РГАДА. Ф. 764. Ростовский магистрат. Д. 53. Л. 67–67 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 63. Л. 579–583.

³¹ Вигилев А. Н. История отечественной почты. М., 1979. Ч. 2. С. 89.

жалование ямщикам отменялось, с ямщиков губернского значения, в отличие от уездных, было велено податей не брать и «без денег ямских подвод никому ни для государственных дел, ни для партикулярных — не давать»³². Иначе говоря, Петр стимулировал труд ямщиков, в особенности на петербургском тракте. Однако, как отмечают исследователи, правительство постоянно изменяло указы об оплате и содержании ямщиков, и сказать по ним о том, что же в реальности происходило, весьма затруднительно³³.

26 июня 1714 г. последовал указ о переселении ямщиков в Петербург, который основывался на тех же принципах, что и остальные июньские указы о переведенцах: ямщиков повелевалось «выбрать лутчих и семьянистых и лошадных, людей добрых и пожиточных; безо всякого пристрастья, по росписке, а имянно в Санкт Питербурх из Московской семдесят три, из ярославской провинции восемь, из архангелогородской шестнадцать, итого сто пять вытей, на половину до Волхова; из Казанской — сорок две, из Азовской — тридцать восемь... и для того выбору в города ехать ландратам и ландрихтерам самим, дабы никто ни для чего обойден не был. А на строение домов их и на подмогу, и на корм, и на годовое их содержание выбрать, которые будут поселены в Санкт-Питербурхе на выть по штидесят рублей, а на половине до Волхова и на Волхове — по сороку рублей для того — которые будут поселяны в Санкт Петербурге в покупке всяких припасов перед помянутыми будут превосходить». Оставшиеся в своих ямах ямщики не будут в убытке, отмечается в указе, так как им бесплатно достанутся дворы переведенцев. Дворы для ямщиков следовало построить «летнем временем» и к зиме их заселить³⁴. Ямщиков Сибирской губернии освободили от переселения, но они должны были выплатить «подмогу» своей братии, переселяемой из других губерний. Процесс этих денежных сборов затянулся на несколько лет³⁵.

Петр очень внимательно относился к переселению ямщиков, так как они имели для правительства особо важное значе-

³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 62. Л. 601.

³³ См.: Соколов Н. И. С.-Петербургская почта при Петре Великом. СПб., 1903. С. 23.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 62. Л. 614–165.

³⁵ Там же. Кн. 154. Л. 207–221.

ние. Сенат поручил А. Д. Меншикову лично наблюдать за их переселением. Ямщики тоже ощущали свою значимость и настойчиво требовали обеспечения нормальных условий для житья и работы. Отсюда — дошедшие от многих ямщицких «землячеств» челобитные с рассказом об их переселении. Вместо крепких и богатых ямщицких семей, как того требовали указы, по словам челобитчиков, в Петербург съехались все бедняки.

Ямщики Азовской губернии, выбранные от Воронежа и Касимова, появились в Петербурге уже в 1715 г., но они жаловались, что денег в губернии им на дорогу не собрали, за долгий путь все, что при них было, они продали и теперь, «живуче мы на Санкт Питере бурхе многое число из разных городов ямщики все изпрелись и помираем голодною смертию, а на корм нам пока выдано по два рубли по двадцати алтын на человека». Далее шел рассказ о том, как трудно идет строительство их домов. Ямщики просили выдать им годовое жалованье. На запрос в Азовскую губернию пришел ответ, что ямщики-переведенцы жалуются ложно, денег им на дорогу было выдано сполна. Однако азовские ямщики настаивали на своем, подав новую челобитную и украсив свой рассказ новыми подробностями. По их делу был допрошен курировавший заселение в Петербурге этих ямщиков дворянин Д. С. Шамшев, его заставили взяться за дело более серьезно³⁶.

Жаловались также и ямщики Архангельской губернии Вологодского, Шуйского, Обнорского и Кинешемского ямов, высланные в 1716 г., по их словам, «против указу», поскольку они «скудные, и несемьянистые, и неконные». И действительно, в перечнях приехавших ямщиков можно, например, встретить такую удивительную семью: «Григорий Карпов девяноста лет, у него жена Дарья Потапова дочь семидесяти лет, у него детей Фома двенадцать лет и Сафон пяти лет»³⁷.

Прибыв в Петербург, архангелогородские ямщики обнаружили, что «дворовое строение комисар Михайло Брянчанинов не построил», и вместо того, чтобы стать хозяевами новых петербургских ямских усадеб, ямщики стали квартироукомплектовщиками и «стояли на постоянных фатерах и платили по шестидесяти рублей на месяц». Ямщики жаловались и в Сенат, и

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 62. Л. 623–640.

³⁷ Там же. Л. 644.

губернатору Меншикову, и в Губернскую канцелярию, что они «вконец оскудели и многия разбрелись, жены и дети в мире ходят и коней кормить нечем»³⁸. Комиссар же Брянчанинов, как выясняется, домов ямщикам не подготовил потому, что артель строителей, которая взялась поставить на копорской новопроложенной дороге 16 ямщицких изб, построила только одну, поскольку у них «лес унесло в большие воды». В результате подрядчик получил 10 лет работ на галерах³⁹. В конце концов дворы ямщикам были отведены и дано по 37 рублей на обустройство, но этого для нормальной жизни им показалось мало, поэтому в 1717 г. они вновь просили «об отводе земли под пашню и под сенные покосы и под скотския выпуски и на всякие угодыя»⁴⁰.

Новгородские ямщики Бронницкого и Зимнегородского ямов подали челобитную лично императору, за что были осуждены на каторжные работы, правда, их вскоре освободили⁴¹. В челобитных ямщиков, однако, отмечается, что их московские собратья устроились на новом месте хорошо, они вовремя были обеспечены и домами, и угодыями. Интересно отметить, что ямщики при написании челобитных не прибегали к помощи писцов — писали сами, и отлично справлялись с этим, судя по подлиннику челобитной, которую писал архангелогородский «ямщик Демид Демидов сын». Составляли же и подписывали текст от имени всех ямщиков их старосты и выборные люди.

Другой группой специалистов, которую в 1714 г. определили к срочной отправке из губерний в Петербург, правда, в данном случае «на время», были целовальники «из посадцких добрых людей и пожиточных». Сначала их требовалось 24 человека. Начались выборы, сборы в дорогу, приезд, регистрация в канцелярии Сената и, наконец, появление на месте назначения — в Провиантмейстерской конторе. Глава этой конторы И. П. Строев был крайне озабочен медленным поступлением из губерний необходимых ему специалистов и писал сенаторам: «У целовальников прошлого 715 года в приеме было провианта по тритцати и по сороку и по пятидесять тысяч четей у каждого человека и тех целовальников в таком

³⁸ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 107–107 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1555. Л. 154.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 107–107 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 189. Л. 898–912 об.

великом приеме провианта и в расходе, конечно, надлежит счет.... В нынешнем 716 году к приему и к роздаче провианта надобно целовальников в Санкт-Петербург и в гварнизон 32 человека, бес которых по самой крайней нужде в приемах и в роздачах провианта пребыть невозможно. И ежели целовальники к приему провианта присланы не будут, то в приеме и в отпуску провианта будет великая остановка»⁴².

Многие приезжавшие из губерний целовальники оказывались к делу не годны и не имели средств к проживанию в Петербурге. Вот что «в допросе» в Провиантмейстерской канцелярии сказали двое, Садоскин и Хоперцов, выбранные от Азовской губернии: «Высланы они из тех городов в Санкт-Петербург в целовальники без выборов, а они тех городов посацкие люди самые убогие люди, и заводов, и торговых, и никаких промыслов у них нет, и кормились они в тех городех мирским подаянием, и дворов у них своих нет, а живут в ызбенках, которые поставлены на грацкой земле, и грамоте, и писать не умеют, и в Санктпетербурхе им ныне пить и есть нечево, и питаются мирским подаянием и в целовальниках быть им за такую скудость невозможно. А по указу велено в целовальники принимать из купецких людей самых пожиточных добрых и знающих людей, грамоте и писать умеющих, за выборы бурмистр и старост, чтоб тем целовальникам в присылке и в роздаче провианта мочно было верить»⁴³.

Целовальники требовались не только в Петербурге, но и в других городах Петербургской губернии; так, например, целовальники Выборга жаловались, что они с 1714 г. вместо положенного года работают уже три, а смены им все нет и нет⁴⁴.

В Петербургский гарнизон поступало огромное количество провианта: на год — муки 210 тысяч четей, круп 13 125 четей, на его прием только здесь, по расчетам Провиантмейстерской канцелярии, требовалось 30 человек, а в наличии было всего семь⁴⁵. Целовальники занимались выдачей хлебного жалованья населению, а также служили при самых разных учреждениях. Например, новгородские посадские люди были в целовальниках при Дворцовой канцелярии для «дворцовых покупок»⁴⁶.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Кн. 62. Л. 477.

⁴³ Там же. Л. 500–500 об.

⁴⁴ Там же. Кн. 65. Л. 168.

⁴⁵ Там же. Л. 170–170 об.

⁴⁶ Там же. Л. 503.

Город, пославший целовальников, был в ответе за них. Так, Стахей Осипихин, «будучи в Санкт-Петербургской Губернской канцелярии у приему и у продажи гербовой бумаги, за выбором тихвинцев посадских людей в целовальники» истратил более 840 рублей: «...издержал их в свой расход собою без указа, пропил и проел, и тех денег платить ему нечем, и двора своего, и пожитков нигде у него нет». Осипихин отправился на каторгу, а растрату велено было судом «доправить на тихвинцах посацких людех, которые ево, Осипихина, выбрали, для того, что ему, Осипихину, в том деле и верить не надлежит, понеже он двора и пожитков у себя не имеет»⁴⁷.

В Петербург для его обустройства вызывались «на вечное житье» различные профессионалы более узкой специализации. Так, в декабре 1715 г. Петр указал, чтобы выбрали для переселения трех-четырех русских садовников «самых лутчих и пожиточных людей»⁴⁸.

Наряду с русскими специалистами охотно привечали на берегах Невы и иностранных мастеров. Так например, в Белозерской слободе обитал «турецкой банной мастер» со своими «людишками»⁴⁹.

ПРИНУЖДЕНИЕ ИЛИ ПООЩРЕНИЕ?

Переселение, временное ли, постоянное ли, требовало больших расходов и на дорогу, и на обустройство. Никакой финансовой помощи правительство не выделяло, так называемая подмога поступала от обложения специальным налогом тех, кто переселенцев и выбирал: посадские люди финансировали переезд своих переведенцев и временных рабочих из посада, ямщики — ямщиков, татары — татар; с церковей собирались «подможные деньги» на переезд священников и т. д. Налог не был централизован, каждая община собирала деньги самостоятельно и вручала их переведенцу, в Петербург же поступал документ, свидетельствующий о том, что сумма собрана и выдана. Например, касимовцы в 1717 г. договорились «полюбовно» с горожанином Калининым, что он уедет в Петербург «от того посаду на вечное житье с женою и с детьми ис подмоги трехсот рублей, которые он требует на тамошней

⁴⁷ Там же. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1555. Л. 152.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 9. Д. 248. Л. 76 об.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 20.

завод торгового своего промыслу и на дворовое строение, и оная подмога триста рублей собрана и отдана ему, Максиму Калинину, с роспискою, и выслан на их же посадских подводах с проводники с касимовским посадским человеком с Ываном Обуховым с товарищи...»⁵⁰.

Временные рабочие также оказывались на самообеспечении. Например, посадским мастеровым людям в 1718 г. указывалось выехать в Петербург со всем плотничьим снаряжением (топорами, пилами и проч.) и взять с собой еду на дорогу, по приезде им обещали выплачивать жалованье, «а на дачу жалованья собрать с тех же городов по рублю человеку на месяц», т. е. жалованье обеспечивал тот же посад⁵¹. Естественно, что с таким финансированием не обходилось без множества недоразумений. Часто переведенцы утверждали, что им денег на отъезд не дали или дали мало (см. выше челобитную азовских ямщиков), с мест же утверждали обратное и обвиняли своих обвинителей в растрате денег по дороге. Подмога вообще не должна была покрывать всех расходов, в переезд вкладывались и собственные средства.

Бытует мнение, что приехавшие на житье в Петербург получали какие-то льготы от государства. С. И. Гречушкин, например, представлял такую идиллическую картину: «Желающим переселяться в Петербург давались всякие льготы: дарили участки земли, выдавались субсидии на постройки, торговых людей освобождали от всяких повинностей»⁵². И действительно, как мы видели, некоторые из первых переселенцев получили «данные» грамоты на землю под двор, все должны были получать «субсидии» в виде подмоги, денежное и продовольственное жалование в Петербурге было значительно выше, чем в других городах, из-за дороговизны жизни, однако, все это делалось не с целью заинтересовать людей переездом, а с тем, чтобы обеспечить элементарное выживание тех, кто направлялся в Петербург в принудительном порядке. Поэтому термин «льготы» вряд ли в данном случае является уместным.

Ни в одном из «публикованных» (т. е. доведенных до сведения широкой публики) указов ни о льготах, ни о каких-либо преимуществах петербургской жизни не говорилось. «Торговых

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 63. Л. 559.

⁵¹ РГАДА. Ф. 764. Д. 1359. Л. 67 об.

⁵² Гречушкин С. И. Из русской истории. В Петербурге при Петре Великом. М., 1910. С. 14.

людей» отнюдь не «освобождали от всяких повинностей». Покинув свой посад, они не могли избежать тягла и должны были его платить не в своем родном городе, а в Петербурге в прежнем размере, числившиеся же за ними недоимки они должны были выплачивать сполна. Не освобождались посадские люди и от казенных работ. Именной указ «торговым людям, которые определены к высылке из губерний на житье в Санкт-Петербург» от 3 июля 1715 г., постановлял, что «с них и с детей и с братьев их и свойственников, которые с ними живут, и торги всякие и промыслы иметь, и десятую деньгу, и всякие подати платить вместе, положеной на них в губерниях оклад десятой деньги на 715 и впредь по вся годы иметь, и в службу выбирать их в Санкт-Петербургской губернии, и приписать тот их платеж в оклад во оную губернию, а в других губерниях ни в чем их не ведать и ото всего их учинить свободных, кроме того: ежели у кого у них в тех губерниях есть дворы и вотчины или заводы, какие на оброке, и с того оброчные деньги иметь в тех губерниях по прежнему. На ком какая доимка есть на прошлые годы и тое велеть прислать все для выбирания на них в Санкт-Петербурге в канцелярию Сената, выправясь подлинно, а в губерниях той доимки на них и на сродников их, которые с ним живут вместе в одних домах, не спрашивать, и помянутой их оклад десятой деньги в губерниях и в окладу выложить и поставить в счет на Санкт-Петербургскую губернию, и о том велено послать во все губернии указы»⁵³. Указ 1716 г. подтверждал те же положения⁵⁴. Правда, как представляется, какое-то время со сбором окладных денег с вновь прибывших была неразбериха вплоть до учреждения Коммерц-коллегии и Главного магистрата. Во всяком случае, свидетельств о сборах окладных налогов с петербургских жителей мне обнаружить не удалось.

В организации переселения в Петербург О. Г. Агеева отмечает правительственную политику кнута и пряника, наряду с «нормами наказания» она усматривает и «нормы поощрения» и считает, что «в целом Петербург показал гибкое обращение с традицией (переселений. — О. К.)»⁵⁵. Мне с этим трудно согласиться. Конечно, государство вынуждено было оказывать какую-то помощь людям, чтобы дело двигалось вперед, но о том, чтобы привлекать людей в город льготами,

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 68. Л. 3.

⁵⁴ ПСЗ. Т. 4. № 2918, 3016.

⁵⁵ Агеева О. Г. Указ. соч. С. 118.

не было и речи. Ни в каких документах ни о каком поощрении или необходимости заинтересовать петербургских переведенцев указаний нет. Все мероприятия осуществлялись в принудительном порядке, исходя из государственной целесообразности, и государевы слуги должны были выполнять их беспрекословно — таковой была основная стратегия организации заселения города. Зависимых людей нет смысла поощрять, им можно просто приказать.

Когда со временем выяснялось, что задуманное оказывалось неосуществимым, реализм заставлял принимать какие-то более разумные меры. Хотя «постепенно в городе появилась и значительная часть ремесленников и купцов, обосновавшихся здесь надолго и по собственному желанию»⁵⁶, эти тенденции проявились не благодаря переселенческой политике, а вопреки ей.

К 1720 г. правительству пришлось отойти от жестких административных мер и прекратить принудительное переселение, но и поощрять переселенцев оно не стало. Самые различные жизненные обстоятельства, помимо принуждения, приводили людей к тому, что они становились постоянными жителями Петербурга, но среди них для петровского времени я бы не рискнула назвать «многочисленные меры по улучшению условий жизни, предоставление льгот, наличие спроса на рабочую силу», которые постепенно делали «жизнь в новом городе привлекательной»⁵⁷.

Характерно высказывание обер-полицеймейстера Петербурга Антона Девиера о том, что улучшения условий жизни в городе предпринимаются не для горожан, а для приезжих, от которых государство будет иметь пользу. Девиер писал Петру: «Порядки суть потребны, ибо всегда большее бывает в таковых местах приезжаго народа всякого звания, где полицейской порядок безопасной учрежден, и от того немалая государству имеется быть польза и прибыток»⁵⁸. Развивая торговлю с другими странами, Петр давал льготы купечеству для торговли с иноземными партнерами и особенно поддерживал в этом отношении тех, кто торговал в Петербурге⁵⁹, но на решение пере-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1206. Л. 373 об.

⁵⁹ См. подробнее: *Ретин Н. Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангельский и Петербургский порты). Омск, 1989.

ехать с семьей навсегда в новую столицу эта экономическая политика вряд ли серьезно влияла⁶⁰. Переведенцы не смели жаловаться на то, что переселение причиняет им разорение, за небольшим исключением, когда их личное производство касалось казенного интереса⁶¹, и из пожиточных они становятся в Петербурге разоренными. Торговые крестьяне для вступления в петербургский посад могли иметь капитал в 300, а не в 500 рублей, как для других городов, но случаи перехода крестьян в петербургское купечество демонстрируют такое количество бюрократических препон, что и больший капитал мало помогал.

Таким образом, наряду с теми, для кого переезд оказался трагичным⁶² были и те, кто приехал на берега Невы «своею охотой» еще до царских указов, а иногда и вопреки им. Таким переселенцам город стал родным, и, видимо, они и явились той силой, которая укрепляла моральный дух новой столицы.

⁶⁰ О переводе купечества в Петербург петровского времени подробно пишет Е. Ю. Лысова. По ее наблюдениям, никаких налоговых льгот и преимуществ купечество при переезде в Петербург не получало. (Лысова Е. Ю. Указ. соч. С. 40.).

⁶¹ Например, купцы, контролировавшие все суконное дело, необходимое для армии, просили в 1715 г. освободить их от переезда из Москвы в Петербург, так как это нанесет урон их предприятию государственной важности. От переезда их освободили, но заставили построить в столице дома и поселить туда вместо себя родственников (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 56. Л. 60–63 об.).

⁶² Кошелева О. Е. Один из Иванов в эпоху Петра // Казус-2001. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002.

Глава 5

«Дворенцо я имею здесь купленное»

(Дворовладение на Санкт-Петербургском острове)

Очутившись на петербургской земле, приезжие в первую очередь должны были подумать о крове над головой, об устройстве своего нового жилища. В сказках переписи хозяева не дают характеристик своему двору, тем не менее их можно себе представить. Одни сообщали: «...ныне построила помещица моя строенья на оном месте все каменное и на оной двор данная дана», другие — «...дворенцо я имею здесь купленное на Санкт-Питербурхском острове в Казанской улице» (л. 391).

Сказки 1717 г. содержат сведения о всех способах, которыми петербургские дворы приобретались (см. табл. 1). Табель, составленная на основе сказок, имеет графу «по каким указам (приобретены дворы. — О. К.)», однако многие дворовладельцы действовали без каких-либо указов. В табели обозначены различные способы получения как уже застроенных дворов, так и пустующих мест:

- 1) по царским именным указам с получением данной грамоты на землю или без получения (более всего в этой группе военных, им земля отводилась под полк);
- 2) на основе «данных грамот» из Губернской канцелярии (чиновничество, государевы мастеровые);
- 3) земли отводились под дворы разными «начальственными» персонами⁶³, в первую очередь комендантами Петропавловской крепости (Р. В. Брюсом, В. И. Генниным, О. М. Чемесовым), главным архитектором Д. Трезини и другими лицами,

⁶³ М. В. Иогансен пишет, что «документов, содержащих сведения об отводе участков для первых слобод, пока обнаружить не удалось» (Иогансен М. В. К вопросу об авторстве генерального плана Петербурга петровского времени // От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству XIX в. М., 1984. С. 58). Сказки и табель 1717 г. дают достаточно полную картину отвода участков в начальный период заселения Петербургского острова.

осуществлявшими единичные отводы земли; правда, лишь небольшое число лиц получило документ на владение землей, в основном это были устные распоряжения;

4) без каких-либо указов, «собою», т. е. самостоятельно, занимали пустующее место и строились на нем;

5) на основе покупки земельного участка или застроенного двора;

6) в результате «других сделок» (дарение, наследование, закладная грамота).

ПОКУПКА ДВОРА

Наибольшее количество дворов (52%) было приобретено через покупку, т. е. первые хозяева избавились от них либо в связи с отъездом из города, либо в связи с приобретением иного жилья. В строящийся город временно приезжали мастеровые, торговцы, посадские люди, чиновники, крестьяне-отходники, солдаты и др. Уезжая из Петербурга, они продавали свои дома вновь прибывшим. Эти жилища — по большей части деревянные курные избы — строились на скорую руку и не обустраивались так, как обустраивают дом для своей семьи. Дворы постоянно перепродавались. Например, провиантмейстер И. П. Строев, предусмотрительно хранивший копии всех предыдущих купчих, сообщил в 1717 г., что принадлежавший ему двор в 1711 г. был продан дьяком Л. Протасьевым подьячему М. К. Внукову, потом перешел к его брату И. К. Внукову, а в 1714 г. его купил уже сам Строев⁶⁴. Двор посадского В. Д. Якимовского с 1713 по 1717 г. также сменил четырех владельцев⁶⁵. Однако приблизительно 50% дворов, отнесенных в переписи 1717 г. к владениям, на которые имелись разного вида «данные грамоты», а также построенные самостоятельно, видимо, не меняли своих владельцев, за исключением тех случаев, когда «данная» выдавалась на дворы, конфискованные в судебном порядке⁶⁶.

Оформление купчих и других документов на владение двором в Петербурге до 1719 г. происходило в Крепостном

⁶⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1118.

⁶⁵ Там же. Д. 1146.

⁶⁶ Например, солдат Иванов был поставлен «на отписанном дворе, которой отписан на великого государя у подрядчика Федора Шубина за непоставку подряду... а того двора жители все бежали» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1232).

столе⁶⁷ при Губернской канцелярии, а потом в Крепостной конторе при Юстиц-коллегии. Записные книги этих заведений с регистрацией сделок хорошо сохранились⁶⁸. Если продавали двор солдаты, то первичным оформлением документа занималась их полковая канцелярия⁶⁹. Процесс получения юридически состоятельного документа на владение двором требовал «длительного, трудоемкого делопроизводства», проходил несколько этапов от составления крепостного акта, его фиксации «перечнем»⁷⁰ до его «совершенной записки» — утверждении нотариальным органом при судебном учреждении. Если же было не успеть сделать «совершенную записку» в установленные сроки, то оказывалось, что «крепость будет не в крепость» (т. е. недействительна). За совершение сделки, за записи в книгу, за составление копий и проч. брались пошленные деньги⁷¹.

Купчая с описанием размеров двора и его построек начинала оформляться сторонами после того, как плата была полностью внесена. Например, слесарь Иван Григорьев, торговавший в 1716 г. двор у подьячего Семена Черкасова и фактически уже на нем поселившийся, сделку к 1717 г. окончательно еще не завершил: «А на тот двор купчей еще не взято для того, что деньги не все ему, Семену, заплатил»⁷². Справка о имеющейся недвижимой собственности арестованного в 1720 г. Ивана Посошкова отмечает всю правильно выполненную им процедуру покупки двора на Санкт-Петербургском острове на Малой Никольской: двор «...он, Иван, на свое имя купил в прошлых 716 или в 717 году у подьячих Ивана да Семена Ждановых, дал 400 рублей и взял у них купчую крепостных дел, и о записке того двора за собою бил челом и пошлины платил в Санкт Питербурхской Губернской канцелярии.

⁶⁷ Его также называли столом «земских дел».

⁶⁸ Записные книги купчим, данным и закладным по Петербургу с 1718 г. сохранились в РГАДА (Ф. 412 и Ф. 285).

⁶⁹ Например, в одной из сказок говорится, что продававшие свой двор солдаты дали покупателю «купчее письмо от полковых дел, за рукою, и по тем купчим тем хоронным строением» он владеет (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1139).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1481 (записная книга купчих «перечнем», составленных в 1718 г. и внесенных в книгу в 1722).

⁷¹ Весь процесс подробно описан Л. М. Балакиревой (*Балакирева Л. М. Создание Крепостной конторы при Юстиц-коллегии // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000. С. 211–213*).

⁷² РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1233.

Купчая у подьячего (Губернской канцелярии. — О. К.) Ивана Бушуева»⁷³.

В Губернскую канцелярию также обращались с просьбами о получении «данной грамоты» на двор все те, кому он был отведен еще до существования канцелярии безо всяких документов: например, братьям Бутурлиным двор дан «по их челобитью» из Губернской канцелярии, по отводу и по чертежу дьяка Петра Никитина»⁷⁴. В 1716 г. в Губернской канцелярии случился пожар, и многие документы на дворы оказались утрачены. Так, один из владельцев петербургских дворов волновался об оформлении своей собственности в Губернской канцелярии, поскольку ее подьячий Иван Бушуев ему сказал, «что та челобитная в пожарное время как Губернская канцелярия горела — сгорела, и по се число тот двор за ним в Губернской канцелярии не записан»⁷⁵.

Одни владельцы сокращали свои дворы, продавая половину, другие, наоборот, увеличивали, прикупая близлежащие владения. Например, замочный мастер К. Аввакумов сообщил, что «тремя дворами владеет он за один двор»⁷⁶. Многие жители имели по несколько дворов в разных районах Петербургского острова. Ландрихтер Петербурга, главный судья Нижнего (Провинциального) суда Федосей Мануков в 1710 г. купил двор со строением на Дворянской улице, к которому в 1711 г. на основании данной грамоты была прибавлена соседняя земля Семена Хрущева. К другому своему двору, в Белозерской слободе, Мануков тоже прикупил дворы со строениями. Третий двор он приобрел в 1713 г. на протоке (протоками называли небольшие рукава рек), на незастроенном месте, которым ему «поступился» П. Ушаков, здесь он и проживал, возведя мазанковые хоромы⁷⁷.

Соседом Ф. Манукова был его коллега по Губернской канцелярии и ближайший помощник дьяк Дмитрий Овинов, который также являлся владельцем нескольких дворов. Один из них был в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы, который «...построил я, — писал Овинов, — на данном месте, которое мне дано в 712 году по указу из Санкт-Петербургской

⁷³ РГАДА. Ф. 7. Д. 209. Л. 3.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1134.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1478. Л. 84.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1187.

⁷⁷ Там же. Д. 1152.

канцелярии, между домов ландрихтера Федосея Семеновича Манукова и цейх-директора Михаила Аврамова (зятя Овинова. — О. К.). Другой — во оном же приходе, которой куплен в нынешнем 717 году, апреля 8 числа», в этом его дворе жил «по свойству Санкт-Петербургской губернской канцелярии подъячий Иван Дмитриев»⁷⁸. Перед дворами Манукова—Овинова—Аврамова на Мокруше располагался большой болотистый луг, который использовали под выпас коз и баранов, в том числе и принадлежавших самим этим представителям городской власти⁷⁹.

По данным переписи 1718 г., в казенном владении было 14 дворов, по два двора имели 24 хозяина, а по три — 3. У четырех дворов было по 2 хозяина, владевших ими совместно. Остальные хозяева объявили в своем владении один двор. Таким образом, в сказках 1718 г. значится 432 хозяина и 460 дворов.

С какой целью приобреталось несколько дворов? Люди жилищные следовали петровским указам строить дома не только для себя, но и для сдачи внаем. В ряде случаев была необходимость иметь дополнительную площадь для работы (художникам и другим мастерам требовалась мастерская, дякам — место работы с учениками и писцами). Возможно, что для улучшения жилищных условий многим хозяевам было проще купить новый дом, чем заниматься ремонтом старого. Старые же дворы использовали под хозяйственные нужды, они также давали возможность выселить из собственного двора часть прислуги и постояльцев.

Помимо купли, дворы переходили от одного хозяина к другому по долговым обязательствам и в качестве дарения, которые также было необходимо документально оформить в Губернской канцелярии. Частое использование выражения «поступился мне своим двором такой-то» наводит на мысль о том, что взаимные услуги, обязательства и долги могли иметь в качестве расплаты передачу своего двора другому лицу. Видимо, существовала и форма фиктивной покупки — т. е. в качестве расплаты за долг (необязательно денежный) двор могли продать по низкой, символической, цене. В сказках на вопрос о способе приобретения двора встречаются такие ответы:

«оным двором поступился мне за долговые мои деньги каменного дела подмастерье Андрей Иванов»;

⁷⁸ Там же. Д. 4012.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 62.

«двором поступился мне посадский человек Семен Матвеев за долговые деньги, которые занял у меня он, Семен Матвеев, в нынешнем 717 году, в генваре, 19 рублей для нужды своей. По коих мест он... тех денег не выплатит, и мне... двором владеть не в куплю и не в продажу»;

«оним двором уступил мне за долговые мои деньги салдат Максим Семенов. На тот двор есть у меня ево письмо»;

«а оной двор достался мне в прошлом 1714 году по уступке Ильины жены Васильевского Марфы Дементьевы дочери за долговые мои... деньги, за сто рублей, а поступного письма у меня, Пелагеи, нет. Только у той поступки принесена у них (т. е. у Марфы и у Пелагеи. — О. К.) в Сенат челобитная, и по той челобитной из Сенату послан в Губернскую канцелярию указ, по которому велено на тот двор дать данную, и по тому указу в 715 году на тот двор дана мне данная и ныне у меня есть»⁸⁰.

По-видимому, в тех случаях, когда в сказке отмечали наличие на двор «письма» вместо купчей⁸¹, речь шла о том, что двор не продан, а им «поступились» по каким-то причинам. Показательно, что все шведы-«арестанты», имевшие в Петербурге дворы, в сказках отмечают данные им на них «письма», а не «купчие». Возможно, «письмо» как документ, имевший временное значение, не всегда регистрировалось в канцелярии. Родственники и, наверное, не только родственники, продавали дворы своим близким, основываясь на доверии и не занимаясь долгой и мучительной процедурой оформления сделки. Например, матрос Кобелев, купивший в 1713 г. двор у родственника, написал, что у него «на тот двор крепости никакой нет для того, что сделались по свойству»⁸². Иногда двор, уезжая, даже не продавали, а просто оставляли в нем жить кого-то из знакомых, как, например, ратушного подьячего Евстрата Пиминова поселил на своем дворе «по знакомству» уехавший в Новгород отставной солдат Никифоров⁸³.

Подробный рассказ о покупке двора содержится в челобитной подьячего Трофима Быховцева. В феврале 1721 г. его коллега по службе подьячий Иван Десятов посоветовал Быховцеву: «якобы с доброй приятной зычливости (приятельской отзывчивости. — О. К.) Санкт-Петербургской таможни

⁸⁰ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1133, 1195, 1215, 1251.

⁸¹ Там же. Д. 1217, 1228, 1229 и др.

⁸² РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1191.

⁸³ Там же. Д. 1215.

у бывшего подьячего Василья Елизарова сына Таратина двор и с местом и с строением купить». Продавец двора Таратин и посредник Десятков с женами пришли к покупателю Быховцеву и договорились о сделке: «Приговорили мне за тот двор дать 75 рублей, в чем договорились и задаточных денег у меня 5 рублей того ж числа приняли и отдали на руки Десятого жене, а на другой день — 10 рублей, итого 15 рублей». Оставшиеся деньги следовало отдать, когда «крепость (т. е. купчую. — О. К.) на тот двор изготовят», но переезд в купленный двор «с фатер» Таратин разрешил начать до окончательного расчета, поэтому Быховцев «привез и положил в сених в чулан 5 четвертей муки ржаной старой покупки». Через несколько дней в качестве документа, удостоверяющего его права владения двором, Таратин представил Быховцеву копию «письма» («дал ему вчерне с письма своего копие, по чему он своим двором владеет»). Но Быховцев это письмо не принял: имея «опасения», он попросил, «дабы дали как надлежит, от крепостных дел». Он хотел быть уверенным, что двор действительно принадлежит продавцу и у него других владельцев нет. Видимо, такая позиция покупателя продавцам не понравилась, и пока Быховцев был занят в канцелярии срочной работой, они, «не учиня крепости» и ничего не сказав Быховцеву, продали двор другому человеку за 60 рублей и уехали из Петербурга. Муку Быховцева перевезли к Десяткову на двор, а задаточные деньги ему не вернули. «И то учинили они над ним подлогом, — жаловался Быховцев, — что он от такого подлогу учинился в разорении, без денег и без хлеба и без двора, помирая з женою и з детьми голодом»⁸⁴. Помимо прочих любопытных деталей этого рассказа, связанных с процессом покупки двора, в нем нашло отражение различное отношение к бюрократической процедуре оформления сделок купли-продажи: одна сторона пыталась обойтись без участия государства в сделке (в лице крепостного стола), другая же полагала необходимым совершить сделку, согласно правильной юридической процедуре.

ЦЕНЫ НА ДВОРЫ

Какими же были цены на дворы во второе десятилетие XVIII в.? Разница в них оказывается весьма значительной,

⁸⁴ Там же. Ч. 2. Д. 1574. Л. 30.

что отражает разный качественный уровень предлагаемых к продаже городских усадеб. По данным Р. Хелли, цены на дворы колебались от 90 копеек до 3000 рублей⁸⁵, такой результат дали ему сведения о ценах на 314 российских дворов за 1600–1724 гг. Разброс их слишком велик как во времени, так и в пространстве. Полные данные о ценах петровских времен содержат записные книги крепостных контор Петербурга, однако и они содержат не меньшую амплитуду цен.

Когда получали землю под петербургский двор на основании «данной грамоты», т. е. от государства, то при ее оформлении в крепостном столе тем не менее вносили за землю небольшую плату — алтын за сажень. Например, в 1714 г. драгуну И. Лутовинову было отведено «порозжее дворовое место», на котором он возвел хоромное строение, но «за отлучением» из Петербурга «данной грамоты» он не получил. В 1720 г. Лутовинов обратился в Губернскую канцелярию с просьбой такую грамоту ему выдать, в канцелярии подтвердили законность его владения и готовы были удовлетворить его просьбу после того, как он заплатит за землю по алтыну за сажень — всего 8 алтын 3 деньги⁸⁶. Видимо, тем, кто в свое время занял землю самостоятельно после переписи 1717 г., тоже выдали «данные грамоты», получив за них соответствующую плату⁸⁷. Оформленная в собственность, земля могла быть продана и без строений — разрушившихся или вывезенных на другое место; в сентябре 1718 г. такой «пустой» двор был продан за 27 рублей⁸⁸.

Обширные «загородные» дворы с богатыми строениями стоили дорого. Такой двор в январе 1718 г. купил у греков за 700 рублей доктор Антон Савастий⁸⁹, за 1000 рублей в 1719 г. устряпчего с ключом Панкратия Сумарокова купил двор на Малой Неве архимандрит Новоспасского монастыря Иерофей⁹⁰, однако строения в усадьбе Сумарокова, по сравнению

⁸⁵ *Hellie R. The economy and material culture of Russia. 1600–1725. Chicago, 1999. P. 395.*

⁸⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1476. Л. 9.

⁸⁷ См. резолюции Петра I на доношении генерал-майора Чернышева об отводе мест под строение дворов и о платеже денег за отведенные места (РГАВМФ. Ф. 223. Д. 22. Л. 12–22).

⁸⁸ РГАДА. Ф. 285, Оп. 1. Ч. 2. Д. 1469. Л. 43.

⁸⁹ Там же. Л. 30–31 об.

⁹⁰ Описание документов и дел Святейшего синода. СПб., 1868. Т. 1. № 126/228. Стлб. 105–108.

с соседними, не были самыми впечатляющими⁹¹. Поручик П. Мурзин в 1720 г. за находящийся неподалеку на той же улице каменный двухэтажный дом получил от казны 3000 руб.⁹²

Продажа в Посадской слободе трети двора, на которой располагалась изба с сенями, два чулана и амбар, была совершена крестьянином в октябре 1718 г. за 40 руб. В сентябре того же года в той же Посадской слободе крестьяне братья Макулевы продали стольнику Андрею Нармацкому двор размером 30×6 сажений за 160 руб.⁹³ И. Т. Посошков купил в 1717 г. на Малой Никольской двор с деревянными постройками за 400 руб.⁹⁴

А в Татарской слободе солдатки продавали свои дворы рублей по 15⁹⁵. Самый дешевый двор из известных мне сделок был куплен лекарским учеником И. Пановым за 8 рублей⁹⁶. Такой разброс цен — от 8 руб. до 3000 руб. — свидетельствует о неравнозначности дворов и жилья на Петербургском острове.

В кратком варианте текстов купчих, который помещался в записные книги крепостных контор, описание строений во дворах присутствует редко (обычная формулировка проста — «двор... со всяким дворовым и хоромным строением»), из-за этого затруднительно сказать, почему тот или иной двор был продан именно за такую-то сумму. Думается, что цена могла зависеть не только от реальной стоимости двора, но и от личных отношений между продавцом и покупателем — ценой могли «поступиться» вследствие долга или оказанных услуг⁹⁷.

⁹¹ На нем в 1713 г. находились четыре светлицы, двое сеней, чулан, баня с печью, две людских избы с печами, поварня с очагом, конюшня, сараи, да на заднем дворе изба с печью и сушилом (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 99. Л. 5). Вероятно, площадь двора была обширной. Загородный двор Сумарокова на Карповке имел только людскую избу (Там же. Ч. 2. Д. 4817. Л. 13).

⁹² Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 321; В 1713 г. на этом же дворе была только деревянная «светлица с комнаткою» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 8).

⁹³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1469. Л. 43, 42.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 7. Д. 209. Л. 3.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1469. Л. 4 об.

⁹⁶ Там же. Д. 1473. Л. 12 об.

⁹⁷ Например, слова одного из челобитчиков о том, что ему «поступились за 30 рублей» двором с дворовым и хоромным строением в Певческой слободе, видимо, свидетельствуют о том, что с него взяли неполную стоимость.

Примеры государственной оценки стоимости двора дают возможность соотнести ее с конкретными параметрами этого двора и постройками на нем. Такой случай имеется в деле, связанном с получением в собственность двора капитаном лейб-гвардии Преображенского полка Герасимом Ивановичем Кошелевым. Двор находился за Кронверком в Татарской слободе. Первоначально он принадлежал полковнику Инглису, потом — попавшему в 1715 г. под арест вице-губернатору Я. Римскому-Корсакову. Этот двор, оказавшийся таким образом выморочным, глава розыскной канцелярии кн. В. В. Долгорукий, занимавшийся делом Корсакова, личным распоряжением отдал даром в том же 1715 г. Г. И. Кошелеву. Однако, когда в 1719 г. кн. Долгоруков уже сам попал под следствие розыскной канцелярии, в список его хищений, «повредивших» казенный интерес, попал и двор Кошелева, за который требовали выплатить казне 200 рублей. Кошелеву тем не менее удалось добиться царской милости: ему было разрешено за двор ничего не платить, «данную» на него оформили и выдали ему на руки в Губернской канцелярии. В связи с этим делом и проводилась оценка двора Корсакова, находившегося в запущенном состоянии (сам он жил, видимо, на другом дворе⁹⁸), однако имевшего множество построек и значительные размеры: поперечник по улице — 15 сажен, длинник — 25 сажени, да «того ж двора место пустое, мерою поперечнику 6 сажен, длиннику — 25 сажен». В этом дворе имелись «на поперечнике по улице строения по передней стене от ворот двойною мерою в длину, другая — двойная — пол-четверты сажени, промеж ими — сени двух сажен, у тех сеней с улицы крыльцо, на двор — другое, те хоромы под одною кровлею, по длиннику к двойне — сени пол-четверты сажени, у тех сеней — баня полторы сажени, подле ея — чулан, у тех же сеней изба пол-трети сажени, у ворот — чулан, мерою промеж угол дву сажен, ворота и изба ветхие, печь и пол выломаны, сарай мерою шти сажен, подле сарая два чулана рубленых полчетверты сажени, конюшня с сушилом мерою трех сажен с аршином, подле того ж конюшня пол третьей сажени, погреб мерою дву сажен с аршином, на огород — калитка, в огороде изба с сеньми, печь и мосты и дверь выломаны, всего дворового места и с пустырем поперечнику по улице двадцать одна сажень, в заднем конце поперечнику тож, длиннику двадцать пять сажен, которой по оценке ценовщиков

⁹⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 99. Л. 40.

с дворовым местом и с хоромным строением оценен в двести рублей»⁹⁹. То, что пол в нежилом доме оказался разобранным, — не случайность, древесины в Петербурге катастрофически не хватало, о чем еще скажем ниже.

Более дешевый дом, проданный ученику корабельного дела Г. Я. Квашнину-Самарину за 50 рублей, выглядел следующим образом: изба «с перерубом начетверо», с малыми окнами, в ней — сени, в сенях два чулана, на дворе — две конюшни. Двор был огорожен «в полтына тесом», а огород не огорожен и не распахан и «против двора улица не мощена и канал не копан»¹⁰⁰.

ПОЖАЛОВАНИЕ ДВОРА ИЗ КАЗНЫ

Дворы, являвшиеся государственной собственностью (построенные для служащих того или иного ведомства или «отписанные» на государя), обычно тут же передавались частным владельцам, и этот акт подтверждался «данной грамотой», за землю выплачивалось, как сказано выше, по алтыну за сажень. Например, в 1718 г. несколько частных лиц указом из Посольского приказа было велено обеспечить жильем, и им были отданы дворы, принадлежавшие Адмиралтейству¹⁰¹. Дворы арестованных лиц опечатывались и иногда еще до вынесения им приговора отдавались другим владельцам. Так, во дворе дьяка Федора Воронова в мае 1718 г. хозяином назвался подьячий Иван Семенов (л. 460), а в это время Воронов, арестованный в феврале 1718 г. по делу царевича Алексея, был еще жив и находился под следствием.

Вдова поручика Я. Вешнякова обращалась в Сенат с просьбой дать ей двор, поскольку «живет она в Санкт Питербурхе, скитается меж двор с малыми детьми своими, а кварталы себе нигде не имеет, а нанимать нечем», место для жилья она себе уже присмотрела — просила дать ей «в квартиру отписной двор... а тот двор на Санкт-Петербургском острове в Посадской улице посадского человека Сергея Гордеева»¹⁰².

В вопросе владения двором возникали разные недоразумения. Стольник Ф. Л. Мартемьянов на вопрос переписи

⁹⁹ РГАДА. Ф. 285. Ф. 1. Ч. 2. Д. 1479. Л. 54–57.

¹⁰⁰ Там же. Д. 1478. Л. 28.

¹⁰¹ РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 169. Л. 12.

¹⁰² РГАДА. Ф. 248. Д. 1209. Л. 446.

об имеющемся у него дворе сообщил, что построенный им в 1705 г. двор на Малой Неве взял у него его сосед обер-комиссар Ульян Синявин «насильством» в 1710 г., когда Мартемьянов был послан на службу в Выборг. И в 1717 г. на том его дворе проживал брат Ульяна Синявина Федор, а Мартемьянову пришлось построить себе другой двор¹⁰³. Сам Федор Синявин об этом же дворе сообщил, что он дан ему в 1710 г. по указу великого государя и по приказу А. Д. Меншикова, и данная грамота из Петербургской губернской канцелярии у него имеется¹⁰⁴. Так своей всевластной рукой петербургский губернатор мог, не считаясь с правами собственности, лишить владельца его двора в угоду нужному ему лицу. В другой сказке окольничий кн. Н. М. Засекин жаловался, что с купленного им в 1710 г. двора он был выселен цейх-директором Оружейной канцелярии М. Аврамовым по государеву указу для занятия того места под Оружейные слободы, но «ныне он, дьяк Михайло Аврамов, на том дворе живет сам и строение перевез свое и владеет неведомо по каким крепостям»¹⁰⁵. Таким образом, важные для города персоны, такие, как Ульян Синявин и Михаил Аврамов, имели особые возможности в приобретении дворов.

Помимо покупки и пожалования, двор можно было получить в наследство или в качестве приданого (подполковник Я. Стронский, например, владел двором «по купчей первого жены своей мужа»)¹⁰⁶. Однако собственность на дворы не являлась полной. «В городе, — пишет Е. В. Анисимов, — почти сто лет не было собственности на землю — в любой момент участок у владельца, построившего на нем дом, могли отобрать»¹⁰⁷.

ДВОРОВОЕ И ХОРОМНОЕ СТРОЕНИЕ

Строения, имевшиеся во дворах Петербургского острова указанного времени, подробным образом отражены в переписи 1713 г.: хозяйственные постройки (бани, поварни, са-

¹⁰³РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1148.

¹⁰⁴Там же. Д. 1209; этот же двор за Синявиным в 1713 г. (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 99. Л. 4.)

¹⁰⁵Там же. Д. 1183.

¹⁰⁶Там же. Д. 1143.

¹⁰⁷Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 231.

раи, конюшни, амбары, ледники и проч.) и «хоромное строение», т. е. жилые помещения. Последние были разных типов: либо каменное строение (их помещения именуются «палатами»), либо светлицы, либо избы. В переписи 1713 г. слово «мазанка» употреблено единожды¹⁰⁸, богатые жилые постройки названы исключительно как «светлицы»¹⁰⁹. Несколько светлиц, в основе которых лежал деревянный сруб¹¹⁰, делались в связке между собой, некоторые светлицы бывали «с комнаткою», т. е. с каким-то дополнительным темным помещением. Дома имели сени, парадные и черные, имевшие в себе чуланы для хранения вещей. Наличие сеней делало дом более теплым. Помимо хозяйского жилья во дворах имелись людские избы, иногда «особные» избы для приезжих, лавки, выходившие прилавком на улицу, конюшни, бани, поварни, амбары¹¹¹.

Дворы Петербурга, как и в других русских городах, имели огороды, где выращивали овощи или пасли скот. В переписи 1713 г. среди построек дважды упомянуты «скотные избы», «скоцкие сарай», есть множество и других свидетельств того, что во дворах Петербургского острова держали и коров, и коз, и овец, и птицу¹¹².

Дворы огораживали забором, а огороды — просто частоколом. Но за ним встретить хороший сад было трудно: даже в садах у голландцев, замечал современник, «из-за холодной почвы вырастает немного, тем более, что зима продолжительнее лета»¹¹³.

Улицу перед двором хозяева были обязаны замостить, «а у кого не мощено — держать тех в тюрьме» — гласил указ¹¹⁴.

¹⁰⁸РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 50 об. (двор дворянина И. Микулина). Строить всем каркасные мазанки, а не деревянные дома было велено только указом от 14 апреля 1714 г. (ПСЗ. Т. 5. 2792).

¹⁰⁹А. И. Богданов объяснял, что «светлица» — это когда «покои сделаны по обычаю хоромного регулярного строения, всякая хоромина в четыре покоя состоящая и нарочитою работою выстроено» (Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. М., С. 222).

¹¹⁰Например, употребляется выражение «два сруба светличные» (РГАД. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 79).

¹¹¹См. также: Агеева О. Г. Указ. соч. С. 224–226.

¹¹²Кошелева О. Е. Выпас на Невском // Родина. 2003. № 1. С. 116–119.

¹¹³Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991. С. 57.

¹¹⁴РГАДА. Ф. 198. Д. 642. Л. 46 об.

Требование выводить дома «по линии», чтобы улицы были ровными как стрела, поспело, когда слободы Петербургского острова уже были застроены теми, кто возводил дома «собою» «на порозжих местах». На прямой вопрос генерала Чернышева Петру, что с этими домами делать, царь ответил: «Поставить вехи, где быть лицам»¹¹⁵. Вехи поставили и улицы попытались спрямить.

На набережной Большой Невы стояло девять дворов царедворцев и домик самого Петра, далее Дворянская улица заворачивала на набережную Малой Невы (т. е. Большой Невки, ныне Петроградская набережная), по которой тоже располагались богатые усадьбы¹¹⁶. «Знатнейшая [часть] этого города расположена у воды... дома сенаторов и знатнейших бояр, хотя и построены из дерева, но большие, со многими покоями. Однако великий канцлер граф Головкин, вице-канцлер барон Шафиров, бывший Сибирский губернатор князь Гагарин и другие господа уже приказали поставить у воды значительные каменные дворцы»¹¹⁷, — писал ганноверский резидент в Петербурге Ф.-Х. Вебер.

И действительно, двор канцлера графа Г. И. Головкина, построенный в 1710 г. на стрелке, выделяется из всех дворов набережной. Жилище канцлера упоминают почти все иностранцы, побывавшие в Петербурге. Им Головкин был знаком как глава посольского ведомства. Почти все постройки в этом дворе были каменные, и сама «графская» часть двора называлась «каменным двором». Палат насчитывалось 13 вместе с людскими, они отапливались 11 печами. Мыльня (а не баня!) тоже была каменной, как и кухня с очагом. Под палатами имелось два погреба: один из них — «особливой», расположенный под «седельной» палатой (видимо, в приемную залу из него снизу подавались закуски и напитки). Три палаты были без печей, между палат навесы, под которые ставились кареты. На конюшенном дворе стояли четыре людские деревянные избы с печами и сенями, чулан, конюшня, два амбара — для хранения съестных запасов и сена¹¹⁸.

¹¹⁵РГА ВМФ. Ф. 233 Д. 22. Л. 11.

¹¹⁶Подробнее см.: *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. С. 93–94.

¹¹⁷*Беспярых Ю. Н.* Указ соч. С. 111.

¹¹⁸РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 99. Л. 3.

Сколько же людей жило в этом дворе? На этот вопрос отвечает сказка, поданная дворецким канцлера: из членов семьи Головкина (род. в 1660 г.) с ним в 1718 г. проживали его жена и две дочери; служителей насчитывалось 50 человек (из них — 18 женщин), при канцлере также находилось 6 денщиков (л. 312–313).

Хорошо известно, что с Головкиным постоянно конфликтовал подчиненный ему и не желавший этого признавать подканцлер П. П. Шафиров¹¹⁹. И свои хоромы, находившиеся через две усадьбы от дома Головкина, он стремился сделать более богатыми, чем у канцлера. В 1713 г., когда происходила перепись, сам Шафиров пребывал в посольстве в Турции, а на дворе его тем временем шло строительство — возводились каменные палаты «о четырнадцати жильях»¹²⁰. К 1718 г. он уже поселился в этом доме со своей семьей — женой, сыном и тремя дочерьми, прислуги у него тоже было чуть больше, чем у Головкина, — 55 человек (л. 308–309 об.).

Находившийся между дворами Головкина и Шафирова двор был построен боярином Федором Головиным. В 1708 г., после его смерти, двор был пожалован именным указом стольнику И. И. Ржевскому «со всяким дворовым и хоромным строением». В 1713 г. на дворе было десять каменных палат, с восемью печами, тремя сенями, под палатами — три погребца, конюшня, кухня с очагом, ледник, две избы людских¹²¹. Но не самому Ржевскому благоволил Петр: каменное строение было возведено стараниями матери Ржевского — князь-игуменьи «Всеппянейшего, сумасброднейшего собора» Дарьи Гавриловны. В 1717 г. она стала «архиигуменьей» и получила «данную» на этот двор¹²². Как выясняется, возраст Ржевской был очень преклонным (ее сын Иван родился в 1651 г. (л. 311), следовательно, «игуменье» к 1717 г. было лет 70–80, что, видимо, делало ее участие в оргиях особенно нелепым). К 1718 г. Ржевская, очевидно, скончалась. Рядом с ее двором располагался двор «князь-папы» того же Всеппянейшего собора Никиты Зотова. В этих двух дворах «на Дворянской» и проходили «всеппянейшие» увеселения царя, также жители этой улицы.

¹¹⁹См. подробнее: Серов Д. О. Строители империи. Новосибирск, 1997. С. 38–40.

¹²⁰РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 99. Л. 2 об.

¹²¹РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 99. Л. 2 об.—3.

¹²²Там же. Д. 1253.

На набережной недалеко от стрелки жил кн. А. М. Черкасский, глава Городовой канцелярии, один из организаторов строительства Петербурга. У него был огромный двухэтажный дом, но не каменный, а из светлиц, нижний этаж имел 12 светлиц и семь печей, верхний — 15 светлиц, но только три из них — отапливаемые¹²³. У кн. Черкаского было более 100 человек служителей (л. 328–330). Обер-комиссар Ульян Акимович Синявин, которого С. П. Луппов называл «душой» петербургского строительства, жил скромнее, чем начальник: имел в одном дворе шесть светлиц, в другом, находящемся по соседству, — четыре, в каждом дворе — по бане, одна какая-то особенная — и с печью, и с «каменницею». Помимо других хозяйственных строений у него было четыре людские избы и изба на берегу, вне усадьбы, в которой жили гребцы Синявина¹²⁴.

Количеством светлиц превзошел всех жителей Дворянской кн. Я. Ф. Долгорукий — он тоже в 1713 г. двор отстраивал заново, для него возводилось строение на 18 светлиц, из них три были на втором этаже, без печей. Во дворе жило 50 человек служителей (л. 31–31 об.).

Районы в глубине Петербургского острова являли собой контраст по сравнению с застройкой на центральных набережных: «Ниже по течению реки находится слобода русского простонародья, или предместье, где живет преимущественно чернь... Затем следует Татарская слобода, где живут сплошь татары, калмыки, казаки, турки и другие подобные народы в соответствии со своими обычаями»¹²⁵. Здесь строения обычно состояли из избы с печью, сенями, у большинства хозяев имелись еще и бани, в которых обязательно ставилась печь. В 1720 г. устраивать бани в частных домах было запрещено, следовало пользоваться только общественными банями¹²⁶, однако нет никаких свидетельств того, что этот указ был выполнен. Пределом нищеты представляются неотапливаемые землянки, в которых обитали некоторые из татар¹²⁷.

Облик массовой застройки Санкт-Петербургского острова, предстающий перед нами в различных документах¹²⁸, оказыва-

¹²³ Там же. Д. 99. Л. 5.

¹²⁴ Там же. Д. 99. Л. 2, 4.

¹²⁵ *Беспярых Ю. Н.* Указ. соч. С. 51–52.

¹²⁶ *Богданов И. А.* Три века петербургской бани. СПб., 2000. С. 34–35.

¹²⁷ Например, РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 99. Л. 28 об.

¹²⁸ См. *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 305–352.

ется весьма далеким от того «амстердамского» облика, который существовал в воображении Петра. Вид Петербургского острова по возвращении из-за границы не порадовал его взора, натывавшегося на такие городские усадьбы, которые иначе как «дворенцо» и назвать было трудно. С конца 1717 г. пошла серия указов, направленных на то, чтобы все строительные силы сконцентрировать на застройке Васильевского острова. А на Петербургском острове всякое самочинное строительство, вплоть до ремонта обветшавших жилищ, запрещалось, и могло проводиться только по особым разрешениям и «по архитектуре» (т. е. по планам). При строительстве хозяину следовало согласовывать с властями буквально каждый свой шаг. Эту ситуацию отражает челобитная 1717 г. подъячих Соляной конторы, получивших места для строительства своих дворов на Аптекарском острове. Начать строиться они «не смели», так как на их участках «где быть улицам, есть леса небольшие, а именно, ельник, ольха, береза», эти деревья следовало «подчистить», так как они мешали подвозу строительных материалов и их было бы очень удобно использовать для «деревянного хоромного строения»¹²⁹. Однако самостоятельная рубка леса и деревянное строительство могли быть расценены как действия недозволенные, из-за этого строительство не начинали, ожидая разрешения срубить деревья.

РЕМОНТ И ДРАГОЦЕННАЯ ДРЕВЕСИНА

Запрет на деревянные постройки, с одной стороны¹³⁰, и запрет на вырубку леса вокруг Петербурга¹³¹ — с другой, чрезвычайно затрудняли деревянное строительство, но не могли его прекратить. Добывать бревна для срубов оставалось делом не простым, поэтому старались как могли использовать древесину «вторичным» образом. Например, постройка в 1717 г. изб для мастеровых людей Партикулярной верфи осуществлялась из древесины от сломанных амбаров адмиралтейской крепости¹³².

¹²⁹ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 88.

¹³⁰ ПСЗ. Т. 5. Л. 2792. Подробнее см. Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 322–327.

¹³¹ Дело об охране лесов вокруг Петербурга, в том числе и опись лесов, произведенная кн. Ю. Я. Хилковым, см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 196. Л. 1–178.

¹³² РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 13. Л. 12–22 (1717 г., сент.).

Жителям приходилось постоянно смотреть за своими заборами, так как было немало желавших их разобрать и использовать дефицитную древесину. Например, подьячий Ф. Попов, имевший двор в Белозерской слободе, жаловался в суд на то, что канцелярист В. Палилов «позади его огорода разобрал заборы дощатые и бревенчатые и из одного заборнику сделал конюшню»; Попов очень волновался, что «от разбору того забору учиница мне какая покража»¹³³.

Не только древесина, но и камень были дефицитом для строительства в Петербурге. Стал выручать кирпич, производимый на заводе в Стрельне. Его отпускали «петербургским обывателям» по «указной цене» достаточно дешево — 400 кирпичей за 29 алтын 2 деньги. Кирпич шел на возведение «мазанок».

Для постройки деревянной избы сыскать мастеров было нетрудно, лучше ли, хуже ли — но каждый крестьянин мог построить избу. Мазанки же и каменные хоромы, возводимые по чертежам, требовали работы специалистов. Как правило, их строили крестьянские артели, по большей части из ярославских каменщиков. Дома, ими построенные, давно разрушились, а вот бумаги подрядных договоров на строительство сохранились. В августе 1718 г. подрядчик Яков Бакутин (о котором подробнее расскажем далее, в гл. 11) договорился с дьяком С. Нееловым о ремонте обветшавших мазанок «за старой Губернской канцелярией». Благодаря детальной подрядной записи на эту работу можно ясно представить «производство» мазанки. Артель под руководством Бакутина должна была проделать следующее: «Фундамент в земли выбутить диким камнем, а снаружи выкласть кирпичем. А мазанки, как верхние, так и нижние с обе стороны и внутри выслать кирпичем, чтоб не видеть было дерева, а к брусом прибить черепицею, а по глинным стенам сделать кирпичем грани по четыре лопатки и подмазать серую известью подтерку (подтирку, т. е. зазоры. — О. К.), потолки подбить все вокруг тесом, а по тесу подбить из прутья обручья, а по обручьям подмазать с алебастром серую известью. Начало тако, а по тому обелить белую известью или левкасом в отделку. В нижних мазанках зделать камены плипечи. Подделать те мазанки каменною работою в нынешнем 1718 году неотменно. Денег рядил сорок рублей»¹³⁴. Мазанки сочетали в себе дерево, камень, кирпич

¹³³РГАДА. Ф. 285. Оп.1. Ч. 2. Д.1570. Л.116.

¹³⁴Там же. Д 1469. Л. 41–41об.

и глину, которой выравнивались стены, они совсем не походили на «глинобитные дома на манер украинских хат», как их себе представлял С. П. Луппов¹³⁵.

Дома старались сделать так, «чтоб не видеть было дерева», но совершенно прекратить строительство привычного деревянного жилья — дешевого и удобного — оказалось невозможно. «Мечты опережали реальность, и от деревянных домов, при всем желании царя, отказаться было невозможно, — пишет Е. В. Анисимов, — камня, кирпича, каменщиков в городе не хватало даже на казенные стройки, да и времени ждать окончания постройки „парадиза“ не было. Кроме того, деревянное строительство имело в России огромный исторический опыт. Возведение такого дома напоминало работу с деталями современного детского конструктора — сборка привезенного в разобранном виде сруба занимала у плотников два-три дня. Петру, спешившему поскорее возвести целый город, без деревянных построек было не обойтись»¹³⁶.

Избы продолжали строить, считая их временным жильем, а «мазанки» планировали возводить позднее, несколько обжившись. Но временное жилище, возведенное на скорую руку, зачастую становилось постоянным. «А человекно я скудной, — писал подьячий Канцелярии Сената Андрей Севергин, — и на дворишке хоромишки нужные ветхие, в которых и прожить немочно; также и погребешка нет. А мазанку строить за скудостью нечем». Вторую челобитную в Губернскую канцелярию подал Севергин в том же месяце, еще более подробно описав свое убогое жилище: изба его «старой рубки», трехсаженная, без сеней. «А поставил тое избу еще в прошедшой Великой пост, до запрещения (ставить избы. — О. К.)... чему явствуют окольные соседи». Так Севергин стремился избежать штрафа и просил, чтоб ему построили новое жилье, — и ему опять привезли деревянную избу и покрыли ее дранью¹³⁷. Иначе говоря, мазанка на его дворежном месте так и не появилась, а починка избы была затруднена бюрократическими процедурами.

Подобные челобитья во множестве поступили в 1717 г. в Губернскую канцелярию от тех, кто изъявил желание строить каменные палаты или мазанки, но этого так и не сделал. Петр

¹³⁵ См.: Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. С. 49.

¹³⁶ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 339.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 54, 100.

запретил им ремонтировать старые деревянные дома или строить их вновь, и часть жителей оказалась, как Севергин, в весьма бедственном положении¹³⁸. Английские купцы Франц Коле (Collins) и Андрей Ачкин (Hodghin) писали, что обязуются на следующий год непременно построить на своих дворах «каменное строение», а пока просят крышу им перекрыть и избы «перемшить»¹³⁹. «Мшили» избы и другие деревянные строения «от тараканов и других гадин», а также для тепла — для этого варили в кипятке мох и прокладывали им все щели. Служители Городовой канцелярии ходили по дворам и проверяли, действительно ли состояние жилищ челобитчиков требует срочного ремонта, а также смотрели, не построили ли что-либо новое не по указу. Таких нарушителей следовало штрафовать, а у злостных нарушителей дворы отписать на государя.

В указах о запрете на деревянное строительство не оговаривалось — имеет ли указ в виду также жилье для прислуги и хозяйственные постройки, поэтому, например, оказавшийся в Белозерской слободе «турецкой банной мастер» писал в челобитной, что его «людишкам» негде жить, «а построить без указа не смею». Такая же проблема была и у попа Иоанна Максимова, у него для семьи имелось хоромное строение, «а для домашних моих людей, где им жить, люцких дву изб на том моем месте не построено. А без указу... не смею», — бил челом поп¹⁴⁰. О постройке простого жилья для слуг, которых негде было расселить, просили и многие другие.

Разрешение на деревянное строительство удавалось получить людям, представлявшим интерес для государственных нужд, так в 1721 г. живописцам Ивану и Роману Никитиным перестраивали старые хоромы — на их 6 светлиц и двое сеней «где им отправлять живописную работу» было разрешено «отпустить пятьдесят бревен, сто досок, пять сот дранниц...»¹⁴¹.

ОГОНЬ В ДОМАХ

Болотистая почва делала жилье сырým. Камер-юнкер герцога Голштинского Ф.-В. Берхгольц в записках так описал свое петербургское жилище: «Под одну из комнат был пустой

¹³⁸ См. о них подробнее: Агеева О. Г. Указ. соч. С. 129–132.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 80.

¹⁴⁰ Там же. Л. 20, 58.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 746. Л. 1 (1721 г.).

ледник, а под моею спальнею — болото, отчего полы, несмотря на лето, никогда не были сухи и имели у скважин широкие коймы, которые были до того черны от сырости, что казались некрашенными»¹⁴². Недаром одну из низинных частей Петербургского острова прозвали Мокрушей или Мокрушенской слободой, а болото могло фигурировать в качестве ориентира для уточнения жителями местоположения своего двора (например, двор «на левой стороне переулка, возле болота» (л. 246–246 об.). Ф.-Х. Вебер так охарактеризовал весь Санкт-Петербургский остров: «Вся окружающая местность здесь — сплошное болото... Только на одной большой площади (Троицкой. — О. К.) не растут кусты и она еще как-то высыхает при хорошей погоде»¹⁴³.

Нетрудно себе представить, что сырость в домах и холодный климат побуждали людей как можно интенсивнее отапливать жилые помещения. Однако строгое запрещение рубить леса вокруг Петербурга создавало для жителей проблему запаса достаточного количества дров. Ф.-Х. Вебер отмечал, что «этот запрет является причиной большой дороговизны дров в Петербурге и необходимости привозить их издалека. Так что имеющему сколько-нибудь большое хозяйство и не могущему своевременно привезти дрова из Финляндии вполне просто приходилось выплачивать за 24 часа по 2–3 талера на топливо»¹⁴⁴.

Печи давали возможность согреться, обсушиться, приготовить пищу; печь являлась также лучшим спальным местом. Но иметь отдельную обогреваемую спальню и особую кухарню или поварню во дворе могли только очень состоятельные люди. Далеко не каждый из слуг и временных постояльцев мог воспользоваться теплом печи, тем, кто не находил себе места близ нее, помогали согреться меховые шубы и тулупы, а также водка. Мерзнувшие разжигали небольшой, иногда сложенный из соседского забора, костерок во дворе — опасный источник возможного пожара.

Конструкция русской печи была приспособлена к избе, переход к строительству мазанок требовал определенных изменений в ее конструкции. В течение XVIII в. система

¹⁴²Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. М., 1962. Ч. 1. С. 63.

¹⁴³Беспярых Ю. Н. Указ. соч. С. 111.

¹⁴⁴Там же.

отопления в разных странах Европы сильно изменилась — от обычного применения общего для всего дома очага с открытым пламенем до плит, каминов или печей с закрытым огнем и хорошей вентиляции воздуха. Им требовалось немного дров, они были компактны и их можно было использовать в разных комнатах дома и с разными целями. Теперь для того, чтобы согреться, всем домочадцам не надо было сидеть вокруг общего огня: «так мастерство печников произвело революцию в домашнем комфорте, символизировавшую перемену и во всем остальном, перемену в осознании интима»¹⁴⁵, — писал Даниил Роше.

Каменный Петербург XVIII в. также с неизбежностью должен был вкушать от плодов этой революции, в деревянном же — сохранялась традиционная печь. В домах Петербургского острова печи и очаги уже встречались разных образцов: про дом кн. Ф. М. Волконского сказано в переписи 1713 г. «с печью поварня, очаг по русски», значит, были и поварни, сделанные не по-русски. Места для приготовления пищи, находившиеся вне богатого дома, называются «поварня», «кухарня» и «стряпная изба». У харчевников были специальные «блинные» и «квасные» печи. В зажиточных домах — «мыльни» с печью или «каменницею», у тех, кто победней, — обычные бани.

В организации отопления массового жилья городские власти в первую очередь беспокоила пожарная безопасность. Пожар, уничтоживший в 1716 г. и саму Губернскую канцелярию, особенно стимулировал принятие противопожарных мер. Губернатор А. Д. Меншиков писал вице-губернатору С. Клокачову: «Извольте приказать, чтоб на всех дворах близ хором была вода в кадках, и при том ведра и помелы и прочее, что к тому потребно, а кто так не учинит, и те дома описывая, имать на государя бесповоротно»¹⁴⁶. Более того, в теплую погоду печи в домах по указанию из Губернской канцелярии «запечатывали» и не разрешали топить. Этот указ от мая 1718 г. звучал следующим образом: «Понеже ради нынешнего настоящего весьма теплого времени отнюдь не надлежит как жилых помещений, так и бань ради пожарного случая топить... приказать во всех домех, на Санкт Питербурхском острову лежащих, как у прочих покоев, так и у изб, и у бань, печи, не

¹⁴⁵ Roche D. The People of Paris. An Essay in Popular Culture in the 18-th Century / Translated by M. Evans. Berkeley; Los Angeles. Univ. of California press, 1987. P. 140.

¹⁴⁶РГАДА. Ф. 198. Д. 642. Л. 35.

обходя никого, запечатать, и для того послать нарочно дьяка, а для домашних потреб, как для печенья хлеба, так и для варенья явств, предложить сделать в пристойных местах, нарочные в домах и по огородам печи»¹⁴⁷. С жителей острова взяли подписку, что они об указе извещены, на все печи в домах наложили печати и затем проверяли их целостность¹⁴⁸. Однако некоторые продолжали топить, не вникая в указам. Например, сотский Кирила Федоров в суде рассказывал, как он в июне 1720 г. зашел на квартиру к солдату-преображенцу Ильину «для осмотру печатей у печей, которые были запечатаны, приходил и усмотрел, что жена ево (Ильина. — О. К.) топила избу в неуказанные дни и в вышеозначенные печи он... с пятидесяцким с Матвеем Ильиным и с десяцким с Ывановым огонь по указу государеву залили и жену ево... под караул на съезжий двор к поручику Ягнатеву брали, для того, что она топила избу в неуказанные дни»¹⁴⁹.

В наказе обер-полицеймейстеру Антону Девиеру Петр требовал: «По вся четверть года у жителей осматривать печи, комели, в поварнях очаги, бани и протчее, где огонь водится, и престерегать, дабы недосмотрением хозяйским какова бедства от пожару не учинилось»¹⁵⁰. 2 апреля 1718 г., накануне создания Полицеймейстерской канцелярии, Петр своею рукой начертал указ о правилах сооружения печей, потолков и крыш в домах на Васильевском острове и в нем же отмечал возможность и деревянных построек. Петр не только указал, как надо строить, но и отметил, как не надо этого делать, — образцы последнего, судя по всему, он увидел при осмотре строений города и, в первую очередь, бедных районов Петербургского острова. Царь-строитель указал жителям следующее:

- «1. Чтоб печи делали в фундаменту, а не на полах.
2. Чтоб угол, где печь, был орублен и фута по два кирпичем от конца орубленных стен до печи заделаны были.
3. Чтоб трубы были так широки, чтоб человеку пролезть было мочно.
4. Чтоб потолки были с глиною, а не бревенчатые и до(щанные).
5. Кровли чтоб были черепицею, дерном или... крыты, а не досками или дранью и, конечно, без калы.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. Л. 46.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1563.

¹⁵⁰ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 632.

Сим образом, кроме водяного края (т. е. набережной. — О. К.), вольно и деревянные строить на Васильевском острове по данным рисункам печатным, и для публикации в Санкт-Петербурге послано 11 печатных листов»¹⁵¹.

Следует отметить, что запрет на строительство деревянных крыш в Москве ради пожарной безопасности был сделан еще царевной Софьей, которая велела строить каменные хоромы, «не опасаясь за то ничьих переговоров и попреку», и даже заборы в Москве Софья хотела видеть каменными — «а кто будет делать деревянные хоромы и чердаки высокие и тех деревянное строение сломать»¹⁵², — писалось в ее указе. В бедных избах, где крыши крылись из щепы и дранки, ее надо было в противопожарных целях обкладывать дерном, и, как писал Вебер, видевший в Петербурге и такие крыши, «пока он свеж, на доме словно бы зеленеет луг»¹⁵³.

* * *

Итак, обустройство на жительство в новом городе происходило при ежедневном и постоянном вмешательстве городских властей в строительство и ремонт двора, в то, что в прежние времена жители русских городов и деревень делали, хотя и под присмотром земских властей, но по своему разумению и в соответствии со сложившимися традициями. О. Г. Агеева называет это «совершенно петербургским» конфликтом¹⁵⁴, когда власть стремилась взять под контроль обыденный дворовый ход жизни. Невозможно было заставить достаточно бедное население выстроить по чертежам аккуратные мазанки, расположенные «по линии» на замощенных улицах, обсаженных деревьями. Однако губернатор и его Губернская канцелярия, как и вновь созданное полицейское ведомство, прикладывали много сил на осуществление этого¹⁵⁵. Жители, поначалу не видевшие ничего противозаконного в том, например, чтобы для покрытия крыши использовать дранку или «калу», стали опасаться за каждое свое действие. В указах о строительстве, как и в указах о срочном переселении, Петру

¹⁵¹РГАДА. Ф. 248. Оп.4. Кн. 155. Л. 739–740.

¹⁵²ПСЗ. Т. 2. № 687.

¹⁵³Белятых Ю. Н. Указ. соч. С. 107.

¹⁵⁴Агеева. О. Г. Указ. соч. С. 132.

¹⁵⁵См. Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 345–347.

все же пришлось идти на уступки, так как практика показывала, что невозможно полностью отказаться от деревянной застройки для малосостоятельных людей, прислуги, приезжих и наемных работников. Петр первоначально исходил из того, что следование его строжайшим распоряжениям о переселении в Петербург только самых зажиточных людей и снабжение их собранными с посада деньгами даст возможность построить дорогие и красивые дома. Однако множество причин, в том числе, вероятно, растерянность и непонимание того, что от них хотят, неверие в долговременность царского каприза создавать новый город, тормозило строительство.

В 1947 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Массовая застройка Петербурга в XVIII веке», доказывавшая вопреки общепринятому мнению о «западности» Северной столицы, что «Петербург имеет чисто русский национальный характер»¹⁵⁶. Нет сомнений, что ее автор Л. Р. Куракин находился под влиянием проходившей в то время кампании по борьбе с космополитизмом за национальное самосознание, однако у него действительно набралось множество фактов, свидетельствовавших о том, что массовая застройка имела черты типичного русского города. Но автор вел речь о «непарадной» застройке, перенося ее черты на весь город в целом. В то же время и обратный ход рассуждений — перенос черт «парадного», «европейского» Петербурга на все его районы — не менее порочен. Петербург был разным, и в этом коренилось его своеобразие: «Нарядный Петербург, выстроенный в шеренгу лицом к Неве и воплощавший мечту царя о приморской столице, стоял спиной к Петербургу, расползшемуся по суше, и не желал иметь с ним ничего общего»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Куракин Л. Р. Массовая застройка Петербурга в XVIII веке: Дисс. ... канд. архитектуры. М., 1947. С. 15. Диссертация хранится в библиотеке МАРХИ.

¹⁵⁷ Каганов Г. З. Санкт-Петербург: образы пространства. М., 1995. С. 15.

Глава 6

«За многолюдством немалое утеснение»

(Чужой кров)

ЖИЛЬЦЫ И ВРЕМЕННЫЕ ПОСТОЯЛЬЦЫ

Обзавестись собственным двором в Петербурге мог далеко не каждый, кто оказывался его жителем, временным или постоянным. Множество людей занимались поисками пристанища. Образ муравейника как нельзя более подходит к Петербургу петровского времени: кто-то, приехав в столицу на Неве, вскоре уезжал, кто-то оставался надолго, не имея собственного жилья, а кто-то его имел, но постоянно в Петербурге не жил. В результате петербургские дворы часто оказывались населенными не одной, а несколькими семьями, хозяевами и жильцами, никак не связанными друг с другом. Петербургский двор, таким образом, отчасти приобретал функции постоялого двора.

Только 11% дворов среди отмеченных в сказках переписи 1718 г. были домохозяйством одной проживавшей в них семьи, в остальных дворах имелись постояльцы, которые жили либо вместе с хозяйской семьей, либо самостоятельно (табл. 2).

Насколько значительным было перенаселение петербургских дворов по сравнению с другими русскими городами свидетельствуют следующие данные. По результатам исследования Д. Кайзера, из 10 городов центральной России¹⁵⁸ в 1710–1717 гг. самая высокая цифра средней населенности двора принадлежит Рязани — в среднем 7,2 человека на один двор, в других городах она составляла 5,7 человека на двор¹⁵⁹. На Петербургском острове численность населения дворов по переписи 1718 г. оказывается вдвое больше — 11,2. При этом

¹⁵⁸ Белев, Боровск, Малоярославец, Рязань, Торопец, Тула, Углич, Устюжна, Вятка, Зарайск.

¹⁵⁹ Kaiser D. Urban Household Composition in Early Modern Russia // Journal of Interdisciplinary History. 1992. Vol. 23, №. 1. P. 59.

Таблица 2

**Типы дворов по составу жителей
(по сказкам 1718 г.)**

Категория	Количество дворов	Доля, %
Хозяин с домочадцами	51	11
Хозяин с домочадцами + жильцы	156	34
Домочадцы хозяина + жильцы	110	24
Жильцы	139	30
Пустые дворы	4	1
Всего дворов	460	100

лиц, принадлежащих к хозяйской семье (члены семьи, родственники, слуги), в среднем насчитывается пять человек, а принадлежащих к семьям постояльцев — шесть человек (см. табл. 3). Таким образом, население города делилось на две большие группы — хозяева и жильцы.

Социальный состав этих групп не был однороден (табл. 4). Дворяне и правящая верхушка в основном представляли собой дворовладельцев, среди квартиросъемщиков их было мало (соответственно 94 и 6%). Обратное соотношение, встречаем среди крестьян: 94% снимают жилье, 6% владеют им. Среди духовенства и приказных людей владельцев оказывается несколько более 50%. Среди посадских людей (включая купечество) владельцев дворов всего 24%. С одной стороны, это свидетельствует о том, что переведенцы из посадов других городов оказались, вопреки надеждам царя, недостаточно обеспеченными, чтобы приобрести себе жилье; с другой стороны, в этой группе было много временных постояльцев, видимо, приезжавших в Петербург по торговым делам. В целом же доля постояльцев в два раза превосходила долю владельцев дворов (66 и 34).

Петербург в 1717–1720 гг. был наполнен людьми, не успешными, не сумевшими, не желавшими пустить в нем корни. Среди временных приезжих в сказках 1718 г. встречаем тех, кто оказался в городе по казенной надобности и по разным

государственным делам; тех, кто приехал для заработков; тех, кто приехал учиться; тех, кто решил по какой-то причине навестить родных и знакомых. Одни приезжали семьями, другие — в одиночку.

В сказках сообщалось, что такие-то посторонние хозяйской семье люди во дворе «живут», «стоят» или «нанимают» (жилье), и соответственно от этих глаголов производились и существительные: «жители» (или «жильцы»), «стояльцы» (или «постояльцы»), «наемщики». Употребление слова «стоят», «постояльцы» чаще подразумевало, с одной стороны, временное проживание, с другой — житье по казенной надобности, так как государство их «ставило» к кому-то на двор.

Наблюдаются три формы проживания в чужом дворе: без оплаты — по-родственному или по близкому знакомству, на основании казенного постоя и наем жилья за плату.

Таблица 3

Состав населения дворов

Статус	Количество людей
Хозяева дворов	432
Члены семьи и родственники хозяев	757
Рабочие и дворовые	907
Среднее количество людей во дворе	5
Жильцы	822
Лица, проживающие вместе с жильцами	2146
Среднее количество людей во дворе	6
Всего домохозяйств	460
Всего человек	5160
Среднее количество людей во дворе	11

Таблица 4

Социальный состав дворовладельцев и жильцов¹⁶⁰

Группы населения	Хозяева	Жилыцы и временные постояльцы	Всего
Посадские	113 (26,1%)	348 (41,1%)	461 (36,0%)
Крестьяне	14 (3,2%)	233 (27,5%)	247 (19,3%)
Работники и дворовые	1 (0,2%)	22 (2,6%)	23 (1,8%)
Солдаты	16 (3,7%)	41 (4,9%)	57 (4,5%)
Учащиеся	1 (0,2%)	21 (2,5%)	22 (1,7%)
Приказные	113 (26,1%)	84 (9,9%)	197 (15,4%)
Духовенство	26 (6,0%)	17 (2,0%)	43 (3,4%)
Светская элита	138 (31,9%)	9 (1,1%)	147 (11,5%)
Иноземцы	8 (1,9%)	16 (1,9%)	24 (1,9%)
Социальная принадлежность не определена	3 (0,7%)	55 (6,5%)	58 (4,5%)
ИТОГО	432 (100%)	846 (100%)	1278 (100%)

Естественно, что приезжие стремились воспользоваться гостеприимством своих петербургских знакомых и жить у них. Формулировка «живет по знакомству» встречается в сказках достаточно часто: «по знакомству» у подъячего жил курятник Кормового двора, трое подъячих нашли кров у знакомого канцеляриста, вместе проживали два «товарища» матроса, высланный на вечное житье архангелогородец поселился у земляка «по соседству» (л. 419, 136–136 об., 172, 24) и т. д. Один из хозяев двора сообщил, что посторонние лица в его доме «живут по просьбе» (л. 373). Купец Новокшенов особенно

¹⁶⁰ В таблицу вошли только одинокие и главы семей. Работники и дворовые люди не учтены в категории «жилыцы», отмечены лишь те, кто являлся временным постояльцем.

подчеркнул в своей «сказке», что новгородский посадский Герасим Матвеев с семьей живет в его дворе «по евангельской заповеди Господни» (л. 24), т. е. из милосердия. Один из подьячих Подрядной канцелярии сообщил, что у него в доме поселился его сослуживец «для одиночества» (л. 201–201 об.). Все эти постояльцы, по-видимому, проживали бесплатно.

ПОСТОЙ

Бесплатный кров находили и те, кто жил на постое. Постойная повинность входила в тягловую обязанность купечества и посадских людей — они были обязаны содержать в своих домах солдат и других военных, содержали они «под распиской» подследственных и даже колодников. Согласно регламенту 1721 г. распределение постоя возлагалось на магистраты¹⁶¹. Этим же занималась и Полицеймейстерская канцелярия, и военные коменданты. До возникновения полицейского ведомства отводом квартир на Санкт-Петербургском острове ведал квартирмейстер капитан Авраам Норв¹⁶², поступивший затем в штат Полицеймейстерской канцелярии в той же должности. В 1724 г. его за тяжелой болезнью сменил молодой поручик Бестужев. Антон Девиер строго следил за выполнением постоянной повинности, ссылаясь на то, что «его царского величества указом повелено у Санкт-Петербургских жителей ставить во дворах служивых людей безобходно»¹⁶³. Действительно, в пунктах, начертанных Петром собственноручно 25 мая 1718 г., повелевалось солдат ставить на дворы «по препорции, какова б кто рангу ни был»¹⁶⁴. «Препорция» высчитывалась исходя из количества в доме «покоев» — по два солдата полагалось на одни покои¹⁶⁵.

Солдатам выдавался билет с указанием адреса и срока постоя, который следовало по его окончании возвратить в канцелярию. Один такой билет чудом сохранился до наших дней.

¹⁶¹ См. подробнее: Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 248, 308–309 и др.

¹⁶² Указ о назначении А. Норва квартирмейстером — РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 225, указ об отставке — РГАДА. Ф. 248. Д. 1206. Л. 562.

¹⁶³ РГАДА. Ф. 16. Д. 393.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1209. Л. 258.

¹⁶⁵ Там же. Л. 585–586.

Это билет № 272, выданный 14 января 1724 г. на срок до 30 июня шести солдатам Ингерманландского полка на постой у подьячего И. Венюкова на Санкт-Петербургском острове во второй Оружейной улице¹⁶⁶. Этот двор Венюкова, ставший ему, по его словам, в немалую сумму — 700 рублей, в 1721 г. сильно пострадал от наводнения, и вскоре сам Венюков по делам уехал в Москву¹⁶⁷. В его временно опустевших хоромах, имевших, видимо, три покоя, городские власти и нашли удобным расположить солдат. Венюков был чиновником весьма высокого ранга, сам служил при полицейском ведомстве, что, однако, и ему не помогло избежать постоя. Таким образом, приказные люди несли в Петербурге постоянную повинность наравне со всеми прочими.

Солдаты и офицеры, стоявшие на квартирах, часто вели себя непристойно, наносили дому и хозяевам ущерб¹⁶⁸. Е. В. Анисимов приводит следующие жалобы хозяев на «стояльцев»: «Для печения хлебов непрестанно топят избы и каши варят... их собственными дровами и бани топят непрестанно»; «...чреватую жену велел бить толчками», «лошадь в огороды пускают, из избы выбил и не велит в избы ходить, також и погреб запер своим ключом, дрова берет без спросу, и на дворе огонь кладет безвременно»; «кур из избы бьют, ежели в избы войдут и ногами пинают»; «непрестанно горшков требуют»; «козу за рога на кол повесили и кнутом били»; «по избе робятам ходить не велят и бранятся непрестанно»; «ограду и городьбу жгут и ломают»¹⁶⁹. В 1718 г. вице-адмирал К. И. Крюйс распорядился, чтобы солдаты, поселенные на квартирах, вели себя смирно и не затевали ссор и драк¹⁷⁰, однако это мало помогло. Если сам российский самодержец, живший в качестве постояльца за границей, оставлял после своего пребывания разгромленные помещения, то что можно было ожидать от его подданных?

«Поставить» своих приезжих к петербуржцам во дворы помимо полиции стремились разные ведомства. Во дворе кузнеца Аникеева в 1718 г. по указу коменданта крепости Я. И. Бахмео-

¹⁶⁶ Архив СПб. ИИ. Ф. 238. Оп. 2. Д. 256 (14).

¹⁶⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1906. Т. 124. С. 499–500.

¹⁶⁸ См.: Козлова Н. В. Указ. соч. С. 248, 309.

¹⁶⁹ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 323–324.

¹⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 234. Д. 10. Л. 29, 34.

това поселили приехавших в Петербург подьячих Тайной канцелярии (в это время велось дело царевича Алексея), к тому же Аникееву из полиции направили и солдатский постой. На просьбу кузнеца от этого постоя его освободить, поскольку у него уже живут подьячие, Девиер упрекал коменданта Бахмеева, что тот «квартиры в своей команде и по своей воли кому хотел, тому подводил», и ничего не сообщил полиции о поставке к Аникееву подьячих. Не осмеливаясь прямо выставить на улицу чиновников, представлявших «тайную полицию», Девиер весьма обтекаемо написал, что «служивым людям в квартирах за многолюдством есть немалое утеснение, а оным канцеляристам можно и в наемных квартирах стоять»¹⁷¹. Об «утеснении» хозяина-кузнеца двойным постоем речи не было.

Проблема обеспечения жильем государственных служащих, приезжавших в Петербург, стояла очень остро. Общего указного распоряжения ставить их на постой так же, как солдат, не имелось, поэтому они либо нанимали жилье за свои деньги, как это и советовал делать вышеупомянутым подьячим Девиер, либо их ставил на квартиру какой-либо начальник, пользуясь своей властью и по особым указам. В одной из купеческих сказок 1718 г., например, отмечен проживающий во дворе «постоялец дьяк Тимофей Осипович и с подьячими по государеву указу» (л. 24). Встречаются дворы, фактически превращенные в канцелярии или филиалы учреждений из других городов, на них же приезжие и останавливались. Например, в доме азовского вице-губернатора Степана Колычева стояли «с ведомостями и делами» «старый» подьячий и при нем три «молодых», а также комиссар при денежной казне (л. 192), на дворе архангелогородского вице-губернатора Лодыженского «обреталось пять подьячих о губернских делах с ведомостми и с делами той губернии», да девять солдат архангелогородского гарнизона (л. 355–356).

Некоторые иногородние чиновники и торговцы покупали двор, чтобы жить в нем во время систематических наездов в столицу. Так, комиссар Старой Руссы Семен Свечин указал в сказке, что «двор у него для его приезду в Питербург», на нем в отсутствие хозяина проживал один жилец и старорусский солдат, видимо, для охраны (л. 197).

Главный магистрат добивался и к 1728 г. добился указа о том, чтобы в Москве и Петербурге чиновники за отсутст-

¹⁷¹РГАДА. Ф. 16. Д. 393.

вием собственного жилья располагались в казенных или наемных дворах¹⁷², а посадское население обеспечивать их жильем не обязывали. Но и до этого подселение приказных служащих в дома посадских людей без указа являлось произволом.

От постоя настойчиво стремилось освободиться и петербургское духовенство. В 1723 г. от него поступила коллективная жалоба в Синод, что они «сравнены со светскими чинами, а имянно постоя у них ставят, свечи и дрова емлют, на караулы и на пожары наряжают, чего им снести за служением церковным и за потребами, внезапно случающимися, невозможно»¹⁷³. Челобитчики утверждали, что в других городах постоя во дворах священнослужителей не бывает. По справке, тут же выданной Синоду из Полицеймейстерской канцелярии, оказалось, что в 34 имеющихся в городе церковных дворах стоит на постое 82 солдата, а по норме (2 человека на «покой») можно было поставить 230 солдат. В итоге Сенат постановил: с дворов, где священнослужители «сами живут, постоя свести»; а в других их дворах — оставить¹⁷⁴.

Полицейская канцелярия также обеспечивала жильем приезжих иностранцев, одним из них был находившийся в свите герцога Голштинского Ф. В. Берхгольц, который описал свое устройство с жильем по приезде в Петербург 23 апреля 1721 г. следующим образом: «Спросив у камер-юнкера о своей квартире, я получил в ответ, что для меня еще не приготовили никакой, и что я должен покамест прожить где-нибудь. Это меня очень раздосадовало, тем более, что он давно знал об отправлении меня вперед, и что почти все квартиры для нашей свиты были уже готовы... 25-го, рано утром, для меня нашли наконец две маленькие плохие комнатки, в которых жил недавно переселившийся в Петербург немец, прачник, с женою, очень хорошенькою француженкою. Хотя мне было крайне неприятно вытеснять этих бедных людей из только что нанятых ими комнат, тем более, что они заплатили за них вперед и, следовательно, имели полное право жаловаться, что отдали деньги за три комнаты, а жить должны в одной, однако ж я принужден был к ним переехать, им объявили, чтоб к вечеру две комнаты были очищены, что они

¹⁷² Козлова Н. В. Указ. соч. С. 310.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 248. Д. 1209. Л. 583—583 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 586 об.

и исполнили»¹⁷⁵. К такому подселению в свою оплаченную квартиру был готов каждый петербуржец.

Все же полиция стремилась ставить и солдат, и иногородних чиновников, и приезжих иноземцев не в жилые дома, а в казармы либо временно пустовавшие помещения, хозяева которых сидели в тюрьме, были казнены или отправлены на службу в дальние края. К примеру, в ходе переписи 1718 г. было отмечено, что «двор вице-губернатора Казанской губернии Никиты Алферьева сына Кудрявцева пуст. Стоят ныне солдаты» (л. 166) или в «сказке» 1717 г. солдат Преображенского полка Иванов объяснил, что «поставлен он на отписанном дворе, которой отписан на великого государя у подрядчика Федора Шубина за непоставку подряду... а того двора жители все бежали»¹⁷⁶. Поверенный прусского посланника барона фон Мардефельда с ужасом сообщал в Коллегию иностранных дел, что, зайдя по просьбе барона осмотреть выделенную тому резиденцию к его приезду в Петербург (это оказался бывший двор вице-адмирала Гордона), «на... дворе нашел я двадцать два человека поставленных на квартиру солдат»¹⁷⁷. Девиер, постоянно конфликтовавший с фон Мардефельдом¹⁷⁸, их нарочно не выселял до получения особого указа из Сената. Другим капризным постояльцем, морочившим голову А. Девиеру, был принадлежавший ко двору герцога Голштинского тайный советник Г.-Ф. фон Бассевич. Ему из Полицеймейстерской канцелярии выделили конфискованный двор на Васильевском острове «что бывал Соловьевых, и ныне стоит порозже». Бассевич жаловался, что этот двор находится далеко от дома герцога, располагавшегося на Адмиралтейской стороне, чтобы попасть к нему, надо было пересечь Неву, и просил дать ему другой. Однако Девиер не считал возможным пойти Бассевичу навстречу¹⁷⁹.

Отписными дворами пользовались и иногородние чиновники. Так решал проблему своего проживания в Петербурге, например, генерал-фискал из Новгорода И. Мякинин: «По указу его величества приехал он из Москвы в Санкт-Питербурх для отправления надлежащих своих дел, а двора

¹⁷⁵ Берхгольц Ф.-В. Указ. соч. Ч. 1. С. 45–48.

¹⁷⁶РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1232.

¹⁷⁷РГАДА. Ф. 248. Д. 1209. Л. 570.

¹⁷⁸См. обширное дело о ссоре А. Девиера с фон Мардефельдом по поводу отъезда из России камердинера барона: Там же. Л. 325–406.

¹⁷⁹Там же. Д. 1206. Л. 453–464.

своего при Санкт Питербурх не имеет, такоже и под канцелярию, где отправлять фискальные дела, двора не показано. А на Санкт Питербурхском острове в Успенском приходе двор бывшего вице-губернатора Алексея Курбатова отписан на императорское величество...» Далее следует просьба в Сенат, чтоб Мякинину двор казенного Курбатова отдать «в постой и под канцелярию». Дело слушалось в Сенате 10 ноября 1724 г., и двор отдали Мякинину, но вскоре оказалось, что в этом дворе жить нельзя, так как он «весь обвалился», и Мякинин стал просить другой «отписной двор» — известного купца Василия Стрежнева, взятого в тюрьму. Двор Стрежнева оценили в 250 рублей и отдали Мякинину в пользование¹⁸⁰.

НАЕМ ЖИЛЬЯ

Кто не имел возможности стать на постой, тот жилье нанимал у местных жителей. Помещения нанимали понедельно, помещаясь или погодно, т. е. с такой частотностью вносили плату за жилье («пожилые деньги»). Договор между хозяином и квартиросъемщиком («наемная запись») юридически оформлялся в крепостном столе (Губернской канцелярии или Юстиц-коллегии) при этом четвертая часть платы за жилье отчислялась в казну.

Цены за наем помещения были различны в зависимости от предоставленной площади и других условий. Например, бомбардир А. Малышкин за четыре с половиной месяца 1717 года задолжал квартплаты «19 рублями, осьмью гривнами»¹⁸¹. Крестьянин-харчевник Иван Шестаков заплатил за наем помещений 93 рубля «пожилых денег», однако неизвестно, за какой срок¹⁸². Две семьи — канцеляриста и военного — в 1721 г. наняли квартиру в доме купца, «а платить было им за тое квартиру... пополам за год тридцать рублей»¹⁸³. Лекарь Отто снял две светлицы «ис платы по осми рублей на месяц»¹⁸⁴.

Договор жильца с хозяином определял не только цену, но и другие условия проживания, в том числе сохранность имущества и поведение жильца. Так, вице-адмирал Змаевич тре-

¹⁸⁰ Там же. Д. 1209. Л. 591.

¹⁸¹ РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 154. Л. 43.

¹⁸² РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1587. Л. 68 об.

¹⁸³ Там же. Д. 1574. Л. 48 об.

¹⁸⁴ Там же. Д. 1570. Л. 97.

бовал от своего жильца архитектора Николая Гербеля заплатить за попорченные вещи, Гербель отказывался, обосновывая это тем, что «по контракту ему хозяин обещал двое хоромы, а дал одни хоромы»¹⁸⁵.

То, что иностранцы называли «контрактом», беря всю ответственность за его нарушения на себя, русские люди называли «поручной записью», так как за жильца должны были поручиться уважаемые люди, которые в случае его исчезновения отвечали бы за него перед судом. Содержание такой записи подробно излагается одной из хозяек: «В прошлом 1719 году на дворе ее, которой на Санкт-Петербургском острову в Посадской слободе, вдова иноземка Алена Иванова дочь наймала у ней избу на год и в том дала ей порушную запись от крепостных дел, с поруками... а в той записи она иноземка написала, чтоб всяким дурном и воровством не промышлять и с воровскими людьми не знаться, и стану и приезду вора и другим себе не держать, и жильцов без порушной записи к себе жить не пускать, и убытка ей никакова не доставлять»¹⁸⁶.

Договор о проживании в чужих хоромах в качестве работника за взятые вперед деньги именовался «жилой записью», в этом случае жильцы становились на время дворовыми людьми (см. подробнее гл. 9). Не все хозяева в свое отсутствие пускали во двор посторонних жильцов, некоторые селили в нем слуг или нанимали сторожей и дворников просто за проживание. В этом случае также составлялась «жилая запись». Пример таковой — запись, данная посадским из Костромы И. Банным на проживание в загородном доме П. П. Шафирова: «Жить ему в даче господина... в Санкт-Питербурхе на р. Охте для отправления всяких огородных овощей» и «в даче господина ево жить смирно, не пьянствовать и никуда не отлучаца»¹⁸⁷.

Для постояльцев во многих дворах были заведены специальные избы, в сказках прямо так и названные «наемными избами». Они особенно были нужны крестьянским артелям и ремесленникам, так как они не только в них жили, но и работали, например, хлебники устанавливали специальные печи, в которых выпекали свою продукцию.

¹⁸⁵ Там же. Д. 1568. Л. 40 об.

¹⁸⁶ Там же. Д. 1562. Л. 4 об.

¹⁸⁷ Там же. Д. 1594. Л. 38 об.

Некоторые из хозяев имели весьма внушительное количество жильцов. Например, надсмотрщик Оружейной канцелярии К. Абакумов объявил в сказке, что у него живут, кроме его домочадцев: 1) крестьяне на время, 2) жильцы москвичи, 3) жильцы новгородцы посадские люди (часть из них жила в особых хоромах), 4) Поместного приказа подъячий — всего 27 человек (л. 488—489). Во дворах знати обычно съемщиков жилья из простолюдинов не держали, разве что селили иноземцев. Но были исключения. В доме кн. Я. И. Лобанова-Ростовского, где он отмечен проживающим с женой и четырьмя дочерьми, стояли «наемщики, которые нанимают» у него помещение: 8 человек крестьян-портных, «калашный» мастер и 9 человек харчевников — всего 18 человек. Другой дом кн. Лобанова, возможно, ремонтировался, там проживала всего одна семья его дворовых людей (л. 423—424 об.).

Были и такие дворы, в которых сами хозяева никогда не жили, да и не собирались жить, а помещения в них сдавали (по сказкам 1718 г. — в 55% дворов хозяева отсутствовали, постоянно или временно). Нередко одни жильцы подселяли к себе других жильцов, а те, в свою очередь, тоже находили постояльцев. Сдавались не только отдельные избы, но углы и комнаты. В качестве примера можно привести жалобу, поданную на подъячего Масленникова, который съехал с квартиры, не заплатив. Он проживал на Большой Никольской улице, во дворе, принадлежавшем стольнику И. П. Матюшкину, но жил здесь мастер серебряного дела Лазарь Задубский «по найму с поручною записью». И вот, рассказывал Задубский, «на тот двор в прошлом 719 году пустил он в светличку из найму подъячего Алексея Масленникова» и «в канцелярии Полицейских дел он того Масленникова явил» (т. е. зарегистрировал), а потом Масленников очутился «под караулом», т. е. попал в тюрьму, и осталась жить «жена ево, Масленникова, с детьми и с людьми своими, да подъячий Санкт-петербургской Ратуши Марк Андреев, которой с ним, с Масленниковым, в той светличке жил по ево знакомству»¹⁸⁸. Иначе говоря, один жилец нанимал «светличку» у другого жильца и еще пустил к себе жить приятеля «по знакомству».

Жильцы во дворах часто менялись. В доме переведенца из Москвы Василия Попугаева смену жильцов (возможно, и не всех) удастся проследить с 1718 по 1721 г. В 1718 г. у него

¹⁸⁸ Там же. Д. 1562. Л. 46.

нанимали жилье две семейные пары из посадских людей, одна из них — с двумя детьми (л. 90–92). В марте 1720 г. у Попугаева в хоромах стоял дьяк с несколькими подьячими, а также военный прапорщик¹⁸⁹. В августе в этом же дворе обнаруживаем жену капитана, которая «стояла по найму... в особой горнице»¹⁹⁰. Малое время спустя нанимали квартиру уже другие жильцы: священник «стоял... понедельно», а с ним другой жилец — ратушный солдат¹⁹¹. Подробнее будни жильцов этого двора будут описаны в гл. 17.

В наем сдавали на Санкт-Петербургском острове не только жилые помещения, но и лавки, находившиеся во дворах. Например, крестьянин ярославского уезда Одинцов «нанимал в Санкт-Питербурхе, в посадской улице лавку у Сергея Гордеева сына Ильина у двора ево»¹⁹².

В Петербурге появилось новое понятие — «квартира» (в просторечии «фатера»), обычно употреблявшееся в отношении наемного жилья или казенного постоя: «кватеру» в одном из домов имел «Посольской канцелярии италианского языка переводчик», в том же дворе был «поставлен на кватере певчей Федор Матвеев» (л. 383). Употреблялось и такое выражение, как «двор отдан в кватеру».

НАДЗОР ЗА ЖИЛЬЦАМИ

Хозяева должны были отвечать за то, что среди лиц, нанимающих у них жилье, нет беглых, дезертиров, уголовников и т. п. 17 марта 1714 г. был издан царский указ, по которому «велено при Санкт-Питербурхе всякого чину жителем плотников, каменщиков, мастеровых, работных и всяких пришлых людей в домах у себя без поручных записей не держать, понеже от таких пришлых людей при Санкт-Питербурхе чиница многие воровства и татьбы и убивства и о том всенародно публиковано печатными листами»¹⁹³. Без регистрации у городских властей поселять жильцов было запрещено, в остальном же, как отмечал в одном из своих писем 1718 г. Антон Девиер, полиция не имела полномочий, «чтоб с дворов от хозяев ссылатъ

¹⁸⁹ Там же. Л. 31–32 об.

¹⁹⁰ Там же. Л. 101.

¹⁹¹ Там же. Д. 1594. Л. 16 об.

¹⁹² Там же. Д. 1562. Л. 7.

¹⁹³ Там же. Д. 1558. Л. 25 об.—26.

стояльцов, и кого они похотят пустить жить, то в их воле, а наша повинность токмо кому квартиры показать»¹⁹⁴.

Составление «поручной записи» давало возможность хозяину обратиться в суд с просьбой о возмещении нанесенных ему жильцом убытков — если жилец сбежал, то за него перед судом отвечали его поручители. Хозяева были заинтересованы в поручной записи и фиксации ее в полиции, однако далеко не всегда ее у жильцов брали. По поводу наказания таких хозяев Нижний суд запрашивал Юстиц-коллегию: «Которые люди приезжих людей учнут у себя держать, не объявляя и не записав в той канцелярии (Полициеймейстерской. — О. К.), что чинить велено?»¹⁹⁵ Не знаю, что ответили из Юстиц-коллегии, но я бы сослалась на пункты, данные Петром I главе полицейского ведомства: «Накрепко смотреть приезжих — какие люди, и чтоб всякой хозяин тотчас объявил, кто к нему станет и какой человек, а буде утаит или непрямым именем скажет, таких хозяев с наказанием ссылатъ на галеру с отобраением всего, что имеет равным же образом, и отъезжих объявлять, також и работников, ежели которой хозяин наймет кого их гулящих в работу, чтоб прежде дать знать об нем, дабы под тем видом не было какова беглова солдата или матроза и протчих»¹⁹⁶. Приезжих иностранцев также было велено хозяевам «объявлять», но не в полиции, а в Посольской канцелярии, однако иноземцам было не просто представить за себя поручителей.

У людей, попавших за ту или иную провинность в Полициеймейстерскую канцелярию, обязательно допытывались — кто их у себя поселил и кто за них поручился. Например, дело некоей «женки, прижившей беззаконно» сына, из Надворного суда было отправлено не только в Синод, но и в Полициеймейстерскую канцелярию, которая должна была выяснить, почему «та жонка жила без объявления в полициеймейстерской канцелярии и бес порук»¹⁹⁷. Так же по делу извозчика Данилова, от которого сбежали жена с тещей, выяснялось, «у которых людей те женки жили без записки в полициеймейстерской канцелярии и без поруки», и эти люди допрашивались¹⁹⁸.

¹⁹⁴РГАДА. Ф. 16. Д. 393. Л. 1.

¹⁹⁵РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1565. Л. 3.

¹⁹⁶РГАДА. Ф. 248. Кн. 1209. Л. 257.

¹⁹⁷РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1565. Л. 7 об.—9.

¹⁹⁸Там же. Л. 10.

Были, однако, и бдительные хозяева. Один из них утверждал в Надворном суде, что «увидя в доме своем пришлую женку... (нанятую жильцом работницу. — О. К.) одного истца (его жильца. — О. К.) жене говорил: для чего пришлую женку противно указу, не объявля в канцелярии Полицеймейстерских дел, держат, и тое пришлую женку он, ответчик, с двора своего сослал»¹⁹⁹.

ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ

Перенаселенность петербургских дворов приезжими и бездомными обратила на себя внимание и самого Петра I. Цивилизованным решением проблемы была организация гостиниц или постоялых дворов для приезжих. Казенные постоялые дворы были построены в 1723 г. у Гагаринской пристани «для постою всяких приезжих людей», такие же «постоялые дома» выстроили и на Литейной стороне. «Оные дома, — писал А. И. Богданов, — строили гарнизонные солдаты санктпетербургского гарнизону, которые построены были на сваях, нарочитые светлицы, и архитектуру преизрядно украшены были, то есть убиты тесом с карнизами, и пилястрами, и прочее убранство, а притом и выкрашены. Через несколько лет все оные дома обветшали, а потом и разобрали»²⁰⁰.

В июле 1723 г. на корабле «Екатерина», шедшем в Ревель, Петр издал указ, запрещающий приезжим останавливаться в частных домах: «Всем приезжающим в Санкт-Петербург купецким и всяких чинов людям, кои домов своих не имеют, ставица к найму в новопостроенных постоялых дворах, а Санкт-Петербургские жители, кто до сего времени в дома свои постояльцев пускали, в найму впредь в домах своих постою чтоб не имели...» Указ с барабанным боем «по многие дни» должен был объявляться, «чтобы неведеньем не отговаривались»²⁰¹.

Пытаясь организовать что-то новое, Петр зачастую не рассматривал проблему с разных сторон, не желал учитывать жизненных обстоятельств, которые оказывались сильнее его императорской воли. Зато с такими обстоятельствами напрямую сталкивались исполнители его указов и обнаруживали невозможность их выполнения. Так случилось и с вышеозна-

¹⁹⁹ Там же. Д. 1558. Л. 11–12.

²⁰⁰ Богданов А. И. Описание Санктпетербурга 1749–1751. С. 191.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1209. Л. 240.

ченным указом. Получившие его работники Полицеймейстерской канцелярии пришли в ужас, осознав его нереальность, и на свой страх и риск Антон Девьер не стал объявлять его на улицах с барабанным боем, а обратился за помощью к сенаторам, занимавшим прокурорские должности, — Павлу Ягужинскому и Ивану Бибикову. Они быстро и детально проработали вопрос и направили письмо двум особо приближенным к Петру лицам (графу П. А. Толстому и адмиралу Ф. М. Апраксину), предполагая, что эти вельможи возьмут на себя смелость разъяснить Петру непродуманность его указа.

Черновик этого письма от 19 июля 1723 г. со множеством исправлений сохранился среди дел Полицеймейстерской канцелярии. В нем подробно описаны все обстоятельства найма жилплощади в городе и проанализированы причины невозможности их в одночасье переменить.

В письме выражалось недоумение по поводу распространения указа на «всех чинов людей», при том что «в Санкт-Петербурге обретающиеся афицерства, шляхетство и штатские чины, определенные к делам и домов своих не имеют [не считая тех, кто не по указам стоят], и стоят у свойственников своих и по знакомству (у друзей бес платежа найму), [а другие и в нежилых дворах]»²⁰². Стоит ли и возможно ли всех этих людей отправлять на постоянные дворы? — спрашивали авторы письма. Такие жители, проживающие бесплатно, формально и не относятся к тем, кто живет «из найму». «Вашему превосходительству небызвестно есть, — сообщалось в письме, — что обретающиеся у дел шляхетство многие служат без жалованья. И которым жалованье хотя и есть, и то малое, которое уже долгое время не получают, а ежели оные из того постою (в новых гостиницах, где надо платить. — О. К.) выключены не будут, может произойти не без великой обиды и напрасных убытков».

Другая проблемная группа приезжих, — разъяснялось П. А. Толстому, а через него — и императору всероссийскому, это торговые крестьяне и ремесленники: «При том же рассуждается, что хлебникам, калашникам и прочим, которые торгуют харчевыми припасами в розных местех, промыслять, и ремесленным людям дела своего исправить будет невозможно, ибо оные все то управляют в доме, а в тех новопостроенных дворах удобных к тому покоев нет, от чего оные, покинув те свои промыслы, принуждены будут из Санкт-Петербурга выехать

²⁰² Слова, взятые в квадратные скобки, в тексте письма зачеркнуты.

вон, и от того во всяких харчевых припасах и в ремесленных людех будет оскудение».

Было очевидно, что, издавая указ, император не представлял себе реального количества имеющихся в городе нанIMATEлей жилья, зато его очень хорошо знал главный полицеймейстер Антон Девиер и понимал, что «к тому же всем — как не имеющим дворов, кои без съезду (т. е. безвыездно, постоянно. — О. К.) в Санкт Питербурхе живут, и на время приезжающим, так и вышеобъявленным харчевым промышленникам и ремесленным людям на тех дворах (т. е. в гостиницах. — О. К.) стоять, то не только утеснение будут иметь, но и вместица всем невозможно; а за тем указом по свойству и по знакомству и в наем в дома свои никто их не пустит».

Указ ударял не только по интересам жильцов, но и по интересам хозяев, что мало волновало Петра, поэтому следовало представить ему важный аргумент — «повреждение казенного интереса»: «А которые (построили дворы и лишние покои с немалыми себе убытками для отдачи в наймы), волею вашего величества построили двора по два, и по три, желая убытков своих отдачею в наем возвратить, с которых по указу беретца в казну с найму четвертая часть, те будут стоять пусты и тот збор останеца». В заключение Ягужинский и Бибииков выражали надежду, что «когда его величеству о тех трудностях известно будет», он вспомнит, что сам желал, «милосердуя к своим подданным, чтоб к здешнему житью имели охоту». Указ же, как пытались доказать Петру авторы письма, входил в противоречие с его собственным желанием, выполнять которое они в первую очередь и стремились.

Как и кто довел до сведения Петра высказанные выше соображения по поводу его указа, неизвестно, но это было сделано. Можно предположить, что разговор расстроил императора, болезненно относившегося к бессилию своих указов, однако он согласился с высказанными соображениями. Это заключение исходит из того, что 26 июля 1723 г. Сенат известил Полицеймейстерскую канцелярию о том, что ей следует «публиковать» (т. е. доводить до сведения жителей) только один указ его императорского величества (о тех, кто не живет в своих построенных домах), в остальных же указах, в том числе и о поселении в гостиницах, Петр повелел «удержаца до возвращения своего»²⁰³ и более к этому вопросу не возвращался.

²⁰³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1209. Л. 242–246.

Любая столица всегда наполнена приезжими более, чем другие города. Это, с одной стороны, создает в ней особый стиль жизни, не дает ей закиснуть самой в себе, с другой — делает ее перенаселенной, полной людей, испытывающих друг от друга различные неудобства. В Петербурге, городе еще только строящемся, проблема с жильем для приезжих стояла особенно остро, а самих приезжих было особенно много. И на первых порах визитеры ехали сюда не по своему желанию, а по указу или по необходимости, а местные жители испытывали от приезжих «утеснение». Было ли это житье «в тесноте, да не в обиде»? Об «обидах», случавшихся между хозяевами и жильцами, можно узнать по обращениям в суд, что мы в дальнейшем и сделаем, но в целом лишение петербургских жителей частного пространства, постоянное вторжение в частный дом то приезжих, то городских властей не являлось нестерпимо болезненным, ибо теснота и общежитие, в отличие от приватности, были русским горожанам вполне привычны и не замечались ими до тех пор, пока не случалось «обида».

Помимо психологической стороны проблемы перенаселенности города приезжими имела и хозяйственная сторона. Ведь «двор» являлся не только огороженным забором местом для жилья, он был домохозяйственной единицей²⁰⁴. В нем совместно проживали люди, связанные родственными или иными узами, которых объединяло общее ведение хозяйства, в котором каждый играл свою социальную роль, вносил свою лепту в его функционирование, получал долю дохода, согласно своему положению в доме. Члены домохозяйства всегда стремятся сделать его лучше, богаче, удобнее, доходнее. Постоянное вмешательство властей и приезжих в жизнь петербургского двора, принадлежащего одной семье, крайне затрудняло подобные стремления. Помимо того, во многих дворах проживали разные семьи, каждая — со своими хозяйственными заботами и интересами, далеко не всегда совпадавшими.

В Москве для приезжих издавна существовала система «подворий» (в современном понимании — это ведомственные гостиницы), их в первую очередь устраивали монастыри для своих людей, приезжавших в столицу по различным надобностям: из-за монастырских судебных тяжб и других дел. Подобная система начала складываться и в Петербурге:

²⁰⁴ О русском понятии «двор» см.: Hellie R. Op. cit. P. 395.

так, появилось подворье митрополита новгородского и псковского, губернаторские подворья для губернских чиновников. Купцы и посадские некоторых городов также стремились организовать собственные подворья. Например, в переписи отмечен двор, купленный на мирские деньги ярославских посадских людей «для приезду ярославцев, которые приезжают на время для государевых дел»²⁰⁵.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Градские обыватели

Глава 7

Кого и сколько?

(Структура населения
Санкт-Петербургского острова)

Из каких социальных групп состояло население Санкт-Петербургского острова и какова была его численность? На оба вопроса нет точных ответов, но последний вопрос все же проще, чем первый, с него и следует начать.

КОЛИЧЕСТВО ДВОРОВ И ЛЮДЕЙ

Численность населения Петербурга петровского времени определяется только гипотетически, никаких данных переписей ранее чем за 1737 г. нет. Л. Н. Семенова называла свои подсчеты (30—40 тыс. человек на 1725 г.) «самыми приближенными»¹.

Зато количество дворов на Санкт-Петербургском острове возможно установить по переписям 1713, 1717 и 1718 гг. с достаточно большой долей вероятности. Подворная перепись 1713 г. насчитывает 1111 «субъект», включая не только дворы, но казармы, лазареты, кузницы и около 50 прочих подобных строений². В переписи 1717 г. упоминается 1678 дворов, без учета других построек. Таким образом, за четыре года застройка на острове увеличилась приблизительно на 500 дворов.

В 1722 г. Полицеймейстерская канцелярия, ссылаясь на переписные книги 1717 г., дала сведения о том, что «при Санкт Питер бурхе на всех островах, кроме Васильевского острова, всякого звания жительских 4163 дворов»³. На 1725 г. Луппов

¹ Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). М., 1998. С. 6.

² РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Перепись итоговых цифр не имеет, подсчет сделан мной.

³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1206. Л. 379.

указал цифру 6000 дворов для всех островов, однако не совсем ясно, из каких источников он ее почерпнул⁴. Данные о дворах и о численности населения на 1737 г.: 5898 дворов и около 70 000 человек по статистике Полицеймейстерской канцелярии; 6151 двор и 68 141 человек по статистике Синода (учтены только православные)⁵.

Говоря о динамике застройки на Петербургском острове, нельзя не отметить недоразумения с использованием данных переписи 1717 г. Они опубликованы в виде таблицы С. П. Лупповым⁶ на основе диссертации Л. Р. Куракина⁷. Оба рассматривали погодные цифры табели 1717 г. как сведения о количестве дворов, построенных начиная с 1703 г. Луппов подверг эти цифры критике, полагая, что они неверно отражают динамику роста петербургской застройки. И действительно, динамику застройки совершенно невозможно проследить по данным табели, но это не означает, что они неверные, они просто отражают другое: не застройку, а приобретение дворов. Например, двор, построенный в 1711 г. и проданный в 1715, попадал в табель под 1715 г., так как переписчики не интересовались временем постройки двора, а лишь временем его приобретения современным владельцем. Луппов пишет: «Трудно поверить, что в 1705 г. во всем городе было построено лишь 13 домов, а в 1722 — лишь 22...»⁸, на самом деле цифра 13 означает, что в 1717 г. 13 человек в сказках сообщили, что поселились здесь в 1705 г., а 22 человека — в 1706 г. и т. д. Луппов верно почувствовал сомнительность данных в интерпретации Куракина, однако, не имея в руках ни самого источника, ни его четкой характеристики, не мог правильно определить, в чем тут дело.

Цифры общего количества дворов в 1717 г., приводимые в литературе и в источниках, несколько различаются. Привожу их все, дополняя таблицу, сделанную С. П. Лупповым

⁴ См.: *Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 32–45.

⁵ Перепись Полицеймейстерская: РГАДА. Ф. 248. Кн. 201; другая копия: РГИА. Ф. 1601. Оп. 1. Д. 710; перепись Синода: Описание документов и дел Святейшего синода. Т. XX. Стлб. 891–902. См. подробнее: *Семенова Л. Н.* Указ. соч. С. 5–7.

⁶ *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 28–29.

⁷ *Куракин Л. Р.* Массовая застройка Петербурга в XVIII веке: Дисс. ... канд. архитектуры. М., 1947.

⁸ *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 29.

(см. табл. 5, две первые колонки цифр), данными соответствующих источников.

На основе сказок переписи 1718 г. судить о количестве дворов невозможно, ибо они не все сохранились и таблицы по ним нет, но вряд ли оно сильно изменилось за год по сравнению с 1717 г. (1678 дворов). Зато по ней возможно сделать некоторые предположения о численности населения. В нашем распоряжении имеются сказки всего на 460 дворов, в которых переписано 5160 человек, т. е. средняя цифра — 11 человек на двор. Исходя из нее возможно вывести приблизительную цифру населения Санкт-Петербургского острова на 1717/1718 гг. — 18 458 человек. Речь идет не только о постоянных жителях, но и о приезжих. Среднее число лиц, относящихся только к хозяйской семье, — 5 (см. табл. 5). Таким образом, гипотетически к петербуржцам относилось 8390 человек⁹. По данным Б. Н. Миронова, на 1795–1796 гг. численность приезжих в Петербурге превышала численность постоянных жителей на 6%¹⁰, в нашем случае — приблизительно на 10%.

ГОЛОВОЛОМКА БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Наиболее сложным является вопрос о структуре населения Санкт-Петербургского острова. Ответ на него потребует выделения определенных социальных групп, которые, как показывает опыт социальной истории, выделяться по воле исследователя не желают, начинают находить друг на друга, впадать в противоречия, запутываться во множественности факторов социальной дифференциации, что в конечном итоге порождает у историка невроз¹¹. И в самом деле, сколь многие допущения приходится делать для того, чтобы выстроить таблицу, отражающую состав населения города.

⁹ Первую сравнимую цифру по Санкт-Петербургскому острову дают исповедальные переписи 1737 г.: 16 221 человек мужского и женского пола (в данном случае речь идет о постоянных жителях православного вероисповедания). (Варламова Н. А. Исповедальные ведомости 1737 года как источник по истории населения // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 192–193).

¹⁰ См.: Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1760 гг. Л., 1990. С. 51.

¹¹ См.: Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001.

Уже все субъекты переписи с листов сказок переместились в компьютерную базу данных, уже им можно дать команду «По порядку становись!». Но нет, становиться они не хотят и порядку сопротивляются. Вот, например, имеется несколько человек, назвавших себя в сказках сторожами. Объединить ли их в одну группу или разнести по другим категориям, имея в виду, что сторожем мог быть и отставной солдат, и наемный работник, и крестьянин, а сторожить он мог и государственную канцелярию, и частный двор? Или приказчики: у дворян приказчики — это обычно дворовые люди, у купцов приказчики — это посадские люди, работающие по найму, но и у купца иногда приказчиком мог быть купленный им холоп или крестьянин. Как определить статус таких людей, если они ничего о себе не сказали, кроме того, что являются сторожами или приказчиками? Другой пример: сказка отмечает «ярославцев, определенных в службу» (л. 463). Кто они — посадские-ярославцы, приехавшие от правлять казенные городские службы, или рекруты? Или хозяин двора сообщает, что у него «для торгового промыслу люди стоят на время пошехонцы» (л. 64). Кто эти «пошехонцы» — торгующие крестьяне из Пошехонья или посадские? Есть еще «иноземцы», среди которых и «арестанты», и «похолопленные» люди, и военные высших чинов, и свободные мастеровые, и купцы — и проч. Составляют ли они единую группу «иноземцев» или должны быть распределены по роду деятельности? Иначе говоря, определение в сказках части людей по должности (сторожа, приказчики, комиссары, фискалы и проч.), части — по «чину» (боярин, стольник), части — по происхождению (крестьянин, посадский, приказной), части — по национальности (иноземцы, татары), а также некоторые нечеткие и двусмысленные определения весьма затрудняют создание стройной схемы и вынуждают делать множество произвольных допущений. Более того, когда появляются многие сведения, относящиеся к одному человеку, они могут не только не уточнить его статус, а напротив — мультиплицировать его. Например, Сергей Резвов, о котором будет рассказано в гл. 10, называл себя в переписи 1713 г. «ладожаниным, посадским человеком», он же по переписным книгам Осташкова числился патриаршим крестьянином, в действительности же был петербургским жителем и крупным купцом-предпринимателем.

Таблица 5

Часть города	По данным «Объяснения к историческим планам» *	По данным Л. Р. Куракина	РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 642. Л. 44–45	РГАДА Ф. 198. Оп. 1. Д. 79 Л. 136	РГАДА Ф. 199. Оп. 150. Ч. 17. Д. 4
С.-Петербургский остров	1679	1660	1678		1678
Адмиралтейский остров	1727	1723		1724	
Московская сторона	534	515	535		535
Выборгская сторона	345	350	344		344
Итого	4285	4248	2557	1724	2557
Итого по архивным данным					4281

* См. примеч. 126 к гл. 3.

Посмотрим, как с этой же проблемой справлялись дьяки и подьячие, как они работали с переписями и каким образом описывали структуру общества. Ведь перед ними был тот же материал и стояли те же трудности.

ОТ СКАЗОК К ТАБЕЛЯМ: ПРОЦЕСС РАБОТЫ НАД ПЕРЕПИСЬЮ 1717 Г.

У приказных служащих имелся опыт и традиции, на которые они могли опереться. В каждом государстве существовали свои национальные особенности деления общества на различные группы¹². Были они и в России. Согласно лаконичной схеме Средневековья, характерной и для западной, и для восточной Европы, общество имело трехчастное деление, а именно — те, кто молится, те, кто воюет, и те, кто пашет. Со временем это деление все более усложнялось. К XVII в. главный признак основных групп населения в Московской Руси заключался в тех обязанностях или видах службы, которые они исполняли для государства, так или иначе пополняя казну. Люди делились на служилых, тяглых, духовенство и людей подлых¹³, каждая из таких групп имела свою стройную систему «чинов». Сама стройность и упорядоченность социальной иерархической структуры виделась частью гармонии Божественно устроенного мира. Петр I сделал попытку переструктурировать служилую часть общества на свой лад, введя в действие Табель о рангах.

В петровское время стремление властей разделить для удобства управления всю массу подданных на четкие группы, с определенными по отношению к государству обязанностями, пересчитать всех, прикрепить к одному месту и надзирать за каждым порождало много бюрократических усилий, которые и отражены в документах, в первую очередь в переписях. Первоосновой переписи были сказки, в них, как мы уже знаем, каждый субъект переписи называл свое имя и так или иначе сам определял себя и свой статус в структуре общества, либо это делал за него кто-то из доверенных лиц. Затем приказные люди работали с этим первичным материалом, производя об-

¹² См. об этом: *Language, History and Class* / Ed. by P.J. Corfield. Cambridge, MA, 1992.

¹³ Существительное «под» являлось синонимом существительного «низ», соответственно «подлый» означало просто «низкий», «находящийся внизу».

щие подсчеты, составляя сводные документы и таблицы. При этом им каждый раз приходилось решать вопрос о том, какой критерий положить в основу деления состава того или иного населения на конкретные группы, к какой группе отнести подателя сказки. Выбранные критерии весьма различались в зависимости от поставленной задачи в анализе переписи. Посмотрим, как происходил процесс подобного «бумажного» разделения общества.

Материалы переписи 1717 г. (о ее содержании см. в гл. 3) сохранились удивительно полно и отражают разные этапы работы над нею. В нашем распоряжении исходные данные в виде сказок, собранных с населения; их группировка по нескольким позициям, называемая «перечневой выписью»; табели, т. е. окончательные цифровые результаты, сведенные в таблицы. При этом имеются части переписи по нескольким районам (их цифровые результаты представлены выше). Комплексность этих материалов дает возможность проследить работу подъячих, она вскрывает логику, основываясь на которой пытались описать и понять городское общество наши предшественники.

Команде под руководством дьяка Ивана Свешникова пришлось немало помучиться, чтобы разделить петербуржцев на категории. Работа была особенно осложнена тем, что рухнула бывшая до петровского времени привычная и стройная система чинов государева двора, служилых и тяглых людей, а новая, нашедшая свое воплощение в Табели о рангах, еще не сформировалась. Наибольшие трудности сопутствовали ранжированию высших слоев общества.

Термин допетровского Московского государства, применявшийся к светской правящей элите, — «думные и ближние люди» (т. е. лица, имевшие чины в Боярской думе, и высшие придворные чины) — теперь был заменен на «палатные люди и царедворцы» (т. е. сенаторы, заседавшие в «палате», и лица, входившие в дворцовое окружение царя), что суть одно и то же. Получилось так, что старые и новые чины в петровское время сосуществовали, но в их социальном значении шла перетасовка. Например, бояре, т. е. лица, имевшие высший чин в отставленной от дел и замененной Сенатом Боярской думе, могли входить в состав «вышних персон», а могли быть и совершенно устраненными от государственного управления, тем не менее чин боярина за ними сохранялся и при упоминании их имени обязательно прописывался. Высшие слои правящей элиты пополнялись безродными людьми, такими, напри-

мер, как А. Д. Меншиков или П. П. Шафиров, бывший по рождению холопом¹⁴. Конечно, на вершины власти и раньше проникали царские фавориты незнатного происхождения¹⁵, но все-таки они происходили из дворян, а не из холопов. В допетровские времена такие лица иногда получали думный или придворный чин, причем поначалу не самый высший, теперь же появилось изрядное количество выскочек, имевших небывалые до сего времени титулы и звания. Пример тому — титулатура А. Д. Меншикова¹⁶, занимавшая не менее полулиста текста на каждом из упоминавших его имя документов. Внушительное количество оставшихся от прежних времен стольников теперь получало новые звания и должности, сохраняя и свое стольничество. Одновременно с титулами и чинами появлялись новые должности, как штатские, так и военные, например, появились губернаторы, ландрихтеры, комиссары, фискалы и многие другие дотоле неслыханные начальники.

Итак, подычим под руководством дьяков Ивана Свешникова и Луки Колошина при составлении из сказок итоговых документов по переписи пришлось разбираться со всем этим многообразием чинов и должностей. В пространной перечневой выписке по Санкт-Петербургскому острову¹⁷ категорий было выделено намного больше, чем потом поместили в таблицы, где разные рубрики соединили в одну, совмещая высшие и низшие чины по принципу вида деятельности. Упрощение структурной сложности обычно шло двумя путями: укрупнением категорий и «сбросом» тех, кто по разным причинам к ним не подходил, в раздел «люди разных чинов». Таких оказывалось в избытке, и эта обширная группа «тех, кто не вписался» играла значительную роль в российском обществе¹⁸.

¹⁴ См.: Серов Д. О. Строители империи. Новосибирск, 1996. С. 32.

¹⁵ Типичный пример — псковский дворянин, впоследствии боярин А. Л. Ордин-Нащокин, фаворит царя Алексея Михайловича.

¹⁶ Светлейший римского и российского государств князь, герцог Ижорский, его царского величества верховный действительный тайный советник и над войском командующий генерал-фельдмаршал и губернатор губернии Санкт-Петербургской, кавалер ордена апостола Андрея, и Слона белого и Черного орла, подполковник от Преображенской лейб-гвардии и полковник над тремя полками Александр Данилович Меншиков.

¹⁷ РГАДА. Ф. 198. Д. 642. Л. 52–80.

¹⁸ См.: Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. (*Wirtschafter E. Structures of society: Imperial Russia's «people of various ranks»*. Nohern Illinois Univ. Press, 1994.)

По материалам 1717 г. хорошо виден поиск подьячими точных категориальных разделов в рубрике «люди разных чинов». В перечневой выписи в него поместили малочисленные, а также временно пребывающие в городе категории жителей: «певчих дьяков, корабельных лейб-управителей и отставных офицеров и солдат, канцелярских сторожей и вдов, и гулящих людей». Согласно такой логике канцелярские сторожа и вдовы, как видим, оказываются в одной категории населения. Здесь в категорию «людей разных чинов» не вошли иноземцы (появившиеся среди них потом), их расписали по отдельным рубрикам: «иноземцы, в том числе мастеровые», «шведские арестанты», «татары и турчане»¹⁹. Для табели все это сократили и объединили, выделив группы особо значимые. Получилось следующее: группа «разных чинов людей, в том числе певчих дьяков, и разных дел управителей, и отставных, и шведских офицеров»²⁰.

В целом в Табели по Санкт-Петербургскому острову, подводящей итоги переписи его населения 1717 г., социальная структура и наличие дворов предстают следующим образом.

В первой графе Табели дьяки отметили членов *царской семьи*, а также «ближних людей и прочие высшие персоны» — это элита, имевшая разные чины и титулы. В нее входили как царские фавориты, такие, как тот же П. П. Шафиров, и люди царю лично не близкие, но имевшие важное государственное значение, такие, как фельдмаршал Б. И. Шереметев. Однако в эту же группу дьяки включили «*вдов боярынь*», видимо, имея в виду, что в этих дворах живут знатные боярские недоросли, еще чинов не имеющие, но метящие в высшие из них. Сюда же составители табели присовокупили «*разных статей шляхетство*» — это те из дворян, кто имел бывшие чины государева двора, но не получил новых. У всей этой группы во владении на Санкт-Петербургском острове оказалось 135 дворов. На самом деле владельцев было меньше, так как многие из этих людей имели по несколько городских усадеб. В своих мемуарах — тексте, современном нашим табелям, кн. Б. И. Куракин также разделил служилую верхушку общества на «высших», «средних» и «самых шляхетских персон...»²¹, понимая под

¹⁹ РГАДА. Ф. 198. Д. 642. Л. 52–67.

²⁰ РГАДА. Ф. 199. Портф. 150. Ч. 17. Д. 4.

²¹ См.: Vita del Principe Boris Kourakin // Архив кн. Ф. А. Куракина. Саратов, 1890. Т. 1. С. 252.

«шляхетством» дворянские низы. Слова используются новые, но сама логика деления на три группы та же, что и в допетровское время, — чины думные, чины московские (или Государев двор) и городовое дворянство.

Далее структура населения в табели приобретает другие очертания. В графе 2 следуют военные чины: обер-офицеры (полковники, подполковники, майоры, капитаны и проч.), таковых — 139 человек. За ними — «ундер-офицеры и рядовые» (драгуны, солдаты, пушкари и матросы), т. е. основной состав конницы, пехоты, артиллерии и флота, за представителями военных чинов записано наибольшее количество дворов Петербургского острова — 682. В графе 3 — штатские чиновники (губернаторы, вице-губернаторы, ландрихтеры, обер-провиантмейстеры, обер-кригс-комиссары и комиссары, и «секретарские, и дьячи и приказные люди»). За ними числится 251 двор. Эти категории населения выделены на основе их должностей, чего в перечнях и списках допетровского времени практически не бывало, да и подобных должностей не существовало.

Покончив с описанием людей, имевших государственные чины и звания, исполнявших государственную службу, дьяки в графе 4 поместили духовенство («архиереи, монахи, попы, дьяконы и прочие церковные причетники») — 22 двора.

За духовенством в табели отмечено посадское население (графа 5), где выделены три категории: люди гостиной сотни, посадские, мастеровые люди казенных предприятий (Дворцовой, Оружейной, Городовой и прочих канцелярий). Они владели 242 дворами. Как увидим дальше, сами мастеровые казенных предприятий отделяли себя от этой группы на основе того, что они работали непосредственно на государя.

Всех остальных людей, не вписавшихся в выделенные категории, в табели отнесли в разряд «разных чинов людей», за ними числилось 170 дворов²².

Сказки по Московской стороне Петербурга — району, находившемуся на другой стороне Невы, у Московского тракта, — очевидно, обрабатывала другая «команда» подьячих, и ее деление населения на группы совершенно иное. Здесь в основу описания петербургского общества положено чиновное последование, существовавшее в армии, в которое оказались

²² РГАДА. Ф. 199. Портфель 150. Ч. 17. Д. 4.

«вкрапленными» только штатские «сенаторы», «бояре», «губернаторы». «Иноземные» наименования не употреблены практически совсем: отсутствует «шляхетство», но есть «стольники и дворяне московские», а также «боярские и стольничьи жены»; отсутствуют такие штатские чиновники, как кригс-комиссары, ландрихтеры, секретари, вместо них — только «дьяки и подьячие». В отдельные группы выделены «дворцовые служители», «монастырские служители», «ямщики», которых на Санкт-Петербургском острове было ничтожно мало, поэтому там они попали в «разные чины». Посадских людей в перечне чинов по Московской стороне нет вообще. Если в табелях и других сводных материалах по Петербургскому острову имелась графа о количестве неподанных сказок (или ведомостей) по каждой группе населения, то в данных по Московской стороне такая графа отсутствует²³. Возможно, что здесь сказки с жителей вообще не собирали, просто чиновники прошли (видимо, для скорости и простоты) по всем дворам Московской слободы и записали показания хозяев самостоятельно. Так провели перепись Адмиралтейского острова, которая сохранилась в виде перечня²⁴. К тому же по Санкт-Петербургскому острову существовали переписные книги Василия Жемайлова, а мало застроенная в то время Московская сторона вообще не переписывалась, и сравнивать полученные данные было не с чем. Указ жителям, «которые имеют свои дворы за речкой Мьею, чтоб объявили все свои крепости на дворы в Полицеймейстерской канцелярии в самой скорости», последовал только 11 июля 1721 г.²⁵

Таким образом, мозаика чинов и должностей людей, попавших в перепись, не имела готовых классификационных рубрик для структуры населения, существовавших в допетровское время²⁶. Работники Губернской канцелярии, как и других административных учреждений, стремились дать синтетическое описание общества, совмещая чины, ранги и должности, как военные, так и штатские, в нечто единое.

²³ РГАДА. Ф. 198. Д. 642. Л. 68–76.

²⁴ Записи в перечне выглядят так: «Двор подпоручика Ильи Ржевского, а по скаске ево оной двор куплен в 1716 г. морского флота у поручика Лебядникова» (РГАДА. Ф. 198. Д. 79. Л. 25).

²⁵ РГАДА. Ф. 1451 Д. 24. Л. 79.

²⁶ Она отражена в достаточно четкой структуре боярских книг и списков, в десятиях, в переписных книгах.

Церковные власти, осуществляя свои переписи населения, рубрицировали население иначе²⁷.

Структурированное руками приказных людей население превращалось в «текст», на основе и под влиянием которого создаются работы научного содержания с большей или меньшей степенью осознанности того, что «всякая классификация, или стратификация, является в значительной мере условной, так как зависит от критериев, положенных в ее основу»²⁸.

Однако, исходя из «научных» критериев, отличных от использовавшихся подьячими (например, о классовом делении общества), исследователи бывают вынуждены переименовать по-своему рубрикации своих источников. Именно так поступил с табелью 1717 г. С. П. Луппов, «сгруппировав цифры Куракина». В результате получилось пять групп, на которые делилось население Петербургского острова: 1) знать и члены царской фамилии, 2) офицеры, 3) унтер-офицеры и солдаты, 4) мастеровые люди, мелкие служащие и торговцы, 5) духовенство²⁹. К сожалению, избавление от дробности рубрик таблицы привело не к большей логичности, а к серьезным утратам в описании населения: отсутствуют и высший слой приказной бюрократии, и ремесленники, и разночинцы, не говоря уже о дворовых людях и крестьянах.

Такое укрупнение дробных социальных групп, произведенное Лупповым, — вполне традиционный выход из положения. При введении новой системы налогообложения во Франции для Тарифа новой капитации клерки первоначально разделили население на 569 рангов, которые затем были сведены в 22 класса³⁰. В России при ревизии 1719 г., проходившей с целью введения подушной подати, перед приказными людьми были поставлены схожие задачи³¹. Стали употребительными такие крупные категории, как «люди высших чинов», «люди средних чинов», «люди низших чинов»,

²⁷ О них см.: *Варламова Н. А.* Указ. соч. Однако вопрос церковной классификации общества автор оставляет без внимания. Его рассматривает Э. Виртшафтер (*Виртшафтер Э.* Указ. соч. С. 89–101).

²⁸ *Миронов Б. М.* Социальная история России периода империализма. (XVIII — нач. XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 76

²⁹ См.: *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 31–32.

³⁰ См.: *Копосов Н. Е.* Указ. соч. С. 154–155.

³¹ См.: *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России: 1719–1728 гг. Л., 1982.

петровское слово «ранги» так и не сумело вытеснить традиционный термин «чин».

НЕБЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНОСТЬ

В Западной Европе к XVIII в. при осмыслении социума появилось обобщающее понятие «классы общества»³². Поиски новых понятий для описания социальной структуры населения имели место и в России, хотя абстрактное социальное мышление здесь еще не получило заметного распространения.³³ В. Н. Татищев, например, вводил новое слово «стан» в применении к крупным социальным группам: «дворянство есть главный и честнейший стан государства...» или «преимущество дворянства перед прочие станы состоит в том...»³⁴. Употребляет его Татищев в тексте не административного, а скорее научного, социологического характера.

Старший современник Татищева и дворовладелец Санкт-Петербургского острова И. Т. Посошков описывал общество иначе — в жанре «отеческих наставлений», он делал это, основываясь на «естественном мышлении», также не размышляя специально о рубриках и классификациях. Думается, что его представления разделяло большинство жителей Санкт-Петербургского острова, если они когда-либо задумывались на этот счет. Собственно говоря, речь у Посошкова идет не об обществе, а о сферах жизни и деятельности, к которым может оказаться причастен его сын, и который, следовательно, нуждается в соответствующих отцовских наставлениях. Были сферы, куда крестьянский сын не мог попасть никогда, — он не мог стать ни дворянином, ни иноземцем. Однако многое другое, как считал отец, для него было открыто. Сначала речь идет об «отроческом житии», т. е. о периоде детства, когда социальные проблемы, по мнению Посошкова, еще нивелированы, затем — «о брачном управлении». Следующие две главы —

³² Neal R. S. *Class in English History, 1680–1850*. Blackwell, Oxford, 1981; Corfield P. *Class by name and number in eighteenth-century Britain // Language, History and Class*. Idem; Melton J. Van Horn. *The emergence of «society» in eighteenth- and nineteenth-century Germany*. Idem.

³³ См. Согамонов А. Ю., Уваров П. Ю. *Открытие социального // Одиссей*. 2001. М., 2001.

³⁴ Татищев В. Н. *Лексикон Российский исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения*. Л., 1979. С. 255.

«о мирском житии». «Мирское житие» не знает никаких словных различий, речь идет об общем для всех, об едином «обществе» перед лицом церкви. Христианские заповеди и морально-этические правила объединяют «мир». Слово «общественный» Посошков употребляет в значении «общий» («пришел ты в общественную церковь, с церковью и молись вкупе»³⁵). От мирского жития Посошков переходит к рассуждениям «о гражданском житии», к нему относятся: земледелие, рабство, художество (ремесленническая деятельность), купечество, солдатство, офицерство, крестьянство, нищенство. Особое «бытие», которому посвящена глава 6, составляет приказной мир, мир бюрократии и чиновничества. Последние главы посвящены духовенству вплоть до архиерейства. По сути дела, за перечислением разных видов деятельности речь идет о возможных заработках на жизнь. В каждой из глав книги присутствует образ «мерзкого иноземца», «лютеранина», который ведет себя не так, как должен вести себя православный человек, пребывая в соответствующем чине.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ

Петербургское население состояло не только из бюрократически выделенных «чинов» и «рангов», но и из общностей, которые не могли фигурировать в административных списках. Здесь было не только особенно много иноземцев, но и формировалась группа русских «западников» — людей, получивших определенное знакомство с западной культурой и относившихся к ней в целом положительно. Наиболее ярким представителем такого типа был сам царь Петр. Им противостояли люди, преданные православной культуре, в том числе и старообрядческого толка. Именно вестернизация дворянской культуры понудила некоторых из дворян нелегально покинуть дворянскую службу и перейти в духовенство, что ранее не было принято в российской дворянской среде³⁶.

И все же ошибочно считать, что подобное разделение формировало в обществе два противостоящих лагеря. Часто происходило причудливое совмещение старого и нового в рамках

³⁵ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением. СПб., 1893. С. 100.

³⁶ Подобные случаи выявлены и проанализированы А. С. Лавровым (Лавров А. С. Колдовство и религия в России. М., 2000. С. 309–325).

одной и той же личности, как это явно в случае с тем же И. Т. Посошковым или цейх-директором М. Аврамовым, оказавшимися одновременно и сторонниками, и противниками реформ Петра.

Определенную общность в городе являли собой люди, причастные грамоте. Составляемые во время дворянских смотров списки недорослей в петровское время включили в себя новый критерий разделения дворян на «грамоте и писать умеющих» и «грамоте и писать не умеющих». Но грамотные люди отнюдь не преобладали среди дворянства, в каждой социальной группе были свои «грамотеи», и их «образованность» была разного «сорта» — это и духовенство, и приказные люди, и посадские люди (особенно государственные мастеровые, такие, как типографы или художники), и купечество, и дворовые, и крестьяне-старообрядцы.

Видимо, в Петербурге как в городе, состоявшем полностью из мигрантов, на первых порах были существенны землячества, земляки поддерживали связь и друг с другом, и с родным городом, что видно даже и по переписи.

Помимо официально используемых «чинов» и «рангов» в общественном сознании существовали дихотомичные группы, представлявшие собой бинарные оппозиции, на которые разделяли общество: высшие и низшие; подлые и благородные; меньшинство и большинство; богатые и бедные; правоверные и басурмане; сильные и слабые и проч.³⁷ Именно такое разделение общества выявляет зоны конфликтных отношений между различными группами населения.

Для российского варианта подобных дихотомий, как мне представляется, важнейшим являлось разделение общества на тех, кто принадлежал к слугам государевым, и тех, кто к ним не принадлежал. Важнейшим признаком «слуг» было получение из казны государева жалованья (как в земельной, так и в денежной форме), оно означало государеву милость и причастие к власти (в эту группу, таким образом, входили и военные, и высшие чиновники, и духовенство, и приказные люди, и казенные мастеровые). Люди, не получавшие государева жалованья, а напротив, платившие в казну «государево тягло», оказывались группой «второго сорта» и первой группой презирались. Они были уже не слуги, но рабы. Те же, кто не мог платить тягла, относился к «подлым» людям, не имевшим

³⁷ Corfield P. Op. cit. P. 117.

вообще никакого прикосновения к делающей человека социально значимым государственной власти.

Поэтому дворяне и чиновники на высших должностях вели себя по отношению к купцам, как помещики к крепостным, невзирая на их часто превосходящее финансовое положение. И никакой суд «не мог защитить тяглых людей от посягательств и притеснений со стороны высших сословий даже в тех сферах жизни, где декларировалось их охранение, как, например, при организации постоя в городах или обеспечении к магистратскому правлению»³⁸. Н. В. Козлова приводит отнюдь не уникальный пример того, как в 1716–1718 гг. четыре крупнейшие купеческие семьи Коломны были уничтожены (застрелены, искалечены, лишены своих домов) представителями дворянства без каких-либо серьезных к тому поводов, гонора своего ради. Резонно в связи с этим замечание С. Князькова о том, что «...обострение шляхетных чувств отзывается на взаимоотношении отдельных сословий; в дошедших до нас случаях столкновения видны только рознь, жестокость, грубость, какое-то странное и ненужное преследование сильными слабыми»³⁹.

НЕ РАЗДЕЛИТЬ, А ПЕРЕМЕШАТЬ

И бюрократия, и исследователи создавали образ общества, сотворенный и структурированный на бумаге, и лишь отчасти схожий с обществом реальным, так как границы, проведенные пером, в действительности были не только размыты, но и нарушены логикой обыденной жизни. Браки, соседство, работа, церковь, досуг, мировоззрение, уровень культуры и многое другое сталкивали на одном пространственном поле людей разных чинов и положений, и хотя они ясно осознавали свою социальную принадлежность к той или иной группе населения, их бытовое общение происходило не только внутри этой категории, но и в активном взаимодействии с другими. Существовало «мирское житие», о котором писал Посошков. Именно это смешение, столкновение, взаимосвязь людей, наиболее характерное для крупных городов, мало учитывалось в рабо-

³⁸ Козлова Н. В. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII веке // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 223.

³⁹ Князьков С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1909. С. 461.

тах по социальной истории, которые рассматривают общество через характеристики отдельных групп: дворяне, купечество, чиновники, крестьяне, разночинцы и проч.

Как, в частности, показывает работа Э. Виртшафтер⁴⁰, помимо рассмотрения общества в строго формализованном виде оказывается возможным и другой аспект его изучения, а именно — выявлять, а не сглаживать «нестыковки» в структурированных источниках, рассматривать общество не только в разделенном, но и в «перемешанном» состоянии, обращая внимание и на мелкие, и на «плавающие», и на маргинальные группы, стремясь, таким образом, к созданию более голографичной, чем схематичной картины города. Для этого необходимо произвести смещение исследовательского взгляда с макроуровня (т. е. предельно обобщенного уровня, находящего отражение в законодательстве и государственном делопроизводстве) на микроуровень, взглядевшись в источники, отражающие повседневную, в том числе и частную жизнь горожан. В городской среде выделяются такие «локусы», где повседневный контакт людей разного общественного положения был особенно интенсивен. Это — и сами петербургские дворы, и городские общественные места. Нередко представители разных чинов оказывались связанными родственными узами.

Интенсивная перепродажа дворов на улицах Санкт-Петербургского острова приводила к тому, что соседями оказывались люди, принадлежащие разным социальным группам. Более-менее однородно заселялись бедные районы, солдатские слободы, а Дворянская улица, Большая Посадская и Офицерская вскоре перестали отвечать своим названиям: на них соседствовали и дворяне, и купцы, и приказные люди, и духовенство. Однако первоначальная интенция, прослеживаемая в названиях, имела в виду различное поселение людей разных чинов.

Есть множество примеров пестрого состава жильцов одного двора. Двор подъячего Провиантской канцелярии Андрея Иванова — образец объединения людей не только разных состояний и профессий, но и разных мест происхождения. Здесь жили сам хозяин и его коллега по службе, а также справщик петербургской типографии, посадский человек из Архангельска, портной из Москвы, трое крестьян из Ярославля, монастырский работник из Новгорода. Их обслуживали две

⁴⁰ См.: Виртшафтер Э. Указ. соч.

дворовые девки и три наемных работницы (л. 34). В купеческом доме Акишина жили только постояльцы: сидельцы из Москвы, переводчик петербургской Посольской канцелярии, крестьяне из Костромы, сапожники посадские люди и дьякон церкви Рождества Богородицы с семьей — всего 32 человека, включая трех женщин из прислуги (л. 413–413 об.). Даже дома «вышних персон» оказываются населены не только их близкими. В партнерство по найму квартиры могли добровольно войти люди из разных чинов, что подразумевало их совместное проживание и общение вне службы. Так, канцелярист Надворного суда имел «товарища» — купеческого человека, а жили они во дворе лейб-гвардии бомбардира⁴¹.

И в самих семьях петербуржцев нередко находим родственников, принадлежавших к разным социальным группам. Возьмем, к примеру, двор на Дворянской улице, купленный дьяком Анисимом Масловым у переводчика П. С. Голембовского. У Анисима в доме гостил родной старший брат капитан Михаил Маслов, приехавший, как отмечено в сказке, «из армии на время». Но Михаил в Петербурге задержался, исполняя здесь при вице-губернаторе полицейские обязанности⁴². Масловы происходили из дворян, но один из братьев стал приказным и успешно продвигался по штатской службе, другой — по военной⁴³. Оба брата были женаты и содержали свою незамужнюю 30-летнюю сестру. С ними жил и престарелый дядя, брат матери комиссар Иван Козлов, со своим 23-летним внуком подьячим. Таким образом, члены этой семьи, принадлежавшие к разным общественным сферам и входившие в разные чиновные группы, находились в весьма тесном семейном общении. В том же дворе у Маслова стояли жильцы: купец из Москвы и семнадцатилетний «школьник» В. Пестрилов. Всего, вместе с дворовыми людьми, в этом дворе проживало 40 человек (л. 26–26 об.).

Люди разных социальных состояний оказывались родственниками через родство по браку. Проблема межсословных браков в России этого времени остается практически неизученной, хотя высказывается предположение, что такие браки являлись значительным феноменом русской жизни⁴⁴. Отсут-

⁴¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 48 об.

⁴² Там же. Ф. 198. Д. 462. Л. 20 и др.

⁴³ Анисим Маслов умер в 1735 г. в чине действительного тайного советника, Михаил получил чин майора.

⁴⁴ См.: *Wirtschaftler E.* Op. cit. P. 180.

ствие систематической церковной регистрации браков препятствует их исследованию, но в массе разнообразных документов, относящихся к горожанам, подобные сведения случайно проскальзывают и свидетельствуют о том, что посадские люди, церковный клир среднего звена и подьячие — часто оказывались в родственных отношениях. Например, в челобитной подьячего Василия Филиппова говорится о том, что родная сестра его жены замужем за попом церкви Симеона Богоприимца Василием Петровым⁴⁵. Подьячий Андрей Храмцовский был зятем новгородского дворянина Крекшина⁴⁶. Встречаются изредка сведения и о неравных браках, например, браках дворян с дворовыми девками и вдовами⁴⁷.

«Существование в одной семье лиц с разным социальным статусом, — отмечает Э. Виртшафтер, — свидетельствует о невозможности установления строгих социальных границ», а «само наличие жен, вдов и дочерей мешало воплощению в жизнь правильных социальных определений»⁴⁸. Повторное замужество вдов в иной социальной группе часто ставило малолетних детей от первого брака в неопределенное сословное положение, о чем свидетельствуют два следующих примера. Псаломщик Троицкой церкви на Петербургском острове Ерофей Иванов в 1714 г. стал дьяконом Петропавловского собора⁴⁹, приобрел второй двор и имел при себе «домашних своих» — жену и маленького сына. В 1717 г. этот «дьякон при царском величестве обретается в походе», а в его дворе живет «свойственник ево бежечанин посадской человек Семен Иванов», который и дал вместо дьякона сказку. По прошествии года находим в переписи 1718 г. бежечанина Иванова, уже женившегося на дьяконовой вдове и усыновившего его ребенка (л. 230–230 об.)⁵⁰. Мальчик, который должен был принадлежать к духовенству, таким образом, унаследовал его недвижимость от отца, но имел мало возможностей наследовать его социальный статус.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. I. Ч. 2. Д. 1549. Л. 28–29 об.

⁴⁶ Там же. Д. 1554. Л. 65 об.

⁴⁷ Там же. Л. 17.

⁴⁸ Виртшафтер Э. Указ. соч. С. 100, 109.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 65. Л. 512.

⁵⁰ В документах о выдаче жалованья клиру Петропавловского собора дьякон Ерофей Иванов последний раз упоминается в июне 1717 г., 25 января 1718 г. в списке клира его уже нет (РГАДА. Ф. 248. Кн. 65. Л. 573, 596).

Другая история сироты, рассказанная москвичом Петром Пичугиным, оказавшимся в поисках заработков на Петербургском острове (см. подробнее гл. 10), содержит сведения о том, что его отец — мелкий торговец — умер, когда Петр был совсем мал. После пяти лет вдовства его мать вышла замуж за солдата и переехала жить к нему, продав прежний двор. Подросший Петр пробовал продолжать отцовское дело, но в слободе, к которой был приписан его отец, уже «старосты и слободские люди его не знали»⁵¹, он утратил здесь корни. Конечно, подобные случаи редкостью не являлись.

Появление в Петербурге множества шведских пленных и беженцев из прибалтийских земель способствовало межнациональным бракам. В 1722 г. был издан важный указ, разрешавший такие браки без перемены веры, но дети от них становились православными.

Таким образом, в Петербурге сложилась городская среда, в которой круг общения оказывался особенно широк и разнообразен. За воротами двора и за пределами своей улицы горожане разных чинов общались и в церкви, и в кабаке, и в бане, и на рынке, и в канцелярии, в дальнейшем мы еще не раз там с ними встретимся. Город был «общим котлом», в котором варились все, здесь оказавшиеся, что следует подчеркнуть, прежде чем приступить в нижеследующих главах к описанию разных групп населения Санкт-Петербургского острова: возрастных, родственных, социальных.

⁵¹ РГАДА. Ф. 291. Оп.1. Д.10. Л.3–4.

Глава 8

Мужчины и женщины, старики и дети Санкт-Петербургского острова

ВОЗРАСТ И ПОЛ

Петербург был еще очень молод, а какой возраст преобладал среди его жителей? На этот вопрос они сами дали ответ, однако правомерны сомнения в том, что это сделано полно и правильно. Насколько соответствовал действительности возраст, зафиксированный в переписях, проводимых среди населения, которое не имело традиций точно его регистрировать, — проблема, давно поставленная исторической демографией⁵². На русском материале она была рассмотрена Д. Кайзером, проанализировавшим с этой точки зрения переписи петровского времени провинциальных городов России. Сравнение данных, включенных в переписи 1715–1720 гг. (Тула) и 1710–1717 гг. (Вятка), показало явное несовпадение возрастных показаний у одних и тех же лиц в среднем на 4,8 лет. Например, в переписи 1715 г. Аким Захаров и его жена Ксения записаны соответственно 62 года и 59 лет, а через 5 лет — в 1720 г. — 70 и 75 лет⁵³. Когда опрашиваемые затруднялись назвать свой возраст, переписчикам ничего не оставалось делать, как определять его «на глазок», — считает Д. Кайзер⁵⁴. В петербургском дворе сказку составлял один из его многочисленных жителей, который совсем не обязательно выяснял у каждого его возраст, а прикидывал его сам по наружности человека. В таких случаях возраст обычно округлялся в десятикратных или пятикратных

⁵² См.: *Ewbank D.* Age Misreporting and Age-Selective Underenumeration: Sources, Patterns, and Consequences for Demographic Analysis. Washington, DC. National Academic Press, 1981.

⁵³ *Kaiser D., Engel P.* Time- and Age-Awareness in Early Modern Russia // Society for Comparative Studies in Society and History. 1993. № 35 P. 827.

⁵⁴ *Kaiser D., Engel P.* Op. cit. P. 834.

цифрах. Это отчетливо проявляется при сравнении возрастных показателей в сказках 1718 г.

Возьмем пример из группы женатых мужчин и сравним количество лиц, возраст которых кратен 10 с количеством лиц на год старше или младше (рис. 6 и табл. 6).

Такое резкое увеличение количества людей в возрасте, кратном 10, во всех возрастных группах как мужчин, так и женщин нельзя объяснить ничем иным, как приблизительным указанием их возраста подателями сказок. Подобные же колебания, но не столь существенные, наблюдаются и в цифрах возраста, кратных 5. Вышеприведенный случай с супругами Захаровыми, таким образом, скорее объясняется не тем, что они не знали точно своего возраста, а тем, что в первом случае его сообщили либо они сами, либо люди их хорошо знавшие, а во втором — это сделал кто-то посторонний. Поскольку в сказке отмечено, кто из жителей двора ее составил, то можно заметить, что этот человек в редких случаях округлял свой собственный возраст или возраст членов своей семьи, зато делал это в отношении других. Иначе говоря, неточность указания возраста в переписи обязательно является следствием его незнания людьми.

Скрупулезно в сказках указан возраст младенцев — по количеству прожитых ими недель: например, во дворе посадского М. Минина оказалось сразу трое младенцев: один — «30 недель», другой — «1 неделя», третий — «10 недель» (л. 487–487 об.) Часто возраст уже перешагнувшего свое первое полугодие ребенка продолжали определять неделями (л. 102, 252) и второй год жизни считали так же: дворовый М. Соловьев лично обозначил возраст дочери как «год и девять недель» (л. 348–348 об.), купецкий человек И. Я. Сахаров — дочь «год с недель» (л. 88). Это красноречиво свидетельствует о внимательном отношении к младенческому возрасту и точной памяти даты рождения ребенка. Понедельный счет времени лежал в основе церковного календаря, и дата рождения связывалась с тем или иным православным праздником, по которому они и запоминались. И. Посошков советовал сыну называть новорожденных по имени того святого, в день памяти которого он родился, и «такое день рождения его и без записки до скончания живота его не забвен будет»⁵⁵.

Неточное знание возраста было свойственно в первую очередь крестьянству, дворяне же, у которых возраст был связан

⁵⁵ Посошков И. Т. Указ. соч. С. 41.

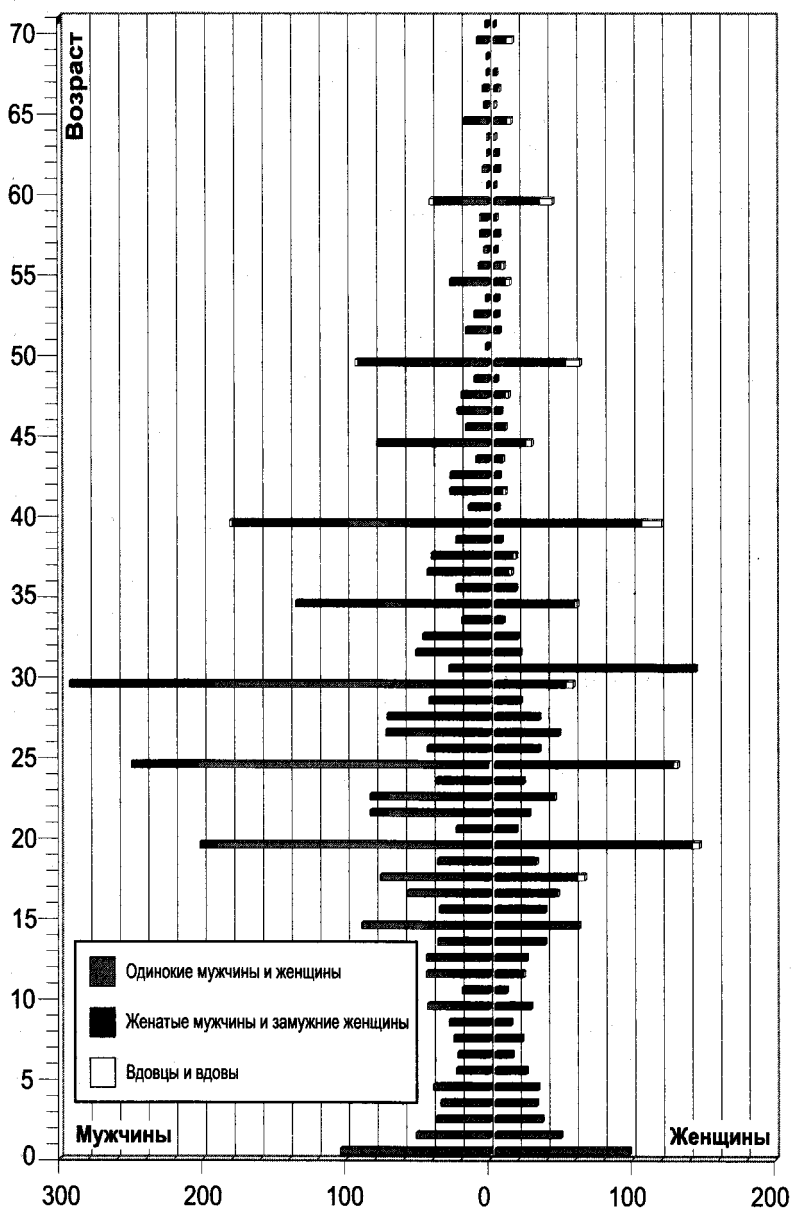

Рис. 6

с вступлением в военную службу и выходом в отставку, следили за приближением соответствующих дат своей жизни. Возраст обязательно записывался во время частых военных смотров дворянства петровского времени.

Власти старались пресечь обман в сообщаемых сведениях о возрасте с целью отлынивания от службы. Показательно в этом отношении дело новгородского дворянина Ивана Мякинина, возникшее по доносу фискала, сделанному во время дворянского смотра, о том, что Мякинин сознательно завысил свой возраст. За Мякининым записали его объяснения: «...а ему (Мякинину. — О. К.) выше 30 лет, на что свидетельствует в Санкт-Петербургской Губернской канцелярии скаска, которая подана при разборе в 1711 году, и ведают о том многие окольные (т. е. близкие, находящиеся «около». — О. К.) люди, и во 193 году остался он от матери своей трех лет, а в 716 году у человека ево взята скаска по отлучении ево, будто он 25 лет, понеже оной человек ево о летех ево несведан»⁵⁶. То есть родился Мякинин, по собственным его данным, в 1685 г. (7193 от сотворения мира), таким образом в 1716 г. его слуга, подававший сказку, ошибся на шесть лет, а близкие люди, от которых он и знал свой возраст, точно помнили, когда умерла его мать и сколько лет было тогда ребенку. Служилые люди, подобно Мякинину, в петровское время постоянно и по разным случаям подавали сказки с указанием своих служб и соответственно — возраста.

Словесные характеристики возраста, попадающиеся иногда в сказках, часто несут на себе не возрастное, а социальное значение, поскольку понятие «маленький» отражает подчиненное положение и по возрасту, и по положению в обществе. Например: «да крестьянских детей 2 человека взятых для работы», а «дети» — 22 и 24 лет (л. 121); или «мальчик для домашних нужд» — сказано по отношению к 18-летнему юноше (л. 333). Встречаются также «бабушки» (л. 153) и «старушки» (л. 53), названные так не по их возрасту, а для обозначения особого вида прислуги в доме.

Данные сказок 1718 г. свидетельствуют о том, что количество мужчин преобладало над количеством женщин (3289 мужчин и 1871 женщин, или 64 и 36%, см. рис. 6). Несмотря на то, что сведения 1718 г. неполные и отрывочные, они отражают общую тенденцию численного неравенства

⁵⁶ РГАДА. Ф. 198. Д. 112. Л. 57.

Таблица 6

Возраст	Неженатые мужчины	Незамужние женщины	Женатые мужчины	Замужние женщины	Вдовцы	Вдовы	Брачный статус неизвестен
1	104	94					
2	51	46					
3	37	33					
4	34	29					
5	39	30					
6	23	22					
7	22	12					
8	25	19					
9	28	11					
10	43	25					
11	19	8					
12	44	19			1		
13	44	21		1			
14	36	34		1			
15	88	57	1	1	1		
16	33	31	2	3	1		
17	57	29	0	14	1		
18	75	37	1	21	5		
19	34	19	2	9	1		
20	190	51	12	87	5		
21	21	4	2	11			
22	70	8	13	16			
23	70	10	13	31	1		
24	32	3	5	17			
25	203	22	47	103	3		
26	35	5	8	26	0		
27	53	4	19	41	0		
28	40	4	32	27	0		
29	26	2	16	15	1		
30	192	20	101	30			
31	13	0	15	141			
32	29	0	22	18			

Таблица 6 (продолжение)

Возраст	Неженатые мужчины	Незамужние женщины	Женатые мужчины	Замужние женщины	Вдовцы	Вдовы	Брачный статус неизвестен
33	20	0	26	16			
34	13	1	6	5			
35	73	4	62	52		2	
36	16	2	6	12	1	1	
37	21	1	22	9		2	
38	18	1	22	12		2	
39	13	0	9	5	1		
40	98	16	81	87	2	14	
41	3	0	11	3			
42	7	0	20	6		2	
43	9	0	18	4			
44	5	1	4	4		1	
45	37	4	41	18		4	
46	9	2	7	5		1	
47	10	0	12	5			
48	9	2	10	6		2	
49	4	0	6	2			
50	49	8	42	42	2	10	
51	1	0	1	0			
52	8	2	8	2			
53	3	1	7	2			
54	0	0	2	3			
55	15	1	12	7		3	
56	3	4	4	1		2	
57	3	1	0	1			
58	2	0	4	4			
59	1	0	4	1	1	1	
60	18	9	20	23	3	9	
61	0	1	1	0			
62	4	0	0	4			
63	1	2	2	1			
64	6	0	0	0	1	1	

Таблица 6 (окончание)

Возраст	Неженатые мужчины	Незамужние женщины	Женатые мужчины	Замужние женщины	Вдовцы	Вдовы	Брачный статус неизвестен
65	6	4	11	5		3	
66	0	0	3	0		1	
67	0	1	4	2		1	
68	1	0	2	0			
69	1	0	0	0			
70	2	2	6	7		4	
71	0	0	2	1			
72	0	0	0	0			
73	1	0	0	1			
74	1	0	0	0			
75	0	0	0	0		1	
76	0	1	0	0			
77	0	1	0	0			
78	0	0	0	0			
79	0	0	0	0			
80	0	0	1	4		1	
81	0	0	0	0			
87	0	0	0	1			
88	0	0	0	0		1	
89	0	0	0	1			
90	0	0	2	0			
Неизвестен	57	5	16	10	1	2	106
Всего	2342	787	826	988	12	96	106

полов в социальном составе Петербурга вплоть до конца XVIII в.: по данным на 1800 г., отмечала Л. Н. Семенова, в населении столицы «на долю мужчин приходилось 153 590, на долю женщин — 66 618 человек»⁵⁷. Следует ли из этого вывод

⁵⁷ Семенова Л. Н. Указ. соч. С. 8.

о том, что женщины в Петербурге имели особые шансы легко найти себе жениха? Думается, что нет, ибо избыток мужчин происходил из-за того, что в городе находилось много временных приезжих, среди которых по преимуществу были мужчины. Совершенно иные демографические данные оказываются в переписях провинциальных городов петровского времени: «В городах раннего Нового времени, — пишет Д. Кайзер, — женщин было больше, чем мужчин, это видно на основе следующего соотношения: в переписях десяти городов получается соотношение 9 мужчин на каждые 10 женщин»⁵⁸.

Среди самой младшей возрастной группы — младенцев до 1 года — мальчиков и девочек приблизительно равное число (94 девочки и 104 мальчика), а в возрастной группе несовершеннолетних в целом, т. е. детей до 15 лет, которая насчитывает 952 человека, девочек уже значительно меньше, чем мальчиков (соответственно 406 и 549 человек). В других возрастных категориях мужчины также количественно преобладают и только среди самых пожилых лиц после (75 лет) женщин больше, хотя в целом количество людей в этом возрасте ничтожно. Основная часть населения Петербурга (55%) принадлежала к возрасту от 15 до 36 лет.

Переписи — наиболее точный источник, определяющий брачный возраст населения. К сожалению, до XVIII в. в России переписей с указанием возраста и семейного положения практически не встречается, поэтому выводы о брачном возрасте обычно основываются на отдельных фактах, на законодательных нормах, про которые точно не известно, выполнялись они или нет, на записках иностранцев, грешивших субъективными умозаключениями⁵⁹. Брак в раннем возрасте, судя по сказкам 1718 г., не был характерен для населения, таковых отмечено очень мало: только 19 мужчин (0,6 %) моложе 20 лет имели жен, замужних женщин моложе 15 лет — только три и две вдовы. Данные о брачном возрасте по Петербургу соответствуют результатам анализа переписей провинциальных городов того же времени: «Переписи в 12 городах показали, что только 1,1% процент женщин был замужем к 15 годам. Да-

⁵⁸ *Kaiser D. The Poor and Disabled in Early Eighteenth-Century Russian Towns // Journal of Social History. 1998. Vol. 32, №1. P.138.*

⁵⁹ См. например, *Рабинвич М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 213; Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 18–19.*

же те, кто уже достиг необходимого возраста, далеко не сразу вступали в брак: 93,2% пятнадцатилетних, 84,1% шестнадцатилетних и 76,2% семнадцатилетних не были замужем во время переписей»⁶⁰.

Во всех возрастных группах преобладают мужчины без семьи, а женщины, наоборот, — состоящие в браке. Например, в возрастной группе 21–25 лет одиноких молодых мужчин на удивление много — 81%, а одиноких женщин только 25%. Более всего и мужчин, и женщин, связанных семейными узами, находится в возрасте от 26 до 30 лет, но и здесь свободных мужчин оказывается 50%, а женщин — 14%. Однако не следует спешить с выводами о том, что русские мужчины-горожане предпочитали холостой образ жизни семейному. Они лишь отражают тот факт, что в Петербурге в указанное время одиноких мужчин было гораздо больше, чем семейных. И на этой отличительной черте Петербурга петровского времени, не наблюдаемой в других городах, следует остановиться особо.

ЛЮДИ ОДИНОКИЕ

Перепись отмечает колоссальное количество жителей, не состоящих ни в каких родственных связях ни с кем в Петербурге. Их оказывается лишь на 10% меньше, чем людей семейных.

Одинокие	2261 чел. (43,9%)
Семейные	2801 чел. (54,2%)
Брачный статус неизвестен	98 чел. (1,8 %)
Всего	5160 чел. (100%)

Преобладание одиноких мужчин над одинокими женщинами очевидно: 76 % и 24 % одиноких соответственно.

Одинокими люди оказывались по разным причинам: во-первых, вследствие утраты семьи и близких (вдовы и сироты без других родственников), во-вторых, из-за того, что не вступили в брак (холостые, незамужние, не проживающие с родственниками), в-третьих, в результате отъезда из семьи, временно

⁶⁰ Кайзер Д. Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII века // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. 2. С. 228.

или навсегда. Сведения переписи, конечно, не сообщают причин одиночества того или иного человека, они лишь четко фиксируют «де факто» его одинокое состояние в Петербурге. Поэтому большинство таких лиц правильнее будет определить как «лица с неизвестным семейным статусом».

К каким же группам населения относились эти одинокие? Половину из тех, кто отмечен в сказках 1718 г. как не имеющий семьи (из 2260 — 1117), составили дворовые люди. Вторую половину «одиноких» по преимуществу представляли временные жильцы. Такой факт заставляет предположить, что большинство из них на самом деле имели семьи, которые находились вне Петербурга, и раскрывает причины численного преобладания одиноких мужчин над одинокими женщинами.

Среди одиноких выделяется небольшая, но значимая для рассмотрения «группа риска» — это малые дети и старики, не имевшие возможности прожить самостоятельно. Одинокие женщины также относились к тем, кто испытывал затруднения в самостоятельном материальном обеспечении своей жизни.

Старики и дети, не имевшие семьи, обычно призревались общиной и дальними родственниками. Но в новом городе Петербурге общинная жизнь не была отлажена и думается, что недееспособным лицам тут прожить было особенно тяжело.

Перепись 1718 г. отмечает большое количество подростков, живущих и зарабатывающих самостоятельно, и даже одиноких детей до 7 лет. Время, на которое пришлось перепись, было жестоким для детей: их отцы из всех сословий были вынуждены покинуть семью ради военной либо другой государственной службы. Часть из них уже не возвращалась никогда. В результате оказывалось много сирот и беспризорных, вынужденных самостоятельно искать себе пропитание; рождались в значительном количестве внебрачные младенцы, убийство которых петровское законодательство стремилось предотвратить строжайшими наказаниями⁶¹. Не один раз Петр I пытался учредить школы-приюты, размещенные в монастырях, и несколько таких заведений стало действовать уже в 20-е гг.⁶²

⁶¹ Ransel D. Mothers of Misery. Child abandonment in Russia. Princeton, NJ. 1988. P. 21–22.

⁶² См.: Азизбаева Р. Е. Призрение незаконнорожденных детей в Москве в первой четверти XVIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв). Доклады 2-й науч. конференции. 1999. М., 2001.

Однако первые шаги государственного призрения бездомных детей не были в состоянии решить проблему хоть в малой степени. Обществу приходилось заниматься ею самостоятельно в меру своих сил и возможностей.

Одиноким дети выживали за счет того, что шли в услужение. В возрастной группе жителей моложе 16 лет⁶³ (1100 человек) 294 человека (27%) записаны как самостоятельные лица без семейных связей, из них 260 человек (90%) относились к категории дворовых и работников и самостоятельно зарабатывали себе на хлеб (см. табл. 9). А. Плаканс, рассматривая категорию одиноких детей в Курляндии по ревизским сказкам 1797 г., отмечает, что они составляли около 10–15% от всего населения⁶⁴. В наших сказках такие дети составляют 6%. Они могли действительно не иметь родителей или иметь их, но жить самостоятельно в качестве прислуги.

Совсем маленькие дети, до 8 лет, вряд ли были в силах выполнять какую-либо серьезную работу, тем не менее они встречаются среди дворовых детей, не имеющих семьи (22 человека). Видимо, это сироты, взятые в дом для того, чтобы со временем вырастить из них полноценных слуг. Например, в доме стольника Ф. П. Вердеревского среди «служителей» поименован мальчик «малолетний, полгода», причем он помещен не в список служителей-мужчин, а самым последним в списке женщин, так как без сомнения принадлежал еще к «женскому миру» дома (л. 360). Очевидно, это был подкидыш или сирота. Обращает на себя внимание то, как приблизительно назван его возраст «полгода», возраст собственных детей, как уже отмечалось, считали по количеству недель.

Особенно обширную группу среди малолетних дворовых и рабочих (их в сказках 260 человек) составляли подростки, находящиеся на рубеже совершеннолетия, — 103 человека, т. е. 40%. В целом же в возрастной группе 15–16-летних мужчин 76% проживали самостоятельно. Пятнадцатилетних подростков, приехавших в Петербург для работы, можно обнаружить среди торговцев («купецких людей гостиного

⁶³ Включаю в эту группу 15-летних, учитывая, что при приблизительном указании возраста, а в случае одиноких детей особенно часто, многие 14-летние попали в эту группу.

⁶⁴ *Plakans A. Parentless Children in the Soul Revision: A Study of Methodology and Social Fact // The Family in imperial Russia / Ed. by D. Ransel. Illinois, 1978. P. 80.*

двора») (л. 46 и др.), харчевников (л. 424), сидельцев в лавках (л. 209, 406 и др.), среди крестьян, «взятых на время... для домово́й работы» (л. 250, 133 об.), среди наемных работников (л. 139, 363–363 об., 415 об. и др.).

Людей старше 60 лет в сказках указано совсем немного — около 4% населения. В этой возрастной группе больше тех, кто жил в семье, чем одиноких (64% к 36%). Одинокие старики, за малым исключением, оказываются в составе дворни наиболее богатых и знатных господ. Это, конечно, не случайность: именно при знатных родах из поколения в поколение жили одни и те же семьи холопов, из них одинокие старики доживали при хозяевах свой век — они являлись «домочадцами» крепкого домохозяйства. В таком домохозяйстве были экономические возможности содержать малых сирот и престарелых дворовых «милости ради», в то время как в небогатых семьях каждый холоп должен был максимально отрабатывать свой кусок хлеба, что уже трудно было ожидать от стариков и еще рано — от младенцев. Однако именно пожилые могли оказаться особенно опытными в домашней службе как, например, 65-летний старший повар в доме П. Б. Сумарокова, возглавлявший многочисленную поварскую бригаду (л. 326–326 об.).

Семидесятилетнего служителя держал при себе в «кдюшниках» (т. е. эконо́мом) стольник В. А. Долгово-Сабуров, который сам был в преклонных летах и немощном состоянии («лежит болен, а сын ево — в школе»). С этим своим ровесником «кдюшником» и 60-летней дворовой вдовой хозяйину в его возрасте, думается, было комфортнее общаться, чем с молоденькой невесткой и другими дворовыми людьми из поколения своего 22-летнего ученого сына (л. 125).

В нескольких случаях встречаем пожилых дворовых, напоминающих чеховского Фирса, в одиночестве оставленных приглядывать за домом, в котором долговременно отсутствуют хозяева. Так, собственноручно подписавший сказку семидесятилетний Михайла Соколов жил один во дворе своего хозяина стольника М. А. Головина, его одиночество в нем нарушала (или скрашивала?) только крестьянская супружеская пара, приехавшая «на время» для «огородного промысла» (л. 418). Также и 73-летний «деловой» (т. е. знавший какое-то ремесло или «дело») человек полковника Ф. Л. Вельяминова-Зернова Ларион Колягин один сторожил хозяйский двор, в котором жили лишь временные постояльцы (л. 439).

В пустом дворе полковника кн. М. Ю. Щербатова, отца известного историка XVIII в. М. М. Щербатова, были оставлены двое «людей его» 50 и 65 лет (л. 315).

Упомянуты в сказках и вполне дееспособные одинокие старики, такие, как 74-летний москвич из Кадашевской слободы, приехавший в Петербург с четырьмя работниками и, видимо, занимавшийся каким-то промыслом (л. 34).

Группу вдовых, по сказкам 1718 г., составили 93 женщины и 12 мужчин, причем 71 вдова проживала одна и являлась дворовой, а остальные — в составе семей и принадлежали к другим сословиям. В то же время одиноких вдовцов отмечено в сказках только 3, ни один из них не был дворовым. Такое положение со вдовыми, видимо, объясняется тем, что мужская смертность была выше женской в период войны, строительства флота и города. Кроме того, овдовев, мужчины чаще вступали в повторный брак. Пожилому мужчине легче было найти молодую жену, чем пожилой женщине — мужа. К примеру, солдату Ивану Петухову было за семьдесят лет, но он имел тридцатилетнюю жену и пятилетнего сына (л. 475). Впрочем, вдовицы могли быть и совсем юного возраста и обладать возможностями изменить свое положение.

Как показывают исследования истории бедности в Европе, среди бедноты одинокие женщины, особенно вдовы, составляли значительную часть. По данным Д. Кайзера, в русских провинциальных городах также бедные вдовы составляли около трети бедняков, освобожденных от тягла⁶⁵.

Особая категория формально замужних, но, по сути, одиноких женщин — это солдатки. Видимо, их немало было среди общей массы работниц Петербурга, но прямо в переписи 1718 г. названы только две — одна на положении «жительницы» в доме подьячего, другая — с пятилетним сыном жила «из найму, из работы» у гарнизонного комиссара Федора Тулубеева (л. 317). Солдатки занимали весьма специфическое положение в обществе, они имели право на паспорт, могли менять место жительства и заниматься предпринимательством, чтобы прокормить себя.

Одинокое положение женщины в мире не считалось нормальным — она должна была быть или при родителях, или при муже, или вдовой с детьми. Место для одиноких женщин находилось в монастырях, а не в городах. Тем не менее в Петербурге их было немало, и часть из них зарабатывала

⁶⁵ *Kaiser D. Op. cit.* P. 138–142, 144.

на жизнь своим трудом. В основном, конечно, женщины, утратившие кормильца, шли в прислугу — почти все из 527 одиноких женщин, отмеченных в сказках, находились среди дворовых людей.

В петербургских документах часто встречаются женщины одинокие, пытающиеся самостоятельно себя обеспечивать, заниматься предпринимательством. Это, например, «подрядчица Гавриловская жена Иванова Ксения Захарова дочь», которая в 1716 г. судилась из-за денег, взятых на покупку холстов, с другой женщиной — солдаткой (видимо, они участвовали в выполнении государственного заказа для армии)⁶⁶. Это вдова капитана Мизгирева, которая была торговкой и, вероятно, ростовщицей (подробнее о ней см. гл. 17). Это москвичка золотошвейка Матрена Воронова, самостоятельно заключившая контракт с петербургским кроватным мастером и приехавшая в Петербург к нему на работу (о ней подробнее см. гл. 16). Это девица 30 лет дворянка Пелагея Мякина, которая обеспечивала себя сдачей жилья⁶⁷. Определенная женская профессиональная квалификация принадлежала «бабам», т. е. акушеркам или нянькам (л. 54, 323). Сугубо женской профессией являлась выпечка церковных просфор, и должность просвирни неплохо оплачивалась.

Одиночество как состояние души никак не связано с принадлежностью к семейной группе и является материей, историке недоступной. И все же определенная зависимость душевного одиночества от одиночества в его социальном аспекте весьма вероятна. Впрочем, социальное одиночество для многих являлось временным состоянием: вдовы вступали в новый брак, дети вырастали и обзаводились собственной семьей, старики сходили в могилу, уехавшие из семьи возвращались в нее или образовывали другую.

Хотя в переписи 1718 г. редко встречается двор, в котором бы отсутствовали «одиночки», в основном петербургские жители вели семейный образ жизни.

ЛЮДИ СЕМЕЙНЫЕ

Семьи бывают, как известно, разные — несчастные и счастливые, бедные и богатые, дружные и недружные, прочные

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 189. Л. 289.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1553. Л. 66, 142 об.

и непрочные, гостеприимные и нелюдимые и проч., и проч. Подобных качественных характеристик, естественно, сказки переписи не дают, их сведения ограничиваются составом семей, проживавших в том или ином петербургском дворе, тем не менее они дают возможность сделать определенные наблюдения над основными формами, в которые выливалась семейная жизнь «петербургских жителей»⁶⁸.

Описание семьи

В переписи 1718 г., как и в других русских переписных материалах XVII–XVIII вв. всех видов и форм, положен традиционный патрилинейный принцип: по старшинству мужской линии. Вначале назывался глава семьи, старейший мужчина в доме, его жена, их дети (сыновья и их семьи по старшинству, затем — неженатые дети). Чем шире и многочисленней была семья, тем труднее было уложить ее в определенную схему. В нашем случае, однако, большие семьи редки.

Описание семьи в западноевропейских переписях того же времени строилось иначе: в основу описания домохозяйства положены не родственные отношения, а экономические: сначала — собственник хозяйства, затем — иждивенцы (например, престарелые родители), арендаторы (например, братья или племянники) и т. п.⁶⁹ И в российском домохозяйстве реальный кормилец семьи и ее глава далеко не всегда являлся старейшим мужчиной в доме, но в сказке его место — первое,

⁶⁸ Демографически (но не этнографически) русская семья XVIII в. в городе и деревне изучена крайне фрагментарно, на примерах отдельных местностей. См.: *Czap P. The Perennial multiple Family household, Michino, Russia 1782–1858 // Journal of family history. 1982. Vol. 7, Spring; Czap P. A Large Family: The peasant's Greatest Wealth: Serf Households in Mishino, Russia, 1814–58 // Family forms in Historic Europe / Ed. by R. Wall, P. Laslett. N.Y., 1983; Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993; Миненко Н. А. Численность и структура русской крестьянской семьи Юго-Западной Сибири в XVIII веке // Бахрушинские чтения 1973 г. Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. Вып. 2; Миронов Б. М. Социальная история России периода империализма (XVIII — нач. XX в.). СПб., 2000; *Kaiser D. Urban Household Composition in Early Modern Russia // P. 39–71. Кайзер Д. Указ. соч. С. 225–236; и др.**

⁶⁹ *Mitterauer M., Kagan A. Russian and Central European Family Structures: a comparative view // Journal of Family History. 1982. Vol. 7, Spring. P. 108.*

и он выглядит таковым. Во всех случаях в качестве владельца двора должен указываться отец, а не сын, хотя именно он мог содержать своих престарелых родителей, и он, а не отец, приобрел двор. Показательна сказка подьячего И. Венюкова, в которой он сказал, что «двор у меня на Санкт-Петербургском острову... а в том дворе живет дед мой... 80 лет, мать моя... 50 лет, да я, Иван, 26 лет, да жена моя... 20 лет» (л. 523). Первым в перечне своей семьи Венюков называет деда, хотя он не хозяин двора и живет при внуке, затем называет мать и лишь потом — себя и жену.

И тем не менее люди при описании семьи иногда допускали в сказках отступления от традиционно заданной схемы, ибо все же вопрос о старшинстве в семье не решался столь однозначно, как на бумаге. В исключительных случаях оказывается, что составитель сказки по каким-то причинам отошел от принятых стандартов и разделил всех жителей двора по половому признаку, а в других — поместил младших членов семьи перед старшими, нарушив, таким образом, патрилинейный принцип.

Показательно в этом отношении помещение вдовой матери в разные места перечня членов семьи (замужняя мать всегда отмечалась за отцом), наблюдаемое в сказках. В приведенной выше сказке Ивана Венюкова его одинокая мать 50 лет записана раньше семьи своего взрослого сына. Подобная запись совершенно нетипична и встречается еще только один раз (л. 94). Обычно при женатом сыне место матери (как и тещи) в перечне членов его семьи после невестки, а иногда мать — самая последняя в семейном списке, после других своих детей и внуков (л. 421 и др.). Из 22 вдовых матерей, живших с семьей сына, только шесть поставлены сыном в списке после себя и раньше своей жены (л. 52, 71, 107, 112, 145, 451). Родственники жен — их отцы (тести) и братья (шурины) записывались в конце перечня членов семьи.

Двумя разными способами перечисляются в составе семей и неженатые дети: по старшинству сначала мальчики, потом девочки (например, внуки тайного советника П. А. Толстого: Василий — 4 года, Федор — 1 год, Прасковья — 9 лет, Марья — 6 лет, Аграфена — 5 лет, Александра — 2 года (л. 336–337); просто по старшинству, вне зависимости от пола (например, дети майора Г. Г. Скорнякова-Писарева: дочь Настасья — 10 лет, сын Иван — 5 лет (л. 359). Первый вариант встречается намного чаще. Следует отметить, что имена детей знати за-

писывали в их взрослой форме с отчествами на «вич», других детей писали просто по имени, но не уменьшительными, или, как тогда говорили, «полуименами».

Все это говорит о том, что в реальной жизни не было столь однозначно распределенных мест за каждым членом семьи, как это имеет место на бумаге. Согласно верному замечанию Д. Сабиана, «все списки, создаваемые административным путем, в первую очередь должны рассматриваться как целенаправленное на административные нужды изображение социальной действительности»⁷⁰, а уже во вторую, — как ее понимание современниками.

Типология семьи

Всего в 460 дворах Петербургского острова, описанных в сказках их хозяев, проживало 862 семьи, разных по своему составу. Рассмотрим этот состав с помощью таблицы (табл. 7), составленной мною по образцу широко принятой в исторической демографии системе Питера Ласлетта⁷¹, представителя Кембриджской группы по изучению истории семьи и социальных структур. Однако следует отметить, что его схема ориентирована на отмеченную выше западноевропейскую систему описания семьи и не всегда пригодна для систематизации российского материала. Так, две категории — «супружеские пары с детьми» и «одинокие и вдовы с детьми» (табл. 7, пункты 3б и 3в) — относятся к разным жизненным ситуациям, если учесть возраст членов таких семей: они включают в себя и родителей с малыми детьми, и детей с престарелыми родителями. В переписях европейского типа подобные ситуации в каждом случае прояснены, однако по русским переписям подобное разделение приходится делать в первую очередь на основе возрастного критерия.

⁷⁰ *Sabean D.* Property, production and Family in Neckarshausen, 1700–1870. Cambridge, 1990. P. 99.

⁷¹ *Laslett P.* Introduction: The History of the Family // Household and Family in Past Time: Comparative studies in the size and structure of the domestic group over the last three cent. in England, France, Serbia, Japan and colonial North America, with Further material from Western Europe / Ed. by Laslett P., Wall R. Cambridge, UK, 1972; реферат Х. Палли на эту работу на русском языке см.: Домохозяйство и семья в прошлом: сравнительное исследование размеров и структуры домашней группы в XVI–XIX вв. // Демография западноевропейского Средневековья и современной зарубежной историографии: Реферативный сборник. М., 1984. С. 53–60.

Таблица 7

СОСТАВ СЕМЬИ

Категория семьи	Тип семьи	Количество людей	Всего
1	Одинок		2260
1а	Одинок вдов	74	
1б	Одинок или с неизвестным брачным статусом	2186	
2	Нет семьи		28
2а	Сестры и братья, проживающие совместно	20	
2б	Другие родственники, проживающие совместно	7	
2в	Лица, не состоящие в родстве	1	
3	Домохозяйства простых семей		689
3а	Супружеские пары без детей	267	
3б	Супружеские пары с детьми	330	
3в	Вдовы и одинок с детьми	92	
4	Расширенные семьи		95
4а	Восходящие	23	
4б	Нисходящие	25	
4в	С родней по боковой линии	26	
4г	Сочетание 4а + 4в	21	
5	Домохозяйства со многими супружескими парами		50
5б	Расширяющиеся вниз	22	
5в	Расширяющиеся по боковой линии	11	
5г	Семьи братьев и сестер	12	
6	Корневые семьи	5	
Итого		722	3122

Малые семьи, состоявшие из одной супружеской семейной единицы⁷², преобладали как в русских провинциальных городах XVIII в., так и в европейских Нового времени⁷³, и этим отличались от больших крестьянских семей, состоявших из нескольких супружеских пар. В Петербурге также в основном отмечены малые семьи. Наиболее часто встречающаяся самостоятельная семья — это супружеская пара либо с детьми (330 семей), либо без них (267 семей). Если же учесть и те супружеские пары, которые входили в состав расширенных и больших семей, то также оказывается, что супругов с детьми (в том числе с внуками и племянниками) больше, чем супругов без детей (соответственно 450 к 343). Но и у тех, кто проживал с детьми, их было немного — около половины супругов содержали одного ребенка (206 пар), в остальных семьях их было два-три. Это происходило по разным причинам — кто-то из детей умирал в младенчестве, кто-то, повзрослев, уходил из дома.

Отсутствие в семьях большого количества детей указывает на их малую зажиточность. В богатых семьях содержатся не только собственные дети, но и дети-сироты, и дети бедных родственников, а в бедных — дети рано отсылаются «в люди». Это подтверждают наблюдения Д. Кайзера над переписями русских провинциальных городов первой четверти XVIII в.: зажиточные семьи чаще всего оказываются большими, а бедняки представляют собой супружеские пары⁷⁴.

В 92 случаях семья оказывается неполной: из родительской супружеской пары присутствует только один ее член. Вот, к примеру, семья обер-комиссара И. В. Кожина, в которой пятеро детей росли без матери, и, видимо, ими занимались слуги — двое мужчин и две девушки 16 и 14 лет. Последняя была ровесницей старшей дочери Кожина (л. 262). Труднее приходилось родителям, не имевшим прислуги. В таком положении, например, находился одинокий жилец посадский из Старой Руссы, живший с дочерьми 7 и 5 лет (л. 138).

⁷² По Питеру Ласлетту, супружеская семейная единица — это супружеская пара или супружеская пара с потомством, или вдовы с потомством. См.: *Laslett P.* Op. cit. P. 29–31.

⁷³ См.: *Kaiser D.* Urban Household Composition in Early Modern Russia // *Journal of Interdisciplinary History*. 1992. Vol. 23, № 1.

⁷⁴ См.: *Kaiser D.* Op. cit. P. 68–70. Подобные же выводы получаются и на примере английской семьи XVIII в. См.: *Sokoll Th.* The Household position of elderly widows in poverty // *Poor Women and Children in the European Past*. L.; N.Y., 1994.

Особый тип семьи представляют собой родственники, живущие совместно, — братья и сестры, дяди и племянники и т. д. (см. табл. 7, п. 2). Такое объединение родни под одной кровлей может быть результатом утраты других ее членов. Вот, например, редкое сочетание родственников: живут вместе два пожилых мужчины — тесть (стольник И. Н. Наумов, 59 лет) и его зять (кн. И. Г. Несвицкий, 54 года). Где находится породнившая их дочь Наумова, в замужестве кн. Несвицкая, в Москве или поместье, либо она умерла? Как бы то ни было, но состав домочадцев этой семьи оказался чисто мужским, ибо и служители в доме — только мужского пола (л. 121).

Живущие вместе братья — частое явление для русской семьи. Например, посадские, три брата Черноусовых 27, 25 и 20 лет и их сестра 15 лет. Помогала им в хозяйстве одна работница (л. 21). Или молодые кузнецы Оружейной канцелярии Семен и Никита Семеновы 17 и 16 лет, младший брат женат на 14-летней девушке, и у них также в найме 20-летняя работница (л. 480–480 об.) Крестьяне часто представляли собой братскую артель, как, например, четверо братьев (старшему — 31 год, младшему — 19 лет), прибывших из петербургских окрестностей в столицу для «прянишного промысла» (л. 24).

Относительно немного семей (95) с так называемым расширением, или, попросту говоря, таких, в которых помимо супружеской пары с детьми проживают еще родные старшего, младшего или того же поколения (например, братья и сестры, племянники, один из родителей и проч., см. табл. 7, п. 4а–4г).

Значимо не только для семьи, но и для культуры в целом наличие поколения бабушек и дедушек — от них идет трансляция знаний о прошлом, живая с ним связь. Особенно важным это было в Петербурге — городе, где начинали жить «заново», по-европейски, где в указанном порядке следовало порвать с традиционным прошлым. Всего в 32 семьях из 862 (т. е. 4%) дети проживали вместе со своими бабушками и дедушками. Большие семьи, объединявшие в себе несколько супружеских пар (например, родительскую пару с женатыми детьми или семьи братьев-сестер, см. табл. 7 п. 5а-г и 6), также отмечены в переписи редко (50 семейных объединений, включивших в себя 107 семейных единиц).

Семьи приезжих — временных арендаторов петербургского жилья — зафиксированы де-факто на момент присутст-

вия их в Петербурге. Многие их члены, видимо, остались «за скобками» переписи; а некоторых мы видим в качестве «квази-семьи» (например братьев или племянников) — родственников, приехавших вместе по делу, но не проживавших совместно.

Таким образом, наиболее типичная петербургская семья в 1718 г. представляла собой супружескую пару в возрасте 25–35 лет без детей или с одним-двумя детьми. Желание Петра I заселить Петербург большими крепкими семьями не воплотилось в реальность. В Петербурге осели отколовшиеся и выпавшие из родственного окружения семейные союзы, что и фиксирует перепись. Можно предполагать, что за его пределами у них продолжали сохраняться старые родственные связи, нам не видные, но, наверное, значимые. Несмотря на это, супружеская пара в большинстве случаев строила в Петербурге свою жизнь самостоятельно. Здесь обреталась свобода от старших членов семьи и большая ответственность за свои жизненные решения. При частых деловых и служебных отлучках мужчин из дома в малой семье жене приходилось оставаться за хозяйку и действовать самостоятельно, без помощи старших родственников.

Однако далеко не у всех жизнь семьи сосредотачивалась в городе: у более-менее зажиточных горожан хозяйственное благополучие зависело от владения землей и крестьянами, и если были поместья, то туда, подальше от дороговизны Петербурга, отправляли тех членов семьи, кого было можно, да и сами уезжали в Москву или деревню хотя бы «в отпуск» на время.

Состав семьи

Социальный состав населения Петербурга неоднороден, поэтому рассуждать о петербургской семье вообще сложно. Рассмотрим конкретные семьи разных социальных категорий. Например, семьи дворовых людей формировались особым образом: они жили в петербургских дворах в том составе, в каком их брал или покупал хозяин. В результате появились «мужние жены» без мужей, дети — без родителей.

В нижних слоях города расширенных семей — единицы, зато в верхних — у дворянства, зажиточного купечества, верхов духовенства — большие семьи не редкость. В дворянских семьях при родителях проживали и те дети, которые уже вышли из детского возраста, например дочери, которым

по крестьянским понятиям было давно пора замуж. Так, в семье коменданта Петербурга О. М. Чемесова старший сын — женат, а сыновья 19 и 15 лет не состоят в браке и живут с родителями (л. 211). В семье тайного советника Петра Андреевича Толстого один сын 25 лет холост, а другой, 33-летний, женат и имеет шестерых детей, все погодки, что при высокой детской смертности не такое уж частое явление (л. 336–337). При стольнике И. Ржевском живут два взрослых сына, один из них женат и имеет ребенка (л. 311), при стольнике А. А. Юшкове — трое детей и двое внуков (л. 168).

Большая трехпоколенная семья у сенатора кн. М. В. Долгорукого (л. 371): ему самому было 49 лет, старший 25-летний сын женат и имел двух детей — трехлетнего сына и новорожденную дочь трех недель. Еще в семье были младшие дети: 4 дочери и 2 сына. 40-летняя жена кн. М. В. Долгорукого, первые роды которой пришлось на 15 лет, родила младшего сына всего четырьмя месяцами раньше, чем жена старшего сына подарила ей внука. Семья кн. Долгоруких содержала двух малолетних племянников. Всего, таким образом, в ней было 10 детей (л. 371–372).

К детям, проживавшим в семьях, тексты сказок 1718 г. дают возможность присмотреться внимательнее. Несомненно, среди тех, кто в 1718 г. находился в детском возрасте, были уже и первые коренные жители Петербурга, родившиеся именно в нем, хотя точное их число назвать, конечно, невозможно. Даже самые малолетние субъекты переписи — недельные и двухнедельные — обозначены в ней по именам. Еще не все из них были крещены (М. А. Муравьев, появившийся на свет в 1711 году в Кронштадте, в своих воспоминаниях отмечал: «И по рождении моем, дожидая родителя, крещен шести недель»⁷⁵), но имена были им уже даны: это происходило обычно на восьмой день после рождения младенца⁷⁶.

Поскольку женщины рожали детей вплоть до 50-летнего возраста, внуки и младшие дети в одной и той же семье могли

⁷⁵ *Муравьев М. А.* Журнал от начала рождения моего и как во все текущее время я до совершенного возраста воспитываем был... / Публ. Т. Г. Дмитриевой, М. М. Якушкиной, Г. Р. Якушкина // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. Т. 5. С. 8.

⁷⁶ См.: *Дмитриевский А. А.* Богослужение в Русской церкви в XVI веке. Казань, 1884. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. С. 251.

быть приблизительно одного возраста (как видно на примере семьи кн. М. В. Долгорукова). Старшие дети при такой большой разнице в возрасте со временем заменяли младшим родителей⁷⁷. Например, в семье тридцатилетнего подьячего Петра Иванова жили его два брата 8 и 7 лет, а его собственные дочери были лишь ненамного их младше (5 лет и 2 года) (л. 263); а другой мужчина, 30-летний посадский из Новгорода, имел 12-летнюю сестру (л. 133 об.).

Среди детей в семьях в ряде случаев отмечены взятые в дом «по сиротству», их называют в сказках «сиротами» или «приемышами». В такой двойной терминологии, видимо, нашла отражение существенная разница в положении детей: «сироты» не получали наследственных прав, положенных родным детям, они обретали только хлеб и кров в чужой семье, в то время как «приемыши» такие права могли получить. Из 13 приемных детей, отмеченных переписью, только в одном случае слово «сиротина» применено к мальчику (л. 169 об.), в остальных случаях оно относится к девочкам, мальчики же называются «приемышами». Приемные дети в сказках перечисляются вместе с членами семьи и только восьмилетний «приемыш» посадского Е. Резвова отмечен им среди работников (л. 95), что свидетельствует об отношении к сироте в этом доме. Выражения «взятый Бога ради», «взятый Христа ради» по отношению к приемышам в петербургских сказках не встречается, но часты в провинциальных переписях⁷⁸.

Сирот чаще всего брали в семью не посторонние лица, а родственники. Так, десятилетнюю «сиротку»-племянницу взяли к себе очень пожилые люди — шестидесятилетний дьяк Ф. Н. Маслаев, живший с 88-летней матерью и 70-летней тещей (л. 51). Одинокая супружеская чета дворников также приютила десятилетнюю «сродницу» (л. 46). Дьяк А. Ф. Докудовский отметил, что у него тринадцатилетний «подьяческий сын увечной живет по свойству» (л. 438). Вообще, проживание в семьях племянников было чрезвычайно распространенным явлением (см. табл. 8, пункт 46). Одни приезжали в Петербург учиться и останавливались у своих близких,

⁷⁷ Об отношениях братьев и сестер в историческом контексте см.: Davidoff L. Where the Stranger Begins: The Question of Siblings in Historical Analysis // *Worlds Between: Historical Perspectives on Gender and Class*. Cambridge. 1995. P. 206–226.

⁷⁸ Kaiser D. The Poor and Disabled in Early Eighteenth-Century Russian Towns. P. 142–143.

другие — из многодетных семей — находили приют у бездетной или более обеспеченной родни.

Частичные сироты — пасынки и падчерицы — также отмечены в составе семей. Это естественно, так как повторные браки были обычным явлением. Их положение в семье, однако, принципиально отличается от принятых в семью сирот, поскольку, несмотря на малолетний возраст, они уже являлись собственниками как движимого, так и недвижимого имущества в качестве наследников своих отцов и матерей⁷⁹. В петербургских сказках это находит отражение в отдельном описании принадлежащих именно им дворовых людей. Так, в сказке судьи Поместного приказа К. Л. Чичерина дворовые люди разделены на принадлежащих лично ему и принадлежащих его девятилетнему пасынку Андрею Андреевичу Волкову (л.13).

Семилетний Лев Ерофеев, сын умершего дьякона Петропавловского собора, в сказках 1718 г. — самый маленький по возрасту хозяин двора, перешедшего к нему от отца по наследству. Его положение собственника подтверждается тем, что сказка дана от его имени, в ней он сообщил: «дом де у нево отцовской... в Ружейной слободе за полисадом», а живет он с матерью и с отчимом (л. 230–230 об.). Иначе говоря, это пасынок приютил в своем доме отчима, а не наоборот, хотя, конечно, до совершеннолетия он находился под опекой старших.

НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ

(Развод и двоебрачие)

Брачный союз, как известно, часто носил вынужденный характер, и его заключение было обусловлено экономическими или социальными причинами. М. К. Цатунова прямо пишет: «...семейные узы представляли собой вид угнетения»⁸⁰. Совместная жизнь часто оказывалась нежелательной или просто невыносимой, и люди расставались мирно или немирно, несмотря на запрещение разводов церковью. Последние были возможны только в случаях, определенных Кормчей — сводом

⁷⁹ Подробнее о детях как наследниках см.: Кошелева О. Е. Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени // Социальная история: Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 177–205.

⁸⁰ Цатунова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 98.

⁸¹ Подробнее см.: Там же. С. 77–83.

церковного права⁸¹. Петр I, не очень искушенный в тонкостях церковного права, все же сам определил для Синода поводы к разводу: «1. Причины прелюбодейства и челобитье о том брачных друг на друга. 2. Рассуждение о побегах их и самовольных друг друга отлучках. 3. О посягнувших женах во отсутствии мужей за других и о возвращении их прежним мужьям. 4. Такжеде и о мужах в подобных тому винах являющихся»⁸². Не считая существенными поводами для развода некоторые ситуации, определяемые Кормчей (например, если жена «со внешними мужи пьет в корчемнице или инде где, или моется с ними в бане»⁸³), Петр установил 16 августа 1720 г. совершенно новый прецедент для получения развода, вторгшись, таким образом, в церковную сферу брачного законодательства, а именно: женам тех, «...которые сосланы в вечную каторжную работу», дать свободу «понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умре»⁸⁴.

Несмотря на все усилия церкви давать развод в крайних случаях, супруги все равно расставались, действуя незаконным способом, и соответственно, незаконно вступали в следующий брак. Подобные примеры приводит Л. Н. Семенова на основе материалов Александро-Невского монастыря и Синода. Среди них немало случаев, когда жену постригали в монастырь, чтобы муж мог получить свободу и ее имущество. Легче всего так было поступить с женщиной, на страже интересов которой не стояла ее семья, например с одинокой вдовой.

Женщины часто оказывались покинутыми и не знали о судьбе своих мужей. Мужья могли быть беглыми, посланными в армию, уехавшими на заработки, посланными в Петербург, в Азов, за границу, на каторгу и проч. Поскольку церковь не предлагала приемлемого выхода в подобных ситуациях, общество находило его самостоятельно, применяя разводные записи, фактически нелегальные, преследуемые законом и тем не менее употребляемые.

Свидетельства о том, что люди расторгали браки и вступали в новые, игнорируя церковное законодательство, обманывая или подкупая попов, далеко не единичны. У иностранцев даже складывалось неверное впечатление о том, что расторжение

⁸² ПСЗ. Т. 6. № 3963.

⁸³ Цит. по: *Цатурова М. К.* Указ. соч. С. 80.

⁸⁴ ПСЗ. Т. 6. № 3628. Подробнее см.: *Цатурова М. К.* Указ. соч. С. 83.

брака в России чрезвычайно легкое дело⁸⁵. В Русской Правде по обычному праву разводное письмо было разрешено, но церковь его не признавала⁸⁶, тем не менее практика дачи мужем «от себя» разводного письма жене дожила от времен Киевской Руси до петровского времени. В 1718 г. петербургский житель К. И. Колесников, не желая жить с законной женой, выдал ей такую грамоту: «Се аз, Кузьма Иванов сын Колесников, дал сие письмо жене своей Агафье Елисеевой дочери, ежели похощет она итти замуж за другого, и я, Кузьма Иванов сын Колесников, в том сие письмо даю на все четыре стороны, и при сем письме свидетели...»⁸⁷ Подобное письмо по форме напоминает отпускную грамоту холопа.

Инициатором развода не всегда был муж. Купеческая жена Прасковья Рыбникова, муж которой Иван попал в тюрьму Надворного суда, а затем был приговорен за воровство к каторжным работам, подала дело о разводе в Синод. До этого она способствовала поимке мужа, сбежавшего с этапа и вернувшегося к ней в петербургский дом⁸⁸. В своей челобитной Прасковья писала: «...и оной муж дал мне, нижеименованной, своей руки свободное письмо к позволению брака для того, что пить и есть нечево». К челобитной приложена копия этого письма: «720 года августа в 1 день Санкт Питербурхский житель, что напреж сего был вологжанин посадской человек Иван Алексеев сын Рыбников, узнав свое прегрешение пред Богом и моим государем во время бытности моей в Вологде, явился по оговору в татьбе и ныне содержится под арестом в Надворном суде, а всedневногo пропитания себе не имею, того ради признаю по совести своей, что с женою своею уже жить по должности не свободен, а которая дочь⁸⁹ наша при ней ныне живет, и последняя пожитки мои у дочери моей, ей, жене моей, не брать, а имянно — Божия милосердия четыре образа на окладе и вызолочены. И за своею я причиною жену свою Параскеву Васильеву дочь от житья свобождаю, и где

⁸⁵ Примеры см.: Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 52.

⁸⁶ Цатурова М. К. Указ соч. С. 88.

⁸⁷ Цит. по: Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. С. 52.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 27.

⁸⁹ Единственная дочь Прасковьи и Ивана Евдокия, родившаяся в 1717 г., за два года до ареста отца (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 3. Д. 8663–8947. Л. 150–151 об.).

похочет — живет, и ежели пожелает паки восприяти законного брака датца, на произволение в чем я сим своеручным письмом обязуюся. А сие письмо для уверения писал Иван Алексеев сын Рыбников своею рукой»⁹⁰. На указ Петра о свободе жен каторжников, как видим, их реакция оказалась достаточно быстрой, но, однако, Иван был сослан не «вечно», а на 10 лет⁹¹, так что его случай под указ не подходил. Решения по делу Прасковьи нет, но видно, что оно готовилось к слушанию в июле 1721 г., так как на нем сделаны выписки «приличных» к делу статей из Кормчей и Закона Градского о «в плене сущих». А 30 августа 1721 г. был заключен Ништадтский мир и по амнистии муж Прасковьи вышел на свободу. Так или иначе, но их семейная жизнь была окончена: мне ничего более не известно о Прасковье, а Иван⁹² через пять лет угодил узником в Преображенский приказ, но на этот раз с ним горе мыкала уже другая жена, москвичка Анна Андреева дочь⁹³. Совершился ли официальный развод с Прасковьей или они просто разошлись без церковного разрешения либо, наконец, не стал ли Рыбников вдовцом — это мне неизвестно.

Не только в Петербурге, но и в провинции отмечены подобные случаи самостоятельных разводов. Тамбовец Самуил Выморков, постоянно одержимый религиозными исканиями, дал жене «распускное письмо»: «Я, Степан, Осипов сын, Выморков, отпускаю жену свою на волю, как похочет, хотя и замуж пойдет, я не искатель, а я хочу так жить, а свидетель тому всевидящее око». Жена показала письмо духовному отцу и перестала считать Степана своим супругом. Через несколько лет Степан, постригшийся в монахи, будучи в Москве, встретил земляка из Тамбова. Тот рассказал, что его жена снова вышла замуж. Соседям и знакомым в Тамбове факт ее фактического двоебрачия был известен и на него смотрели совершенно спокойно. Однако к этому иначе отнесся сам Выморков, который оказался на грани помешательства от услышанного. Он полагал, что жене следовало уйти в монастырь, но Духовный регламент (1721) запретил пострижение лиц, состоявших в браке, и Выморков пришел

⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 139. Л. 2.

⁹¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 1555. Л. 147 об.

⁹² Подробнее об Иване Рыбникове см.: Кошелева О.Е. Один из Иванов в эпоху Петра (опыт персональной истории) // Казус-2002: Индивидуальное и персональное в истории. М., 2002.

⁹³ РГАДА. Ф. 371. 1725 г. Д. 3208. Л. 20 и др.

к выводу, что в гибели души его жены виновата власть, закрывшая ей благочестивый путь действия⁹⁴. Действительно, запрет уходить в монастырь мог отчасти способствовать двоебрачию, но оно существовало и без него и, как утверждает Цатурова на основе множества примеров, «было широко распространено»⁹⁵. Петербург же оказывался исключительно удобным местом для двоебрачия — здесь никто никого толком не знал, обмануть священника при венчании было нетрудно.

Вот один из таких случаев, рассматривавшийся не в церковном, а в Надворном суде. Солдат Иван Зеленин служил в петербургском Белозерском полку. В 1714 г. его мать, вдова Марья Борисова дочь и родная сестра Акулина, в замужестве Матвеева, а также двоюродная сестра Аксиныя, в замужестве Яковлева, бежали из дому помещика Худошина в селе Малечкине Белозерского уезда, где жили как дворовые люди. Куда им бежать, они твердо знали — в Петербург, к родному Ивану. Тому удалось пристроить обеих беглых сестер: он выдал их замуж от живых мужей. Одну, Аксиныю, Иван обвенчал с однополчанином солдатом Тряпицыным, выдав ее за вдову, «а про мужа ея, вышеозначенного Андрея Яковлева, что он жив, утаил»⁹⁶. При венчанье Иван Зеленин при свидетелях дал по ней дважды лживую поруку в том, что она не замужем и не беглая. С Тряпицыным Аксиныя прожила четыре года и родила от него дочь и сына. Другую — сестру Акулину выдали замуж за каменщика Зайцева, жившего в доме капрала того же Белозерского полка Бориса Бычкова. О ней Зеленин сообщил, что «о том, что она беглая Зайцов и капрал ведали и в 16 году первой, де, ея муж, Акулинин, Никита Матвеев, пришел, а ее, Акулину, у него, Зайцова, не брал, а взял, де, ея после смерти оного Зайцова, и ныне живет с нею, Акулиною». Про свою ложную поруку Иван объяснил, что мать ввела его в заблуждение: «Мать, де, ево, вдова Марья, пришед к нему с оными женами... сказала, что мужья их бежали, и Аксиныи, де, муж в бегах умре»⁹⁷. Приговор вышел им

⁹⁴ Семевский М. И. Тайный сыск Петра I. Смоленск, 2000. С. 312, 334, 342.

⁹⁵ Цатурова М. К. Указ. соч. С. 91; см. также: Bisha R. Marriage, Church, and Community in 18th Century St.-Petersburg // Women and Gender in 18th Century / Ed. by W. Rosslin. Nottingham, UK, 2003. P. 227–243.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 1553. Л. 1 об.–2.

⁹⁷ Там же.

всем такой: «Бить плетью нещадно, чтоб на то смотря, другим неповадно было делать так». Первого Аксиньиного мужа было указано «доставить» и допросить: «Ту женку Аксинью, он, Андрей, себе в жены иметь хочет ли?», а второго ее мужа освободить, так как «о первом муже оный Тряпцын был несведом». Аксинью до присылки первого мужа указано держать под караулом⁹⁸. Похоже, что первый муж Аксиньи в суде так и не появился, и она, и ее брат Иван вскоре из-под караула были отосланы в Невский монастырь⁹⁹.

Похоже, что преступление таинства брака и двоебрачие не смущали ни трех беглых женщин, ни каменщика Зайцева, ни капрала Бычкова, знавших о том, что Акулина не является вдовой. Более того, к этому факту спокойно относился и ее первый муж, взявший ее к себе вновь после смерти Зайцева. Важнее церковных установлений оказывались практические жизненные нужды обустройства собственной жизни.

Есть и другие примеры, когда женщины, выходявшие замуж при живом муже, находили тех, кто ручался за них перед алтарем. Жена посадского человека Гаврилы Федорова Софья решилась на второй брак потому, что муж не писал ей около года из Москвы; она в это время жила у родственников в Петербурге с младенцем-сыном. Муж не прибыл в Петербург за ней «вскоре» как обещал, не ответил на три письма, объясняла свой поступок Софья, тогда она «понадеясь на то, что он ее покинул, как и прежде покидал, и живучи без него, мужа, платьем обносилась, также пить и есть стало нечево, просила иноземца, который у слона (имеется в виду ее родственник армянин Иван Семенов, ухаживавший за слоном в петербургском зверинце. — О. К.), и жену ево, просватать ее замуж». По приезде Софья пользовалась гостеприимством армянских родственников около трех месяцев, а затем «отошла проч и жила в разных местах», видимо, пытаясь найти средства к существованию; в конце концов она пришла к решению, что замужество будет лучшим выходом из материальных затруднений. Поиском жениха занимался сам Семенов, возивший Софью на смотрины и сосватавший ее за матроса Ивана Андреева. Венчание прошло в церкви Исаакия Далматского, без венечных памятей, по порuke свидетелей. Ровно

⁹⁸ Там же. Кн. 1554. Л. 84–85.

⁹⁹ Там же. Кн. 1179. Л. 5, 7.

через неделю приехал из Москвы муж Софьи Гаврила, забрал ее от Андреева и подал на священника в суд¹⁰⁰.

Примерно в это же время в церкви Николая Чудотворца на Мокруше прошло венчание беглой дворовой крестьянки помещика Языкова Марьи Ивановой с солдатом Копейкиным. Свидетелями были и ручались за брачующихся однополчане Копейкина, в том числе и его двоюродный брат. Жених прекрасно знал и о побеге Марьи, так как он происходил «по согласию» с ним, и о ее первом муже, который был «родом швед» и бежал от «помянутого ея помещика Языкова, а ее, де, Марью, покинул тому четвертый год»¹⁰¹.

Материалы судебного делопроизводства показывают, сколь часты были случаи, когда жизнь ставила семью на грань распада и жене приходилось «идти на все четыре стороны» без средств к существованию. Некоторые в такой отчаянной ситуации шли на уголовное преступление, как, например, жена московского седельника, которую по переписи мы видим в Петербурге без мужа, без прислуги и без собственного жилья с тремя детьми, младшему из которых — полгода (л. 487). Не вызывает поэтому удивление встреча ее имени в деле о грабеже в качестве держательницы украденных денег 1013 руб.¹⁰² И все же чаще всего женщины при распаде семьи стремились создать новую семью, найти мужчину-кормильца несмотря на нелегальность двоебрачия.

¹⁰⁰ Описание архива Александро-Невской лавры во время царствования императора Петра Великого. СПб., 1903. Т. 1. С. 546–551.

¹⁰¹ Там же. С. 425–426.

¹⁰² РГАДА. Ф. 248. Кн. 189. Л. 351–352.

Глава 9

«Обретаясь в услужении...»

(Дворовые люди)

Дворовые люди, занимавшие одну из низших ступеней в обществе, во многом определяли стиль жизни российского города. Однако этой категории городского населения отказано даже в скромном месте на страницах отечественной истории. Так, «Советская историческая энциклопедия» уделила ей пару бессодержательных строк, энциклопедия «Отечественная история» — ни одной. Дворовые люди, правда, рассматриваются в связи с историей холопства и практически отождествляются с ней¹⁰³, но уничтожение при Петре I социальной категории холопства¹⁰⁴ отнюдь не уничтожило категорию дворовых людей.

Просматривая сказки 1718 г., где представлено все население Санкт-Петербургского острова, сразу убеждаешься в многочисленности дворовых людей. Это самая большая из всех категорий населения¹⁰⁵: их количество немногим не достигло половины лиц, перечисленных в сказках (46,6 %), и во множество раз превысило не только количество дворян (6%, включая и тех, кто в Петербурге отсутствовал), но и посадских людей (20%).

¹⁰³ О холопстве см.: *Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago, 1971.

¹⁰⁴ *Анисимов Е.В.* Изменения в социальной структуре русского общества в конце XVII — нач. XVIII в. (последняя страница истории холопства в России) // *История СССР*. 1979. № 5.

¹⁰⁵ В литературе существует мнение, что самой многочисленной категорией петербургского населения были военные, по мнению Е. В. Анисимова, например, их было более половины (*Анисимов Е.В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003). Однако источники петровского времени не фиксировали дворовых людей, поэтому спорить о том, кого было в городе больше — военных или дворовых — не имеет смысла, очевидно, обе эти группы лидирующие.

В сказках 1718 г., в отличие от других документов, уделяется дворовым людям такое же внимание, как и другим группам населения. Поэтому имеется возможность о них рассказать.

И такой рассказ для истории города необходим: преобладающая количественно в составе населения Петербурга, «подлые люди» сыграли свою роль в формировании его облика, привнеся сюда свою культуру и мировоззрение.

КТО ИЗ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ ИМЕЛ ПРИСЛУГУ?

Широко бытует мнение, что крепостных людей и холопов имели только дворяне. На самом деле рядовые горожане тоже содержали крепостную прислугу, разница была только в ее количестве и качестве. Из сказок 1718 г. видно, что дворы, в которых не было прислуги, можно пересчитать по пальцам. Дворовые люди имелись и у купцов, и у всех чиновников вплоть до подьячих, и у священнослужителей, и у посадских людей. У подьячего Головачева, например, сбежала «вдова Анна с дочерью Федорою, которая была куплена у отставного драгуна»¹⁰⁶. Петербургский мастеровой, столяр, жаловался в Провинциальный суд на кражу и побег его дворовой девки Алены Михайловой¹⁰⁷. Вдова посадского человека говорила о людях, которые при жизни ее мужа «служили ж при мне в холопстве»¹⁰⁸. Даже зажиточные крестьяне, как правило, держали в Петербурге наемных работников, но не только их. Например, крестьянин по происхождению Иван Посошков купил в 1718 г. у дьяка Ивана Степанова деревню Марьино Кашинского уезда за 750 рублей, в ней «двор помещиков, в нем деловых (т. е. дворовых. — О. К.) людей душ с двадцать»¹⁰⁹. Вполне возможно присоединиться к впечатлению Э. Виртшафтера, полученному ею от работы с источниками XVIII в.: «Поразительным является то, до какой степени владение крепостными не было исключительно дворянской привилегией»¹¹⁰.

Прислуга в городской жизни была в ряду вещей первой необходимости. Без нее было затруднительно вести хозяйство, но особенно сложно это было тем, кто отдавал все свое время

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 2.

¹⁰⁷ Там же. Д. 1568. Л. 13.

¹⁰⁸ Там же. Д. 1574. Л. 52.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 7. Д. 209. Л. 4.

¹¹⁰ Виртшафтер Э. Указ. соч. С. 119–120.

профессиональной деятельности или государственной службе, а также оказавшимся в Петербурге вдалеке от родного дома. К тому же, приобретя слугу, даже незначительный человек чувствовал себя господином.

КТО «ПАШНИ НЕ ПАШЕТ...»

Термин «холоп» в сказках 1718 г. не употреблен ни разу, что может легко привести к выводу об отсутствии холопов среди петербургского населения. Однако слова «холоп», «холопство» жители употребляли в своих челобитных. Видимо, название «холоп» к этому времени стало приобретать оскорбительный оттенок и заменялось на «служителя»¹¹¹. Характерно высказывание в одной из челобитных, поданных в суд о бесчестье в связи с тем, что родственника истца называли «холопом боярским»: а он «был не холоп боярской, — служитель его царскому величеству»¹¹².

Именно термин «служитель/ница» больше всего использовался в сказках 1718 г., он же был в частом употреблении и в текстах явочных челобитных, затем следует термин «люди его/ее» (хозяина. — О. К.), «человек его/ее» иногда с прилагательным «дворовые». Если речь шла о женщинах, писали так: «люди его, женский пол...», а внутри «женского пола» разделяли «девок, мужних жен и вдов». Встречается также наименование «челядинец». Реже употребляли слово «крепостной» и «кабальный» человек.

Частота употребления терминов, описывающих дворовых людей в сказках 1718 г., приведена ниже:

вдова	53;
дворовые люди	45;
дворовой/(человек, девка, женка, вдова)	135;
девица	34;
девка	49;
девушка	1;
детина	1;
женский пол	2;
иноземец	5;

¹¹¹ Ср. термин «подлые люди», первоначально просто обозначавший социальную категорию (слово «под» являлся синонимом слову «низ»), но затем превратившийся в оскорбительный.

¹¹² РГАДА. Ф. 285. Оп.1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 2.

кабальные люди	4;
крепостные старинные люди	3;
крепостная/ой (человек)	19;
купленная/ый (девка, человек и пр.)	15;
люди его/ее, человек его	403;
мальчик (для домашних нужд)	2;
мужние жены	6;
послужебница	1;
послуживец/ца	7;
приданные люди	1;
прислужница	1;
слуга	3;
служащая девица/ девка	11;
служитель/ница (в доме, при доме)	6394;
старуха	1;
челядинец/ка, челядник	134.

Под этими названиями в петербургских документах петровского времени фигурируют практически все виды холопской зависимости, отмеченные в главе XX «О холопах» Соборного Уложения 1649 г. — это и «старинные», и «кабальные» люди, и давшие на себя «запись в житье», и «полоняники», и «купленные люди», и работавшие вольно, без кабал и записей, и даже украденные в холопство малолетние инородцы. Нормы их взаимоотношений с хозяином, их права и обязанности продолжали регулироваться Соборным уложением, как это видно из судебной практики. Показательно высказывание автора одной из челобитных 1721 г., отражающее понимание им дворового человека как холопа: «...отпущеной дворовой человек дому Вельяминова-Зернова Алексей Калцов пришел в Москве в дом к жене ево княгине... и тое отпускную ей отдал, а обещал жить в доме ево в холопстве»¹¹³.

КАК ПРИОБРЕСТИ СЛУЖИТЕЛЯ?

Каким же образом формировался состав дворовых людей в петербургских дворах? «Старинные» дворовые люди, служившие владельцу из рода в род, в основном составляли двор знати. Помещики пополняли городскую дворню крепостными крестьянами из своих деревень. Указ Петра от 1722 г., предпри-

¹¹³ Там же. Л. 65 об.

сывавший «людей дворовых, чтоб росписать по деревням, дабы вечно с крестьянами» и платить с них налог по рублю, не касался тех, кто живет в помещичьих городских домах и «пашни не пашет»¹¹⁴. Таким образом, помещикам стало особенно выгодно переводить своих «непашенных людей» в город, дабы не платить лишнего. О дворовых людях стольника И. И. Стрешнева в переписи сказано «из крестьян, взяты для работы во дворе» (344 об.). Подьячий П. Баранов разделил в сказке имевшихся у него «людей» на три категории, характерные и для других хозяев: 1) взятые из своих крестьян, 2) взятые «из деревень» (т. е., видимо, крестьяне, нанимавшиеся на работу в городе), 3) «купленные» (л. 495).

«Купленные»

Люди, названные в сказках «купленными», приобретались по купчей (т. е. когда человека продавал хозяин), а не по крепостной записи (по которой человек продавал себя сам). По сказкам происхождение этих «купленных» очевидно лишь в нескольких случаях. Среди них более всего пленных шведов, в качестве «купленных» отмечены также двое москвичей из Кадашевской слободы и крестьянский сын 25 лет (л. 34, 229 об.). Канцелярист Сената Алексей Иванов имел слугу, «которого он купил кормового дворца у стряпчего Павла Боркова»¹¹⁵. «Купленный» человек был в пожизненной крепостной зависимости и потомство его тоже оказывалось в холопстве. Например, «человек» подьячего Василия Пояркова «в холопстве у него отпирался» до тех пор, пока в качестве доказательства ему не предъявили купчую на его мать¹¹⁶.

В Крепостных конторах наряду со сделками на дворы и лавки оформляли и продажу людей. Цены в 1720–1721 гг. были такими: — девка шла за 5 руб., мать с дочерью — за 10 руб., одинокий мужчина — за 10–15 руб., семья супругов с детьми, внуками и всем их имуществом — за 20 руб., трое братьев с семьями — за 25 руб.¹¹⁷ Причем беглых людей продавали даже чаще, чем имевшихся в наличии, и примерно за ту же цену, хотя покупателю надо было их еще «сыскивать». Видимо, име-

¹¹⁴ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. С. 143, 165.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 11 об.

¹¹⁶ Там же. Д. 1568. Л. 21.

¹¹⁷ Там же. Д. 1474 Л. 11–13 об., 18 об., 43, 69, 87; Д. 1478. Л. 86, 94, 105, 110, 114; и мн. др.

лись обоснованные надежды на то, что эти беглые будут пойманы. Такие приобретения беглых делал Антон Девиер, который писал своему зятю А. Д. Меншикову: «Купил я в бегах крестьян несколько семей, и имею на них крепость, а ныне уведомился верно, что из тех купленных мною крестьян 2 семьи живут... за служителями вашей светлости, за Алексеем да за Семеном Полчаниновыми в Курмыской их вотчине»¹¹⁸.

Покупали дворовых и работников те, кто совсем не имел или имел недостаточно собственных крепостных, причем особенно задешево покупали малолетних. Так, посадский человек, переведенец из Пскова М. И. Щедрин при своей большой семье имел двух «купленных» мальчиков 12 и 13 лет (л. 61), посадский из Переяславля Залесского — «купленных» мальчиков 10 и 9 лет (л. 62). В лучшем положении были те дети, которых покупали вместе с родителями, как, например, купленные посадским С. Милюковым младенцы брат и сестра вместе с матерью-вдовой 45 лет (л. 105). Среди дворовых встречаются и совсем малые одинокие дети. У подьячего А. Никитина среди прислуги, состоявшей только из одиноких мужчин, были и мальчики четырех и шести лет (л. 380). У трех братьев Богдановых вся их «челядь» — это две девочки 8 и 5 лет (л. 11). Вряд ли они были в состоянии хорошо вести хозяйство в доме. Как и зачем Богдановы их содержали, остается загадкой, поскольку источник не дает возможности судить о побуждениях, с которыми одинокие дети принимались в чужие семьи, и о том, какое место занимали в них чувство сострадания и корысть.

Пленные

Видимо, еще дешевле, чем детей, покупали пленных шведов. Наполнение дворни пленными практиковалось издавна¹¹⁹. Соборное уложение 1649 г. (гл. 20, ст. 61) приравнивало «полоняников иных земель» к полным холопам. В XVII в. среди дворовых-полоняников было особенно много поляков, в петровское время их еще продолжали выделять среди прислуги как дворовых «старого польского полону»¹²⁰. Северная война сделала шведских пленных (их называли новым словом

¹¹⁸ Русский архив. 1865. С. 1253.

¹¹⁹ Кушева Е. Н. О плене как источнике холопства во второй половине XVII в. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. (Труды ЛОИИ; Вып. 13). С. 217–231.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 16.

«арестанты») обычной фигурой среди петербургского населения. Они широко использовались на строительстве петербургских сооружений: в 1712–1714 гг. в распоряжение Канцелярии от строений было прислано 2682 пленных, в начале 1720 г. их значилось 856 человек¹²¹. Для прокормления этих людей в 1712 г. было велено выделять им по одной копейке на день¹²² (колодникам тюремного двора полагалось 2 копейки на день). Пленные, имевшие профессиональную квалификацию, находились «на пароле» (т. е. освобождались под честное слово) и жили в городе, приобретая здесь собственные дворы¹²³ и зарабатывая себе на жизнь. Другая часть пленных, не имевшая квалификации, особенно старики, женщины и дети, которых семьями уводили из оккупированных русской армией городов¹²⁴, попадали в холопскую зависимость от частных лиц.

По сказкам 1718 г. среди дворовых людей иноземцы составляли 6%. В сказках их именуют и «купленными» шведами, и служителями из «шведского полону»: так, подполковник А. Хоррет сообщил, что у него живет «швед, взятый на Полтавской баталии»; фискал Е. Комаров говорил о своем «человеке польской породы Войте, а по крещению Трофим, которой взят был у него, как ходил в платавской (т. е. полтавской. — О. К.) баталии за корелем (т. е. королем. — О. К.) шведским на Боге-реке»¹²⁵, стольник И. С. Потемкин приобрел шведку с 7-летним сыном, комиссар А. Дьяков — шведских мальчика 13 лет и девушку 18 лет. У вдовы А. Н. Голенищевой-Кутузовой было две «девки-шведки 11 и 10 лет, у дьяка А. Докудовского — шведки 12 и 15 лет, у купца Г. Володимерова — «служители шведской породы» — мальчик 10 лет и девушка 18 лет, у священника М. Самойлова — «работники шведской породы» — мальчик 12 лет и девушка 17 лет (л. 249, 365 об., 244, 342–342 об., 438, 367, 238–239). Всего несовершеннолетних иноземцев-дворовых (шведов, финнов, латышей) в сказках отмечено 18 человек.

¹²¹ Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга. С. 79.

¹²² РГАДА. Ф. 248. Кн. 156. Л. 367.

¹²³ Дворы, принадлежащие шведским «арестантам», отмечены в переписях с именами их хозяев.

¹²⁴ См., например, именную роспись пленных шведов с детьми, женами, служителями, взятых под Паненбургом и отправленных в Москву. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 190. Д. 13. Л. 516–541.).

¹²⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 34.

Шведов-полоняников можно было просто получить от властей под расписку. Вот как рассказал о появлении у него работника-шведа дьяк Иван Спиридонов: «В прошлом 710 году в Азовской губернии в Шацку явились три человека шведов и чюхны при ландерихтере Рискине и оные шведы роспрашиваны и по роспросным речам повелены отдать на росписку охотником, изо оных трех человек взял я, нижеименованный, одного человека Леона Федорова, которой по взятию моему волею своею в 1712 году восприял святую православную веру и жил у меня, нижеименованного, в работниках при Санкт Питер бурхе до сего 720 году»¹²⁶.

Пленные Сёверной войны в Петербурге оказались в полной собственности хозяев — их могли продавать, завещать, давать в приданое, дарить. Поп Сампсоньевской церкви Василий Павлов прямо называл «жонку Марью Акимову дочь, родом шведку» своей «приданной» дворовой¹²⁷.

Подьячему таможни Федору Родичеву один генерал из города Абова прислал «в подарок малолетнего чухонского сына Югана Эрика, а по крещении наречено имя ему Илиею»¹²⁸. Иноземных детей с завоеванных земель держали во дворах в качестве диковинки. Мода на маленьких татарчат была распространена еще в XVII в. и даже законодательно закреплена в постановлениях Соборного уложения 1649 г., разрешившего, в отличие от прежних указов царя Михаила Федоровича, в Сибири и Астрахани «татар и татарченков» «всяким людям покупать и даром имати... и на Русь высылати» (гл. XX. ст. 117). Кн. П. А. Хованская, просившая своего мужа, служившего воеводой на Дону в 70-е гг. XVII в., присылать ей разные редкости, хотела иметь и татарчат: муж отвечал ей: «Да писала ты ко мне об девочке-татарке, чтоб купить, и я (и)стинно не добыл»¹²⁹. Приобретение царем Петром арапчонка, сыгравшего заметную роль в русской культуре, было в русле этой же традиции.

Иноземцы среди дворовых людей были не только из пленных. В Петербург из разоренных войной Прибалтийских регионов шли в поисках работы шведы, финны, литовцы, латыши, эстонцы и др. Особо не разбираясь в их этнической принадлеж-

¹²⁶ Там же. Д. 1562. Л. 104.

¹²⁷ Там же. Д. 1574. Л. 66.

¹²⁸ Там же. Д. 1562. Л. 61 об.

¹²⁹ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Под ред. Г.Г. Лукьянова. М., 1905. С. 24.

ности, петербургские жители называли всех «чухонцами», например, один из горожан выразился в челобитной так: «...по-кратчи, бежал швецкой нации чюхонец крещеной Василей Петров»¹³⁰. Вдова «швецкой нации» Мария Езопова из деревни Лобиды Нарвского уезда стала жительницей Петербурга. Приведенная в полицию за участие в уличной драке с астраханским стрельцом, она рассказала там о себе следующее: в 1720 г. пришла в Петербург «кормиться» и вышла здесь замуж за шведского «арестана», по смерти которого, произошедшей два года спустя, стала жить с «пильщиком» Янышевым, обещавшим на ней жениться, и теперь она желает «принять веру греческого закона»¹³¹. Браки между русскими и шведами среди дворовых людей отмечают и сказки 1718 г. Во дворе у помещика Е. Дементьева по поводу двух шведских супружеских пар сказано «по желанию своему крестились и женаты» (л. 432).

«В житье»

Значительную категорию «людей» составляли те, кто нанимался выполнять «черную работу» по договору, именовавшемуся «жилой записью»¹³², поскольку человек поступал «в житье» к хозяину на определенный срок за соответствующую сумму денег и получал кров и пропитание. Наличие «жилой записи» на прислугу отмечено некоторыми подателями сказок, например, у купца Панкратьева о его дворовой сказано «по записи живет с 19 числа сего 718 году» (л. 394 об.). «Жилая запись» иногда именовалась и «поручной», так как без поручительства брать к себе в дом чужого человека петербуржцы обычно не осмеливались, да и не имели на то законного права. «Жилая запись» ограничивалась сроком договора, чем отличалась от «крепости», делавшей человека зависимым навсегда. Максимальный срок найма по «жилой записи», установленный Соборным уложением 1649 г., 5 лет, работник обычно брал всю сумму сразу, а потом работал, уже денег не получая.

В «житье» шли от бедности люди из разных социальных групп и принимали их к себе также люди разного общественного положения. Среди петербургских судебных дел, относящихся к разногласиям договорившихся о «житье» людей,

¹³⁰ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 69.

¹³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 22.

¹³² См.: Горская Н.А. Жилые записи (К истории найма в XVII веке) // История СССР. 1963. № 5. С. 57–78.

встречаются бобыли, отставные солдаты и солдатки, дворцовые крестьяне, мастеровые, посадские люди, гулящие люди, профессиональные «послуживцы» и др. Иначе говоря, каждый, кто по бедности был не в состоянии платить налоги и нести государственные повинности, мог вступить в категорию «дворовых людей», и каждый имел право принять таких людей в своем дворе. Поступившие в «житье» использовались как для домашней работы, так и для помощи в коммерческой деятельности хозяина. Например, фискалу Дмитрию Лукьянову дали «жилые записи» новгородцы посадские люди Степан Свечин и Максим Солодовников «в том, что житье им у него — Степану три года, Максиму — год, и по тем их записям определил он их к пивной продаже»¹³³.

В «житье» для нехитрой, но тяжелой домашней работы малоимущие родители отдавали своих детей. Таким способом часто возмещали взятые в долг деньги. Так, дворцовый крестьянин Михайло Гробов отдал в Петербурге переводчику Якову Синявичу «для домовой ево работы дочь свою девушку Лукерью на пять лет и в том дал на себя крепость от крепостных дел, чтобы жить ей у него в послуживицах впредь до срока». В 1717 г. патриаршего дворцового приказу истопник отдал канцеляристу Ивану Меншову своего сына Никиту на 4 года «для работы и услуги». Посадская жена отдала боцмановской жене в работницы «на время пожить» свою дочь девушку Маринку¹³⁴. Москвич Никифор Гуляев отдал 11-летнего сына Антона петербургскому подъячему Маракушеву «по жилой записи, по которой он, Гуляев, у него, Маракушева, жил, записано, жить ему за пять рублей пять лет...»¹³⁵. В Соборном уложении устанавливалось, что детей можно отдавать «в житье» не моложе 10 лет, так как до этого возраста их неумелый труд не способен возместить родительского долга.

Работать нанимались не только «в житье», но и просто за плату на срок. В сказках встречаются такие замечания о работниках: «наймуются понедельно», «наймуются погодно». Часто такие работники были из крестьян, и нанимались они на специальную временную работу, например, как строители, как сидельцы в лавках. При крестьянских

¹³³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 26.

¹³⁴ Там же. Д. 1562. Л. 38, 89, 91 об.

¹³⁵ Там же. Д. 1568. Л. 8–11, 27.

артелях также содержались работники и работницы, занимавшиеся организацией быта членов артели. Этих «подлых» людей, «обретающихся в наймах и черных работах», было запрещено записывать во вновь организуемые в Петербурге гильдии и цехи¹³⁶.

Существовали и «вольные» работники, в основном из детей и престарелых, которые работали без всяких записей, пока не прогонят, просто за место у очага и кусок хлеба, что видно, например, из пометы в сказке об одной семидесятилетней вдове из двора комиссара Лошакова: «...живет волею в работе из хлеба» (л. 246–246 об.).

Взятые под расписку

В дворовые люди брали также подследственных с тюремного двора, дав за них расписку. Такая практика была связана с тем, что помогала решить вопрос прокорма колодников, на которых государство не хотело тратиться. Например, поручик Федор Чукаринов бил челом в том, что «отдана ему из Санкт-Петербургского из Надворного суда на росписку жонка Стефанида Евдокимова дочь для домовной ево работы и сего февраля 24 числа из дому ево бежала бесчестно»¹³⁷. Или челобитная подпоручика Антипа Остапова: «Прошедшего генваря месяца сего 721 года из Санкт-Петербургского Надворного суда по делу вдовы Аграфены Колюбакиной отдана ему девка Пелагея на росписку»¹³⁸.

РАЗНООБРАЗИЕ СЛУЖБ

Внутри крупного домохозяйства существовала своя иерархия дворовых людей, на вершине которой находился дворецкий. У него могли быть и собственные слуги. Профессиональная специализация дворовых людей обычно отмечалась только в сказках, поданных из богатых дворов. В них можно отметить представителей различных специальностей — поваров, портных, ключников, дворников, конюхов, кучеров, портомой, ложкомой, нянек, стряпчих, матросов и проч. Среди челяди обязательно были и грамотные люди, «ходившие» за делами хозяев, ведшие их делопроизводство. Плоды усилий таких грамотных дворовых людей есть возможность увидеть в сказках, так как

¹³⁶ ПСЗ. Т. 5. № 3318; Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. С.206.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 27 об. – 28.

¹³⁸ Там же. Д.1568. Л. 34.

они подавались и подписывались именно ими. В небогатых же городских домах один-два дворовых работника были и за повара, и за конюха, и за няньку, и за всех остальных.

СЕМЬЯ

Больше половины дворовых людей и работников (61,1%) проживало в петербургском дворе в одиночестве, без семьи и родственников (подробнее см. в гл. 8). Среди них весьма высок процент несовершеннолетних 17,7% (260 человек) (табл. 8). Состав дворовых людей это вполне объясняет: купленные и пленные, бродяжничающие работники и тюремные сидельцы обычно не были обременены семейными узами. И продажа крепостных происходила без учета родственных уз и разбивала семьи произвольным образом. Даже Петра I, пытавшегося пресечь такую практику указом от 15 апреля 1721 г., коробило, что в его отечестве людей «продают врознь, кто хочет купить, как скотов, чего во всем свете не водитца...»¹³⁹. В обществе со столь значимыми родственными связями, как русское общество того времени, эта группа населения, таким образом, значительно отличалась от других.

Другая часть дворовых, составившая 39%, относилась к людям семейным. Из 330 семей 137 были супружескими парами с детьми, 118 — без детей, в 54 случаях — один из взрослых с ребенком. Расширенный тип семьи (с наличием родственников помимо семейной пары с детьми) среди дворовых людей Петербурга крайне редок и почти полностью отсутствует среди дворовых-иностранцев и среди работников. (табл. 9, 10). Но нет правил без исключений: именно среди работников одна семья оказалась действительно «большой» — состоящей из представителей трех поколений и насчитывающей 12 человек (л. 64).

ГОСПОДИН И ЕГО «ДВОР»

Через состав дворовых, четко отраженный в сказках, можно лучше понять их хозяев. Вот перед нами сказки на два двора Санкт-Петербургского острова государственного подканцлера, тайного советника барона Павла Петровича Шафирова.

¹³⁹ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 92.

Таблица 8

Одиноким дети в услужении

Категория	Возраст, лет															Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Дворовой	2	2	1	2	1	1	1	5	5	15	10	12	24	15	35	131
Дворовая			1	1	2	1	3	1	6	8	2	14	3	13	31	86
Работник									1	2	1	4	1	2	14	25
Работница											1	1	3	5	8	18
Всего	2	2	2	3	3	2	5	6	12	25	13	31	31	35	88	260

Таблица 9

Семейное положение дворовых людей по сказкам 1718 г.

Категория	Глава семьи	Одиноким	Члены семьи	Всего людей
Дворовые люди	266 (13,7%) ⁽¹⁾	1181 (61%) ⁽²⁾	487 (25,1%) ⁽³⁾	1934 (100%)
Работники	42 (13,5%)	195 (62,5%) ⁽⁴⁾	74 (23,8%) ⁽⁵⁾	310 (100%)
Дворовые иноземцы	22 (17,3%) ⁽⁶⁾	71 (55,9%) ⁽⁷⁾	34 (26,7%) ⁽⁸⁾	310 (100%)
Работники иноземцы	2 (10%) ⁽⁹⁾	16(80 %)	2 (10%) ⁽¹⁰⁾	20 (100%)
Всего людей	332 (13,8%)	1463 (61,1%)	597 (24,9%)	2392 (100%)

(1) Из них 11 одиноких женщин с детьми.

(2) Из них 56 вдов.

(3) Из них 225 жен и 262 детей и других родственников.

(4) Из них 8 вдов без детей.

(5) Из них 31 жена и 45 детей и других родственников.

(6) Из них три одиноких женщины с детьми.

(7) Из них две вдовы без детей.

(8) Из них 18 жен и 16 детей и других родственников.

(9) Из них одна одинокая женщина с детьми.

(10) Из них одна жена и один ребенок.

Таблица 10

Тип семьи дворовых людей

Тип семьи	Дворовые	Работники	Иноземцы в услужении	Всего
Супруги без детей (3а)	94	12	12	118
Супруги с детьми (3б)	119	11	7	137
Одинокое мужчины с детьми (3в)	8	8		46
Одинокое женщины с детьми (3г)	30	11	5	2
Братья и сестры (2а)	1	1	—	19
Расширенные семьи разных типов (4а, б, в)	14	5	—	19
Всего семей	266	40	24	330

В один из его дворов были поселены двое привилегированных слуг-иноземцев — учитель и секретарь, при каждом из них состоял служитель (л. 309). В доме, где жил Шафиров с семьей, имелось более 50 человек прислуги, в том числе шесть иноземцев. Среди всей этой прислуги вызывает удивление группа лиц, названных в сказке «вдовами», — это 14 женщин, возраст 10 из них не превышает 20 лет, младшей «вдове» — 12 лет (л. 308—309). Эти «вдовы» и по своему количеству, и по возрасту явно отличаются от «вдов» в других дворах знати: например, у кн. А. М. Черкасского тоже значится в сказке пять вдов, но их возраст от 40 до 60 лет, у кн. Ф. М. Волконского три вдовы 75, 56, 48 лет, у кн. Ю. Ф. Щербатова также три вдовы от 50 до 70 лет (л. 382—330; 347—347об.; 314—315). Кто были эти малолетние вдовы, что они делали во дворе Шафирова? — можно только гадать.

Состав дворовых людей кн. Федора Семеновича Хованского представляет совсем иную картину. Пятидесятидевятилетний князь жил один, его дочь жила с мужем, сибирским царевичем. Все прислуживающие в доме — 14 человек — одинокие мужчины от 15 до 60 лет. Дворецкий князя подчеркнул в составленной им сказке: «...а женска пола никого нет» (л. 19), хотя ему не требовалось указывать, кого нет, надо было только сказать, кто есть. Видимо, князь не терпел женщин в своем окружении и гордился этим. Не было в его доме и иностранцев.

Также предпочитал держать прислугу только мужского пола и 60-летний купец Ф. Антипьев, живший с племянником 25 лет и московским свойственником 22 лет: все в его доме — и прислуга, и множество постояльцев — мужчины, кроме единственной «старушки», нанимавшейся на работу (л. 53).

Живший в одиночестве лейб-гвардии капитан 45-летний Гаврила Васильевич Норов тоже держал у себя людей чисто военного образца — 6 денщиков (которые относились не к дворовым людям, а к солдатам), двух хлопцев и одного портного. Правда, двое из этих людей имели жен, так что женская рука в его доме все же была (л. 318).

Наибольшее количество дворовых — 99 человек — отмечено в сказках у кн. Алексея Михайловича Черкасского, жившего с молодой женой, с сестрой Анной и шестилетней дочерью Варварой (л. 382–330). По соседству с кн. Черкасским на Малой Неве жил сенатор кн. Яков Федорович Долгорукий. В составе людей его двора — 9 денщиков (от 26 до 50 лет), 4 возницы-шведа и 63 человека русской прислуги во главе с дворецким Верилковым (л. 330–331 об.). У сенатора кн. Михаила Владимировича Долгорукого, имевшего большую семью (о ней см. в гл. 8), дворовых людей было 47 человек, среди них 6 иностранцев (л. 371–372 об.). А у кн. Ивана Ивановича Долгорукого, не имевшего больших чинов, прислуга состояла всего лишь из четырех одиноких и достаточно пожилых женщин (от 30 до 70 лет) и столь же одиноких и пожилых трех мужчин (л. 459). Окольный кн. Ю. Ф. Щербатов вместе с супругой, пребывавший уже в крайне преклонных годах, среди своих 17 человек дворовых почти не имел молодежи, и все его служители были также без семей (л. 314–315).

У конного гардемарина молодого кн. Никиты Федоровича Волконского была небольшая семья (ему самому 25 лет, его

жене — 23 года и дочери 6 лет), которую обслуживала также немногочисленная, но функционально организованная прислуга из 8 человек. Ее возглавлял холостой дворецкий, а в состав входили два «пажа» 18 и 23 лет — конюх и «кухарь», «женский пол» для прислуживания жене и дочке представляли две девушки 22 и 23 лет и «баба» (т. е. нянька) с годовалой дочерью (л. 28). Само именование дворовых служителей «пажами» и «кухарем» свидетельствует о вкусах кн. Волконского. В доме же отца молодого кн. Волконского — кн. Федора Михайловича — дворовые люди составляли 9 одиноких мужчин и 10 одиноких женщин (л. 347–347 об.).

ПУТЬ НАВЕРХ

(Коммерция приказчиков)

Если господское домохозяйство было достаточно представительным, у холопа появлялась возможность сделать карьеру внутри него, стать в нем значимым лицом. Место приказчика у именитых хозяев могло привести к накоплению значительного капитала; тогда при получении воли открывался путь в купечество и предпринимательство. Братья Соловьевы, родственники вице-губернатора и судьи Надворного суда С. Клокачова, а также крупнейшие предприниматели и незаурядные мошенники петровского времени начинали свой жизненный путь как холопы бояр Нарышкиных¹⁴⁰. Из холопов-приказчиков влиятельного думного дьяка Аверкия Кириллова произошла сибирская династия заводчиков Турчаниновых, сумевших записаться в Соликамский посад. Вдова Кириллова пыталась жаловаться на Филиппа Турчанинова, что он после смерти хозяина завладел доходами с его деревень и движимым имуществом двора. Сын Турчанинова, также служивший приказчиком, подвергся сходным обвинениям от вдовы своего хозяина в том, что он насильно завладел сенными покосами и соляными амбарами¹⁴¹.

Многие вдовы после смерти мужей начинали вникать в хозяйственные вопросы и проверять деятельность приказчиков. Вот и вдова фельдмаршала Б. П. Шереметева сразу после

¹⁴⁰ См.: Серов Д. О. Указ соч. С. 99–133.

¹⁴¹ См.: Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 40.

смерти мужа подала жалобу в Нижний суд на своего петербургского приказчика Антона Агрикова, который «принимал деньги всякие, запасы и доходы и окладные вина и разные пития и откупал за них деньги кружечные (т. е. имел откупной кабак. — О. К.), он же был у полатного и деревянного хоромного их строения бесприменно и ведал мызы... а жил он на приморском дворе и приморскими их дворами владел и внаем отдавал; и земли, и огороды, и хлеб всякой сеял, и мужиков их крепостных взял»¹⁴². Анна Шереметева потребовала с Агрикова столь точного отчета по всей его деятельности, что он был вынужден бежать.

Таким образом, разбогатеть, будучи дворовым человеком, было вполне возможно, но только не трудом, который не имел цены, а незаконным предпринимательством и воровством. В конечном итоге все вышеназванные здесь лица оказались под судом и следствием, а кто избежал этого, тот не оставил в источниках следов о своем холопском прошлом.

Прошение

Впрочем, дворовые люди именитых персон предпринимали попытки разбогатеть и законным образом — через прошение. Один из них, служивший «по воле» (т. е. по своему желанию) адмиралу графу Ф. М. Апраксину, даже осмелился в 1723 г. просить у государя себе в собственность деревни. Заодно он рассказал господам Сенату и о себе, и об обстоятельствах того, как он попал в услужение к адмиралу: «Данило Янков сказал: дед ево и отец были польской породы, после отца своего остался четырех лет и нигде в домех крепостей на себя не давал, и с 1701 году обретается в услужении в доме его высокографского сиятельства генерал-адмирала и кавалера, графа Федора Матвеевича Апраксина. И в прошлом 1719 году по генеральному смотру господина генерал-маеора и гвардии маеора А. И. Ушакова отмечен он, Янков, в солдаты». Однако Апраксин просил в солдаты его не отдавать и получил разрешение его императорского величества «чтоб ево, Янкова, от графского сиятельства генерал-адмирала графа не отлучать». Янков получил высочайшее разрешение на приобретение земли, правда, без крестьянских дворов¹⁴³.

¹⁴² РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 141.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 24. Д. 201. Л. 202.

Грамотность

Иногда достичь успеха дворовому человеку помогала грамотность и знание иностранных языков, последнее — драгоценное преимущество детей пленных, ставших двуязычными. Из холопского состояния наиболее головокружительную карьеру в петровское время смог сделать вышеупомянутый любимец Петра барон П. П. Шафиров, сын пленного польского еврея, с шестилетнего возраста живший в холопстве у боярина Б. М. Хитрово¹⁴⁴. Но получить знание грамоты большинству из дворовых людей было негде, не у кого и не на что, вряд ли многие даже и осознавали для себя грамотность как возможный путь решения жизненных проблем.

Брак

Было невозможно изменить холопский статус путем брака, так как со времен Киевской Руси продолжал действовать закон «по холопу — раба, по рабе — холоп», т. е. если один из супругов был зависимым человеком, то и другой становился таким же. Однако и здесь были исключения, о чем свидетельствует челобитная в Надворный суд дворян Костюриных: «В прошлом 718 г. родственник их Иван Прокофьев сын Костюрин женился на дворовой своей жонке Татьяне Кириловой дочери и поныне же у него, родственника, детей никого нет, а в нынешнем 721 году явились в Санкт Питер бурхе в Военной коллегии недоросли, люди ево дворовые, родственника их, Семен да Афонасей, которые прижиты у вышеозначенной жонки Татьяны Кириловой дочери блудно незнаемо с кем до венца родственника их, о чем подлинно значится в переписных книгах (т. е. там они написаны дворовыми людьми. — О. К.), а ныне записались в Военной коллегии дворянскими детьми, фамилией их Костюриными, и называются родственника их Костюрина детьми»¹⁴⁵.

Армия

Были попытки из дворовых людей уйти в армию. Так попробовали сделать люди бригадира Василия Зотова, судившегося из-за наследства со своей мачехой, что тяжело отражалось на дворовых людях, так как они представляли собой спорное наследственное имущество. Пятеро — повар и ложкомой, матрос

¹⁴⁴ См.: Серов Д. О. Указ соч. С. 30–32.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 17.

и конюх с женой — бежали, двое из них были пойманы полицией, а трое других «били челом ево царскому величеству, написав заочно и вышепомянутых пойманных», о том, что Зотов их «взял насильно у мачехи своей, и бил безвинно, и работать заставлял безвременно, и чтоб их написать в службу его царского величества». Эти люди уже было добились своего в Военной коллегии, но их товарищи, задержанные полицией, повинились в краже одежды и лодки, на которой они бежали, затем в процессе следствия был найден царский указ о приеме беглых на службу, короче — все они попали под суд¹⁴⁶.

ГОРЕЧЬ ВОЛИ

Многие поколения «подлых людей» воспитывались в условиях абсолютной невозможности самостоятельно строить свою судьбу. Выбиться наверх из холопского состояния — совсем не то же самое, что просто получить волю. Первое, несмотря на существование разнообразных способов, проиллюстрированных выше, было на грани невозможного, второе оказывалось достаточно реальным, но малоперспективным. Дворовые люди могли получить волю после смерти своего хозяина по его завещанию или без него — кто, как и на каких условиях — все это определялось Соборным уложением. Отпускать дворовых людей на волю по завещанию было давней русской традицией¹⁴⁷, но некоторым и при жизни давали «отпускную запись» по разным соображениям, например, чтоб не кормить лишнего человека. Законодательство издавна защищало холопов от того, чтобы в голодный год хозяева их отпускали (фактически — выгоняли), оставляя без всяких средств к существованию. Дворовый человек ничего личного не имел, хозяин его и кормил, и одевал, а провизия в Петербурге была в высокой цене¹⁴⁸, по этой причине содержать дворовых людей здесь было дорого и от лишнего рта стремились избавиться. И вполне понятно, например, желание дворянина Ф. Тормасова через суд освободиться

¹⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1554. Л. 161 об., 200.

¹⁴⁷ См. *Кольчева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XVI — XVI в.). М., 1971, С. 143–173; *Кошелева О. Е.* «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // *Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени.* М., 2000. С. 360–362.

¹⁴⁸ См.: *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов на свете...» — град святого Петра. СПб., 1999. С. 74.

от лишних дворовых, оставшихся от его умершей жены. Он требовал от ее братьев забрать свою часть наследства в виде «людей», а они этого не делали, и таким образом его «разорjali», так как, объяснял Тормасов, дворовых надобно кормить, а хлеб в Петербурге нынче из-за недорода дорог, доходит до 4 рублей¹⁴⁹. Вдова Варвара Фрязина, оказавшись в затруднительных материальных обстоятельствах, по словам ее сына, «продавала приданое свое платье и жемчужное низанье, покупала хлеб и кормила наших людей дворовых...»¹⁵⁰. Но избавиться от лишних дворовых людей можно было, только найдя для них другого хозяина, а не отправив их на улицу.

6 апреля 1722 г. был объявлен указ Сената о позволении «людям боярским» после смерти их господ поступать к другим хозяевам по своему желанию. Однако владельцы, приняв к себе новых дворовых людей, получали право заменить ими своих служителей и отпустить на волю «негодных к службе».

Для подавляющего большинства «отпущенных» людей воля означала лишь мучительный поиск нового места и средств к существованию, особенно тяжело это было сделать «негодным к службе», и не случайно с понятием «воли» связывался целый комплекс отрицательных представлений, хорошо отраженных в источниках¹⁵¹. Поэтому попасть в ряды служителей и работников петербургских дворов для многих разоренных войной людей было не трагедией, а решением проблемы выживания. Ведь нищенство в Петербурге особенно строго преследовалось властями.

Как же дворовые люди относились к своему холопскому состоянию? Можно было считать его если и не очень достойным и почетным в обществе, то по крайней мере очень выгодным при хорошем господине, и служить ему с радостью (эту точку зрения поэтично доказывал еще в домонгольские времена Даниил Заточник¹⁵²); можно было ненавидеть свое состояние и пытаться его изменить, в первую очередь незаконными путями; можно было терпеть и смиряться. Последнее являлось наиболее простой и реалистичной для выживания линией поведе-

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. 1574. Л. 31.

¹⁵⁰ Там же. 1570. Л. 26.

¹⁵¹ Kivelson V. Bitter Slavery and Pious Servitude: Moscovite Freedom and Its Critics // Russische und Ukrainische Geschichte vom 16–18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2001. P. 109–119.

¹⁵² См.: Данилевский И.Н. Холопское счастье Даниила Заточника // Казус-2002: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 94–107.

ния. Объективно наилучшим вариантом было попасть в хороший, богатый двор с разумным «отцом»-хозяином, который будет за него решать все житейские проблемы, вплоть до крещения его младенцев и женитьбы его детей. За таких хозяев дворовые люди были готовы «положить живот свой».

ФЕНОМЕН ХОЛОПСТВА

Положение и холопа, и работника в обществе рассматривалось как унижительное, ибо они находились в самом конце социальной лестницы. Тем не менее эти «подлые люди» имели в нем, в отличие от преступников («воров»), свои права, могли защищать свою честь. Оскорбление словом «холоп» человека иного социального положения встречается в делах о бесчестье¹⁵³, но смысл такого бесчестья заключался не в унижительности зависимого положения холопа, а в том, что человека более высокого чина называли менее высоким. Столь же оскорбительным могло быть, к примеру, слово «дьяк», примененное к боярину¹⁵⁴. В то же время называть самого себя «холопом» было обычным даже для бояр, но это был жест самоуничтожения, формула вежливости. Как уже отмечалось выше, в отличие от понятия «холоп», понятие «слуга», не обозначавшее какую-то определенную социальную группу, имело вполне положительный смысл. В судебных делах о бесчестье встречается такое оскорбление: «ты не слуга» или обзывание дворянина «неслугой»¹⁵⁵, иначе говоря, сказать дворянину, что ему нет места среди государевых слуг — оскорбительно. «Дворянин» и «дворовый человек» происходят от одного слова — «двор», так как оба служат во «дворе», при «дворе», но холоп не удостоивается названием слуги, это — разные понятия.

Дворовые люди не могли распоряжаться собой, своими силами и временем — они не могли планировать свое будущее, зависевшее не от них, а от их хозяина. Дворовые люди не могли иметь никакой собственности, поэтому когда они

¹⁵³ Например, дело о бесчестье двух дворян из Ефремова (1653 г.) РГАДА. Ф. 210 Приказной стол. Ефремов. Стб. 1104–1120; или цитированное выше дело о вдове, бесчестившей покойного мужа, называя его «боярским холопом» (РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 52).

¹⁵⁴ Например, князя Мышецкого недруги называли «князь-дьяком», а его сына — «князь-подьячим» (См.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1990. С. 370–373).

бежали, то их обычно обвиняли еще и в воровстве, поскольку даже одежда, которая была на них, принадлежала не им, а хозяину (употреблялся для этого случая особый термин «снос», означавший именно кражу при бегстве). В обвинении такого рода, сделанном дьяком Д. Овиновым, подробно описана вся новая, только что купленная одежда сбежавшего от него «человека». Это описание дает возможность представить себе, как недорого, но с претензией на западные образцы, был одет дворовый человек в Петербурге: «...шуба овчинная, камзол замшевой, козлиный, пуговицы медные, штаны суконные серые, сапоги, чулки немецкие, шапка зеленая с черной овчиной», общая цена этой одежды — 8 рублей¹⁵⁶. Кражи совершались дворовыми людьми в большом количестве еще и потому, что это были люди, ничего своего не имевшие и завидовавшие имевшим. Приобрести что-либо для себя законным путем было невозможно — сколько бы они ни работали, они ничего не могли для себя заработать. Вместо заработка дворовым время от времени выдавалась так называемая наделка (от слова «наделять»), на которую они приобретали вещи первой необходимости.

Все это формировало стратегию «холопского» поведения: не планировать рационально свою жизнь и свое будущее; терпеть вместо того, чтобы что-то изменять; не связывать с личным трудом улучшение своего экономического положения, а либо уповать на господскую милостыню, либо воровать, либо экономить; надеяться не на себя, а на господина и на Бога; полагаться во всем на господскую власть, любить и ненавидеть ее одновременно. Одной из важнейших стратегий поведения дворовых, как и крепостных вообще, был побег. Это явление было столь значимым в рассматриваемое время, что ему ниже будет посвящена особая глава. Вслед за временем дворовые люди не могли не меняться — их костюм вслед за барским европеизировался, они обучались новым манерам, новым навыкам и ремеслам, пудрили парики и варили кофей, они жили бок о бок в одном дворе с иноземными служителями, они были частью жизни необычного города-порта и были в курсе множества его новостей. Но тип их поведения оставался по-прежнему холопским.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Владимир. Стб. 130. Л. 453–465 (1640).

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп.1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 15.

Глава 10

Гражданство

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ПОСАДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОСТРОВА

Посадский чин (купцы, мелкие торговцы и ремесленники) были переименованы в петровское время в «гражданство»¹⁵⁷, а посадские люди Петербурга получили, кроме того, и особое наименование «санкт-петербургский житель», которое обозначало постоянных жителей — посадских, положенных в оклад по Петербургу. Он использовался в разных бюрократических клише, например, в постановлениях суда говорилось: отдать на поруки «санкт питер бурхским добрым и знатым жителям»¹⁵⁸. Введение этого термина, сознательно или нет, давало переведенцам новую самоидентификацию, прямо привязанную к Петербургу и отвергающую прежнее определение «посадский человек такой-то слободы»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Анализ термина «гражданство» в рассматриваемое время см.: *Сергеда Н. В.* Городское гражданство России в законодательстве Петра I // Преподание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории. Тверь, 1992. С. 96–103.

¹⁵⁸ См., например, РГАДА. Ф. 285. Оп. 2. Д. 1568. Л. 23 об., 30 и др.

¹⁵⁹ Эта множественность самоназваний горожан Петербурга приводит к серьезным недоразумениям: исследователи относят к ремесленникам Петербурга только тех, кто назвал себя в сказках «санкт-петербургский житель», цифра получается ничтожной, явно не соответствующей действительности (например, из 1455 петербургских ремесленников 17 человек «петербургских жителей»: см.: *Гайсинович А. И.* Цехи в России в XVIII в. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 5. С. 537). В ведомости мастеров «для определения в цехи», составленные в Главном магистрате в 1720–1722 гг., «санкт-петербургские жители» также выделены в особую графу, но только потому, что ее составители разметили графы в соответствии с тем, что было написано в сказках, где одни (меньшинство) называли себя так, а другие — по-старому «посадскими людьми». Иначе говоря, ведомость отражает не разные категории ремесленников, а разное словоупотребление.

В сказках 1717 и 1718 гг. некоторые называли себя «бывшим посадским человеком [такого-то] города», другие писали «бывший посадский человек [такой-то], а ныне Санкт-Петербургский житель», третий просто «Санкт-Петербургский житель». Старый термин «посадский чин» не отмирал и сосуществовал с термином «Санкт-Петербургские жители», который в конечном итоге так и не прижился, ибо смешивался со значением «петербуржцы», т. е. вообще все жители этого города.

Петр все время стремился как можно точнее систематизировать разные группы горожан, уточнял и менял эту систематизацию. С 1720 г. торговцев и производителей товаров объединили в две гильдии. В первую входили банкиры, крупнейшие купцы и заводчики, к ним приписали также докторов, аптекарей, шкиперов, живописцев, серебряников и др. Во вторую гильдию входили торговцы мелочным товаром, харчевники, ремесленники и другие небогатые посадские люди¹⁶⁰. За рамками этих гильдий остались бесправные «подлые люди» — наемные чернорабочие.

В «гражданство» включили и «мастеровых людей ведения Дворцовой, Оружейной и Городовой канцелярий»¹⁶¹, хотя последние были людьми «казенными», получали государево жалование и освобождались от тягла. Мастеровые сами определяли свой статус как «государевых слуг», не сравнимый со статусом обычных посадских людей. Тульские оружейные мастера, например, на этом основании отказывались давать показания по судебному делу в Ратуше и требовали перевести их слушанье в Сенат¹⁶².

Городское население в целом, а столичное — в особенности было столь разнообразно и изменчиво, что с трудом могло быть сведено к нескольким устойчивым категориям.

¹⁶⁰ См.: *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 43.

¹⁶¹ Так, табель 1717 г. помещает казенных мастеров в одну графу с посадскими людьми. Л. Н. Семенова рассматривала казенных мастеровых в одной группе с наемными рабочими и работниками на казенных и частных заводах и мануфактурах (*Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в.); это имело исследовательскую логику, но в понятиях людей петровского времени статус этих групп совершенно различен в общей среде посадских людей: первые — это привилегированная группа, вторые — низшая.

¹⁶² РГАДА. Ф. 248. Кн. 189. Л. 183–184. Сенат отвел эти притязания и отправил дело снова в Ратушу.

Верно замечание Э. Виртшафтер, что «ни в какие времена „правовой“ город не совпадал с „географическим“, „социальным“ или „экономическим“ городом. Также и те, кто был официально причислен к горожанам, количественно никогда не совпадали со всеми, кто реально проживал в городе: он состоял из постоянных и временных жителей, из случайных приезжих, которые здесь жили и работали в соответствии со своими правами или же в нарушение их, поскольку их статус или средства к существованию не могли им этого позволить»¹⁶³.

В сказках 1718 г. 246 посадских людей указали город, из которого они приехали в Петербург¹⁶⁴ (см. прил. 2). Всего ими названо 44 города, среди них первое место занимают москвичи, затем ярославцы и новгородцы. Москвичи, в отличие от других горожан, обычно отмечали и родную московскую слободу, они определенно идентифицировали себя не просто по городу, но именно по слободе, например: «...посадский, что бывал москвитин Садовой слободы» (л. 406).

Еще бо́льшая цифра — 60 городов, из которых прибыли 1553 ремесленника в новую столицу, основана на «Ведомости о составе 24 петербургских цехов» от 1724 г.¹⁶⁵ Первое место по численности в Ведомости занимали жители городов Петербургской губернии (в которую входил и Ярославль, постоянно и с большим отрывом от других городов лидировавший по численности своих уроженцев, переезжавших в Петербург¹⁶⁶), затем — жители городов Московской губернии (во главе с Москвой, занимавшей второе место после Ярославля). «Купеческая столица» Москва предоставила Петербургу основную массу зажиточного купечества.

¹⁶³ Wirtschafter E. Social Identity in Imperial Russia. Northern Illinois, 1997. P. 131 (перевод мой. — О.К.).

¹⁶⁴ Помимо них 22 человека, принадлежность которых к какому-либо сословию осталась до конца неясной, скорее всего относятся также к посадскому населению.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 94. Ведомость всесторонне исследована Е. Лысовой (Лысова Е. Ю. Формирование торгово-ремесленного населения Петербурга в первой четверти XVIII века: Дипломная работа, защищенная на кафедре отечественной истории Исторического факультета МГУ. Москва, 1999. На правах рукописи. Л. 119). В этом документе, однако, учтены и крестьяне, временно приписанные к петербургским «цехам», которые в нашем случае не учитываются.

¹⁶⁶ В XIX в. Ярославль продолжал занимать первое место. См.: Ekonomakis E. G. From Peasant to Petersburg. N.Y., 1998.

Посадская слобода Санкт-Петербургского острова была местом, которое посадские люди разных городов стали заселять еще до указов о переселении на «вечное жительство» начиная с 1707 г.¹⁶⁷ Здесь, как написано в одной из сказок 1717 г., в 1711 г. «на порозжей земле... посадские люди разных городов для промыслов охотою своею в Санкт Петербурх приехав, построились»¹⁶⁸. К 1717 г. 24 двора таких первопоселенцев еще оставалось во владении прежних хозяев, другие были проданы новым хозяевам. По результатам переписи Санкт-Петербургского острова 1717 г. через покупку (по купчим грамотам) дворы были приобретены 186 хозяевами из посадских людей, т. е. абсолютным большинством, 43 человека (в основном мастеровые) получили данные грамоты или отводную землю, иначе говоря, были обеспечены казной. Всего же посадские люди владели на Санкт-Петербургском острове 15% дворов (253 из 1678)¹⁶⁹, а это был район, наиболее плотно заселенный именно посадскими людьми. На Московской и на Выборгской сторонах посадских людей проживало намного меньше (106 и 169 дворов) и среди них не было никого из заселившихся «своею охотою». Покупных дворов также было немного, на Выборгской стороне 90% дворов было получено мастерами Канцелярии городских дел «по отводу архитектора господина Трезина»¹⁷⁰. На Охте существовала большая Плотницкая слобода для «судовых работ», подготовленная заранее под их заселение, были также построены избы для мастеров других профессий, но многие строились и сами¹⁷¹.

В целом по Петербургу посадские православные люди обоего пола, по данным церковной статистики на 1737 г., составляли всего 7%¹⁷². Это, конечно, очень немного и свидетельствует о том, что Петербург не являлся городом «горожан», так называемое среднее сословие тут было не «средним», а чуть ли не последним.

¹⁶⁷РГАДА. Ф.199. Портфель 150. Ч. 17. Д. 4.

¹⁶⁸РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1223.

¹⁶⁹Там же.

¹⁷⁰РГАДА. Ф. 199. Портфель 150. Ч. 17. Д. 4.

¹⁷¹См.: Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. С. 169–171; Колобов Б. В. Строители Балтийского корабельного флота — первые жители Санкт-Петербурга. С. 120.

¹⁷²Варламова Н. А. Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения. С. 195.

Главной улицей Посадской слободы являлась Большая Проезжая. Однако далеко не все из посадских людей проживали именно в Посадской слободе. Зажиточные «граждане», купцы и заводчики, покупали дорогие усадьбы и на Дворянских улицах. Заглянем в некоторые из дворов посадских людей и посмотрим, как они жили в 1718 г., накануне реформ, сделавших их «гражданством», подчиненным Главному магистрату.

КУПЦЫ

Купцы, делившиеся на первостатейных (представителей Гостинной сотни) и среднестатейных, являлись элитой посадского населения. Однако в различных переписях и других списочных документах купцов часто именуют просто «посадскими людьми», с точки зрения государства все «граждане» платили тягло и это их объединяло в одну категорию. Многие видные купчины и сами в сказках называли себя просто «посадскими людьми», об их высоком статусе среди купечества можно узнать лишь из других источников¹⁷³. Только купцы Гостинной сотни обязательно отмечали свой статус в отличие от менее значимых торговцев, которые называли себя просто «торговыми», или «купецкими», людьми.

Именитейшие персоны из купечества, по замыслу Петра, должны были принимать активное участие не только в торговле Петербурга¹⁷⁴, но и заниматься разработкой новых коммерческих проектов, а также и участвовать в административном управлении¹⁷⁵. Торгово-предпринимательская и государственная деятельность этих представителей купечества петровского времени не раз изучалась, в том числе и по персоналиям¹⁷⁶, но их образ жизни в Петербурге известен гораздо меньше.

¹⁷³ См. прил. 1. Хозяева внесены так, как они поименовали себя в сказках, поэтому многие известные купцы и фабриканты (Иван Акинфиев, Владимир и Сергей Щеголины, Кондратий Хвастливого, Иван Мушников, Сидор Томилин, Петр Козминский и др.) оказались среди «посадских», а не среди «купцов».

¹⁷⁴ О развитии торговли в Петербурге см.: *Ретин Н. Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в.

¹⁷⁵ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5. № 2447, 2724, 2766; Доклады и приговоры... Т. 1. Кн. 1. Д. 456. Т. 3. Кн. 2. Д. 913. Т. 4. Кн. 2. Д. 849.

¹⁷⁶ См.: *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; *Аксенов А. И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993; *Голикова Н. Б.*

Из 342 купцов, определенных к переселению в Петербург, к марту 1718 г. построилось и переехало 29 семей, 60 семей жили в наемных квартирах, а еще восемь человек дома построили, но в столице не жили. Остальные даже ничего не предпринимали, чтобы переехать в Петербург¹⁷⁷. Состав населения купеческих дворов показывает, что многие купцы, не имевшие желаний расставаться с Москвой, поселили в петербургских домах младших представителей своего клана — сыновей, племянников, младших братьев¹⁷⁸. Среди сказок 1718 г. 15 принадлежит первостатейному купечеству: среди них те, кто действительно переселился в Петербург и при «проверке наличности» переведенцев отмечен в Ведомости как живущий «в домах своих», и те, для кого переселение в новую столицу оказалось связанным лишь с покупкой двора. Эти дворы заняли их приказчики и дельцы или они были приспособлены под временное пристанище в Петербурге для торгующих земляков и знакомых¹⁷⁹.

Гость Илья Иванович Исаев — первейший из первостатейных купцов, будущий президент Главного магистрата, имел двор в «первой линии» Дворянской слободы. С молодых лет он вкладывал труд и капитал в строительство флота: еще в 1698 г. находился с отцом в Воронеже в корабельной палате¹⁸⁰. В 1718 г. Исаев возглавлял Ратушу в Риге, поэтому назван в сказке «инспектор и рижский президент». В Риге во время переписи он и находился, а на петербургском дворе жили два его служителя, да два жильца (л. 395). Еще зимой 1718 г. Исаев отпрашивался у Петра в отпуск, но не в Петербург, а в родную Москву. Разрешение приехать в нее он

Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII вв. М., 1998; *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953; *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI в. — XVIII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970; *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке; и др.

¹⁷⁷РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 68. Л. 20–45 об. См. также: *Лысова Е. Ю.* Формирование торгово-ремесленного населения Петербурга. С. 98.

¹⁷⁸Во дворах у купцов Ивана и Тимофея Карыхаловых, Владимира Шеголина, Афанасия Аникеева жили «дельцы» и племянник с семьей (л. 99, 143–143 об., 406), у Григория Соколовского — сын Алексей (л. 106), у Ивана Мушников — младший брат Никита (л. 407).

¹⁷⁹Во дворах у купцов Федора Евреинова, Ильи Исаева, Кондратия Хвастливого, Петра Симонова и др. жили приезжие торговцы.

¹⁸⁰РНБ. Ф. 1003. Д. 7. Л. 1.

получил, только с условием, что привезет Петру деньги рижских ратушных сборов¹⁸¹. В октябре того же года Исаев продал ненужный ему петербургский двор за 100 рублей обер-фискалу А. Я. Нестерову¹⁸². Видимо, в этом дворе, приобретенном по царскому указу, Исаев никогда и не жил.

Все же в мае 1718 г. переписчикам удалось лично застать лишь нескольких первостатейных купцов в их петербургских домах. Соседом Исаева по Дворянской улице был ничем не уступавший ему по положению московский гость, инспектор петербургской Ратуши, 53-летний Семен Иванович Панкратьев. С ним проживала его вторая жена, на 14 лет моложе его, и ее 13-летний сын, а Панкратьеву — пасынок. Для обучения этого мальчика содержался учитель-иностранец Петер Феликс Дорн. Кстати, по некоторым сведениям, и в семье Исаевых обучали молодежь немецкому языку¹⁸³. Штат дворовых людей в доме Панкратьева составлял 31. При доме проживал молодой ратушный подьячий, видимо, ратушными делами занимались и на дому у инспектора. У Панкратьева нашли кров его племянники Навроцкие: 20-летний Аврам и 16-летний Ефим (л. 394 — 394 об.). Близкое родство молодых Навроцких с Панкратьевым объясняет обстоятельства успешной служебной карьеры Аврама Навроцкого¹⁸⁴. Аврам в 12 лет начал службу в московском приказе, в 18 лет женился, и у него родился сын. С этой семьей он и переехал в Петербург к дяде и вполне естественно, что оказался на работе в подчиненном ему ведомстве — в петербургской портовой таможне, где успешно продвигался по службе, в итоге достигнув чина коллежского секретаря.

Бок о бок с русскими купеческими тузами на Дворянской проживали купцы-иностранцы. Шуточное произведение петровского времени «Объявление о Великобританском славном монастыре, что в Санкт Питер Бурхе...» помещает этот шутейный монастырь на Дворянскую улицу и среди его «сумасброд-

¹⁸¹ Архив СПб. ИИ. Ф. 270. 87. Л. 156.

¹⁸² РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1469. Л. 44–44 об.

¹⁸³ Поручик Яков Павлов при допросе в Синоде упомянул, что с 1716 по 1718 гг. учился в Риге немецкому языку у президента И. Исаева (см.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 323).

¹⁸⁴ Н. В. Козлова отмечает это обстоятельство, сожалея, что ему не находится объяснений. (См.: Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. С. 61.)

ного братства» поименовано немало английских купцов, в том числе «архиепископ Гарцын»¹⁸⁵, которого мы и находим в своем доме на Третьей Дворянской улице. Это — английский купец Самойла Исаков сын Гарсин¹⁸⁶, приехавший в Россию в 1708 г. совсем молодым — 24 лет¹⁸⁷, английский посол в России Витворт характеризовал его как начинающего коммерсанта среднего положения и состояния¹⁸⁸. Гарсин предлагал российскому правительству утопические проекты, не встретившие поддержки¹⁸⁹, а также осуществлял очень крупные торговые операции и в 1718 г. находился под следствием из-за невыплаты огромного долга российской казне¹⁹⁰.

Гарсин собственноручно по-английски подписал сказку, из которой видно, что с ним в доме жили только его служители «русские люди» — две молодые семейные пары и юноша 18 лет. В его же дворе разместились небольшая артель из крестьян-ярославцев, давших на себя сказку самостоятельно, видимо, сам Гарсин ничего о них сказать не мог (л. 361–362).

Здесь же, на набережной Большой Невки, у комиссара Федора Синявина совместно приобрели двор другие «английские земли купецкие люди» Вилим Стерлин и Петер Миль Курланец. У них имелись два иноземца-приказчика и два мальчика-шведа из Выборга, а также трое русских служителей. Сказку для переписи написал по-русски кто-то из англичан, о чем свидетельствуют грамматические ошибки (например, «при них... двух мальчики детей выборгских жителей, а именам Ганс Шоер да Ганс Даненбург», «к сему сказку руку приложили...»). Оба хозяина, однако, расписались по-английски (л. 325).

В Дворянской слободе можно было встретить дворы не только московских и иностранных купеческих тузов, но и более скромных провинциалов. В Малой Дворянской находился двор 28-летнего торговца елатомца Степана Гусева, который был куплен его отцом в 1717 г. «со всяким дворовым хозяй-

¹⁸⁵ См.: Платонов С. Ф. Из бытовой истории петровской эпохи // Известия АН СССР. М., 1926. Т. 20. С. 527–532.

¹⁸⁶ По-английски фамилия писалась Garthside, в России он более известен под фамилией «Гарцын».

¹⁸⁷ В переписи 1718 г. он указал свой возраст — 34 года.

¹⁸⁸ РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 229–300.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ См.: Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 265.

ным строением» за внушительную цену — 500 рублей¹⁹¹. У Гусева в доме «по знакомству» жил дьяк со своим служителем, а «другую избу» нанимали крестьяне; из прислуги он имел лишь одного работника (л. 368). Занимался Гусев поставками строительных материалов, в основном кирпича, и имел дело с Городовой канцелярией, где мы и находим его в 1723 г. «в железах» (т. е. оковах. — О. К.) как поручителя за оказавшегося несостоятельным подрядчика¹⁹².

Купцы, поселившиеся в петербургских дворах основательно, со своей семьей и прислугой, в основном относились к среднестатейным. В петербургском дворе проживал «товарищ» (т. е. напарник. — О. К.) Гусева московский купец Иван Сахаров с семьей, к этому двору он подкупил и второй — для сдачи внаем (л. 88). Оказались с семьями в своих дворах и сказки подписали самолично купцы Сидор Томилин и Иван Пряжников. Оба имели многочисленную прислугу — признак состоятельности (у Пряжникова — 8 человек, а у Томилина — 27¹⁹³). Пряжников был на Петербургском острове среди старожилов, он переехал из московской Кузнецкой слободы в 1711–1713 гг.¹⁹⁴, еще до основного указа о переселении. Постояльцем у него во дворе был представитель известной тульской купеческой фамилии Бельских, Иван Никитич Бельский, также переехавший в Петербург с семьей и дворовыми людьми (л. 164, 37).

Будучи уже «петербургскими жителями», одни купцы свою предпринимательскую деятельность организовывали уже на новом месте, а другие продолжали содержать свои «заводы» в родном городе. Владимирские мыловары Григорий и Алексей Мыльниковы сообщали, что из Владимира, «где они имеют мыльные заводы и склады», их приказчики «отправляют им по вся годы во отпуски в Санкт Питер бург по торговому обыкновению товары, а имянно хлеб, рыбу, мяса, мыло и протчее»¹⁹⁵.

¹⁹¹РГАДА. Ф. 285. Оп. 2. Д. 1469, л. 3 об.

¹⁹²РГАДА. Ф. 291. Д. 31. Л. 6–8.

¹⁹³Н. А. Варламова, исследуя исповедные ведомости 1737 г., также обратила внимание на С. Томилина как на обладателя особо большого количества «крепостных служителей» (14 человек). (См.: Варламова Н. А. Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения. С. 193.)

¹⁹⁴Материалы для истории московского купечества. М., 1891. Т. 1. Прил. 3. С. 23.

¹⁹⁵РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1561. Л. 88.

ТОРГОВЦЫ И РЕМЕСЛЕННИКИ

В сказках 1718 г. к этой категории относятся хозяева 49 дворов, из них в 17 дворах хозяева и их семьи не жили, в остальных проживало 199 человек, принадлежащих к хозяйским семьям. Посадских людей, нанимавших жилье, намного больше — 380 человек. Среди последних 277 были семейными и 103 человека жили без семьи. Большинство одиноких — это те, кто приехал в Петербург на время по делам, а с семьями — те, кто не смог обжиться на новом месте. Особую категорию временных жителей представляли посадские из других городов, отбывавшие в Петербурге казенные службы (целовальники, провиантмейстеры и др.), они часто приезжали вместе с семьями и были вынуждены снимать квартиры. Очевидно, что большинство переведенцев из посадских людей оказались не в состоянии приобрести в Петербурге собственное жилье.

Заметно, что многие из дворов были для хозяев лишь временным пристанищем — для делового пребывания в Петербурге. Переведенец из Переяславля Залесского 33-летний Иван Кашинцев так и записал в сказке, что он «жены и детей ныне в Санкт Питер бурхе не имеет» (л. 492). У «санкт-петербургского жителя» Федора Зотова, занимавшегося торговым делом, во дворе обретались приказчик, девять сидельцев и два работника (л. 209). Костромич Илья Варасов уехал в родной город, а на дворе остался его брат и приезжие костромичи-постояльцы (л. 75). Яков Автономов «санкт-петербургский жилец, Юрьева Польского посадский человек» 35 лет жил в недавно купленном его отцом дворе с двумя «товарищами» (л. 198). Ярославец Кузьма Викулин отбыл из Петербурга «по указу для правления к городу Архангельскому юхотного товара», а тем временем на его дворе поселился его земляк-ярославец Фатьянов с большой семьей (л. 127). Ярославцы, во множестве направлявшиеся в Петербург, нашли и иное решение проблемы жилья для временных приезжих путем приобретения специального двора, который был «куплен на мирские деньги всех ярославцев посадских людей для приезда ярославцев, которые приезжают на время для государевых дел»¹⁹⁶.

Однако посадских людей, ведущих в Петербурге семейный образ жизни, было больше, чем одиноких. В посадских семьях проживали люди весьма преклонных лет вместе со своими

¹⁹⁶РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1109.

взрослыми детьми. Например, бывший московский житель Устинской полусотни Иван Акинфиев сказался 90 лет от роду. Если верить ему в этом, то родился он в 1628 г., еще при царе Михаиле Федоровиче, и наверное, был очевидцем многих бурных событий, происходивших в Москве во второй половине XVII в. Но под конец жизни Иван вынужден был предпринять неблизкое путешествие в Петербург и окончить там свой век. С ним приехала его жена 62 лет, их сорокалетний сын с женой и двумя детьми, замужняя дочь со своей семьей и двое младших детей — сын 15 лет и дочь 12. Примечательно, что замужняя дочь с семьей проживала не в семье мужа, а в семье отца. Акинфиевы приютили и девочку-сироту 15 лет. Всего в ней, таким образом, было 13 человек (л.135).

Девяностолетним назвал своего отца в 1718 г. рыбный торговец Назар Резвов, однако упоминание об этом старце как о здравствующем встречается и в документах 1729 г. (подробнее об этой семье см. ниже). 71 года был новгородец Василий Корова, один из старожилов Посадской слободы, построившийся здесь своею волею «на порожнем пустом месте» в 1713 году¹⁹⁷. Он проживал с 45-летней женой, 25-летним холостым сыном и «служащей девкой» (л. 396). Чаще всего старшим членам семьи по 50–70 лет. Самая молодая семья в посадских сказках 1718 г. у вологжанина купца Ивана Рыбникова — ему 22 года, его брату 15 лет, жене — 24 г. и у них — новорожденная дочь (л. 150).

Семьи посадских людей в основном расширенные, в них при супругах жили их родственники и свойственники. Практически в каждой семье имелись братья. Молодое купеческое поколение владело грамотой. Так, вышеупомянутые Рыбников, Гусев, Черноусов и др. не только подписывали, но и писали сказки своей рукой, а откупщик Петр Козминский предоставил свои услуги в деле написания сказок в четырех дворах. В 49 дворах посадских людей 15 сказок подписали их хозяева, 14 — кто-то из их домочадцев, в 20 дворах не нашлось никого из грамотных. Зато в дворах «статейных» купцов сказки подписаны или хозяевами лично, или, за их отсутствием, родственниками либо жильцами, без обращения к чужой помощи.

Не все посадские семьи могли позволить себе содержать прислугу, но те, у кого она все же была, нанимали одного-двух человек, в основном из разряда самой дешевой рабочей

¹⁹⁷ Там же. Д. 1100.

силы — малолетних, вдов, покупали детей из пленных шведов (л. 21, 61, 62, 105 150, 188, 396, 428, 473, 479). Наемные работники, в том числе лавочные сидельцы, в большом количестве использовались купечеством¹⁹⁸, имевшим на это средства и нуждавшимся в рабочей силе. Ремесленники в основном нанимали одного работника¹⁹⁹.

Посадские люди достаточно редко отмечали в сказках 1718 г. свою специальность, тем не менее среди них названы кузнецы, каменщики, слесари, столяры, мастера серебряного дела, калашники, портные, шапошники, сапожники, шорник, седельник. Некоторые посадские отметили наличие за собой откупов (л. 187, 487, 464).

Процесс создания цеховой организации ремесленников Петербурга, проводившийся с 1721 г. под эгидой Главного магистрата, породил множество ведомостей и табелей, созданных, как обычно, на основе сказок жителей, в которых специализация, происхождение и количество «неказенных» ремесленников представлены во всех подробностях. Эти материалы не раз оказывались в фокусе исследовательского внимания при изучении создания цеховой системы²⁰⁰. Перепись ремесленников 1721 г. включала в себя 1455 человек²⁰¹, ведомость 1724 г. — 1566 человек²⁰². Здесь отмечены четыре категории: мастера, подмастерья, ученики, дети. Казенные мастеровые в цехи не включались, существуют их ведомственные списки для определения им жалованья. Таковым, например, является опубликованный Н. Е. Бранденбургом список мастеров Оружейной канцелярии за 1718 г.²⁰³ или именные списки

¹⁹⁸ Ср.: *Варламова Н. А.* Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения. С. 195

¹⁹⁹ См.: *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. С. 34.

²⁰⁰ См.: *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в.; *Гайсинович А. И.* Цехи в России в XVIII в.; *Сакович С. И.* Социальный состав московских цеховых ремесленников 1720-х г. (к истории формирования промышленного населения Москвы в первой трети XVIII в. // Исторические записки. 1953. № 42. С. 238–261.

²⁰¹ *Гайсинович А. И.* Указ. соч. С. 537.

²⁰² РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 94; *Лысова Е. Ю.* Формирование торгово-ремесленного населения Петербурга. С. 109.

²⁰³ *Бранденбург Н. Е.* Материалы для истории артиллерийского управления: Приказ Артиллерии (1701–1720). С. 405–410. Об ошибочной атрибуции этого списка Бранденбургом см.: *Серов Д. О.* Строители империи. Новосибирск, 1996. С. 91.

мастеровых Канцелярии от строений, Канцелярии главной Артиллерии²⁰⁴ и др.

Из всего этого обширного материала о ремесленниках Петербурга становится очевидным, что рынок здесь делили три разные категории мелких производителей, которые и внутри себя также имели различные градации. Две из них были количественно значимы еще только в одном российском городе Москве, это: 1) мастера казенных предприятий, работавшие по заказам государства и имевшие государственные оклады и 2) иностранные мастера. Третья, наиболее обширная группа российских посадских-ремесленников, приехавших из разных городов, попадала, таким образом, в Петербурге в особо напряженную и непривычную производственную атмосферу. Однако ее создавала не столько производственная конкуренция, поскольку каждая группа имела свой круг потребителей, сколько психологические трудности.

Ю. М. Лотман писал, что русское дворянство в царствование Петра I пережило изменение, значительно более глубокое, чем простая смена бытового уклада, — нормы традиционного бытового поведения были отменены как «неправильные» и заменены «правильными» — европейскими. Таким образом, взрослым людям приходилось искусственно обучаться тому, «что обычно люди получают в раннем детстве непосредственным образом»²⁰⁵. Не менее глубокое потрясение пришлось пережить и ремесленникам, особенно петербургским: полученные от отцов понятия о производстве и торговле во многих случаях оказывались «неправильными». Рынок Петербурга должен был теперь обслуживать не только обычные ежедневные потребности русских людей, но и изысканные европейские потребности «русских западников».

Обычно в литературе речь идет о том, как болезненно реагировало население на указы Петра о ношении «немецкой» одежды и запретах на русскую²⁰⁶. Но остается в стороне вопрос о том, как реагировали на них производители традици-

²⁰⁴С этими списками работала Л. Н. Семенова (*Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. С. 81; *Семенова Л. Н.* Обучение мастеровых в Петербурге в первой трети XVIII в. // *Промышленность и торговля в России в XVII — XVIII вв.* М., 1983).

²⁰⁵*Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. // *Избранные статьи.* М., 1992. Т. 1. С. 249.

²⁰⁶О новой моде см.: *Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. С. 126–139.

онных бытовых товаров, у которых под запретом оказывался рынок сбыта. Без сомнения, многие были вынуждены принимать какие-то новые жизненные решения, чтобы остаться в сфере производства. Но какими бы угрозами ни сопровождалось принуждение горожан к приобретению европейской одежды, все не могли переодеться в одночасье²⁰⁷ и, судя по названиям ремесленнических специальностей, обычные предметы русского костюма продолжали производиться и покупаться.

Номенклатура предметов бытового потребления раздвоилась: одежда, обувь, шляпы, посуда, украшения и многое другое производились и на русский, и на иностранный манер. Каждое российское ремесло получило своего западного двойника. Российского портного-«рукавишника» дополнял мастер «перчаточник», мастера тележного дела — каретный мастер и т. д. Не случайно при организации ремесленников в цехи в рамках одного ремесла образовывались два цеха — отечественный и иноземный. Многие новые товары быта стали производиться уже не кустарно, а на казенных и частных мануфактурах, появились «шляпный двор», заводы пуговичный, чулочный, зеркальный, полотняный, фабрики шпалерная, или гобеленная, табачная, табачных трубок и изразцов и др.²⁰⁸

Какое число российских посадских людей в Петербурге стало заниматься производством «западных» товаров, сказать почти невозможно. Сбыт таких товаров, даже фабричного производства, был затруднен. Л. Н. Семенова отмечала, что потребителями новых товаров были почти исключительно

²⁰⁷ Указ от 18 января 1715 г. имел в виду именно мгновенное переодевание мастеровых людей: «Санкт-Петербургского адмиралтейства мастеровым людям носить немецкое платье, и чтоб оное было сделано всеконечно сего января к 23 числу, а ежели кто учинится преслушен, к таким учинено будет наказанье: биты кнутом и из дач их годового и кормового жалованья вычтено за полгоды у каждого человека» (Материалы к истории Российского флота. СПб., 1865–1867. Т. 2. С. 264.). Б. В. Колобов видит в этом указе провокацию, постановку невыполнимых условий, для того чтобы не тратить казну на жалованье мастеровым: «Так моментально достигалась практическая выгода: попробуй в пятидневный срок обзавестись иноземным платьем» (Колобов Б. В. Строители Балтийского корабельного флота — первые жители Санкт-Петербурга (мастера и мастеровые люди Санкт-Петербургского адмиралтейства). С. 125). Но возможно, Петр просто не задумывался о возможностях мастеровых людей.

²⁰⁸ См.: Заозерская Е. И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 232–245.

но петербургские дворяне, «однако отечественные товары были более дорогими и имели худшее качество»²⁰⁹, чем привозные.

Рыночный ассортимент чрезвычайно расширился и наполнился такими предметами, о которых в прежние времена и не слыхивали. Их производили иноземные мастера-ремесленники, например, «фижменные» мастера, мастера «стеклянишного очешного дела», ножен шпажных, конфетного дела, костяного табакерошного и др. Многие из подобных товаров способствовали, по мнению православных людей, «разрушению веры христианской». Вещам бытового обихода, пище и одежде стали придавать моральное значение, городской рынок разделился на «чистых» и «нечистых».

Из соображений «чистоты», например, петербургское духовенство пробовало препятствовать покупке прихожанами производимых на белильном заводе новых белых восковых свечей, «фигурных и гладких и с позолотою», утверждая, что они сделаны «с салом»²¹⁰. Прежде в церквях использовались красные свечи.

В допетровское время ни с прическами, ни со стрижкой и бритьем проблем у подавляющего большинства русского населения не было и, соответственно, не было отечественных специалистов в этом деле. При Петре эти проблемы встали с большой остротой. В сказках 1718 г. встречается «цырюльник от Оружейной канцелярии» Афанасий Карпов (л. 412), возможно, он изготавливал инструменты для цырюльников. В 1722 г. желающих вступить в цех «цырюльников» набралось 10 человек, а в цех «парухмахеров», т. е. изготовителей париков, записалось 13 мастеров²¹¹. Русские обыватели относились к парикам с отвращением, ясно высказанным И. Т. Посошковым: «...и таковых мертвечинных и нечистых блудниц волосы православным христианом и вне церкви на главы свои возлагать не весьма господствует. Люторам то свойственно есть, еже носить таковые паруки, понеже они вне суть истинного христианства»²¹². Похоже, сам Петр в глубине души разделял этот взгляд, и его редко видели в парике. Н. И. Кашин записал, что Петр «в церковь никогда в паруке

²⁰⁹ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. С. 97.

²¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 73. Д. 1111.

²¹¹ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 94.

²¹² Посошков И. Т. Указ. соч. С. 124.

не ходит»²¹³, а В. А. Нащокин, видевший Петра в 1716 г., отметил, что царь «волосы имел маленькие и зачесаны маленькою косою гребенкою и, как сперва увидели, дивились той первой моде, что гребешок у государя в волосах»²¹⁴.

Ношение париков вызвало появление и других предметов, с ними связанных, — пудры, пудрениц, а в связи с этим — и редкостной профессии — мастера «пудерного дела»²¹⁵. Появились также и щипцы для завивки волос: у петербургского квартирмейстера Опухтина среди украденных вещей значатся «блюдечко серебряное на ножках, что щипцы кладут» и «табакерная раковинная коробочка»²¹⁶. Курение табака также предполагало наличие множества с ним связанных предметов, табакерки имелись в карманах не только у дворян, но и у простых обывателей.

Среди российских посадских людей, так же как и в других общественных группах, вплоть до духовенства, были как приверженцы, так и противники западных обычаев. Кто-то спокойно заходил в дом к мастерам-иностранцам, пил с ними пиво в вольных домах, а кто-то обходил этих «люторов» стороной. Л. Н. Семенова считала: хотя имеющиеся материалы о взаимоотношениях русских и иностранных мастеров рисуют их как недоброжелательные, но все же они создают однобокое впечатление, так как в основном это судебные дела²¹⁷. Какими они были на самом деле, вряд ли теперь можно узнать из-за отсутствия источников другого плана.

Редко исследователю удается подглядеть мирные сцены совместного времяпрепровождения русских и иностранных ремесленников и мастеров. Зарисовка такой ситуации непреднамеренно оказалась в челобитной, поданной в суд одним из служителей А. Д. Меншикова, который зашел в дом к конфетному мастеру Матвею Хозле. Там, в отсутствие хозяина, собрались вместе жена Хозле и русская вдова из посадских, которую, возможно, сватали за ученика хозяина по имени Густав. Он играл перед дамами на скрипке, и

²¹³ *Кашин Н. И.* Поступки и забавы императора Петра Великого // *Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты.* СПб., 1993. С. 127.

²¹⁴ *Записки Василия Андреевича Нащокина.* СПб., 1842. С. 5.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 291. Д. 53. Л. 124 об.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 2 об.

²¹⁷ *Семенова Л. Н.* Иностранные мастера в Петербурге в 1-й трети XVIII века // *Наука и культура России XVIII века.* Л., 1984. С. 211.

все очень веселились, в том числе и прислуживавшая в доме латышка Марья²¹⁸. Челобитчика, однако, поведение вдовы, являвшейся его дальней родственницей, привело в раздражение, и он постарался испортить женщинам их веселье (см. подробнее гл. 18).

Если за дворянами власть внимательно приглядывала, носят ли они иноземную одежду, то за каждым посадским уследить и обрезать ему полы русского кафтана было невозможно. В посадской среде ношение иноземной одежды было поступком более добровольным и более осуждаемым в его окружении. Еще в 1704 г. нижегородец Андрей Иванов говорил, что «у них в Нижнем посадские люди многие бороды бреют и немецкое платье носят и табак тянут». Этот человек сознательно пошел на смерть, открыто обвиняя Петра в «разрушении христианской веры»²¹⁹. Фиксирует те же тенденции, и также с осуждением, И. Т. Посошков: «...сие мнитца, не весьма право, еже посадския люди многия украшают себя паче меры своея, а жен своих и детей и наипаче того со излишеством украшений и в том украшении излишнем себя истощают»²²⁰.

Вольных иноземных мастеров в Петербурге было не так много, если судить по табелям, подготовленным для создания цехов. Например, по ведомости 1722 г.²²¹ среди лиц, записавшихся в цехи (а туда велено было записываться всем ремесленникам), они составляют самую малочисленную группу²²².

Иноземцы	162	3,5%
Помещичьи крестьяне и дворовые люди	1109	24%
Синодальные, монастырские и церковные причетники	832	18%
«Государевы граждане» (посадские, дворцовые крестьяне и пленные)	2512	54,5%
Всего	4615	100%

²¹⁸РГАДА. Ф. 285. Оп. 2. Д. 1574. Л. 52.

²¹⁹Цит. по: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. С. 149.

²²⁰*Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 132.

²²¹РГАДА. Ф. 291. Д. 53. Л. 124 об.

²²²А. А. Кизеветтер, однако, насчитывает в Петербурге по второй ревизии (1744 г.) 38,3% иностранцев среди цеховых ремесленников (*Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. С. 155.). Эту цифру приводит и Л. Н. Семенова (*Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга. С. 34.)

Однако иноземцы записаны без «детей», в то время как все остальные группы — с «детьми», т. е. с сыновьями-учениками, что конечно же увеличивает их количество по сравнению с иноземцами. Поскольку в графу «государевые граждане» российские горожане оказались включенными вместе с пленными шведами и поляками, точно разделить сферы деятельности иностранных и российских ремесленников по данной табели невозможно²²³. Пленные Северной войны, имевшие профессию, находились «на пароле» (т. е. освобождались под честное слово) и жили в городе, приобретая здесь собственные дворы и зарабатывая себе на жизнь. Краткая сказка одного из таких «шведских арестантов», мастерового человека Лукьяна Иванова, красноречиво свидетельствует о его положении в Петербурге: «живет во дворе из найму», других жителей в этом дворе нет, только семья Лукьяна — жена и два маленьких сына, родившихся, видимо, уже здесь, в Ружейной слободе. Шведский мастер «писать по-русски и по-немецки не умеет и руку приложить вместо него некому» (л. 217–217 об.).

Рядом с ним в Ружейной слободе также только своей семьей уже пятый год²²⁴ жил свободный мастер «иноземец Саксонской земли» — портной Иван Ильин. С ним была жена и ученик 7 лет. Он к сказке руку приложил самостоятельно: «Jogan Elias» (л. 222). Не умевшие объясняться по-русски иностранные мастера из тех, кто побогаче, держали при себе толмачей²²⁵.

Идея организации ремесленничества в цехи оказалась малоуспешной. От того, что российские «граждане» стали брить бороды, носить западную одежду, курить табак, от того, что в городах появились ратуши, магистраты, цехи — они не превратились в европейцев. Главное отличие оставалось в том, что российские «граждане», включая петербуржцев,

²²³ Критерий, из которого исходили составители табели, — собственническая принадлежность: одни люди — государевы (помимо посадских это и государственные крестьяне, и пленные «на пароле»), другие — помещичьи, третьи — церковные, четвертые — других государств.

²²⁴ Двор Йоганом Альеном Авличем (или Иваном Ильиным) был куплен 11 ноября 1713 г. РГАДА. Ф. 26. Оп.1. Ч. 1. Д. 1190.

²²⁵ Например, известный мастер-строитель, соорудивший шпили и строивший каналы, Герман Фонболес (фон Болес) имел толмача Захара Захарова сына Фелштина. Он ходил вместо Фонболеса в суд по его судебным делам. РГАДА. Ф.285. Оп.1. Ч.2. Д.1568. Л. 51–51 об.; Д. 1178. Л. 9; Д.1571. Л.102. Другие примеры приводит и Л. Н. Семенова (*Семенова Л. Н. Иностранные мастера в Петербурге в 1-й трети XVIII века*. С. 212).

никаких вопросов обустройства собственного города, наведения в нем порядка не решали, созданные органы самоуправления практически не имели своих собственных финансов²²⁶ и не могли проводить те мероприятия, которые, по их мнению, были необходимы. Это определяло «декларативный характер обязанностей магистратов по развитию городской жизни», зато фискально-полицейские функции магистрат исполнял прилежно²²⁷. «Среднее сословие, — пишет Э. Виртшафтер, — содержало все культурные и социально-экономические компоненты европейских средних классов, но оно не имело институциональных структур, необходимых для того, чтобы преодолеть социальные отличия и фрагментацию»²²⁸.

Российский город, даже и с западноевропейской застройкой, мощеными улицами и фонарями, оставался подобием хозяйского крепостного «двора», в котором холопами разных чинов распоряжается государь. Ремесленники и торговцы были ему интересны только с точки зрения уплаты налогов в казну. Они сами и их труд, предназначенный для других горожан, государство не интересовало, для него выполняли работы собственные казенные, государственные мастера.

КАЗЕННЫЕ МАСТЕРА

Жизнь казенных мастеровых Петербурга (жалованье, жилье, обучение, досуг и др.) была описана Л. Н. Семеновой²²⁹. Материалы переписей дополняют и уточняют сделанные ею наблюдения по отношению к населению Санкт-Петербургского острова.

Наиболее значимыми учреждениями этого района, к которым принадлежали казенные мастера, были Оружейная кан-

²²⁶ Доходы посадских обществ складывались из самообложения на общемирские нужды и так называемых приборных сумм, т. е. денег, собранных сверх пошлин, отдаваемых в казну. Эти суммы были ничтожны, так как все финансовые возможности горожан сосредоточивались на выплатах налогов («окладных денег»). Подробнее см.: *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 116.

²²⁷ *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 228–229.

²²⁸ *Виртшафтер Э.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. С. 194.

²²⁹ См.: *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга.

целярия и Типография. Они были переведены из Москвы в Петербург в 1711 г., а с февраля 1712 г. объединены под руководством цейх-директора М. П. Аврамова²³⁰. Именно Аврамов, прибывший заранее, подготавливал их переезд в Петербург и обустройство. В ведомости от 1718 г. числится 179 служащих Оружейной канцелярии (куда входили и работники Типографии), в том числе и приказные люди, сторожа, целовальники, ученики²³¹. Жалованье, выдаваемое из казны на оплату их труда, равнялось 5109 руб. 15 алтын 4 деньги, а также 1161 юфтей муки и круп. В канцелярии работали не только русские, но и иностранные мастера, и их жалованье было иным. Например, наборщик-иноземец получал только денежный оклад 105 руб., а русские наборщики получали 40 и 48 руб., но зато им следовало выдавать и особо значимое в тех условиях хлебное жалованье, а иноземцам — нет²³². Из Славяно-греко-латинской академии к Аврамову перевели шестерых «школьников», а также содержали при нем значительное количество других учеников. Имелись в канцелярии и надсмотрщики, которые, как и в других казенных заведениях, следили за исправной работой.

Сохранилось 56 сказок 1718 г. со сведениями о мастерах. Они дают возможность выделить особенные черты этой группы «граждан» и больше узнать о некоторых известных персонах. То, что казенные мастера имели государственную поддержку, заметно сразу: среди них больше людей, владеющих собственным двором. 37 сказок выданы самими хозяевами дворов — это 28 мастеров Оружейной канцелярии различных специальностей, 4 работника типографии, 3 — Аптекарского двора, а также столярный мастер Санкт-Петербургской артиллерии и кузнец Санкт-Петербургского гарнизона (см. Приложение № 1). 19 мастеров проживали в качестве постояльцев. Оружейная канцелярия имела свои ведомственные дворы. Так, наборщик типографии Р. Шипулин и трое его коллег жили «на государевом дворе, который отведен из Оружейной канцелярии», на его сказке рабочая помета: «...двор, что был пустой Оружейной канцелярии» (л. 146). Его сосед, справщик типографии И. Стефанов, имел

²³⁰ О М. Аврамове см.: Серов Д. О. Строители империи. С. 69–97.

²³¹ См.: Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления. СПб., 1896. С. 405–410.

²³² Там же. С. 106.

собственный двор да еще присоединил к нему двор Оружейной канцелярии, на котором ранее проживал столяр (л.145). Такие же ведомственные дворы имела и Аптекарская канцелярия. Иначе говоря, многим из мастеров разоряться на покупку двора, как это было с торговым и ремесленным людом, не пришлось.

Не менее значимой была и канцелярия городских дел (с 1723 г. Канцелярия от строений), насчитывающая даже более обширную группу мастеровых (по именному указу 1720 года в ней числилось 1047 мастеров²³³). Но многие из них имели менее специализированные профессии и меньшую квалификацию, чем мастера Оружейной канцелярии. Канцелярия городских дел также позаботилась о жилье для подведомственных ей каменщиков и строителей. В сказках 1717 г. шесть каменщиков сообщили, что они переведены на вечное жительство в 1710 г., их дома построены до них в Мокрушской слободе близ Мытного двора, «а кто их строил, того они не ведают и данных им на те дворы никем не дано, а оные те дворы отводил им архитектор господин Трезин»²³⁴.

Казенные мастера относятся к той немногочисленной категории жителей Петербурга, кто находился в городе, в своем дворе, во время переписи 1718 г. У них, видимо, не было никакой производственной надобности покидать столицу — ни торговать своими изделиями, ни приобретать сырье у них не было нужды.

Однако работа на государственный заказ имелась не всегда, а хлебное жалованье обычно сильно задерживали. Это жалованье вообще было не платой за работу, а платой «за обязанность жить в Петербурге и быть готовым к работе»²³⁵, поэтому его выдача предполагалась также и временно безработным мастерам, находившимся на окладе. Каменщики и плотники-переведенцы, жившие на Охте, имели право «кормиться вольною работаю», когда они не нужны были

²³³ Из них 560 человек из Московской губернии, 168 — из Петербургской, 187 — из Казанской, 61 — из Архангельской, 39 — из Смоленска, 21 — из Сибирской и 11 — из Киевской. (См.: Семенова Л. Н. Обучение мастеровых в Петербурге в первой трети XVIII в. С. 83.)

²³⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп.1. Ч. 1. Д. 1208; всего в 1710 г. каменщикам было отведено 30 «квартир», которые к 1723 г. сильно «обветшали». (См.: Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга. С. 171.) О дворах, отведенных Трезини: РГАДА. Ф.199. Портфель 150. Ч. 17. Д. 4.

²³⁵ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга. С. 145.

на государственном деле, за исполнение которого им платили из казны²³⁶. Даже в Оружейной канцелярии были мастера, находившиеся не на окладе, тогда им приходилось искать себе заказчиков и нанимателей. Пример такой ситуации описан в челобитной живописца Оружейной палаты Ивана Никифорова, который нанялся в 1719 г. «у Санкт-Петербургского жителя гончарного мастера Ивана Фролова сына Никитина жить в доме его год, а работать ему у него обрасцы печатные, писать живописные, а найму записал он взять на год двенадцать Рублев»²³⁷. Даже такой известный живописец, как Иван Адольский, в это время не имел оклада²³⁸. Однако мастер, даже если он нанимался без оклада, не попадал в категорию «подлых» наемных рабочих, исполнявших черную работу и не имевших никаких прав согласно Регламенту Главного магистрата. Труд квалифицированного мастера, нанятого частным лицом, судя по контрактам, оценивался в 12–15 рублей в год²³⁹, труд чернорабочего — примерно 1 руб. в год.

Казенные мастера — не только «домоседы». Среди них почти нет людей одиноких — всего четверо из поименованных в сказках 1718 г. мастеров находились в Петербурге без семьи²⁴⁰. Семьи их, однако, малочисленны. Живших самостоятельно взрослых сыновей-мастеров, по материалам переписей, трудно соотнести с отцовской семьей из-за неустойчивости в фамилиях²⁴¹. Есть и семьи, в которых дети работали вместе с отцом и обучались у него ремеслу: например, с оружейником М. Савостьяновым жил 16-летний сын с 13-летней женой (л. 147). Вы-

²³⁶ См.: Колобов Б. В. Строители Балтийского корабельного флота — первые жители Санкт-Петербурга (мастера и мастеровые люди Санкт-Петербургского адмиралтейства) // Город и горожане в России XVII–XIX вв. М., 1991. С. 120.

²³⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 35 об.—36.

²³⁸ См.: Павлович М. К. К изучению биографий мастеров Оружейной палаты XVIII века // Генеалогические исследования. М., 1994.

²³⁹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 36 об., Д. 1570. Л. 79, 146 об.

²⁴⁰ Иную картину фиксирует Л. Н. Семенова для среды мастеровых мануфактур и фабрик середины века, по ее данным половина из них была без семей (Семенова Л. Н. О семьях мастеровых в XVIII в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С. 176).

²⁴¹ Это же наблюдение, затрудняющее исследование мастеровых, делала и Л. Н. Семенова (см.: Семенова Л. Н. К истории генеалогии мастеровых Петербурга начала XVIII–XIX вв. // История и генеалогия. М., 1977).

деляется своим преклонным возрастом гончарный мастер Андрей Миронов — ему 70 лет, а жене — 50, с ними проживали три сына: старший, 20-летний женатый Степан, ученик гончарного дела, младшие — 11 и 12 лет. Вместе с отцом, ствольного дела мастером И. Мякишевым, жил его 15-летний сын, учившийся гравировальному делу. Всего в сказки внесены 13 учеников мастеровых. Это серебряники, гончары, портные, типографы, живописцы. Их возраст — от 7 (л. 222) — до 25 лет (л. 221).

Так же, как и в других социальных группах города, мастера как люди одной профессии стремились держаться вместе. Жильцы и приезжие чаще всего выбирали дворы своих сослуживцев либо родственников. Так, у вышеупомянутого И. Мякишева стояли трое мастеров той же канцелярии с семьями (л. 193), замочник Сорокин жил у замочника же Яковлева (л. 202), кузнец А. Максимов — у кузнеца М. Матвеева (л. 476), типографский служащий — у типографского тередорщика С. Никитина (л. 466) и т. д.

В семьях мастеровых почти нет прислуги, чаще всего в них нанимается одна женщина-работница. Любопытно, что ни разу в сказках жителями не было употреблено слово «подмастерье», которое есть в ведомостях магистрата. В сказках эти люди, видимо, названы «работниками», которые часто присутствуют в домах казенных мастеров²⁴². Так, у кузнеца Иванова во дворе семь работников (л. 199), у кузнеца Матвеева — два (л. 2), у столяра Гуляева в работниках шесть человек из посадских людей (л. 69–69 об.). Но бывало, что, работники мастера жили в другом месте, например, «Петра Яковлевича люди мастеровые» проживали у фискала Тарбеева. Составитель сказки уважительно именуется этого Петра с «-вичем» и упоминает его без пояснений, кто он таков, как человека всем известного, однако, очевидно, что имеется в виду вышеупомянутый грамотный кузнец-замочник Петр Яковлев (л. 431).

В мастеровой среде немало грамотных. Из 37 хозяев дворов 16 человек подписали сказки собственноручно, в некоторых случаях за них это сделали их родственники. Например, за портного Евдокимова руку приложил сын 13 лет, за кузнеца Иванова — сын 9 лет, этот же мальчик подписался и за сосе-

²⁴² Л. Н. Семенова также отмечает, что «руководители предприятий склонны были отождествлять сами понятия „ученик“ и „работный человека“» (Семенова Л. Н. Обучение мастеровых в Петербурге в первой трети XVIII в. С. 85).

да — слесаря Михайлова (л. 81 об., 199 об., 200). Собственно-ручные «рукоприкладства» у всех живописцев, граверов, типографов, а вот у кузнецов с грамотностью дело обстояло хуже: несколькими из них подписал сказки отставной солдат Терентий Хомутов²⁴³.

Сохранилось шесть сказок живописцев и три — граверов Оружейной канцелярии, среди которых следует отметить достаточно известные имена. Григорий Семенов сын Муסיкийский 42 лет²⁴⁴ — финифтяного дела мастер, «а в прежних переписных книгах... написан живописцем» (л. 74). Это первый русский миниатюрист, делавший миниатюры по финифти, в том числе портреты царской семьи²⁴⁵. В настоящее время известно 16 его подписных работ.

Муסיкийский, как предполагает его биограф, поначалу жил на дворе Оружейной канцелярии. В 1713 г., когда у него родился сын Матвей, он переехал в собственный дом²⁴⁶. Сказка Г. Муסיкийского 1717 г. дает нам в руки его собственный рассказ о том, как и где он поселился в Петербурге: в июле 1712 г. он купил двор в Посадской улице у капитана И. Я. Кислякова, в 1715 г. прикупил второй двор против Гостиного двора у крестьянина Л. И. Проскуринова. Обе купчие записал «у крепостных дел» в Городовой канцелярии²⁴⁷. Однако в переписи 1718 г. этот второй дом Муסיкийский почему-то не указал, он продолжал жить в том же дворе, который купил первоначально.

Семья Муסיкийского, состоявшая в 1718 г. из жены, пятилетнего сына и двух дочерей 10 лет и 1 года, жила в доме одна, без каких-либо жильцов и постояльцев. Но при ней было трое человек «челядников», что свидетельствует о ее неплохом материальном положении. В марте этого же года Муסיкийскому заложил за 49 рублей свое поместье дворянин В. А. Оплечьев

²⁴³ О грамотности мастеров Пушечного двора см.: *Семенова Л. Н.* Обучение мастеровых в Петербурге в первой трети XVIII в. С. 87.

²⁴⁴ По исповедальным ведомостям, на которые ссылаются исследователи, Муסיкийский родился в 1670 или 1671 г. (*Комелова Г. Н.* Финифтных дел мастера // Первые художники Петербурга. Л., 1984. С. 146.) Судя по его собственному заявлению для переписи 1718 г., он родился в 1676 г.

²⁴⁵ См.: *Комелова Г. Н.* Первый русский миниатюрист Г. С. Муסיкийский // Русское искусство первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 168–182.

²⁴⁶ *Комелова Г. Н.* Финифтных дел мастера. С. 157.

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1180.

сроком на год вместе с тремя крестьянскими дворами и двумя семьями дворовых людей²⁴⁸. Возможно, что «челядники» в семье живописца появились из этого поместья.

В Глухом переулке Посадской слободы имел двор другой известный «моляр»²⁴⁹, или живописец, в дальнейшем надсмотрщик Оружейной палаты Иван (старший) Адольский (Одольский)²⁵⁰ (л. 90), наиболее известное из его произведений — «Портрет Екатерины I с арапченком» (ГРМ). Живописцы Стефан Бушуев, Александр Захаров, Леонтий Федоров, Василий Ярошенский (Ерошевский) работали в составе бригады, расписывавшей в 1718–1722 гг. Монплеизир, участвовали в оформлении празднеств. Их биографические данные находятся также в сказках 1718 г.²⁵¹

Среди граверов Оружейной канцелярии — Петр Семенов сын Посников (л. 221), Анофрий Борисов (л. 225) и Алексей Федоров сын Зубов (л. 482). Зубов — известнейший художник-гравер, автор гравюр, изображающих панорамы Петербурга. Зубов переехал из Москвы в Петербург в 1711 г.²⁵² Известны работы Зубова по живописным оригиналам вышеупомянутого И. Адольского. Двор Зубова в 1713 г. находился в Посадской улице и имел две светлицы с сенями и отдельную «кухарню»²⁵³. В 1718 г. в собственноручной сказке он сообщил о себе следующее: «Живет он во дворе сродника своего Первого гренадерского полку поручика Григоря Матвеева сына Кисловского, которой

²⁴⁸РГАДА. Ф. 412. Д. 249. Л. 46.

²⁴⁹РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1478. Л. 33 об.

²⁵⁰По сказке 1717 г., двор куплен в 1713 г. (РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1172), его строения см.: РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 63; по сказке 1718 г. И. Адольскому 31 год, проживает с женой и имеет двоих учеников 17 и 13 лет. В работниках у него молодая женщина с сыном и девочка 7 лет (л. 90). Подробнее о биографии Ивана Адольского см.: *Павлович М. К.* К изучению биографий мастеров Оружейной палаты XVIII века. По данным Павлович, в списках мастеров 1733 г. возраст И. Адольского записан на два года меньше. Оклады таких мастеров превышали 20 руб. (РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 413. Л. 1 а.)

²⁵¹С. Бушуев — 41 год, состав его семьи — мать, жена и сын, имел ученика 14 лет; А. Захаров — 49 лет, имел жену. Л. Федоров — 42 года, имел сына, дочь и внука. С В. Ярошенским, 43 лет, проживали жена и сын.

²⁵²См.: *Алексеева М. А.* Из истории гравюры петровского времени // Русское искусство первой четверти XVIII века. М., 1974. С. 190–197; *Она же.* «В Санкт Питерс Бурхе грыдорывал...» // Первые художники Петербурга. Л. 1984. С. 100.

²⁵³РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4817. Л. 87.

на Санкт-Петербургском острове в Посадской слободе». От роду ему 38 лет²⁵⁴, а жене — 35. С ним живут «люди ево» — семья из трех человек (л. 482). Более никто в том дворе не проживал²⁵⁵.

ТРИ СУДЬБЫ РЫБНИКОВ

Как можно заметить, документы о горожанах, находящиеся в распоряжении исследователей, отрывочны. В основном это сведения о возрасте, чине, доходе, окладе, месте проживания, а также представленные в челобитных небольшие рассказы об отдельных, как правило, печальных эпизодах их обыденной жизни. По ним можно судить о группе в целом, но практически невозможно об отдельных семьях или людях. Лишь в редчайших случаях появляется возможность проследить с относительной полнотой историю жизни посадских людей, судьба которых оказалась связанной с приездом в Петербург. Она зависит либо от наличия достаточно большого количества документов, относящихся к одной семье, либо от единичного, но пространного документа. Достаточно представительный в этом отношении материал удалось собрать о разных судьбах трех посадских людей, связанных с одним и тем же промыслом, — все они были рыбники.

Из всех видов продовольствия, доставлявшихся в Петербург, только рыба добывалась на месте, в Неве и других реках. Спрос на нее был велик, ее брали и свежей, и заготавливали впрок соленой, из нее извлекали икру²⁵⁶. Холодные воды Невы таили в себе значительные богатства для рыбников.

Семья патриарших крестьян рыбной Осташковской слободы Резовых (Резвых) появилась в Петербурге в первые годы его строительства: двоюродные братья Сергей Андреев сын Резвов (род. ок. 1628) и Евстрат Федоров сын Резвов (род. 1663 г.) построились здесь в 1707 г. «своею волею». В 1711 г. Евстрат продал свой старый двор в Посадской слободе и посе-

²⁵⁴Принятая в литературе дата рождения Зубова — 1682 г.; судя по его собственному заявлению для переписи, он родился в 1680 г.

²⁵⁵Публикацию текста сказки Алексея Зубова см.: Кротов П. А. Новое о гравере А. Ф. Зубове // Феномен Петербурга: Труды международной конференции, состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А. С. Пушкина. СПб., 2000. С. 272–274.

²⁵⁶Подробнее о рыбном снабжении Петербурга см.: Анисимов Е. В. Юный град. С. 330.

²⁵⁷РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1207, 1220.

лился перед Гостиным двором «в первой линии»²⁵⁷ с женой, сыном, невесткой, двумя внуками, мальчиком-приемышем 8 лет, двоюродной сестрой жены с сыном, приехавшими «на время», и двумя работниками (л. 95). В их дворе находились две избы с сенями и конюшня²⁵⁸. Сергей, называвший себя «ладожанином, посадским человеком», тоже в 1713 г. купил новый двор в Посадской слободе²⁵⁹, где были «две избы с печью, изба новая без печи, двои сени, баня с печью»²⁶⁰. В 1718 г. его семья состояла из двух взрослых сыновей — Назара 40 лет и Терентия 35 лет, каждый из них имел жену и по две малолетних дочери, с ними также жили племянники 9, 12 и 13 лет (л. 427). Назар и Терентий были грамотные.

В отличие от Резовых двадцатидвухлетний вологжанин Иван Алексеев сын Рыбников приехал в Петербург в 1717 г. не «своею волею», а в качестве «переведенца». В течение всего XVII в. Рыбниковы занимались рыбным промыслом и держали в торговых рядах Вологды все рыбные лавки. Отец Ивана, умерший около 1712 года, происходил из этой богатой и «семьянистой» купеческой династии, представители которой и заседали в городском магистрате, и выбирались в бурмистры. Вологжане в 1715 г. во время выборов в переведенцы «сдали» Ивана и его несовершеннолетнего брата Прокофия в Петербург, и среди 24 выбранных посадских от вологодской провинции только двое, в том числе и Иван, «обжились» и приобрели собственные дворы в Посадской слободе. Иван завел жену Прасковью, у них в 1717 г. родилась дочь. Оба брата Рыбниковых хорошо владели грамотой.

Третий рыбак — Петр Дмитриев сын Пичугин. Этот молодой человек приехал в Петербург в 1721 г. в одиночестве, спасаясь от нужды, в поисках крова и работы. Если биографические данные первых двух «рыбников» реконструируются по документам разных учреждений и сказкам переписей, то история Пичугина рассказана им самим в пространных допросных речах. Вот она: «Дед ево, Иван Трофимов сын Пичугин, были московской Напрудной слободы тяглец, а жили в Москве за Тверскими вороты, против Страшного монастыря своим двором; кормился отец ево — торговал на Гостинном дворе свежеею рыбою, а товар брал из лавок до спуска (т. е. до

²⁵⁷ Там же. Д. 4817. Л. 63 об.

²⁵⁸ Там же. Д. 1237.

²⁶⁰ Там же. Д. 4817. Л. 16.

выпуска рыбы в садок. — О. К.), а тягла ево отец платил в Напрудную слободу во всякой побор с десяти деньгу, а тому лет с десять умре. А он после отца своего с матерью с Марьею Антроповою дочерью жил в своем дворе, кормился торговым промыслом, на Гостином дворе торговал свежешою рыбою походя, а рыбу брал у торговых людей до спуска; и тому лет с пять отцовской двор с матерью своею он продал отставному салдату., а за тот двор взял денег восемь рублей, и те денги взяла мать ево к себе и вышла замуж Воронцова полку за салдата Никиту Тетерина, и по продаже того своего двора жил он у вотчим своих, торговал рыбою свежешою походя, на лотках, а в Напрудную и другие слободы тягла он никакова не платил для того, что после отца своего остался в малых летех, старосты и слободские люди ево не знали. А в нынешнем в 721 г. в генваре месяце Санкт-Питер Бурхского мясного ряду, что у Мытного двора, посадской человек Никита Иванов по знакомству, для того, что он, Никита, жил в Москве за Тверскими ворота с ним в соседстве, из Москвы ево, Петра, свез в Санкт Питер Бурх и хотел приискать ему для торгу места, и приехав в Санкт Питер бурх он, Никита, стал на квартире, а он тогож дни от него отошел, и жил он на квартире по знакомству у матроза Матвея Алексеева...»²⁶¹ Петр Пичугин расписать сам не умел.

Положение этих трех рыбников в Петербурге изначально было различным, и их судьбы сложились в значительной степени ожидаемым образом.

Семья Сергея Резвова сумела нажить значительный капитал, она торговала в лавках в Рыбном ряду за Мытным двором и на судах свежешою рыбою, имела две икорные лавки в Гостином дворе. В списке рыбного цеха за 1724 г. семья Сергея, включавшая двух сыновей и трех племянников, имеет две пометы: «временно» и «санкт-петербургские жители»²⁶². Справка из Таможни оценивала их товар на сумму 911 рублей. В 1724 г. Реззовы подали прошение о записи их в петербургское купечество, но «за нехождением» по своему делу они в петербургский посад оказались не причислены вплоть до 1728 г., т. е. считались крестьянами. Реззовы сами, а не по принуждению стремились стать «санкт-петербургскими жителями», они были старожилами города и полностью соответство-

²⁶¹ Там же. Ф 291. Оп. 1. Д. 10.

²⁶² Там же. Д. 94. Л.1 об., 3.

вали тем стандартам богатых, «семьянистых», оборотистых торговцев, которыми Петр хотел заселить столицу. Однако многие годы им пришлось добиваться того, чтобы официально стать членами петербургского купечества. Сами себя Резвовы именовали не крестьянами, но «посадскими людьми», хотя продолжали числиться крестьянами-осташковцами, принадлежащими Синоду, и платить подати в Осташковской слободе. Даже после того, как Главный магистрат вынес постановление записать их в Санкт-Петербургское купечество, их обязали продолжать платить подати по Осташкову, а казенные службы исполнять в Петербурге.

Терентий Резвов достиг самой вершины карьеры рыбника — в 1726 г. он стал поставщиком рыбы императорского двора, назывался Главной дворцовой канцелярии рыбным промышленником и должен был «рыбу живую и свежую промышлять и отправлять самую добрую» ее императорскому величеству²⁶³. Его кандидатуру на эту должность утверждал Сенат, и Терентий сообщил сенаторам, что «в подушной оклад в патриарше осташковской слободе он написан и подушные деньги для платежа за себя и за отца своего в тое слободу к старостам посылает, да и впредь, де, те подушные деньги платить будет». Лишь после множества прошений Резвовым удалось ликвидировать свою зависимость от Осташковской слободы²⁶⁴. Их случай — яркий пример отношения властей к крестьянскому предпринимательству в Петербурге: если крестьянин был согласен платить в казну дважды, то против его жизни в столице возражений не было.

Потомки первых Резвовых стали «именитыми гражданами» Петербурга, один из них в 1774 г. был избран бургомистром столицы, затем они получили дворянство. Резвовы оставили свое имя в топонимике города: у дельты Невы на реке Екатерингофке находились принадлежавшие им Большой и Малый Резвые острова. Род Резвовых здравствует и в настоящее время²⁶⁵.

Судьба вологодских Рыбниковых в Петербурге стала складываться иначе. Каким делом Иван Рыбников стал здесь заниматься — сказать достоверно нельзя. Однако мне представля-

²⁶³ Там же. Д. 104. Л. 7–7 об.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–28.

²⁶⁵ См.: Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Семья Резвых в Петербурге // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1995. Вып. 2.

ется, что судное дело о подрядчике вологжанине Алексее Иванове сыне Рыбникове со товарищи²⁶⁶, взявшем в апреле 1718 г. в Адмиралтействе 2 тыс. 254 руб. на поставку дров и не выполнившим договор, относится именно к нему, а в имени писцом допущена ошибка. Столь крупная поставка с участием в ней 8 компаньонов имела мало шансов на успех, если ею руководил малоопытный молодой человек. Осенью 1718 г. Иван уехал в родную Вологду, чтобы разделить наследство с матерью и братом Прокофием, достигшим совершеннолетия, и начал активную продажу своей недвижимости, но летом 1719 г. Иван был арестован «за две татьбы», однако что именно случилось и что было украдено, как ни странно, в приговоре ему не говорится²⁶⁷. Видимо, он как-то пытался найти денег, чтобы отдать долг. Сам Рыбников, однако, писал жене, что пострадал «по оговору»²⁶⁸. Ивана этапировали в Петербург как каторжника, по дороге он бежал, затем был пойман и осужден на 10 лет к работам на галерах Адмиралтейства. В 1721 г. он попал под амнистию, но жить в Петербурге далее не стал, жена от него ушла (см. об этом подробнее в гл. 8), двор, видимо, конфисковали, и Иван вернулся в родной дом к матери. Но и в Вологде ему, «каторжнику», наладить жизнь так и не удалось, многочисленные документы, связанные с его именем, относятся исключительно к судебным делам: несколько раз его арестовывали и наказывали городские власти, дважды, в 1724 и 1725 гг., он побывал по «слову и делу» в Преображенском приказе. Последний раз его имя упоминается в оправдательном судебном приговоре вологодского магистрата 1727 г., подтверждающем, что он по ложному обвинению своего двоюродного брата просидел два года в тюрьме и получил 25 ударов кнутом²⁶⁹. Это и другие судебные дела не свидетельствуют, тем не менее, о том, что Рыбников стал закоренелым преступником, он был скорее неудачником и аутсайдером: окружающие называли Ивана «клейменым вором» (действительно, на лоб ему было поставлено такое клеймо), а он в ответ вел себя раздраженно и вызывающе (например, публично обозвал своего родственника-бурмистра «бездельником»). Пред-

²⁶⁶РГАДА. Ф. 285. Оп. 2. Д. 1479. Л. 75, 76.

²⁶⁷Там же. Д. 1555. Л. 147 об.

²⁶⁸РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 139. Лл. 1об. — 2.

²⁶⁹Подробно об Иване Рыбникове см.: Кошелева О. Е. Один из Иванов в эпоху Петра // Казус-2001: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2001.

ставляется, что одной из причин трагического развития этой судьбы было одиночество Ивана Рыбникова. Его никто не вытащил из тюрьмы под расписку, не помог расплатиться с долгом (как это часто бывало с другими задолжавшими купцами), и даже жена не протянула ему руку помощи, а упорно добивалась развода. Вологодские родственники лишь способствовали его падению, скупая по дешевке его лавки и дворовые места. Только один раз в документах нашла отражение оказанная Рыбникову помощь: в Преображенском приказе конвойный солдат, «сочувствуя ему», отправился разыскивать украденную у Рыбникова дорогую шапку, за что сам попал под приговор о смертной казни за оставление поста²⁷⁰.

Третий рыбник, бедолага Петр Пичугин, в Петербурге сразу же нашел знакомого по Москве, смог поселиться у него без порук и записей и подрядился понедельно на Мытном каменном дворе на черную работу — носить черепицу со сдельной оплатой: 10 копеек за 1000 черепиц. Никаких документов подрядчик, вопреки указам, с него не спросил, но через две недели полиция проверяла документы у наемных работников, и Петр оказался в Полицеймейстерской канцелярии, отправившей его в Главный магистрат, чтобы там разобрались, кто он такой. Искали в торговых рядах мясника, который привез Петра из Москвы, выяснили, что такой действительно был, временно нанимал прилавок, но уехал²⁷¹. Некий крестьянин, торговавший на рынке ветошью, подтвердил личность Петра, сказав, что в Москве он знал его отца, и взял его под расписку на поруки. Возможно, это было неправдой, сказанной за мзду, однако и Петра, и всех других «беспаспортных» работников Магистрат освободил подобным же образом, взяв за них поручителей. Как дальше сложилась жизнь Петра Пичугина в Петербурге, мы не знаем, можно предположить, что не без трудностей. Раннее сиротство, бедность, утрата не только семьи и двора, но и места в московской посадской общине («после отца своего остался в малых летех, старосты и слободские люди его не знали») прямо вели Петра в кабальное состояние. Однако он нашел соседскую помощь в поисках работы на строительстве новой столицы и, как кажется, не был возвращен властями по месту жительства. Петербург принял его.

²⁷⁰РГАДА. Ф. 371. 1725 г. Д. 3208. Л. 25 об.

²⁷¹РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

Глава 11

Из сел и деревень

(Крестьяне)

Крестьян, в отличие от многих других групп населения, Петр I не принуждал поставлять в Петербург переведенцев и становиться петербургскими жителями. Составители Табели 1717 г. стремились перечислить все группы проживавшего здесь населения, однако крестьяне в ней не названы. В то же время их сказки имеются среди других сказок и в табели они учтены, но попали в раздел «люди разных чинов», т. е. «прочие». При составлении табелей тех, кто записывался в ремесленные цехи Петербурга, поставить крестьян в «прочие» оказалось уже невозможным, так как они составили подавляющее большинство включенных в них лиц. В 1721 г. 368 государственных и монастырских крестьян и 470 частновладельцев составили 57,5% от общего числа ремесленников²⁷². В 1724 г. цеховые ведомости оказались более обширными, однако доля крестьян среди цеховых ремесленников оставалась прежней — 57,9%²⁷³.

Не меньшей была доля крестьян среди строителей домов, дворцов, верфей, каналов и проч. По указу 1714 г. помещики должны были временно высылать на строительство Петербурга по одному человеку с 14 крестьянских дворов, а оставшимся на селе крестьянам следовало платить налог на содержание этих работников. Приехав в новую столицу, помещичьи крестьяне являлись в петербургскую Канцелярию городских дел, где распределялись на строительные работы.

Крестьяне привозили на рынки продовольствие и корм для скота, а также везли возы снеди из поместий своих хозяев. Среди дворовых людей и наемных работников большинство

²⁷² См.: Гайсинович А. И. Указ. соч.

²⁷³ Лысова Е. Ю. Формирование торгово-ремесленного населения Петербурга в первой четверти XVIII века: Дипломная работа, защищенная на кафедре отечественной истории исторического факультета МГУ. Москва, 1999. На правах рукописи. Л. 110.

также были выходцами из крестьянства. Иначе говоря, крестьяне строили Петербург, кормили и благоустраивали его жителей и никак не могут быть отнесены к «прочим» среди них. Однако большинство крестьян не относилось к постоянным обитателям столицы, они были временными приезжими. И в то же время выделяется, как мы уже знаем, группа крестьян-предпринимателей, которые стремились официально быть записанными в столичный посад, стать «петербургскими жителями», многие из них построились здесь еще до указов о переселении.

В сказках 1718 г. 438 человек названы крестьянами (8,4% от всех лиц, учтенных в сказках). Это в основном приезжие из центра России и из Новгородской области, всего поименовано крестьян 22 уездов. Численно преобладали ярославцы и романовцы, за ними следуют жители Новгородского, Костромского, Суздальского, Галичского уездов.

«ПО ПРИНУЖДЕНИЮ И РАДИ СВОЕГО ПРОМЫСЛУ»

Сказки отражают широкий спектр крестьянской деятельности: наемные работники и торговое крестьянство, подрядчики с артелями и откупщики.

Крестьяне нанимались выполнять самые различные виды работ к хозяевам дворов. Например, у купцов Поплевиных в доме значился «сиделец, оброчной крестьянин», который «живет по записи», т. е. по договору с хозяевами (л. 436 об.). Такие «записи» составлялись на определенный срок, который отмечен в некоторых из сказок, например: крестьяне «в найме живут помесечно» (л. 441) или «по наемным записям живут из найму погодно посадские люди и крестьяне» (л. 425).

Про некоторых крестьян в сказках говорится, что они взяты «на время для домашней работы» (л. 250), в качестве дворников и служителей, возниц, огородников и др. Это и крестьяне-оброчники, и крестьяне, вывезенные хозяевами из собственных деревень (л. 344, 495, 498 и др.). Часть наемных работников была из крепостных, присланных в свое время для строительно-материальных работ и не возвратившихся в родные места. Одна из многих судеб таких крестьян отражена в расспросных речах Ивана Сергеева из села Погожи Суздальского уезда, взятых у него в марте 1718 г. в связи с розыском беглых крестьян кн. Б. И. Куракина. Сергеев сообщил о себе следующее: «Тому де ныне четвертый год, как выслан он с товарищи,

человек со сто, в Санкт-Петербурх в работники в три месячную работу; и пришел, явились в городской канцелярии; и из той канцелярии определен он был для работы в Санкт-Петербургский гарнизон и указные три месяца отработал, и дан де ему из городской канцелярии отпуск, которой он отослал в дом свой, а он, де, в Санк-Петербурхе заболел, и как обмогся, кормился в Санкт-Петербурхе черною работаю». Следователи по делу справились в Городовой канцелярии «оной крестьянин по высылке из Суздоя в работниках в городской канцелярии был ли и указные месяцы отработал ли?» Оказалось, что нет, отпуска ему не давали²⁷⁴. Возможно, что Сергеев был беглым, как и многие другие крестьяне, и скрывался в Петербурге, где среди множества людей, мало знакомых с прошлым друг друга, легко было затеряться.

Таких крестьян, пожелавших остаться в Петербурге, из города выдворяли, причем иногда прямо на каторгу. В 1718 — начале 1719 г., например, петербургская полиция отправила туда 6 человек дворцовых и монастырских крестьян, отработавших свой срок, но не вернувшихся в деревню. Они самовольно остались в Петербурге и прожили здесь, нанимая квартиры у переселенцев-татар, по 3—7 лет²⁷⁵.

Работников из крестьян, взятых «в житье», следовало оформлять в полиции по всем правилам, иногда с ними у хозяев случались неприятные истории. Например, подьячий Козьма Шульгин взял «для домово́й работы в работники костромского Ипацкого монастыря Володимерского уезу крестьянского сына Козьму Короваева, что жить ему, Козьме Короваеву, того генваря с вышеписанного числа впредь год, до такова ж числа, в чем он, Караваев, дал на себя у Крепостных дел запись с поруками, а сего июня пятого числа бежал, покрав чернил расхожих шесть ведер ценою девять рублей»²⁷⁶.

Среди крестьян был и другой тип работников, нанимавшихся не в дворовую работу, а к своим же более зажиточным собратьям, организовавшим ту или иную артель.

Оброчные крестьяне приезжали в Петербург, как говорится в сказках, «ради своего промыслу», т. е. с предпринимательскими целями (л. 35). Город привлекал их как богатый центр

²⁷⁴РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 19.

²⁷⁵См.: Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. С. 181.

²⁷⁶РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1571. Л. 35.

сбыта сельскохозяйственной продукции и продукции крестьянских ремесел с большим на них спросом и высокими ценами. На петербургском рынке присутствовали три категории крестьян: те, кто торговал близко от места жительства, те, кто торговал вдали от него, и сельское население, переселявшееся в посад и менявшее свое крестьянское состояние на городское²⁷⁷. В Петербурге последнее было льготным: магистрат определял сумму капитала, с которой разрешалось заводить собственное дело, в 300 руб., в то время как в других городах она равнялась 500 руб.

На Петербургском острове бойкая крестьянская торговля шла на Обжорном рынке. Так, 12 человек крестьян, приехавших 1 мая 1718 г. (весенняя дата их приезда наглядно свидетельствует об их неучастии в сельскохозяйственных работах) из Ярославского и Пошехонского уездов, весь день торговали на «Обжорке» и приходили ночевать в дом таможенного подьячего Садыкова (л. 107–108). Крестьяне, ведшие свой торг среди военных подразделений Петербурга, именуются в сказках «маркитантами». Непашенные крестьяне-промысловики специализировались в хлебопекарном деле — пекли пряники и калачи, занимались портновским ремеслом, но более всего в сказках названо харчевников. Такие мелкие производители работали артельно, снимая помещения для ночлега и для торговли, лавочки устраивали прямо у ворот, выходящих на улицу. Так, харчевники, 12 человек крестьян стольника К. С. Матюшкина, нанимали на Петербургском острове «избы и лавки» на время (л. 124). В доме кн. Я. Лобанова-Ростовского разместились большая артель портных, состоявшая как из крестьян, так и из посадских людей, и артель харчевников из 9 человек. Все они — одинокие мужчины от 15 до 40 лет. Крестьяне-харчевники кн. А. Хилковой жили в одной из двух находящихся во дворе харчевен, выходящей на Большую улицу (л. 156). В доме капитана Савостьянова проживал харчевник — крестьянин Галицкого уезда, нанимавшийся помесечно, а с ним — работники, нанимавшиеся понедельно (л. 94). Очевидно, что в городе, где большую часть населения составляли приезжие, не имевшие собственного хозяйства, харчевни были особенно необходимы.

²⁷⁷См.: Репин Н. Н. Законодательство о крестьянской торговле в первой половине XVIII века // 26 съезд КПСС и проблема аграрной истории СССР и социально-политическое развитие деревни. Уфа, 1984. С. 449.

Строительство петербургских домов самой различной сложности находилось также в руках крестьянских артелей. Чаще всего в роли строительных подрядчиков встречаются крестьяне Ярославского уезда, как о том свидетельствуют подрядные договоры, зафиксированные и в Губернской, и в Городовой канцеляриях. Ярославцы вообще численно преобладали как среди посадских людей, так и среди крестьян, поименованных переписью 1718 г. В продаже продовольственных товаров они специализировались на хлебобулочных изделиях²⁷⁸, в строительстве работали каменщиками. И это не случайно — Ярославский уезд в течение всего XVIII в. занимал первое место по количеству крестьян, уезжавших в города²⁷⁹. Здесь находились крупные промышленные села, развивалось мелкое крестьянское ремесло, на Волге издавна содержались суда, осуществлявшие крупные перевозки зерна и других товаров. Сохранилось достаточно много и образцов крестьянских подрядов на строительство в Петербурге, и упоминаний о них. Поскольку многие из подрядов отложились в судебных делах по срыву договоров, то может возникнуть впечатление, вероятно весьма преувеличенное, что подрядчики постоянно обманывали своих заказчиков.

Приведем примеры нескольких крестьянских подрядов 1717–1719 гг. В августе 1717 г. дьяк С. Неелов представил в Петербургской губернской канцелярии подрядную запись с принадлежавшим кн. Борятинскому крестьянином Ярославского уезда Яковом Ивановым сыном Бакутиным, «что он, Бакутин, подрядился у него под мазанки, которые на Санкт-Петербургском острове за старою губернскую канцеляриею, фундамчить в земли, выбутить диким камнем, а снаружя выкласть кирпичем»²⁸⁰. Бакутин — опытный подрядчик, он возглавлял работы каменщиков и при возникновении проблем с заказчиками обращался в Надворный суд, несколько дел было им выиграно²⁸¹.

В следующем 1719 г. Яков Бакутин вместе с братом Фомой и с односельчанином Федором Яковлевым сыном Требуховым подрядились строить у кравчего Василия Федо-

²⁷⁸ См.: Гайсинович А. И. Указ. соч. С. 540.

²⁷⁹ См.: Morrison D. «Trading peasants» and Urbanization in Eighteenth Century Russia. The Central Industrial Region. N.Y.; L., 1987. P. 261–307.

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1469. Л. 40–41 об.

²⁸¹ Там же. Д. 1558. Л. 16–18; Д. 1562. Л. 119; Д. 1571. Л. 127; Д. 1555. Л. 159.

ровича Салтыкова каменный дом на Васильевском острове. Однако эта работа проходила так неудачно, что Бакутин вынужден был обратиться в Надворный суд с жалобой на заказчика. Дом подрядились строить из материалов заказчика от «нулевого цикла» до «отделки», за работу строители получали деньги и столовые припасы, о чем обе стороны и составили договор (крепостную запись). Артель состояла из 25 человек. По полученному «абрису», т. е. чертежу, строители возвели фундамент палатного строения из «плитного камня» и кирпича на одну треть «по погребные окошки», а остальную часть «из земли выделали на полтора аршина». За эту работу подрядчики заплатили каменщикам из договорных денег 160 рублей, а также дали столового запаса (муки, толокна, гороху, соли, ветчины, масла коровьего и конопляного, вина простого пять ведер), да на следующий год дали каменщикам задаток 100 руб. После этого был какой-то перерыв в работе (возможно, пасхальный) и в мае подрядчики просили заказчика Салтыкова, «чтобы на вышепомянутом сделанном нами фундаменте кирпичем стены вестъ повелел». Однако Салтыков им «объявил друго» — по неясной причине он заставил уже сделанный фундамент ломать и ставить другой, «не прибавлявая им за ту ломку и за дело оного фундамента денги». Иначе говоря, каменщикам пришлось бы делать лишнюю, не запланированную договором работу, за которую подрядчики не могли расплатиться с рабочими. Поведение Салтыкова остается неясным — то ли он был справедливо недоволен сделанной работой, то ли просто решил строить дом по-другому, но так или иначе, а за повторное возведение фундамента платить он не стал. «Безденежно» же строителям «ни по которому образу делать было невозможно» и они, простояв три недели без работы и «вконец разорившись», разошлись, взяв с собой 100 рублей задатка²⁸². Кто выиграл это дело в суде — Салтыков или Бакутин — неизвестно, но уже в следующем году Яков Бакутин опять подал иск в Надворный суд.

На этот раз он судился с другим подрядчиком, «человеком» Строгановых Иваном Петровым. С ним Бакутин договорился о подвозе кирпича с заводов в Стрельне на его, Петрова, судах для строительства палат А. Л. Нарышкину. Петров потерпел на Неве крушение, разбив судно среди бела дня.

²⁸²РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1562. Л. 119–119 об.

Из-за непоставки кирпича каменщики снова простаивали без работы, и Бакутин требовал, чтобы Петров из своего кармана выплатил им «простойные деньги». Суд вынес приговор в пользу Бакутина²⁸³.

Не только Я. Бакутин, но и другие его земляки-ярославцы возводили богатые каменные дома в Петербурге. Князю В. В. Долгорукому в 1717 г. крестьянин Ярославской губернии подрядчик Антип Федоров с товарищами обаялись строить в Петербурге «каменное палатное строение»²⁸⁴. Ярославским же крестьянином Неупокоевым в Петергофе строился одноэтажный дом с погребом и цветником по чертежам архитектора Браунштейга и мастера Кардасея²⁸⁵ — так ярославские крестьяне знакомились с западным зодчеством.

Как видим, крестьяне-строители в городе при невыполнении с ними договора, при невыплате им денег просто расходились, бросив строительство, а подрядчик улаживал дело через суд. Однако не всегда подрядчики справлялись со своим делом, растрачивая деньги или утрачивая стройматериалы. Стольник Вас. Ив. Чаадаев жаловался в суде, что крестьяне его «сказали... ему за собою мастерство каменной работы и он дал им денег 395 рублей на задатки на палатное строение, на известь, на кирпич и на камень и на другое, принадлежащее к полатному строению, что ему повелено на Васильевском острове строить». Однако с этими деньгами крестьяне и исчезли²⁸⁶.

Крестьяне брали подряды на подвоз продовольствия и строительных материалов. У графа Н. Ф. Головина подрядился Дмитровской конюшенной слободы крестьянин Федор Петров сын Макаров, в том «что поставит ему Федор в Санкт-Петербурх водою и своими судами и работными людьми хлебных ево запасов овса триста пятьдесят четвертей, а в поставке оных запасов дал он мне (Н. Ф. Головину. — О. К.), Федор, на себя запись, а за поставку вышеписанных ево запасов деньги по договору взял он, Федор, у него все сполна»²⁸⁷. Но овса «нынешней полою водою» Федор не привез, на что и жаловался Головин 12 сентября 1719 г. Для таких перевозок, как видим,

²⁸³ Там же. Д. 1558. Л. 16–18.

²⁸⁴ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 84. Д. 29.

²⁸⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 747.

²⁸⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 42.

²⁸⁷ Там же. Л. 16 об.

Головин не использовал собственных крестьян, а нашел специалиста, имеющего свои суда и работных людей.

Пошехонский крестьянин Федос Мараши взялся поставить в Адмиралтейство 3350 пудов гвоздей, на что выдано ему было в Ярославле две тысячи рублей в качестве задатка. Мараши гвозди привез, а окончательного расчета от Адмиралтейства добиться не мог, почему и подал челобитную в суд²⁸⁸.

Среди крестьян были также держатели постоянных дворов и вольных домов. Одним из них являлся крестьянин князя А. Г. Волконского Романовского уезда села Верещагина Иван Русинов. Испугавшись вызова в суд по поводу кражи, произошедшей у него на постоялом дворе, он бежал из города²⁸⁹. Крестьянин Спиридон Шепилов держал вольный дом на бойком месте — против Гостиного двора²⁹⁰.

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯН

В сказках, как правило, отмечали, кому принадлежат живущие во дворе крестьяне. Среди них преобладают частновладельческие крепостные (57,5%), принадлежащие в основном богатым помещикам, представителям верхушки дворянства (например, В. И. Чаадаеву, графу Б. П. Шереметеву, А. П. Шереметеву, кн. А. М. Черкасскому, княгине А. Хилковой, стольнику К. С. Матюшкину, князю Гр. Волконскому, кравчему В. Ф. Салтыкову, боярину Т. Н. Стрешневу, князю И. Б. Львову, стольнику А. А. Нарышкину, князю Ф. А. Голицыну, В. И. Волюнскому, М. Головину, судье Расправной палаты В. А. Ржевскому, князю Б. И. Куракину, графу П. М. Апраксину и др.). Объясняется это тем, что именно у богатых крестьянами владельцев Центральной России крепостные чаще содержались на денежном оброке и занимались промыслами и подрядами. Уход части крестьян в город не наносил особого ущерба хозяйству, в отличие от мелкопоместных хозяйств, владельцы которых не поощряли крестьянских отхождений. 22 мая 1719 г. вышел указ, разрешавший отпускать в отход крестьян с вотчин, но не с поместий. Однако и поместные крестьяне, правда, в значительно меньшем количестве, приезжали в Петербург.

²⁸⁸ Там же. Д.1574. Л. 45 об.

²⁸⁹ Там же. Д.1558. Л. 25.

²⁹⁰ Там же. Д.1568. Л. 42 об.—43.

К крупным владельцам вотчин относились и монастыри. Из монастырских крестьян перепись 1718 г. зафиксировала особенно много лиц, принадлежавших петербургскому Александро-Невскому монастырю, а также монастырям достаточно близкой к Петербургу Новгородской епархии (Николаевский на Волосове, Юрьев, Духов, Антониев). Появлялись крестьяне и далеких монастырей: московского Чудова, Троице-Сергиева, костромского Спаса Нового, Углицкого Покровского. Встречаются крестьяне патриаршие и Софийского новгородского дома. У монастырских крестьян самые многочисленные семьи: если в самой большой группе частновладельческих крестьян члены их семей составляют 16%, то у монастырских крестьян — 58%. Это свидетельствует о том, что мы имеем дело с крестьянами, переехавшими в Петербург основательно, вероятно, на продолжительное время. Как увидим далее, многие из этих крестьян приобрели в Петербурге собственные жилища.

Помимо частновладельческих и монастырских крестьян перепись отмечает и дворцовое крестьянство, правда, в незначительном количестве (1,3%), что, возможно, является отражением лишь неполноты наших данных. Распределение крестьян по основным категориям и семейному положению показано в табл. 11.

Таблица 11

Категории крестьян,
проживавших на Санкт-Петербургском острове, 1718 г.

Категории	Одино- кие	Главы семей	Члены семьи	Всего	Доля, %
Частновладельческие	190	20	39	249	57,5
Монастырские	14	16	42	72	16,6
Дворцовые и удельные	17	4	10	26	1,3
Бобыли монастырские	1	1	3	5	0,1
Неопределен- ные	40	8	28	86	20
Всего	267	49	122	38	100

Обычно уезжали в город на заработки крестьяне-мужчины: это были или братья, или отцы со взрослыми сыновьями, женщины же оставались дома. Поэтому в сказках женщины представляют всего 21% от общего числа крестьян. Только пять из них проживали в работницах самостоятельно, без семьи (одна — с малолетним сыном), остальные приехали вместе с главой семьи. Трудно сказать, выходили ли замуж крестьянки за жителей Петербурга, как это случалось в других городах России²⁹¹, поскольку происхождение жен сказки не отмечают, но, думается, что здесь подобные связи еще не сложились.

Сказки 1718 г. содержат сведения о 49 крестьянских семьях разного состава, насчитывавших 171 человек (39% от всех внесенных в перепись крестьян). Из этих семей 9 приобрели собственные дома, 19 жили у хозяев в качестве прислуги и работников, 21 семья снимала квартиру, об одной из них известно, что ее члены остановились на год (л. 426). В первую очередь приезжие стремились поселиться у знакомых или односельчан. Так, в доме купца из Коломны остановились монастырские крестьяне братья Лозины, а с ними двое их работников, все они — жители села Липитина того же Коломенского уезда, что и хозяин. Вместе с ними какими-то судьбами оказался и шестилетний мальчик «сиротина, крестьянский сын» из Новгородского уезда, которого они приняли под свой кров (л. 169–169 об.).

Некоторые из крестьян снимали отдельную избу. Так, крестьянин из Сарской мызы единолично «наймывал» избу у вдовы Чемезовой и имел при себе двух работников, крестьян же (л. 151), а новгородский бобыль Иван Балда жил в доме гардемарина Зыбина только своей семьей, без работников (л. 85).

Петербург представлял неограниченные возможности для применения умелых рабочих рук и для торговли. Однако о торговом и промышленном крестьянстве в составе петербургского населения известно чрезвычайно мало: торговое крестьянство представлено в исследовательской литературе в основном на материалах послепетровского периода²⁹². Миграция торгующих крестьян в такой город, как Петербург, должна

²⁹¹ Morrison D. Op. cit. P. 354–366.

²⁹² См.: Бахрушин С. В. Торговые крестьяне в XVII веке // Научные труды. М., 1954. Т. 2; Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. М., 1965; Индова Е. И. Московский посад и подмосковные дворцовые крестьяне в первой половине XVIII века // Города феодальной России. М., 1966; Индова Е. И. Роль дворцовой деревни первой половины XVIII века в формировании русского купечества //

была иметь свои особенности, так как здесь еще не успела сложиться городская посадская община и отношения с горожанами у крестьян складывались на новой основе; здесь был иной психологический климат и меньшая конкуренция.

По указу 1709 г. торговые крестьяне могли не регистрироваться в городе в качестве посадского населения, но должны были платить государству «десятую деньгу» — налог, равный налогу посадских торговцев, и таможенные пошлины²⁹³. В 1714 г. было подтверждено, что крестьяне, торгующие в городе, обязаны платить все городские налоги, но могут быть свободны от казенных служб. Свои повинности они должны были исполнять на селе в качестве крепостных²⁹⁴. Главный магистрат в указе от 22 апреля 1722 г. дополнительно разъяснял, что крестьяне свободны в своем желании стать членами посада, если они имеют капитал от 500 рублей, или, если они организуют транзитную торговлю до Петербурга, то от 300 рублей. Разрешения хозяина при этом не требовалось, но крестьянин был обязан платить своему владельцу положенный оброк и исполнять все повинности, что не исключало и плату городских налогов²⁹⁵. История ошашковских патриарших крестьян Резвовых является хорошим примером того, с каким трудом крестьянам удавалось получить статус «санкт-петербургский житель» (см. гл. 10).

По данным ревизии 1719 г. о Москве известно, что до этой даты в ее посад записались около 600 крестьян²⁹⁶, сколько их было в Петербурге — пока неясно. Поэтому те немногочисленные данные, которые сохранили петербургские переписи, имеют большую ценность.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЖИТЕЛИ

Крестьяне — владельцы собственных дворов в Петербурге — представители зажиточного и предприимчивого крестьянства.

Исторические записки. 1961. Т. 68; *Муравьева Л. Л.* Деревенская промышленность Центральной России во второй половине XVII века. М., 1971; *Муравьева Л. Л.* О развитии крестьянского подряда во второй половине XVII века // Новое о прошлом нашей страны. М., 1971; *Шатило А. Л.* Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время // Исторические записки. 1948. Т. 27.

²⁹³ ПСЗ. Т. 4. № 2220.

²⁹⁴ ПСЗ. Т. 5. № 2770.

²⁹⁵ ПСЗ. Т. 6. № 4312.

²⁹⁶ *Morrison D.* Op. cit. P. 147.

В наших ограниченных данных из сказок 1718 г. таковых 14 человек, однако очевидно, что их было значительно больше.

Сообщенные крестьянами в 1717 г. сведения о приобретении ими дворов в Петербурге показывают, что многие переселялись в 1709–1710 гг., застраивая еще пустые земли. Так, крестьянин помещика Галицкого уезда А. Скрипицина Семен Иванов сын Дуркин сказал: «тот двор построил я в 1709 году на данной земле, которою потом отводил полковник Вилим Геннин...»²⁹⁷. Такого же содержания сказка ярославского крестьянина стольника И. И. Стрешнева из села Давыдкова Кириллы Шарунина²⁹⁸. С 1711 г. дворы уже покупались, часто у крестьян же: так, крестьянин фельдмаршала Б. П. Шереметева Андрей Зайцев купил свой двор в 1715 г. у крестьянина царевны Наталии²⁹⁹.

В записной книге «явочным купчим и закладным на дворы и на дворовые места и на лавки» за 1717–1718 гг., составлявшейся в Петербургской губернской канцелярии, представлено немало крестьянских сделок. Так, дворцовый крестьянин Костромского уезда Григорий Лебедев купил у пономаря двор с «дворовым и хоромным строением» в Оружейной слободе за 30 руб.³⁰⁰ Крестьянин Романовского уезда Федор Макулев продал «по приказу братьев своих родных Михаила да Костянтина общей двор свой со всяким дворовым и хоромным строением» стольнику А. Нармацкому. Двор был большим и соседствовал в Оружейной слободе с домами дворян, денег за него дали много — 160 рублей³⁰¹. Третий двор крестьянина Гаврилы Михайлова была продана за 40 руб.³⁰²

Крестьяне отмечали в сказках 1717 г., что живут в Петербурге «с ведома» своих господ. Вероятно, это означало наличие у них «покормежного» письма, которое требовали власти, дабы определить, что крестьянин не беглый. Только один Федор Зиновьев Волков, известный нам и по переписи 1718 г., признался в том, что переехал в Петербург «собою и без отпуску тамошних приказных людей»³⁰³. Он купил свой двор

²⁹⁷РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1071.

²⁹⁸Там же. Д. 1106.

²⁹⁹Там же. Д. 1107, 1096, 1129.

³⁰⁰РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1469. Л. 36 об.

³⁰¹Там же. Л. 42.

³⁰²Там же. Л. 43 об.

³⁰³РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1110.

в 1711 г. у урядника архангелогородского полка. Формулировка «с ведома» указывает на то, что инициатива переезда исходила от самих крестьян. В сказках 1718 г. никаких указаний на отпуск владельцем крестьян нет.

Дворы на Санкт-Петербургском острове крестьяне приобретали в Посадской слободе, за исключением одного известного нам двора в Солдатской слободе, и, судя по косвенным данным, многие из них располагались рядом друг с другом, в приходе церкви Казанской Божьей матери.

Среди владельцев домов из крестьян выделяется группа лиц, принадлежавших Александро-Невскому монастырю, ее дополняют и сведения из сказок 1717 г. Вряд ли эти крестьяне работали непосредственно на монастырской территории, поскольку добираться к монастырю с Петербургского острова через Неву летом было неудобно. Все эти монастырские крестьяне жили с семьями и, как отмечено в их сказках, «своим двором». Примечательно, что никто из них не имел во дворах собственных работников.

Григорий Филатов и Игнатий Артамонов — односельчане из новгородского села Глазова (л. 421, 435). Соседом по двору Филатова был крестьянин того же Александро-Невского монастыря Дементий Филиппов (л. 422). Оба сообщили, что построили свои дворы в 1710 г., когда под дворовые места землю отводил по приказу Романа Брюса дьяк Петр Юрьев³⁰⁴. Таким образом, эти крестьяне приехали все вместе «с ведома того монастыря архимандрита», построились рядом и жили в Петербурге к моменту переписи уже восемь лет.

Соседями были и крестьяне новгородец Гаврила Михайлов и Никифор Григорьев из Старой Руссы, и сказки за них подписал один и тот же человек — Е. Евстафьев (л. 456–457). В сентябре того же 1718 г. Гаврила продал одну треть своего двора («а на ней изба с сеньми, два чулана и амбары») старорушанину, крестьянину того же Невского монастыря Власу Плотникову за 40 руб.³⁰⁵ Видимо, эта была часть весьма обширного двора, которую он ранее сдавал жильцам. У проживавшего в Петербурге с женой и семьей взрослого сына Никифора Григорьева как раз во время прохождения переписи пополнился состав его домочадцев. Поэтому к уже составленной сказке он был вынужден сделать добавление: «...сего же

³⁰⁴ Там же. Д. 1102, 1103.

³⁰⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1469. Л. 43 об.

мая в 718 году у него ж, Никифора, прибыло свойственных людей». И далее перечисляются его приехавшие родственники: брат с сыном и некий родственник Андрей Яковлев с женой, братом и семидесятилетней матерью (л. 457). Таким образом, семья стала состоять из 11 человек. Так оказался зафиксированным момент воссоединения на петербургской земле большой крестьянской семьи в доме ее старшего члена — Никифора.

Такие, хотя и немногочисленные, данные о монастырских крестьянах позволяют представить, как в Посадской слободе обрзовывалась «деревня», заселенная крестьянскими семьями, ее дворы, застроенные избами, амбарами и чуланами, и жители которой могли себе позволить носить бороды и традиционную русскую одежду (указы о брадобритии и ношении западноевропейской одежды на крестьян не распространялись).

Частновладельческие и дворцовые крестьяне, ставшие хозяевами петербургских дворов, в отличие от крестьян монастырских, не имевших, как правило, домочадцев, жили вместе с «товарищами» (членами артели) или работниками. Работники эти также были из крестьян, часто — односельчан. Не ясно, чем конкретно эти крестьяне занимались в Петербурге, но можно предполагать, что они подряжались на артельную работу.

Только один из дворцовых крестьян, Ефим Никифоров, в сказке о себе отметил, что он оброчный и «имеет за собою откупы» (л. 484). Никифоров был родом из большого промышленного московского села Покровское. Он односельчанин и наверняка знакомый Ивана Посошкова. Посошков в это же самое время тоже приобрел двор на Петербургском острове, к сожалению, однако, его сказка в переписи не сохранилась и об этом известно из других источников³⁰⁶. Из того же Покровского был держатель вольного дома напротив Гостиного двора Спиридон Шепилов. Е. Никифоров вывез из Покровского в Петербург всю свою семью и нанимал здесь по понедельно одного работника. Сказку свою он писал сам, сам же и руку приложил.

Помимо Никифорова, грамотными крестьянами оказались еще двое. Живший в работниках у купца Гостиной сотни крестьянин из Переяславля Рязанского сумел самостоятельно и очень грамотно составить требуемый для переписи документ,

³⁰⁶ Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1950. С. 186.

о чем и сделал в конце запись: «А сию сказку оной работник Гаврило Радионов сын Сапин своею рукою писал и руку приложил» (л. 82). Самостоятельно подписал «сказку» и «дворовый человек» Лаврентий Татаринов. Грамотная крестьянская рука оставила свой след и на полях рукописи «Школьное благочиние» — сочинении в виршах конца XVII в., воздающем хвалу обучению и просвещению³⁰⁷, она имеет следующую запись: 1719 июня в 2 день продал сию книгу бывшего боярина Бориса Петровича Шереметева³⁰⁸ оброчной крестьянин Федор Ларионов... подписал я, Федор Ларионов своею рукою», а по рукою по сей книге ...крестьянин Спиридон Григорьев, а потписал своею рукою»³⁰⁹. Пример Ивана Посошкова показывает, что некоторые из крестьян могли обладать высоким уровнем грамотности, возможно, как и он, они писали какие-то сочинения, судьба которых сложилась не столь счастливо, как книги Посошкова, дошедшие до нашего времени.

К сожалению, скудные данные переписей не дают нам возможности узнать, как крестьяне обживались в новопостроенном городе, сколь трудно им было приспособиться к нему — такому необычному для России.

Разные причины побуждали крестьян искать себе пропитание или наживать капитал в новой столице. Известна лишь одна история, произошедшая на двадцать лет позже описываемого нами времени, которую рассказал о себе крестьянин Александр Березин (1723–1799), ставший под конец жизни купцом первой гильдии. Он был монастырским крестьянином села Еремейцева Ярославского уезда. Когда ему, единственному сыну в семье, было два года, отец, занимавшийся в городах отходным промыслом, умер, и семья стала бедствовать. Совсем еще маленьким Александр пас скотину и ходил просить милостыню. В девять лет он научился плести лапти и на этом стал немного зарабатывать: «...сей первый промысл собственных трудов моих много поощрял меня к дальнейшему предприятю», — вспоминал Березин³¹⁰.

³⁰⁷ См.: Демин А. С. Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: 1975. М., 1976.

³⁰⁸ Фельдмаршал Б. П. Шереметев умер 17 февраля 1719 г., поэтому назван «бывшим».

³⁰⁹ РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Д. 60 (320). Л. 242–243.

³¹⁰ Сокращенная жизнь покойного купца первой гильдии Александра Петровича Березина // Русский архив. 1879. Кн. 1, вып. 2. С. 104.

Далее он рассказал, что «пришел в возраст пятнадцати лет, родительница моя решилась меня отпустить в столицу, на что я, получа благословение и сорок копеек на дорогу, отправился в путь»³¹¹. Что же его ждало в Петербурге? «Вступая в С.-Петербург, доискался пивоварни купца Зевакина³¹²; пришел, испрашивал позволения у прикащика остаться и иметь ночлег у них; но сей без доклада оного не дозволял. Увидя же меня, хозяин дал на оное свое согласие; то я и остался у них до приискания себе места, что и последовало вскоре: ибо нанялся у некоего секретаря с полным содержанием хозяйским и сверх того пять рублей деньгами в год каждый, а как у него был свой домик, то за исправление всей его домашней работы, как то: воду возить, дрова припасать, топить печи, башмаки и сапоги чистить, а сверх того и к будке ходить»³¹³. Юноша не только занимался всей этой черной работой, но сумел выучить грамоту и скопить капитал. В 24 года он приобрел дом в Петербурге и откупился от своей крестьянской общины, т. е. стал полноправным горожанином Петербурга.

Можно только сожалеть о том, что крестьянское сословие столь молчаливо и подобных рассказов о себе почти не оставило. Но несомненно то, что крестьяне внесли большой вклад в становление Петербурга. Их руками строился город, они снабжали его продовольствием и другими товарами, обеспечивали ведение домашнего хозяйства горожан, а некоторые становились гражданами и постоянными жителями Петербурга. Б. Н. Миронов, утверждая, что «крестьяне являлись главным источником пополнения гражданства», рассценивал это как негативный фактор: крестьяне привносили в город свои деревенские обычаи, понижали общекультурный городской уровень, ухудшали санитарное состояние городов, большинство из них рассматривало свой городской статус как временный³¹⁴. Но не только сама столица впитывала в себя крестьянские черты, но и крестьяне в отрыве от деревни приобретали опыт жизни в иной среде, выходя из замкнутости деревенского мира, на время освобождаясь от помещичь-

³¹¹ Там же. С. 105.

³¹² Видимо, Березин заранее знал от кого-то об этом куще и мог «откомендоваться».

³¹³ Там же.

³¹⁴ *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1760 гг. М., 1989. С. 180.

его и общинного контроля. Возникала, видимо, достаточно мучительная для сознания двойственность в социальной самоидентификации крестьян, осевших в городе, отраженная в том, как они обозначали себя в сказках: «петербургский житель (т. е. горожанин. — О. К.) крестьянин такой-то».

Глава 12

Всегда при канцелярии

(Приказные люди)

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ

Если Москву часто называли городом «купеческим», то Петербург — «чиновничьим». Уже в первые годы существования Петербурга дьяки и подьячие появились на берегах Невы — вначале при гарнизонной канцелярии и при высших должностных персонах. Затем сюда стали перебираться центральные учреждения из Москвы и формироваться новые центральные и местные городские учреждения. Дьякам и подьячим выдавались прогонные и подъемные деньги, предоставлялись подводы для переезда³¹⁵. По Табели 1717 г. на Санкт-Петербургском острове только 11 приказным персонам были отведены дворовые места Губернской канцелярией, которые они сами и застроили. Три человека поселились самостоятельно на пустующей земле³¹⁶. Подавляющее же большинство приказных людей — 116 человек — купили дворы у прежних хозяев.

К концу 1717 г. «приказной чин» владел на Санкт-Петербургском острове 194 дворами (39 дворов имели дьяки и секретари, 155 дворов — «разных канцелярий подьячие»)³¹⁷, что составляло 12% от общего количества дворов острова³¹⁸. На Московской стороне имелось всего 23 двора, на Выборгской — 20³¹⁹. За 1718 г. сохранилось 104 сказки приказных людей — хозяев дворов на Санкт-Петербургском острове, а людей, отнесших себя в сказках к приказному чину, совместно с членами их семей оказывается 476 человек.

³¹⁵РГАДА. Ф. 2 48. Оп. 1. Кн. 18. Л. 788–798; кн. 31. Л. 411–413.

³¹⁶РГАДА. Ф. 198. Д. 624.

³¹⁷Там же.

³¹⁸Подсчет сделан от общего количества дворов на острове 1668, однако следует иметь в виду, что многие владели двумя, а иногда и тремя дворами.

³¹⁹РГАДА. Ф. 199. Портфель 150. Ч. 17. Д. 4.

Переселившихся в Петербург приказных людей ожидали очередные потрясения: в самом конце 1717 г.³²⁰ решение Петра I о проведении реформы аппарата центрального управления созрело окончательно, и с 1718 г. повелевалось «сочинять коллегии», которые к 1720 г. должны были начать свою деятельность³²¹. Таким образом, для дяков и подъячих 1718–1720 гг. — время ожидания «новин» — стало временем особой нестабильности: появлялись новые учреждения, уничтожались старые; исчезали и сами традиционные названия приказных чинов, теперь главой ведомства становился не дяк, а секретарь, подъячих разных статей сменили канцеляристы, подканцеляристы, копиисты³²²; названия менялись, суть же их работы зачастую оставалась прежней. Увеличивалось количество учреждений и циркулировавших в них бумаг в несравнимых с прежними масштабах и, соответственно, расширялся корпус чиновничества, особенно его среднее звено — подьячие и канцеляристы. Спрос на специалистов приказного делопроизводства в столице был несравним с другими городами. Подъячих и вообще всех грамотных людей Сенат требовал высылать в нее из всех губерний³²³.

Казалось бы, повышенный спрос в столичных учреждениях на специалистов по делопроизводству должен был их сюда привлекать, однако представляется, что провинциальные и московские приказные служители в массе своей не очень стремились на берега Невы, зная или предполагая, сколь многотрудная и опасная работа, а также сколь дорогой уровень жизни их здесь ожидают. Петербургским властям, в первую очередь Сенату, постоянно приходилось требовать розыска провинциальных подъячих, назначенных к отправке в Петербург³²⁴ и куда-то по дороге исчезавших.

ПУТЬ НАВЕРХ И ЕГО ТРУДНОСТИ

Как воин представлял себе механику военных действий, а купец — механику накопления капитала, так приказной человек

³²⁰ См.: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. 1945. Т. 1. С. 261.

³²¹ См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 115.

³²² Там же. С. 192.

³²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 155. Л. 179, 372–383.

³²⁴ Там же. Оп. 1. Кн. 18. Л. 803.

представлял себе механику функционирования бюрократического аппарата. Приказные знали, что сочинение бумаг прямо влияет на людские судьбы и что важный документ в нужный момент должен быть найден (или не найден). Служащие суда, городской канцелярии, таможни, полиции, других городских учреждений оказывались втянуты в дела горожан и не хуже духовных отцов знали, с кем какая беда произошла. Даже самый незначительный подьячий имел возможность повлиять на ход того или иного дела, поспособствовав пропаже одного листа, переместив дела на дальнюю полку или использовав другие небольшие ухищрения. Расправу в гражданских и уголовных делах чинил не Бог, не царь и не боярин, а маленький чиновник, занимавшийся перепиской бумаг, розыском и пыткой, «понеже Бог суд Свой вручил Царю, а Царь судьям, а судьи вручили тебе (подьячему. — О. К.)»³²⁵.

Чтобы стать опытным специалистом, требовалось пройти снизу доверху «лестницу чинов», которая в Петербурге была особенно высока и многоступенчата. Этот путь начинался с постижения азов делопроизводства в приказах в роли «малолетних» (слово «ученик» здесь редко употребляли) в возрасте от 11 до 14 лет³²⁶, без жалованья. Обычно ученики уже имели начальные навыки чтения и письма³²⁷. Следующая ступень — «молодой» подьячий, он уже мог претендовать на жалованье. Сами подьячие так характеризовали начало своего профессионального пути: «В приказной чин, не обучаясь из малолетства, отнюдь вступить невозможно, ибо оной чин весьма многотруден, а малолетние чрез обучение и страх принуждены бывают к приказному делу рачение иметь, и ежели из оных кто чрез многой свой прилежный труд покажет себя по оному делу достойна, то таковых, по усмотрению судейскому, в окладные молодые подьячие пишут»³²⁸.

От «молодого» подьячего следовало пройти еще две ступени: подьячего «средней статьи» и «старого» подьячего, лишь после

³²⁵ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением. С. 179.

³²⁶ См.: Серов Д. О. Строители империи. С. 23.

³²⁷ О системе обучения при приказах см.: Демидова Н. Ф. Обучение при Посольском и Поместном приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (с древнейших времен до конца XVII в.) / Под ред. Э. Д. Днепров. М., 1989.

³²⁸ Цит по: Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра. С. 193.

этого возможно было получить дьячество. Для подьячих, успешно продвигающихся в карьере, имелись шансы достигнуть дьяческого чина примерно к 30 годам. Самый ранний возраст дьяка, зафиксированный в сказках, — 31 год (это дьяк Азовской губернии Ив. Спиридонов). Несколько старше его — Анисим Маслов, ему 33 года, но известно, что он получил дьячество в возрасте 29 лет. С появлением «Табели о рангах» статская служба стала более многоступенчатой, вплоть до действительного статского советника. Однако в «молодых» подьячих некоторые оставались до седых волос, вот, например, из девяти ревельских подьячих самый старый — Иван Иванов 59 лет — числился в «молодых», а 38-летний Василий Иванов — в «старых» подьячих³²⁹.

Подьячие нужны были то там, то здесь и часто меняли места службы и жительства.

Приказы и коллегии Петербурга не справлялись с наплывом бумажной работы. Вице-губернатор Степан Клокачов доносил Сенату, что подчиненные ему служащие Губернской канцелярии «...управляют его государевы и челобитчиковы многие дела по возможности денно и нощно и безвыходно, и за неисpravление держатца в канцелярии за караулом, а иные многие и скованы, понеже за малолюдством и справица не могут...»³³⁰. Действительно, поскольку при Губернской канцелярии находился и тюремный двор, туда «неисправных» подьячих сразу и отправляли.

Приказные служащие, особенно нижних чинов, дневали и ночевали за работой в своих учреждениях. И. Т. Посошков, давая наставления «молодому» подьячему, писал: «В деле же своем приказном буди всегда бодр и на дело свое готов; пьянства же вельми бойся, но всегда буди при канцелярии и сиди на месте, не поскакивая. И егда дневание твое будет, то ни на едину минуту от определенного ти дневания не отлучайся, дондеж товарищ не сменит тя. А егда и не твое дневание, обаче буди ты неотлучен, ничим же буди от дневальных подьячих отменен, но всегда при канцелярии будь, яко и в дневании своем; разве к ночи домой отходи. А и дома не засывайся, приходи в канцелярию прежде людей, а выходи после всех своей братьи. И дома пообедав... паки беги в канцелярию, и всегда живьмя живи в канцелярии»³³¹.

³²⁹РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 2. Л. 47, 49.

³³⁰РГАДА. Ф. 248. Кн. 195. Л. 215–216.

³³¹Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением. С. 173.

Вряд ли кто дотягивал до такого идеала, но действительно часто у подъячих не оказывалось возможности заняться своими неотложными личными делами. Так, подъячий Штабс-контор коллегии Илья Ярцов оправдывался, что он не мог в течение нескольких недель заняться поиском пропавшего малолетнего брата по причине своего «одержания» в коллегии «за отправлением государевых дел»³³². Подъячий Трофим Быховец, оставшийся в результате обмана «в разорении, без денег и без хлеба и без двора», писал, что завести судебное дело не в силах «пробывая денно и ночью у твоих государевых дел без выпуску»³³³.

И. Посошков прямо сравнивал «праведную» службу в приказе, отправляемую «денно и ночью», с монашеским подвигом: «...тебе приказное сиденье вместо скитского жития будет», — писал он³³⁴. При таком взгляде на подъяческое «сиденье» оно не являлось соответственно оплачиваемым трудом, а было подвигом «служения» государству, награда за который жаловалась от Государя и от Бога. Однако для житья в Петербурге средства требовались немалые, дороговизна здесь была ужасающая, да к тому же угнетала необходимость строить мазанки, мостить улицы и осуществлять многое другое, полезное для города, но разорительное для горожан.

ДОХОДЫ ОТ ТРУДОВ СВОИХ

На какие же средства жила «армия» петербургских чиновников? Жалованье им полагалось по штату того или иного учреждения в двух формах — денежной и продуктовой, причем в столице жалованье было на 50% выше, чем в других городах³³⁵. Однако выдавалось оно крайне нерегулярно, каждый год надо было подавать новую просьбу о его получении, и она далеко не сразу и не всегда выполнялась. Можно привести множество челобитных со слезными прошениями приказных людей о выдаче им жалованья. Остановимся для примера лишь на одной — дьяка Федора Воронова, работавшего в розыскных канцеляриях и занимавшегося расследованием крупных

³³²РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 2.

³³³Там же. Д. 1574. Л. 30.

³³⁴Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением. С. 174.

³³⁵Подробнее о жалованье см.: Анисимов Е. В. Государственные преобразования. С. 222.

государственных хищений. Он писал: «...хлебного жалованья на прошлой 716 и на нынешний 717 год, кроме денежного, не дано, от чего одолжал и впредь откуда буду денежное и хлебное жалованье получать не знаю. А без выдачи Вашего величества жалованья мне, у дел будучи, пропитатца нечем, человек я небогатой. Да я ж строю, по указу Вашего величества, на берегу каменное полатное строение, от которого в долгах остаюсь. А трудами моими... на людях взято более двухсот тысяч рублей... (т. е. возвращены расхищенные из казны деньги. — О. К.)»³³⁶.

Воронову, по крайней мере, было выплачено денежное жалованье, которое по сравнению с хлебным было малозначимым из-за того, что на деньги небольшое можно было купить. Рядовые подьячие во второстепенных учреждениях могли вообще никакого жалованья не получать годами. К примеру, подьячий петербургского Провинциального суда Алексей Федоров, как мы уже видели, оказался плохим работником — он пьянствовал, допускал «предерзости», не приходил на службу и во время следствия под пыткой признал за собой еще и «блудное дело». В наказание он был бит батогами, а также «по генеральному регламенту надлежало у него, Алексея, вычесть из жалованья 56 рублей, 12 алтын, 4 денги», — докладывали из Провинциального суда в вышестоящие инстанции, — но это сделать было никак невозможно, поскольку «ему, Алексею, его императорского величества жалованья, как денежного, так и хлебного в Провинциальном суде не было и вычитать оного не из чего»³³⁷.

Необходимо, однако, задуматься над самим феноменом «жалованья» в описываемое время. Оно не являлось тождественным современной «зарботной плате». «Жалуемое» принадлежало государю, и передача жалованья подданным являлась его милостью к ним (ср. форму прошения о жалованье «государь, смилуйся, пожалуй»). Жалованье не предназначалось для эквивалентной расплаты за труд, это был дар, его жаловали за верную службу, фактически — за преданность, одновременно оно являлось и «милостыней», выданной для поддержания существования. Поэтому, чтобы получить даже положенное по указу жалованье, его следовало просить, подавая челобитную на царское имя.

³³⁶ Цит. по: Серов Д. О. Строители империи. С. 204.

³³⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1571. Л. 50–53.

Действуя частным образом, например, составляя челобитную для постороннего человека, тот же подъячий за ту же работу брал плату, но тут материализовывались совершенно другие отношения — не дар, но договор — и чиновник уже выступал как «работник» — статус, не сравнимый со «служителем». За плату работали низшие слои общества, ремесленники, поденщики, крестьяне. Чиновников никогда не называли в те времена «работниками», но только «служителями», так их именует и Генеральный регламент Петра (гл. 25). Эти архаичные отношения власти и подданных постепенно исчезали и были в петровское время уже на излете, тем не менее практика властей — не платить служащим за работу, и практика служащих — работать не за плату, а за «идею», надолго сохранилась в российской действительности, к ней относились как к вещи само собой разумеющейся.

Очевидно, что государево жалованье было ненадежным источником дохода. На что же тогда жили приказные люди?

В 1722 г. Сенат послал запрос в некоторые центральные учреждения, выплачивается ли приказным людям жалованье, и если нет, то чем они «довольствуютца». В Сенат ответили, что жалованье не выплачивается уже несколько лет, «а довольствуютца они, займывая деньги»³³⁸. Многие приказные люди, если не большинство, имели деревни с крестьянами, часть из них выходцы из небогатых дворянских семей. Землевладение служилой бюрократии сложилось уже в XVII в., когда дьяки и подьячие получали не только денежные, но и поместные оклады³³⁹. По данным на 1700 г., только за 9 думными дьяками насчитывалось принадлежащих им 1253 крепостных крестьянских двора³⁴⁰, большинство потомственных дьяков и подьячих продолжали оставаться землевладельцами и в петровское время. К примеру, дьяку Ивану Степанову принадлежала деревня Марьино Кашинского уезда с 20 дворами³⁴¹.

Владение землями давало счастливую возможность подвозить в Петербург припасы для домашнего потребления. Провинциал-фискалу А. Ф. Негоновскому, например, везли

³³⁸ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 2. Л. 227.

³³⁹ См.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 90–117.

³⁴⁰ Там же. С. 102.

³⁴¹ РГАДА. Ф. 7. Д. 209. Л. 4.

из деревни в Петербург припасу на 12 подводах³⁴². Из деревень в город можно было брать дворовых людей. Совершенно обычными были в суде такие решения, как следующее: «...женку Авдотью Иванову дочь за побег от вотчинника ея подьячего Ивана Даркова бить на козле кнутом и отдать ему, Даркову, по крепости»³⁴³. Часть городской прислуги у служилой бюрократии была купленной, причем по дешевке: приобретались старики, да малолетки, да пленные шведы.

Приказные служащие, как и ранее, традиционно «кормились от дел», т. е. получали и уголовно наказуемые взятки, и не нарушавшие закон подарки («акциденцию»), и «почести» — грань между ними была весьма зыбкой³⁴⁴. Челобитчики, приходившие в учреждения, обычно обращались к подьячим с просьбой написать им ту или иную бумагу. И. Посошков давал молодому подьячему такое наставление: «Аще возмиши у кого какое-нибудь дело писать, то положи ты срок и рцы ему тако: „Аще что от Бога не займет, и от судей наряду какова не будет, и Божия помощь поспешит ми, то к сему числу, или ко оному, напишу“». Речь шла о том, что у подьячих, занятых на службе, было крайне мало времени на исполнение «левых» работ. Поэтому оплата этого их труда складывалась из определенной суммы за само написание документа и подарков за скорость и за качество. «А буде же кто тебя чем подарит, дабы ты прилежнее потрудился, то и сна у себя убавь, и тщися, чтобы не туне был ево тебе подарок; велми бо грешно человеку тунеядцом быти».

Взятка же, в отличие от подарка, давалась за противозаконные действия, за то, чтобы «виноватого поправлявати, а правого — привинивать»³⁴⁵. «Почесть» — подарок, не требовавший «отдарка», являлся формой благодарности за сделанную работу, которая, конечно, подразумевала благорасположение на случай новых обращений за помощью. Взятка обычно была самым крупным подношением. Например, о канцеляристе

³⁴²РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 21.

³⁴³РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 36.

³⁴⁴Об этом см.: Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 141–146; Серов Д. О. Строители империи. С. 8–29; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие. С. 229; Седов П. В. Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. С. 130–163.

³⁴⁵Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением. С. 173–174, 179.

Юстиц-коллегии П. А. Ижорине один из подследственных этой коллегии в 1719 г. доносил, что «подьячий Петр Ижорин... взял с него, Попцова, во взятку двою часы, одни карманные серебряные, ценою в пятьдесят рублей, другие стенные боевые, в корпусе, ценою в шестьдесят рублей, да запаса всякого, а имянно муки, солоду, вина, мяс, рыб и прочего рублей на пятьдесят с небольшим»³⁴⁶.

Некоторый прибыток подьячие получали от использования своих профессиональных знаний для обучения «науки письма». Обучение малолетних и молодых служащих того или иного учреждения прямо в процессе работы входило в обязанности опытных подьячих, однако они занимались этим и на дому уже за особую плату или за отработку в домашнем хозяйстве. Сказки 1718 г. фиксируют некоторых проживавших в доме у подьячих учеников: например, у дьяка петербургской Ратуши Ф. Тимофеева учился 12-летний сын новгородского посадского человека; у канцеляриста Н. Кондратова «для приказного обучения» проживал 15-летний ученик (л. 319, 389).

Как и у других петербуржцев, еще одной из статей дохода приказных людей была сдача внаем квартир. Подьячий Василий Бохин побил все рекорды, поселив у себя во дворе 21 жильца, всего с женами и детьми получилось 29 человек (л. 101–102). Однако приблизительно половина приказных служащих Петербурга сама нанимала квартиры, не имея собственной жилплощади.

Нередко подьячие со службы бежали: только из Петербургской губернской канцелярии сбежало семь «молодых» подьячих, «а после них многих дел не сыскано»³⁴⁷. Побегі сопровождались кражами.

Итак, государь если и платил жалованье дьякам и подьячим, то это происходило нерегулярно, и прожить на него было сложно, при этом он распоряжался их трудом, не считаясь со временем, и днем и ночью. Впрочем, точно то же самое происходило и с другими подданными. Поэтому были необходимы дополнительные средства к существованию, которые следовало получить без особых затрат своего времени, эти средства складывались из владения именьями, из которых доставлялись продукты натурой, из сдачи внаем квартир, из частных

³⁴⁶Цит. по: Серов Д. О. Строители империи. С. 23.

³⁴⁷РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 63. Л. 1051.

уроков, частной практики составления документов и получения подарков, почестей и взяток. Были также и нелегальные способы получения доходов с использованием должностного положения и профессиональных навыков — казнокрадство, подделка документов, особенно денежных, продажа различных секретов, узанных из бумаг, на этой же почве — шантаж.

РАСХОДЫ И УТРАТЫ

Бюрократия петровского времени была далеко не однородной. Внизу чиновной лестницы стояли люди мелкие, невидные, «винтики» бюрократической машины, а на ее верху — особы значительные, управлявшие крупными ведомствами, обладавшие немалой властью и богатством. Они проходили всю лестницу снизу вверх, и перескочить ее ступеньки было невозможно. Тем не менее даже у лиц, достигших высших чинов, жизнь была далека от покоя и стабильности — государственная служба требовала от них многих лишений, в том числе и материальных.

Рассказ о себе такого чиновника, Ивана Никифоровича Венюкова, имеет особо жалостное звучание, поскольку он включен в его челобитную с просьбой об отставке. Венюков был сыном одного из видных дьяков-дипломатов XVII в. и сам сделал достаточно удачную бюрократическую карьеру, служа в основном при судебных и розыскных делах. Он писал о себе следующее: «Понеже я при делах Вашего императорского Величества обретаюсь 34 г. и в секретарях действительно 17 лет, и в С.-Петербурге жил более 18 лет, в которое время как из С.-Петербурга в Москву, так из Москвы в Санкт-Петербург имел более 20 поездок, и в 721 году от прибылой воды учинилось мне убытку более 1000 руб., а напоследок, за отлучкою в Москву, в С.-Петербурге двор мой, которой мне стал более 700 рублей, вовсе разорился, к тому-ж в прошлом 1737 г. в Москве погорел без остатка, а на другой день выслан в Санкт-Петербург безвременно, отчего пришел во всеконечное разорение и в совершенную скудость»; в погоревшем московском доме осталась мать «в глубокой старости, а при ней малолетних детей моих четыре человека». Вскоре мать умерла, а Венюков так и не мог получить отпуска из Петербурга в Москву: «Малолетние мои дети, — писал он далее, — без призрения странствуют и без науки почти пропадают напрасно, а, не осмотрясь с домишком моим, взять их сюда невозможно и

не к чему, понеже и дворишка здесь своего не имею, да и привезть их чрез такой путь в малолетстве некому. В Главной полицеймейстерской канцелярии (где служил Венюков. — О. К.) неоднократно и просил, по которым моим прошениям объявлено было мне, что, за неопределением другого секретаря, отпустить невозможно, а как и другой секретарь определен, отпуска себе получить не могу»³⁴⁸. В 1724 г. в петербургском доме Венюкова на постое стояли шестеро солдат³⁴⁹.

Жизнь на два дома — московский и петербургский, — сложившаяся в петровское время, требовала дополнительных расходов. Канцеляристы Сената пытались обратить внимание господ сенаторов на нелепость ситуации — в Москве на их дворах в отсутствие хозяев ставили на постой солдат и разбирали их обветшавшие хоромы на дрова, а в Петербурге, по месту их службы, канцеляристам приходилось нанимать себе жилье и дорого за него платить³⁵⁰. Подьячие были истинными мастерами «жалостного» слога. Вот, к примеру, как описывает свое бытие в Петербурге подьячий канцелярии Сената Андрей Севергин: «А человекенко я скудной. И на дворишке хоромишки нужные ветхие, в которых и прожить немочно; также и погребешка нет, а мазанку строить за скудостью нечем»³⁵¹.

И тем не менее выясняется, что хотя подьячие бесконечно жаловались на свою скудость и вечную занятость, они имели у себя дома множество дорогой утвари, одежды, драгоценностей. Об этом свидетельствуют их собственные заявления об ограблениях, поданные в суд и в полицию. Заявления приказных людей о кражах многочисленны не столько потому, что они были наиболее притягательным объектом для грабежей, сколько, во-первых, вследствие умения составлять документы, во-вторых, вследствие содержания в доме случайной прислуги. Для нас эти документы интересны тем, что через вещи, окружавшие подьячих, через предметы, находившиеся в их карманах, нам легче представить себе их образ жизни.

Документы, деньги и дорогие сердцу вещицы обычно хранили в подголовках. Для серьезных грабителей они представляли бóльший интерес, чем тряпки из сундуков. Подголовков

³⁴⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1906. Т. 124. С. 499–500. За указание на документ благодарю Д. О. Серова.

³⁴⁹ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Д. 256/14.

³⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1206. Л. 583.

³⁵¹ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 54.

представлял собой ларчик со скошенной крышкой, запирающийся на ключ, причем замок обычно был внутренним, а не навесным, его нельзя было сбить. Поэтому воры «с улицы» подголовок крали целиком и потом разбивали, домашние же воры выкрадывали у хозяина ключ.

У подьячего Дмитрия Горохова был подголовок, окованный железом, в котором содержались его письма, в том числе крепость (документ, подтверждающий владение собственностью) на его двор, и две медные чернильницы. Подголовок этот унесли наряду со многими другими вещами грабители, проникшие в дом с улицы. Дьяка Прохора Трофимова ограбил работавший у него пленный швед, который сбежал, прихватив «подголобочек с нутрянным замком», а в нем 100 руб., кое-что из мелких вещей, например зеркальце, а также «всякие письма (т. е. документы. — О. К.) и грамотки (т. е. личные письма. — О. К.)»³⁵². Канцелярист Алексей Иванов рано поутру ушел на службу в Сенат, а тем временем его «купленный человек» из окна «выбил окончину воровски и влезши в то окно, унес подголовок ево со скарбом, которой сыскан на том же ево дворе у передбанника, где стоит лошадь, разломан, и всякой ево и жены ево скарб жемчужной, золотые и ефимки и иные вещи покрадены». «Скарб» жены этого канцеляриста поражает своим разнообразием и богатством. В нем, например, находились два перстня золотых с изумрудами, серьги золотые с алмазами, перстень золотой с гранатом и множество жемчужных украшений. Всего Горохов оценил украденное у него в сумму 203 руб.³⁵³ А подьячий Иван Меньшев, снимавший квартиру, обнаружил пропажу из кармана «подголобочного» ключа, пришлось ему ломать замок. Сделав это, он увидел, что пропала часть денег³⁵⁴.

ОДЕЖДА И СОДЕРЖИМОЕ КАРМАНОВ

Подобные истории о кражах в домах подьячих можно рассказывать до бесконечности, они происходили повседневно. Но случались и ограбления иного типа, когда раздевали прямо на улице. Эти прискорбные случаи интересны тем, что фиксируют подьячего в самый обычный момент нахождения

³⁵²РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1595 л. 23.

³⁵³РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 39–40.

³⁵⁴Там же. Д. 1574. Л. 22.

на улице, в его повседневной одежде. Вот, например, холодным и сумрачным январским днем 1720 г. подьячий Юстиц-коллегии Иван Зорин пошел в баню, «а как пошел из бани, против перекрестка в Посадской улице у кабака напали на него незнаемо какие люди», все, что у него можно было отнять, они отняли, только не раздели. Что же было на Зорине по выходе из бани? На голове — триповая³⁵⁵ темно-зеленая шапка, не дешевая, ценою в рубль, на руках — рукавицы сафьянные черные, на шее — галстук, в карманах — два шелковых платка, на пальце серебряный перстень, в руках — трость «натуральная», обложена серебром (за 4 руб.), в кожаном красном кошельке лежала медная печать и три рубля денег, с собой он нес исподнее — две рубахи и порты, очевидно, переодетые в бане. Всего своих потерь Зорин оценил на сумму 30 руб. 16 алтын 4 деньги³⁵⁶, и действительно, все вещи при нем были доброкачественные, из хорошего материала, хотя шел он не в гости, а всего лишь в баню.

Год спустя, тоже в январе, приблизительно по тем же улицам в восьмом часу вечера шел домой от своего сослуживца подьячий Подрядной конторы Данила Назарьев, и «напали на него незнаемо какие воровские люди, и били смертным боем и голову проломали дубиною и ограбили». Как выглядел перед грабежом Назарьев? На нем была красно-коричневая («гвоздишного цвету») суконная шапка с околышком из черной овчинки, перчатки теплые, козлиные. В одной руке он нес жестяной круглый слюдяной фонарь, освещаая им себе дорогу, ибо на улицах не было освещения, а в другой — трость «натуральную», окрашенную, не новую, так как краска на нижнем ее конце уже облупилась. В карманах у него был ножик складной перочинный, табакерка роговая, черная, немецкой работы, тисненная, да два платка — шелковый и белого полотна³⁵⁷. Содержимое карманов подьячего Юстиц-коллегии Петра Кудрявцева было очень похожим: «...кошелек бархатной зеленой, в котором было денег три рубля двадцать алтын, плат шелковой сырцовый, красной, цена 20 алтын, табакерка роговая круглая, цена 6 алтын 4 денги, ножик складной перочинной». Но одет Кудрявцев был намного богаче, он шел из дома

³⁵⁵ *Трип* — ткань, выполненная в бархатной технике и напоминающая бархат.

³⁵⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 11–11 об.

³⁵⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 14.

Нарышкиных, где был «по своим делам»: «...шляпа полупуховая с позументом серебряным, цена рубль с полтиной; кафтан суконной, цветом песочным, обшлаги черные, пуговицы и петли гарусные черные ж, до подолу подбит стамедом³⁵⁸ коришневым, цена 4 рубли»³⁵⁹.

В конце февраля, вечером, по тем же улицам Посадской слободы Санкт-Петербургского острова шел домой от родственника подьячий Камер-коллегии Козьма Степанов. С ним приключилась самая неприятная из всех история: из одного двора «выбежав, 3 человека незнамо какова чину при шпагах, ухватя ево за галстух, учили давить и всташили на тот... двор в ызбу и учили бить смертно, и выняв наголо полаши, хотели рубить». Не на улице, а за забором, грабители чувствовали себя увереннее и раздели подьячего полностью: сняли с него суконный кафтан лимонного цвета, китайчатый³⁶⁰ лазоревый камзол, камчатую³⁶¹ зеленую фуфайку, суконную лазоревую шапку и черные сафьянные рукавицы. Отобрали даже нателный серебряный крест, а также серебряный перстень и два рубля денег. Видимо, от родственника подьячий шел с подарком или с товаром — при нем оказалось 20 деревянных ложек. Как и у других его собратьев, у Степанова было с собой два платка — один из тафты, а другой — «каморковый» — из дорожного тонкого голландского полотна. По словам подьячего, его хотели убить и «кинуть в подполье», но он пообещал грабителям дать из дома 10 рублей и по дороге смог как-то отделаться от них, видимо, сильно пьяных³⁶².

Октября 31 числа 1720 г. на подьячего Сибирской канцелярии, шедшего домой в Посадскую улицу, напали солдаты: «Сбили шапку медвежью вершок суконной, коричневой, перчатки валенные, из карманов выняли два платка белыя, урупковые ножницы, денги с мешочком, рубь десять алтын, да писмо пропускное, которое данно было из рентерей»³⁶³.

Хотя все ограбления происходили зимой и поздней осенью, ни в одном из случаев не названа верхняя одежда. Скорее

³⁵⁸ *Стамед* — шерстяная подкладочная ткань саржевого переплетения.

³⁵⁹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 88.

³⁶⁰ *Китайка* — зд. шелковая гладкокрашенная ткань.

³⁶¹ *Камка* — тонкая шелковая ткань, однотонная с блестящим узором на матовом фоне.

³⁶² РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 26 об. — 27.

³⁶³ Там же. Д. 1555. Л. 129.

всего, на пострадавших были овчинные шубы или тулупы — дешевые и объемные, брать их ворами не имело смысла. Но в подъяческих сундуках встречается и такая дорогая, свойственная благородным сословиям верхняя зимняя одежда, как епанча — широкий плащ без рукавов на меху. Епанчу, подбитую лисой, украли во время пожара у подъячего Храмцовского³⁶⁴.

Перочинные ножики и ножницы в карманах подъячих вполне естественны, а вот какую роль выполняли имеющиеся у всех них платки, причем обычно две штуки? То, что они обязательно перечисляются среди украденных вещей, говорит об их ценности для владельца, это — не тот пустяк, который представляет сегодня носовой платок, пусть и дорогой. Использовались ли они для гигиенических процедур, вытирания лица и рук, которые у подъячих всегда были испачканы чернилами, или были для того слишком дороги и представляли собой лишь декоративный элемент, дополняющий костюм?

Подьячие часто носили с собой различные бумаги, для чего использовали кошельки больших размеров. Например, в церкви Рождества Богородицы у одного из подъячих вытащили кошелек из золотого штофа с позументом, ценой 4 рубля (т. е. очень дорогой), в нем находилось 10 червонцев и 4 рубля мелочью, заемное письмо в 20 рублей, да три письма к купеческому человеку Никите Степанову и две копии с них³⁶⁵.

Таковыми, одетыми на западный манер в камзолы, в галстуки, с дорогим платком и с обязательной тростью в руках, да парой рублей и табакеркой в карманах, шли подьячие по своим делам по петербургским улицам. Поодиночке в темное время старались не ходить, чтобы избежать неприятных столкновений, и для несения фонаря брали с собой слуг. Трость была вещь многофункциональной, на нее опирались, ею отгоняли собак, а в возникающих конфликтах ею били противника или слугу³⁶⁶.

Но вот подъячий приходил домой, отпускал в людскую слугу и облачался в «спальный кафтан». Это было также заимствованное из западной моды платье для домашнего употребления, называвшееся по-немецки «шляфрок» (т. е. «платье для сна»). Однако в нем отнюдь не спали, а принимали гостей, так сказать, домашним, неофициальным образом. Шляфрок,

³⁶⁴ Там же. Д. 1554. Л. 65 об.

³⁶⁵ Там же. Д. 1570. Л. 90.

³⁶⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 69 об. Д. 1568. Л. 8 об.

который носили и мужчины, и женщины, был подобен халату — широкий, с запахом, подвязывающийся поясом. Похоже, что в петровское время он вошел в большую моду — шлафроки шили из дорогих шелковых тканей, они, без сомнения, были предметом роскоши. Дети приказных людей, учившиеся за границей, привыкали там к этому нерусскому виду одежды. Вот дьяк М. Ларионов, вернувшись из Турции в 1701 г., послал своему обучавшемуся в Берлине сыну «гостинец» — турецкой материи специально на «спальный кафтан»³⁶⁷. Но шлафроки нашли себе место и в сундуках петербургских подьячих — они нередко встречаются в перечнях украденных у них вещей. У одного подьячего среди похищенного был женский «полушлафорг отласной, вишневой, опушен рудожелтою камкою на бельем меху», цена ему была 13 рублей³⁶⁸, у другого «платья жены ево — шлафор обьяриной, цвета рудожелтой, подложен китайкой — 18 руб. ... шлафор китайчатой теплой, мех заячий — 5 руб.»³⁶⁹. В обоих случаях подьяческие жены щеголяли в ярких, с подкладкой и с отделкой, теплых и очень дорогих домашних одеждах. Шлафрок стал предметом спора в одном из дел о наследстве между матерью и женой покойного. Мать хотела иметь у себя шлафрок сына, его вдова сначала утверждала, что отдала его в приданое за своею служительницею, потом — что он отдан «отцу духовному поминовения ради»³⁷⁰, т. е. был вещью особой ценности.

Подьячие знали также, что такое хорошее постельное белье — у них имелись и простыни (у подьячего Иванова — весьма дорогие: одна «плетенная колчатая белая, ценою 5 рублей», другая «плетенная, немецкая, 4 рубля»), и «наволоки на изголовье»³⁷¹, и множество полотенец дорогого полотна.

ОБУЧЕНИЕ, КВАЛИФИКАЦИЯ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Воистину служба приказных людей была «многотрудной», а в петровские времена она резко усложнилась — в Петербурге требовали от работы высокой квалификации, а развернувшие-

³⁶⁷ РНБ. ОЛДП. Q 64. Л. 190.

³⁶⁸ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 40.

³⁶⁹ Там же. Д. 1574. Л. 23.

³⁷⁰ Там же. Д. 1587. Л. 68 об.

³⁷¹ Там же. Д. 1570. Л. 46; Д. 1555. Л. 35 и др.

ся с невиданной до того масштабностью контакты с Европой делали необходимым знания иностранных языков и манер. Новые государственные учреждения, появлявшиеся в ходе реформ, в своем петербургском варианте должны были служить образцом для местных учреждений, иногда они вводились здесь на несколько лет раньше — «для примеру лутчего» другим городам. У служащих коллегий круг общения на работе изменился по сравнению с тем, что был ранее в приказах, — теперь рядом с русскими бок о бок работали и иноземцы. В 1718 г. для иностранных канцеляристов специально производили ремонт мазанковых домов, построенных на Санкт-Петербургском острове «для житья коллежским служителям и членам»³⁷², так что и в городе они оказывались соседями. Повседневное общение с иностранцами в Петербурге стало обычным для бюрократии.

Развернувшиеся с невиданной до того масштабностью контакты с Европой и процесс вестернизации в целом требовали нового вида обучения для приказных служащих — обучения иностранным языкам. Решался этот вопрос по-разному — и посылкой за границу, и обучением в отечестве. Особая нужда в отечественных специалистах со знанием иностранных языков имелась в Коммерц-коллегии и Коллегии иностранных дел. Для их изучения из всех губерний требовали в Петербург по 2–3 молодых подьячих от 15 до 20 лет для дальнейшей их отправки на учение в Королевец (т. е. в Кёнигсбергский университет). Этих молодых людей высылали с мест вместе с деньгами, собранными на их образование с подьячих всех других губерний. Например, в Азовской губернии из требуемых двух кандидатов в немецкие студенты с трудом нашли одного — Миню Харламова, а за другого вызвался добровольно поехать петербуржец — подьячий адмиралтейской канцелярии Иван Панов³⁷³. По своему желанию присоединился к русским студентам подьячий Посольского

³⁷²РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 66. Лл. 151–152; Богданов А. И. Указ. соч. С. 34.

³⁷³РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 62. Л. 1027–1047. Присутствие этих подьячих в Кенигсберге с января 1716 г. по апрель 1718 г. засвидетельствовано сделанным там списком денежных задолженностей 32 русских студентов из подьячих (РГАДА. Госархив. Ф. 17. Д. 52). См. подробнее: Костяшов Ю. В., Кретиинин Г. В. Российские студенты времен Петра I в Книгсберге // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 174–175; Костяшов Ю. В., Кретиинин Г. В. Петровское начало. Кенигсбергский университет и российское просвещение в XVIII веке. Калининград, 1999.

приказа Степан Пучков³⁷⁴. С 1716 г. многие из них уже приступили к учебе в Кенигсберге.

Тем временем руководством Посольского ведомства стремилось найти способы обучения иностранным языкам в России. Четверо подьячих Посольского приказа были отданы «для научения латинского и немецкого языков римского кастела патерам»³⁷⁵; с 1717 г. при Посольской канцелярии латинскому и немецкому языкам обучался дворянин Федор Воейков, в апреле 1719 г. по своему желанию к нему присоединились братья М. и Ф. Немтиновы. Учились они у переводчика Франца Шевнуса³⁷⁶. В 1722 г. при коллегии иностранных дел было четверо «учеников» и двое «коллегии юнкеров», т. е. учеников из дворян, но большая часть учащихся (14 человек) отправлена за границу: в Голландию, Францию, Испанию, Польшу, Вену, Берлин, Швецию, Константинополь, среди них вышеотмеченные Иван Панов — в Голландии, Ф. Воейков — в Вене, Ф. Немтинов — в Швеции³⁷⁷.

Среди некоторой части приказных, особенно занятых в службах дипломатического ведомства, видно сознательное стремление овладеть европейской культурой — это оказывалось необходимым для профессиональной деятельности. Такие лица, как П. В. Курбатов, И. Колушкин, М. Аврамов, И. Леонтьев, П. Ларионов, братья Борис, Петр и Григорий Волковы, братья Постниковы и др., выехали учиться в западноевропейские страны либо по собственному желанию, либо по желанию своих родителей³⁷⁸ и практически самостоятельно оплачивали это дорогостоящее учение.

Одно из частных писем в Берлин подьячего Михаила Родионовича Ларионова своему сыну «Петрунюшке» и его опекуну «доброму приятелю» Готлибу фон Бергену прекрасно показывает многие стороны обучения за границей. Михаил Ларионов (род. ок. 1660 г. — ум. 1732) был участником посольств в Англию, Голландию, Пруссию и Флоренцию, азовских походов, а в 1700–1701 гг. находился с дипломатическим поручением в Турции³⁷⁹. Именно после этой поездки и были

³⁷⁴ См.: Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 181.

³⁷⁵ РГАДА. Ф. 158. Оп. 3. Д. 52. Л. 2.

³⁷⁶ Там же. Д. 52 и Д. 47.

³⁷⁷ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 2. Л. 336.

³⁷⁸ См. подробнее: Заозерский А. И. Указ. соч. С. 181–183.

³⁷⁹ См.: Серов Д. О. Строители империи. С. 236.

написаны письма, так как Ларионов все это время не имел никаких вестей от сына, а дома обнаружил, что тот прислал матери всего одно письмо, написанное, однако, по-немецки. Он просил в письмах подробно отчитаться, как идет учеба сына «и что он учит, и в школу ходит ли или дома учитца?», а также о расходе денег «девяносто золотых червонных», посланных через иноземцев для содержания и учебы Петруши — «о всем прошу потрудися меня уведомить», — пишет он Готлибу и посылает еще 50 золотых червонцев и множество подарков. Ларионов считал крайне необходимым, чтоб об учебе сына Петра знали глава Посольского приказа Ф. А. Головин и посланник в Берлине А. П. Измайлов: «Боярин Федор Алексеевич, — пишет он, — спрашивает от тебя письма, а я не знаю, что сказать, и ты отпиши к нему хорошенко. И побей челом господину фон Бергену, чтоб тебя научил. А мочно б и самому в такие лета научитца сему. Так ж побей челом Андрею Петровичю, чтоб о учении твоём к Федору Алексеевичу отписал для ведома». Отец считал, что лучше учиться сыну в школе, чем у частных учителей, и полагал, что освоить он должен «науку перевода», историю и «всякую политику» — то есть имел в виду для сына гуманитарное направление образования, в том числе обращал внимание и на историю, что представляется крайне редким случаем. Его интересовало, «по-французскому учатся ли в Берлине?» и волновало, «сын мой по-русски не забыл ли писать и говорить и читать, чтоб того не потерять?». Отец не забывал и о том, чтоб внешне молодой человек не выглядел хуже других и умел себя прилично вести: «Изволь меня уведомить подлинно, — пишет он Готлибу, — в одежде немецкой сын мой не имеет ли какой нужды? И вхождение королевского величества ко двору с твоим сыном или с ыным кем имеет ли? И присматриваетца тому и учитца каким дворским поступкам? Все то надобно...»³⁸⁰ Блестящей карьеры Петр Ларионов не сделал, но, вернувшись в отечество в 1709 г., до 1731 г. работал переводчиком в Коллегии иностранных дел. Он представлял собой ту небольшую прослойку жителей Петербурга, которая, как и сам царь, знала о европейских странах не понаслышке и владела иностранными языками.

Такие дьяки, как М. Р. Ларионов, работавшие долгие годы по дипломатическому ведомству, были элитой служилой бю-

³⁸⁰НБ. ОЛДП, Q 64. Л.188–201.

рокрации. Они часто выезжали за границу, выполняя самые сложные миссии, общались и с царем, и с дипломатами, приезжавшими в Россию, умели ценить западную образованность. Хотя над обер-секретарями, секретарями и дьяками в их ведомстве стояла какая-либо «знатная персона», вполне позволявшая себе не только кричать на всех подчиненных без разбору³⁸¹, но и бить их, дьяки свою силу знали.

В качестве сотрудников той или иной розыскной канцелярии, занимавшейся расследованием должностных злоупотреблений, они могли спасти или погубить очень важных персон. В 1718 г. в Петербурге действовало несколько таких, производивших розыск, канцелярий: ведения кн. В. В. Долгорукова, И. И. Дмитриева-Мамонова, Г. Д. Юсупова Княжево, кн. П. М. Голицына, обер-секретаря Сената А. Щукина, майора С. А. Салтыкова³⁸². Например, с 1717 г. шел розыск о злоупотреблениях сибирского губернатора М. П. Гагарина канцелярией И. И. Дмитриева-Мамонова, которая привела его к смертной казни в 1721 г.³⁸³ В конечном итоге подпись секретаря Василия Степанова, которого в свое время грозился побить и оскорблял П. П. Шафиров (подробнее см. гл. 18), оказалась ни много ни мало под приговором о ссылке самого светлейшего князя А. Д. Меншикова. Он же вместе с Анисимом Масловым участвовал в составлении «верховниками» кондиций для Анны Иоанновны, так как без помощи секретарей им было не обойтись: они под диктовку записывали «пункты», вписывали «прибавки» в беловой текст из черновиков, собирали подписи и проч.³⁸⁴

Дьяки, подьячие, секретари оказывались через свою причастность к документам втянутыми в такие дела, которые приводили их и к дыбе, и к эшафоту. Они волей-неволей были посвящены в тайны своих хозяев, могли и шантажировать их сознательно, и сболтнуть лишнее. О секретаре камергера им-

³⁸¹ И. Т. Посошков писал, обращаясь к воображаемому судье: «а на дьяков со гневом и покричать мочно» (*Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением*. С. 203).

³⁸² См.: Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения. СПб., 2001. Вып. 1.

³⁸³ См.: Акишин М. О. Полицейское государство и Сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 186–204.

³⁸⁴ См.: Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России / Под ред. М. А. Бойцова. М., 1991. С. 61, 131–132.

ператрицы Виллима Монса болтали, что он унес у хозяина «одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боялся» и что Монса «Егорка (т. е. секретарь. — О. К.) подцепил на аркан»³⁸⁵. Из-за длинного языка «Егорки» и вместе с ним Монс попал в руки палачей и чуть не погубил императрицу Екатерину Алексеевну. В какой-то степени именно через бюрократию петербургское общество наполнилось слухами и сплетнями о том, что делается «в верху».

С приказными людьми прошлых эпох у историка имеется особенно тесный контакт. Это благодаря их стараниям появились на свет документы, которые и дают возможность проводить исследования, это их почерк, то четкий и красивый, то корявый и абсолютно непонятный, приходится день за днем разбирать во множестве бумаг и непосредственно вникать в их каждодневную работу. Приказными людьми петровских времен внесен наибольший вклад в эту книгу. Рассказать о них, маленьких людях с пером в руках, затерявшихся на страницах «большой истории» и в то же время так много сделавших для нее, — долг, который историку следовало отдать.

³⁸⁵ Цит. по: *Семевский М. И.* Тайный сыск Петра I. С. 544–545.

Глава 13

Батюшки

Санкт-Петербургского острова

(Духовенство)

ТРИ ХРАМА — ТРИ ПРИХОДА³⁸⁶

Количество православных храмов в Петербурге начальных десятилетий его существования³⁸⁷ было несравнимо меньше, чем в Москве, и обширное население Санкт-Петербургского острова распределялось всего по трем приходам, их дополняли маленькие часовни, строившиеся при военных казармах³⁸⁸. К Санкт-Петербургскому острову тяготел и Петропавловский собор. Каждый из храмов этого района имел разный статус и разный состав прихожан. Посадское население обслуживали две соборные церкви — Образа Казанской Божьей матери (потом ставшей Рождественской) и Успенья Богородицы (она же — Никольская).

Первая из этих церквей находилась за Гостиным двором в Посадской слободе, в 1713 г. она еще была часовней³⁸⁹. Ее прихожанами были мастеровые Оружейной канцелярии и Печатного двора: оружейники, кузнецы, типографы, граверы, художники и др. В самой непосредственной близости от церкви проживал и цейх-директор Оружейной канцеля-

³⁸⁶Религиозная жизнь петровского Петербурга уже привлекала внимание исследователей (Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга; Агеева О. Г. Указ. соч. См. также обширную библиографию к статье «Духовенство» в: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 104). Мы же сфокусируем внимание на малой его части, а именно на духовенстве Санкт-Петербургского острова, что позволит перейти от общего уровня рассмотрения проблемы к более детальному и конкретному.

³⁸⁷По подсчету церковных властей на 1723 г. в городе значилось 11 храмов. О. Г. Агеева, доказывая неполноту этих сведений, дает примерную цифру — 30 храмов. См.: Агеева О. Г. Указ. соч.

³⁸⁸Например, полк Чемезова имел часовню Владимирской Богородицы. См.: РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1170.

³⁸⁹РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 4817. Л. 69 об.

рии Михаил Аврамов (л. 92–93). Рядом находилась Певческая слобода, населенная певчими его величества. Казанская церковь была, по утверждению А. И. Богданова, во времена Петра «простым и низким зданием», построенным «народным тщанием»³⁹⁰. Перемена названия церкви из Казанской в Рождественскую произошла между маем 1717 и маем 1718 гг.³⁹¹, однако прихожане, в отличие от священнослужителей, продолжали называть ее по-прежнему. Переименование было связано с изъятием из храма чудотворного образа Богородицы Казанской в богатом окладе, историю которой поведал в своих записках современник петровского правления и, вероятно, житель Санкт-Петербургского острова Николай Иванович Кашин: «И весьма полюбился оклад бывшему тогда архимандриту Невского монастыря Феодосию...; приехав в церковь Казанскую для осмотра порядка церковного, при том выговорил, что образ Богородицын низко в иконостасе стоит, всякие люди к нему прикасаются; велел ее взять и отнести в Невский монастырь; не по многом времени ризу ободрав, велел поставить во святых воротах того ж монастыря. У той же церкви был прихожанин, типографии директор Михаил Петрович Аврамов, весьма о том соболезновал и взял смелость просить его величество». Результатом заступничества Аврамова стало то, что Петр «со гневом» велел вернуть икону на прежнее место³⁹². Что тут правда, а что — вымысел, сказать трудно, ведь в конечном итоге прихожане Казанской церкви утратили свою святыню. Но так или иначе этот рассказ отражает существовавшее противостояние внутри петербургских церковных властей — между приходскими церквями и Александро-Невским монастырем в лице его игумена Феодосия Яновского, который при покровительстве царя открыто вмешивался в дела белого духовенства. Особенное раздражение вызвала его инициатива

³⁹⁰ Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779. С. 301.

³⁹¹ На основе утверждения А. И. Богданова переименование церкви принято относить к 1721 г. (Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. С. 301; Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга. С. 181), но это неверно: в сказках 1717 данная церковь именуется только Казанской, а в 1718 г. оба священника этого храма называли его церковью Рождества Богородицы, «что прежде именовалася Явления Образа Казанские» (Л. 414, 416).

³⁹² Кашин Н. И. Указ. соч. С. 135–136.

сокращения в храмах количества икон и прочие «иконоборческие» действия³⁹³.

Второй большой приход — это приход Никольской церкви. Так по одному из двух ее престолов чаще всего называли храм местные жители, хотя главный престол был посвящен Успению Богородицы. И это — не случайно. Никольская церковь находилась в Мокрой слободе или «на Мокрушах», на берегу протоки от Малой Невы, а Никола часто был «Мокрым», в народе его образ связывался с земными водами, с водяным³⁹⁴ (в Москве также был храм Николы Мокрого на Великой улице). В переписи 1713 г. названа эта церковь еще только «новозозидаемой»³⁹⁵. В ее приходе располагались Татарская слобода со своими известными мелочными рынками, Мытный рынок, бойня. Своей эту церковь считали каменщики-переведенцы, жившие в непосредственной от нее близости, а также солдаты Архангелогородского полка, часовней которого Никола Мокрый первоначально и являлся. К приходу Николы принадлежала и Офицерская улица. В конце Большой Никольской улицы находилась Губернская канцелярия, вокруг которой располагались дворы ее работников, тоже относившиеся к никольскому приходу. Никольским прихожанином был и известный «прибыльщик», вице-губернатор архангелогородский А. А. Курбатов³⁹⁶. На взгляд визитеров этой малопrestижной части Петербургского острова, мазанковская Никольская церковь не являла собой «ничего достопримечательного»³⁹⁷.

Иное дело третий — Троицкий приход Санкт-Петербургского острова, относящийся к главному собору города — Святой Живоначальной Троицы. Он располагался перед правительственными зданиями Канцелярий и Гостиным двором, а фасадом выходил на набережную Невы. По словам

³⁹³ См.: Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). С. 192–193.

³⁹⁴ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 80–84.

³⁹⁵ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 4817. Л. 33.

³⁹⁶ О нем см.: Серов Д. О. Холоп во власти: круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Социокультурные исследования. 1997: Сб. статей. Новосибирск, 1997.

³⁹⁷ Берк К. Р. Путевые заметки о России // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. М., 1997. С. 128.

Феофана Прокоповича, Троицкая церковь «изрядная и многое народа число вмещающая: в сем храме Государственные совершаются молебны и благодарения и в сем же кавалерия святого Апостола Андрея храбрым мужем празднественно дается»³⁹⁸ (т. е. здесь проходило торжественное награждение орденом Андрея Первозванного). Троицкая церковь имела незначительный по количеству, зато весьма высокопоставленный по своему положению состав прихожан, к которому относились знатные персоны, проживавшие на Дворянских улицах, а также и сам царь, домик которого находился от Троицы «на расстоянии мушкетного выстрела»³⁹⁹. Внешне Троицкая церковь мало напоминала собой русские православные храмы, в частности ее на западный манер украшало, по словам ехидных иностранцев, «нечто вроде плохих курантов, на которых каждый час вручную исполняют некую мелодию»⁴⁰⁰. Священство Троицкой церкви несло на себе огромную нагрузку — в ней отмечались все события государственной важности, такие, как юбилеи Полтавской баталии или состоявшаяся в 1721 г. церемония принятия Петром I титула императора. При этом совершались не только молебны, но и читались непривычные для православных священников проповеди.

В Троицкой церкви приводили к присяге всех, кто находился на государственной службе, как военной, так и штатской. Это была торжественная процедура: «В церкви Св. Троицы в присутствии князя Меншикова, Сената, Синода, генералитета и всех коллегий происходило подписание присяги на верноподданство. Всякий получал отдельный лист, который, подписав, должен был вручить князю (Меншикову)»⁴⁰¹. Сюда же для клятвы на Евангелии доставлялись из Надворного суда истцы и ответчики, если суд постановлял разрешить дело клятвой за неимением доказательств у обвинения. Это были важные церемонии, исполнявшиеся духовенством.

Кроме того, Петр I, не имевший в Петербурге дворцовой домово́й церкви, фактически использовал Троицкую в этом качестве, посещая ее в обычные дни и в дни семейных

³⁹⁸ *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 256.

³⁹⁹ *Берк К. Р.* Указ. соч. С. 125.

⁴⁰⁰ *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 112.

⁴⁰¹ *Берхгольц Ф.-В.* Дневник // Юность державы. М., 2000. С. 268.

праздников; здесь же отпевали, венчали членов царской семьи; здесь же происходили богослужения по другим семейным поводам. Царь имел обыкновение лично участвовать в богослужениях, вовлекая в него также дворцовых певчих. Поведение Петра в Троицкой церкви (реальное или желаемое — неизвестно) запечатлели записки уже известного нам Кашина: «Сей великий император... всякое воскресенье и в праздники приезжает к церкви Троицкой на Питербургском острове против Сената и по входе в церковь никогда в парuke (парике. — О. К.) не входит, сняв, отдает денщику и становится на правый клирос и при нем его дворцовые певчие; и пение производит четвероголосное, партесу не жаловал, а во время обедни сам читал апостол...»⁴⁰².

Однако служители Троицкой церкви наблюдали не только подобные благочестивые посещения царя, им приходилось участвовать и в карнавальных развлечениях самодержца, которые вряд ли были им по вкусу. Так, в Троицкой церкви проходило глумление над обрядом венчания во время знаменитой шутовской свадьбы князь-папы Никиты Зотова⁴⁰³. Для участия в подобных церемониях было надежнее приглашать дворцового попа, духовника Петра I по прозвищу Битка, о котором речь пойдет ниже.

Собор Петра и Павла в крепости, отделенной от Санкт-Петербургского острова «кронверкской протокой», находился неподалеку от Троицкой площади и его клир жил на Санкт-Петербургском острове. Однако прихожан этот старейший и один из наиболее важных столичных соборов почти не имел, за исключением военных из гарнизона крепости. Деревянная действующая церковь до 1719 г. находилась внутри строящегося огромного нового собора⁴⁰⁴.

Тяготы петровских реформ белое духовенство разделяло со всем другим населением России, но особенно непросто приходилось петербургским священнослужителям, находившимся в поле зрения государя и под сенью Синода. В столице иноверческих храмов было чуть ли не больше, чем православных, здесь многочисленные иностранцы, а вслед за ними и русские «западники», косо смотрели на православных батюшек, полагая, что русское духовенство «по уму и образованности столь

⁴⁰² Кашин Н. И. Указ. соч. С. 127.

⁴⁰³ Там же. С. 130 и др.

⁴⁰⁴ См.: Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга. С. 180.

же неотесанно, как по наружности»⁴⁰⁵. На Петербургском острове проходили неприятные для духовенства глумления над церковью, хотя прямо и не направленные на православие, в придуманной Петром I шутовской организации «Великобританского славного монастыря»⁴⁰⁶. Архиепископами здесь были иноземцы, а игуменьями русские дворянки, совместно принимавшие участие в оргиастических собраниях «монастыря». Дарью Гавриловну Ржевскую, являвшуюся первой игуменьей этого «монастыря», даже в официальных документах называли «Санкт Питербургской игуменьей»⁴⁰⁷.

«ПЕРЕВЕДЕНЦЫ» ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ

Белое духовенство представляло в Петербурге петровского времени малочисленную группу, переведенную в общем порядке с другими сословиями в новую столицу из родных мест. В Табели 1717 г. владения церковников на Санкт-Петербургском острове представлены следующим образом: по именному указу выделен 1 двор, из Губернской канцелярии — 4 двора, по купчим владели 16 дворами, по отводу Трезини — 1 двором, всего — 22 двора. На Московской стороне было 30 «поповых» дворов, из них 24 выделены по именному указу, на Выборгской стороне — 5 дворов⁴⁰⁸.

По сказкам 1718 г. известен состав населения 11 из дворов священослужителей Санкт-Петербургского острова. Всего же в сказках 1718 г. отмечено 32 семьи церковников, в составе 98 человек, 12 человек было одиноких, итак, 110 человек, составляющих 2% от всех лиц, зафиксированных данными сказками. В «Реестре» 1723 г. по всему Петербургу отмечено всего 33 церковнослужителя, цифра не только заниженная, как справедливо считает О. Г. Агеева, но и совершенно неверная⁴⁰⁹.

Клир государственно значимых Троицкой церкви и Петропавловского собора в основном был переведен из Москвы, в том числе из кремлевских соборов. В других церквях служили провинциалы, например, никольский поп Степан Тимофе-

⁴⁰⁵ Берк К. Р. Указ. соч. С. 123.

⁴⁰⁶ Платонов С. Ф. Из бытовой истории петровской эпохи // Известия АН СССР. 1926. Т. 20. С. 527–532.

⁴⁰⁷ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1253.

⁴⁰⁸ РГАДА. Ф. 199. Портфель 150. Ч. 17. Д. 4; Ф. 198. Д. 642.

⁴⁰⁹ См.: Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...» С. 300–301.

ев был «взят» из Нарвы⁴¹⁰. Низших представителей церковного причта выбирали для высылки в Петербург «на вечное житье» из слобод, принимали сан они уже в Петербурге из рук новгородского митрополита, так как в столице не имелось митрополичьей кафедры.

Дмитрий Федоров — один из церковнослужителей Троицкого собора — рассказывал: «В прошлом 711 г. по Вашему царского величества указу выбран я, богомолец Ваш, из Москвы от церкви Преображения господня, что в Пушкарях, из церковников, выслан с Москвы в Санкт-Питербурх поневоле и без подмоги, и по приказу его высококняжеской светлости определен был в Санкт-Петербургский гарнизон к соборной церкви церковником»⁴¹¹. Ни малейшего удовлетворения по поводу переезда в новую столицу в словах Федорова не чувствуется. Он разделил участь многих посадских-переселенцев, с кем их родное посадское окружение порешило расстаться навсегда, указав на них как на лиц, пригодных к отправке в Петербург. Федоров сетовал, что посад даже не собрал ему денег «на подмогу», чтобы доехать и устроиться на новом месте. Прожив в Петербурге год, Федоров был поставлен к Троице «местным дьяконом».

Другой дьякон Троицкой церкви, Стефан Федосеев, сообщал, что он был взят по царскому указу из Рязани дьяконом в Кремлевский Успенский собор. Надо полагать, что такое перемещение последовало благодаря выдающемуся дарованию Федосеева вести службу. Красивый голос являлся главным достоинством дьяконов и ценился очень высоко. В Москве Федосеев, видимо, имел неплохие доходы, по его словам, «даван ему подел против ево братии в вотчинах и во всяких доходах равная». Но последовал перевод Федосеева по царскому именному указу 1715 года в Петербург, здесь же оказалось, что «жалованья ему не учинено и человек он скудной и должной»⁴¹². Видно, что и Федосеев крайне неохотно поменял Успенский собор на Троицкий и, как увидим в дальнейшем, карьера его здесь закончилась плачевно.

В 1721 г. также из дьяконов Кремлевского Успенского собора в Троицкий собор был доставлен дьякон Алексей Кон-

⁴¹⁰РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 65. Л. 621 об.

⁴¹¹Там же. Л. 526.

⁴¹²Там же. Л. 557.

стантинов. На этот раз указ о его «безотлагательной высылке» 14 июля поступил в Москву из Синода⁴¹³, но в действительности просьба исходила от государыни Екатерины Алексеевны⁴¹⁴. Константинов получил в московском Приказе церковных дел 50 рублей на подъем и 8 руб. 2 деньги на три подводы. В сентябре он успешно прошел слушание в Синоде и стал было служить в Троицком соборе, но сразу же не пришелся по душе Петру I («не весьма явился его величеству угоден») и последовало словесное высочайшее повеление о его обратной отсылке в Москву⁴¹⁵.

Расходы по переездам и переселениям священнослужителей в результате царских указов (в том числе и поездки в армию, в посольства и проч.) ложились на плечи того же духовенства. Петр считал, что каждое сословие должно финансировать своих выборных самостоятельно. Те деньги, которые выдавал Приказ церковных дел «в подмоги священникам на службе великого государя» — по 50 руб. дьяконам и по 100 руб. попам, — поступали в него от собранных с церковью же «подможных денег»⁴¹⁶. По приезде двор покупался или его удавалось получить по отводу. Табель 1717 г. (см. выше) подтверждает весьма относительную справедливость утверждения петербургского духовенства о том, что «при Санкт-Питербурхе за неимением церковных дворов купили оне и построили себе дворы дорогими ценами, одолжась, и, понеже, когда без оных были, то скитались в наемных квартирах»⁴¹⁷. Судя по сказкам 1718 г., среди многочисленных приезжих в Петербург лиц из духовенства, снимавших временное жилье, было совсем немного.

Церковнослужители Петропавловского и Троицкого соборов были тесно связаны друг с другом и переходили на службу из одного храма в другой. Так, в 1714 г. поп Михайла Самойлов был переведен в Троицкий храм из Петропавловского собора, на его место поставлен поп Иван Григорьев, рукоположенный из псаломщиков, в петропавловские же

⁴¹³ Описание документов и дел Святейшего синода. Т. 1. № 385/472. Стлб. 433–434.

⁴¹⁴ Там же. № 149/366. Стлб. 133.

⁴¹⁵ Там же. № 532/153. Стлб. 604.

⁴¹⁶ Там же. № 126/228. Стлб. 105–108.

⁴¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1206. Л. 583. Из 57 церковных дворов, отмеченных Табелью 1717 г., 18 куплены, остальные отведены и пожалованы.

псаломщики был переведен из Троицы уже знакомый нам москвич Дмитрий Федоров⁴¹⁸, а в дьяконы поставлен — Иоанн Ерофеев, бывший троцкий псаломщик⁴¹⁹.

Клир этих двух соборов, находившихся, как мы видели, на особом положении, должен был получать государево жалование, а доходы с прихожан были здесь невелики. В Петропавловском соборе их часто не имелось вовсе. В челобитной от его церковнослужителей указывалось, что «в соборную церковь приходских людей никто не приходит и подаяния нам ниоткуда нет, кроме его, великого государя жалования». Провири Троицкого собора Мария Ефимова жаловалась, что ей «пропитатися не от чего, понеже от церкви дохода никакого не идет»⁴²⁰.

Процедура получения жалования у духовенства была не менее хлопотной, чем у других государственных служащих Петербурга. О нем каждый год подавалось прошение в Сенат с указанием, кому какой оклад положен и кто сколько получал в предыдущие годы, с присовокуплением обычной жалобы в том, что все церковнослужители «вконец разорены». Канцелярские подьячие готовили дело к подаче на рассмотрение сенаторам, проверяя, кто состоит в церковном штате, кто когда и сколько жалования получал, сколько уже выдано и сколько недоплачено и проч., после чего составлялись соответствующие ведомости. Без сенатского приговора и именного указа провиантмейстеры жалования не выдавали.

Самый высокий денежный оклад был положен протопопу Петропавловского собора — 125 руб. Позднее это жалование стал получать протопоп Троицкого собора Иван Семенов. Второй священник в этих соборах получал намного меньше — соответственно 30 и 50 руб.⁴²¹ Низшую ступень занимали провири, получавшие по 5 руб. и по 5 четвертей муки на год.⁴²² Сенатским постановлением 1714 г. на 11 человек клира, состоящего при этих двух храмах, жалование выделялось в следующем размере: денег по 367 руб. 20 коп., а муки

⁴¹⁸РГАДА. Ф. 248. Кн. 65. Л. 524.

⁴¹⁹Там же. Л. 512.

⁴²⁰Там же. Л. 573, 588.

⁴²¹РГИА. Ф. 796. Оп. 2. Д. 642.

⁴²²Оптовая цена на хлеб в 1718 г., когда выдавалось это жалование, равнялась 2 руб. 10 коп. за четверть (РГАДА. Ф. 248. Кн. 65. Л. 605).

по 112 четвертей на год⁴²³. К 1722 г. Штатс-контор-коллегия, занимавшаяся вопросами жалованья, отметила, что именными указами и особыми распоряжениями жалованье было сильно увеличено и, исключая троицкого протопопа, 13 человек клира получали уже 523 руб. 50 коп., муки по 143 четверти и овса по 20 четвертей⁴²⁴. Помимо жалованья священнослужители отчасти кормились от треб, а некоторые имели за собою деревни с крестьянами⁴²⁵.

При церквах существовала выборная должность церковного старосты, который занимался сбором денег. В Троицком соборе старостой с 1716 г. был посадский Афанасий Мельников, исправно работавший на этой должности и получавший за нее от купечества ежегодно от 30 до 50 руб. в год. Он же, не имея успеха в своей торговле, подрабатывал при церкви учителем славянской грамоты⁴²⁶. Но в 1720 г. купечество, обратясь в Главный магистрат, платить старосте отказалось, считая, что это должен делать Синод из церковных доходов. Тяжба между двумя ведомствами длилась вплоть до 1726 г., когда Сенат ее разрешил в пользу Магистрата⁴²⁷.

БАТЮШКА В СВОЕМ ДВОРЕ

Сказки священнослужителей 1718 г. дают возможность познакомиться с духовным чином Санкт-Петербургского острова. Клир Троицкого собора этого времени представлен в сказках достаточно полно: священники Иван Семенович Ремезов и Михайло Самойлов, дьякон Стефан Федосеев, пономарь Илларион Назарьев, а также псаломщик и церковный староста (л. 176, 177, 232, 366). В Казанской (она же Рождественская) церкви служили священники Тимофей Семенов, Иван Степанов и дьячок Лев Анофриев (л. 97, 412, 416). Из клира Никольской церкви сохранились сказки иереев Ивана Максимова и Ивана Тимофеева (л. 251, 257).

Дворы церковнослужителей находились в двух шагах ходьбы от своего храма: троицкий клир жил «за канцелярия-

⁴²³ Там же. Л. 535, 513.

⁴²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 2. Д. 642.

⁴²⁵ Там же. Д. 699.

⁴²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 926. Л. 14–15 об. (здесь Мельников назван Афанасием Артемьевым).

⁴²⁷ Описание документов и дел Святейшего синода. Т. 1. № 338/155. Стлб. 373.

ми», казанский — рядом с Гостиным двором, никольский — на Никольской улице. В каждом из храмов один из попов пожилого возраста (Ремезову — 50, Стефанову — 55, Максимова — 53 года), другой — средних лет (Самойлову — 39, Семенову — 31, Тимофееву — 45 лет). В семьях пожилых священников, в отличие от молодых, при родителях уже нет детей, они живут вдвоем с попадьей.

Вдовцом с детьми был троицкий священник Михайло Самойлов, с ним жили две дочери-девицы 14 и 20 лет и 17-летний сын — подьячий Ближней канцелярии. Кроме русской служительницы Самойлов имел работников «шведской породы» и принимал во двор на временное проживание московских торговцев. Переселился Самойлов в Петербург из Москвы и строился на «порозжем месте», на выделенной троицкому клиру земле, его соседи — троицкие же священник и пономарь. Здесь Самойлов сам воздвиг «жилые деревянные хоромы и погребок, а бани и конюшни построить не случилось»⁴²⁸. Этот двор находился в Посадской слободе за кузницами и в 1718 г. сдавался священником жильцам⁴²⁹, а сам Самойлов с семьей к тому времени перебрался жить в более престижную Дворянскую слободу.

Два двора имел и священник Казанского храма Иван Стефанов (л. 412, 414). Один из этих дворов он «купил для близости к церкви», хотя строение на нем «ветхо, а бани и погреба нет». Стефанов просил у губернатора Меншикова разрешения пристроить к своей церкви «при алтаре с надворья чулан и особливые двери для скорости вхождения от утеснения народа»⁴³⁰. Видимо, он хотел проходить в алтарь прямо из собственного двора, причем нарушение архитектурной стройности храма из-за пристройки чулана его нимало не смущало. Другой двор Стефанова был занят жильцами. Во дворах петербургских священнослужителей, как во дворах других горожан, временные жильцы из разных сословий проживали в значительном количестве, и как уже говорилось, священнослужители не освобождались от постоя, но стремились добиться этого.

Однако не все представители клира смогли обзавестись собственными дворами, так, например, псаломщик Троицкого

⁴²⁸ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 82.

⁴²⁹ Там же. Л. 78.

⁴³⁰ РГАДА. Ф. 198. Д. 72. Л. 3.

храма вместе с церковным старостой проживали на положении постоянных жильцов «в особой избе» на дворе подъячего (л. 366). В январе 1718 г. вышел указ, запрещающий священникам частное владение дворами, — они должны были проживать во дворе, принадлежащем церкви, и в случае утраты места службы лишались и двора⁴³¹. Это означало, что, с одной стороны, новопоставленным священникам не надо было иметь забот о покупке и обустройстве двора, с другой — что «безместным» попам создавались особые трудности.

Помимо приходских священников во дворах Петербургского острова жили и иереи из клира царского дома. В сказках 1718 г. упоминаются трое из них. Во-первых, священник княжны Наталии Алексеевны Игнатий Матвеев, который оставил пустым свой двор, «приказав» его соседу-подъячему⁴³². Видимо, после смерти княжны в 1716 г. ее священник остался не у дел и покинул Петербургский остров. Во-вторых, верховой (т. е. дворцовый) московский дьякон Иван Афанасьевич, 60-летний вдовец, купивший двор в Петербурге в 1712 г.⁴³³ С ним проживали его племянники — подьячие и семья свойственника — целовальника Провиантской канцелярии (л. 29). В-третьих, весьма значимая личность в окружении царя Петра Алексеевича — упоминавшийся выше его крестовый священник⁴³⁴ Иоанн Хрисанфович (или Иван Крисантьев, по прозвищу Битка).

Битка оказался ровесником Петра, в 1718 г. ему было 46 лет. В этом году священник болел, и Петр поспешил ободрить его собственноручным письмом⁴³⁵. Семья Битки состояла из жены 44 лет, 28-летнего сына, дьякона Романа, и 17-летней племянницы. Из посторонних во дворе жил только ратушный подъячий с женой, но они располагались отдельно, в «особой избе». Иоанн Хрисанфович содержал обширный штат прислуги — 8 человек из русских, 4 «шведских девок», двух шведов-мужчин и мальчика-поляка (л. 392). В 1718 г. Битка,

⁴³¹ См.: Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...» С. 299.

⁴³² Там же. Л. 42

⁴³³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1122.

⁴³⁴ То есть Крестовой палаты — царской домашней церкви. О домашних церквях и крестовом духовенстве при Петре I см.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 277-293. А. С. Лавров отмечает, что ему известно 19 крестовых священников, проживавших в Петербурге, правда, он имеет в виду период с 1700 по 1740 гг. (Там же. С. 282.)

⁴³⁵ Архив СПб. ИИ. Ф. 270. Д. 87.

видимо, справил новоселье, продав свой старый двор, находившийся в соседстве с двором царевича Алексея⁴³⁶, и купив новый (л. 167).

ДЕЛА ТЯЖЕЛОНОСНЫЕ

Духовенство Санкт-Петербургского острова, с одной стороны, оказывалось причастным к государственной жизни и политике, будучи связанным с высшей властью, с другой — как и прочие священнослужители Российского государства, было глубоко вовлечено в обыденную жизнь простых горожан. Петербургские священники жаловались, что они «сравнены со светскими чинами, а имянно постои у них ставят, свечи и дрова емлют, на караулы и на пожары наряжают, чего им снести за служением церковным и за потребами⁴³⁷, внезапно случающимися, невозможно»⁴³⁸. Священники даже утверждали, что они сами ездят на тушение пожаров за неимением прислуги: «А людей у них для нужд их — у иных наемные бывают по одному человеку, а у иных и нет. И дьяконы, и церковники, оставя служение, на караулы и на пожары ходят сами, а в то время во священном служении бывает остановка»⁴³⁹. Действительно, дворовых людей у большинства священнослужителей было мало, они нанимали одного-двух временных работников, часто малолетних.

«Презвитерское дело велми велико есть и тяжелоносно», — справедливо писал И. Т. Посошков⁴⁴⁰. Священники исполняли роль духовников, принимали исповеди у горожан «мужеска и женска полу», обязанных царским указом исповедываться не реже чем раз в год⁴⁴¹, венчали *брачующихся*, крестили младенцев, исповедовали и причащали умирающих, учили детей грамоте.

Венчание было одной из ответственных процедур, так как в Петербурге было немалое количество вынужденных незаконным образом вступить во второй брак (см. гл. 8). Если

⁴³⁶РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.4817. Л.72 об. Двор в 1717 г. еще принадлежавший Битке, был им продан полуполковнику П. И. Засецкому в начале 1718 г. за 270 руб. (РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1473, Л. 12–12 об).

⁴³⁷Т. е. *требами* — крещением, соборованием и проч.

⁴³⁸РГАДА. Ф. 248. Кн. 1206. Л.583.

⁴³⁹Там же.

⁴⁴⁰Посошков И. Т. Завещание отеческое... С. 173.

⁴⁴¹РГАДА. Ф. 248. Кн. 63. Л. 727.

обман обнаруживался, священники оказывались виноваты в том, что венчали без получения венечных памятей, без дознания о брачном положении жениха и невесты. Они также попадали под подозрение в получении взятки за незаконное венчание. В подобную историю попал священник Василий Степанов, оштрафованный на 10 руб. в результате того, что через неделю после проведенного им венчания объявился первый муж невесты⁴⁴². Пытался отрицать получение взятки и священник Никольской церкви Симеон Тимофеев, повенчавший беглую дворовую с солдатом Копейкиным⁴⁴³.

Знание грамоты давало возможность священнослужителям заниматься учительской деятельностью, однако это делали в основном безместные церковные служители. В Никольском (Успенском) приходе священник Семен Васильев отметил, что «при церкви нашей школ не обретается», а несколько случайных учителей учат «на квартирах», так же обстояло дело и в других приходах. В переписи 1718 г. отмечен среди постояльцев «церковник» с женой, который учит «всяких чинов людей робят словенской грамоте», и еще один «церковник», возможно, имевший то же занятие, поскольку он лишь «приходит на время» в дом священника Тимофеева (л. 357, 257). Оба, судя по отсутствию указания на их церковный чин, видимо, были безместными.

Исполняя обязанности духовных отцов, священники трех приходов были в курсе большинства конфликтов, происходивших в семьях их чад духовных, их обычно посвящали в семейные проблемы, обращаясь за помощью, заступничеством или советом. Например, жены, которых истязали их мужья, искали заступничества у духовного отца. Так, жена солдата Князева Авдотья, бежавшая из дому потому, что муж ее «безвинно бил и увечил», когда ее поймали, в свое оправдание говорила, что она сообщала об этом своему духовному отцу⁴⁴⁴. Или Василий Опухтин, который не мог добиться от зятя, чтобы он забрал свои вещи с его двора, отчаявшись решить вопрос самостоятельно, «посылал с этим общего духовного отца троицкого протопопа Ивана Семеновича»⁴⁴⁵. И. Т. Посошков писал, что духовник не должен лениться посещать своих чад

⁴⁴²Описание архива Александро-Невской Лавры во время царствования императора Петра Великого. СПб., 1903. Т. 1. С. 546–551.

⁴⁴³Там же. С. 425–426.

⁴⁴⁴РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1553. Л. 6.

⁴⁴⁵Там же. Д. 1555. Л. 125.

духовных «почасту»: «Временно и безвременно приходи к ним в дома и прилежно рассматривай, каково кто живет и исправляют ли твои приказания»⁴⁴⁶.

Духовные отцы приглядывали за приверженностью жителей правилам официальной церкви, искореняя старообрядческие симпатии и бытовую магию. Священник Рождественской церкви Тимофей Семенов, в 1723 г. придя на Оружейную улицу исповедывать посадскую вдову, ожидавшую своего смертного часа, обратил внимание на то, что она крестится двухперстным образом, на увещания священника переменить это обыкновение женщина ответила отказом. Об этом Тимофей Семенов «словесно доносил» в Синод, и вдова быстро оказалась в колодках в синодальной тюрьме. И уже здесь она заявила, что «пришла в совершенный ум, по означенным попа Тимофея увещаниям стала креститца троеперстным знаменiem, которым даже до смерти своей креститца будет»⁴⁴⁷.

Женщины обращались к магическим свойствам трав, дабы решать многие женские проблемы, например, иметь противозачаточное средство, лекарство от желудочных болей или траву, чтоб хозяйка до слуг «добра была»⁴⁴⁸. За этими недозволенными действиями тоже следовало присматривать отцам духовным.

Иереи в качестве духовных отцов обычно становились и душеприказчиками своих духовных чад, их подписи стоят под завещаниями петербургских жителей. Одно из них особенно примечательно. Священник церкви Живоначальной Троицы Иоанн Семенович Ремезов, духовный отец и душеприказчик стольника Ив. Ив. Пушкина, в марте 1717 г. «сидел» при оглашении его завещания и руку к ней приложил в качестве свидетеля. Он и не подозревал всей значимости для России этого обыденного события: по данному завещанию родовое село Пушкиных Болдино Арзамасского уезда переходило в род Александра Сергеевича Пушкина через его прадеда Александра Петровича Пушкина⁴⁴⁹.

Имя Ремезова как главного «управителя» Троицкого собора часто мелькает в документах. В Петербург он был переве-

⁴⁴⁶Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением. С. 219.

⁴⁴⁷Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 53.

⁴⁴⁸РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1555. Л. 139 об., 145.

⁴⁴⁹См.: Кошелева О. Е., Эскин Ю. М. Ограбление стольника Пушкина. Известные документы из истории села Болдина // Родина. 1999. № 5. С. 38–42.

ден из Москвы в 1715 г. уже в преклонном возрасте — 47 лет⁴⁵⁰. После смерти протопопа Петропавловского собора Григорьева Ремезов добился перевода на себя его необычайно большого денежного жалованья⁴⁵¹ (см. выше), по учреждении Синода он стал синодальным ассессором. С возложенной на него важной миссией надзора за строительством петербургской духовной семинарии в недостроенном доме казенного к тому времени князя М. Гагарина Иоанн Семенович не справился, израсходовав неизвестно на что выделенные на семинарию 2 тыс. рублей⁴⁵².

В 1726 г. Ремезов затеял дело, которое привело дьякона его храма, уже знакомого нам рязанца Стефана Федосеева, на трехлетние каторжные работы. Дело это примечательно тем, что отразило в какой-то мере и настроения, и отношения, существовавшие в среде троицкого клира. В одну из ночей на крыше Троицкого собора слышались странные звуки, думали, что забрались воры или «шалит кикимора» (сегодня сказали бы «полтергейст»), но никого не удалось обнаружить. Во время выяснения обстоятельств этого происшествия дьякон «по простоте» сказал следующие «непристойные слова»: «черт возится, вот Петербурх пустеть будет»⁴⁵³. Видимо, так нечаянно он выразил свою надежду на то, что со смертью Петра I его город, который Федосеев так и не сумел полюбить, начнет приходить в упадок. Отец же Иоанн придерживался иного мнения и взялся за донос, приведший дьякона в застенки Тайной канцелярии.

Можно полагать, что и другие священники Петербургского острова не очень радостно приветствовали нововведения, затрагивавшие привычный церковный уклад. Дело 1722 г. показывает, как попы Рождественской (бывшей Казанской) и Никольской церквей оказывали сопротивление петровским новшествам, воспрещая прихожанам покупать свечи, которые по иноземному образцу производил только что построенный белильный свечной завод. Эти новые свечи, в отличие от старых — красных, были белыми, «фигурными и гладкими и с позолотою». Попы распространяли ложный слух, что новые

⁴⁵⁰РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 65. Л. 552.

⁴⁵¹РГИА. Ф. 796. Оп. 2. Д. 642.

⁴⁵²Описание документов и дел Святейшего синода. Т. 1. Стлб. 153.

⁴⁵³РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1211. См. также: *Семевский М. И.* Тайный сыск Петра I. С. 272–274.

свечи делаются из сала. Они «чинили обиду» малолетним ребятам, которые по приказу Полицеймейстерской канцелярии разносили по церквям эти свечи и продавали по рекламной очень низкой цене. Ребят этих в Никольской и Рождественской церквях заперли под караулом, а свечи и вырученные деньги отняли по указанию священников этих церквей⁴⁵⁴.

Церковный приход и его священнослужители играли важнейшую роль в повседневной жизни российских горожан, и Петербург не был в том исключением.

⁴⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1111.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Проблемы и конфликты

Ничто не отражает с такой долей достоверности проблемы и конфликты петербуржцев, как судебные дела. Поводы, по которым они заводились или могли бы быть заведены, оказываются весьма разнообразными и одновременно банальными: нарушение подрядных договоров, побег зависимых людей от своих хозяев и снос (т. е. кража, совершенная при таком побеге), татьба, разбой, убийство, бесчестье, укрывательство и своз чужих крепостных, скупка краденого и содержание «стана» (воровского притона), пропажа людей, подделка документов, долги, растраты, порча чужого имущества, ссоры из-за наследства и др. Но в то же время в процессе моего знакомства с этими материалами картины преступного мира Петербурга не возникало. Речь шла о рутине городской жизни, в которой постоянно случались драки, ссоры, мелкие кражи, обман, пьянство, несчастные случаи, неумелость в ведении дел, взаимонепонимание и многое другое, никак не связанное с профессиональной преступностью. Среди этого многообразия проблем некоторые, безусловно, преобладают. Это в первую очередь конфликты между хозяевами и дворовыми людьми, которые особенно часто сводились к побегам и кражам, но не только к ним. Во-вторых, конфликты между жильцами одного двора, включавшие в себя кражи, драки, ссоры, долги, неуплату квартплаты и проч. В-третьих, спорные дела между подрядчиками и их нанимателями. Следует напомнить, что в поле зрения Надворного суда не попадали конфликты семейного и поземельного характеров.

Отмеченные выше «конфликтные зоны» были характерны для русской жизни вообще, тем не менее именно специфика Петербурга — строящегося города — делала их особенно острыми. Здесь было много случайных людей, надеявшихся на заработки, занимавшихся как черной работой, так и бравших

крупные подряды. Нехватка жилья для приезжих и перенаселенность создавали условия для ссор между жильцами, часто принадлежавшими к разным социальным и этническим группам и вынужденными не по своей воле проживать совместно. Среди новопоселенцев не действовали механизмы, контролирующие их поведение в родных им местах, с устоявшимися традициями родственных и соседских отношений. Поэтому здесь особенное значение приобрела система поруки. Безусловно, Петербург был местом повышенной социальной напряженности.

Конфликт обычно обнажает ценности, понятия, стратегии поведения лиц, в него вовлеченных. При наличии серии конфликтных ситуаций появляется возможность выявить «болевые точки», свойственные жизни изучаемого общества, в нашем случае — петербургского. Именно это я и попытаюсь сделать на основе материалов петербургского судопроизводства. Однако судебные дела простых обывателей привлекательны еще и тем, что дают возможность впустить в историю людей, которые обычно остаются за ее гранью, людей, «потерянных для истории», в нашем случае — для истории Петербурга. В их челобитных, представленных в суд, излагаются различные случаи, произошедшие с ними в этом городе. Не беря полностью на веру их рассказы, предназначенные для судебных органов и отнюдь не являющиеся «зеркалом» реальных событий, мы тем не менее будем иметь возможность составить представление о понятиях, нормах, взаимоотношениях, конфликтах и стратегиях поведения, которые существовали в среде обывателей петровского времени, увидеть наиболее яркие черты их повседневной жизни. Не исключено и «знакомство» с некоторыми из горожан, имевшими особенную склонность к судебным тяжбам.

Глава 14

Судебный процесс и его участники

В судебном процессе петербуржцы имели разные амплуа: челобитчики, истцы и ответчики, подозреваемые (колодники), подьячие, которые вели дела (предшественники современных следователей), и «челобитенные» подьячие, судьи, ассессоры, караульные солдаты и заплечных дел мастера, а также некоторые другие менее значимые персоны. Какие же роли судебный процесс предназначал каждому из них?

ЯВКА В СУДЕБНУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ

Гражданское дело начиналось с принесения в суд челобитной. В течение дня в канцеляриях Надворного и Нижнего (Провинциального) судов дежурили двое — подканцелярист и копиист, которые осуществляли всю необходимую письменную фиксацию событий дня. Они отмечали в особой книге¹, кого привели, кто отдан под караул, по какому делу, у какого судейского чиновника дело находится в производстве, и наоборот — кто из суда выбыл (освобожден, казнен либо передан другому ведомству) — и по какому указу. По уголовным преступлениям состязательного процесса не существовало, в основном здесь вели розыск, который тоже начинался либо с явочной челобитной, либо с поимки с поличным.

Приемом челобитных от населения занимались судьи, они накладывали резолюцию о том, какие дальнейшие действия должны быть по этому делу произведены и кем. Затем подьячие записывали это в книги и брали с жалобщиков пошленные деньги. Дежурные подьячие осматривали и описывали «бой», если жалобщик демонстрировал следы от побоев, и принимали к делу другие улики. В одном из судебных дел процедура

¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1179 (Книга колодников с 1720 по 1723 г.).

подачи челобитной так описана ее подателем: «Пришел, де, он, Гуляев, в Надворной суд к дневальным подьячим и говорил, чтоб записали на нем бой, и они, де, сказали, что у них таких дел нет, а велели идти в Нижней суд, и он де, Гуляев, в Нижнем суде судей не застал, и назавтре, де, в Нижний суд пришел и подал челобитную. От роду себе сказал четырнадцать лет, и по тому ево челобитью и распросу те люди, о которых он, Гуляев, объявил в канцелярии Провинциального суда, допрашиваны»².

Часто на подаче явочной челобитной все действия потерпевшего и заканчивались, они могли носить просто устрашающий противника характер, тот пугался грозящего ему суда и отдавал долг или просил прощения за нанесение бесчестья.

Явочные, другие челобитные, а также иски подавались и записывались в книгу, судя по всему, публично, поэтому в приемной суда, где это происходило, царила атмосфера напряженности: «От многолюдства от челобитчиков бывает многий крик и в дверях судейской конторы стук и всегда ломаются необыкновенно с криком и с бранью и с дракою»³. В приемной суда нередко встречались враждующие между собой лица. Они проявляли несдержанность и раздражение, а за пределами суда на челобитчика могли оказывать прямое давление и действовать угрозами и насилием.

Так, человек кн. Долгоруких Матвей Сахаров писал: «В Санкт Питер бурхский Надворный суд пришел я, нижайший, для смотрения своего помещика дела», и там некий ученик Василий Зайцев при нем «господ ево поносил всякими неподобными словами», а затем стал оскорблять и самого Сахарова⁴. По другим делам видно, что этот Зайцев исполнял роль поверенного у нескольких судившихся между собою лиц, т. е. не был в канцелярском присутствии новичком. Подьячий Преображенского приказа Борис Смирнов жаловался, что «в канцелярии Надворного суда Кроншлотского полку поручик Александр Панин бесчестил, и бил, и увечил ево нагло тростью по голове, и по плечам, и по рукам при многих свидетелях»⁵. Вахмистр драгунского эскадрона Алексей Елагин подал челобитную на капитана Петра Тарбеева в том, что тот «прихо-

²РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 10.

³Цит. по: *Князьков С.* Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1909. С. 284.

⁴РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 30.

⁵Там же. Д. 1574. Л. 69 об.

дил в Нижней суд незнамо для чего и будучи во оной канцелярии у судейского стола неведомо ради какова умыслу бранил ево, вышеимянованного, и бесчестил матерно при свидетелех, и похвалялся де бить... как он пойдет из канцелярии или где на дороге, а не знает за что. И те ево бранные и похвальные слова слышал того же Нижнего суда дьяк Дмитрий Никитов сын Овинов, да подьячие и сторожи и многие сторонние люди; и о чем он имеет опасность, дабы ему в таких неповадных похвальных ево словах не пришлось безвременная смерть»⁶. Как видно из слов Елагина, в канцелярии Нижнего суда былолюдно, в ней одновременно присутствовал и главный судья — Овинов, и работники канцелярии, и посетители, и сторожа, приглядывавшие за порядком. Опасения Елагина своей «безвременной смерти» не были лишь риторической фигурой, угрожали за подачу иска в суд не только ему. Так, стряпчий светлейшего князя А. Д. Меншикова Максим Ролицкий сообщал, что на него напали неизвестные ему лица, когда он шел из канцелярии Провинциального суда, «ранили ево и бесчестили и поносили всячески», и говорили ему «для чего, де, ты бьешь челом на Давыда Давыдова, будто недельно... и разумеет он, что они ево бранили по научению бывшего ево светлости денщика Давыда Давыдова, которой над ним имеет немалую злобу»⁷.

Не случайно в 1723 г. Петр I велел подготовить указ, направленный на установление в судебном помещении порядка и спокойствия, явно там отсутствовавшие. Он требовал, чтобы в судах были поставлены «две доски, на которых написать, как чинно в судебных местах поступать, приводя из письма (т. е. из Писания. — О. К.), что Суд Божий есть: «проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением», протчее тому подобное, и что за преступление сего последовать будет. Написать имянно, что достоин, например, за брань, за крик, за разговоры во время дела и протчее»⁸.

ИСТЦЫ И ОТВЕТЧИКИ

У каждой категории дел была своя специфика. Гражданские тяжбы велись на основе состязательного процесса, в котором

⁶ Там же. Д. 1555. Л. 17 об.

⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 68 об.

⁸ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М., Л., 1945. Т. 1. С. 124.

участвовали истец и ответчик. Они ограничивались делами о бесчестье и делами, связанными с нанесением материального ущерба (обычно долги, нарушение подрядных договоров и контрактов, мелкие кражи).

В Надворный и особенно в Нижний (Провинциальный) суд обращались преимущественно жители Петербурга и реже — из петербургской провинции. Иски подавали люди разных сословий, включая крестьян. Нет исков от дворовых людей, но от их имени иногда подавались явочные челобитные. Женщины обращались в суд наряду с мужчинами, хотя мужчины делали это гораздо чаще. Более всего среди истцов оказываются приказные люди, не робевшие в суде — им бюрократические судебные процедуры были известны и понятны, да и у многих из них имелись знакомцы среди подьячих суда.

Знатные персоны в суд самостоятельно никогда не ходили, это делали их дворовые стряпчие. Дворяне победнее тоже стремились не отстать и послать в суд кого-нибудь вместо себя. Да и иски с претензиями к «палатным людям и царедворцам» среди дел, разбиравшихся в Надворном суде, почти не встречаются. Сами они обращались в суд за розыском в таких, например, случаях, как кража столового серебра, произошедшая в доме тайного советника Петра Андреевича Толстого.

Но и любой истец либо ответчик также имел право не ходить в суд самостоятельно, их часто заменяли доверенные лица. Обычно так поступали женщины. Чаще всего личное участие в судебном процессе случалось по причине бедности, иногда — из-за отсутствия доверия к кому-либо.

Истец (или его доверенный), подав челобитную, должен был «ходить за делом», т. е. собирать улики и сообщать о них суду, предъявлять свидетелей, оплачивать канцелярские расходы, обеспечивать «кормом» задержанных по своему делу и проч. Если истец «за делом не ходил», через месяц дело прекращали, а с него брали пошлины за судебные издержки⁹.

Ответчика знакомили с поданным на него иском, после чего он был обязан явиться в суд и стать к допросу. Если же его не информировали об иске, то он мог ответить так, как это сделал некий Хлопов: «В допрос, де, ему идти невозможно для того, что исковой челобитной он ни от кого не видит, и кто истец и в чем ему отвечать — не знает»¹⁰. Ответчик имел право

⁹ См. например, РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 18 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 198. Д. 642. Л. 3 (из письма вице-губернатора С. Т. Клокачова).

«в определенной ему краткой термин (т. е. период. — О. К.)» письменно отвечать на жалобу, «потом челобитчик паки может во определенное ж время противный учинить ответ, а ответчик равным же образом ответствовать. А более сего им не позволяется»¹¹. В назначенный судом срок и ответчик, и истец по гражданскому делу должны были предстать перед судьями. Если представитель одной из сторон не появлялся, то он и проигрывал дело.

СВИДЕТЕЛИ И ДРУГИЕ «ДОКАЗЫ»

Если ответчик полностью или частично отрицал обвинения, тогда начинались «доказы», которые бывали «на четыре образа: чрез своевольное признание, чрез свидетелей, чрез писмянные доводы, чрез присягу»¹².

Каждая из сторон предъявляла улики и свидетелей. Улики представляли собой описание увечий, отнятое оружие, различные денежные документы (расписки, кабалы, контракты и проч.), иногда доказательства предъявляли в ходе процесса. Например, в деле по иску о бесчестье ответчик дьяк Федор Захаров утверждал, что истец дьяк Петр Никитин пришел к нему в дом «без зову» (оскорбить в своем доме гостя званого — дело иное, чем незваного). Тогда Никитин положил перед судом «ручное письмо» (т. е. своеручное) Захарова о том, «чтобы он, истец, к нему, ответчику, был, о чем имянно написано в том письме»¹³.

Исход большинства тяжб в конечном счете зависел от показаний свидетелей. «Краткое изображение процессов» самым подробным образом описывало, кто может свидетельствовать в суде, а кто — нет. Свидетелей представлял суду истец, ответчик со своей стороны на очной ставке мог дать им отвод, если был с ними в ссоре или по какой-либо иной уважительной причине. Заявления ответчиков о ссорах со свидетелями Петр I потребовал от суда проверять на наличие между ними судебной тяжбы: если таковой не было, отвод не принимался. По Соборному уложению 1649 г. (гл. 10, ст. 60), если свидетели истца или хотя бы один из них не подтверждали им сказан-

¹¹ Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 829.

¹² Там же. С. 831.

¹³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1555. Л. 116.

ного, то дело проигрывалось, «потому что он на людей слался из воли» (т. е. по собственной воле).

Рассказ свидетеля не был произвольным, судьи ему задавали вопросы в соответствии с тем, что утверждал истец, свидетель же отрицал или подтверждал его слова. Свидетели допрашивались обязательно порознь. Вот, к примеру, в 1721 г. солдат лейб-гвардии Семеновского полка Антон Абакумов подал иск на подьячего Надворного суда Петра Басманова, обвинив его в «бою и брани». Ссора происходила у дверей Вотчинной канцелярии, где в сенях и стояли ее свидетели — солдат Семен Левашов, канцелярии вотчинных дел подьячий Сидор Веселкин и дворянин Никита Волосов. Басманов двух свидетелей — солдата и дворянина — отвел, объявив, что он с ними находится в ссоре. Третий свидетель Сидор Веселкин сказал: «Истец и ответчик стояли на площади против сеней Канцелярии вотчинных дел и между собой щетались, и оной солдат Абакумов ему, Басманову, говорил, для чего, де, ты меня бьешь, и взяв ево, Басманова, повел в сени, а он, Сидор, пошел в то время в дом свой». Иначе говоря, «бою и брани», учиненных Басмановым, никто не подтвердил и Абакумов проиграл иск¹⁴.

Если обстоятельства дела были таковы, что свидетелей не находилось, то делалась «присяга» или клятва на Евангелии и истца, и ответчика, как то устанавливалось в Соборном уложении. Вот один из таких редких случаев. Подьячий Иван Венюков обвинил «бабу» (няньку) Арину в пропаже золотого сяхонтом перстня, «в чем, она, ответчица не запиралась», но объяснила, что продала перстень по просьбе жены Венюкова и выручку, 7 рублей, ей же и отдала. Жены, видимо, уже не было в живых и подтвердить слова Арины было некому. Суд принял во внимание тот факт, что явочного челобитья Венюков вовремя не сделал. Арина согласилась принести клятву («а веру взяла, она, ответчица, себе на душу, а он, истец, ничем не спорил»). Процедура клятвы и целования креста происходила публично в течение трех дней¹⁵. Из другого дела оказывается, что такая клятва происходила в Троицком соборе. Ответчика посылали туда «при указе», «чтоб ево привести к вере по чиновной книге как надлежит»¹⁶.

¹⁴ Там же. Д. 1563. Л. 5 об.

¹⁵ Там же. Д. 1558. Л. 46 об.

¹⁶ Там же. Д. 1555. Л. 97.

УГОЛОВНИКИ И РОЗЫСК

Уголовные дела решались розыском. Сначала обвиняемого в преступлении надо было поймать. Задержание могло произойти случайно, во время полицейских облав, а могло быть организовано самим потерпевшим. Последнее происходило достаточно часто, потерпевшие сами занимались обнаружением и поимкой подозреваемого, иногда обращаясь в Надворный суд о выдаче им для этого солдат. В случае успеха в суд доставлялся «приводный» человек, которого помещали на тюремный двор.

Если поимка подозреваемого происходила спонтанно, то узнавшие его люди кричали «Караул!», звали окружающих на помощь и тащили схваченного в ближайшее место, где имелись караульные солдаты, которые могли бы его временно посторожить до официальной передачи в суд — обычно это был гарнизонный или рогаточный караул. Вот, например, вдове сержанта Свинцова попалась в руки подозреваемая в краже ее приемная дочь — девка Маринка, которая сама пришла к ней в дом с повинной: и вдова «...оную девку Маринку, не пустя к себе в домишко, объявля соседям, привела в Санкт Питербурхской Бахмеотов полк на пекет и объявила с запискою, а в Санкт Питербурхском Надворном суде в допросе оной девки просить не успела за торжественными днями недели святей Пасхи». А в гарнизоне тем временем Маринку упустили: «...держачи ее под караулом малое время, не допрося и не изследовав подлинно, отдали ее неведомо какому человеку»¹⁷.

Преступника было желательно взять с поличным. Умелое поведение в таком случае встречалось даже в деревнях. Так например, крестьянка помещика Юшкова из деревни Копорского уезда, придя в гости в соседнюю деревню, принадлежавшую помещику Ржевскому, узнала собственноручно ею сотканые и сшитые сорочки и полотно, которые исчезли во время разбойного грабежа ее дома. Но она и виду не подавала о своем открытии, и лишь вернувшись домой, позвала односельчан, которые пошли вместе с ней и «сняли краденное с поличным». На поднятый скандал пришел приказчик помещика Ржевского, забрал поличное и обещал сам с ворами разобраться, но ничего не предпринял. Крестьяне со своим помещиком

¹⁷ Там же. Д. 1574. Л. 51.

Юшковым осознали, что стоило сразу подавать дело в суд и не доверять домашним разборкам¹⁸.

Крестьянин А. А. Курбатова тоже решил проводить расследование самостоятельно. Капитан Лапин нанял у него для переезда в Москву лошадь с подводой и в срок ее не вернул, но дал расписку, что за лишние дни невозврата лошади заплатит. Приехав из деревни к господину с запасами в декабре 1720 г., «оной крестьянин нанял человека школьника князь Михайла Иванова сына Мещерского и Никиту Сидорова, а найму дал рубль, чтоб того капитана сыскать где он живет». Эти частные детективы быстро отыскивали дом капитана, и крестьянин, взяв расписку, отправился к нему на двор. С тех пор больше его никто не видел. Человек А. А. Курбатова подал об этом челобитную в Надворный суд, и Лапина судьи велели сыскать и допросить¹⁹.

«Приводный человек» в суде сначала подвергался допросу, а затем переходили к пытке, которой мало кому удавалось избежать. «Пытка употребляется в делах видимых, в которых есть преступление. Но в гражданских делах прежде пытать не мочно, пока в самом деле злое действие наруже не объявится», — писал Петр I²⁰. Стариков, несовершеннолетних, беременных женщин пытать было запрещено, тем не менее побои и распрос с подъему к ним применялись, это пыткой не считалось. Пытку следовало употреблять только в том случае, если подозреваемый «запирался», т. е. ни в чем не признавался, а при этом были свидетели его преступления²¹. Однако и того, кто признавался, часто тоже пытали, ибо судьи могли подозревать его в самооговоре из-за боязни пытки. Осуществляли пытку двое заплочных дел мастеров, входивших в штат Нижнего (Провинциального) суда Матвей Бердыш и Григорий Шкамилов.

В множестве случаев пытаемые признавались в страшных злодеяниях и оговаривали других, а затем, на третьей пытке и «с огня» признавались, что все выдумали. Тогда их следовало отпустить: «А еже ли трижды пытку снесет и паки (снова. — О. К.) отречется, то уже оно более допрашивать не над-

¹⁸ Там же. Л. 55–59.

¹⁹ Там же. Л. 5–6 об.; Д.1555. Л. 23.

²⁰ Краткое изображение процессов или судебных тяжб. С. 837.

²¹ О распросе с пристрастием и технике пыток см.: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 391–465.

лежит, но, взяв от него полное число порук... освободить, токмо от злодейства весьма не уволить, понеже временем могут новья явиться подозрения»²². На судебском языке это называлось «очиститься кровью».

Церковный суд пытку не применял и людей, которых уже пытали, под свою юрисдикцию не брал. Из-за этого в Надворный суд попадали «непрофильные» ему дела — духовных лиц, если оказывалась необходимость в их пытке²³, или дела семейного характера, если в них пытка была уже употреблена²⁴. Однако битые плетью, пыткой не считавшееся, применялось для подсудимых в Александро-Невском монастыре²⁵.

По показаниям, получаемым с пытки, велось дознание, которое помогало понять, оговаривает себя человек или говорит правду. Вот, к примеру, как шло дознание по речам Михаила Кузмина — подростка, который жил во дворе у господ Самариных и был заподозрен в воровстве, — в конце следствия выяснилось, что он украл двух куриц. К Кузмину как к малолетнему пытку не применяли, а только расспрашивали его «с подъемом в застенке», но ему было достаточно и этого «устрастия». Мальчик рассказывал страшные истории о том, что «он знает, и сам видел», как убили человека: «А брат Попова Федор убил семеновского солдата, у которого брали в долг, зарезал ножом; и Федор был на многих разбоях и на тех разбоях потеряно мужеска полу десять человек, да женска — одна. Да он же, Кузмин знает в торговой бане беглова солдата, которой вяжет веники и на руке у него есть клеймо»²⁶. И там же мертвое тело». На следующем «распросе» он говорил: «А с Федором Поповым и поваром Игнатием Кузминым Семеновского полку солдата Ерофея Домороцкого прямо зарезали, на другой день мертвое тело зарыли в канцах против Охты в землю, а как, де, он, Кузмин (повар, а не мальчик. — О. К.), онного салдата резал, и в то время рубашку

²² Краткое изображение процессов или судебных тяжб. С. 838.

²³ Например, поп Алексей Афанасьев был «для розыску» взят в Надворный суд (РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1553. Л. 139).

²⁴ «Девку-чухонку» за «блудное воровство» и двух утопленных в канале младенцев в суд в Александро-Невскую лавру не приняли, поскольку она была пытана. Отец этих детей молодой подьяческий сын Костоусов «винился без розыску» и его в церковный суд приняли (Там же. Д. 1555. Л. 15, 32).

²⁵ См.: Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. С. 54–55.

²⁶ Клеймо на руку ставили рекрутам, чтобы опознавать беглых.

свою выморал в крови, которую рубашку отдал в дом помещика своего девке Марье, а чья дочь — не знает, и оное, де, мертвое тело и вышепомянутых людей укажет». По этим показаниям были допрошены и представлены для опознания десятки людей. Кузмина возили на Охту, чтоб он показал, где зарыто мертвое тело и «против Охты на берегу показал он, Кузмин, бугорок небольшой и сказал, что, де, оное мертвое тело схоронено в том месте, и в том месте капрал и салдаты разрывали и тело не нашли». В итоге следствие пришло к выводу, что по результатам дознания «явилось все рознь, чему верить не надлежит». Кузмину это объявили, и он признался, что оговорил себя и других «нестерпя подъему, напрасно». Потом выяснилось, что из дома Самариных никто иска о краже не подает и, приведя в суд Кузмина, более «за делом не ходит». Мальчику дали батоков и присудили к трем годам работ в адмиралтейской каторге. А крестьянина Федора Попова, которого Кузмин обвинял в убийствах и который томился из-за этого в колодках на тюремном дворе, велено было освободить на поруки²⁷.

КОЛОДНИКИ

Тюремный двор при суде являлся местом предварительного заключения подсудимых, «которых без подлинного розыску свободить немочно»²⁸, другая часть подсудимых содержалась на поруках и под распиской у жителей Петербурга. В процессе осуществления судебной реформы на состояние колодников при Губернской канцелярии обратил внимание Сенат. Из него в декабре 1718 г. в Губернскую канцелярию писали: «На прежнем тюремном дворе держатца колодников немалое число, которые от многовременного держания помирают голодом, также и немалое число уже померло». Сенат требовал сообщить поименно, сколько имеется колодников, сколько умерло, как долго они содержатся в тюрьме и почему их дела не вершены²⁹. В 1719 г. на тюремном дворе при Юстиц-коллегии содержался 121 колодник, при них было 12 караульных и штат этот требовал расширения³⁰.

²⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 29–30.

²⁸ Подробнее о тюремном дворе см.: *Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 589–614.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 195. Л. 309.

³⁰ Там же. Л. 305.

В мае 1720 г., когда уже начал работу Надворный суд и тюремный двор перешел в его ведение, там содержалось 102 колодника и при них 11 солдат³¹, таким образом, один караульный сторожил 10 человек. Предотвращать побег в первую очередь должны были крепкие колодки на ногах задержанных, а не запоры и караулы.

Властями изыскивались разные возможности того, как содержать и кормить колодников, если им не помогали их родственники. Во-первых, колодникам разрешалось просить подавание. Как это происходило, видно из рассказа одного из этих людей: «В то время как был я держан в Надворном суде, под караулом, отпускали меня в то время с колодником, новгородцем Трохою Власевым, на связке для милостыни. Пришли мы в один день за Литейный двор, ко двору, а чей — не знаем, и прокричали (т. е. устали кричать)»³². Просившие подавания колодники отнюдь не украшали столицу, в которой нищенство было запрещено.

Во-вторых, истцы должны были содержать своих ответчиков, находящихся на тюремном дворе. По именному указу от 12 декабря 1720 г. колоднику полагалось на корм две копейки в день, и истцы их должны были выплачивать. Истцу держать подозреваемого в колодниках, а самому ничего для судебного расследования не предпринимать («за делом не ходить»), по указу 1690 г. можно было не больше месяца, через месяц задержанного освобождали.

В-третьих, обвиняемых, не подозревавшихся в тяжких преступлениях, и особенно женщин, отдавали временно под расписку частным лицам в качестве бесплатных работников и работниц за то, что их кормили и давали им кров³³. Подследственных должников, записав в книгу «приводных колодников», старались до суда освободить на поруки с подпиской о невыезде. Суд постановлял: «Освободить (такого-то) до указа из Провинциального суда, до вершения дела отдать на поруки добрым и знатым людям санкт питер бурхским жителям, кому в том мочно верить, и в том собрать по нем поручную запись, что ему в Провинциальный суд ставица по вся дни»³⁴. (О системе поручительства подробнее см. гл. 19.)

³¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1554. Л. 89.

³² Цит. по: *Семевский М. И.* Тайный сыск Петра I. Смоленск, 2000. С. 281.

³³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 34; Д. 1574. Л. 27 об.—28 и др.

³⁴ Там же. Л. 19–20, 27.

«Отверзл темницы» и «испразднил каторги» указ от 22 октября 1721 г. об амнистии, зачитанный на торжествах по случаю заключения Ништадтского мира. Под него не попали только убийцы и профессиональные разбойники.

СУДЕЙСКИЕ И ВЕРШЕНИЕ ДЕЛ

Тем временем, пока подследственные томились в ожидании своей участи, их дела — долго ли, коротко ли — подготавливались для слушания судьями и вынесения приговора. Они находились в делопроизводстве у одного из старших подьячих (ассессоров), который проводил по нему все судебные процедуры. Каждый из них имел запирающийся ящик, в котором хранил за своею печатью текущие дела и пошлинные деньги, взятые за них, при увольнении подьячего от дела эти документы передавались преемнику по перечню.

Подьячие Надворного суда далеко не всегда были беспристрастными вершителями правосудия, истец или ответчик мог на этом основании потребовать забрать свое дело у ведущего его подьячего. Так поступила истица вдова майора Негаусина, объявив в суде, что подьячий, который ведет дело, с ответчиком «дружит и наровит, а ей чинит всякую обиду и волокиту, и чтоб великий государь пожаловал ея, велел оное дело взять к другому подьячему»³⁵. Ее просьба была удовлетворена. Подьячий Федор Протасов по какой-то причине освободил «женку Анну Иванову дочь без судейского повеления»³⁶, за что подвергся взысканию.

Все служащие суда подписывались в том, что они знают установления 25 главы Генерального регламента и будут им следовать, а именно: чтобы «дело свое знали, и верно, и прилежно отправляли, и пития, и игры, и лжи, и обмана удерживались и постоянно и не дерзостно поступали. Буде же им то увещание и обучение не поможет, то такового служителя по рассмотрению персоны и дел наказать отнятием чина или весьма отставить»³⁷. Однако не все подьячие «удерживались пития». Канцеляриста Ивана Назимова «за пьянство и за не исправление дел и за ленностное в канцелярии Надворного

³⁵ Там же. Д. 1571. Л. 24.

³⁶ Там же. Д. 1179. Л. 9.

³⁷ Там же. Д. 1568. Л. 53.

суда сиденье, написать ево в молодые подьячие»³⁸. Подьячий Алексей Федоров был выгнан из Нижнего суда «за предерзости ево и во пьянстве крик» и за то, что в «записной настольной смотренной тетраде явился он, Алексей... в нетях», иначе говоря, имел прогулы. Когда за Федоровым послали наряд солдат, чтобы его арестовать, он ухитрился и их, видимо, хорошо с ним знакомых по службе в суде, напоить, за что они не избежали наказания: «А посланным солдатам за то, что они, нашед ево, Алексея, на первой квартире, и взяв, в канцелярию не привели, а заходили с ним для пьянства в другой дом... бить батоги»³⁹.

Коллега Федорова подьячий Илья Фролов тоже имел взыскания за небрежность в делах⁴⁰, а затем был объявлен в розыск, его имя выкрикивали на улицах Петербурга, так как он украл 12 рублей пошлинных денег и сбежал⁴¹.

Юстиц-коллегия беспрестанно получала доношения из подчиненных ей Надворного и Нижнего (Провинциального) судов о том, что грамотных сотрудников у них катастрофически не хватает, что дела приходится поручать малолетним ученикам, отсюда возможны ошибки в делопроизводственных бумагах и чтобы высшие инстанции таковых не почли за «злобные»⁴². Как и в других государственных учреждениях, в Надворный суд брали малолетних или малоопытных сначала «для науки пищиком» (т. е. переписчиком бумаг)⁴³, затем они получали более высокие должности.

Работы у подьячих суда было много. Процесс по простому делу, в котором не брались отсрочки, длился около трех — четырех месяцев. В течение срока рассмотрения дела истцы и ответчики обращались в суд с разными челобитьями — о переносе рассмотрения дел, о новых свидетелях, о доверенных лицах, о заключении мировой и проч. Все подобные просьбы также требовали резолюции судей. В 1721 г. в Надворный суд за первое полугодие (с января по июнь включительно) было

³⁸ Там же. Д. 1555. Л. 110.

³⁹ Там же. Д. 1568. Л. 50.

⁴⁰ Там же. Л. 21 об.

⁴¹ Там же. Л. 48.

⁴² Там же. Д. 1553. Л. 135.

⁴³ См. резолюцию судьи С. Клокачова на челобитье Ильи Холентцева, «чтоб ему быть в подьячих». (РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1560. Л. 66).

подано 476 подобных челобитных, помимо исковых и явочных⁴⁴. По окончании всех допросов, расспросов и розысков «старым» подьячим следовало подготовить дело в доклад для судей таким образом, чтобы они смогли в нем разобраться и вынести приговор. Кроме того, для судей из законодательных актов выписывались подходящие к каждому судебному казусу статьи, на основе которых этот приговор и выносился.

Петр I опасался неразберихи в судопроизводстве, если оно будет опираться на разнообразные царские указы по конкретным случаям, трактуемые судьями как прецедент. Поэтому в 1714 г. последовало его повеление все приговоры выносить, руководствуясь только постановлениями Соборного уложения 1649 г.: «Всякого чина судьям всякие дела вершить по Уложению; а по новоуказным пунктам и сепаратным указам отнюдь не делать, разве тех дел, о которых в Уложении ни мало не помянуто: а учинены на то не в премену, но в дополнение Уложения...»⁴⁵ В приговоре обязательно указывалось, на основе какой статьи законодательства принято решение. В редких случаях судьи ссылались на Воинский артикул 1715 г. и даже на Кормчую⁴⁶. По «правилам святых отец», заключенных в Кормчей, действовал церковный суд (в Петербурге его возглавлял Феодосий, настоятель Александро-Невского монастыря), в ряде случаев он работал совместно с Надворным судом по одному и тому же делу. Например, громкое расследование о насильственном пострижении мужем госпожи Вандомской⁴⁷ из Надворного суда послали к Феодосию, «чтоб тот дознавался», как в нем участвовали священнослужители, а копии с расспросов присылал бы в Надворный суд, где занимались допросами светских лиц по этому же делу⁴⁸.

Принимать решения судьям следовало коллегиально, однако книги записей приговоров не отмечают наличный состав судей, в них говорится «по указу великого государя Санкт-Питер бурхского Надворного суда вице-президент [такой-то]

⁴⁴ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570.

⁴⁵ Законодательство Петра I. С. 749.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1555. Л. 104. Резолюция, сделанная на основе Кормчей «аще сварится два мужа...» в деле по иску отца на смерть в результате побоев его сына-подьячего Ивана Бохина подполковником Григорьем Хвостовым.

⁴⁷ См.: Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. С. 59.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1553. Л. 21 об.

с товарищи, слушав сего дела, приговорили...» По плану реформы судейская коллегия Надворного суда должна была состоять из шести дворян с ежегодной сменой четырех из них, но на деле этого осуществлено не было⁴⁹. В 1720—1722 гг. Нижний (Провинциальный) суд возглавлял обер-ландрихтер Петербурга Федосей Семенович Мануков. При нем судьей был дьяк Дмитрий Никитич Овинов, который и подписывал основное количество челобитных. Во главе Надворного суда в это время стоял вице-губернатор Петербурга Степан Тимофеевич Клокачов⁵⁰, судьей был Михайло Камаевич Криничин. Обычно в один день судьи выносили приговоры по двум-трем делам, хотя дел слушалось больше; и по ним принимались текущие решения. Неизвестно, участвовали ли судьи в процедурах допросов и розыска, но все прошения, поступившие за день, им зачитывались. Без присутствия судей в здании суда челобитные вообще не принимались и посетители не пропускались.

После вынесения приговора следовали действия по его исполнению. Нижний (Провинциальный) суд, вынося свое решение, запрашивал Надворный суд: «Чинить ли экзекуцию?» Над осужденными производили соответствующие приговору наказания, беглых крепостных возвращали владельцам, по гражданским искам выплачивались долги и штрафы. Кто увиливал от выполнения решения суда, снова попадал в застенки.

Важнейшей частью вершенных дел была уплата по ним пошлинных и канцелярских денег. Пока пошлины не оказывались выплачены, обвиненные ответчики держались под караулом. Большие пошлины собирались в результате деятельности Крепостной конторы при Юстиц-коллегии. Хотя по штату работникам суда полагалось государево денежное и хлебное жалованье, они в основном получали его из пошлинных денег, за вычетом сумм от их собственных тяжб. Из пошлин вычитались также деньги на содержание гошпиталей (под которыми понимались не только больницы, но и приюты для младенцев), для этого велись особые записные книги. Таким образом «злые» дела должны были послужить добру.

⁴⁹ Надворный суд // Государственность России: Словарь-справочник. М., 2000. Т. 3. С. 174.

⁵⁰ О Ф. С. Манукове, Д. Н. Овинове и С. Т. Клокачове см.: Серов Д. О. Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 234, 238, 242.

Глава 15

«Бег» и «снос»

«НА ЧТО ОН ХОЛОПУ ВЕРИЛ?»

В городе, где дворовые люди (крепостные и наемные) составляли самую многочисленную категорию населения, где каждый мало-мальски обеспеченный человек имел прислугу (см. гл. 9), возникала обширная конфликтная сфера отношений между хозяевами и их работниками. Город имел переизбыток неквалифицированной рабочей силы: он строился на территории, по которой прошла война, лишив крова множество жителей и разрушив их нормальную жизнь. Эти люди нанимались на черные работы. Кроме того, на строительство по указам присылали людей, которые на новом месте не всегда находили себе применения по специальности. Поэтому в Петербурге, где все стоило очень дорого, труд домашних работников был чрезвычайно дешев, он мог вообще не иметь цены.

Напомню, что труд квалифицированного работника (например художника, приказчика, золотошвейки), нанятого частным лицом, оценивался в 12–15 рублей в год⁵¹. На черную же домашнюю работу нанимались всего за рубль в год и за «житье» в доме. Купленные и крепостные дворовые люди вообще ничего не зарабатывали, а те из хозяев, кто таковых не мог себе позволить содержать, брал желающих помогать в хозяйстве только за хлеб. В среде таких работников, находившихся в весьма бесперспективном положении, часто возникал соблазн сбежать, ограбив хозяина, и наняться к другому. Особенно легко готовыми к краже и побегу среди дворовых были люди одинокие, не связанные на данный момент семьей, происходящие из нездешних мест. Таковые по переписи Санкт-Петербургского острова 1718 г. составляли

⁵¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 36 об.; Д. 1570. Л. 79, 146 об.

61%. Побег дворовых людей случались сплошь и рядом, о чем свидетельствуют материалы петербургского суда, и хозяева знали, что идут на риск, нанимая или покупая задешево рабочую силу.

При всех сложностях во взаимоотношениях хозяева и прислуга были представителями общего домохозяйства, зависели друг от друга. Дворовые люди крупных хозяйств осуществляли куплю-продажу, собирали оброки, вели иные хозяйственные дела, к которым сам дворянин никогда рук не прикладывал, и, таким образом, им доверялись крупные суммы денег. Например, к кн. Дм. Кантемиру нанялся на пять лет сын истопника Оружейной палаты Ильи Шершнева Андрей, чтоб работать у Кантемира «купчиною», т. е. заниматься вопросами купли-продажи. Он купил «в Москве лавки в разных рядах, да двор за Москворецкими вороты в Огородниках, в Фокиной улице, в приходе Харитона Исповедника» за 1300 руб. Андрей имел какую-то тяжбу в связи с этими покупками с посадскими людьми Казенной слободы и поехал по этому делу в Петербург, в Юстиц-коллегию, после чего никто его больше не видел⁵².

Была у хозяев и иного рода зависимость от слуг — боязнь с их стороны предательства и шантажа, а иногда и просто излишней болтливости. Среди дворовых людей более-менее значительного хозяйства обязательно были грамотные люди, которые вели хозяйственные и судебные дела, а иногда были и в курсе личных проблем хозяина. Враждебность такого слуги могла обернуться для хозяина катастрофой. У менее значительных людей дело с предательством слуг заканчивалось не столь трагичным концом, но тоже — неприятностями. Вот, например, петербургский полковой квартирмейстер В. А. Опухтин «уведомился», что в его доме «воровство и кражу чинил ево человек дворовой», хотел было его схватить, а тот бежал, «подговоря с собою людей ево Павла Семенова да другого, шведа Ивана Сидельника», теперь же беглецы «живут в Санкт-Питербурхе неведомо где», но главное, что тревожило Опухтина, это то, что «он же, вор, ходил у него за приказными делами и украл записи (нужные для судебных дел. — О. К.) и знатно он, вор, отдал за денги супернику»⁵³.

⁵² Там же. Д. 1570. Л. 67.

⁵³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 2–2 об.

В небогатых дворах, где не было особых «людских изб», дворовые люди и хозяева жили под одной кровлей, грелись у одного очага, вместе питались. Это объективно их сближало. В идеале условием подобного нормального существования являлось взаимное доверие: преданность — со стороны слуги, и его защита и содержание — со стороны хозяина, — таков был средневековый эталон отношений близости и доверия хозяина и слуги, нуждавшихся друг в друге. При найме на домашнюю работу случайных людей, при использовании пленных инородцев подобных отношений обычно не складывалось. Не без причины в сказках петербуржцев слово «слуга», несшее в себе высокое значение преданности, практически не употребляется, речь идет о «людях», «прислужниках» и проч.⁵⁴ Сосуществование малознакомых людей (прислуги, наемных работников, временных постояльцев, незнакомых жильцов) в едином пространстве петербургского двора, а иногда и одного дома, создавало сильное «поле напряженности» — «поле» дефицита доверия.

Не доверять «холопу» хозяин должен был по законодательному определению, если он это делал, то сам и был виноват в том, что его обманули и обокрали, ибо, как говорилось по этому поводу в Соборном уложении 1649 г., «на что он (хозяин. — О. К.) холопу верил, и у себя его держал без крепости?» (гл. 22, ст. 17). «Крепость», «жилая запись» и другие установленные государственной властью документы заменяли доверие к слугам. «Холопы» всех рангов сталкивались с недоверием господ, в том числе и великий князь Московский испытывал недоверие к удельным и служилым князьям, пришедшим к нему на службу, и применял практику защиты от обмана, выражавшуюся в составлении «поручной записи»⁵⁵. Механизм поруки, компенсировавший доверие, применялся не только и не столько в отношении дворовых людей, но и во всех сферах, где вставал вопрос необходимости доверия, и на феномене поруки ниже нам придется остановиться особо (см. гл. 19). Но был и другой способ, который власти старались применить в Петербурге, дабы избавиться от преступности и беспорядка. Они стремились сделать Петербург горо-

⁵⁴ Разница между «служгой» и «прислужником» находит у Грибоедова отзвук в реплике Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

⁵⁵ Dewey H. W. Political PORUKA in Moscovite Rus' // The Russian Review. 1987. Vol. 46. P. 117–134.

дом, в котором не было бы «случайных» людей, что, кстати сказать, совершенно противоречило той обстановке, в которой строилась столица, куда по разнообразным причинам попадали люди не только со всей страны, но и из-за рубежа.

КАЖДОГО «ЗАПИСАТЬ, ГДЕ НАДЛЕЖИТ»

Порядок в новой столице наводили, опираясь на давнюю традицию, но при помощи новых учреждений. Вся система организации общества, вызревавшая в Московском государстве в течение нескольких веков и нашедшая свое законодательное выражение в Соборном уложении 1649 года, строилась на том, что практически никто из его членов — ни холопы, ни крестьяне, ни посадские люди, ни духовенство, ни дворяне — не могли перемещаться с места на место по своему желанию, а были прикреплены к какому-то определенному пункту, на котором государство могло их найти, произвести учет, взять с них налог. Петр I еще более усилил этот порядок, считая, что от тех, кто «гуляет», т. е. свободно перемещается в поисках заработков, происходит всякое зло: «...понеже от таковых, которые шатаются без служб, государственной пользы надеяться немочно, но токмо умножается воровство»⁵⁶. Если кто-то оказывался «не на своем месте», у него должен был быть при себе соответствующий документ — как у крестьянина-отходника от своего хозяина, так и у дворянина, покинувшего Петербург, из канцелярии Сената или из Полицеймейстерской канцелярии. Документ, подтверждающий личность определенной персоны, или даже его устное показание о себе, всегда можно было, по мысли организаторов государственного порядка, проверить по переписным спискам, писцовым или кабальным книгам и проч., хранящимся в местных или центральных учреждениях. Такие сведения часто запрашивались и в суд. Все это делало чрезвычайно значимым документ (называемый обычно «отпускным письмом» или «покормежным письмом»), от которого зависела свобода передвижений человека.

Именно стремление к такому порядку и осознание его как единственно возможного и вынуждало власти препятствовать переселению в Петербург всех желающих: люди должны были приезжать сюда только в соответствии с составленными списками

⁵⁶ Цит. по: *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России: 1719–1728. Л., 1982. С. 152, 249–251.

и попадать в новые, составленные по Петербургу. Таким образом, жителей разделили на тех, кто должен был находиться в Петербурге и отлучаться мог только по разрешению, и тех, кто не должен был там находиться и мог приехать только по разрешению. Это разделение совсем не совпадало с разделением на тех, кто желал находиться в Петербурге и кто совсем не желал в нем быть.

Однако логика повседневной жизни людей, часто заставлявшая их покинуть свое место жительства, противостояла требуемому властями порядку прикрепления к месту. Он ставил перед людьми препятствие, преодолевавшееся ими легальными или нелегальными способами. Противодействие стремлению государства (а по его образцу — и стремлению его граждан) прикрепить к определенному месту зависимых от него людей, тяготящихся этим прикреплением, создавало сильное «поле напряженности» в стране вообще, а в Петербурге — в особенности. Здесь, как ни в каком ином месте России того времени, дававшем возможность слиться с толпой, накапливалась с точки зрения государства «преступная масса» населения, включавшая в себя, конечно, и настоящих преступников. Поэтому именно здесь в первую очередь и нужна была умелая полиция, одной из основных функций которой стало выявление и поимка людей, не имевших документов и оказавшихся не «на своем месте».

Следует отметить, что бежали со своих мест службы и жительства не только дворовые люди: бежали от помещиков крестьяне, бежали рекруты и солдаты, которых ловила Военная коллегия, из учреждений бежали подьячие, иногда прихватив казенные деньги. Да кто только не бежал?! Но дела этих беглецов рассматривались в иных ведомствах, в первую очередь в полиции. В Надворный и Нижний суды они также попадали, но случайно, в силу каких-то особых обстоятельств, однако на побег и кражи, совершенные дворовыми людьми, жаловались именно сюда. О них в основном и пойдет речь.

ПОРЯДОК БЕЗОПАСНОСТИ

Выше уже шла речь о тех мерах, которые предпринимались полицией для поимки правонарушителей, эти же меры применялись и для поимки беглых зависимых людей.

Во-первых, на дорогах, выходивших из города, стояли заставы, где иногда удавалось схватить незадачливых беглецов.

Их же, если они слонялись ночью, не имея ночлега, мог арестовать и рогаточный караул.

Во-вторых, приезжие должны были обязательно иметь документ, подтверждающий их личность, который систематически проверялся полицией, устраивавшей облавы в кабаках, на рынках и других общественных местах. Беглый человек, не имея документов, мог легко попасть в руки полиции. Людьми, не зафиксированными в каких-либо переписях, часто оказывались иноземные «полоняники», которые находились в подчинении Военной коллегии. Именно они бежали особенно часто, грабя своих петербургских хозяев. Поэтому в 1720 г. вышел специальный указ: «Понеже явилось, что многие шведские полоняники... побежали, того ради его царское величество указал сим своим указом всем чинам, как духовным, так и свецким, объявить... чтоб немедленно объявили в государственной Военной коллегии, а в губерниях и провинциях — губернаторам... писать, кто они поимянно и каких чинов и надей и сколь давно у них обретающа, или по указу им данные, или собою где взяли, или с опшитами (паспортами. — О. К.) приняли, и записываны где в приказе, или у полковых дел (и тех, кто померли, или бежали, или добровольно отпущены и с апшитами или без апшитов)»⁵⁷.

В-третьих, как уже отмечалось, принимать к себе в дом людей как в жильцы, так и в работу петербуржцам было разрешено только «по записи», т. е. по нотариально заверенному договору при наличии поручителей за данного человека. В случае поимки беглых людей, какое-то время неизвестно где проживавших, обязательно следовало указание наподобие следующего: «...а у которых людей те женки жили без записки в Полицеймейстерской канцелярии и без поруки, сыскав, допросить»⁵⁸.

В-четвертых, существовало требование заявлять властям о каждом сошедшем со двора человеке, так же как и о вдруг появившемся. Каждый, кто знал о чьем-либо проживании «без записки», должен был сообщить властям. Подобное правило тоже существовало издавна и часто осуществлялось жителями по своей инициативе, безо всякого нажима властей. Например, монастырские крестьяне сообщали в монастырь, что в одной из семей появился «пришлый человек» с семьей, которого глава этой семьи называет внуком. Власти сообщение

⁵⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1554. Л. 240–241.

⁵⁸ Там же. Д. 1565. Л. 10.

проверили, оказалось, что действительно приехал внук, прежде живший в городе⁵⁹. Продолжая подобную практику, петербуржцы приносили в суд явочные челобитные, которые теперь находятся в нашем распоряжении.

«...ЧТОБЫ БЕГСТВО ХОЛОПА В ВИНУ НЕ ПРИЧЛОСЬ»

Подаявая в суд явочную челобитную о беглом дворовом, хозяин далеко не всегда просил власти о его розыске, его поимке или о возмещении материального ущерба. С ее помощью он защищал себя от возможных обвинений в попустительстве преступности. Заявления о побеге не только слуги, но и любого из членов семьи завершали, например, такими словами: «...а ежели она (бежавшая. — О. К.)... где явитца на воровстве или в других каких притчинах, чтоб ей (хозяйке. — О. К.) в вину не причлось»; «если (бежавший. — О. К.) явица где на воровстве или в каком смертном убийстве или в другом каком приводе, чтоб ему (хозяину. — О. К.) в том напрасно не пострадать»; «а ежели он (бежавший. — О. К.), где явица на разбое и воровстве, дабы то к нему (хозяину. — О. К.) причтено не было», а буде где оной (бежавший. — О. К.) явица, чтоб ему (хозяину. — О. К.), нижайшему, чтоб не быть в штрафе»⁶⁰.

Хозяин таким образом выполнял свою гражданскую обязанность сигнализировать властям о появлении в городе человека, являвшегося потенциальным преступником, который собирается где-то жить нелегально и промышлять запретным путем. Хозяин фактически винился в том, что допустил недосмотр за своими людьми, и отмежевывался от их возможных преступлений.

Особенно виноватыми чувствовали себя те хозяева беглых дворовых, кто не успел каким-либо официальным образом зарегистрировать в крепостной конторе жившего у него человека как купленного им или наемного. Он опасался того, что может оказаться обвиненным в укрывательстве беглого и в нарушении указа об обязательной регистрации всех наемных слуг. Уход даже формально свободного человека, который некоторое время проживал в доме в качестве слуги, вызывал

⁵⁹ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. С. 229. Этот пример подробнее приводит В. Кивельсон (см.: Kivelson V. Bitter Slavery and Pious Servitude: Muscovite Freedom and its Critics // Russische und Ukrainische Geschichte vom 16. — 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2001. P. 115).

⁶⁰ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 9, 15, 35, 44, 67.

панику у законопослушного гражданина. Матрос князь Александр Жирово-Засекин сообщил в суд, что «отпущеной (!) дворовой человек дому Вельяминова-Зернова Алексей Кальцов пришел в Москве в дом к жене ево княгине... и тое отпускную ей отдал, а обещал жить в доме ево в холопстве. И жена ево этого Кальцова на Потешном дворе⁶¹ не явила, понеже она такова человека, кому ево объявить, при себе не имела⁶², и вскоре из Москвы отъехала к нему в Петербурх, а ево, Кальцова, привезла с собою. А в Санкт Питербурхе хотел он ево с тою отпускною объявить, где надлежит, и токмо за отлучением в твою великого государя службу на Котлин остров объявить не успел». Кольцов же бежал, но ничего не украл. Кн. Жирово-Засекин, по его словам, был «опасен» (т. е. опасался), чтобы «тот Кальцов в каком-нибудь воровстве где-нибудь не явился» и он бы не оказался укрывателем вора⁶³. Если бы Кольцов был еще виноват и «в сносе» (т. е. в краже у хозяина), виновным оказался бы с точки зрения закона не только он, но и сам кн. Жирово-Засекин, потому как «на что он холопу верил, и у себя его держал без крепости?». Оттого и пришлось кн. Жирово-Засекину написать в суд о тех якобы оправдывающих его причинах, по которым он вовремя не оформил «запись» на Кольцова. Последнего, однако, вскоре поймали и отдали матросу как законному хозяину⁶⁴.

Таким образом, к «записям» дворовых людей и связанным с ними бюрократическим процедурам не все относились с тем должным вниманием, на которое рассчитывали городские власти. Но обнаружения этого обстоятельства нарушители полицейского порядка опасались.

УМЫСЛЫ ВОРОВСКИЕ

Укрывательство

Дворовые люди зачастую оказывались втянуты в конфликты хозяев со своими родственниками, которые смотрели на них как на спорную собственность. И то, что одна сторона счита-

⁶¹ В Москве оформление крепостных документов проходило в селе Преображенском на Потешном дворе.

⁶² То есть при ней не было человека, который бы ходил в приказы, занимаясь оформлением всяких хозяйственных дел.

⁶³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 2. Д. 1574. Л. 65 об.

⁶⁴ Там же. Д. 1570. Л. 11 об.

ла побегом, другая — переходом к законному хозяину. К примеру, затяжной конфликт, разгоревшийся между квартирмейстером В. Опухтиным и его зятем кн. В. Голицыным, произошел именно из-за дворовых людей. Сначала они проживали вместе в одном дворе, и дворовые люди их обоих ограбили. Воры были пойманы и находились в расспросе в суде, а рассорившиеся и «исполнившиеся злобой» друг к другу В. Опухтин и кн. В. Голицын разъехались и никак не могли разобраться, кто что у кого украл и кто от кого сбежал. Кн. Голицын обращался с просьбой допросить в суде беглого дворового человека Опухтина Антона Яковлева: «...мои люди у него, Опухтина, во укрывательстве в котором дворе живут — на Петровском или на Васильевском острове? — и по именам такие есть ли?» Через несколько дней в суд поступила жалоба Опухтина «о наглом приходе солдат из суда к нему на двор и напрасном взятъе его человека». Тут же последовала просьба кн. Голицына о том, чтобы послали на двор Опухтина подьячего, который привел бы восемь его человек в Нижний суд для свидетельских показаний. Опухтин делает ответный ход и просит суд затребовать от кн. Голицына, чтобы он «положил в суде» крепости на человека Василия Ногаева⁶⁵.

Причиной распри двух родственных петербургских семейств стала прислужница Арина Денисова. История поведения суду в явочных челобитных ее хозяином подьячим Василием Филипповым. Написанная им же в 1718 г. сказка для переписи дает сведения об окружении, в котором жила Арина: 30-летний Филиппов и его 27-летняя жена жили вдвоем. Состав их «челядников» был типичен для небогатой подьяческой семьи: две женщины, одна из них — интересующая нас Арина Денисова 20 лет, другая — 40-летняя шведка, да два ребенка — мальчик 10 лет, вероятно, брат Арины, и 5-летняя русская девочка неясного происхождения, видимо, взятая в дом сирота. Филипповы в своем дворе дали приют родственникам: «школьникам» Морской Академии 14-летнему И. Шишкину и 30-летнему В. Корженецкому со слугами. В том же дворе, находившемся в Посадской слободе, временно проживала семья подьячего В. Н. Алферьева с детьми и слугами⁶⁶.

⁶⁵ Там же. Д.1571. Л.104, 107, 108, 120.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 3. Д. 8663–8947. Л. 443, 443 об.

Итак, по словам подьячего Филиппова, Арина Денисова была его крепостной, но он отпустил ее на волю и дал ей «отпускное письмо», однако эта бумага в государственных учреждениях не была нигде «ни явлена, ни записана», т. е. подтвердить ее наличие не было возможности. О причинах отпуска им Арины Филиппов умалчивает. Вольная Арина «пошла жить» в дом попа церкви Симеона Богоприимца Василия Петрова, женатого на родной сестре ее бывшей хозяйки. Ей она отдала свою отпускную «только для сбережения, а не для какого укрепления». Обычно хозяева сразу отбирали у работников отпускные и держали их у себя под замком, пресекая возможность их ухода.

Через некоторое время Арина решила покинуть новых хозяев, но поп с попадьею «отпускную» ей не отдавали и из дому не выпускали, но чинили ей «в домашнем деле всякие напрасные налоги и побои». Арина обратилась за помощью к прежним хозяевам, чтобы они заступились за нее и переговорили с ее притеснителями «полюбовно и по свойству». Случай к тому представился, когда обе семьи Филипповых и Петровых встретились в гостях у таможенного подьячего Ф. Родичева. Жена Филиппова стала просить сестру отпустить Арину. Женщины решили послать за ней, чтобы дело решалось в ее присутствии. Появление Арины разгневало попа Василия чрезвычайно. Он бранился «и причитал, будто она девка от него бежала, бросался ее бить и пошел с двора, угрожая той девке всякими побоями». Устрашенная Арина побоялась возвращаться к попу в дом и вновь нашла прибежище у Филипповых. Филиппов же направился в суд, чтобы предотвратить возможные обвинения его родственника попа в укрывательстве им беглой дворовой девки, «чтоб о том впредь ведомо было» властям. У попа были к тому основания — ведь у него находилась отпускная Арины, а она сама находилась у Филиппова. Явно, что обе семьи претендовали на Арину как на работницу, возможно даже она являлась «спорным наследством» двух сестер⁶⁷.

Расхитительство

Если в одних случаях побег дворовых людей был одной из причин конфликта между хозяевами, то в других случаях бежавшие действовали совершенно самостоятельно. Системати-

⁶⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 28–29 об.

ческое разворовывание хозяйского добра во время его охраны, перевозки или продажи обычно заканчивалось боязнью разоблачения и побегом. Приказчик маршала графа Б. И. Шереметева Антон Агриков, полностью распоряжавшийся всеми его петербургскими загородными владениями, в которые их хозяева никогда не заглядывали, бежал, когда вдова маршала решила навести там порядок и потребовала предъявить пригодно-расходные книги⁶⁸.

Дворовый человек стольника Солнцева-Засекина Григорий Иевлев жил на петербургском дворе «года с три» и запас помещика (муку, крупу и проч.) «возил возами, а летом — водою... и много запасу продавал, и, накопя денег, за хлеб 85 рублей, сказал, будто из избы пропали». В конце концов, предчувствуя разоблачение, Иевлев сбежал, прихватив еще кое-что из вещей⁶⁹. Крепостной бригадира В. Н. Зотова тоже возил хозяину деревенские запасы, но однажды в дороге рыбу съел, а вино выпил, за что был сослан в галерную работу⁷⁰. У купца в лавке племянник торговал «в Гостином дворе внутри в прилавке шелком и всякой серебряной мелочью» и, утратив товару на 65 руб., сбежал⁷¹.

Москвич, посадский человек Федор Полетаев нанялся в 1719 г. на пять лет в работники к Панкратию Сумарокову и те «наемные денги взял у него на все пять лет сполна». Федору было назначено работать на буере Сумарокова матросом, ибо в Петербурге приходилось пользоваться водными путями не менее часто, чем сухопутными, и дворянам требовались не только кучера, но и матросы. И вот, в июне, «во время гулянья на буерах испортил он, Федор, у него буер и, испортя, неведомо куды з двора ево и з женою ево бежал и по се время у него не явился»⁷².

Умысел и подговор

Как в случае с Полетаевым, бегство иногда происходило спонтанно, спровоцированное каким-то нечаянным обстоятельством или конфликтом. Мелкие и случайные кражи особенно часто совершали женщины, бежавшие к кавалерам, прихватив

⁶⁸ Там же. Д. 1570. Л. 141.

⁶⁹ Там же. Д. 1594. Л. 4–5.

⁷⁰ Там же. Д. 1568. Л. 30 об.

⁷¹ Там же. Д. 1594. Л. 24.

⁷² Там же. Д. 1570. Л. 60–60 об.

с собой хозяйкины наряды, драгоценности, мелкую утварь, деньги.

Вот лишь некоторые из длинного перечня дел о женщинах Санкт-Петербургского острова, бежавших в 1718—1721 гг. от своих хозяев: крепостная девка Авдотья бежала вместе с наемным работником из дома канцеляриста Юстиц-коллегии, «покрадчи его пожитки»; дочь дворцового крестьянина Лукерья, нанятая переводчиком Я. Синявичем, исчезла, совершив кражу; жену боцмана без предупреждения покинула работница, девка Маринка; от подьячего таможни сбежала «наемка», вдова Василиса Андреева с его пожитками; от князя Дмитрия Михайловича Голицына «из крестьянства» бежала «польской нации девка Ирина Яганова»; у садовника Афанасьева была в побеге «крестьянка с дочерью»; со двора поручика Ф. Чукаринова исчезла отданная ему под расписку «жонка Стефанида Евдокимова дочь для домовной ево работы»; у попа Василия Павлова «бежала дворовая ево приданная жонка Марья Акимова дочь, родом шведка»; сбежавшая от столяра Тимофея Гуляева девка явилась в полицию «собою»; крепостная девка Пелагея «снесла» женскую одежду и украшения у курьера Шевцова; от подьячего Ив. Иванова дворовая «девка» бегала дважды, второй раз — совершив кражу, и т. д., и т. п.⁷³

Среди этих побегов были и подготовленные заранее, при «подговоре» и помощи знакомых или родственников. Так, один из канцеляристов Юстиц-коллегии сообщал: «Работник, которой жил у меня по записи, умысля воровски, подговоря крепостную мою девку Авдотью Юрьеву дочь, покрадчи меня, бежал»⁷⁴. Переводчик Яков Синявич взял у дворцового крестьянина «для домовной ево работы дочь девку Лукерью на пять лет... чтобы жить ей у него в послуживицах впредь до сроку». Отцу он деньги за дочь заплатил вперед. Но Лукерья «до сроку» не дожила, а сбежала, обокрав хозяина. Синявич считал, что подговорил ее к этому отец, который за несколько дней до того приезжал к дочери и останавливался у него в доме⁷⁵.

В одной из челобитных рассказывается и такая история: девка-ключница, украв 30 рублей и много разной женской

⁷³ Там же. Д. 1179. Л. 50; Д. 1554. Л. 59; Д. 1562. Л. 1; Д. 1565. Л. 36, 38, 91; Д. 1668. Л. 13, 48 об.; Д. 1574. Л. 27 об. — 28, 66 об.; Д. 1594. Л. 22 об.

⁷⁴ Там же. Д. 1562. Л. 36.

⁷⁵ Там же. Л. 38.

одежды, сбежала. Подбил же ее на это «брат ее родной Арист, который в матросах», ибо «приходил он в июле тайно» и был у сестры весь день, а вечером оба исчезли. Арист и сам бежал от «бывшего коменданта» Якова Лаврова, — сообщал челобитчик⁷⁶.

Говоря о помощи родственников в совершении побега, уместно еще раз вспомнить уже упоминавшееся дело солдата-зелейщика (изготовителя пороха) Белозерского полка Ивана Зеленина (см. гл. 8). Его мать-вдова и две замужние сестры, бежавшие из далекой деревенской усадьбы, хорошо знали, куда держать свой путь — в Петербург, к родному Ивану, обосновавшемуся в городе. Ивану быстро удалось пристроить обеих беглых сестер: он выдал их замуж за своих знакомых по Белозерскому полку от живых мужей⁷⁷ и, прежде чем это было обнаружено, прошло почти пять лет. Как это случилось и кем именно было инициировано данное судебное дело, также остается неясным. Солдату Ивану Зеленину пришлось делать нелегкий выбор — либо помогать свалившимся на его голову беглым родственницам, либо не преступать закон и выдать их властям — он выбрал первое. Иван даже ложно поручился при свидетелях во вдовстве своей сестры, объяснив в суде, что в такое заблуждение его ввела мать, которую суду отыскать так и не удалось. Брак для женщин, таким образом, являлся хорошей возможностью укрыться в бегстве, а в стоявших в Петербурге гарнизонах и среди скопления приезжих работных людей найти себе пару дворовой работнице было вполне реально.

О подготовленности побегов свидетельствуют кражи дворовыми людьми документов: собственной крепости, «записи» о найме или отпускного письма. Это были вполне продуманные действия. Например, от подьячего Г. Коренева бежала девка, «украва крепость свою», а солдатская жена Прасковья Борисова «про ту кражу ведала и ему, Кореневу, не сказала»⁷⁸. Княгиня Марья Вяземская заявила в суд, что у нее «учинилась из ларца пропажа — отпускные людей ее да три закладные вотчин»⁷⁹. Судья Бежецкого Верха Михаил Бешенцов поведал следующее: «Будучи в Петербурге, принял он с отпуском польской природы хлопца Василья Антонова, а тот

⁷⁶ Там же. Д.1570. Л. 76–76 об.

⁷⁷ Там же. Д.1554. Л. 84–85 и Д.1553. Л. 1 об. — 2.

⁷⁸ Там же. Д. 1568. Л. 18 об.

⁷⁹ Там же. Д. 1570. Л. 137.

ему отпуск дан из Ревеля, в семсот седьмо на десят (т. е. в 1717) году ростовского полку за рукою польского кватермиста Дмитрея Супонева, и в нынешнем 721 г. ... в Санкт Питер бурхе от него с постоялого двора, пократчи ево, бежал, а имянно разломал подголовок и из того подголовка взял серебряных денег трицетъ пять рублей, чарку серебряную, цена три рубли, да ис того ж подголовка вынял свой отпуск, которой выше сего означен, и с тем отпуском вынял закладную, которая писана в Бежецку у крепостных дел и другие письма...»⁸⁰

Продуманный грабеж со взломом совершали чаще всего случайные наемные люди в отсутствие хозяев. Прийдя домой, хозяева находили оконные рамы выломанными, а двери чуланов, в которых жители в основном и хранили вещи, выбитыми. В челобитных пострадавших красочно описываются подобные разорения: «и сего генваря против шестаго числа в ночи покрали из дому ея, разломав окно, по окончину сломали, и петли железные разломали ж у чулана, выкрали пожитки, а что чего покрадено — при сем прошении реестр»⁸¹; или «И он, Яким (купленный слуга. — О. К.), пришед в дом, из горницы, из окошка выбил окончину воровски и влезши в то окно, унес подголовок ево со скарбом, которой сыскан на том же ево дворе у передбанника, где стоит лошадь, разломан, и всякой ево и жены ево скарб жемчужной, золотые и ефимки и иные вещи покрадены»⁸²; или «дворишко его... в Меньшой Белозерской улице, разломав от поля у сеней забор, к которому пристроен чулан, воровские люди покрали...»⁸³

Не менее «честными» могли оказаться нанятые сидельцы в лавках. Фискал Тарбеев рассказывал: «...по отъезде моем Санкт Питербурхские мои дворы со всеми моими пожитками и с протчими моими домовными всякими припасы приказаны от меня по моем отъезде человеку моему Никите Петрову». Никита что смог — украл и «с товарищами разделил», а остальное — сгноил. Всего он нанес хозяину ущерб на 2090 руб. Узнав об этом, Тарбеев послал другого своего слугу, Кузмина, чтоб «Никиту взять и отдать к розыску». Но Никита и при Кузмине, торговавшем в лавке, продолжал грабеж: «у казенного ящика разломал замки» и украл 100 рублей, вырученных от торговли

⁸⁰ Там же. Л. 29 об.

⁸¹ Там же. Д. 1562. Л. 4 об.

⁸² Там же. Д. 1594. Л. 11 об.

⁸³ Там же. Л. 39 об.

Кузьминым. Только после этого Никита Петров бежал, а все деньги отдал на хранение знакомой посадской женщине⁸⁴.

Другой фискал, Д. Лукьянов, также занимавшийся коммерцией, нанимал работников к пивной продаже; двое из них, посадские люди, украли «или пропили» огромную выручку в 500 рублей⁸⁵.

Побег из семьи

Искали через суд не только хозяева своих подневольных беглых людей, но и мужья — жен, которые также, убегая, нередко прихватывали с собой «пожитки». Об исчезновении из дома жен сообщали в суд солдат Никита Панов и посадский Данило Рябчиков. Жена последнего «обрав ево пожитки, с сыном маленьким, трех лет, бежала»⁸⁶. «Запленных дел мастер» Прокофей Дробышев лишился жены также при весьма плачевных обстоятельствах: «Стоял он, де, в Санкт-Петербурге на дворе андреевского полку у солдата Мартьяна Комара, и сего ноября 10 числа без него жена ево Марта Гаврилова дочь, обрав пожитки ево, бежала неведомо куда»⁸⁷.

Отражены в судебных бумагах и те случаи, когда беглые жены были пойманы. Так, по делу Санкт-Петербургского извозчика Федора Данилова перед судом предстали сбежавшие от него жена и теща. Приговор им был таким: «Учиня им, старой — за подговор, а молодой — за побег, наказание, вместо кнута, бив батоги, отдать на росписку — молодую — мужу, а старую — здешнему Санкт-Петербургскому жителю до указу... и при отдаче мужу его царского величества указ с запискою и приложением руки, что ему жену свою не убить, и не увечить, и с голоду не уморить»⁸⁸.

На жену Авдотью подал в суд солдат дворцовой канцелярии Иван Князев, заявив, что она бежала, взяв пожитки. Авдотья сама вернулась в дом в отсутствие мужа. Приведенная к расспросу, женщина повинилась, что взяла кое-какие вещи из сундуков, но не все, о чем заявлял ее муж. Бежала же она потому, что он ее бил и увечил «безвинно»: подвешивал за руки к потолку и заставлял другого солдата ее бить. На это у нее имелся

⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 189. Ч. 1. Л. 351–352.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 7, 26.

⁸⁶ Там же. Д. 1594. Л. 18–18 об.

⁸⁷ Там же. Л. 37.

⁸⁸ Там же. Д. 1565. Л. 10.

косвенный свидетель — духовный отец, которому она жаловалась. В бегах Авдотья находилась 4 месяца. Под давлением суда она была вынуждена выдать людей, укрывавших ее у себя во дворах Санкт-Петербургского острова, — это был отставной прапорщик Никита Скобельников и его жена. У них и частично у их соседки остались все ее пожитки. Причем супруги Скобельниковы и про побег и про «снос пожитков» знали, укрывали Авдотью сознательно. Потом, «от них отшед», Авдотья жила у Юстиц-коллегии подьячего Алексея Иванова «с неделю». При этом она отмечала, что, будучи в бегах, «ни с кем блудно не жила». Свою задачу в данном деле светский суд видел в том, чтобы найти пожитки пострадавшего мужа, хотя это были личные вещи Авдотьи, необходимые ей в быту. Но главной задачей было оштрафовать людей, укрывавших беглую жену. Семейную же сторону вопроса должен был рассмотреть духовный суд «по правилам святых отец», поэтому Авдотья была отправлена в Невский монастырь к игумену Феодосию, однако Надворный суд потребовал, чтобы ему сообщили о том, что по этому делу Феодосием «учинено будет»⁸⁹.

Внутрисемейные проблемы отражались также в побеге приемных детей, исков на родных детей в петербургских материалах мне не встречалось. Сержантская вдова Фекла Свинцова жаловалась на сопровождавшийся кражей побег взятой ее мужем сироты Маринки «во дитяти место» и выросшей в доме. Ее рассказ и предпринятые действия против Маринки напоминают классические сюжеты о злой мачехе. Маринка пропадала «незнамо где» 10 месяцев, а потом появилась: «...пришла в дом питербурхского полку к салдатцкой жене Авдотье Мироновой дочери» и хотела, чтобы та как-то помирила ее с мачехой, однако мира не получилось — Свинцова тут же отдала явившуюся с повинной Маринку под караул⁹⁰.

Заявляли в суд не только о пропавших женах, но и о сбежавших мужьях. Крестьянин Александро-Невского монастыря в 1718 г. выдал дочь замуж за петербургского мясника, «и тому ныне второй год, — писал отец, — как оной зять ево жену... покинул, пошел будто для торгового своего промыслу на Котлин остров, а где и у кого живет, о том жена ево и он несведомы, того ради принужден он дочь свою для пропитанья взять в дом свой». Челобитная подана с тем, что если вдруг

⁸⁹ Там же. Д. 1553. Л. 6–6 об.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 51.

зять на «каком воровстве явица»... чтоб его жене и тестю «в ызмене и в опале не быть»⁹¹.

В БЕГАХ

Количество заявлений в суд о побегах намного больше, чем количество дел, в которых розыск привел к успеху. Так, полковник Г. И. Кошелев разыскивал своего «старинного человека» Сергея Хрисанфова, бежавшего от него в Петербурге в 1714 г., и в течение 6 лет найти его не мог⁹². Несмотря на все старания властей создать ситуацию, при которой беглым было бы негде спрятаться, в Петербурге находились люди, дававшие им приют — либо из жалости, либо из корысти.

При огромном количестве приезжих и множестве постоянных дворов, которые представляли собой обычные избы в том же дворе, где были и хозяйские хоромы, брать поручные записи со всех кратковременных постояльцев было, наверное, очень хлопотно, для коммерции невыгодно, да и просто невозможно. Поэтому беглые люди могли находить в таких местах временный приют. При расследовании кражи золотых монет на постоялом дворе, который содержал крестьянин Русинов, например, выяснилось, что он пускал «стояльцев» «помесячно и понедельно без поручных записей». Однако, раз попал в поле зрения Надворного суда, Русинову самому пришлось бежать, чтобы не отвечать за нарушение порядка⁹³. Прятались беглые и в притонах («корчемных и неистовых домах»).

Где сбывали краденое? Конечно, на рынках у ветошников, и в первую очередь — на Татарской барахолке. Более изысканные вещи могли появиться и в лавках Гостиного двора. Там, например, обнаружилась «табачная раковинная коробочка», украденная у кн. В. А. Голицына дворовым человеком⁹⁴.

СКОРОЕ СЫСКАНИЕ

Заявления о побегах и сносе принимал Провинциальный суд. Один из челобитчиков объяснял задержку с подачей заявления о побеге его дворовой девки тем, что заявил об этом

⁹¹ Там же. Д. 1570. Л. 66 об.

⁹² Там же. Д. 1562. Л. 28–28 об.

⁹³ Там же. Д. 1558. Л. 25–25 об.

⁹⁴ Там же. Д. 1570. Л. 2 об.

в Полицеймейстерскую канцелярию, но его там не стали слушать, «понеже де надлежит в Провинциальном суде записать»⁹⁵. С просьбой о розыске беглых в Петербурге обращались в суд не только петербургские жители, но и жители других городов. Так, москвич стольник Полтев просил дать ему людей для розыска наемного человека из солдат, взятого им в дворники и полностью разорившего охраняемый им московский дом, дворник этот, писал Полтев, «по слухам обретается в Петербурге»⁹⁶. «Скорым сысканием» беглых дворовых в городе, согласно указам Петра I, должна была заниматься полиция и рапортовать о своих розысках и экзекуциях в Надворный суд, а дела о разбоях и татьбах рассматривал только Надворный суд, «а ему, полицеймейстеру, розыском в такие дела не вступать»⁹⁷.

Розыск беглых слуг по заявлениям их владельцев властями специально не производился. Надеялись на то, что пропавший так или иначе объявится: попадетсЯ караульщикам или кто-нибудь на него донесет. Именно так и случалось. Поиск и захват бежавшего брал на себя сам хозяин, который мог подозревать место его нахождения. Тогда он обращался в Надворный суд с просьбой дать солдат «для поимки беглого человека». Они тут же предоставлялись за особую плату: «а как приведен будет» пойманный беглый, с хозяина «по указу» брали «приводные деньги», а также «кормовые деньги» на тот срок, пока «приводный человек» содержался в суде под караулом⁹⁸. «Приводные» беглые люди проходили в суде через дотошный допрос о том, кто им помогал в побеге, кто их укрывал, где они сбывали краденое, если кража была совершена. И вот тут-то пострадавший хозяин мог вчинить иск тому, кто укрывал его слугу. Такие иски, однако, редки.

Случалось, что пропажа вещей оказывалась мнимой, вещи находились, а обвинения работников и дворовых людей в кражах оказывались ложными. Например, купец, «акцизной каморы управитель», Иван Стрежнев сообщил в суд, что нашел часть пожитков, в краже которых подозревал свою работницу, «а в остальных пожитках он не истец, а в вине ее волен

⁹⁵ Там же. Д. 1570. Л. 76 об.

⁹⁶ Там же. Д. 1565. Л. 31.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 1206. Л. 35.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Л. 1571. Л. 87.

государь»⁹⁹. Отказался сводить счеты с дворовыми женками и подпоручик кн. Петр Черкасский, сообщивший в суд, что «он на дворовую свою женку Варвару с дочерью ее не челобитчик, а в вине ее волен великий государь»¹⁰⁰.

НАКАЗАНИЕ

Пойманных беглых дворовых, как мужчин, так и женщин, присуждали к битью «на козле»: мужчин — кнутом, беглых жен приговаривали к более мягкому наказанию — битью батогами; батоги также получали сообщники беглых и «неизветчики». Обычный судебный приговор в Петербурге «домашнему» вору — отправка его на галеры. Работа там якобы давала возможность неимущим виновным возместить потерпевшему убытки, зарабатывая каторжным трудом. Срок, к которому приговаривали вора, так же как и нерасплатившегося должника, высчитывался из расчета суммы украденного, разделенной на заработок, получаемый за работу на галерах, составлявший рубль в месяц¹⁰¹. Делалось это по именному указу от 15 января 1718 г. Приговоренным ставили на лоб клеймо («пятнали пятном»¹⁰²), били кнутом, затем они препровождались в Полицеймейстерскую канцелярию, которая передавала каторжника на Галерный двор. В 1721 г. по случаю заключения Ништадтского мира петербургским каторжникам была объявлена амнистия.

За мелкое воровство судили менее строго, ограничивая наказание кнутованием. Приговор солдату Якимову, укравшему галстук, судьи обосновали так: «В (военном. — О. К.) артикуле напечатано: «Овощных воров, которые дрова, кур, гусей и рыб крадут, велено наказывать по рассмотрению воровства, а оной Якимов... кроме воровства галздука инова за собой воровства не показал»¹⁰³. Однако хозяин мог обратиться в суд с просьбой об отдаче ему приговоренного человека под расписку после обязательного его наказания кнутом и избавить его от галерных работ. Вице-канцлер П. П. Шафиров просил

⁹⁹ Там же. Д. 1571. Л. 134 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 150.

¹⁰¹ Там же. Д. 1568. Л. 19–20.

¹⁰² Это являлось новшеством, по Соборному уложению и Новоуказным статьям отрубали два пальца левой руки или одно ухо.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1555. Л. 54.

отдать ему из суда пойманного на воровстве слугу-курляндца, чтобы тот «за покражные вещи и деньги по цене за сто за один рубль» служил в его хозяйстве¹⁰⁴.

* * *

Бегство оказывалось постоянной темой мыслей, забот, разговоров как хозяев, так и дворовых людей. Оно создавало отношения напряженности и недоверия в каждой семье, где имелась прислуга, и распространяло их на членов семьи. Эта проблема затрагивала, таким образом, все общество, создавая своеобразную атмосферу в городе.

¹⁰⁴ Там же. Л. 1570. Л.83.

Глава 16

О тех, кто не бегал, а уходил

Проблема бегства крепостных и для них самих, и для дворянства, как хорошо известно, была одной из самых болезненных в течение нескольких веков российской истории. Мы могли убедиться в ее актуальности и для горожан — жителей новой столицы. Однако донныне вне всякого внимания остается поведение тех зависимых людей, которые свое желание уйти решали не путем бегства, а иначе — легально, прибегнув к помощи суда. Речь пойдет о тех, кто, находясь на самых нижних ступенях социальной лестницы, как оказывается, верил в возможность своей защиты законом и в «реванш» над хозяином. Эти люди, безусловно, делают более многомерным наше представление об обществе того времени.

«НЕ СТЕРПЯ ТАКОЙ РАБОТЫ И БОЮ»

Работники, заключившие жилую запись с работодателем, копия которой находилась в крепостном столе Надворного суда, могли попасть в ситуацию, когда невозможно было дольше оставаться у хозяина. Без согласия хозяина уйти было нельзя, так как это вызвало бы его обращение в суд, переход на нелегальное положение и множество других неприятностей. Не желая стать «беглыми», наемные работники сами обращались в суд с явочными челобитными, в которых сообщалось о произошедшем конфликте, о мотивах и способах ухода. Познакомимся с такими текстами.

«В нынешнем 1719 году, в июле месяце, — записал пришедший в канцелярию Нижнего суда живописец Оружейной палаты Иван Никифоров, — нанялся он у Санкт-Петербургского жителя гончарного мастера Ивана Фролова сына Никитина жить в доме его год, а работать ему у него обрасцы печатные, писать живописные, а найму наймал он взять на год двена-

дцать рублей». «И в том дал он ему, Ивану, на себя запись с поруками, и жил он у него, Ивана, с того июля месяца до сего ноября до 8 числа. И оной Иван против записи такой ему работы не давал, а давал работать домовную всякую черную работу. И он стал ему, Ивану, говорить, что он велел ему в неволе такую черную работу работать, чего и в записи не написано. И за то он, Иван, бил его и увечил дубиною напрасно. И, не стерпя такой работы и бою, он от него, Ивана, сшел, заявив окольным ево жителям»¹⁰⁵.

Вот другая жалоба на нарушение хозяином договора. «Бывший послуживец» Ф. П. Шереметева Иван Подолецкий в 1714 г. нанялся у Никона Иванова сына Волкова «для домовою ево работы пять лет и жил у него по нынешний 719 год и в том он дал ему, Никону, на себя запись с порукою, и те урочные пять лет против записи он у него, Никона, отжил, и сверх того жил восемь месяцев, а... де сверх того у него жить не похотел и сего ноября 12 числа явился сыну ево, Дмитрию, и домашним из дому ево...» Он обратился в суд с тем, что «он, Никон, по той записи неволил меня жить еще. И оной записи мне не отдает»¹⁰⁶.

Посадский человек из Москвы дал по себе жилую запись дворянину Е. Муравьеву в том, что будет у него «лесу и провианта приказчиком» на пять лет за 15 руб. Муравьев, как сообщает челобитчик, его бил и денег не платил. «Опасаясь себе увечья, при многих свидетелях, воровства и никакого дурна ему Муравьеву не учиня, покинув свою рухлядь в доме ево, Муравьева, и не взяв заработных денег, с двора от него сошел, — писал приказчик, — и жить у него больше не желает и будет на него впредь челом бить»¹⁰⁷.

Следующее в этом ряду челобитье об уходе от хозяина принадлежит женщине. Она рассказывает свою историю очень подробно, не жалея денег на ее запись и раскрывая перед нами множество неожиданных деталей. Челобитчица — жена капитанармуса Гренадерского полка Матрена Иванова дочь Воронова. Это само по себе удивительно, так как принято считать, что замужние женщины, в отличие от вдов или солдаток, не зарабатывали на жизнь самостоятельно и не заключали рабочих контрактов. Оказывается, что в этом «правиле» были исключения.

¹⁰⁵РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1594. Л. 35 об.—36.

¹⁰⁶Там же. Д. 1594. Л. 35.

¹⁰⁷Там же. Д. 1570. Л. 146 об.

Матрена была москвичкой, мастерицей-золотошвейкой. Иноземец, шпажный мастер Люботой, порекомендовал ее в 1720 г. петербуржцу из французов, «кроватьному мастеру» Ивану Рожбату, которому нужны были «мастерицы золотом и серебром и шелком шить». Мастер Люботой, повествуется в челобитной, «в Москве призвал меня, нижайшую, и учинила я с ним в Москве договор, чтоб мне по просьбе ево из Москвы ехать в Санкт Питербурх на их подводах и за их кошт, к нему, Рожбату. И в Москве оному Люботою на имя ево, Рожбата, дала я, нижайшая, на себя от крепостных дел, чтоб мне в Санкт Питербурхе у оного Ражбата жить и работать мастерство свое, запись на три года с поруками, а рядила я по той записке за то свое мастерство у него, Ражбата, брат в год по 15 рублей, а пить и есть ево ж, Ражбота, и по той записи я, нижайшая, из Москвы к нему, Рожбату, приехала в Санкт Петербурх в том же году и жила у него с вышеозначенного году июля с 17 дня и поныне мастерство свое отправляла по-надлежащему».

Как видим, Матрена высоко ценит свое мастерство и заключает договор на сумму, бóльшую, чем заключил с хозяином художник Оружейной палаты Никифоров. Она же осмеливается одна уехать из Москвы в Петербург и иметь дела с иноземцами. К сожалению, вопреки ее надеждам жизнь в Петербурге сложилась неудачно. Мастер Рожбат денег, обозначенных в договоре, не платил: «...за прошлый 720 г. по записи трех рублей не додал, а на нынешний 721 г. по расчету ничего не дал же, и за просьбу мою, что я просила заработных своих денег, он, Рожбот, бил меня». Далее Матрена скрупулезно описывает, в какой день и час, как именно и при каких свидетелях мастер ее бил и оскорблял. Делает она это не просто для того, чтобы выговорить обиду, а подготавливает материал к тому, чтобы вчинить французу иск о бесчестье. Приведем несколько эпизодов из ее рассказа: «...да сего августа 21 дня оных недоданных денег трех рублей я, нижайшая, у него просила, и он, Рожбат, знатно, не хотя мне тех денег за труд мой отдать, бил меня при деле моем тростью и опростоволосил, и за волосы таскал, и кнутом, что лошадей погонют, и кнутовищем бил в светлице, и я от тех его побой из светлицы убежала было в чулан и заперлась было, и он, Рожбат, у чулана дверь выломал, в чулане меня бил же кулаками и пинками смертно, и тростью расшиб мне висок при свидетелях, которым имена объявлю в исковой своей челобитной». Матрена от Рожбата ушла, «оставя у него весь свой скарб». Как и другие ушедшие

челобитчики, она пишет о том, что ушла не просто, а создав для этого свидетелей и объявив им о своем уходе на случай обвинений в бегстве и краже: «А как я от него сошла с двора видели посторонние люди, и то им объявляла». Просила Матрена в канцелярии суда на ней «бой» осмотреть и «осмотря, описать». Челобитную по Матрениной просьбе писал подьячий канцелярии мундирной и от инфантерии Никита Наумов¹⁰⁸.

Мне не удалось найти исковой челобитной Матрены Вороновой на мастера Рожбата, но подача женщинами иска о бесчестье (а именно это, а не нарушение пунктов договора об оплате, собиралась «искать» Матрена) было весьма распространенной практикой, на которой ниже остановимся особо. Здесь же скажем, что Матрена не была исключением, и другие работницы подавали в суд на хозяев, когда те вели себя подобным образом.

Наемная работница, «финской земли» девка Катерина Петрова подала иск на Германа «Фамбалеса», обвиняя его «в бою и увечье и во взятые от нея платья и в недоплатных деньгах заработных». Архитектор фон Болес, специалист по строительству шпилей, был известным мастером и несравнимо более значимой фигурой, чем кроватный мастер Рожбат. Обе тяжущиеся стороны не знали русского языка, на котором осуществлялось судопроизводство, поэтому фон Болес доверил «за себя ходить» в суд своим переводчикам, Катерина же была готова встать «к улике» сама, а в качестве переводчика использовать «графа Растрелия человека Индрика Копора». Но суд не состоялся, так как стороны согласились на мировую, в которой, однако, Катерина выглядит проигравшей стороной, так как было установлено «пошлины платить ей, Катерине»¹⁰⁹.

«...А МЫ ИМ НЕ КРЕПКИ»

Часто люди лично свободные, но обедневшие пристраивались в дом к родственникам или знакомым и помогали по хозяйству «из воли» (т. е. по свободному желанию) «за хлеб». Однако и их уход воспринимался хозяевами как бегство, о котором следует сообщить властям. Явочное челобитье жены певчего дьяка Беляева Катерины содержит весьма примечательный

¹⁰⁸ Там же. Д. 1570. Л. 79–81 об.

¹⁰⁹ Там же. Д. 1571. Л. 102, 106, 112, 115 об.

рассказ: в 1721 г. «пришла к ней жить» солдатка Ирина Никитина дочь «и жила у ней по знакомству, из хлеба, да из платья, для работы». Ее проживание в своем доме Катерина записала в Канцелярии полицеймейстерских дел. Потом эта Ирина ушла «своевольно, незнамо куда», ничего из дома не взяв. Вольная солдатка не нуждалась ни в каком «отпускном» документе, и обвинить ее было не в чем. Но Катерина все же сочла нужным оповестить суд о ее уходе, поскольку «ежели она, Ирина, где явитца на воровстве или в других каких притчинах, чтоб ей в вину не причлось»¹¹⁰.

В судебных материалах есть челобитные, написанные представителями другой стороны конфликта, а именно самими «вольными» работниками, которых хозяева стремились «прикрепить» к себе.

Некая вдова Василиса Мальцова сообщила в суд, что «в прошлом де 720 году жила она без крепостной, добровольно, в доме Петра Павловича Шафирова, у дворецкого ево Михайла Красовского близко году без найму. И в нынешнем 721 году в январе отпросилась у него, Михайла, и у жены ево Михайловой Мавры для свиданья у дочери». Причина поездки к дочери заключалась в том, что ее дочь, бывшая в замужестве за драгуном, родила. На третий день в дом к зятю Василисы заявила Мавра и «бранила ее и зятя ее, и дочь всякою неподобною бранью и взяла ее с собою в дом свой», оба хозяина «били ее смертным боем безвинно, напрасно, при свидетелях», которых далее Василиса и перечислила. И «она, убоявся такие их побои, что хотят и больши того еще бить, со двора сошла чуть жива, да и впредь бить похвалялись, а как она из дому от них пошла, ничего, никаких пожитков их не взяла, и пошла того ж дому при свидетелях» (опять дан внушительный перечень этих лиц). Василиса просила «бой и раны» на ней осмотреть и «осмотря, записать», что и было сделано¹¹¹. Далее она подала на Красовского иск о бесчестье, и когда заболел стряпчий, представлявший в суде ее интересы, Василиса пошла на допрос сама «уличать» Красовского¹¹².

В том же году в суд со схожим заявлением пришла Пелагея Никулина — дворовая девка помещицы вдовы Аграфены Колубакиной. Пелагея заявила, что являлась ранее крепостной

¹¹⁰ Там же. Д. 1570. Л. 9.

¹¹¹ Там же. Д. 1574. Л. 10–11.

¹¹² Там же. Д. 1571. Л. 95 об.

мужа Колюбакиной, но была им перед смертью отпущена на волю, и вдова Аграфена «приняла ее жить волею» (т. е. по свободному желанию Пелагеи). Свое вольное положение она подчеркнула следующими словами: «носила платье свое, ходя по миру, и делала ей (Колюбакиной. — О. К.) всякую домашнюю работу». Наличие у Пелагеи своего собственного платья должно было прямо свидетельствовать о ее свободном положении и говорило о том, что она не «снесла» на себе хозяйское добро. Она также сочла нужным объяснить, откуда у нее были средства на собственную одежду.

Однажды, рассказывала Пелагея, хозяйка побила ее и сказала, что больше в ее услугах не нуждается. Это было при свидетелях, иначе и писать о том в суд не имело смысла. Сказанное Колюбакиной в тексте челобитной передано так, как могла сказать хозяйка только свободной наемной работнице: если бы девка была крепостной и в ней больше не нуждались, то ее просто продали бы, а не указывали ей на дверь. Таким образом, подводила итог Пелагея, — ушла она по желанию самой вдовы и ничего чужого с собой не прихватила «и впредь жить у ней за такие ее нападки не будет»¹¹³. Очевидно, что заявление Пелагеи Никулиной, как и другие вышеупомянутые челобитья, было написано с целью самозащиты от возможных обвинений в бегстве. Но в данном случае такое обвинение действительно последовало незамедлительно. Помещица Колюбакина, подавшая его, смотрела на случившееся совершенно иначе: Пелагея якобы сбежала без ее ведома и является крепостной, следовательно, «снесла» на себе и хозяйскую одежду. О том, что Пелагея была отпущена на свободу ее покойным мужем, «она написала ложно». Доказательством того, что Пелагея является крепостной, Аграфена считала ее рождение в их вотчине и принадлежность ее родной сестры сыну Колюбакина¹¹⁴.

Видимо, Пелагея не получила от помещика Колюбакина никакого документа, подтверждающего ее освобождение, однако по обычаю, которому следовали не все и не всегда, хозяевами перед смертью было принято отпускать дворовых людей на волю¹¹⁵. Такой отпуск на волю был по большей части

¹¹³РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 123.

¹¹⁴Там же. Д. 1562. Л. 124.

¹¹⁵Об этом см.: Кошелева О. Е. «Отходя от света сего...»: Частная жизнь Московской элиты XVII века через призму завещания // Человек в мире чувств: очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000. С. 360–362.

символическим актом, так как большинство дворовых все равно не знало, куда им идти с насиженных мест, и оставалось жить у наследников умершего, если таковые имелись. Так или иначе, но Пелагея считала, что волю по смерти хозяина она получила. Вдова же Колюбакина полагала: раз вольной грамоты нет, значит, и воли никакой нет, и если дело действительно обстояло так, то в юридическом смысле она была, видимо, права.

Для нас не имеет значения, была ли на самом деле Пелагея Никулина крепостной или нет. Важно то, как смело и юридически грамотно она себя повела, лично явившись в суд со своей хитроумно составленной челобитной. Видимо, она обращалась за помощью к подьячему — специалисту по написанию судебных исков.

До суда Пелагею в качестве подследственной поместили на двор подпоручика Антипы Остапова под его расписку. Однако Остапов вскоре доложил в суд, что девка Пелагея Никулина, взятая им под расписку, у него «не живет и з двора сошла, и чтоб с порук ево снять и перепоручить другими поручики»¹¹⁶. Видимо, Пелагея действительно была вольнолюбива и под надзором жить никак не хотела, но от суда она не сбежала. Тем временем дело ее не двигалось, так как Колюбакина им, как кажется, не занималась, вероятно, не найдя на это сил и денег. Срок для вчинения иска, положенный по закону, истек. Пелагея же во время своего вынужденного пребывания в Петербурге вышла замуж за крестьянина Антропа Полякова. Теперь уже он обратился в суд с просьбой о выдаче «кормовых денег» ему и его жене Пелагее, которые Колюбакина обязана была выплачивать ей на пропитание, а также с просьбой «о учинении указа о свободе их»¹¹⁷. Уверенный тон челобитной дает возможность предположить, что Пелагея Никулина добилась своего и более Колюбакина на ее свободу не покушалась.

Однако не всем удавалось избыть похолопления через суд: у подьячего В. Пояркова «человек ево Иван Савельев в холопстве у него отпирался» до тех пор, пока в суде ему не предъявили купчую на его мать, и тогда Савельеву пришлось капитулировать¹¹⁸. Неизвестен нам и результат прошения, с которым обратился в Сенат дворцовый крестьянин С. Ларионов, перешедший, по его объяснению, из-за военного разорения

¹¹⁶РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1571. Л. 34.

¹¹⁷Там же. Д. 1571. Л. 121 об.

¹¹⁸Там же. Д. 1568. Л. 21.

в поместье князей Мышецких, которые не позволили крестьянину по его желанию уйти: «Заставляют Мышецкие за ними жить и подати им платить, — жаловался С. Ларионов, — а мы им не крепки»¹¹⁹.

ПРОСЬБЫ ПИСЬМЕННЫХ ОТПУСКОВ

Отпускное письмо часто оказывалось в центре конфликта между слугами и хозяевами: его не давали, его прятали, его требовали, его стремились выкрасть. Отпускное письмо означало свободу передвижения, свободу выбора. Истории с отказом выдачи зависимым людям отпускного письма встречаются постоянно — вспомним хотя бы историю дворовой девки Арины Денисовой, которой в семье попа не отдавали ее отпускное письмо. Вот еще одна из таких поведенных в суде историй: «Купленные шведы отца моего дьяка Гаврила Осиповича, — писал дьяк Д. Окуньков, — в доме отца моего и у меня с 704 года мужчина с женой и двумя дочерми и другой с женой и двумя дочерьми (примечательно, что имена этих шведов Окуньков назвать затрудняется. — О. К.), ...приходя ко мне в хоромышки, с великим наглством и с невежеством просили у меня письменных отпусков и пожитков, данных им от меня, которых отпусков дать я им был опасен, понеже отпусков надлежало им требовать, где о том царского величества указ повелевает»¹²⁰. Тогда эти люди ушли самовольно, без отпускной, став, таким образом, беглыми.

Требовать же отпускное письмо через суд, как это сделал монастырский крестьянин из деревни Ершово Иван Филиппов, мало кому приходило в голову. Впрочем, у него были к тому достаточно веские и неординарные основания. В челобитной Филиппова рассказывается, что «в 709 году, едучи из Пскова мимо той деревни Ершово, капитан, что ныне выборного полку мазором, Алексей Филиппов сын Кар, взяв ево на поле, свез в Нижегородский уезд в поместье свое, в деревню Искатьево, понеже он тогда был в малых летех, и с того 709 г. жил он в той ево деревни, а с 719 г. по сей настоящий год служил он при нем, маоре, в Аbove без всякого обязательства. А ныне он, маор Кар привез ево в Санкт Питербурх с собою». Иначе говоря, крестьянин Иван Филиппов являлся украденной Каром

¹¹⁹РГАДА. Ф. 248. Д.189. Ч. 1. Л. 175.

¹²⁰РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л.124.

собственностью Ильинского девичья монастыря и в незаконности его действий видел для себя возможность получить от него свободу: «Токмо ему у него, маеора, жить напрасно без всякой притчины и без крепостной не для чего, а желает он в деревню Ершово для свидания к отцу своему и родственникам, чего для ему, маеору, о свободе ево и о даче ему отпускного писма для оправдания, чтоб впредь какова челобитья от него маеора, в каких непристойных причинах не явилось, прошение ево было неоднократно, и он, маеор, отпускного письма ему не дает, а отпускает бесписьменно, а ему без письменного отпуску остатца весьма опасно... и о том, что он ево держал такое время безо всякой притчины и о пожилых летах (т. е. прожитых годах. — О. К.) будет бить челом впредь»¹²¹.

Из текста челобитной отчетливо видно понимание значения юридических документов, определяющих отношения между хозяином и челобитчиком. Под «непристойными причинами», конечно, имелось в виду возможное обвинение Филиппова майором в краже, если он уйдет без «отпускного письма», только по устному разрешению. Филиппов явно не доверял Кару.

Филиппов, как и обещал, не ограничился одним челобитьем и через неделю подал второе. Припугнув майора тем, что явочная челобитная в суд на него уже подана и вскоре может последовать иск, он опять стал требовать себе отпускную бумагу, на этот раз при свидетелях — секретаре кн. Гагарина и канцеляристе канцелярии вотчинных дел, но «он, маеор, хотя при них и объявил, что он на нево никакого обязательства не имеет, только ему отпуску не дал же... а сам он, маеор, отъезжает отсюда в Абов вскоре»¹²².

Филиппов, как видим, не обвинял майора в своем похищении, хотя и намеревался получить какую-то компенсацию за «пожилые лета», желание его выглядит скромно — только лишь получить отпускную и уехать на законное местожительство к родителям. Не исключено, что Кар в свое время не без согласия родителей увез ребенка, и он, конечно, не предполагал, что настанет время, когда этот «ребенок» станет иметь свою волю. Филиппов определенно знал, кто его родители и то, что они живы, а значит, с ними оставалась какая-то связь, вряд ли возможная, если бы мальчик был украден без их ведома.

¹²¹ Там же. Д. 1574. Л. 29 об.

¹²² Там же. Л. 37.

Как дальше развивалась история Филиппова, мы не знаем, но даже если он и не получил от Кара отпускного письма, можно утверждать, что он своими челобитными сам старался защититься от возможных обвинений в бегстве.

ДАВИД И ГОЛИАФ

Слушавшееся в Нижнем суде дело Антона Гуляева выделяется среди других двумя важными обстоятельствами, которые побуждают уделить его рассмотрению особое внимание. Прежде всего документы, проходившие по этому делу, скопированы в записной книге приговоров Нижнего суда практически полностью: от исковых челобитных до текста приговора. Это крайне редкий случай, дающий возможность получить полные сведения о конфликте, имевшиеся на руках у судей. Кроме того, дело представляет интерес и по своему результату: это редкий случай, когда «холоп» одержал победу над «хозяином». В процессе чтения передо мной раскрывалась история о том, как Давид победил Голиафа, ибо «холоп» был всего лишь подростком, и подобный рассказ о тяжбе является логичным завершением повествования о тех бесправных, которые не «бегали», а «уходили» от своих хозяев.

30 сентября 1721 г. подъячий Вотчинной коллегии Роман Маракушев подал в суд жалобу на посадского человека, москвитина, тяглеца Кузнецкой слободы, 14-летнего Антона Никифорова сына Гуляева, который жил у него в Петербурге «по поручной записи». 14 мая, писал Маракушев, Гуляев, обокрав его, сбежал из дома, а взял жемчуга, перстней золотых, посуды серебряной, кафтанов, камзолов и прочего на сумму 375 рублей. Более того, 24 мая тот же Гуляев пришел «с незнаемо какими людьми» и украл кунтуш (верхняя одежда) в 35 рублей, так что всего урон равнялся 410 рублям. Небедно, выходит, жил подъячий Маракушев, если сказанное им было правдой.

Но вора Гуляева «розыскивать не довелось»: он явился в суд сам, «без приводе» и подал свою челобитную, а при устном расспросе сказал, что он от Маракушева «не бегивал» и «пожитков его не снашивал» и «с воровскими людьми не прихаживал».

Проследим за ходом событий по их изложению, сделанному Антоном Гуляевым в его челобитной и затем повторенному при расспросе. Показания были сведены подъячими, работавшими с делом, «в доклад» для судей следующим образом.

14 мая Гуляев действительно сбежал из дома из-за «налогов и побоев». В этот день Маракушев «бил ево в доме своем палкою безвинно, и он, де, Антон, не стерпя тех ево побоев, вырвался и ушел от него, Маракушева, с двора». Куда же он побежал? Сначала к «рогаткам» в Брюсову слободу, и известил там солдата на ночном карауле о том, что его били «смертным боем», и наверняка продемонстрировал следы побоев. Иначе говоря, он запасся впрок свидетелем.

«Известя часовому», Антон вернулся «по-прежнему в дом, в люцкую избу, и начал в той избе извещать» двум жильцам Маракушева денщику Гавриле Федорову и солдату Федору Самаренку. Повторяемое несколько раз слово «извещать» означало «сообщать о преступлении» (ср. «извет»). Переночевав в людской и поутру «объявясь» (т. е. показавшись) тем же денщику и солдату, Гуляев «пошел со двора в Санкт-Петербургский Надворный суд для подаяния на него, Маракушева, челобитной, а не подал, чаял, де, что он, Маракушев, примет, де, его к себе жить по-прежнему».

Как видим, поведение этого подростка предстает в тексте челобитной как продуманное и юридически грамотное. Очевидно, идея подачи жалобы на хозяина у него уже вызрела, но он знал, что только запасясь свидетелями, которые точно подтвердят все его показания в суде, он может рассчитывать на выигрыш дела. Антон так точно и подробно рассказывает, где и с кем он находился, «быв в бегах» вплоть до 25 мая, чтобы у судей не возникло малейших подозрений о его связях с «воровскими людьми»: «...и быв де в бегах недели с полторы, и ходил в Санкт-Петербурху во дни явно, и с ним, де, Маракушевым, на Троицкой площади виделся не по один раз, а по ночам, де, ночевал в доме у нево, Маракушева, в люцкой избе с помянутым солдатом и с денщиком, а по иные ночи нанимался в Брюсовой слободе разных чинов людей на рогатошной караул». Видимо, дом Маракушева был неподалеку от Брюсовой слободы Санкт-Петербургского острова — бедного района, где жили солдаты и малосостоятельные горожане. Антон занимался по ночам тем, что подменял тех горожан, которым выпадала очередь ночного дежурства на рогаточном карауле. Он не позабыл официально доложить караульному начальнику «пятой сотни десяцкому» Куликову о том, «что он от него, Маракушева, сошел от налоги и побои, а пожитков никаких не снес». И снова текст челобитной составлен так, что у судей не должно возникнуть сомнений в истинности

изложенного — на все сказанное может быть предоставлен свидетель, указаны точно и чин каждого, и имя, и нет лиц, которых можно было бы заподозрить в пособничестве и укрывательстве Гуляева «в бегах».

Почему днем Антон болтался именно на Троицкой площади, также вполне ясно — на ней, в центре Санкт-Петербургского острова, находилось здание Вотчинной коллегии, в которой служил Маракушев, и здесь Антон надеялся встретить его на людях и снискать его милость. Очевидно, подросток искал способ мирного разрешения конфликта, но прямо идти домой к Маракушеву он опасался.

24 мая действительно такая «нечаянная» встреча произошла, но примирения не случилось. Антон в этот день «стоял близ Сенного рынку у лавки и в то, де, время, Маракушев шел сам-третей (т. е. втроем. — О. К.) с комиссаром, а как зовут — не знает, да с подьячим Алексеем Богдановым». Увидев Антона, Маракушев ударил его тростью, а Антон снова побежал к рогаткам, извещать часового. Но на этот раз Маракушев поймал Гуляева как раз у тех самых рогаток и привел в свой дом. Здесь при подьячем Богданове, который от самого рынка был вместе с Маракушевым, и при десяцком Куликове (они опять же отмечаются как свидетели) Маракушев связал мальчика по рукам и ногам и бил тростью и «топунком», а потом ушел, оставив его связанным в горнице. В доме же остались только домочадцы Маракушева — дед Семен Сычов (видимо, тесть хозяина) и дочь девка Фекла. Ее-то Антон и «стал просить, чтоб развязала», что она и сделала. Антон побежал, а дед погнался за ним, но не догнал.

На этот раз Гуляев побежал не к рогаткам, а прямо в Надворный суд: пришел Гуляев «к дневальным подьячим и говорил, чтоб записали на нем бой, и они, де, сказали, что у них таких дел нет, а велели идти в Нижний суд, и он, де, Гуляев, в Нижнем суде судей не застал, и назаутре, де, в Нижний суд пришел и подал челобитную. От роду сказал себе четырнадцать лет».

Таков был длинный и подробный рассказ Гуляева в суде. Его правоту теперь требовалось проверить через свидетелей, которых и затребовали к себе судьи. Их допросили «по заповеди святого Евангелия под опасением смертныя казни порознь». Все вышеупомянутые Гуляевым свидетели оказались на месте и никто от показаний не устранился, и даже дед Сычов, которого сам Антон в свидетели не привлекал, дал пока-

зания. При расспросе свидетелей им, как обычно, зачитывалось то место из показаний Гуляева, в котором он на них «слался», и они должны были подтвердить или опровергнуть сказанное. Свидетелей также спрашивали, что они знают о побеге и краже Гуляева, согласно обвинению Маракушева.

Таким образом, показания свидетелей по делу логически следовали за ходом изложения рассказа Гуляева. Все они с клятвой на Евангелии его подтвердили и добавили даже кое-какие новые подробности. Десятский Куликов отметил, что Маракушев «вскакивал» на связанного Гуляева и «стоя, лежа-чего топтал топунками». Дед Сычов сказал, что Маракушев бил Антона тростью и палкою, и бив, говорил, «для чего он от него бегаёт?». «И о побеге ево, Гуляева, он, Сычов, знает, что бегал с неделю, а пожитки какие от него, Маракушева, снес ли, того не ведаёт, и связанного его, Гуляева, руки и ноги, видал, а как он, Гуляев, связанной бежал с двора, в то, де, число пожитков Маракушева унос Гуляева никаких не видал». Почему Сычов говорил, что парень бежал «связанным»? Слово «связанный» важно для дела: дед (или писавший за ним подъячий), возможно, хотел специально подчеркнуть перед судом, что Гуляеву было трудно совершить «унос», так как руки у него, по-видимому, все еще оставались связанными. Подъячий Богданов также все это подтвердил, указав, что во время экзекуции Маракушев спрашивал Антона про побег и про украденные пожитки, «а какие и давно ль покрадены, того не слыхал».

Постояльцы Маракушева — солдат и денщик, которые не присутствовали при битье Антона, также сказали порознь, что «оной Гуляев к ним в избу вошел, и, плакав, говорил, бил, де, ево, хозяин ево, Маракушев, палкою, а за что, де, не знает. И говорил, де, он при них, о том, что, де, он являл у рогаток соцкому и часовым караульным, а назавтре, де, поутру пойдет на него бить челом в Надворный суд, и во всю, де, ночь стонал, лежа. А пожитки какие ево, Маракушева, он, Гуляев, унес ли, не знают, и прежде за ним, Гуляевым, воровства и грубости не видали, и от него, Маракушева, в той краже к ним в чем жалобы и явки не слыхали».

Таким образом, становится ясно, что произошло 24 мая: Маракушев то ли за действительные, то ли за воображаемые вины пытался устроить Гуляеву «распрос с пристрастием» на дому, и безо всякого вмешательства властей учинить расправу. Вряд ли он ожидал, что дело дойдет до суда. Ничто не свидетельствовало о том, что в этот же день Гуляев приходил

«с незнаемо какими людьми» в дом, чтобы украсть кунтуш, как об этом писал в своей челобитной Маракушев.

Допросили и самого Маракушева — почему он не подал челобитную о краже сразу после ее совершения, 14 мая, а сообщил о ней только 25 мая, и почему вплоть до суда 30 сентября он «никакой улики не показал»? Маракушев ответил: «...челобитья, де, о том побеге и сносе где надлежит не записано для того, что, де, за ним падучая болезнь», но якобы он объявил о краже в другом месте, а именно «в Зезевитове полку на съездем дворе, и при том ево извете сносным ево пожиткам реестр». Из суда послали запрос в указанный полк и получили четкий ответ: «Ево, Маракушева, извету и реестру о побеге и сносе не записано и никогда не бывало, понеже, де, и указа такова в полку о записке беглых людей и крестьян, и о сносных пожитках, явочных челобитен не имеют». Иными словами, даже если бы Маракушев и обратился в полк с подобным заявлением, его бы не приняли, ибо обращение было не по тому ведомству. Маракушев в свое время не сделал того, что сделал Гуляев: не запаса свидетелями, не стал всем вокруг немедленно объявлять о краже, как обычно поступали люди в подобных случаях. Заметим, что Маракушев был подьячим, и уж кому как не подьячему следовало знать тонкости судебных процедур. Как правило, судебные дела выигрывали именно приказные люди, точно знавшие все «правила» судебных игр.

Судьям были представлены на рассмотрение все эти следственные материалы, и на их основе 30 сентября того же года они вынесли свой приговор. Расследование заняло, таким образом, четыре месяца.

Все это время Гуляев, видимо, содержался на тюремном дворе в колодках. О том, чтобы он был отпущен до суда на поруки, никаких записей нет, что наводит на мысль об отсутствии у Антона в Петербурге покровителей. Сидя в тюрьме, он, однако, сумел провиниться, о чем в судебных документах помещена запись, хоть и краткая, но дающая важные сведения о Гуляеве.

Подьячий Нижнего суда Илья Фролов записал «салдатскую сказку» (т. е. показания) и, не прочтя ее неграмотному «автору», «отдал с делом помянутому колоднику Гуляеву, и велел ему вместо тово салдата к той сказке руку приложить, а он, Гуляев, тому солдату не прочев той сказки, руку приложил заочно». Солдат сумел разобраться в том, что под его речами поставили подпись без его ведома, и подал жалобу. Оказыва-

ется, Гуляев был грамотным, и его услугами пользовались разные лица, в том числе и подьячие Нижнего суда. Вольно или невольно Гуляев оказался втянут в служебную деятельность подьячего Фролова, за что был по приговору судей бит батогами и ему было велено впредь «ни к каким делам руки не прикладывать»¹²³. Фролов же был вообще человеком с криминальными наклонностями, о чем свидетельствует указ от 17 марта 1722 г. о его сыске и поимке в связи с тем, что он украл заплаченных по судебным делам пошлинных денег 12 рублей 20 алтын и бежал¹²⁴.

Но вот Гуляев дождался решения суда — вернемся снова к его записи от 30 сентября. Судьи, ссылаясь в каждом своем решении на соответствующие статьи Соборного уложения, вынесли следующее решение: «У него, Маракушева, на него, Гуляева, о побеге и износе пожитков явочного челобитья и записки не токмо в канцелярии, где надлежит записать, — и нигде не явилось, и подлинного на него, Гуляева, доказанья нигде не объявил». Поэтому «поклеп на него Гуляева, явен». Суд постановил взять с Маракушева пошлин в тройном размере — «за то: ищи прямое, а лишнего не приписывай», а он, Маракушев, не только «искал сносу непрямого, но и всем поклепал». Подобная нравоучительная сентенция — единственная, встретившаяся мне среди судебных приговоров. Итак, Гуляев суд выиграл, полностью посрамив своего противника.

Но победа эта могла оказаться пирровой, ведь Гуляев «по записи» находился во власти Маракушева, и суд не мог ее отменить. Поэтому в том же приговоре Маракушеву сказано: «А Гуляева отдать ему, Маракушеву, с роспискою, велеть ему, Гуляеву, у него по поручной своей записи, те месяцы, которые он не дожил» у Маракушева согласно контракту (о котором подробнее скажем ниже), дожить, но учесть в пользу Гуляева и то время, которое он провел по вине Маракушева под стражей. А с Маракушева взята расписка, что ему «Гуляева не убить и не изувечить и голодом не уморить, а как те месяцы доживет, и ево, Гуляева, ему, Маракушеву, освободить и дать ему о том от себя приказное письмо»¹²⁵.

Выписка из дела Гуляева и приговор по нему занесены в записную книгу особенно подробно, в отличие от других

¹²³РГАДА. Ф. 285. Оп.1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 21 об.

¹²⁴Там же. Л. 48.

¹²⁵Протокол по делу Маракушева — Гуляева см: Там же. Л. 8–11.

тяжб, они четко аргументированы и имеют множество ссылок на законодательство — запись выглядит просто образцово. Возможно, это результат того, что данное решение суда пошло вразрез с укоренившейся традицией бесспорной правоты тех, кто старше чином и возрастом. Суд оказался не только на стороне мальчишки-«холопа», но и выступил против представителя «своего» приказного чина. Почему судьи приняли такое решение? Мне представляется, что они явно заподозрили Маракушева в мысли о том, что он хитрее всех и сможет легко обвести вокруг пальца кого угодно. Попытка обмана всегда оскорбительна. В ответ на обман возникает агрессивность, которой, как кажется, не избежали судьи: их раздражение чувствуется и в записи сентенции «ищи прямое, а лишнего не приписывай», и в весьма большой сумме штрафа, которая, конечно, шла в государственную казну, а не на компенсацию морального ущерба Гуляеву. Нанесение ему побоев не инкриминировалось Маракушеву и в заключении суда даже не упоминалось: он был волен бить своего холопа. В приговоре Маракушев обвинялся в одном — в поклепе, а этого обвинения Антон Гуляев на него совсем не возводил. Он вообще не упоминал в своем челобитье о том, что хозяин его обвиняет в краже, а стоял на одном — «бьет не знамо за что». Собственно, челобитье Антона Гуляева и не рассматривалось в качестве обвинительного, следствие шло только по подозрению его в краже, оно-то судьям и представилось несостоятельным. Все действия Антона были исключительно защитными, но они придали процессу состязательный характер. На примере данного случая хорошо видно, как судебный процесс шел путем принятия или непринятия судьями тех доказательств, которые предоставляли в их распоряжение тяжущиеся стороны. Главный упор делался на показания свидетелей, и обычно выигрывал тот, кого эти свидетели не подводили.

Отличное знание Гуляевым всей судебной процедуры видно из того, как бюрократически точно, с учетом всех тонкостей судебного разбирательства, была составлена его челобитная: каждое сказанное в ней слово подтверждалось, и подтверждалось оно не столько потому, что было правдой, сколько потому, что были заранее подготовлены все подтверждения и ничего сомнительного в них не было упомянуто. Пареньку удалось поставить на свою сторону не одного свидетеля, а целую группу. Все его поведение, отраженное в документах, говорит о заранее продуманной подготовке к судебному процессу.

Оно, как мы могли убедиться, весьма отлично от бездумного поведения Маракушева, которому по его подьяческому чину надо бы было знать, что выигранное судебное дело — это правильно поданное в суд дело.

Думается, что каким-то образом Гуляев был знаком с судебной системой, он почти наверняка учился грамоте либо в приказе, либо у подьячих частным образом, может быть, даже и у самого Маракушева. Возможно также, что кто-то из подьячих по родству или по знакомству помогал ему и консультировал, не исключено, что тот же пройдоха из Нижнего суда Илья Фролов. И другие вышеупомянутые челобитчики на хозяев — Пелагея Никулина, Матрена Воронова, Иван Филиппов — видимо, также шли в суд, зная, как в нем надо действовать.

Итак, дело было закрыто, но Антон Гуляев не был удовлетворен вынесенным решением. Он боялся своего возвращения к хозяину. Новая запись о Гуляеве в той же записной книге снова свидетельствует о его умении разрешать проблемы, действовать активно, идти тем же бюрократическим и, как видим, результативным путем.

Сразу после приговора Гуляев подал судьям новое прошение и добился того, что его из тюрьмы отослали не к Маракушеву, а «для определения в его императорского величества службу в государственную военную коллегию». Видимо, грамотность Гуляева и здесь явилась козырем: в коллегиях не хватало грамотных работников, в армии — писарей, и его просьба отвечала государственным интересам. Однако существовало одно труднопреодолимое препятствие — нельзя было нарушить условия поручной записи, по которой Гуляев находился у Маракушева. Тем не менее Нижний суд вник в суть их договора (который, конечно же, и нам безынтересен) и нашел пути его отмены, думается, не без подсказки самого Гуляева или его доброхотов.

Обосновывалось такое решение следующим: по указу от 12 декабря 1720 г., подписанному государем, было велено «которые сожאותца колодники по челобитью в Санкт Питербурху — на день по две копейки». В эту сумму было определено содержание колодника, выплачивать ее должны были истцы, т. е. те, по чьему иску подозреваемые оказывались колодниками на тюремном дворе. Гуляев попадал в эту категорию, но Маракушев и не думал за него платить, а суд в своем первом приговоре эту деталь упустил. Теперь оказалось, что не Гуляев

должен Маракушеву, а Маракушев — Гуляеву. За время пребывания в тюрьме Гуляев «проел» 2 рубля 17 алтын 2 деньги, «которых он, Маракушев, ему, Гуляеву, не давал, а по жилой записи, по которую он, Гуляев, у него, Маракушева, жил, записано, жить ему за пять рублей пять лет и брать на год по рублю, и он, Гуляев, по той записи жил у него, Маракушева, три года одиннадцать дней». Таким образом, к настоящему моменту «недожив» Гуляева у Маракушева «против помянутой записи» составлял рубль и два алтына, а то, что причиталось с Маракушева, «больше недоживу — рубль, пятнадцать алтын, две деньги»¹²⁶, т. е. Гуляев оказывался более Маракушеву денег не должен.

Упоминание договора добавляет штрихи к биографии Гуляева. Оказывается, он или был отдан родственниками, или поступил сам в «житье» к Маракушеву в 11-летнем возрасте за пять рублей сроком на пять лет, которые должен был полностью отработать. Подробности договора не ясны, однако очевидно, что на рубль в год прожить было нельзя; видимо, сумма в пять рублей была заплачена Маракушевым единовременно, а мальчик жил на хлебах хозяина и выполнял домашнюю работу.

Примечательно, что договор с хозяином трехлетней давности оказался в нужный момент у Гуляева в тюрьме и был вовремя представлен суду. Это еще раз наводит на мысль о наличии у Гуляева толкового помощника. Снова вопрос оказался им хорошо подготовлен, снова суд вынес решение в его пользу, снова в пострадавших оказался Маракушев. Давид победил Голиафа.

Гуляев не был единственным подростком из прислуги, выигравшим дело. Похожее дело, в котором хозяин-немец, мастер золотых дел, обвинял двух служивших у него «хлопцев» в краже золотой запонки, также оказалось выиграно обвиняемыми. Однако здесь судебный процесс шел иначе. Обоих мальчиков расспрашивали «в застенке и с подъему», но они «не винулись». Более изощренных пыток к ним как к малолетним не стали применять, «понеже им, Чуправому — тринадцать лет, а Яковлеву — двенадцать». К их оправданию судьи добавили и то, что «истец, иноземец, о том воровстве на них подлинной улики и никакова доказательства не показал и, подав челобитную, за делом не ходил два месяца и семнадцать

¹²⁶РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1568. Л. 26.

дней, и от других ни от кого челобитья на них нет». Судьи, как кажется, более сочувствовали мальчикам, чем немцу. Но «хлопцы», освободившись из узилища, вновь поступали под власть своего хозяина, и, как и в случае с Гуляевым, существовала явная возможность того, что он будет вымещать на них обиду от проигранного дела. Поэтому их также отдали хозяину под расписку о том, чтобы ему «их не убить и не изувечить и голодом не уморить»¹²⁷.

Таким образом, одним из больных мест общества являлись конфликтные отношения внутри домохозяйств, состоявших как из членов семьи, так и из их прислуги и работников. Третьей стороной в конфликте «хозяин—прислуга» являлась государственная власть, регулировавшая эти отношения. К ее помощи люди прибегали, чтобы разрешить возникший конфликт, причем не всегда это были хозяева, иногда на нее уповали и слуги. Петербург наследовал проблему «бегства и сноса» дворовых людей от прежних времен, она здесь встала с особой остротой и вызвала особо строгий полицейский контроль. Но были и другие сферы конфликтных отношений, порождавшиеся строительством нового города.

¹²⁷ Там же. Л. 18–18 об.

Глава 17

Искусство жить вместе

Сказки 1718 г. показывают, как много людей снимали в Петербурге жилье. Напомню, что только 11% хозяев жили своей семьей и не сдавали жильцам помещений. Судебные документы раскрывают лишь конфликтную сторону жилищной проблемы. Наряду с напряженными отношениями между хозяевами и прислугой, многочисленные примеры которых уже приведены, во дворе возникала и другая конфликтная область — между жильцами одного двора. В замкнутом пространстве городской усадьбы, а иногда и одной избы, проживали вместе семьи из разных мест и с различным социальным статусом, и это совместное проживание было вызвано отнюдь не желанием жить вместе.

С какими жалобами обращались по этому поводу в суд? Конфликты с теми, кто жил на постое, судебному разбирательству не подлежали. На солдат чаще жаловались их командирам, иногда обращались с жалобами в Главный магистрат. Там очень нуждались в указе, регулирующем отношения между солдатами и посадскими людьми, «понеже по прошениям разных полков военного чина людей и их жен в бесчестьях и увечьях следующих дел довольно имеется... указ к решению оных дел имеет быть весьма потребен»¹²⁸.

В Надворный суд обращались с челобитьями жильцы свободного найма. Часто причинами жалоб являлись неуплата обещанных денег за найм жилья («пожилых денег»), кражи, нарушение условий договора. Но всех разнообразных проблем, возникавших в результате такого совместного проживания на ограниченной территории, трудно и перечислить, они обычно не подходили под какую-то определенную статью закона. Поэтому, если дело ограничивалось явочной

¹²⁸РГАДА. Ф. 291. Д. 101. Л. 1.

челобитной, то в ней стремились представить противника как подозрительного человека. В исках же, если речь не шла о краже, убийстве или денежной задолженности, дело сводили к нанесению бесчестия. В большинстве судебных исков и решений по поводу ссор на бытовой почве не говорится об их действительных причинах, зато они содержат подробные записи того, какие именно ругательства были произнесены. Приведем примеры.

Дворянин Афанасий Аристов, «стоявший на дворе» у кн. Долгорукого одновременно со стольником Иваном Сумароковым, жаловался в суд, что «в ночи оной стольник бранил ево страдиченком, блядиным и сукиным сыном, и тем ево обесчестил, и бил ево, и увечил, и драл за волосы, и бил по роже кулаками»¹²⁹. Что было тому причиной, для судебного разбирательства не имело никакого значения, и если и было рассказано Аристовым устно, то в записи не вошло, зато багровый синяк на его лице был описан в качестве улики. Также по неизвестной нам причине крепко ругал трактирщика француза Гибсона снимавший у него квартиру лекарь от компании канального дела немец Отто. Гибсон обратился в суд с тем, чтобы к нему прислали подьячего, который бы выставил Отто из его дома¹³⁰. Отто жаловался на то, что Гибсон и его жена «непрестанно меня и мою жену поносят и бещестят» и в квартире стало жить невозможно, но так как он, Отто, связан с хозяином контрактом, то съехать от него «опасен», не оповестив судей¹³¹. Судьи долго разбирались в произнесенных при ссоре иноземных ругательствах (к ним мы еще обратимся особо) и вынесли приговор: «...из дома ево, исцова, ему, ответчику, велеть выехать»¹³².

Подобные дела, казалось бы, не несут никакой существенной информации, однако не стоит спешить с тем, чтобы их отбросить. «Коллекция» ругательств, которую они позволяют собрать, получается во многих отношениях показательна для жизни того времени. Ее мы рассмотрим в одной из последующих глав.

В этой же главе обратимся к тем нарративам, которые выходят за рамки описания только лишь казуса бесчестия, и дают

¹²⁹РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 143 об.

¹³⁰Там же. Л. 106, 119 об.

¹³¹Там же. Л. 97; Д. 1568. Л. 7.

¹³²Там же. Д. 1568. Л. 7.

больше сведений об имевших место жилищных конфликтах. Они помогут увидеть общие проблемы жителей, дадут почувствовать тесноту и людскую скученность двора, особый, «коммунальный» стиль жизни, обусловленный нехваткой жилья.

«И В ТЕСНОТЕ, И В ОБИДЕ»

Для тех, кто имел в Петербурге свой двор, сдача жилья в наем была отличным способом получать с нее доход. Это могло спасти вдов от нищеты, поддержать тех, кому подолгу не выплачивалось государево жалованье, у кого не ладилась торговля.

Вдова подьячего Жданова Анна сдала в наем семье канцеляриста Ивана Скорнякова горницу с сенями и чуланом. Договаривалась о сделке с хозяйкой жена Скорнякова, и Анна ей обещала к переезду покрыть строение новой кровлей, но обещания не выполнила: «...оних хором не покрыла, и тоею кровлею манила многое число», чем «учинила пожиткам утрату». С этого обстоятельства начинает свою явочную челобитную в суд Скорняков, хотя не оно явилось основной причиной конфликта с Анной. «А она, Анна, на том дворе в особых трех светлицах жила и у хором своих двери к сеням ево закупорили».

Иначе говоря, хозяйка и жильцы стремились как-то разделить друг с другом свое жилое пространство. В трех светлицах Анна жила не одна, по крайней мере известно, что с ней был взрослый сын Никита. Через некоторое время Анне удалось сдать еще две из этих светлиц Московской губернии комиссару, а себе оставить одну. Но беда была в том, что эта ее светлица оказалась в середине здания и без выхода на улицу. И вот «в вечеру сын ее, Аннин, Никита Жданов, пришед к нему (Скорнякову. — О. К.) в хоромы, говорил, чтоб оные двери откупорить ради ходу к нему в сени», а Скорняков ему в том отказал. Никита ужасно разозлился на Скорнякова и «пошел от него ис хором вон похвалялся всяким дурном, и говорил, что от них ему с двора без беды не съехать». Его можно понять — ведь из-за этой двери приходилось отказываться от выгодного клиента. И действительно «дурно» не заставило себя ждать: уже на следующий день «в ночи покрали ево неведомые люди, взломав у чулана ево кровлю». Скорняков начал расследование, пригласив на «досмотр следу» трех военных. Осмотр привел к тому, что в огороде нашли брошенный красный занавес, и Скорняков

расценил это так: «...знатно ради следа в огород откинут, а по осмотру схода в огород и с огорода на улицу следу нет. А не-верка (подозрение. — О. К.) ему на вышепомянутого Никиту Жданова». И после этой кражи Никита с матерью продолжали всячески бранить чету Скорняковых и угрожать ей. Но вдруг Скорнякову повезло, он нашел управу на своих домохозяев, действуя как канцелярист своими бюрократическими методами: «А ныне уведомился он, что оной двор был поручика Петра Потехина, которой по указу Вашего величества за недоимку отписан из адмиралтейской коллегии... а они на том дворе живут без указа из оной коллегии, и хоромы внайм отдают, и корысть себе получают самовольно». В конце челобитья Скорняков возвращается к тому, с чего начал: «...а что от непокрытых хором учинилось ему каких убытков, о том будет на них искать впредь»¹³³.

Взглянем на этот рассказ с точки зрения отраженного в нем образа жизни. Вдова пытается извлечь из занимаемого ею дома максимум выгоды, в сущности, больше, чем он может дать. Такая ситуация не может не вызывать конфликтов. Устный договор о починке крыши, заключенный между двумя женщинами, хозяйкой не выполняется, дело доходит до подачи жалобы в суд. Нетрудно догадаться, почему эта крыша не ремонтировалась — разрешение о починке надо было просить у городских властей, а к ним обращаться опасно, так как могло открыться, что дом Анне не принадлежит. Вероятно, Ждановы были жильцами поручика Потехина, владевшего двором, а по его конфискации об этом дворе забыли. Но может быть, у Анны имелось разрешение на проживание в данном дворе не от Адмиралтейства, а из полиции. Кто знает? Во всяком случае представляется, что Скорняков решил причинить Ждановым серьезные неприятности, сообщая о них в суд, и не исключено, что также и в полицию, и в Адмиралтейство. Ждановы же выражали свою враждебность в обыденных грубых формах: ругани, угрозах, грабеже. Очевидно, что жизнь обеих семей была отравлена этим конфликтом. Уж проще было дверь открыть.

Ссоры жильцов и хозяев, как правило, заключали в себе обоюдные претензии, по поводу нанесения материального ущерба и неуплаты денег. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда имеются в наличии явочные челобитные обоих

¹³³РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 97.

участников конфликта, как, например, заявления в суд хозяина двора артиллерийского ученика Ивана Дудорова и его жильца подьячего Печатной канцелярии Василия Орлова. Хозяин поведал, что Орлов «впросился у него жить и жил с того марта сего маия по 10 число. И того ж маия по 10 число в небытность ево и жены ево в доме, не заплатя пожилых ево денег, которые надлежало взять 2 рубля 13 алтын 2 деньги, с тое ево квартиры, покрав пожитки, бежал». Речь шла о том, что Орлов прихватил с собой какую-то хозяйскую одежду. Однако вечером Орлов вернулся, видимо, для выяснения отношений: «Да он же, Орлов, пришед к нему на квартиру в вечеру, бил ево и жену ево, также и называл „курвой“»¹³⁴.

Василий Орлов в свою очередь сообщил следующее: «Стоял он на квартире из пожилого у артиллерийского ученика Ивана Дудорова и издержал за него Дудоров в харч деньги свои с декабря месяца 720 года 10 рублей 16 алтын 4 денги, в которых он и сам не запирался. И в нынешнем 721 году маия в 6 день (sic!) с той ево квартиры сошел он, а одних денег постоянного багажу, а имянно — фуфайки избойчатой на заечьем меху ценою в пол 2 рубля 3 алтын, галздуков ценою в 10 руб., дву полотенец 10 алтын, платков ценою в 10 руб 8 алтын 2 денги да 2 камортковых платка ценою в 10 руб., штанов суконных коришневого цвету в 2 рубли — не отдал и отдать не хочет»¹³⁵.

Как видим, жилец питался у хозяев, и плату они высчитывали из того, сколько фактически тратилось на еду. Поскольку жилец по какой-то причине не платил, хозяин забрал его одежду, тот же в ответ забрал одежду хозяина, видимо, считая, что конфискованная одежда ценой превосходит задолженность. Выяснение отношений сопровождалось скандалом и оскорблениями, в результате Дудоров подал жалобу, обвиняя жильца в нанесении ему и его жене бесчестья.

Вот другой конфликт, тоже имевший материальную подоплеку. Он разгорелся уже между двумя жильцами — купцом Петром Лукьяновым и канцеляристом Надворного суда Семеном Ремезовым, поначалу дружески решившими поселиться вместе у лейб-гвардии бомбардира Ивана Казимерова. Историю их отношений описал Ремезов: «...Петр Лукьянов забрал на покупку в харч и запаса и себе взял на малые числа

¹³⁴ Там же. Д. 1574. Л. 60 об.

¹³⁵ Там же. Л. 62 об.

многие ево (Ремезова. — О. К.) деньги. И сего марта, в 15 день, в вечеру напился он, Петр, пьян. Знатно, не хотя оных ево денег ему отдать, по разговоре ево к нему о том, бранил ево злословными словами он, Петр, и жена ево, и сын, и называл он, Петр, „собачьим сыном“. А как он, Петр, ево бранил, и в то время были свидетели. И после того, вымышля, ссорил его с вышеобъявленным хозяином Казимеровым, будто он ево, Казимерова, бранил. За что оной хозяин, поверя ево лже, злобясь на него с вышеписанного числа и по нынешний день, поносил ево обще с ним, Петром, и с женою ево, и с люди ево, Казимерова, всякими непотребными словами, и грозил он, Казимеров, на нево и на работника ево Афонася Корзина затейным челобитьем». Кончилась эта ссора тем, что хозяин двора Казимеров «не дав время и убраца, сослал ево з женою и з детми с кварталы безвременно, а что в той безвременной ссылке утратилось за скоростью, несведомен (я), и того опасен от них всякого себе зла затейным челобитьем и протчими всякими умыслы»¹³⁶. Иначе говоря, все — и хозяин, и жильцы двора, включая их жен и слуг, — оказались втянутыми в конфликт, причины которого пострадавший Ремезов видел в долговых обязательствах, пьянстве и коварстве своего товарища и соседа Петра. Но, видимо, он и сам был не без греха, раз опасался подачи в суд «затейного челобитья» своего хозяина. Будучи человеком опытным в судебных делах, Ремезов поспешил сделать тактический ход, упреждающий намерения соперника.

Запасы

Можно заметить, что в обеих приведенных выше ситуациях имело место приобретение провизии сообща, вероятно, общее приготовление пищи для жителей двора, ведь большинство постояльцев не имели возможности пользоваться отдельным очагом. Иметь человека, который готовил бы на нескольких жильцов сразу, было наиболее экономным решением вопроса. Хозяева дворов держали запасы продуктов, привезенные из деревень или полученные в качестве жалованья. Жильцы же должны были либо договариваться с хозяевами о надежном месте хранения своих запасов, либо покупать их у хозяев и питаться из общего котла, либо покупать еду с рынка, что было разорительно. Видимо, иногда «запас» пристраивали не по своему месту жительства, а там, где подворачивался удоб-

¹³⁶ Там же. Л.48 об.—50.

ный случай, как это видно из слов стремянного конюха Петра Пузикова: «Из Волоцкой моей вотчины привезен к нему в Санкт-Петербурх запас» (мука и ячмень), которой «по знакомству сложен на дворе» у одного из служителей В. Ф. Салтыкова. Остатков этого запаса Пузиков по ряду причин лишился, «отчего он пришел, покупаячи дорогою ценою, в немалое оскудение»¹³⁷.

Ссоры из-за запасов происходили и между родственниками, жившими в одном дворе. Сколь обильны могли быть запасы продовольствия у состоятельных людей, видно из челобитья полковника Петра Вельяминова, который, приехав в Петербург, остановился на дворе своего зятя подпоручика Морского флота Василия Щепотева. Вернувшись из плавания, зять «сослал ево от себя со двора и насильством оставил у себя всякого ево столового запасу — немалое число муки пшеничной, толочна, солоду ячного и ржаного, масло коровье и орехового, и коноплянного, да коляску дорожную на дрогах, обита вся кожею, да лошадиного корму, сена и овса, такоже и дров оной же Василий взял у нево в дом»¹³⁸. В конфликте между В. Опухтиным и его зятем кн. В. Голицыным все происходило наоборот: выехав из двора тестя, где они проживали совместно, кн. Голицын не вывозил от него своих вещей, на что Опухтин даже пожаловался в суд: «Исполнясь ко мне злобой, того из дому моего и по се число не берет, а я, по вашему великого государя указу, посылаюсь ныне в Орловскую провинцию»¹³⁹.

Недоплатные деньги

Не столь часто в суде встречаются дела о неуплате денег за жилье. В судебных разбирательствах чаще фигурируют не те неплательщики, которые просто сбегали, а те, которые считали, что по той или иной причине имеют право не платить (например, потому, что хозяин одалживал у них деньги, или потому, что он не выполнял обещанных по контракту условий). Так было, например, в том случае, когда квартиросъемщик недоплатил денег, так как жил в одной, а не в двух комнатах, что было первоначально обещано ему хозяином¹⁴⁰.

¹³⁷ Там же. Л. 6.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 63.

¹³⁹ Там же. Д. 1570. Л. 125.

¹⁴⁰ Там же. Д. 1568. Л. 40 об.

Видимо, если денег не платили жильцы, поставленные на постой из какого-то учреждения, то с жалобой обращались не в суд, а прямо в это учреждение, чтобы «недоплатные зажилые деньги», вычли из жалованья. Для этого надо было предъявить «письмо за рукой», т. е. подписанное обязательство об уплате определенной суммы. При уплате денег жильцом его «письмо» вместе с распиской о получении определенной суммы возвращались ему хозяином. В этом случае, в отличие от договоров на доверии без документов, обманутый хозяин имел надежду получить свое. Так действовала иноземка вдова Анна Елизабет, прямо обращаясь с жалобой на своего жильца к адмиралу Крюйсу: «Стоял у меня, нижайшей, в доме моем бомбардир Алексей Малышкин четыре месяца с половиною, который должен мне девятнадцать — рублями, осмою — гривнами, о которых деньгах от помянутого бомбардира имею за рукою ево письмо. А ныне оной идет на кораблях в поход и таких денег мне не отдаст... да повелит державство Ваше такие деньги у него, бомбардира, вычесть и отдать мне, нижайшей»¹⁴¹.

Подозрительные люди

Незамужняя дворянка тридцати двух лет Пелагея Мякинина¹⁴² проживала в одиночестве в своем дворе на Санкт-Петербургском острове и, страдая от скудости доходов, сдала на год отдельную избу вдове иноземке Алене Ивановой дочери. Казалось бы, две одинокие женщины могли ужиться вместе, однако их образ жизни и интересы различались: «И к оной иноземке, — писала Пелагея Мякинина, — ходят днем и по ночам незнаемо какие пришлые люди, в том числе дому боярина князя Якова Федоровича Долгорукого послуживец Николай Яцкой непрестанно, и водит с собою разных неведомо какого чину людей, и приходя к оной иноземке, ночуют и шум меж собою чинят». В результате на дворе у Мякининой образовался притон, и вряд ли мы ошибемся, если предположим, что Пелагея не однажды ссорилась с Аленой по этому поводу. В ночь под Рождество, когда Мякинина, видимо, была в церкви на всенощной, ее дом ограбили: «И сего генваря против шестаго числа в ночи покрали из дому ея, разломав окно, по окончину сломали, и петли железные разломали ж у чулана».

¹⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 154. Л. 43.

¹⁴² О Пелагее Мякининой см.: Кошелева О. Е. Две девки Пелагеи и веселая вдова // Родина. 2002. № 9. С. 44–46.

Мякинина считала, что это дело рук жилички и ее приятелей: «...а она Елена сего ж января седьмого числа из того ж ея двора, не сдав хоромишек и пожилые деньги не заплатя, ушла неведомо куда, узнав вину свою в той краже, и окончины в хоромаш побиты, и стол свезла»¹⁴³. Уж если Алена и стол прихватила, то без соучастников тут, действительно, не обошлось.

Мякинина могла и сама получить выговор от полиции за то, что во-время не сообщила о ночных визитах к ее постоялице, а по полицейским правилам обязана была это сделать: «Все подозрительные дома, а имянно: шинки, зернь, картежная игра и другие похабства, и о таких дворах подавать известия, или явки, и все велеть досматривать, дабы все таковые мерзости, от чего всякое зло и лихо происходит, были испровергнуты»¹⁴⁴.

Некоторые из горожан этому правилу следовали. Подьячий Сергей Лобачев сообщал в суд о соседе: «Влас Иванов делает котельное мастерство, а к нему, Власу, приходя, работают тою же работаю и живут с ним в одной избе незнаемо какова чину люди, и по многое времяна он, Влас, с товарищи своими приходят домой поздно вечером, а в иное время и дома не начуют, а он живет в ближнем соседстве, и от того он опасен, есть ли в том григорьеве дворе учинится какое воровство или убийство», чтоб ему «в штрафе не быть»¹⁴⁵.

Отметим, что и на следующий год Мякининой с жильцами не повезло: пожилая женщина с дочерью, поселившиеся у нее, оказались женой и тещей извозчика Федора Данилова, сбегавшими от него. По этому поводу Пелагее пришлось объясняться с полицией: почему она держала жильцов, не выяснив их личность¹⁴⁶. Сдача в наем жилья оказывалась хотя и доходным, но опасным делом, не дававшим хозяевам покоя в собственном дворе.

Примечательно, что Пелагея давала кров только особам женского пола (кроме упомянутых, известны и другие ее постоялицы). Видимо, девице брать в дом жильцов-мужчин было неприлично.

¹⁴³РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 4 об.—5.

¹⁴⁴Пункты генералу-полицеймейстеру // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 632.

¹⁴⁵РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 8.

¹⁴⁶ Там же. Л. 10.

Хозяин двора подьячий Вареникин не желал иметь в своем дворе никаких неизвестных личностей. Из-за этого он подрался с женой стоявшего у него капрала Васильева. Встав на суде к ответу, Вареникин представил себя защитником правопорядка: возражая против содержания в семье капрала не зарегистрированной в полиции работницы, он «сталкивал» ее со двора на улицу, а капралова жена работницу у него «отбивала». Несмотря на свою правоту, Вареникин отстаивал ее в грубых формах, и в этом была его ошибка. Две соседки-солдатки в суде дружно показали, что Вареникин свою постоялицу втолкнул на двор, и, «толкнув, бранил матерны и говорил, что отломает руки и ноги». Ему пришлось заплатить потерпевшей¹⁴⁷.

Кражи

Поселившись во дворе, где хозяева жильцов постоянно принимали на краткие и длительные сроки, люди не могли не опасаться кражи своих вещей другими постояльцами. Кражи могли совершаться не только из корысти, но и из мести (как в вышеупомянутом случае ограбления Скорнякова Ждановым).

Солдата Осипа Лихачева, жившего на постое в одном из дворов Посадской слободы, ограбили среди бела дня, когда в доме находились все его обитатели. Осип, по его рассказу, мылся с женой в домашней бане, в то время как другие постояльцы — тульские посадские люди — играли на крыльце дома в карты с зашедшими к ним соседями. Чулан был не заперт и пропала вся парадная одежда жены Лихачева: кунтыш, юбка, шапка соболья, платок с кружевом немецким, шелковые перчатки. Подозрение-«неверка» Осипа падало на его сожителей-туляков: «...и ежели б для той кражи приходили посторонние люди, и они, посацкие, могли тою кражу видеть», так как сидели на крыльце и незаметно мимо них никто и пройти-то не мог, — резонно рассуждал пострадавший¹⁴⁸.

Поставленная на квартиру в той же Посадской слободе приезжая жена поручика псковского пехотного полка Д. Лупандина также была вынуждена просить о расследовании кражи: «При мне, — сообщала она, — был на той квартире с пожитками моими баул, и сего января 15 дня отлучилась я, нижеименованная... с той квартиры, и после меня в то число у баула моего изломан замок без меня. И как я пришла

¹⁴⁷ Там же. Д. 1558. Л. 11–12.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 189. Л. 183.

и осмотрела, и вынуто из того баулу донсон, а в том донсоне было перстень с алмазы и в золоте, цена тридцать пять рублей, пять колец золотых, цена десять рублей»¹⁴⁹.

В краже из кармана ключа от подголовка, в котором лежали письма и деньги, случившейся на наемной квартире в Брюсовой слободе с подьячим Иваном Меншовым, подозревался сам хозяин — писарь Василий Иванов, поскольку иных жильцов в доме не было¹⁵⁰. Подобных историй немало, и в дальнейшем мы с ними еще встретимся. Однако ясно, что замки (на чулан, на сундук, на подголовок) для жильцов были предметом первой необходимости и мастера замочных дел не могли пожаловаться на плохой сбыт своей продукции.

Вторжение стражей порядка

Сотский и десятский, ответственные за городской порядок, патрулировали улицы и заходили во дворы, если в них слышались шум и крик. Они также выполняли указ Петра I о том, чтобы «по вся четверть года у жителей осматривать печи, комели, в поварнях очаги, бани и прочее, где огонь водится, и предостерегать, дабы недосмотрением хозяйским какова бедства от пожару не учинилось»¹⁵¹. Вторжение властей часто сопровождалось стычками с жителями дворов. Женщины в таких случаях старались воспользоваться возможностью подать в суд на свое бесчестье, приучая представителей правопорядка к вежливости. Солдат-преображенец Ильин подал в суд на сотского за то, что он бранил и толкал его жену. Сотский в допросе представил конфликт следующим образом: в июне 1720 г., месяце, когда по летнему времени было вообще запрещено топить печи, он пришел «на квартиру ево, исцову... для осмотра печатей у печей, которые были запечатаны, приходил и усмотрел, что жена ево, исцова, топила избу в неуказанные дни. И в вышеозначенные печи... огонь по указу государеву залили, и жену ево, исцову, под караул на съезжий двор к поручику Ягнатьеву брали для того, что она топила избу в неуказанные дни»¹⁵². Объяснения сотского, что он действовал согласно своим обязанностям, «а никакою бранью он, ответчик, жены ево, исцовой, не толкал (так. — О. К.)», ему не помогли: он был

¹⁴⁹РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 22.

¹⁵¹Пункты генералу-полицеймейстеру. С. 632.

¹⁵²РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1563. Л. 7–7 об.

признан судом виновным. У этой сцены оказался свидетель-крестьянин, который показал, что ответчик женщину бил и при этом «в груди ее толкнул», что являлось особо оскорбительным действием.

Подобную же сцену в Мокрушинской слободе описал в полиции другой сотский, однако солдатка Ирина Иванова, которую с десятским потащили на съезжую, пыталась защититься не иском о бесчестье, а со страху закричала «слово и дело государево», и ее история в результате этого закончилась тем, что она получила батоги. Сами же участники конфликта описали его в полиции совершенно по-разному. Ирина утверждала, что стражи порядка зашли к ней в избу и сотский говорил ей «непристойные слова к блюду». В это время появились ее братья и выгнали непрошенных посетителей вон. Такая ситуация открывала перед Ириной возможность подать иск о бесчестье, но только в том случае, если ее рассказ свидетели подтвердили бы, уличив во лжи сотского. Тот же утверждал, что, обходя посадские дворы для приказа жителям выставлять на ночь рогатки, в доме Ирины он услышал шум и, зайдя в него, обнаружил там кроме хозяйки еще двух выпивающих женщин и двух бурлаков. Они затеяли с представителями власти драку, а те их взяли под караул¹⁵³.

Во дворе у Попугая

Василий Максимов сын Попугаев, или, как его звали знакомые, Попугай, был переведенцем из Москвы, бывшим посадским торговым человеком Дмитровской сотни. Он купил двор в 1715 г. в Посадской слободе в приходе церкви Казанской Богородицы¹⁵⁴. В 1718 г. его семья состояла из жены и годовалого сына, при них были две работницы (л. 92—92 об.)

Двор Попугаева был недобрым местом: происшествия здесь сменялись одно за другим, жалобы поступали в суд, благодаря чему у нас есть возможность познакомиться с его обитателями. Жена капитана Марфа Мизгирева снимала здесь горницу. Однажды в августе ее ограбили: из сеней и чулана унесли рубахи, скатерти, салфетки, простыни, полотно. Марфа занималась коммерцией: ей приносили вещи на продажу (а возможно, и под заклад), иногда они были весьма ценные (например, вдова кн. Кольцова-Мосальская принесла золотой

¹⁵³ См.: Семевский М. И. Указ. соч. С. 207.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 26. Д. 1219.

крест ценою 280 руб.¹⁵⁵). Дьяк Дм. Окуньков хотел отнять у Марфы алмазные серьги, а в ответ на ее жалобу в суд попытался представить Мизгиреву самозванкой и подозрительной личностью: «В улике говорил, что она, истица, пишется капитанскою женою напрасно, такова де капитана Федора Мизгирева в военной канцелярии в списках не написано и в полках в капитанех нигде нет»¹⁵⁶.

Двое других жильцов, поп Федор Борисов и ратушный солдат Михайло Маслов, на какое-то время остались во дворе одни: Попугаев с женой и детьми был посажен под караул¹⁵⁷ за неуплату пошлин, но вскоре, однако, был «освобожден для того, что дана по нем поручная запись»¹⁵⁸. Как раз в отсутствие хозяина у попа Федора пропал бумажник с документами, лежавший на полке, и в краже он подозревал Маслова, который несколько дней спустя пришел в дом «незнаемо с какими людьми» и заставил попа и бывшего с ним дьякона поставить подпись под какими-то бумагами, «а какое то письмо и кто его писал, того он, Федор, ничего не упомнит»¹⁵⁹.

Затем у Попугаева поселились дьяк Федор Богданов и двое подьячих, одновременно с ними у него стоял прапорщик Иван Бешенцов, возможно, не случайно носивший такую фамилию. «Он, Бешенцов, — сообщал Попугаев, — всегда мертвецки пьян и с людьми своими, и бьет людей своих смертным боем». Напал Бешенцов и на дьяка Богданова — сбил с него парик и угрожал шпагой. Не избежал буйствования Бешенцова и сам хозяин Попугаев, имевший неосторожность спросить, куда подевалась тафтяная рубаша из светлицы, которую занимал прапорщик. За это Бешенцов со своими людьми бил Попугаева и жену его, и двоих постояльцев-подьячих «смертным боем, и за волосы драл и топтал пинками» (в подтверждение этому Попугаев представил в суд вырванные волосы — свои и обоих подьячих, каждые — отдельно, запечатанные печатью). Потом Бешенцов запер Попугаева с женою в его светлице и «велел человеку своему Ивану Григорьеву вынуть из ножен свою шпагу, и тою шпагою... почел было колоть» всех присутствовавших. Их спасла проявившая мужество жена Попугаева, которая,

¹⁵⁵РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 64.

¹⁵⁶Там же. Д.1553. Л. 138.

¹⁵⁷Там же. Д.1594. Л. 16 об.

¹⁵⁸Там же. Д.1179. Л. 7 об.

¹⁵⁹Там же. Д. 1594. Л. 16 об.

«видя такое убийство, оную шпагу у него, Бешенцова, вырвала». «Обнаженная» шпага также была принесена в суд в качестве улики вместе с епанчой хозяина, на которой от укола шпагой остался «знак»¹⁶⁰. Попугаев, как было положено, сразу же начинал «объявлять» о нападении на себя соседям, на случай возможного судебного расследования. Так при разных происшествиях обычно поступали петербуржцы.

Соседи по двору легко заглядывали в чужое окно, были в курсе дел других жильцов. Подьячий Лев Малыгин (о нем см. гл. 5) однажды у себя в доме целовал какую-то девку, видимо, работницу. А жена его жильца, солдата Преображенского полка Григория Казанцева, жившая в том же дворе, «оное бесчинство увидела», стала поднимать крик и шум. В итоге случившейся перепалки обе женщины через суд добились того, что Малыгин за нанесение бесчестья был оштрафован на два оклада¹⁶¹.

Где, у кого, что и с кем случилось, обычно знала вся улица. Публичность создавала репутацию, которую ценили не только окружающие, но при рассмотрении учитывал и суд, который в случае положительных отзывов соседей смягчал или изменял приговор. Понятно, что при такой обстановке, когда жильцы постоянно сменялись, по всякому поводу во дворы вторгались городские власти, нормальной, размеренно текущей семейной жизни не получалось, а если она и складывалась, то вопреки этим неблагоприятным условиям.

При тесном взаимном общении незнакомых людей в одном дворе волей-неволей возникала необходимость выработки каких-то норм общежития.

ЗА ВОРОТАМИ ДВОРА

Перенаселенные дворы со скандальной обстановкой и малыми удобствами должны были способствовать тому, что люди стремились проводить свободное время вне дома. Но и там, за воротами двора, спокойствия не наблюдалось. Благодаря тому, что некоторые из уличных происшествий привели их участников в суд или полицию, мы получаем возможность заглянуть туда, куда шли со своего двора простые горожане. Мужчины, в первую очередь, стремились в вольные дома.

¹⁶⁰ Там же. Д. 1562. Л. 31–31 об.

¹⁶¹ Там же. Д. 1558. Л. 4 об.—6.

«Вольный дом» представлял собой недорогую распивочную¹⁶², куда ходил простой народ, здесь общались друг с другом люди разных чинов. По своему уровню им было далеко до Австерии или Почтового дома на Адмиралтейской. Вольных домов на Петербургском острове, по данным А. И. Богданова, было больше, чем в других районах города, — тридцать¹⁶³. Их содержали на откупе крестьяне и посадские люди, но чаще — иноземцы. На бойком месте — напротив Гостиного двора — держал вольный дом крестьянин подмосковного села Покровского Спиридон Шепилов, на Большой Никольской — грек боцман Юрий Савельев¹⁶⁴, на ней же — Лаврентий Петро-нен, на которого торговал некий Гаврила Исаев. В последнем содержались «виноградные питья для продажи», видимо, молдавские вина. Не случайно завсегдатаями здесь были «волошского князя (Дм. Кантемира) служители»¹⁶⁵. Один из вольных домов на Адмиралтейской стороне находился «у иноземца в мазанках светлейшего князя»¹⁶⁶ (под которым, возможно, имеется в виду тоже Дм. Кантемир). У церкви Симеона Странноприимца держал такое же заведение пленный швед Вилькин¹⁶⁷.

В питейных заведениях особенно часто с людьми происходят разные неприятности, поэтому не случайно, что в судебных делах они нередко фигурируют в качестве места происшествия. В вольные дома постоянно наведывалась полиция с облавами. Так, давно не видевшие друг друга дядя и племянник, посадские из Старой Руссы, разбегавшиеся много лет назад — один в Петербург, а другой — в Ладугу, встретились на Санкт-Петербургском острове в 1721 г. и «зашед в волной дом, пиво пили», здесь их и взяли при проверке паспортов и привели в Канцелярию полицеймейстерских дел¹⁶⁸.

¹⁶² Во время Петра вольные дома заменяли прежние водочные кружала; вывески вольных домов гласили так: «Казенный питейный дом», — писал П. И. Семеvский (Семеvский П. И. Указ. соч. С. 623–624).

¹⁶³ См.: Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. 1749–1751. СПб., 1997. С. 179.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1565. Л. 17 об.; Д. 1568. Л. 17; Д. 1571. Л. 120.

¹⁶⁵ Там же. Д. 1570. Л. 119.

¹⁶⁶ Там же. Л. 134.

¹⁶⁷ См.: Семеvский П. И. Указ. соч. С. 275–276.

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 291 Оп. 1. Д. 10. Л. 9–9 об.

Солдата Алексея Селезнева, арестованного за «разглашение непристойных слов разных чинов людям», водили по вольным домам города, чтобы он там опознал тех, с кем вел ненужные разговоры. Из 14 опознанных им в вольных домах людей 10 — иноземцы¹⁶⁹. То ли Селезнев предпочитал беседовать с ними на крамольные темы, то ли считал меньшим злом оговаривать их, чем соотечественников.

Крестьянин из Ярославской волости Федор Шапошников рассказывал, как «был он в вольном доме, который держит купецкой человек Спиридон Акимов, по зову гулящего человека Филиппа Павлова, которой в том вольном доме делает комедию». Это интересное свидетельство того, что в вольном доме были и «культурные развлечения» в виде театрализованных представлений. Развлекали публику в вольных домах и музыканты — известно о трех царицыных певчих, которые на одной из «вечерин» пели и играли на гуслях и скрипке¹⁷⁰. Во время той самой комедии, которую представлял гулящий человек, произошел несчастный случай «от оной комедии зажег было (Филипп. — О. К.) тот вольной дом и многие люди от того пожару разбежались». В результате между крестьянином и комедиантом произошла драка, так как крестьянин стал «от пожегу, жалея ево, Филиппа, отдирать шпалеры», Филипп же расценил это как грабеж во время пожара. Присутствие на стенах шпалер говорит о попытке купца создать в своем заведении модный интерьер. Названы и свидетели происшествия: новгородский помещик, галерный боцман и купецкий человек¹⁷¹. В другой судебной записи упоминается, что в вольном доме вместе выпивали «пиво, мед и вотку» служитель майора Салтыкова и толмач мастера фон Болеса. При их ссоре присутствовал свидетель — другой толмач, служивший при «канальном деле»¹⁷². Таким образом за столами вольных домов оказывались представители самых разных слоев населения: от помещиков до крестьян.

Случалось здесь и воровство. Софийского дому сын боярский Саблин пошел с «конштапельским учеником» Кадеевым в вольный дом «для питья всяких напитков... от которого питья он с сим Кадеевым упился пьян и уснул», в результате

¹⁶⁹ См.: Русский архив. М., 1865. С. 1249.

¹⁷⁰ См.: *Семевский П. И.* Указ. соч. С. 275.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 1–1 об.

¹⁷² Там же. Д. 1568 Л. 51–51 об.; Д. 1571. Л. 103.

чего лишился всего, что с собой имел — денег, жемчуга, «нужных» бумаг¹⁷³. В другом случае обокрали зазевавшегося хозяина: «Из того вольного дому из сборного ящика пропало денег сорок рублей, да нитка лаликов, которую заложил в питье светлейшего князя волошского служитель ево Алексей Григорьев в пятнадцати рублях»¹⁷⁴.

Бывали в вольных домах и крупные драки. Так, например, для вышеупомянутого хозяина вольного дома крестьянина Шепилова утро 14 декабря 1721 г. выдалось неудачным — в девятом часу к нему явился посланец — денщик Скорнякова-Писарева с требованием того, «чтоб он на тот двор в особую полату пустил стоять солдат», одновременно явился корабельный бомбардир Герасим Крылов с требованием каких-то пустых бочек «для того, что де на нем, Крылове, тех бочек камисар спрашивает». Нервы у Шепилова не выдержали «и стал он, Шепилов, ево, Крылова, бранить, всякою неподобною бранью матерны, «да и капралу кусок оставь», — говорил. И кинулся он, Шепилов, на него Крылова, и левою рукою ухватил ево за ворот, а правою рукою он, Шепилов, ево, Крылова, ударил под живот кулаком, а при том были работники ево, Шепилова, четыре человека», которые тоже присоединились к драке¹⁷⁵.

О присутствии в вольных домах женщин мне не встретилось ни одного упоминания. Хотя в местах, где можно было «повеселиться», женщины тоже в Петербурге, видимо, имелись. Об одной москвичке, приехавшей в столицу на Неве, сообщалось: «А она... ходячи в Санкт Питер бурхе по причинным¹⁷⁶ и непостоянным местам, пьет, и веселица, и танцует и непостоянничает»¹⁷⁷. Речь здесь идет о женщине внешне вполне добропорядочной, из средних слоев населения.

РЫНОК И БАНИ

Одними из самых посещаемых мест был рынок. На Петербургском острове находились Сытный (Обжорный) рынок,

¹⁷³ Там же. Д. 1570. Л. 134.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 119.

¹⁷⁵ Там же. Д. 1568. Л. 42 об–43 об.

¹⁷⁶ Под «причинным местом» здесь понимается место незаконное, подозрительное. «Причинным человеком» называли подозреваемого в преступлении, а иногда и преступника.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 52.

Мытный двор и Татарская барахолка. «Обжоркой» рынок прозвали потому, что здесь в харчевнях торговцы и прочий люд закусывали и отдыхали, позднее ему дали более пристойное название «Сытного»¹⁷⁸. На рынках можно было встретить знакомых, да и с приезжими переговорить, обменяться новостями, узнать, что делается в других местах.

На рынке было на что поглазеть — здесь постоянно разыгрывались маленькие сценки, комические и трагические. Вот подьячий увидел сбежавшего от него работника-подростка, который «стоял близ Сенного рынка у лавки», и погнался за ним, размахивая тростью¹⁷⁹. Вот дворянин вдруг обнаружил у ветошника украденную во время пожара епанчу, закричал «караул» и потащил его вместе с уликой в полицию¹⁸⁰.

Одну из любопытных рыночных сцен описал ганноверец Ф.-Х. Вебер, на которого сильное впечатление произвела Татарская барахолка. На барахолке, писал он, «кругом такая толпа, что попавшему туда надо хорошенько присматривать за своим кошельком, шпагой и даже шляпой и париком». Вебер рассказывает, как «некий человек», ехавший через рынок на «скверной татарской кляче», сорвал с немецкого полковника-гренадера парик и шляпу, а с какой-то дамы — кружевной головной убор «особым приемом». Этот человек, записал Вебер, видимо, со слов очевидца, «под общий смех поблагодарил ограбленных, повернувшись к ним спиной, и тут же, кратко похвалив товары, предложил их всем стоявшим вокруг и потом уехал своей дорогой»¹⁸¹. За этим кратким рассказом стоит много примечательного — описанное действие, конечно, явно не было обыкновенной кражей, как его трактует Вебер, оно совершалось не тайно, но подчеркнуто публично и было неким представлением, которое, без сомнения, понравилось окружающим: они смеялись. Обычная кража у людей смеха не вызывает, в данном же случае происходило другое — глумление над иностранцами. Полковник, с которого сорвали столь ненавистный простому народу парик, и дама, лишенная головного убора, выглядели не только смешно, но и неприлично. Шутник предстал перед публикой к тому же и смель-

¹⁷⁸ См.: Богданов А. И. Указ. соч. С. 179.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 8.

¹⁸⁰ Там же. Д. 1554. Л. 65 об.

¹⁸¹ *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991. С. 113.

чаком — ведь с гренадерами подобные проделки были далеко не безопасны. Таким образом, рынок был не только местом купли-продажи, но и своеобразным «театром», здесь всегда что-то да случалось.

И полиция не обходила своим вниманием Татарскую барачку. Ее в первую очередь интересовала нелегальная торговля татарской бузой¹⁸², чем наносился «кабацкой продаже ущерб немалый»¹⁸³ и, следовательно, «повреждение государственному интересу». На рынке было много торгующих вразнос, они в первую очередь и сбывали мелкие краденые вещи. Так, в одном из расспросов обвиняемый сказал, что купил чулки «на морском рынке у носящего человека»¹⁸⁴.

Случались на рынке не только неприятные, но и благородные поступки. Капрал Федор Селуянов и солдат Федор Денисов, делая покупки на большом Морском рынке, «нашли цепочку с крестом серебряные, а крест женской» и передали находку в полицию «для объявления обывателям»¹⁸⁵.

Общественным местом были торговые бани, находившиеся на государственном откупе¹⁸⁶. Вход туда был платным, и городские власти стремились всякими способами сократить число домашних бань, которые были почти в каждом дворе. Свидетельств о банях очень мало, единственный иностранец, посетивший бани местом, достойным упоминания при описании Петербурга, оказался француз О де ля Мотрэ: «...я хочу сказать два слова о банях, стоящих вдоль набережной или довольно близко к ней. Эти бани по великолепию и чистоте не могут идти ни в какое сравнение с турецкими банями, но они тоже всегда полны народу»¹⁸⁷. Именно последнее обстоятельство, видимо, и подвигло визитера на то, чтобы отметить их существование. И действительно, нет причин сомневаться в их важной роли в жизни горожан. Бани посещались не только с оздоровительными целями, но также для общения и отдыха, однако как они происходили, о том история умалчивает.

¹⁸² Буза — хмельной напиток, который делают из проса.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 198. Д. 642. Л. 20.

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Д. 1568. Л. 44.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 366. Д. 798. Л. 14.

¹⁸⁶ См.: Богданов И. А. Три века петербургской бани. СПб., 2000.

¹⁸⁷ Бестяных Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 217.

В ЦЕРКВИ

Общение горожан происходило также в приходских церквях. На Петербургском острове их было немного, поэтому у каждой насчитывалось большое число прихожан. Церкви почти не фигурируют в качестве места действия в делах о спорах и драках. Однако, пользуясь скоплением народа, в церквях действовали карманные воришки. Так, один из подъячих жаловался на то, что при пении литургии в церкви Рождества Богородицы «в тесноте людцкой» у него «вынесли» кошелек¹⁸⁸.

В церкви тоже можно было увидеть «спектакль». Здесь случалось услышать кликуш и истеричных проповедников из народа. Об одной из таких сцен, произошедшей в ноябре 1714 г. в церкви Исаакия Далматского, рассказал сам Петр I в своем указе, направленном против кликуш: «Во время святой литургии плотничья жена Варвара Логинова кричала будто испорчена и потом она спрашивана и в роспросе сказала, что она испорчена — кричала притворством». Причины же этого «притворства» оказались следующими: Варвара была с мужем и деверем в гостях у плотника Мокеева, там произошла драка и ее деверя побил плотник Григорий «и она его отняла и разошлись по домам». С тех пор стала Варвара мыслить, как бы обидчику отомстить, и решила «кричать, что испорчена и выговаривать на него, Григорья, что он ее испортил и его тем погубить». Сначала она «кричала» дома, а потом стала кричать по церквам¹⁸⁹.

Церковный приход объединял прихожан в единую общность, недаром в сказках жители обязательно отмечали свою принадлежность к тому или иному приходу. Такие события семейной жизни, как свадьбы, крестины, похороны, здесь приобретали общественный резонанс. В церкви люди собирались по праздникам, выслушивали проповеди, и не только проповеди — перед церковью «публиковали» (т. е. доводили до сведения публики) различные царские и синодские указы, которые тут же в народе и обсуждали. В главном городском соборе приводили военных к присяге¹⁹⁰, принимали клятву в истинности истцов и ответчиков, дело которых суд не мог решить.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 285 Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 90.

¹⁸⁹ ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. № 2096. С. 156. Об указе подробнее см.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. М., 2000. С. 376–392.

¹⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 234. Ед. хр. 10. Л. 67 (приведение к присяге в 1718 г. шкиперов, матросов, служащих верфи).

В Троицкой церкви можно было застать даже самого царя и его вельмож, и многое отвлекало от молитвы.

И. Посошков объяснял сыну, что не должно ему в церкви вести себя «по обыкновению малосмысленных» — заявляться туда в шляпе и со шпагой или тростью, выбирать себе лучшее место и стоять, облокотясь о стену и заложив ногу за ногу. «И стоя, на стороны не поглядывай: несть бо пользы в поглядывании на стороны, токмо пакость и молитвы твоей препятие. И никого ни о чем не вопрошай, а кто тебя спросит, не распространяй речей своих с ним, но всячески потщися прекратить их, дабы тебе, оставя молитву, в непотребные беседы не войти и моление свое не погубить», а также — «стоя в церкви, не плюй гордостно, в далкость от себя, но плюй токмо перед собою в близости. И плюновение свое подтирай ногою, дабы и самому тебе поклониться было не гнусно...» — наставлял Посошков. Еще в церкви следовало воздерживаться, по мнению Посошкова, от почесывания зудящего тела, «и аще и блоха начнет тебя копошiti, всячески потерпи». Нехорошо было также и людей, стоящих вокруг, «ради своего простора... от себя похнути гордостно, или и тихо, да потеснити кого». В целом же наставления Посошкова сыну во многом сводились к тому, чтобы научить его избегать конфликтов и в церкви, и в других местах: «Тебе так надобно себя хранить, дабы и вне церкви никого на гнев не привести», а для этого «ни перед каковым человеком не высья, но буди всем равен, или всех нижши»¹⁹¹. Это был не очень оригинальный, но мудрый совет. Дела о бесчестье, к которым нам пришлось обратиться, как раз и были связаны с выяснением того, кто выше, а кто — ниже.

* * *

Все вышесказанное так или иначе оказалось связано с конфликтами, ссорами, драками, криминальными действиями, однако это не свидетельство того, что жизнь горожан была насыщена подобными событиями столь же плотно, сколь судебные материалы. Тем не менее во всех этих скандальных историях, взятых вместе, проступает одна из важных черт петербургского обыденного стиля жизни: вынужденная

¹⁹¹ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением. С. 84–88, 96.

Часть 4. Проблемы и конфликты

интенсивность общения с высоким уровнем «дворовой» конфликтности, обусловленная перенаселенностью дворов. Вне городских усадеб, однако, имелось пространство, где можно было общаться согражданам вполне добровольно, по взаимной симпатии и интересам.

Глава 18

Бой и брань

«ЗА КАКИЕ БЕСЧЕСТЬЯ ПРАВИТЬ ИСКИ, А ЗА КАКИЕ — НЕ ПРАВИТЬ?»

Юридический казус бесчестья занимал важное место уже в ранних законодательных памятниках Древней Руси¹⁹², и его значимость, преодолев века, ничуть не уменьшилась на берегах Невы: дела о бесчестье в Надворном и Нижнем судах относятся к одному из наиболее часто встречающихся разрядов судебных дел. Можно предположить, что проблема «чести» и «бесчестья» была из тех, что особенно волновала петербуржцев, они не жалели денег и сил на то, чтобы разрешать ее в судебном порядке. Продолжая традицию Московской Руси, в Петербурге и других городах честь через суд отстаивали представители всех слоев населения, вплоть до самых низших. Но ответ на вопрос, в чем заключалась суть нанесения бесчестья и отстаивания чести, нам трудно понять, поскольку современное представление об этом — иное. Сделаем, однако, эту попытку¹⁹³.

Как и другие судебные дела, дела о бесчестье решались на основе установлений Соборного уложения 1649 г. Когда в 1721 г. все судебные тяжбы посадских людей были перенесены под юрисдикцию Главного магистрата, его обер-президент кн. Ю. Ю. Трубецкой запросил Надворный суд: «За какие

¹⁹²См.: *Флоря Б. Н.* Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье») // *История СССР*. 1983. № 1. С. 61–74.

¹⁹³Этот же вопрос поставлен и рассмотрен в специальных исследованиях: *Черная Л. А.* Честь: представления о чести и бесчестии в русской литературе XVI–XVII вв. // *Древнерусская литература. Изображение общества*. М., 1991; *Коллман Н.* Проблема женской чести в Московской Руси XVI–XVII вв. // *Социальная история. Ежегодник 1998/99*. М., 1990. *Kollmann N. Sh.* By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia. Ithaca, NY, 1999 (русский перевод: *Коллман Н.* Соединенные честью. М., 2001).

бесчестья разночинцам¹⁹⁴ править иски велено и за какие — не править?». Ему на это ответили, что «за бесчестье на разночинцах и на купецких людях по Уложению десятыя главы иски по окладам их в Надворном суде правят; а за какие бесчестья разночинцам иски править велено, а за какие — не править, о том в Надворный суд новосостоятельных указов не прислано»¹⁹⁵. Иначе говоря, в Надворном суде по вопросам бесчестья руководствовались исключительно гл. 10 Соборного уложения, и с 1649 г. никаких иных законодательных постановлений о бесчестье не было¹⁹⁶.

Однако ни в этой главе Уложения, ни в какой другой не разъяснялось, что считать бесчестьем, а что — нет, поскольку людям того времени это и так было очевидно. Зато в нем была произведена точная и четкая расценка стоимости чести каждого подданного Российского государства, на основе которой он мог получить компенсацию за бесчестье. Она устанавливалась в соответствии либо с денежным жалованьем потерпевшего, либо с «указной суммой», определенной для тех, кто государева жалованья не получал. Многочисленные социальные группы общества были вписаны составителями Уложения в единое «тело» государства через помещение их на определенные ступеньки двух лестниц¹⁹⁷, ведущих к вершинам власти царя и патриарха. Каждое «место» на этой «лестнице» в Соборном уложении получило свою «цену». Цена «места» выплачивалась занимающему его человеку за его бесчестье, т. е. фактически «бесчестили» место, а не человека как такового. Так, например, ямщик оценивался в пять рублей, певчий дьяк в три рубля, церковный конюх — в рубль, пономарь — в два рубля, просвирица — в три. И если пономарь становился дьяконом, то получал уже иную цену за свою «честь», как и более высокое жалованье. За пределами государственной «лестницы» оказывались осужденные преступники (воры и изменники).

Итак, озабоченное исключительно определением размеров штрафа, Соборное уложение не уточняло, все ли из ругатель-

¹⁹⁴ Под «разночинцами» здесь имеются в виду люди разных чинов, т. е. все граждане.

¹⁹⁶ На самом деле такие указы были (см. их перечень: *Коллманн Н.* Соединенные честию. С. 237–238), но их значимость оказалась несущественной.

¹⁹⁷ Образ «лестницы» в расположении чинов прямо использован в гл. 10 Соборного уложения при перечне иерархии монастырей: «...а ко-
торых монастырей в лестнице не написано...».

ных слов и выражений (в филологии называемые «инвективы») можно считать словесным бесчестьем¹⁹⁸, понятие же «бой и увечье» оказывалось более однозначным. Не находится объяснений понятию «бесчестье» и в петровское время. В. Н. Татищев, поместивший в свой «Лексикон российский» (ок. 1733 г.) слово «бесчестье», также не разъяснил его и, как и представители Надворного суда, лишь сослался на главу 10 Соборного уложения. Тем не менее сам выбор этого понятия для внесения в толковый словарь свидетельствует о его значимости для Татищева. Он записал так: «В законех российских весьма древних и суще до Рюрика установлено и доднесь хранится, кто кого обещестит словом, то должен против оклада обиженного деньги ему заплатить, а жене против мужа вдвое, дочери девице — вчетверо, сыну, есть ли сам оклада не имеет, против отца вполы. О чем в Уложение в 10 главе написано»¹⁹⁹. Подчеркивание В. Н. Татищевым древности и самобытности понятия «бесчестья» на Руси безусловно было связано с его желанием «актуализировать» историческое прошлое страны, обратить внимание читателя Лексикона (особенно иноземца) на существование давней традиции защиты «чести» русского человека, приближающей его к западным образцам.

Социальная «лестница» в петровское время уже значительно изменила свой вид по сравнению с 1649 г.: появились новые чины, звания, должности и категории населения, не существовавшие во времена Соборного уложения и не включенные в его статьи (такие, например, как «школьники» или «матросы»). Казалось бы, логика требовала законодательных уточнений, тем не менее они не последовали, что не мешало представителям «новых» социальных категорий без колебаний приходить в суд с исками о нанесении им бесчестья.

По контексту употребления слова «честь» в речи первой половины XVIII в. можно заметить, что оно означает полученный от рождения социальный статус и близко к еще пока не образовавшемуся термину «сословие». Как раз в течение XVIII в. происходит процесс появления в языке терминов для

¹⁹⁸Только в Уставе Ярослава (XI в.) одно из бесчестящих слов названо прямо: «Аже кто зовет чужу жену блядью...» (Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т.1. С.169).

¹⁹⁹Татищев В. Н. Лексикон Российский исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С. 182.

определения крупных социальных групп²⁰⁰ и слово «честь» со временем утрачивает то значение, которое в петровское время еще широко употребляемо. Так, крестьянин-писатель И. Т. Посошков, наставляя своего сына на тот случай, если ему в жизни придется пойти в наемные работники, т. е. стать на самую низшую ступень общества, писал: «О чести же своей, во младенчестве бывшей, нимало не скорби...»²⁰¹ (т. е. не сожалею о своем более высоком по рождению крестьянском положении). В. Н. Татищев следующим образом употреблял слово «честь», отмечая у нее наличие разных степеней: «Они (городовые дворяне. — О. К.) хотя той чести, как московские, не имели, однако ж чины доставали и много в знать происходили и до боярства»²⁰². Здесь отражено понимание того, что «честь» дается Богом от рождения, «чин» на ее основе дается царем. Петр I, раздавая чины, все менее считался в этом отношении с богоданностью «чести».

Одним из наказаний, предполагаемых судом для дворянства, наряду с казнью, тюремным заключением и телесными наказаниями, являлось «отнятие чести». Легким вариантом этого Петр I считал «извержение» служащего из «чину», лишение его жалованья, отсылка из полка или «из государства». Усугубленным вариантом было публичное отнятие чести: преломление шпаги и публичное объявление наказанного «вором» (или «шельмом»). Петр объясняет, что значит «честь лишен»: «...то есть из числа добрых людей и верных (имеется в виду верных слуг государевых. — О. К.) извергнут»: его не принимают ни в какое «дело» (так он становится «бездельником»), ему отказывают в любой судебной защите, он не допускается в «кампании» и лишается общества «добрых людей»²⁰³. «Обесчестить» подданного или нанести какой-либо урон его «чести», понимаемой как социальный статус, имела право только государева власть и никто иной. Действия частных лиц, наносивших «бесчестье», были подсудны.

Отталкиваясь от этих примеров, раскрывающих значение слова «честь», посмотрим, какими словами ее возможно было

²⁰⁰ См. об этом: Language, History and Class / Ed. by P. J. Corfield. Cambridge, MA, 1992.

²⁰¹ Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну своему, со нравовучением. С. 148.

²⁰² Татищев В. Н. Указ. соч. С. 242.

²⁰³ Краткое изображение процессов или судебных тяжб. 1715 г. // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 841.

оскорбить, т. е. осуществить «бесчестье словом». О том, что понималось под «бесчестьем словом», может кое-что поведать указ Петра I с боярским приговором от 1700 г. В мае из Судебного приказа было аннулировано 16 поданных туда исков о бесчестье, и Петр в указной форме заявил, что те слова, которые жалобщики сочли бесчестящими их, не могут считаться поводом к подаче иска. Какие же выражения оказались в этих, видимо, случайно попавшихся Петру под руку делах? «Вольно, де, тебе лаять» — «шпынок турецкой» — «из-под бочки тебя тащили» — «не Воротынской, де, ты, лаешь» — «робенок» — «сынчишка боярской» — «мартынушка-мартышка» — «черти тебе сказывают» — «трус» — «отец твой лаптем шти хлебал» и «отец твой лапотник» — «подговаривал» — «злодей» — «подскорб» — «поди только в допрос, а что соберешь, и то очисти, и вчера было меня на площади удавил» — «разоренье, де, мне от тебя» — «мучал де ты меня» — «приехал, де, ты на чужую землю грабителем»²⁰⁴.

Исследователи называют эти жалобы, раздражившие царя, «странными», «смешными», «нелепыми» и «пустяшными»²⁰⁵. Однако многое из этих выражений и современному человеку не покажется совсем уж безобидным, если его так назовут публично. Да и Петр воспротивился против подобных исков совсем не потому, что они были необходимыми для людей, а потому, что они были незначимы с государственной точки зрения. По некоторым косвенным приметам можно также заметить, что все эти иски возникли с целью затянуть ответчиками судебное разбирательство, зацепившись хоть за какое-нибудь слово противника и подав на него встречный иск. Таким образом, указ ставил целью борьбу с судебной волокитой. Петр, хотя и не смог вывести общего определения тех ругательств, которые наносят «бесчестье», а которые — нет, следуя русской традиции мыслить более метафорически, чем категориально, все же определил их как слова, которые истцы «приличают за бесчестье... приметками своими». Это можно понять в том смысле, что истцы оценили определенные слова как «бесчестящие» субъективным

²⁰⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. С. 1132; сохранившийся рукописный вариант с некоторыми разночтениями: РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 543. Л. 116–117.

²⁰⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. Кн. 1. С. 262; Коллман Н. Соединенные чеством. С. 369.

образом приписали им подобное значение, в то время как имелось некое «правовое» или общепринятое понимание «бесчестья». Однако, как уже отмечалось, такового в законодательстве не существовало, хотя оно явно подразумевалось, подразумевал его и Петр.

Возможно, следовательно, попробовать определить понятие «бесчестья» через отрицательные примеры, поскольку речь в указе идет о запрещении вольного и расширительного толкования юридического казуса «бесчестья» и включения в него всяких не относящихся к делу выражений. Среди них «дурак» и «ребенок» относятся к умственным способностям, «лапотник» указывает на бедность, «трус», «подговорник», «злодей» — на недостойное поведение, «ис под печки (или бочки) тебя вытащили» означает «замарашку». Слова «сынчишка боярской» оскорбительны, видимо, в уменьшительности «сынчишка» по отношению к «сыну боярскому». Так или иначе, все упомянутые в указе «неподходящие» оскорбления не касаются социального «места» людей.

Из указа также ясно, что брань не во всех случаях считалась бесчестящей в юридическом смысле. Понятия «бранить» и «бесчестить» не были синонимами (например, «учали меня бранить и бесчестить» или «ежели салдаты учнут бить челом... в бою, в брани и в бесчестье своем»²⁰⁶). Различие между бранью и бесчестьем отражено и в главе «О поносительных письмах, бранных и ругательных словах» Воинского артикула (1715): артикул 151 рассматривает случай, когда один офицер о другом «чести касающиеся и поносные слова будет говорить, дабы тем его честное имя обругать и уничтожить...», а артикул 152 — случай «ежели кто, другого не одумавшись с сердца, или не опамятовась, бранными словами выбранит...»²⁰⁷. В первом случае речь идет о словах, затрагивающих честь, которые произносятся преднамеренно, во втором — о всех остальных ругательных словах, в том числе слетающих с языка в результате всплеска эмоций. Первое действие каралось жестче, чем второе.

Таким образом, на вопрос о том, по каким делам о бесчестье следует править иски, а по каким — нет, ответ мог бы быть сформулирован следующим образом: судя по законодатель-

²⁰⁶РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

²⁰⁷Артикул Воинский // Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 354.

ным источникам, слово, признаваемое юридически как «бесчестившее человека», означало оскорбление его социального статуса. Именно в этом случае и следовало подавать иск²⁰⁸. Судебные дела петербургских обывателей позволяют нам проверить, насколько сделанное умозаключение соответствует судебной практике.

РАССЕРЖЕННЫЕ ПЕТЕРБУРЖЦЫ

Нередко петербуржцы являлись в судебную канцелярию, жалуясь особенно часто на то, что их чести нанесен урон, и рассказывая свою версию произошедшего. Мы располагаем записями их слов, однако это плод работы судебного делопроизводства, подчиненный своей логике, правилам и формам. Ими руководствовался дежурный подьячий, отбирая то, что из сумбурных рассказов потерпевших нужно помещать в документ, а что оставить за его пределами²⁰⁹. Он выделял и записывал в челобитную главное для судебного дела — какие оскорбительные слова или действия, подходящие под правовое понятие «бесчестие», были произведены и какие тому имеются свидетели. При этом, за редким исключением, он едва касался или вообще оставлял без внимания причины произошедшего конфликта. Показания свидетелей записывались по тому же принципу. Таким образом, мы не можем говорить о словах и поступках, которые имели место в реальности и в их полном объеме, а только о том, что из них сочли нужным зафиксировать в суде.

Пригодными для исследования оказываются не все сохранившиеся дела о бесчестье, но лишь развернутые повествовательные тексты. Трудно сделать какие-то выводы на основе хотя и колоритных, но лаконичных записей, как, например,

²⁰⁸ Исследователи выделяют также и иные дискурсы понятия «честь»: Л. А. Черная на основе древнерусской литературы рассматривает «честь как достоинство человека — это всеобъемлющее, главное значение; честь как слава, в особенности воинская; и, наконец, как святость» (*Черная Л. А. Честь: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв.* С. 56.). Н. Коллманн пишет именно о судебной защите чести, понимаемой, во-первых, как соблюдение законодательства, во-вторых, как честь семейная и сексуальная чистота, и в-третьих, как социальное положение (*Коллманн Н. Соединенные честью.* С. 87–88).

²⁰⁹ Об ограниченности возможностей использования судебного делопроизводства см.: *Innes J., Styles J. The crime waves: recent writing on crime and criminal justice in eighteenth-century England // Rethinking Social History. English Society 1570–1920 and its interpretation / Ed. by A Wilson. Manchester, N.Y., 1993.*

такая: истица, жена наборщика Хозякова, сообщила, что «ходила она из двора своего в Белозерскую улицу к лавочке для покупки калача, и у той лавочки означенной Никита Терентьев бранил ея всякою неподобною скаредною бранью и бесчестил»²¹⁰. Как и почему произошел этот и другие подобные инциденты, что это были за брань и бесчестье — остается неизвестным. Конфликт, вероятно, принял бы конкретные очертания при допросе свидетелей по делу, однако множество явочных челобитных и исков о бесчестье не доходили до судебного разбирательства, а дело заканчивалось миром²¹¹.

Под юридический казус «бесчестье» старались подвести разнообразные по своей сути конфликты, сопровождавшиеся руганью и дракой. Однако, чтобы предъявить иск, следовало показать в нем наличие именно бесчестящих слов и действий. Легче всего это было сделать в тех случаях, когда следы побоев были налицо и имелись свидетели. Жалобы на «бой и увечье» преобладают в мужских тяжбах, хотя случалось, что и женщин били «смертным боем». По отношению к женщинам всякое грубое мужское касание до них — толчки, пинки, дерганье за одежду и особенно срывание головного убора — считались бесчестьем и подробно фиксировались в судебных документах, в то время как брань по адресу женщин записывалась преимущественно в неконкретных формах.

Вероятно, какое-то физическое насилие считалось более оскорбительным, а какое-то — менее. Например, истец, аптекарский ученик Иван Панов, бил челом на грека Юрия Савельева: «...он, де, во оной квартире ево, истца, бил по щекам неведомо за что и тем, де, ево, истца, обесчестил». Савельев конфликт не отрицал, но настаивал на другом характере своих действий: «...по щекам не бил, а взял за ворот и вытолкал из квартиры своей». Свидетель — портной Иван Никитин — подтвердил, что имело место и то, и другое: «...взяв за волосы, вывел из избы своей в сени и в сенях ударил ево, Панова, в щоку и разбил губу до крови». Таким образом, речь не шла

²¹⁰РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 15.

²¹¹Этот факт отмечает и Н. Коллманн, объясняя его тем, что сама подача дела в суд отчасти компенсировала обиду: «Публичное объявление обвинения часто удовлетворяло истца, возможно, потому, что это оказывало устрашающее воздействие на нарушителей или удовлетворяло ожидания общины, что человек станет защищать свою честь». По ее данным, 10% явок не имело последующего иска (*Коллман Н. Соединенные честию*. С. 194).

о пощечине — ударе символическом, и тем не менее именно удары по лицу выдвинуты в качестве «бесчестящих» действий²¹². К таковым же относилось и таскание за волосы, за бороду (тех, кто еще осмеливался в Петербурге ее носить).

Во время ссор мужчины пускали в ход трости, без которых мало кто выходил на улицу. Поручик Александр Панин не где-нибудь, а прямо в канцелярии Надворного суда «бесчестил, и бил, и увечил» подьячего Бориса Смирнова «нагло тростью по голове, и по плечам, и по рукам при многих свидетелях»²¹³. «И он, Рожбат, — жаловалась золотошвейка Воронова, — ...бил меня при деле моем тростью и опростоволосил, и за волосы таскал, и кнутом, что лошадей погоняют, и кнутовищем бил в светлице»²¹⁴. Истец Антон Гуляев описал, как «в то де время, Маракушев шел сам третей... и ево, Гуляева, он, Маракушев, ударил тростью, и от того, де, бою, он, Гуляев, добежал к рогаткам»²¹⁵.

Кто не имел трости, пользовался дубиной. Такие словесные угрозы, как «отломать руки и ноги», «бить в четыре дубины и руки и ноги переломать»²¹⁶, кем-то воплощались в действительность. Один из истцов, служитель А. Д. Меншикова, написал, что он опасается, как бы некий Давыдов, угрожавший ему, «не учинил тож, что сделал с псарем его светлости» — переломал тому руки и ноги дубьем²¹⁷. Подобное членовредительство случалось не только в среде служителей, но и в кругу лиц, принадлежавших к верхушке петербургского общества, однако не так грубо и жестоко. Так, сам главный судья Нижнего суда дьяк Дмитрий Овинов жаловался: «...иностранной коллегии ассессор Семен Иванов, да государственной Ревизион-коллегии обор-секретарь Анисим Маслов ругали мне, нижеимянованному, знатно, мстя мне, он, Маслов, прежнюю недружбу, подставил ногу, а ассессор Иванов через его, Маслова, ногу, меня пихнул, через что повредили мне руку»²¹⁸.

Описаний жестоких побоев женщин также предостаточно в материалах суда, я уже приводила челобитную Матрены

²¹²РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д.1565. Л. 17 об. и Д.1568. Л. 1 об.

²¹³ Там же. Д. 1574. Л. 69 об.

²¹⁴ Там же. Д. 1570. Л. 80.

²¹⁵ Там же. Д. 1568. Л. 9.

²¹⁶ Там же. Д.1558. Л. 12; Д. 1570. Л. 17 об.

²¹⁷ Там же. Д.1574. Л.68 об.

²¹⁸РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 91.

Вороновой. Вот еще конфликт. Подьячий Илья Панкратьев жаловался на то, что он послал свою работницу к другому подьячему, Григорию Шурлову, звать к себе в гости, а тот «не знамо для какого умыслу оную работницу, запершись в доме своем, бил смертным боем, а при том была свидетелем повивальная же бабка». Сначала Панкратьев решил разобраться в этом деле сам и пошел с приятелями «к нему, Шурлову, на двор для выговору, за что он тое ево работницу бил?». Но Шурлов их только изругал «матерно» и «неподобно», тогда Панкратьев обратился в суд с жалобой на бесчестье.

«Бесчестье словом» доказывалось с большими трудностями, чем просто «бой». Следует отметить, что бесчестье женщины и бесчестье в адрес мужчины отличалось друг от друга словарным составом. Набор ругательных слов также зависел от того, произносились они мужчиной или женщиной. Так, в Париже XVIII в. женское и мужское поведение при желании нанести оскорбление значительно различалось. В частности, «мужчин женщины оскорбляли, недвусмысленно высказываясь по поводу их сексуального достоинства, в то время как между самими мужчинами подобные нападки были не в ходу. В свою очередь женщин как мужчины, так и сами женщины обзывали почти исключительно „шлюхами“»²¹⁹. Последнее утверждение вполне сходится с российским материалом, в котором самые частые оскорбления, наносимые женщине, — «блядь», «курва»²²⁰, за ними следуют «воровка», «плутовка», «сука»²²¹. А вот сексуальных оскорблений женщинами мужчин в записи не встречается, хотя не исключено их использование в устной форме.

В Петербурге женщины (или от их имени мужа) в основном обвиняли в своем бесчестье мужчин²²² и редко судились друг с другом по этому вопросу. Но были и исключения. Примером тому может стать иск о бесчестье солдатки,

²¹⁹ *Dinges M.* «Weiblichkeit» in «MKA"nnlichkeitsritualen»? Zu weiblichen Taktiken im Ehrenhandel in Paris im 18. Jahrhundert // Francia. 1991. № 18. Цит. по: *Dinges M.* Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. 2000. С. 110.

²²⁰ О русских особенностях этого словоупотребления см.: *Юрганов А. Л.* Из истории табуированной лексики // Одиссей. 2000. С. 194–206.

²²¹ См.: *Коллманн Н.* Соединенные честью. С. 137.

²²² О женском бесчестье см. подробнее: *Коллман Н.* Проблема женской чести в Московской Руси XVI–XVII вв.

предъявленный ею «подъяческой работнице», с жалобой на то, что та ей «камнем швыряла в спину», «по лицу ударила и бранила всячески»²²³. Выигрыш дела о бесчестье сулил хорошую материальную выгоду, к тому же дело с большей долей вероятности могло быть выиграно, правда, при наличии надежных свидетелей. Видимо, это влияло на активность небогатых женщин в подаче исков о бесчестье. Уже знакомая нам незамужняя дворянка, «девка» 30 лет Пелагея Мякинина (см. гл. 8, 17) в августе 1718 г. выиграла дело о бое и бесчестье у дьяка Михаила Гуляева, которому суд присудил выплатить ей восемь (!) окладов ее отца (96 рублей), в то время как по Соборному уложению ей полагалось 4 оклада. Видимо, дьяк нанес ей бесчестье дважды. Но дьяк сбежал в Москву, ничего не заплатив. Мякинина в течение нескольких лет ходила в суд с требованием заставить Гуляева выполнить решение суда и к тому же оплатить ей «проести и волокиту»²²⁴.

Мужчины тоже жаловались на женщин. Так, вдовая попадья Параскева обвинялась поручиком Рукиным и собиралась лично стать в суде к ответу²²⁵; на иноземку Марту Бланки жаловался в нанесении ему бесчестья Преображенского полка grenadier Аников²²⁶.

Среди малоинформативных записей жалоб о нанесении бесчестья мужчинам женщинами особенно интересна жалоба Максима Солимского, служителя А. Д. Меншикова, на Евдокию Солимскую. Его явочная челобитная с заявкой на последующий иск о бесчестье представляет собой редкий нарратив с объяснением причин конфликта, его описанием в лицах, цитированием произнесенных слов и моралью в конце.

В апреле 16 числа Солимский оказался в доме кондитерного мастера Матвея Хозле, куда пришла и вышеупомянутая Евдокия, вдова его дяди «Преображенского полку сержанта Максима Григорьева Солима». Между ними началась ссора. Сначала племянник покойного стал высказывать свои претензии: «И говорил он ей, чтоб она побывала на гробу мужа и отпела понофиды (панихиды. — О. К.) и веселица перестала для того, что муж ея, а ево дядя, умре недавно, в прошлом 720 году,

²²³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1563. Л. 17.

²²⁴ Там же. Д. 1558. Л. 27 об.—29; Д. 1553. Л. 66, 142 об.

²²⁵ Там же. Д. 1571. Л. 36.

²²⁶ Там же. Д. 1562. Л. 217.

октября 13 дня». В ответ он услышал «ругательские речи», которые, как представляется, постарался передать подробно, чтобы обоснованно доказать свое «бесчестье», ибо в речах Евдокии он усмотрел и «брань», и «упрек», и «проклятье», и «поруганье»: «И за то она бранила ево всячески, также и умершего своего мужа, и проклинала, и говорила ему в упрек и в поруганье, что вы с дядею своим, а с вышепомянутым ея мужем, холопы боярские, а у меня при прежнем муже, которой был посадкой человек, служили ж при мне в холопстве и лутчи ж дяди твоего, также и тебя. И муж, де, мой был холоп боярской». Вариантов оскорблений в лексиконе спорящих наверняка имелось немало, но здесь снова выбрано как наиболее сильное слово «холоп». Оно вполне могло соответствовать реальности, так как не было ничего невозможного в том, что боярский холоп оказался в армии. Да и сам Солимский называл себя «служителем» Меншикова, что мало отличалось от «боярского холопа». Словам Евдокии Максим Солимский постарался придать вдвойне оскорбительный характер, указав на то, что они относились к покойному мужу: «И диковина, де, какая... была как она умершему своему мужу жена зла является и после смерти ево тако ругательски ево поносит. И такие речи ругательския говорила, что будто лутче дяди ево... служили у ней при прежнем муже в холопстве». Но все это — неправда, утверждал Максим: «А муж ея был не холоп боярской, служитель, де, его царскому величеству от лейб гвардии в Преображенском полку ундер-афицером многие годы». В этой фразе слова «холоп» и «служитель» прямо противопоставлены друг другу. Недаром и себя Максим Солимский называет именно «служителем».

Рассказ уже было заканчивается перечислением свидетелей ссоры: «Хозла жена ево, да ученик ево, Густав Иванов». Но затем он выходит на новый виток, так как Максим счел необходимым обрисовать моральный облик Евдокии: «А она... рада, забывши мужа своего... и после смерти ево ходячи в Санкт Питер бурхе по причинным и непостоянным местам, пьет, и веселица, и танцует и непостоянничает, и им, мужем своим... ругается напрасно, а на гробе ево, приехав с Москвы, хоть живет здесь многое время, никогда не бывала, и ево не поминает и поминать не хочет... И как правилу святых отец, так и указам царского величества весьма является чинить противно, и умершему своем мужу иставитца немалым злодейством, забыв страх Божий».

В развитие своей мысли о «веселой» вдове Максим решил добавить подробности того, что происходило во время его визита в дом Хозле: «Но как он в тож время стал говорить помянутого конфетного мастеру ученику Густаву, чтоб он на скрипке не играл и веселиться с нею, теткою ево, перестал, но он, Густав, и помянутого мастера жена, и работница их латышка Марья потому ж ево бранили и ругали все, соглася заодно всячески напрасно и грозили учинить над ним с ней, теткою ево, зло, а какое, не объявили».

В заключительном абзаце челобитной Максима еще раз подытоживается, в чем, собственно, состоит нанесение ему бесчестья: «И чтоб явошное ево челобитье в Надворной суд записать в книгу, и о том он на них... и на тетку будет бить челом о бесчестье своем, в том, что она и к мужу своему после смерти ево является ругательница и называет ево холопом боярским, и что будто у нее в холопстве лутчи ево служили»²²⁷. Вероятно, челобитчик мог пожаловаться в церковный суд, которому положено было разбираться с проблемами благочестия и пением панихид, но он предпочел суд светский. В этом случае он смог под свое челобитье подвести многозначительный подтекст: утверждает, дескать, его тетка, что у нее холопы были лучше, чем офицеры лейб-гвардии Преображенского полка, служащие царю. Среди произнесенных оскорбительных слов записано оказалось «боярский холоп», перемещавшее сержанта в низы общества. В данном случае важным было и поругание родственных отношений. Соборное уложение утверждало недопустимость проявления неуважения (т. е. бесчестья) младших родственников по отношению к старшим, женщин к мужчинам.

В случаях семейных ссор старшему родственнику можно было подать иск о бесчестье без указания на какие-либо обидные слова. Так было в случае с полковником Петром Вельяминовым, приехавшим в Петербург к зятю, который «сослал его со двора», оставив на нем все продуктовые запасы и транспортные средства тестя. Ему был нанесен материальный ущерб, который он подробно и описывает в своей челобитной, однако жалуется на нанесение ему бесчестья: Вельяминов «о бесчестье, что он (зять. — О. К.) ево, звав к себе, у себя обесчестил по всем вышеписанным статьям, на него не бил челом

²²⁷ Там же. Д. 1574. Л. 52.

²²⁸ Там же. Л. 63 об.—64.

за болезнью и за многими своими суетами»²²⁸. Возможно, Вельяминов мешкал с подачей челобитья на зятя еще и потому, что не желал выносить сор из избы.

Однако в большинстве дел речь идет именно о бесчестящих словах. К некоторым из этих дел мы уже обращались по другим поводам, и их «действующие лица» могли запомниться читателю. Теперь же обратим внимание на то, какие именно слова зафиксированы в качестве «бесчестящих».

«УЧАЛИ МЕНЯ БРАНИТЬ И БЕСЧЕСТИТЬ»

В деле француза-трактирщика Гибсона и его жильца немца-лекаря Отто истец жаловался, что его бранили «матерно, называли шельмом, гунстватом²²⁹ и вором». Ответчик признал, что «гунстватом и шельмом» он Гибсона называл, а «вором» — нет. Расспрос двух свидетелей, таким образом, был направлен на выяснение этого вопроса: называл «вором» или не называл. Первый свидетель, француз Приэр, показал, что истец был назван «шельмом, гунстватом, мошенником и вором». Любопытней показание второго свидетеля — русского живописца Петра Заварзина: «Называл Отто исца шельмом, гунстватом и мошенником по-русски, а — вором, не знает, так как промеж себя говорили по-немецки». Как по-немецки произносится слово «вор», Заварзин не знал, поэтому и не смог сказать, прозвучало ли оно или нет²³⁰. Зато типичные немецкие ругательства²³¹ стали к тому времени столь обычны, что они и Заварзину, и подъячему, записавшему его показание, были знакомы и воспринимались как русские. Этими же словами в 1702 г. актеры-иноземцы обругали капитана Преображенского полка: «Учали меня бранить и бесчестить неподобными словами и называли меня гунцвотом, шельмом, куеном, шпиц бубе²³²»²³³.

²²⁹ Гунствот — от нем. *Hundsfott* и польского производного *huncwot* — мерзавец, прохвост.

²³⁰ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 7.

²³¹ Д. Сабан отмечает их среди тех ругательных слов, которые употребляли в XVIII в. крестьяне в швабском местечке Неккархаусен (*Sabean D. Property, production, and Family in Neckarhausen 1700–1870. Cambridge, 1990. P. 142, 144.*

²³² *Spitzbuben* (нем.) — жулик, мошенник.

²³³ Московский театр при царях Алексее и Петре: Документы по истории театра за 1672–1709 гг. / Материалы собраны С. К. Богоявленским. ЧОИДР. 1914. Кн. 2, отд. 1. С. 111.

В конфликте между учеником архитектурных дел В. Зайцевым и дворовым человеком кн. Долгоруких М. Сахаровым также прозвучало слово «вор», дававшее возможность начать судебное разбирательство. За Сахаровым было записано, что Зайцев «господ ево поносил всякими неподобными словами и ево бранил же всякою неподобною бранью и называл воровским проискателем». Из всей «неподобной брани» для иска о бесчестье выделено только одно наиболее весомое оскорбление, а именно — «воровской проискатель»²³⁴.

На своего жильца подъячего Надворного суда Ивана Сафонов жаловался подъячий гарнизонных полков Афанасий Хватков, что тот «пришед в дом, бранил меня всякими неподобными словами и называл меня вором... и бил смертным боем»²³⁵. Подпрапорщик В. Зеленин назвал комиссара Андрея Мордвинова «собачим попом», а тот его — вором и плутом. Здесь же разъясняется, что «вор и собачий поп — тот, кто ворует»²³⁶.

Дворяне Корсаков и Крекшин также довели ссору между собой до судебного разбирательства: Крекшин не отрицал, что назвал Корсакова «не слугою», но объяснил, став к ответу в суде, что сделал это «будто для того, что он, истец, наперед называл ево, Крекшина, вором и «неслужащим»²³⁷. Это выражение появилось давно, например, в 1640 г. его использовали два владимирских дворянина, называя друг друга «не слугами»²³⁸.

В конфликте, произошедшем в вольном доме крестьянина Спиридона Шепилова в связи с приходом к нему бомбардира Герасима Крылова, последний выдвинул обвинение в битье и бесчестии. Крылов, по показаниям свидетеля, сказал Шепилову: «...так, де, люди добрыя не делают, а делают так бездельники». Оскорбительное слово «бездельник» было произнесено. В тот же год в вологодской ратуше молодой купец, бывший каторжник И. Рыбников аналогичным образом обозвал бурмистра «бездельником»²³⁹. Свидетель по делу Шепилова

²³⁴ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 30.

²³⁵ Там же. Д. 1570. Л. 41.

²³⁶ Там же. Д. 1555. Л. 42.

²³⁷ Там же. Д. 1558. Л. 28–30.

²³⁸ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Владимир. Стб. 130. Л. 453–465. См. об этом деле у Н. Коллманн: *Коллманн Н.* Соединенные честью. С. 196.

²³⁹ РГАДА. Ф. 717. Д. 420. Подробнее см.: *Кошелева О. Е.* Один из Иванов в эпоху Петра (опыт персональной истории) // Казус 2002: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 312.

подробно описывает драку, а про бесчестье «словом» говорит: «...и всячески матерны неудобными словами он, Шепилов, ево, Крылова, бранил же, и фискалом называл, и выбил, ево, Крылова, он, Шепилов, из избы вон»²⁴⁰. Из всех «неудобных» слов в показаниях свидетеля снова письменно зафиксировано только одно — «фискал».

Июньским днем в Военной коллегии на рабочем месте во время беседы канцелярист Михайла Володимиров обесчестил подьячего Якова Ключарева в присутствии секретаря Емельянова, которому и пришлось нехотя свидетельствовать. Ключарев подал иск в том, что коллега сказал о нем «будто пребыл, де, скотом с козою». Иначе говоря, речь зашла о скотоложестве. Ответчик «заперся» в том, что «исца ничем не обесчестил» и «таких слов не говаривал». Свидетель же подтвердил, что разговор какой-то про козу был: «говорил, де, ему, Ключареву, Володимиров: «ты, де, брат, козу (так. — О. К.), а в какой образ (т. е. каким образом. — О. К.), того, де, он, Емельянов, не знает»²⁴¹. Невнятность показаний свидетеля здесь связана с пропуском в записи табуированной лексики, которая в брани обычно дословно не фиксировалась, если на то не было особых причин²⁴². Ответчик не явился на суд, из-за чего был признан виновным. О грехе ближнего своего ему следовало сообщать либо духовному отцу, либо военному начальнику²⁴³, а не публично говорить об этом в присутственном месте.

УНИЖЕНИЕ СЛОВОМ

Итак, в вышеизложенных случаях «бесчестья» «мужские» ругательства представляют собой следующий набор: «вор», «неслужащий», «бездельник», «холоп», «страдниченок», «фискал», «скот», «сабака», «собачий поп», «сукин сын». Содержат ли в себе что-нибудь общее эти слова или получившийся ряд

²⁴⁰РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 42 об.—43 об.

²⁴¹ Там же. Л. 3.

²⁴²Запись показаний о брани в случаях, когда она являлась оскорблением царствующей особы и рассматривалась как государственное преступление, см.: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. С. 69–70.

²⁴³Воинский артикул устанавливал: «Ежели смешается человек со скотом и безумною тварию, и учинит скверность, оного жестоко на теле наказать (Артикул Воинский. С. 358).

случаен? Чтобы ответить на этот вопрос, придется поглубже вникнуть в их смысл и значение.

Слову «вор» в Лексиконе Российском В. Н. Татищев дал следующее определение: «„Вор“ ... весьма разное значит, в пространственном разумеется изменник, бунтовщик и разбойник, в кратком же — тать»²⁴⁴. При употреблении данного слова как ругательного в него вкладывался именно первый «пространственный» (т. е. расширительный) смысл (словом «тать», т. е. тот, кто крадет чужое, обычно не ругались). Оскорбительность слов «вор» и «изменник» состояла не в том, что воровать — грех: грехи и в их числе «не укради» порицались церковными заповедями и относились к церковной сфере. В отношении же «бесчестья», называя человека «вором», обидчик указывал, что его место за рамками общества, что он здесь — самый последний из последних и «чести» в государстве не имеет. Были, однако, случаи, когда один человек называл другого «вором» именно потому, что считал, что тот что-либо украл. Если оказывалось, что это не соответствует истине, то само произнесение слова «вор» давало повод к иску о бесчестье. Капрал Федор Унковский в челобитной о своем бесчестье написал, что солдат Иван Уткин его «называл вором, будто он покрал лавку у прапорщика Федора Харзеева», а это неправда²⁴⁵.

Значение слова «неслуга» можно проиллюстрировать выдержкой из письма 1670-х гг. князя П. И. Хованского к родным с предупреждением, чтобы они не действовали опрометчиво, подавая царю челобитные о его отставке от воеводской службы: «Господа ради, не можете бить челом обо мне. Вижу то я и сам, что мне с вами до той зимы не видаться, только не могу, когда намеренно мне, от той службы отбиться. Не сделайте меня вечно не слугой, что обо мне бить челом...»²⁴⁶ Быть «не слугою» означало попасть в опалу и не получать должностных назначений на государственной службе, оставаться не у дел, стать никчемным. В этом проявлялось средневековое понимание дворянами своего высокого положения в обществе именно как государевых слуг. «Неслуга», как и «вор», оказывался за пределами общества, среди тех, кто был не «у дел».

²⁴⁴ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 220.

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 31.

²⁴⁶ Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Под ред. Г. Г. Лукьянова. М., 1905. С. 29–30.

Близко по значению к «неслуге» и ругательство «бездельник», которое означало «беспольный», «незначительный», не пригодный к делу, отставленный от дела, в первую очередь — от «государева дела». Помета «оставлены к делам» на списках населения, сделанных в связи с введением в 1724 г. подушного налога, значила, что данные категории людей были исключены из сословия крестьян, платящих этот налог, и должны были не платить государству, а служить ему — делать «дела» государевы, т. е. находиться на более высокой ступени обществ²⁴⁷. Иначе говоря, слово «бездельник» также оскорбляло человека через принижение его социального положения, называло его «ником» в мире, состоящем из различных служилых чинов.

«Холоп боярский», «страдник» (т. е. работник, батрак) — часто встречающиеся инвективы, ставившие человека на низшую ступень общества. А вот должность фискалов находилась достаточно высоко на «лестнице чинов», но в народной среде слово «фискал», являвшееся новшеством петровского времени, сразу же превратилось в оскорбительное ругательство, получило нарицательное значение и остается таковым в русском языке по сей день. «Фискал» был человеком, который по службе доносил властям на противозаконные действия граждан, «повреждающих казенный интерес». Учитывая то, что обязанностью всех подданных Российского государства было «извещать» власти о противозаконных деяниях вплоть до несоблюдения тайны исповеди²⁴⁸, отрицательное отношение к фискалам говорит об определенном моральном неприятии обществом подобного доносительства. Многие известно о доносчиках всех времен, ибо доносы остаются в архивах, но ничего не остается после тех, кто по закону должен был бы донести, но не донес. Поэтому невозможно «определить процент» «недоносчиков» в обществе, где донос стремились сделать нормой отношений. Однако сам по себе незначительный факт употребления слова «фискал» в качестве оскорбительного в обыденной разговорной речи дает возможность предположить существование в обществе морального противодействия, с одной стороны, доносительству и изветам, с другой — «государственным интересам».

²⁴⁷ Акишин М. О. Полицейское государство и Сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 23.

²⁴⁸ Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. С. 175.

Бесчестье подъячего Ключарева, которому заявили, что он был «скотом с козю» только на первый взгляд представляется связанным с сексуальной сферой и указывающим на греховность его поведения. На самом деле поводом подачи жалобы было не то, что истца заподозрили в зазорном грехе, а то, что его при этом косвенно называли «скотом». Это дало ему возможность обратиться в суд. От свидетеля на допросе добивались, было ли сказано именно это слово или просто говорилось о каких-то там отношениях с козой. Этот случай уместно сравнить с тем, над которым особенно потешались историки: «бесчестье» состояло в словах «что ты смотришь на меня зверообразно»²⁴⁹. Его в 1700 г. Петр I счел недопустимым и наложил на истца огромный штраф. Однако саму возможность подачи этой жалобы истец, без сомнения, усмотрел в том, что его сравнили со зверем («скотом», ср. современное «скотина»), и такое сравнение в случае с Ключаревым судьи сочли приемлемым для жалобы на бесчестье. Приемлемым потому, что оно словесно «выбрасывало» человека из общества людей, переводя его к «скотам» и «зверям».

Лишь отчасти оказывается близка к «скоту» инвектива «собачий сын», «собачий поп». Часто упоминаются выражения, связанные с собакой: («бранил ево злословными словами, он, Петр... и называл... собачьим сыном», «оной стольник бранил ево страдниченком, блядиным и сукиным сыном», «называл... собачим попом»²⁵⁰ и др.).

Подъячий Ремезов, которого так называли, точно определил этот вид брани как «злословные слова», т. е. слова, которые могут принести зло, своего рода «заклинание», хотя сам он вряд ли это осознавал. Зато современные исследователи изучили смысл этого ругательства досконально, объяснив, почему используется именно образ собаки, а не какого-либо другого животного, через его истоки в языческой культуре. Использование в бранных выражениях слов «пёс», «собака», «сука» было чрезвычайно распространено, они относились к матерной брани, сохранявшей в себе языческий субстрат и являвшейся сродни проклятию или заклинанию. Языческий смысл всех ругательств, связанных с собачьей породой, соот-

²⁴⁹Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 1136–1138.

²⁵⁰РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 48 об.; Д. 1570. Л. 143; Д. 1555. Л. 42.

ветствовал православному «враг Божий»²⁵¹. Сфера матерных оскорблений входила в компетенцию церкви, недопустимость матерной брани для христианина разъяснялась в специальных церковных поучениях на эту тему. Но «собачья» лексика часто учитывалась и светским судом по аналогии со «скотом».

Таким образом, общим во всех этих «бесчестящих» словах оказывается то, что они наносили бесчестье социального плана, ставили оскорбляемого на низкий социальный уровень или вообще вне общества, они «унижали» его.

Совсем иначе выглядят «импортные» инвективы, встретившиеся в петербургских делах о бесчестье: *Hundsfott* (мерзавец), *Schelm* (обманщик), *Spitzbuben* (мошенник). Их специфика в том, что они, в отличие от русских, относятся к непорядочному поведению, к моральному облику человека. Слову «шелм», как отмечалось выше, Петр пытался навязать русское значение «вор». Немецкие оскорбления в русском языке прочно не укоренились, видимо, потому, что в нем самом было достаточно слов с тем же смыслом. А вот немецкое слово «фискал», наоборот, приобрело не имевшееся у него на родной почве значение морального порицания²⁵².

Отечественные «петербургские оскорбления» оказываются рядоположны не иноземным, а тем, которые употреблялись в Москве в допетровское время: «воры», «изменники», «страдники», «псаревы внуки», «холопы боярские», «конюховы дети», «князь-дьяк», «князь-подьячий»²⁵³ — такую брань фиксируют местнические дела думных людей, общавшихся между собою в Кремле на Красном крыльце. У них та же основа, что и у «петербургской» ругани: указать на низкое положение на социальной лестнице, публично «унизить» человека. Здесь, однако, высказываемые эпитеты чаще относились к предкам оскорбляемого, которого хотели ими «утянуть вниз».

«Счет» между людьми, кто «выше», а кто «ниже», происходил в повседневном быту во всех слоях населения. Его впитал в себя восприимчивый ко всем жизненным нюансам русский

²⁵¹ Подробнее об этой инвективе: Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 2: Язык и культура. С. 84–98; Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997. С. 236–250.

²⁵² О сложностях заимствования инвективной лексики из иностранных языков см.: Жельвис В. И. Указ. соч. С. 148.

²⁵³ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1. С. 265–280.

язык, изобиловавший уменьшительными суффиксами, с помощью которых можно было походя унижить человека, называя его «князишком», «сынишком», «страдничком» и проч. Слово «счет» употребляли в качестве синонима к слову «пербранка»: например, свидетель показывал, что истец и ответчик «стояли на площади против сеней Канцелярии вотчинных дел и между собою щитались», т. е. ругались (далее пересказывается их нелепый диалог)²⁵⁴.

«Унизительное» бесчестье четко соответствует пониманию «чести» как определенному месту на «лестнице чинов». «Честь» как богоданное, «законное» место в социуме, которому власть является гарантом, «честь», через которую происходило «причастие» к этой власти, занимала важное место в самосознании человека рассматриваемого времени. Именно такую «честь», связывавшую человека с властью, защищал закон, поэтому далеко не каждая ругань подходила под юридический казус «бесчестья». Исходя из этого, в суде на бумагу заносились не все подряд сказанные в конфликтах бранные слова, а лишь наносившие удар именно по чести/месту (такие, как «изменник», «вор», «бездельник» и проч.), за которые можно было привлечь к суду.

Иначе говоря, тексты судебных дел построены таким образом, что отражают хотя и важный, но лишь один «оскорбительный» дискурс. Если не принимать этого во внимание, то на основании судебных дел можно легко прийти к выводу об отсутствии в русском языке инвектив морально-этического характера, оскорбляющего человеческое достоинство, в то время как они были просто не важны с точки зрения государства. Их отражение следует искать в источниках другого типа, например в посланиях оскорбительного характера²⁵⁵. Сущест-

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1563. Л. 5 об.—6. См. также Д. 1570. Л. 42 об.

²⁵⁵ К сожалению, подобных примеров посланий нет в петербургском материале. Однако все же приведем для примера иного оскорбительного дискурса начало одного из писем царя Алексея Михайловича: «Врагу Божию и богоненавистнику и Христопродавцу и разорителю Чудотворцеву дому и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому, пронырливому злодею казначею Никите!» (*Алексей Михайлович*, царь. Грамота к казначею Савво-Сторожевского звенигородского монастыря // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 684.) В этих пассажах на первое место вынесено поругание не светской «чести», а отнесение человека к «врагам Божиим».

ование наряду с «бесчестьем» таких понятий, как «обида», «сором» («срам»), «оскорбление» тоже говорит о наличии иных способов морального травмирования человека. Вероятно, в житейских конфликтах люди называли друг друга трусом, лжецом, предателем, негодяем, мошенником, дураком, уродом и проч., только их не имело смысла записывать в иск.

Итак, копание в чужих склоках многовековой давности с целью выудить из них бранные слова, которое могло показаться читателю занятием малопочтенным, надеюсь, убедило его в определенной полезности данной процедуры²⁵⁶. Именно бранные слова оказываются лакмусовой бумажкой ценностных ориентаций, позволяют выйти на понимание того, чем люди в себе дорожили. Ведь обидеть другого можно далеко не каждым словом, а только таким, которое затрагивает ценностные представления человека в связи с его собственной персоной. Эти ценности суть различные: моральные, эстетические, интеллектуальные, престижные и проч., все они так или иначе находят отражение в брани гораздо ярче, чем в каких-либо трактатах²⁵⁷.

«Я О МОЕЙ ПЕРСОНЕ НЕ ГОВОРЮ...»

Понятия чести и бесчестия являлись значимыми для всех, начиная с царя и кончая простой солдаткой. Почему? Как кажется, потому, что они осуществляли объединение всего общества в нечто единое, делали каждого причастным к власти, а

²⁵⁶ Материалы судебных тяжб недаром пользуются высоким спросом в исторической антропологии. См.: Honour and Shame: The Values of Mediterranean Society / Ed. by J. G. Peristiany. Chicago, 1966; Garroch D. Verbal Insults in Eighteenth-Century Paris // The Social History of Language / Ed. by P. Burke, R. Porter. Cambridge, England, 1985; Honour and Shame and the Unity of the Mediterranean / Ed. by D. D. Gilmore. Washington, D. C., 1987; Hatch E. Theories of Social Honor // American Anthropologist. 1989. Vol. 91; Honor and Grace in Anthropology / Ed. by J. G. Peristiany, J. Pitt-Rivers. Cambridge, GB, 1992; Cohen E. S. Honor and Gender in the Streets of Early Modern Rome // Journal of Interdisciplinary History. 1992 Vol. 20, № 4; Miller W. I. Humiliation: and other essays on Honor, Social Discomfort and Violence. Ithaca, NY., 1993; Verletzte Ehre. Ehr Konflikte in Gesellschaften des Mittelalters und der fruehen Neuzeit. K. Shreiner und G. Schwerhof eds. Cologne, 1995; и мн. др.

²⁵⁷ Интересный образец анализа ругательств, использовавшихся жителями швабского местечка Неккархаусен в XVIII в., представлен по судебным делам Д. Сабианом (Sabean D. Property, production, and Family in Neckarhausen 1700–1870. P. 139–146).

власть — к каждому. Можно без сомнений согласиться с Н. Коллманн в утверждении, что «честь» незримо стягивала все общество, создавала связь между индивидом и царем, давала «некоторую теоретическую основу единства» и была «как бы параллельна православию», «царь ставил себя в центр сообщества чести и насыщал ею все свои институты и репрезентации»²⁵⁸. Это замечает и Л. А. Черная: «Царская честь согревала каждого, попавшего под сень крыл двуглавого орла»²⁵⁹.

«Честь» в таком ракурсе видится как некий дар, поднесенный власти всем подданным, наподобие того, как священник через рукоположение принимает на себя часть Божьей благодати. Возможна и другая метафора — «честь» является неким виртуальным наделом, выделенным «местом» в мистическом теле государства, наподобие того, как происходило наделение помещьем из государевой земли всех слуг государевых, поэтому «честь» оценивалась в денежном выражении. То «бесчестье», о котором речь шла в суде, призывает осознать важный момент: перед нами — некая игра, происходящая в государственном учреждении, на государственном «поле». Власть в ней принимает участие и организует ее, а подданные включаются в игру с большим энтузиазмом. В петровское время «единение» подданных с государством, выдвинувшим чуждые многим из них ценности, подверглось серьезной проверке на прочность. Несмотря на большие изменения в стране, традиционная система защиты от «бесчестья» не переставала столь же эффективно функционировать на всех уровнях общества, в том числе и в вестернизированном Петербурге. Она как старая, но прочная скрепа удерживала и помогала не рассыпаться связи между монаршей властью и отчасти потерявших в нее веру подданными.

Очевидно, что такая «честь», на страже которой стоял государственный закон, не была и не могла быть связана с личным достоинством, не зависящим от «места» в государстве. Но означает ли это, что оскорбления и защиты личного достоинства в русской практике совсем не существовало? Думается, что нет, но искать ее надо не внутри системы «бесчестья», а вне ее. Как и в других странах, в России репутация («честное имя»)

²⁵⁸ Коллманн Н. Соединенные честью. С. 112, 390–393.

²⁵⁹ Черная Л. А. Честь: представления о чести и бесчестьи в русской литературе. С. 74.

человека слагалась не из одной, а из многих составляющих²⁶⁰, поэтому и «уязвляться» она могла разными способами, в разных «ругательных дискурсах»²⁶¹.

Сравнение понятия «честь» как социального положения в Российском государстве с понятием «честь» как личного достоинства в странах Западной Европы мне представляется некорректным: речь идет о разных вещах, в силу языковых причин названных одним и тем же словом. Получается, образно говоря, сравнение круглого с зеленым, в то время как следовало бы отдельно сравнить разные варианты защиты личного достоинства и разные системы единения власти с подданными, которое в России осуществляла защита от бесчестья.

В России ни церковь, ни светская власть защиту от оскорбления собственно «персоны» как таковой, вне связи с ними не гарантировали. Личное достоинство воспринималось в православной традиции как гордыня, и если его оскорбляли, то с этим обиженный не мог обращаться в суд, он должен был в духе православного душеспасительного поведения обидчика простить, смириться и терпеть «укоризны» ближних своих, не проявляя гордыни, а завоевывая уважение благочестивым поведением. Защита личного достоинства, таким образом, не была официальным, общепринятым, престижным образом действий. Можно лишь предположить, какие стратегии поведения выбирали те, кто ее предпринимал. Очевидно, в первую очередь, кроме прощения, это были драка, месть и пьянство. Видимо, иногда личные оскорбления старались модифицировать так, чтобы как-то подвести их под статью о «бесчестье».

Завершим разговор о бесчестье рассмотрением конфликта, произошедшего в мае 1719 г. в петербургской Канцелярии Коллегии иностранных дел, который, будучи подробно описанным свидетелями, ярко демонстрирует стратегии оскорбительного поведения и защиты от него, их внешнюю и сущностную стороны. Случилось так, что во главе ведомства иностранных дел были поставлены два человека — канцлер Г. И. Головкин и подканцлер П. П. Шафиров, последний не мог смириться со своим подчиненным положением, и на этой

²⁶⁰ Cust R. Honour and Politics in Early Stuart England: The case of Beaumont v. Hastings // Past and Present. 1995. № 149. P. 62–63.

²⁶¹ Примеры различных научных классификаций инвективной лексики см.: Жельвис В. И. Указ. соч. С. 201–203.

почве разгоралась вражда. В тот день Шафиров отказался, не смотря на государев указ, совместно подписывать документы всеми членами коллегии, сделал это, отговариваясь тем, что «сия коллегия другим не пример». На самом же деле для него оскорбительным было оказаться в одном ряду с другими членами коллегии, имевшими более низкие чины: «...и с ними, которые ис подъячих, и сидеть стыдно». Не лишним будет сказать, что сам любимец Петра I Шафиров был отнюдь не знатного происхождения — его отец был польским евреем, жившим в холопстве у боярина Хитрово. Поэтому никакой «породной честью» Шафиров не обладал, хотя и пытался ее выдумать, и был «честен» только царским пожалованием «высокого места». Сотрудников Канцелярии он обозвал «ушниками» и «бездельниками» и «креатурами канцлеровыми», поскольку те были более склонны подчиняться указам Головкина. Затем «подканцлер, осердясь, встав, пошел вон и, остановясь в дверях, говорил канцлеру с криком, что, де, ты дорожишься и ставишь себя высоко, я, де, и сам таков». Иначе говоря, конфликт проходил в обычных рамках выяснения того, кто выше, а кто — ниже. На следующий день опытный дьяк и советник Канцелярии Коллегии иностранных дел В. В. Степанов²⁶², присутствовавший при описанной сцене, отказался, несмотря на троекратный вызов, явиться к Шафирову на дом. Таков был его ответ на оскорбления начальника. И хотя в своей объяснительной записке в Сенат, которую Степанову пришлось-таки писать, приведено в оправдание множество аргументов объективного характера, все же ясно, что главной причиной было желание противостоять дальнейшим унижениям.

Очевидно, что в ситуациях, подобных этой, подчиненные не осмеливались подавать в суд на своего начальника²⁶³. Секретарь же В. Степанов объяснил «господам Сенату», что не пошел к Шафирову, так как «боялся того, чтоб меня не убил. Ибо после битья Губина (престарелого секретаря Коллегии. — О. К.), говорил он, чтоб и мы того опасались». Сам Шафиров в частной беседе высказался по отношению своего рукоприкладства к подчиненным в том смысле, что «хоть

²⁶² Биографию В. В. Степанова см.: Серов Д. О. Строители империи. С. 250.

²⁶³ Из зафиксированных Н. Коллманн 566 случаев бесчестья только 69 представляют собой иск низшего чином и положением на высшего. (Коллманн Н. Соединенные честью. С. 160 — 161).

бы он Степанова и побил», тот мог бы за оказанные ему ранее благодеяния «то съесть». В ответ на это Степанов написал господам Сенату: «И я о моей персоне не говорю, только характер канцелярии советника не допускает, что не токмо побои, но и брани терпеть»²⁶⁴. Иначе говоря, Степанов, защищая себя и свое достоинство, проявил необходимое смирение, умалив собственное значение как «персоны», и требуемым образом свел свою оскорбленную «честь» к занимаемой государственной должности, которую и отстаивал, однако отождествляя себя с нею далеко не полностью.

Возвращаясь к вопросу о том, что, судя по многочисленности судебных дел о «бесечестве», «честь» особенно волновала русских людей, в том числе и петербуржцев, в заключение следует сделать существенную оговорку. В основе многих конфликтов, приведших петербургских жителей в суд, стояла не задетая честь, а, например, рубашка, пропавшая с веревки, разобранный соседом на дрова забор, любезничанье с чужой женой, не выполненное другом обещание и другие тому подобные житейские казусы, которые не подходили под статьи существующего судебного законодательства. Возможность подвести их под него и передать дело в суд появлялась тогда, когда в ходе разворачивания конфликта возникал прецедент «бесечества».

²⁶⁴ Серов Д. О. Строители империи. Прил. 7. С. 163.

Глава 19

Невольники поруки

Как и защита от «бесчестья», система поручительства или «поруки» практиковалась у славян с древнейших времен. Исследователи одно время полагали, что порука была заимствована татаро-монголами от китайцев, а затем привнесена ими на завоеванные земли, но следы этой практики обнаружились уже в Киевской Руси домонгольского периода²⁶⁵. Порука существовала и в западнорусских землях²⁶⁶, во Пскове и Новгороде: в новгородских берестяных грамотах порука и поручители упоминаются неоднократно.

Великий князь Московский требовал подписей сотен людей в качестве поручителей за верность ему удельных князей, переходивших на службу Москве²⁶⁷. Поручители письменно подтверждали: «И где ся князь Михайло за нашу порукою денет, куды отъедет или збежит, ино на нас, на подручниках... которые в сей подручной грамоте подручилися... вся подрука пять тысяч рублей» (1527 г.); или: «А отъедет он за нашу порукою в Литву... ино на нас, на поручниках... взяти десять тысяч рублей деняг и наши поручниковы головы во князь Ивановы головы место»²⁶⁸ (1562 г.). Спускаясь ниже по социальной лестнице, мы обнаружим, что верность государеву делу всех служилых людей подкреплялась не только присягой, но и порукой: вот поручители несут ответственность за стрельцов:

²⁶⁵ *Dewey H. W. Russia's Debt to the Mongols in Suretyship and Collective Responsibility // Society for Comparative Study of Society and History. 1988. P. 269*

²⁶⁶ Например, в Смоленской грамоте 1229 г. говорится: «...«аже не будет поруки, то у железа усадить» (см.: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963).

²⁶⁷ *Dewey H. W. Political PORUKA in Moscovite Rus'. P. 117–134.*

²⁶⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 429, 476.

«А не учнут они быти в стрельцах... и государево хлебное жалование вдвое назад, и наши поручниковы головы в их головы место»²⁶⁹ (1594 г.); за «даточных людей» (солдат): «Будет которые даточные люди с государевой службы сбежат, и их поручиковы головы в их головы место» (1678—168)²⁷⁰.

Использование поруки происходило во всех областях: в политике, в торговле, в фиске, в государственной службе, в мирских отношениях, в частной жизни, в судебной практике и т. д. Порука связывала всех членов общества и с государством, и между собой, формируя соответствующие стратегии поведения между людьми. Иначе говоря, порука в разных формах обнаруживала свое существование везде, в том числе ее конкретные проявления отражаются в материалах петербургского судопроизводства, поскольку порука являлась одной из значимых реалий жизни всех петербуржцев.

С одной стороны, порука являлась эффективным способом оградить себя от последствий обмана и мошенничества в любом виде деятельности, с другой — в затруднительных ситуациях получить «кредит доверия» от общества. Поручитель требовался при каждой сделке, при заключении любого договора: при купле-продаже, при найме квартиры, при составлении подрядной записи, при займе, при найме на работу, при бракосочетании, при принятии сана, при выполнении государственной службы, а также в судебном процессе, при выпуске подсудимого на свободу и проч., и проч. Поручитель должен был отвечать и перед потерпевшим, и перед судом, и перед государством вместо того, за кого он поручился, и в случае его обмана или исчезновения, а обманщик — перед Богом и своей совестью. Подобная система могла успешно работать только в том случае, если были возможности легко отыскать местонахождение поручителя, и система социального контроля российского общества этому вполне благоприятствовала, обеспечивая прикрепление каждого к определенному месту жительства без права бесконтрольного перехода.

Роль поручителя за другого человека не была завидной, поэтому надо было иметь весомые возможности уговорить, попросить или принудить своего ближнего за себя поручиться. Однако каждый и сам обязательно попадал в такое положение

²⁶⁹ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2. С. 101.

²⁷⁰ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. VIII. С. 120.

ние, при котором ему требовался поручитель. Эту ситуацию характеризовала краткая, но точная пословица «порука-мука». Чтобы облегчить себе муки поиска поручителей, необходимо было иметь в среде ближних кредит доверия. Человек, согласившийся дать за другого поруку, фактически становился заложником его честности. В небольших общинах, где люди жили бок о бок и знали друг друга, складывалось определенное мнение о каждом и было ясно, кому можно доверять, а кому — нет. Иначе было в незнакомых местах, здесь человек чувствовал себя неуверенно и найти поручителей оказывалось особенно трудно. В полной мере это относилось к Петербургу — городу «переведенцев». Поручители здесь были в особой цене еще и потому, что две сферы, неукоснительно требовавшие поручительства, — найм жилья и работников — здесь были несравнимо широки по сравнению с другими городами России. Иногда поручителей приходилось изыскивать из родных мест, а иногда — получать их за деньги или обещание услуг.

Власти не имели возможности приставить к каждому, кто мог пойти на какой-либо обман, караульного солдата. За наказуемое поведение одного должен был ответить другой, следовательно, именно он был в первую очередь заинтересован в том, чтоб его предотвратить: так организовывался в стране социальный контроль. Если человек исчезал, а за него не было поручителей, то брали в заложники его близких. Например, приставу, посланному за требуемыми в Надворный суд по розыскному делу крестьянами и их старостой, был дан указ, что если они «укроются от взятыя», взять вместо них «правых людей» или крестьян, «несмотря ни на какие отговорки и держать на Белеозере под караулом, пока оные люди и староста явяца»²⁷¹. То есть судебная практика, как и вообще государственная политика, включали в себя взятие заложников, которые отличались от поручителей тем, что не давали своего добровольного согласия отвечать за проступки других людей.

Поручительством люди пользовались и в отношениях между собой, неофициальным образом, без составления письменных документов о поруке. Система порук, не только малоизученная²⁷², но и не оцененная в своем значении для

²⁷¹РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1553. Л. 120.

²⁷²Исключение составляют статьи американских исследователей Х. Дьюи и А. Клеймола. См.: *Dewey H. W., Kleimola A. M. Russian Collec-*

доиндустриального российского общества, проходила через жизнь каждого человека, поскольку в ней всегда в той или иной форме возникали проблемы обмана и доверия. Система порук создавала специфический повышенный спрос на доверие друг к другу.

ПОРУЧИТЕЛЬ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Редкое судебное дело обходилось без участия в нем поручителей. В Соборном уложении излагались различные юридические казусы, в которых требовалось поручительство. Оно традиционно и привычно осуществлялось в практике московских судебных приказов и так же строго учитывалось при судопроизводстве в Надворном и Нижнем (Провинциальном) судах. Поручительство оформлялось через документ, называвшийся «поручной записью», который составлялся при двух свидетелях.

Ответчики, затребованные судом по поданным на них искам, должны были объявить за себя поручителей на все время процесса, гарантировавших то, что ответчик не сбежит и явится в суд вовремя. Начало течения процессуальных сроков для ответчика начиналось с того момента, когда он подавал поручную запись: «А в котором числе по ответчике к суду поручная запись будет собрана, и то число в поручной записи описывать именно, что бы по той поручной записи про то было ведомо, кто в котором числе к суду дан будет на поруку» (гл. 10, ст. 111). Допускалось отсутствие в суде истцов и ответчиков во время приговора: суду было все равно, кого судить, виновного или его поручителя: «А сказывати за них приговор поручиком их, кто по них ручается с суда, и государевы пошрины и исковы иски, по исковым записям велеть правити на них, поручиках» (гл. 10, ст. 113). Если же поручитель не являлся в суд вовремя, то за каждый день просрочки он выплачивал истцу «проесть» по гривне в день (гл. 10, ст. 114). В указе

tive Consciosness: The Kievan Roots // The Slavonic and East European Review. 1984; Vol. 62, *Dewey H. W., Kleimola A. M.* Suretyship and Collective responsibility in Pre-Petrine Russia // *Jahrbucher fuer Geschichte Osteuropas*. 1970. Vol. 18; *Dewey H. W., Kleimola A. M.* From the Kinship group to Every Man His Brother's Keeper: Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1982. Vol. 30; *Dewey H. W.* Political PORUKA in Moscovite Rus'; *Dewey H. W.* Mongol Element in Old Russian Poruka // *Comparative Studies of Society and History*. Vol. 29, № 4. P. 270.

«О форме суда» (1723) Петр I обязывал оповещать суд о наличии движимого и недвижимого имущества у ответчика (предполагая его возможную конфискацию), если такового оказывалось недостаточно, тогда ответчику требовались более состоятельные поручители, ибо бедные поручители выручить не могли. Так, молодая вдова Фекла Манукова обвинялась снохой в растрате наследства от мужа на сумму 1061 руб., ответчица хоть и поставила за себя нескольких поручителей, выйти из тюрьмы с их помощью не смогла. Суд, обвинивший Феклу, постановил держать ее за караулом «для того, что поручики по оной ответчице небольшие люди, и малознакомые, и непрожиточные и верить в таком большом иску некому»²⁷³.

У ответчиков имелось право взять срок для поисков поручителей. Петр определял этот срок в неделю, если поиски оканчивались неудачей, ответчики содержались до решения суда под арестом²⁷⁴.

После вынесения приговора истец и ответчик также не могли уехать восвояси без поручительства за себя: «а бес поруки исца и ответчика после суда отпускать не велеть и принести запись в приказ к дьячей помете кончье в третий день» (гл.10, ст.123). И действительно, на подлинных приговорах обычно стоит подпись поручителя за ответчика.

Виды порук за ответчика различались: если ответчик или подозреваемый был оправдан, то его отдавали на «чистые» поруки, т. е. с доверием к нему, и в приговор записывали «свободить на чистые, добрые и знатные поруки»; если же на поруки отпускался преступник после понесенного им наказания, то такие поруки назывались «крепкими». Например, в 1721 г. вышел указ «за татьбу в каторгу не ссылать, а учиня наказание, отдавать на крепкие поруки»²⁷⁵.

Спорных и беглых крестьян и дворовых людей во время следствия отдавали посторонним поручителям, как этого требовало Соборное уложение (гл. 20, ст. 55). Судьи Надворного суда давали следующие указания: «Мимо исца и ответчика отдать на поруки, а буде порук не будет — знатному Санкт Питер бурхскому жителю на расписку, а если и распищика не будет, человеку ево, исцову, который за дела ходит»²⁷⁶. Таким

²⁷³РГАДА. Ф. 285. Оп.1. Ч. 2. Д.1587. Л. 67 об.

²⁷⁴О форме суда // Законодательство Петра I. С. 842–843.

²⁷⁵РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 36 об.

²⁷⁶Там же. Д. 1555. Л. 108 об.

образом, «расписчик» чем-то отличался от «поручика». В практике суда посторонним поручителям на содержание отдавали и других подследственных из простого народа. Таким образом решался вопрос о содержании большого количества подозреваемых в нетяжких преступлениях: они работали по дому за своего поручителя, получая от него кров и хлеб. Например, девка Пелагея Никулина дочь, доказывавшая в суде, что она является не дворовой, а свободной (см. подробнее гл. 16), была отдана подпоручику Антипу Остапову «на росписку», который и сообщил в суд, что «у него она девка не живет и з двора сошла, чтоб с порук ево снять и перепоручить другими поручики»²⁷⁷.

В записной «Книге колодников» Надворного суда дежурными отмечались прибывшие в суд подследственные и убывшие из него. Многие из последних оказываются отпущенными под расписку или под ответственность поручителей. Например, отданная под караул торговка Анна Михайлова дочь «свобождена для собиранья поручик»; санкт-петербургский житель Василий Попугаев, задержанный за неуплату пошлин, «свобожден для того, что дана по нем поручная записка»; Якова Теглева, сидевшего по той же причине, отпустили домой на праздники: «свобожден на росписку для Рождества Христова января до 10 дня 722 г., и того числа явился и отдан под караул по-прежнему»²⁷⁸. Женку Анну Иванову дочь подьячий Федор Протасов почему-то освободил без судейского повеления, она ушла без расписки и без порук. Судя по записи в книге «вместо нее держится деверь ее»²⁷⁹, т. е. поручителя за Анну взяли принудительным образом.

При возникновении объективных причин поручители могли снять с себя взятые обязательства, например, таковые отказались впредь держать под своим надзором фискала Губарева, и суд вынес решение: «Вышеозначенного Губарева у поручиков принять и от той поруки оных поручиков учинить свободных, а онного Губарева держать в канцелярии надворного суда, пока он, Губарев, соберет по себе в статье добрые и знатные поруки»²⁸⁰.

Так система поручительства оказывалась организующим фактором в судопроизводственном процессе, она обеспечива-

²⁷⁷ Там же. Д. 1571. Л. 34.

²⁷⁸ Там же. Д. 1179. Л. 18 об., 7 об., 39 об.

²⁷⁹ Там же. Л. 9.

²⁸⁰ Там же. Д. 1571. Л. 54.

ла его нормальное функционирование. Но поручительство использовалось и во многих других случаях.

КУПЛЯ-ПРОДАЖА

Продажа бывших в употреблении вещей тоже требовала поручительства, поскольку таким образом реализовывалось краденое²⁸¹. Эта продажа вовсю осуществлялась на рынках Петербурга через ветошников, торговавших в лавках или с лотков. Покупка с порукою выгодна покупателю, так как в случае обнаружения, что вещь краденая, он был не виновен.

Плотника Анисима Третьякова и его жену Агафью обвиняли в убийстве на том основании, что у них были обнаружены чулки убитого. Они же доказывали, что чулки ими куплены на рынке у разносчика. Обвинение в убийстве с них сняли, поскольку они «кровью очистились» (т. е. выдержали троекратную пытку, не изменив своих показаний), но это был урок в том, к чему приводит покупка без порук. В приговоре по их делу судьи специально отметили: «...свободить... с записью, чтоб ему впредь без порук ничего не покупать и не воровать»²⁸². В другом случае, когда на Сенном рынке хозяин обнаружил у ветошника свою украденную вещь и притащил его в суд, лавочник стал оправдываться: «И оных де лоскутов он не покупывал, а купил, де, товарищ ево, Афонасий Дмитриев, который ныне сидит в лавке, а поруки взяли или не взяли — того не знает»²⁸³.

Понятно, что покупать каждую мелочь с привлечением за продавца поручителей было слишком утомительно. Частные лица иногда, в случае нужды в деньгах, продавали свои вещи самостоятельно «зачисто», т. е. как свои, «чистые», не краденые. Нянька Арина из дома подьячего И. Венюкова сказала на суде, что «продала бес порук зачисто» перстень жены хозяина якобы по ее просьбе²⁸⁴. Видимо, ветошники, торговавшие без порук и не имевшие постоянного места в торговых рядах, продавали свой товар дешевле, без гарантии. Лавки на рынках сдавались и пересдавались внаем, что, по правилам, ни в коем

²⁸¹ Это норма была введена Судебником 1550 г. Подробнее см.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т.3. С. 424–425.

²⁸² РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1568. Л. 44.

²⁸³ Там же. Д. 1554. Л. 65 об.

²⁸⁴ Там же. Д. 1558. Л. 46 об.

случае нельзя было совершать без порук, чтобы при продаже краденого, порченого или иного негодного товара можно было бы выявить нечестного продавца. Тем не менее этот порядок нарушался, что выяснялось, зачастую, случайно. Например, в качестве свидетеля Главный магистрат разыскивал торговца из Москвы Никиту Иванова, и сыщики появились на месте его торга — в мясном ряду Мытного рынка. Поскольку Иванова не нашли, стали расспрашивать арендатора лавки бобыля Илью Андреева, который признался: «В прошлом году москвитин Никита Иванов нанимал у него прилавок понедельно, а брал на неделю по десять алтын, и тому недели с две, взяв он ис Полицеймейстерской канцелярии пропуск, уехал к Москве. И прилавок он ему, Никите, отдавал без порук»²⁸⁵.

ДЕНЕЖНЫЙ ЗАЙМ

Денежные займы оформлялись с обязательным участием поручителя. Поручитель и на заемной кабале ставил свою подпись, подписывались также свидетели и писец, затем платились государственные пошлины, кабала записывалась в книгу в крепостной конторе, потом сделка еще раз утверждалась в судебном учреждении, и дело оказывалось нотариально заверенным²⁸⁶. Поручители при заемной сделке обязательно требовались состоятельные, имевшие возможность расплатиться.

Один из заимодавцев, тамбовский подьячий Фирсов, «сигнализировал» в суд о своем земляке-кредиторе, крестьянине Алексееве, делавшем в Петербурге большие денежные займы: «А оному заимщику такова многова числа денег в другоряд занимать не на что того ради, что он здесь человек бездомовной и верить ему в таких деньгах без знатных порук некому»²⁸⁷.

Должника из своей среды заимодавец всегда мог отыскать и, в крайнем случае, заставить его продать недвижимость. Труднее дела обстояли с приезжими. В 1721 г. вышел указ, ставивший целью предотвратить отъезд иноземцев, не расплатившихся с долгами. Для этого полиция ввела так называемое публикование выездных паспортов: по улицам города шел ба-

²⁸⁵ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

²⁸⁶ См.: *Лакирева Л. М.* Создание крепостной конторы при Юстиц-коллегии (1719) // *Российское самодержавие и бюрократия.* Новосибирск, 2000. С. 211–213.

²⁸⁷ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1481. Л. 24.

рабанщик, привлекая к себе внимание, и объявлял об отъезде такого-то, придавая этому гласность. Однако иноземцы сочли подобные «публикования» оскорбительными: прусский посланник барон фон Мардефельд подал на Антона Девиера жалобу за то, что тот хотел «публиковать пасс» его камердинера. Девиер готов был выполнить просьбу, но взамен просил оставить «верящее письмо» за рукою посланника на случай, если у камердинера объявятся должники, иначе говоря, он хотел сделать барона поручителем своего камердинера. По русским традициям было обычным, чтоб хозяин ручался за своего слугу. Мардефельд счел этот ответ «посмеятельным», таким он, видимо, и был, но лишь отчасти. После протестов Мардефельда последовал указ Сената более «публикаций» иноземцам не чинить, но взамен «в долгах от иноземцев брать письменные поруки»²⁸⁸.

РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА «БЛАГОНАДЕЖНОСТЬ»

Когда в какой-либо общине появлялся «пришлый» человек, местные жители должны были немедленно выяснить, кто он такой, и узнать, на кого он может сослаться как на поручителей. Этого не только требовал закон (Соборное уложение 1649 г.), но и желание горожан и сельчан не иметь дела с неизвестными и тем самым подозрительными людьми²⁸⁹. «Жилецкая порука» в Московской Руси была необходима посадскому человеку, если он направлялся в другой город с целью прожить в нем некоторое время. Приезжий должен был быть представлен десятскому тем человеком, у кого он остановился, тот представлял его пятидесятскому, а последний — сотскому²⁹⁰. Петербург наследовал подобную практику.

Это, однако, не означает, что подозрительные «скитальцы» не находили выхода из положения. Дезертир гардемарин Алексей Бредихин, бежав в 1720 г. со службы на Котлине острове, «жил в разных городех и в уездах по селам и по монастырям месяцев с восемь, а кормился нищенским образом». Бредихин ложно называл себя «жителем московским, купеческого отца сыном, а иногда и служителем домов господских». Затем

²⁸⁸ РГАДА. Ф.248. Кн. 1206. Л. 325.

²⁸⁹ См.: Kivelson V. Bitter slavery and pious servitude: Muscovite Creedom and its Critics. S. 115.

²⁹⁰ Российское законодательство X–XX веков. М., 1995. Т. 3. С. 424–425.

он облекся в монашеское одеяние, избавив себя от вопросов о своем происхождении²⁹¹. Вряд ли Бредихина разоблачили бы, если б он сам не пришел с повинной. Беглый солдат-сибиряк Иванов успешно выдавал себя за полковника и крестника фельдмаршала Б. П. Шереметева²⁹².

Политика петровского времени по поддержанию в стране «порядка» шла по проторенному пути поимки и определения на свое место каждого «праздношатающегося» без служебных нужд. В Петербурге, как уже не раз отмечалось, полиции было поручено следить за всеми людьми, не имеющими петербургской «прописки», особенно строго. Поручители требовались в тех случаях, когда хозяева впускали жить к себе во двор незнакомых людей: либо арендаторов жилплощади, либо временных работников. Подьячий Д. Послуживцев, подавая челобитную о том, что его обокрала взятая им для домашней работы солдатка, вынужден был признать, что она «хотела ему дать в житье по себе поручную запись з добрыми и знатными поруками и в даче той записи манила ему со дни на день и той поручной записи по себе не дала»²⁹³. Это означало, что шансов вернуть свое добро у него было мало — ни возместить украденное, ни узнать, где живет воровка, без поручителей не представлялось возможным.

Жилая запись заключалась для того, чтобы определенную сумму денег, зачастую уже выплаченную, должник должен был отработать, проживая у хозяина. Она обязательно включала в себя имена поручителей. И если работник сбежал, то хозяину было гораздо проще его найти. Когда, например, от фискала Дм. Лукьянова сбежали, прихватив деньги от пивных продаж, двое работников, он просто сообщил в суд имена их поручителей: «...а в тех жилых записях подписались поруками новгородцы посадские люди» такие-то²⁹⁴. От суда требовалось только доставить этих почтенных новгородских жителей в петербургский суд и обязать их выплатить компенсацию за ущерб.

В упрощенном варианте за наемного работника просили поручиться в устной форме, например, у одного хозяина-кре-

²⁹¹ См.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 296–298.

²⁹² См.: Оглоблин Н. Н. Тревога о «государевом шествии» в Сибирь 1704 // Русская старина. СПб., 1891. № 9.

²⁹³ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 34.

²⁹⁴ Там же. Д. 1574. Л. 26.

стянина сбежал, прихватив его добро, работник-москвич Степан Кузмин, «которой жил в вышеписанном доме, нанимаясь понеделно, по котором ручался словесно масквитин же посадской человек»²⁹⁵.

При найме на фабричные предприятия, отмечала Л. Н. Семенова, от работников также требовалось поручительство: «И хотя личность работника (вольнонаемного) устанавливалась паспортом, он должен был при заключении договора представить поручителей, которые несли за него ответственность». Поручителей должно было быть двое и они обязывались восполнить фабриканту убытки, если таковые окажутся. Семенова видела в этом «неполноправность» работников, в то время как это была обычная практика, принятая во всех сословиях²⁹⁶.

На стройках города полиция ловила людей, взятых подрядчиками на черную работу и без порук, и без паспортов. Видимо, подрядчикам приходилось идти на эти нарушения. У таких пойманных людей уже в полиции требовали назвать за себя поручителей, которые бы не только установили их личность, но и поручились за них после их отпуска на свободу. В данном случае поручители расписывались в том, что если этот человек будет разыскиваться властями, то они обязуются либо найти его самостоятельно, либо подвергнуться вместо него наказанию «чего он достоин». Работникам, случайно оказавшимся в Петербурге, таких поручителей за себя отыскать было нелегко, а иногда и невозможно. Попавшиеся при полицейской облаве на строительстве Мытного рынка Авдей Лаптев из Новгорода и Дмитрий Пичугин из Москвы были вынуждены искать за себя поручителей. Лаптев нашел новгородцев посадских людей, которые взяли его под расписку. А вот за подростка Пичугина, который никого в городе не знал, поручился весьма сомнительный человек — крестьянин-ветошник с Морского рынка, который заявил, что якобы знал в Москве отца Пичугина. Его заявление звучит как-то неубедительно, хотя бы потому, что Пичугин в его показаниях назван «Мичуриным»²⁹⁷. Вероятно, поручителей можно было найти на рынке за деньги или за услуги.

²⁹⁵ Там же. Д. 1562. Л. 29 об.

²⁹⁶ См.: Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974. С. 126.

²⁹⁷ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10. Л. 7 об.—8.

Однако за лживую поруку при выяснении иных обстоятельств, чем те, которые сообщал поручитель, ему приходилось расплачиваться. Так, например, суд вынес приговор: «...за лживую поруку по женке Аксинье Матвеевой... учинить им (поручителям. — О. К.) наказание, бить плетьюми нещадно»²⁹⁸.

В Петербурге безусловно были хозяева, селившие людей без порук. Особенно этим отличались простые люди. Среди их постояльцев оказывались и преступники, и просто приезжие, за которых некому было в новом месте поручиться. Бывшие подьячие Надворного суда Конон Попов и Иван Зверев, а с ними «вор, москвитин, гулящий человек» Иван Герасимов совершили вторжение в дом подьячего Дуренкова, где умышленно «резали ножом» его жену и прислугу-чухонку. «А солдат Яков Киселев Беломорского полку, — сообщает пострадавший Дуренков, — держал у себя их, воров, без поручной записки»²⁹⁹.

Крестьянин кн. А. Волконского Иван Русинов нанимал в центре Петербургского острова участок, на котором устроил постоянный двор. В связи с тем, что на нем произошла кража золотых монет, Русинов был вызван в суд, где признался, что «стояльцев пускает помесечно и понедельно без поручных записей»³⁰⁰. Не дожидаясь суда, Русинов сбежал, не оставив за себя поручителей. Он, видимо, опасался, что его могут обвинить в содержании воровского «стана».

При вступлении в брак, если происхождение невесты или жениха было неизвестным, им также необходимы были поручители. При выяснении обстоятельств дела беглой крепостной, вышедшей в Петербурге замуж при живом первом муже, оказалось, что у нее для жениха и для священника нашлись лжепоручители, которые «поручились в том, что Аксинья не замужем, и не беглая, при свидетелях»³⁰¹. Эта порука была совершена в устной форме.

Бывали случаи, когда добровольная порука всей общины за одного своего члена спасала его от больших бед. Так, стрелецкому пятидесятнику из Тюмени Н. Захарову было предъявлено самое страшное из всех обвинений: говорил «непристойные слова про великого государя». Во время следствия,

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1554. Л. 84.

²⁹⁹ Там же. Л. 55 об. — 56.

³⁰⁰ Там же. Д. 1558. Л. 25 об.

³⁰¹ Там же. Д. 1553. Л. 1 об.

которое вел воевода, к нему обратилась вся служилая верхушка Тюмени — казаки и стрельцы. Они сказали, что Захаров «доброй человек, преж сего никакого дурна и пороку за ним не было», в чем и поручились. Сибирский приказ, получив сообщение об этом, решил Захарова не наказывать и оставить его в пятидесятниках³⁰² — случай беспрецедентный.

ПОСТРАДАВШИЕ ПОРУЧИТЕЛИ

В делах Преображенского приказа случайно оказалась записанная история, к профилю его деятельности никак не относящаяся

В 1725 г. одна посадская жена пошла продавать с рук свою соболью шапочку. На улице ей встретилась женщина, которая захотела ее купить, но прежде решила посоветоваться со своими домочадцами, ведь речь шла о немалой сумме — 5 рублей. Она привела владелицу шапочки к своему двору, вывела оттуда за себя поручительницу — старуху, назвавшуюся ее свойственницей, взяла шапку и скрылась за ворота. Попросив женщин немного подождать. По прошествии долгого времени разволнованная продавщица зашла во двор в поисках покупательницы и обнаружила, что двор — проходной, женщины с шапкой на нем никто из жильцов и не заметил. Тогда владелица шапки позвала на помощь, захватила старуху и привела ее к своему мужу — подследственному Преображенского приказа. Старуха пыталась откупиться, сказав, что ее сын заплатит за нее, но никакого сына по указанному ею адресу не нашлось. На следующий день старуху нашли мертвой, вероятно, потерпевшие подвергали ее пыткам³⁰³. Таким образом, не только в официальных, но и в личных ситуациях люди прибегали к поруке.

По закону поручители, пострадавшие из-за недобросовестности лица, за которого они поручились, были вправе требовать компенсации: «да убытки их по суду и по сыску» (Соборное уложение, гл. 10, ст. 155). Однако в судебной практике Надворного суда иски обманутых поручителей мне не встретились. В то же время упоминания людей, которых подвели те, за кого они ручались, в петербургских документах встречаются постоянно. Достаточно сказать, что сам судья Надворного суда Михаил Криничин среди своих сгоревших «важных

³⁰² Акишин М. О. Полицейское государство и Сибирское общество. С. 19.

³⁰³ РГАДА. Ф. 371. Д. 3208. Л. 17–39.

бумаг» отмечает расписку в 55 рублей, «которые он заплатил за поруку, за Степана Потресова»³⁰⁴.

Чаще всего через суд с поручителей требовали расплаты за взятые деньги. Дьяк Нижнего суда Дм. Овинов, одолживший посадским людям из г. Любимова 120 рублей, даже и не стал искать своих должников после того, как срок уплаты долга вышел, а сразу призвал к ответу их поручителя — стряпчего вологодского Павло-Обнорского монастыря Ив. Беляева. Представший перед судом Беляев обещал деньги заплатить, а заимодавцев в суд поставить³⁰⁵. Ответственность за невыполненный подряд на поставку в Адмиралтейство дров разделили между собой четыре подрядчика и четыре поручителя. Каждый из них должен был выплатить 208 руб. или отправиться на каторжные работы. У всех восьми участников была конфискована недвижимость: «Поместья и вотчины и дворы до указа отписаны и продавать не велено». Поручитель дворянин Е. Глазов, чтобы выплатить долг, было продал свой двор на Адмиралтейском острове за 150 руб., но в Юстиц-коллегии на основе этого приговора о конфискации сделку ему не оформляли³⁰⁶.

По другому невыполненному подряду — постройке петербургского дома А. Головину — подрядчики крестьяне графа П. М. Апраксина сразу же признали себя виновными и обещали вернуть взятые деньги — 256 рублей. Но в определенный им судом пятинедельный срок они не смогли найти ни поручителей, ни денег. Конфисковывать у них также было нечего — «лавок и заводов и пожитков у них нет», поэтому суд приговорил их к отправке на каторжные работы. Однако при заключении подряда у этих незадачливых крестьян был поручитель «боярина Петра Матвеевича человек Семен Данилов», суд постановил и его «сыскать и распросить»³⁰⁷.

За крупную растрату, осуществленную целовальником С. Осипихиным, расплачивались все посадские люди города Тихвина, выбравшие его в Петербург в целовальники, поскольку растратчик оказался лицом несостоятельным, а таково у тихвинцам «и верить не надлежало»³⁰⁸.

³⁰⁴РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1562. Л. 120.

³⁰⁵Там же. Д. 1568. Л. 51 об.

³⁰⁶Там же. Д. 1479. Л. 75–76.

³⁰⁷Там же. Д. 1568. Л. 19–20, 27 об.

³⁰⁸Там же. Д. 1555. Л. 152 об.

Выполнение обязательств по поручительству могло оказаться разорительным. Таковыми они были не только в России, и по возможности их старались избежать. Американский миллионер Эндрю Карнеги писал: «В жизни делового человека нет большей опасности, как поручительство за другое лицо». По его мнению, его можно избежать, только поставив перед собой вопрос: «Окажется ли у меня в случае необходимости достаточно свободных средств, чтобы уплатить всю сумму ради того, за кого я даю поручительство? В случае утвердительного ответа — но только в этом случае — можно оказать подобную услугу своему товарищу»³⁰⁹. Русские люди, ручаясь за кого-либо, видимо, поминали изречение из книги Иисуса Сирахова сына: «Не поручайся больше силы своей, но если уж поручился, то заботься и отдавай»³¹⁰.

Поручители расплачивались не только деньгами, но иногда и своей свободой. Посадский Данило Рябчиков, подав челобитие о розыске своей сбежавшей жены, объяснял, что это произошло тогда, когда он «по поруке Изота... держался в дворцовой канцелярии»³¹¹. Новгородцы дворянин Опсентьев и дьяк Неелов, поручившиеся за ответчика дьяка Михаила Гуляева, оказались задержанными в Надворном суде под стражей, поскольку Гуляев сбежал, не выплатив потерпевшей штрафа за бесчестье, к которому его приговорил суд³¹². Гуляев был должен крупную сумму — 96 рублей, поэтому поручителей было несколько, но удалось найти только указанных двоих. Суд решил, что им, по Уложению (гл. 10, ст. 155), каждому надо выплатить по 57 рублей (лишние деньги набежали за пошлины, «проести и волокиту»), поскольку они «с допросу ручались по дьяке Гуляеве из своей воли, и в поручной их записи написано имянно, ежели он, Гуляев, до вершенья того дела ставица по вся дни или съедет из Санкт Питер бурху без указу... с поручиков исцовый иск... а з достальными их товарищам, которые с ними, Нееловым и Обсентовым, по нем, Гуляеве, ручались, а ныне их в лицах нет, ведатца им Неелову и Обсентьеву особ допросом»³¹³.

³⁰⁹ Карнеги Э. История моей жизни. М., 1997. С. 129.

³¹⁰ «Не поручайся выше силы своей, и аште поручишися, то пьцися яко и въдаи» (Изборник 1076 г. М., 1965. С. 346).

³¹¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1574. Л. 18 об.

³¹² Там же. Д. 1554. Л. 55.

³¹³ Там же. Д. 1555. Л. 2 об.

Петербургский купец Степан Гусев содержался в Городовой канцелярии «в железах» потому, что ручался за деньги в Москве, взятые его товарищем Сахаровым, и за поставку им алебаstra в городовую канцелярию. Сам Гусев объяснял, что поручиком в деньгах, в 1321 рубле, был не он, а покойный первый муж его жены, а алебастр уже привезен и хранится в Петербурге. Тем не менее Главному магистрату никак не удавалось выручить Гусева из «железа»³¹⁴.

Итак, роль поручителя исполняли в обществе большинство жителей Петербурга. С другой стороны, люди были ответственными перед теми, кто поручился за них в том или ином деле. Эти роли разыгрывались каждая по своему сценарию. Судебные дела не дают представления о том, как действовали поручители, если их доверие оказывалось обманутым. Для истца инцидент был исчерпан, долг отдан, и отношения должника с его поручителем истца уже не волновали.

Подвести поручившегося за тебя человека означало потерять доверие окружающих. Человек, за которого некому поручиться, оказывался вне общества. Особенно эффективно функцию социального контроля порука была в состоянии выполнять в небольших общинах, где все ее члены хорошо знали друг друга и ненадежному человеку найти за себя поручителя было затруднительно.

Порука причудливым образом соотносится с понятием личной чести, ответственности за себя самого. Она ее подменяет в первую очередь в отношениях с государством. Государство, как известно, широко использовало поруку при сборе налогов, когда за каждого должника государственной казне платили другие члены общины. Власть не доверяла никому: чтобы исключить обман, она брала заложников в лице поручителей. В частных отношениях, когда поручительство давалось добровольно, оно предполагало честность того, за кого ручались, и доверие к нему. Завоевать их у окружающих, таким образом, оказывалось жизненно необходимым.

Обещание, честное слово, клятва в том, что человек выполнит данные им обязательства (например, при выполнении подряда, отдаче долга и проч.), рассматривались как пустые слова, ибо человек не может знать наперед, что с ним случится, это — в воле Божьей. Поэтому православная церковь строго запрещала всякого рода клятвы, и порука служила им заменой.

³¹⁴РГАДА. Ф. 291. Д. 31. Л. 8.

С распространением понятия «честь» как честность, когда усомниться в ней для порядочного человека становится недопустимо, когда несостоятельный должник или невольный обманщик предпочитал застрелиться, чем потерять свою честь, порука утрачивает свое значение. Теперь при обстоятельствах, требовавших доверия к человеку, можно было сказать словами Татьяны Лариной: «Мне порукой Ваша честь», человек благородный становился сам за себя поручителем. Но в описываемое нами время этого, как кажется, еще не произошло³¹⁵.

³¹⁵О становлении понятия личной чести в России XVIII в. см.: Рейфман И. Ритуализированная агрессия. Дуэль в русской культуре и литературе. М., 2002. С. 40–44.

Заключение

Период истории, которому посвящена эта книга, вызывает особый, непреходящий интерес у потомков «петровского» поколения — это время перемен, время реформ, крутой поворот в жизни России. Но люди, на долю которых выпало жить в петровское время, ощущали главным образом тяжесть его бремени и были озабочены малопонятностью происходящего. Глядя в будущее, те, кто не одобрял современных ему новшеств, жили в ожидании скорого Страшного суда, который всех рассудит и расставит все по своим местам. Другие, участвовавшие в реформах или сочувствовавшие им, не надеялись увидеть их скорых результатов, понимая, что их время отстоит «еще далече от намеренного (задуманного. — О. К.)» Петром I¹; по образному выражению одного из панегиристов, их время уходит на «строительства дома», в котором только наследники «проживать будут»². Одни прославляли еще только рождавшийся Петербург, предрекая ему исключительное значение в истории: «и не только сей Град единой России сотворил великие пользы, но всей Европе и Азии, и всему свету, ему же венцы похвал от многих историков соплетенные находятся»³, другие желали «новорожденному» городу-мучителю скорейшей кончины. «О! Сколь ненавидим сперва был Град сей!...ныне же паче любим стал быть...сеяны его семена слезами, ныне же радостию плоды его пожинаят...»⁴.

Как смогли «семена слез» породить «плоды радости»? Желание ответить на эту загадку русской истории порождает

¹ *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 257.

² *Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. 1749–1751. М., 1997. С. 383.

³ Там же. С. 395.

⁴ Там же. С. 402.

пристальный интерес к жизни первых поселенцев Петербурга, вынесшим на своих плечах всю тяжесть создания новой столицы империи. Источники того времени — и исходящие от власть придержащих, и относящиеся к рядовым горожанам — разительно отличаются друг от друга. Первые полны новых слов, новых идей, новых надежд и планов, вторые — почти не отличаются от своих старомосковских предшественников. Простой петербургский люд не употреблял без крайней необходимости тех иноземных слов, которыми пестрит законодательство, административные циркуляры и панегирические сочинения; обыватель, хоть и переоделся в иноземное платье, не мог в одночасье расстаться с привычным образом жизни и традиционными понятиями.

Из сохранившихся документов можно много узнать о внешнем образе жизни петербургских жителей, об их будничных делах и заботах: о поисках дров, о починке крыши, о найме прислуги, о ссорах с соседями, о болезнях и т. д., и т. п. Но из них трудно уяснить себе образ мыслей этих людей, их личное отношение к необычному городу. О том, сколь впечатлял их шпиц Адмиралтейства и сколь хороша была Невская перспектива, писали иностранные визитеры, но не петербуржцы.

Таким образом, исследование о простых жителях, оперируя документами делопроизводства разных учреждений, в первую очередь судебного, вынуждено оставить в тени вопросы отношения населения к петровским новшествам и обратиться к составу и повседневному образу жизни первых горожан, в котором ясно прослеживаются его болевые точки, области социальной напряженности в городе.

Конфликты между строительными работниками и заказчиками, между нанятой или купленной прислужой и хозяевами, между владельцами дворов и их постояльцами характеризовали жизнь молодого Петербурга. И строителей, и прислуги, и приезжих в городе был явный переизбыток, причем во всех трех категориях наибольшую долю составляли крестьяне. Именно крестьян, ставших в Петербурге солдатами, дворовыми, рабочими, торговцами, ремесленниками, предпринимателями, в отличие от других категорий населения, переводить в столицу «на вечное жительство» Петр никак не предполагал. Налицо, таким образом, парадокс между стремлением к созданию «вестернизированного» города и стихийным наводнением его крестьянским населением.

Еще одним «флюсом» в составе столичного населения стало чиновничество (приказные люди): столице потребовалось неслыханное количество чиновников для множества центральных учреждений. Для обслуживания столичного двора и разных новых учреждений были необходимы квалифицированные мастеровые, для охраны города — умелые офицеры. Всем этим людям (рядовым чиновникам, духовенству, отечественным специалистам, офицерам), работавшим на власть, полагалось государево жалованье. Однако оно выплачивалось крайне редко и нерегулярно или не выплачивалось совсем, так как казну поглощали военные расходы⁵. Даже о дворянах в письме к графу П. А. Толстому говорилось: «Вашему превосходительству небезызвестно есть, — что обретающиеся у дел шляхетство многие служат без жалованья. И которым жалованье хотя и есть, и то малое»⁶. Поэтому петербуржцам, остро страдавшим от дороговизны продуктов и разорительности обустройства на новом, мало пригодном для жилья месте, помимо своей службы государству часто приходилось искать дополнительные способы получения доходов на жизнь. Способы эти оказывались самыми разными, в том числе и криминальными. Возьмем пример упоминавшегося уже не раз замечательного живописца Федора Васильева, которому пришлось ради заработков взяться не за свое дело — быть подрядчиком, в результате из-за невыполнения своих обязательств он оказался в тюрьме. Там же несколькими годами позже оказался и Иван Посошков — крестьянин, пытавшийся освоить разные социальные роли и перепробовать многие пути к достижению благополучия.

Положение петербургских дворовых людей было весьма сходно с положением тех, кто служил государству: хозяин их мог кормить и одевать, а мог этого и не делать, в том числе и из-за собственного бедственного положения, поэтому и у них поиск возможностей как-то прокормиться, помимо своей работы на господина, стоял очень остро.

Это приводило к массовым кражам и побегам. Бежали в первую очередь дворовые люди, но не только они — бежали и приказные, и солдаты, и ученики. Однако некоторые,

⁵ См. Кошелева О. Е. «От трудов праведных не наживешь палат каменных» // Отечественные записки. 2003. № 3 (12).

⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1209. Л. 244.

оказавшись в конфликте с хозяином, не бежали, а шли в суд отстаивать свою правоту, полагаясь на статьи Соборного уложения.

К судебному разбирательству горожане прибегали и в случаях самых различных бытовых конфликтов между собой, которые судопроизводство сводило в основном к казусу «бесчестья». Конфликты решались помимо суда через духовных отцов, через жалобы начальственным властям или самостоятельно, путем мировой. Такой способ разрешения конфликта, как дуэль, только-только становился известен, а «честь», которую отстаивали не шпагой, а через суд, понималась по старинке не как личное достоинство, а как социальное положение, гарантированное властью⁷.

Важнейшим способом избежать конфликта и обмана являлась система поруки, к которой прибегали ежедневно во множестве случаев, она означала, что каждый был в ответе за другого, полагался на его совесть. Вся эта система взаимоотношений и стратегий поведения осталась почти неизменной со времен Московской Руси, она была перенесена переселенцами на неевские берега из своих родных городов и еще долго жила, переходя из всеобщей практики в ограниченную. Но здесь закончилась относительная гомогенность московской среды, Петербург стал Вавилоном, куда съезжались не только жители из разных уголков Российской империи, но и из других стран: «Санктпетербург всяким народам жилище. Отверзутся врата твоя и день и ночь»⁸. Отечественные нравы теперь приходилось отстаивать, о них задумываться, их сравнивать, в них сомневаться. Так формировался новый тип русского человека — «петербуржец».

⁷ Рейфман И. Ритуализированная агрессия. М., 2002. С. 40–44.

⁸ Богданов А. И. Указ. соч. С. 403.

Приложение 1

*Список владельцев и держателей дворов
с указанием их рода деятельности, 1718 г.¹*

1. **Аббакумов*** Константин, надсмотрщик Оружейной канцелярии
2. **Аврамов** Иван, сторож Оружейной канцелярии
3. **Аврамов*** Михаил, цейх-директор [Оружейной канцелярии]
4. **Автомонов** Яков Тихонов, посадский (Юрьевец)
5. **Адалимов*** Иван Никитин, подъячий Канцелярии подрядных дел
6. **Адольской*** Иван, живописец Оружейной канцелярии
7. **Акинфиев** Иван, посадский (Москва)
8. **Акишев** Иван Дмитриев, торговый человек Гостинной сотни (Москва)
9. **Андреев** Иван, денщик полковника Якова Островского
10. **Андреев** Афанасий, посадский (Волок Ламский)
11. **Андреев*** Михаил, фискал от купечества
12. **Андреев** Филипп, посадский (Москва)
13. **Аникиев** Афанасий, купец Гостинной сотни (Казань)
14. **Анофриев*** Лев, дьячок церкви Рождества Богородицы
15. **Антипов*** Филимон, купец
16. **Арбузов** Юрий Андреевич, дворянин (Торопецкий уезд)
17. **Артамонов** Игнатий, крестьянин монастырский
18. **Архипов*** Иван, подъячий Ближней канцелярии (живет на дворе Ближней канцелярии)
19. **Афанасьев[ич]** Иван Афанасьевич, верховой дьякон
20. **Афанасиев** Иван, служитель царевича Алексея Петровича
21. **Баженов*** Козьма Петров, подъячий СПб. Канцелярии городских дел

¹ Источники: Сказки жителей Санкт-Петербургского острова. РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 3. Д. 851–8662. Л. 325–497; Д. 8663–8947. Л. 1–265. В списке социальное положение владельцев дворов обозначено так, как оно дается в сказках, но по нормам современного русского языка. Наши дополнения — в квадратных скобках. Звездочкой обозначены лица, подписавшие сказку собственноручно.

Приложение 1

22. **Базанов*** Дмитрий, отправитель корабельных лесов
23. **Балакирев*** Никифор Иванов, подъячий Канцелярии подрядных дел
24. **Баранов*** Прокофий Тихонов, подъячий Канцелярии ведения кн. В. В. Долгорукова
25. **Баум Гартек*** Андрей, иноземец
26. **Безсонов*** Иван Григорьев, подъячий Ближней канцелярии (живет на дворе Ближней канцелярии)
27. **Безсонов** Тихон Андреев, целовальник СПб. таможни, бывший посадский (Великие Луки)
28. **Белоглазов** Евдоким Демидов, откупщик, посадский (Кузьмодемьянск)
29. **Беляев*** Петр Иванов, певчий дьяк (2 двора)
30. **Бестужев-Рюмин** Дмитрий Андреевич, стольник
31. **Блисов** Федор Иванов, станочный мастер Оружейной канцелярии
32. **Богданов*** Иван Яковлев, курьер (двором владеет совместно с братом)
33. **Болтин** Петр Яковлев, солдат Преображенского полка
34. **Борисов*** Анофрий, печатник, гравер Оружейной канцелярии (2 двора)
35. **Борисов*** Михаил, канцелярист Семеновского полка
36. **Бохин** Василий, подъячий Провиантской канцелярии
37. **Бронницкой** Матвей Иванов, купец Гостинной сотни
38. **Брюс** Роман Вилимович, генерал-лейтенант (3 двора)
39. **Бутурлин** Петр Иванович, ближний боярин
40. **Бутурлин** Федор Емельянович, стольник (2 двора)
41. **Бухолцов** Авраам Дмитриевич, комендант Шлютенбургский
42. **Бушуев*** Стефан, живописец Оружейной канцелярии
43. **Варасов** Михаил Матвеев, посадский (СПб.)
44. **Вареникин*** Ефим Потапов, подъячий Поместного приказа
45. **Василий** Алексеевич, царевич сибирский (двор отписан на государя)
46. **Васильев*** Иван, подъячий Канцелярии розыскных дел
47. **Васильчиков** Василий Семенович, стольник
48. **Васильчиков** Григорий Семенович, стольник
49. **Велехов*** Поликарп, подъячий СПб. Ратуши
50. **Вельяминов-Зернов** Федор Леонтьевич, полковник Московского гарнизона
51. **Венюков*** Иван, подъячий Канцелярии Сената
52. **Вердеревский** Василий Иванов, поручик эскадрона светлейшего кн. А. Д. Меншикова
53. **Вердеревский** Федор Петрович, стольник

Приложение 1

54. **Веригин** Иван Андреевич, стольник
55. **Ветлицкой*** Степан Иванов, подьячий СПб. Провиантской канцелярии
56. **Викулин** Кузьма Иванов, посадский (Ярославль)
57. **Власов** Петр Иванович, стольник
58. **Воинов** Яков, денщик генерала Р. В. Брюса
59. **Волконский** Никита Федорович, князь, конский гардемарин
60. **Волконский** Федор Михайлович, князь, стольник
61. **Володимеров*** Григорий Егорьев, купец Гостинной сотни (Москва)
62. **Гаврилов** Василий, шорник, посадский (Москва)
63. **Гаврилов*** Артемий, подьячий Канцелярии подрядных дел
64. **Гагарин** Матвей Петрович, Сибирский губернатор
65. **Гарсин*** Самойла Исаков, торговец, англичанин
66. **Гатовцов*** Василий Карпов, комиссар (живет на дворе комиссариата Киевской губернии)
67. **Глебов** Василий Михайлович, стольник
68. **Голенищева-Кутузова** Аксинья Никифорова, вдова стольника М. И. Голенищева-Кутузова (2 двора)
69. **Головин** Матвей Алексеевич, стольник
70. **Головкин** Гаврила Иванович, граф, государственный канцлер
71. **Гордеев*** Иван, подьячий СПб. губернской канцелярии
72. **Горихвостов** Петр Савельевич, провиантмейстер у канального дела
73. **Грецов*** Игнатий Михайлов, подьячий Поместного приказа
74. **Греченинов*** Яков Анисимов, подьячий Военной канцелярии
75. **Грибоедов** Григорий Федорович, стольник
76. **Григорьев** Иван, мастеровой Оружейной палаты
77. **Григорьев** Никифор, крестьянин монастырский (Старая Русса)
78. **Григорьев** Самойла, черноделец Оружейной канцелярии
79. **Григорьев** Семен, подьячий Аптекарской канцелярии
80. **Грушецкий** Михаил Фокич, стольник
81. **Губанов*** Вукол, квартирмейстер полка коменданта от гвардии капитана Бахмеотова
82. **Гуляев** Тимофей Кирилов, столярный мастер СПб. артиллерии
83. **Гусев*** Степан Иванов, посадский (Елатома)
84. **Дашков** Иван Петров, князь, сержант Преображенского полка
85. **Дворников*** Осип Андреев, целовальник у Государева дела
86. **Дементьев*** Ефим, канцелярист канцелярии Юсупова Княжево (2 двора)
87. **Десятов*** Иван, подьячий Ближней канцелярии
88. **Дмитреев** Ефим, денщик Р. В. Брюса

Приложение 1

89. **Докудовской*** Александр Федоров, дьяк Канцелярии Сената
90. **Долгов-Сабуров** Василий Андреевич, стольник
91. **Долгоруков** Александр Лукич, князь, полковник
92. **Долгоруков** Григорий Федорович, князь, действительный тайный советник, кавалер
93. **Долгоруков** Григорий Прохорович, князь
94. **Долгоруков** Иван Иванов, князь, стольник
95. **Долгоруков** Михаил Володимирович, князь, сенатор
96. **Долгоруков** Яков Федорович, князь, боярин [сенатор]
97. **Дубровин*** Матвей Петров, садовник (живет на Государевом Аптекарском садовом дворе)
98. **Дьяков*** Алексей Самсонов, комиссар
99. **Евдокимов*** Василий, уставщик царского величества
100. **Евдокимов*** Терентий, дьяк Провиантской канцелярии
101. **Евдокимов** Яков, портной Оружейной палаты
102. **Евреин** Федор Григорьев, купец Гостиной сотни (Москва)
103. **Егоров** Михаил, кузнец СПб. гарнизона
104. **Елесов*** Петр Иродионов, подъячий канцелярии Сената
105. **Елкин*** Василий, посадский (Новгород)
106. **Емельянов** Андрей, подъячий дома царского величества
107. **Еремеев*** Иван, таможенный подъячий
108. **Жданов** Сергей Степанов, ландрат Московской губернии
109. **Желябовский** Михаил Васильевич, ландрат г. Перемышля Рижской губ.
110. **Жирово-Засекин** Никита Михайлович, князь, окольничий
111. **Замыцкий*** Федор Иванович, судья Расправной палаты
112. **Засетцкой** Петр Иванович, полуполковник
113. **Захаров*** Александр Иванович, живописец Оружейной канцелярии
114. **Зверев** Иван, стряпчий новгородского архиерея (живет на стряпческом дворе Новгородского архиерея) [новгородская епархия в 1718 г. не имела архиерея]
115. **Земской** Константин Васильев, посадский (Новгород)
116. **Зиновьев** Федор, непашенный дворцовый крестьянин с. Даниловского
117. **Змеев** Андрей Иванович, подполковник драгунского полка
118. **Змеев** Федор Иванов, комиссар
119. **Зотов** Федор, посадский (СПб.)
120. **Зыбин** Михаил Михайлов, гардемарин
121. **Зыбин** Ефим Панкратьевич, обер-комиссар
122. **Зыков*** Семен, подъячий Подрядной канцелярии
123. **Иван** Васильевич, касимовский царевич (три двора)
124. **Иванов** Захарий, подъячий Канцелярии князя П. М. Голицына

Приложение 1

125. **Иванов** Иван, кузнец Оружейной канцелярии
126. **Иванов** Иев, солдат Астраханского полка
127. **Иванов** Лев Ерофеев, сирота, малолетний сын дьякона
128. **Иванов** Яков, посадский (Новгород)
129. **Иванов*** Александр, певчий
130. **Иванов*** Андрей, подъячий СПб. Провиантской канцелярии
131. **Иванов*** Иван, подъячий СПб. Ратуши
132. **Иванов*** Иван, подъячий Канцелярии Сената
133. **Иванов*** Петр, подъячий Канцелярии майора С. А. Салтыкова
134. **Иванов*** Семен, дьяк
135. **Иглин** Сергей Гордеев, посадский (СПб.)
136. **Игнатъев*** Никифор, кузнец Оружейной канцелярии
137. **Игумнов*** Иван, купец Гостинной сотни (2 двора)
138. **Иевлев*** Василий Филиппов, подъячий Поместного приказа
139. **Издеберский**, Иван Петров, купец Гостинной сотни (Симбирск)
140. **Ильин** Иван, иноземец-саксонец, мастеровой, [временно] портной
141. **Ипатов** Иван, посадский (Белев)
142. **Исаев*** Илья Иванов, инспектор и рижский президент
143. **Кадников** Василий Никитин, мастер резчик Оружейной канцелярии
144. **Казанец*** Гаврило Никонов, певчий дьяк царского величества
145. **Казимеров** Иван Михайлов, капрал Преображенского полка бомбардирской роты (2 двора)
146. **Калошин*** Лука, дьяк
147. **Калычев** [Колычев] [Петр] Степанович, сын воронежского вице-губернатора С. А. Калычева
148. **Калычев** Андрей Михайлович, стольник
149. **Кармедон**, иноземец
150. **Карцов*** Борис, канцелярист Посольской канцелярии
151. **Карыхалов** Тимофей, купец (СПб.)
152. **Кашинцов*** Иван Васильев, посадский (Переславль Залесский)
153. **Квашнин-Самарин** Петр Андреевич, обер-кригс-комиссар
154. **Киприянов*** Феофан Васильев, подъячий Поместного приказа
155. **Киреев** Степан Васильев, стольник
156. **Кирилов*** Иван Кирилович, подъячий канцелярии Сената
157. **Кисилев** Алексей Григорьевич, подполковник
158. **Кисловский** Григорий Матвеев, поручик Первого гренадерского полка
159. **Кичигин*** Евсей Афанасьев, посадский (Луки Великие)
160. **Климов*** Феоктист, подъячий Поместного приказа

Приложение 1

161. **Климонтов*** Григорий, подъячий СПб. Походной канцелярии
162. **Кобяков*** Михаил Алексеев, подъячий Канцелярии обер-секретаря А. Я. Шукина
163. **Кожин** Иван Васильевич, обер-комиссар
164. **Козминской*** Петр Иванов, посадский, откупщик
165. **Колпаков** Алексей, капрал СПб. Ратуши (живет на государевом дворе)
166. **Колпаков** Исай Гаврилов, крестьянин частновладельческий (Ярославский уезд)
167. **Колтовский** Александр Семенович, стольник
168. **Кондратов*** Никита Иванов, канцелярист Канцелярии городовых дел
169. **Коркин*** Яков, писарь полковой полка коменданта, от гвардии капитана Бахмеева
170. **Коробов** Илья Петров, комись [ар] Адмиралтейских дел
171. **Корова** Василий Иванов, посадский (Новгород)
172. **Корсакова** Анфимья Федоровна, вдова [вице-губернатора]
173. **Кочергин** Алексей Иванов, посадский (СПб.)
174. **Красовский*** Алексей Иванов, подъячий Расправной палаты
175. **Крюков*** Семен Григорьев, посадский (СПб.), (2 двора)
176. **Кудрявцев** Никита Алферьев, вице-губернатор Казанской губернии
177. **Кузовлев*** Петр, надсмотрщик Оружейной канцелярии
178. **Курбатов*** Алексей, вице-губернатор [Архангелогородский]
179. **Курбатов*** Петр, секретарь Посольской канцелярии
180. **Кучин*** Лазарь, подъячий Провиантской канцелярии (2 двора) (живет на государевом дворе)
181. **Лавров** Яков Тимофеевич, комендант г. Порхова
182. **Лапотников** Афанасий, пушкарь артиллерийского полка
183. **Ларионов*** Кузьма, подъячий Поместного приказа
184. **Левкин** Иван Тимофеев, аптекарь
185. **Леонтьев** Иван Иванов, судья Расправной палаты
186. **Липунов** Иван Иванович, стольник
187. **Лихарев** Иван Алексеев, комиссар
188. **Лобанов-Ростовский** Иван Яковлевич, князь, поручик морского флота
189. **Лобанов-Ростовский** Яков Иванович, князь (2 двора)
190. **Лобачов*** Сергей Назарьев, подъячий Канцелярии Сената
191. **Лодыженский** Петр Ефимович, вице-губернатор Архангелогородской губ.
192. **Лошаков*** Иван Григорьев, строитель гавани, комиссар
193. **Лутковский** Илья Ерофеевич, полковник
194. **Ляпунов** Тимофей Алексеев, стольник

Приложение 1

195. **Мазалевский*** Иван Петров, подъячий Канцелярии Сената
196. **Макаров*** Федор, подъячий Оружейной канцелярии
197. **Максимов** Евдоким, секретарь Сибирской губернии
198. **Максимов*** Иоанн, иерей
199. **Малыгин*** Лев, подъячий Канцелярии генерала
В. В. Долгорукова
200. **Мамонтов** Иван Иванов, посадский (СПб.)
201. **Мартемьянов** Федор Лукич, стольник
202. **Маслаев*** Федор Никитин, дьяк Оружейной канцелярии
203. **Маслов*** Андрей Иванов, подъячий Канцелярии генерала
В. В. Долгорукого
204. **Маслов*** Анисим Семенов, дьяк
205. **Матвеев** Василий, кузнец Оружейной канцелярии (2 двора)
206. **Матвеев** Игнатий, священник княжны Наталии Алексеевны
207. **Матвеев** Максим, кузнец Оружейной канцелярии
208. **Матвеев** Никифор, сторож (живет на государевом
Аптекарском садовом дворе)
209. **Милоков*** Семен Федотов, посадский
210. **Минин*** Михаил, посадский, откупщик (Москва)
211. **Миронов** Андрей, гончарный мастер Аптекарской канцелярии
(живет на государевом Аптекарском садовом дворе)
212. **Михайлов** Василий Андреев, подъячий Посольской
канцелярии
213. **Михайлов** Гаврило, крестьянин монастырский
214. **Михайлов** Никифор, слесарный мастер Оружейной
канцелярии
215. **Михайлов** Семен, замочный мастер Оружейной канцелярии
216. **Михайлов** Фадей, посадский (Ярославль)
217. **Михайлов*** Иван Феокистов, подъячий Канцелярии Сената
218. **Моисеев*** Семен, подъячий Канцелярии Сената
219. **Молчанов*** Иван, дьяк
220. **Молчанской*** Дмитрий Никитин, певчий дьяк царского
величества
221. **Мордвинов** Семен Алексеевич, капитан СПб. губернской
канцелярской роты
222. **Муравин*** Василий Иванов адъютант генерала Р. В. Брюса
223. **Муранов*** Дмитрий, подъячий Военной канцелярии
224. **Мурзин** Прокофий Васильевич, гвардии поручик
225. **Муромцов*** Василий Леонтьев, посадский (Муром)
226. **Муסיкийской*** Григорий Семенов, финифтяный мастер
Оружейной канцелярии, живописец
227. **Мушников*** Иван Яковлев, посадский (СПб.)
228. **Мышетский** Ефим Савич, князь

Приложение 1

229. **Мякинина** Пелагея Павлова, девица
230. **Мякишев** Иван Иванов, ствольный мастер Оружейной канцелярии
231. **М[алы]шев** Илья Потапьев, посадский (Луки Великие)
232. **Навакшенов** Федор Кузьмич, Преображенского полка бомбардир (2 двора)
233. **Назаров** Иван, крестьянин монастырский (Новгородского уезда, с. Городища)
234. **Назарьев** Иларион, пономарь церкви Живоначальной Троицы
235. **Назарьев** Яков, посадский (Ярославль)
236. **Нарышкин** Иван Иванович, ближний стольник
237. **Наумов** Федор Васильевич, комиссар
238. **Наумов*** Иван Никитин, стольник
239. **Наумов*** Петр Иванов, стольник
240. **Нелединский-Мелецкий** Степан Петрович, стольник
241. **Непятово*** Степан Гурьев, подъячий канцелярии Сената
242. **Неронов** Борис Иванович, стольник (2 двора)
243. **Нестеров*** Федор Лукин, канцелярист
244. **Нечаев** Козьма, посадский (СПб.)
245. **Нижегородец*** Андрей, певчий дьяк царского величества
246. **Нижегородцов*** Яков Михайлов, певчий дьяк царского величества
247. **Никитин *** Иван, наборщик СПб. типографии
248. **Никитин*** Андрей, подъячий Канцелярии Сената
249. **Никитин*** Сергей, тередорщик СПб. типографии
250. **Никифоров*** Ефим Савин, оброчный крестьянин, откупщик
251. **Никифоров** Иван, крестьянин частновладельческий (Москва, с. Покровское)
252. **Николаев** Егор Иванов, стольник
253. **Норов** Гаврило Васильевич, лейб-гвардии капитан
254. **Оболенский** Михаил Матвеевич, князь, стольник
255. **Опухтин** Василий Андреевич, генерал-квартирмейстер
256. **Орлов** Сава Иванов, сторож СПб. Ратуши
257. **Остафьев** Яков Никитич, комиссар Воронежской губернии
258. **Остафьев*** Семен, подъячий СПб. таможни
259. **Остерман** Андрей Иванович, советник Посольской канцелярии
260. **Павлов*** Иван Павлов, подъячий канцелярии Сената
261. **Палкин** Андрей Михайлов, отставной солдат
262. **Панкратьев** Семен Иванович, инспектор
263. **Перепелкин*** Семен, капитан Белозерского полка (2 двора)
264. **Перешников*** Григорий Иванов, травник Аптекарской канцелярии (живет на государевом Аптекарском садовом дворе)

265. **Петров** Алексей, слесарный мастер Оружейной канцелярии
266. **Петров** Егор, соборный протопоп
267. **Петров** Федор, крестьянин, посадский человек
268. **Петухов** Иван Михайлов, солдат СПб. гарнизона
269. **Пирогов** Федор, подъячий Канцелярии подрядных дел
270. **Плещеев** Иван Дмитриевич, подполковник Рижского гарнизона
271. **Плещеев*** Никита, комиссар
272. **Позняков** Иван, дьяк Канцелярии Сената
273. **Полосин** Василий Захарьев, посадский (Переяславль Рязанский)
274. **Поплевин (?)*** Иван Филатов, фискал от купечества
275. **Попугаев** Василий, посадский (Москва)
276. **Посников** Петр Семенов, печатник, гравер Оружейной канцелярии
277. **Посников*** Перфилий, подъячий Канцелярии подрядных дел
278. **Потемкин** Иван Степанович, стольник
279. **Прокшин*** Андрей, подъячий Городовой канцелярии
280. **Протасьев** Михаил Александрович, [дворянин]
281. **Протопопов*** Алексей, певчий дьяк
282. **Протопопов*** Григорий, подъячий Канцелярии Сената
283. **Протопопов*** Яким, подъячий Канцелярии майора С. А. Салтыкова
284. **Пружинников** Иван (живет на дворе Ближней канцелярии)
285. **Пряжников*** Игнатий Федоров, купец
286. **Псковитин*** Михаил, подъячий СПб. таможи
287. **Путятин** Степан Васильев, князь, вице-губернатор Нижегородский
288. **Раев*** Семен Трофимов, шпажный мастер Оружейной канцелярии
289. **Ратманов** Андреян Григорьевич, дьяк
290. **Резвов** Евстрат, посадский (Осташков)
291. **Резвой** Сергей, посадский (Осташков)
292. **Ремезов*** Иван Семенов, священник церкви Живоначальной Троицы
293. **Ржевский** Иван Иванович, стольник
294. **Родичев*** Федор Козьмин
295. **Ростовец** Иван Семенов, бывший певчий дьяк царского величества
296. **Ростовец*** Лев Парфеньев, певчий дьяк
297. **Рыбников*** Иван Алексеев, посадский (Вологда)
298. **Рябов** Иван Потапов, сторож СПб. Походной канцелярии

299. **Сабакин** Савелий Полуехтов, крестьянин частновладельческий (Романовский у.)
300. **Савастий*** Антоний Филипов, доктор
301. **Савастьянов*** Иван, капитан полка полковника Бахмеотова
302. **Савин*** Иван, подъячий СПб. Ратуши
303. **Садыков*** Семен Ильин, подъячий
304. **Самарин** Семен Михайлович, стольник
305. **Самойлов*** Михаил, священник церкви Живоначалной Троицы
306. **Сахаров** Иван Яковлев, купец (2 двора)
307. **Свечин*** Семен Леонтьев, комиссар старорусский
308. **Севрюков** Никита Федоров, мастер резчик Оружейной канцелярии
309. **Семенов*** Иван, подъячий Канцелярии князя П. М. Голицына
310. **Семенов*** Сидор, отдельщик Оружейной канцелярии
311. **Семенов** Тимофей*, иерей ц. Рождества Богородицы (прежде Явления образа Казанской Божьей Матери)
312. **Сергеев** Александр, комиссар (2 двора)
313. **Сибирцев*** Иван Иванович, подъячий Поместного приказа
314. **Сидельников** Степан Степанов, посадский (Ярославль)
315. **Симанов** Петр Яковлевич, стольник
316. **Симонов** Иван Петров, купец (Москва)
317. **Синявин** Иван Акимович, поручик Преображенского полка и капитан морского флота.
318. **Синявин** Ульян Акимов, обер-комиссар
319. **Сколков** Прохор Ильич, денщик светлейшего князя [А. Д. Меншикова]
320. **Скорняков*** Дмитрий, подъячий Канцелярии Сената
321. **Скорняков-Писарев** Григорий Григорьевич, майор
322. **Сметьев*** Дмитрий, вахмистр Генерального комиссарства драгунской кампании
323. **Смирной*** Иван Харламов, посадский (СПб.)
324. **Собакин** Михаил Васильевич, окольничий
325. **Собакин** Петр Васильевич, стольник
326. **Соколовский*** Алексей Григорьев, купец (СПб.)
327. **Сорокин*** Андрей Иванов, канцелярист Канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова
328. **Сорокин*** Федор Миронов, дьяк
329. **Софронов*** Алексей Богданов, подъячий Гарнизонной канцелярии
330. **Спиридонов*** Иван, дьяк Азовской губернии
331. **Степанов** Василий Васильевич, советник Посольской канцелярии

332. **Степанов*** Иван, дьяк
333. **Степанов** Федор, крестьянин частновладельческий (Романовский у.)
334. **Стерлин** Вилим, английский купец
335. **Стефанов*** (Степанов) Иван, священник церкви Рождества Богородицы (она же Казанской Богородицы) (2 двора)
336. **Стефанов*** Иван, справщик СПб. типографии
337. **Стрежнев*** Иван Стефанов, купец Гостинной сотни
338. **Стрешнев** Иван Иванович, стольник
339. **Стрешнев** Иван Родионович, стольник (3 двора)
340. **Стрешнев** Тихон Никитич, тайный советник, сенатор (2 двора)
341. **Строев** Иван Петрович, обер-провиантмейстер
342. **Сумароков** Панкратий Богданович, стряпчий с ключом
343. **Суровцов*** Федор Михайлов, подьячий СПб. таможни
344. **Суханов** Алексей, солдат адмиралтейской Подрядной канцелярии
345. **Таратин*** Василий Елизаров, подьячий СПб. таможни
346. **Тарбеев** Иван Дмитриев, фискал
347. **Тарсуков*** Анисим, подьячий СПб. Гарнизонной канцелярии
348. **Тарсуков*** Иван Феокистов, подьячий Поместного приказа
349. **Тарсуков** Лука Антонов, дьяк Канцелярии городских дел
350. **Телегин*** Иван Антонов, подьячий СПб. Канцелярии подрядных дел
351. **Теляковский** Иван Федорович, помещик (Кашинский уезд)
352. **Терлинский** Леонтий Авдеев, слесарный мастер Оружейного двора
353. **Тимофеев** Григорий, крестьянин частновладельческий (Ярославский уезд)
354. **Тимофеев*** Симеон, иерей ц. Успения Богородицы и Николая Чудотворца
355. **Тимофеев*** Федор, дьяк СПб. Ратуши
356. **Тихменев** Степан, дьяк Расправной палаты
357. **Толстой** Петр Андреевич, тайный советник
358. **Томилин*** Сидор Астафьев, посадский (СПб.)
359. **Трунилов*** Иван Петров, надсмотрщик крепостных дел
360. **Труфанов** Алексей Иванов, целовальник СПб. таможни (живет на государевом дворе)
361. **Тулубеев*** Федор Антонович, комиссар шлютембургского и крексгольмского полка
362. **Тыртов** Пров Прокофьев, комиссар
363. **Угримов*** Федор Иванов, канцелярист Аптекарской канцелярии
364. **Ульянов*** Василий, певчий дьяк

Приложение 1

365. **Уткин** Василий Прокофьев
366. **Федоров** Кирилл, крестьянин
367. **Федоров** Сидор, черноделец Оружейной канцелярии
368. **Федоров*** Леонтей, живописец Оружейной канцелярии
369. **Федосеев*** Степан, дьякон церкви Живоначальной Троицы
370. **Филатов** Григорий, крестьянин монастырский
371. **Филипов** Дементий, крестьянин монастырский
372. **Филипов*** Василий Дементьев, подъячий
Канцелярии обер-секретаря А. Я. Шукина
373. **Филипова** Акилина Никитична, посадская вдова (Москва)
374. **Хвастливый** Кондратий Федоров, посадский (Москва)
375. **Хворов*** Василий, денщик генерала Р. В. Брюса
376. **Хилков** Юрий Яковлевич, князь, стольник
377. **Хисн** Андрей Андреев, иноземец
378. **Хованский** Федор Семенович, князь, стольник
379. **Хоррет*** Аврам, подполковник
380. **Храмцовской*** Андрей Иванов, подъячий Канцелярии обер-секретаря А. Я. Шукина
381. **Хрисанфович** Иоанн, духовник царского величества
382. **Хрущов** Алексей Кирилов, сержант Преображенского полка
383. **Чебышов** Семен Обросимович, судья Расправной палаты
Юстиц-коллегии
384. **Челищев** Матвей Ульянов, стольник
385. **Челищев** Сергей Иванович
386. **Челюскин*** Алексей, подъячий Канцелярии майора
С. А. Салтыкова
387. **Чемесов** Михаил Осипович, («бывший») комендант СПб.
(2 двора). Умер.
388. **Чемесова** Марья Афанасьевна, вдова коменданта
М. О. Чемесова
389. **Черенов** Иван Филипов, сержант Семеновского полка
390. **Черкасский** Алексей Михайлович, князь, стольник
391. **Черноусов*** Иван Иванов, посадский (СПб.) (живет на дворе
Ближней канцелярии)
392. **Чириков** Кирил Борисов, комиссар
393. **Чирков** Никита Пантелеев, стольник
394. **Чичерин** Кирилл Лаврентьевич, судья Поместного приказа
395. **Чоглоков** Алексей Сергеевич, стольник
396. **Чоглоков*** Сава Михайлов, комиссар
397. **Чуприянов** Андрей, подъячий Оружейной канцелярии
398. **Шафиров** Петр Павлович, барон, государственный
подканцлер, тайный советник (2 двора)
399. **Шаховской** Михаил Федорович, князь, окольничий (2 двора)

Приложение 1

400. **Шестаков** Степан Емельянович, дьяк Поместного приказа
401. **Шестаков*** Петр Емельянов, подьячий Поместного приказа
402. **Шестимиров** Прокофий, капитан Семеновского полка
403. **Шетилов*** Яков Васильев, дворянин ведения Канцелярии городовых дел
404. **[Шилинг]** Веденихт, иноземец, переводчик Канцелярии...
405. **Шипулин*** Роман Федоров, наборщик СПб. типографии (живет на дворе Оружейной канцелярии)
406. **Ширяев** Иван Никитин, купец Гостинной сотни (Коломна)
407. **Шлицман*** Адам, иноземец, лекарь
408. **Шорин*** Сергей, целовальник Провиантской канцелярии (владеет двором совместно с целовальником Провиантской канцелярии Иваном Григорьевым)
409. **Щеглов*** Алексей Лукин, подьячий СПб. Гарнизонной канцелярии
410. **Щеголин** Володимир Петров, посадский (Москва)
411. **Щеголин** Сергей, посадский (СПб.)
412. **Щедрин** Максим Ефимьев, посадский (Псков)
413. **Щербаков** Анисим Федоров, посадский (СПб.)
414. **Щербатов** Иван Иванович, судья в Сибири
415. **Щербатов** Михаил Юрьевич, князь, полковник Невского полка
416. **Щербатов** Юрий Федорович, князь, окольный
417. **Юдин*** Михаил Иванов, подьячий Канцелярии Сената
418. **Юшков** Алексей Александрович, окольный
419. **Яблошников** Андрей Антонов, посадский (Новгород Великий)
420. **Якимовской*** Василий Дмитриев, посадский (СПб.)
421. **Яков** Васильевич, царевич сибирский
422. **Яковлев** Дмитрий, сторож Оружейной канцелярии (2 двора) (владеет совместно со шпажником Оружейной канцелярии Василием Васильевым)
423. **Яковлев** Степан, замочный мастер Оружейной канцелярии
424. **Яковлев*** Петр, замочный мастер Оружейной канцелярии
425. **Янковский** Василий Иванов, посадский (Тверь)
426. **Ярошенский*** Василий, живописец Оружейной канцелярии
427. **Ярыгин*** Полуехт Артемьев, лекарский ученик Аптекарской канцелярии
428. **[...]** Алексей, фельдшер Азовского полка 7-й роты

Приложение 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОСТРОВА¹

Регион	Количество людей, назвавших свое прежнее место жительства	В том числе посадских людей
1. Азовская губ.	14	
2. Англия	8	
3. Армения	1	
4. Архангельская губ.	22	4
5. Бежецк	2	1
6. Белев	1	1
7. Белозерский уезд	1	
8. Болхов	1	1
9. Боровск	2	1
10. Великие Луки	1	1
11. Владимир	2	
12. Вологда	2	
13. Волоколамск	1	1
14. Воронеж	3	3
15. Вычегда	3	3
16. Галич	12	3
17. Гдовский уезд	1	
18. Елатома	1	1
19. Италия		
20. Казань	4	2
21. Каргополь	1	
22. Кадомский уезд	3	
23. Кашин	7	3
24. Коломна	5	
25. Кострома	35	13
26. Курск	2	

¹ Источники см. Приложение 1.

Приложение 2

27.	Ладожский уезд	1	
28.	Латвия	4	
29.	Москва	81	67
30.	Муром	1	1
31.	Нижний Новгород	1	1
32.	Новгород Великий	54	31
33.	Олонецкий уезд	3	2
34.	Осташков	2	2
35.	Переяславль Залесский	2	2
36.	Переяславль Рязанский	2	
37.	Польша	8	
38.	Пошехонский уезд	8	5
39.	Псков	4	3
40.	Романовский уезд	23	
41.	Ростовский уезд	4	3
42.	Саксония	1	
43.	Сарская мыза	2	
44.	Серпухов	1	
45.	Сибирская губ.	24	2
46.	Симбирск	2	2
47.	Смоленск	1	1
48.	Солигалич	1	1
49.	Старая Русса	13	9
50.	Суздаль	18	4
51.	Тамбов	1	1
52.	Тверь	6	5
53.	Тихвин	1	1
54.	Торопецкий уезд	2	1
55.	Углич	7	3
56.	Устюжна Железопольская	6	6
57.	Финляндия	3	
58.	Хлынов	1	1
59.	Чебоксары	5	5
60.	Швеция	59	1
61.	Шуя	3	3
62.	Юрьев-Польской	1	1
63.	Ярославль	108	43
64.	ИТОГО	616	246

Опубликованные источники и литература

- Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов на свете...» — град святого Петра. СПб., 1999.
- Азбучный указатель имен русских деятелей для «Русского биографического словаря» // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 60.
- Азизбаева Р. Е. Призрение незаконнорожденных детей в Москве в первой четверти XVIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.): Доклады 2-й науч. конференции. 1999. М., 2001.
- Акишин М. О. Полицейское государство и Сибирское общество: Эпоха Петра великого. Новосибирск, 1996.
- Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988.
- Алексеева М. А. «В Санкт Питерс Бурхе грыдорывал...» // Первые художники Петербурга. Л., 1984.
- Алексеева М. А. Из истории гравюры петровского времени // Русское искусство первой четверти XVIII века. М., 1974.
- Анисимов Е. В. Изменения в социальной структуре русского общества в конце XVII — нач. XVIII в. (последняя страница истории холопства в России) // История СССР. 1979. № 5.
- Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России: 1719–1728 гг. Л., 1982.
- Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989.
- Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. М., 1997.
- Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
- Анисимов Е. В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.
- Бабич М. В. Государственные учреждения России XVIII в. М., 1999.
- Бабич М. В. Комиссии как государственные учреждения петровской эпохи // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000.

- Базарова Т. А.* Планы петровского Петербурга: (Источниковедческое исследование). СПб., 2003.
- Балакирева Л. М.* Создание Крепостной конторы при Юстиц-коллегии (1719) // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000.
- Бахрушин С. В.* Малолетние нищие и бродяги в Москве: Исторический очерк. М., 1913.
- Березин А. П.* Сокращенная жизнь покойного купца первой гильдии Александра Петровича Березина // Русский архив. 1879. Кн. 1, вып. 2. С. 104.
- Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. М., 1962. Ч. 1.
- Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. М., 1997.
- Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб., 1991.
- Беспярых Ю. Н., Сухачев Н. Л.* Петербургский быт в Россике XVIII века // Петербург и губерния: историко-этнографические исследования. Л., 1989.
- Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. 1749–1751. М., 1997.
- Богданов И. А.* Три века петербургской бани. СПб.: Искусство, 2000.
- Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902.
- Бранденбург Н. Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876.
- Бройтман Л. И., Краснова Е. И.* Семья Резвых в Петербурге // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1995. Вып. 2.
- Булыгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977.
- Варламова Н. А.* Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988.
- Вигилев А. Н.* История отечественной почты. М., 1979. Ч. 2.
- Виртшафтер Э.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
- Водарский Я.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977.
- Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1.
- Высоцкий И. П.* Санкт-петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903.

Литература

- Гаврилова Е. И. «Явился здесь живописец Федор Васильев...» // Первые художники Петербурга. М., 1984.
- Гайсинович А. И. Цехи в России в XVIII в. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 5.
- Гейман В. Г. Мануфактурные предприятия Петербурга // Санкт-Петербург петровского времени: Очерки / Под ред. А.В. Предтеченского. Л., 1948.
- Глазьев В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке. Противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
- Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. М., 1965.
- Голикова Н.Б. Торговля крепостными без земли в 20-х годах XVIII в. // Исторические записки. 1972. Т. 90.
- Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998.
- Гальдберг А. Л. Первая поэма о Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. Л., 1970.
- Горская Н.А. Жилые записи (К истории найма в XVII веке) // История СССР. 1963. № 5.
- Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994.
- Государственность России: Словарь-справочник: В 4 кн. М., 2001.
- Грaбapь И. Э. Русская архитектура второй половины XVIII века. М., 1954.
- Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус 1996. М., 1997.
- Гречушкин С. И. Из русской истории. В Петербурге при Петре Великом. М., 1910.
- Грот Я. К. Известия о петербургском крае до завоевания его Петром Великим // ЖМНП. 1853. № 1.
- Грот Я. К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // ЖМНП. 1853. № 2.
- Данилевский И. Н. Холопское счастье Даниила Заточника // Казус-2002: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002.
- Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4.
- Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- Демин А. С. Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1975. М., 1976.
- Демография Западноевропейского средневековья и современной зарубежной историографии: Реферативн. сб. М., 1984.

- Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. 2000.
- Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859.
- Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской церкви в XVI веке. Казань, 1884. Ч. 1: Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств.
- Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате, в царствование Петра Великого: В 6 т. / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1880–1891.
- Ефремова Н. Н. Судоустройство России XVIII — первой половины XIX в. М., 1993.
- Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1990.
- Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884. Законодательство Петра I. М., 1997.
- Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVIII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.
- Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989.
- Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археол. о-ва. СПб., 1861. Т. 2.
- Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.
- Изборник 1076 г. М., 1965.
- Индова Е. И. Роль дворцовой деревни первой половины XVIII века в формировании русского купечества // Исторические записки. 1961. Т. 68.
- Индова Е. И. Московский посад и подмосковные дворцовые крестьяне в первой половине XVIII века // Города феодальной России. М., 1966.
- Иогансен М. В. Здание «мазанковых коллегий» на Троицкой площади Петербурга // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XIX века. М., 1984.
- Иогансен М. В. К вопросу об авторстве генерального плана Петербурга петровского времени // От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века. М., 1984.

- Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук: Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры Собрания Петра I / Сост. М. Н. Мурзанова, В. Ф. Покровская, Е. И. Боброва. М.; Л., 1961.
- Кабузан В.М.* Народонаселение в России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.
- Каганов Г. З.* Санкт-Петербург: образы пространства. М., 1995.
- Кайзер Д.* Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII века // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. 2.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999.
- Капустин С.Я.* Древнее русское поручительство. Казань, 1855.
- Кафенгауз Б.Б.* И.Т.Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1950.
- Кашин Н.И.* Поступки и забавы императора Петра Великого // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993.
- Кеппен П. И.* О народных переписях в России. СПб., 1889.
- Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.
- Ключков М. В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911.
- Ключков М. В.* Очерки подушной переписи при Петре Великом // ЖМНП. 1915. № 1.
- Князьков С.* Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. М., 1909.
- Князьков С. С.-Петербург и С.-Петербургское общество при Петре Великом.* СПб., 1914.
- Козлова Н. В.* Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII веке // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994.
- Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999.
- Коллман Н. Ш.* Проблема женской чести в Московской Руси XVI–XVII вв. // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999.
- Коллман Н. Ш.* Соединенные честью. М., 2001.
- Колобов Б. В.* Строители Балтийского корабельного флота — первые жители Санкт-Петербурга (мастера и мастеровые люди Санкт-Петербургского адмиралтейства) // Город и горожане России в XVII–XIX вв. М., 1991.

- Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971.
- Комелова Г. Н. Первый русский миниатюрист Г. С. Мусикийский // Русское искусство первой четверти XVIII века. Л., 1974.
- Комелова Г. Н. Финифтных дел мастера // Первые художники Петербурга. Л., 1984.
- Копанев А. И. Неизвестный чертеж Городского острова петровского времени // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1978. Л., 1979.
- Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001.
- Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Петровское начало. Кенигсбергский университет и российское просвещение в XVIII веке. Калининград, 1999.
- Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Российские студенты времен Петра I в Кенигсберге // Вопросы истории. 1994. № 3.
- Кох Н. К вопросу о достоверности переписных книг 1710 года // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 16.
- Кошелева О. Е. «Отходя от света сего...». Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000.
- Кошелева О. Е. Две девки Пелагеи и веселая вдова // Родина. 2002. № 9.
- Кошелева О. Е. Один из Иванов в эпоху Петра: (Опыт персональной истории) // Казус-2002: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002.
- Кошелева О. Е. Выпас на Невском // Родина. 2003. № 1.
- Кошелева О. Е., Эскин Ю. М. Ограбление стольника Пушкина. Неизвестные документы из истории села Болдина // Родина. 1999. № 5.
- Кротов П. А. Новое о гравере А. Ф. Зубове // Феномен Петербурга: Труды междунар. конф. 3–5 ноября 1999 г. СПб., 2000.
- Куракин Б. И. «Vita del Principe Boris Kourakin» // Архив кн. Ф. А. Куракина. Саратов, 1890. Т. 1.
- Куракин Л. Р. Массовая застройка Петербурга в XVIII веке: Дисс. ... канд. архитектуры. М., 1947.
- Кушева Е. Н. О плене как источнике холопства во второй половине XVII в. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. (Труды ЛОИИ; Вып. 13).
- Лаеров А. С. Колдовство и религия в России. М., 2000.
- Ланге Н. И. О наказаниях за бесчестье по древнему русскому праву // ЖМНП. 1859. № 6.
- Лебедева Е. А. Петербург и его святыни. СПб., [1995].

Литература

- Лебединский А. П. Кронверк Петропавловской крепости в его прошлом и настоящем: (К 250-летию его существования) // Сборник докладов военно-исторической секции Ленинградского дома ученых им. М. Горького. М.; Л. 1960. № 3.
- Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. // Лотман Ю. М. Избранные статьи. М., 1992. Т. 1.
- Луттов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.
- Материалы для истории московского купечества. М., 1891. Т. 1. Приложение 3.
- Милуков П. Н. Государственное хозяйство России в 1-й четверти XVIII столетия. СПб., 1905.
- Миненко Н. А. Численность и структура русской крестьянской семьи Юго-Западной Сибири в XVIII веке // Бахрушинские чтения 1973 г.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. Вып. 2.
- Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1760 гг. Л., 1990.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империализма (XVIII — нач. XX в.): В 2 т. СПб., 2000.
- Московский театр при царях Алексее и Петре. (Документы по истории театра за 1672–1709 гг.) / Материалы собраны С.К. Богоявленским // ЧОИДР. 1914. Кн. 2, отд.1.
- Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века. М., 1876.
- Муллов П. А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864.
- Муравьев М. А. Журнал от начала рождения моего и как во все текущее время я до совершенного возраста воспитываем был... / Публ. Т. Г. Дмитриевой, М. М. Якушкиной, Г. Р. Якушкина // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. Т. 5.
- Муравьева Л. Л. Деревенская промышленность Центральной России во второй половине XVII века. М., 1971.
- Нащокин В. А. Записки. СПб., 1842.
- Немиров Г. А. Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703–1903 гг.: Историческая справка. СПб., 1905.
- Оглоблин Н. Н. Тревога о «государевом шествии» в Сибирь 1704 г. // Русская старина. СПб., 1891. № 9.
- Описание архива Александро-Невской лавры во время царствования императора Петра Великого. СПб., 1903. Т. 1.
- Описание дел и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5.
- Описание документов и дел Святейшего синода. СПб., 1868. Т. XX.

- Очерки по истории Ленинграда. М.; Л. 1955. Т. 1.
- Павлович М. К.* К изучению биографий мастеров Оружейной палаты XVIII века // Генеалогические исследования. М., 1994.
- Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.
- Петербург петровского времени. Очерки / Под ред. А. В. Предтеченского. Л., 1948.
- Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. СПб., 1885.
- Платонов С. Ф.* Из бытовой истории петровской эпохи // Известия Академии наук СССР. М., 1926. Т. 20.
- Попов И. Г.* Введение в историю г. Санкт-Петербурга. М., 1903.
- Посошков И. Т.* Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением божественных писаний / Под ред. Е. М. Прилежаева. СПб., 1893.
- Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Под ред. и с комментариями Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.
- Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
- Рейфман И.* Ритуализированная агрессия. М., 2002.
- Ретин Н. Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангельский и Петербургский порты). Омск, 1989.
- Ретин Н. Н.* Законодательство о крестьянской торговле в первой половине XVIII века // 26 съезд КПСС и проблема аграрной истории СССР и социально-политическое развитие деревни. Уфа, 1984.
- Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4.
- Русское искусство первой четверти XVIII века / Под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1974.
- Сакович С. И.* Социальный состав московских цеховых ремесленников 1720-х годов (к истории формирования промышленного населения Москвы в первой трети XVIII в.) // Исторические записки. М., 1953. Т. 42.
- Седов П. В.* Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999.
- Семевский М. И.* Слово и дело. СПб., 1885.
- Семевский М. И.* Тайный сыск Петра I. Смоленск, 2000.
- Семенова Л. Н.* Источник о первой в России переписи наличного городского населения (Переписные книги Петербурга 1737 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3.

- Семенова Л. Н.* Участие шведских мастеровых в строительстве Петербурга (1-я четверть XVIII века) // Труды ЛОИИ. Л., 1970. Вып. 11.
- Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974.
- Семенова Л. Н.* О семьях мастеровых в XVIII в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977.
- Семенова Л. Н.* Общественные развлечения в Санкт-Петербурге в 1-й половине XVIII века // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982.
- Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.
- Семенова Л. Н.* Иностранные мастера в Петербурге в 1-й трети XVIII века // Наука и культура России XVIII века. Л., 1984.
- Семенцов С. В.* Реальный Петербург петровского времени // Петербургские чтения. Научная конференция: Тезисы докладов. СПб., 1993.
- Семенова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). М., 1998.
- Семиотика города и городской культуры: Петербург / Отв. ред. А.Е. Малк. Тарту, 1984. (Труды по знаковым системам; Т. 18).
- Середын Н. В.* Городское гражданство России в законодательстве Петра I // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории. Тверь, 1992.
- Серов Д. О.* Строители Империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.
- Серов Д. О.* Холоп во власти: круги судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Социокультурные исследования 1997: Сборник статей. Новосибирск, 1997.
- Сизиков М. И.* Учреждения регулярной полиции России первой половины XVIII в. и их архивы в настоящее время // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Т. 1.
- Смилянская Е. Б.* Следственные дела «о суевериях» в России первой половины XVIII в. в свете проблем истории общественного сознания // Rossica. Praha, 1996. Т. 1.
- Со шпагой и факелом. 1725–1825. Дворцовые перевороты в России / Под ред. М.А. Бойцова. М., 1991.
- Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю.* Открытие социального // Одиссей. 2001. М., 2001.
- Соколов Н. И.* С.-Петербургская почта при Петре Великом. СПб., 1903.

- Статистические сведения о Санктпетербурге / Изданы Министерством внутренних дел. СПб., 1836.
- Сташенко Л. А., Сафроненко К. Н. Государственный строй России первой четверти XVIII в. М., 1973.
- Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915.
- Сэбиан Д. У. Голоса крестьян и тексты бюрократов: нарративная структура в немецких протоколах начала Нового времени // Прошлое — крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003.
- Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.
- Топонимика Санкт-Петербурга XVIII века по планам города (Из фондов отдела картографии Российской национальной библиотеки) / Сост. В. В. Кукушкина. СПб., 1993.
- Торопов В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы. Введение в тему // Семиотика города и городской культуры: Петербург / Отв. ред. А. Е. Малк. Тарту, 1984. (Труды по знаковым системам; Т. 18).
- Тыдман Л. В. Изба, дом, дворец. М., 2000.
- Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.
- Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 2: Язык и культура.
- Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье») // История СССР. 1983. № 1.
- Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.
- Цатурова М. К. Русское семейное право XVI—XVIII вв. М., 1991.
- Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Под ред. Г.Г. Лукьянова. М., 1905.
- Черная Л. А. Честь: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991.
- Шапиро А.Л. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время // Исторические записки. 1948. Т. 27.
- Шилков В.Ф. Архитекторы-иностранцы при Петре I // Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954.
- Шорохов А. П. К вопросу о применении воинских артикулов Петра I 1715 г. в общих гражданских судах // Актуальные вопросы правоведения в общенародном государстве. Томск, 1979.
- Юрганов А. Л. Из истории табуированной лексики // Одиссей. 2000.

- Юсунов А. Материалы для истории городской полиции в России с древнейших времен до царствования Екатерины II // Памятная книжка Имп. Александровского лицея на 1852/53 г. СПб., 1852.
- Янцевич А. С. Крепостные в Петербурге. Л., 1933.
- Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995.
- Anderson M.* Family Structure in Nineteenth Century Lancashire. Cambridge, 1974.
- Barth G.* Instant cities. Urbanization and the rise of San Francisco and Denver. New York, 1975.
- Berkner Lutz K.* The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of interdisciplinary History. 1974. № 5.
- Cohen E. S.* Honor and Gender in the Streets of Early Modern Rome // Journal of Interdisciplinary History. 1992. Vol. 22. № 4.
- Corfield P.* Class by name and number in eighteenth-century Britain // Language, History and Class / Ed. by P. J. Corfield. Cambridge, MA, 1992.
- Cust R.* Honour and Politics in Early Stuart England: the case of Beaumont v. Hastings // Past and Present. 1995. № 149.
- Czap P.* The Perennial multiple Family household, Michino, Russia 1782–1858 // Journal of family history. 1982. Vol. 7, Spring.
- Davidoff L.* Worlds Between: Historical Perspectives on Gender and Class. Cambridge, 1995.
- Davis N. Z.* Fiction in the Archives. Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford, 1987.
- Dewey H. W.* Political PORUKA in Moscovite Rus' // The Russia Review. 1987. Vol. 46.
- Dewey H. W., Kleimola A. M.* Suretyship and Collective responsibility in Pre-Petrine Russia // Jahrbucher fuer Geschichte Osteuropas. 1970. Bd. 18.
- Dewey H. W., Kleimola A. M.* From the Kinship group to Every Man His Brother's Keeper: Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1982. Bd. 30.
- Dewey H. W., Kleimola A. M.* Russian Collective Consciosness: The Kievan Roots // Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62.
- Economakis E. G.* From Peasant to Petersburgers. New York, 1998.
- Ewbank D. C.* Age misreporting and age-Selective Under enumeration: Sources, Patterns, and Consequences for Demographic Analysis. Washington, DC: National Academic Press, 1981. (Committee on population and Demography; Report № 4).

- The family and social change: A study of family and kinship in a South Wales town / Ed. by C. Rosser, Ch. Harris. London, 1983.
- Family Forms in Historic Europe / Ed. by A. Plakans, R. Wall, P. Laslett. New York, 1983.
- Garroch D.* Verbal Insults in Eighteenth-Century Paris // The Social History of Language / Ed. by P. Burke, R. Porter. Cambridge, UK, 1985.
- Hatch E.* Theories of Social Honor // American Anthropologist. 1989. Vol. 91.
- Hellie R.* Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.
- Hellie R.* The economy and material culture of Russia 1600–1725. Chicago, 1999.
- Higgs E.* A clearer sense of the census. The Victorian censuses and historical research. Public Record Office Handbooks. London, 1996. (HMSO, № 28).
- Hill B.* Servants. English Domestic in the Eighteenth Century. Oxford, 1996.
- Hittle M.* The Service City: State and Townsmen in Russia. 1600–1800. Cambridge, Mass., 1979.
- Honor and Grace in Anthropology. Ed. by J. G. Peristiany, J. Pitt-Rivers. Cambridge, GB, 1992.
- Honor and Shame and the Unity of the Mediterranean / Ed. by D. D. Gilmore. Washington, D.C., 1987.
- Honour and Shame: The Values of Mediterranean Society / Ed. by J. G. Peristiany. Chicago, 1966.
- Household and Family in Past Time: Comparative studies in the size and structure of the domestic group over the last three cent. in England, France, Serbia, Japan and colonial North America, with Further material from Western Europe / Ed. by P. Laslett, R. Wall. Cambridge, UK, 1972.
- Households. Comparative and Historical Studies of the Domestic Groups / Ed. by R. Mc.C. Netting, R. R. Wilk, E. J. Arnould. Berkeley; Los Angeles; London, 1984.
- Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London, 1998.
- Innes J., Styles J.* The crime waves: recent writing on crime and criminal justice in eighteenth-century England // Rethinking social history. English society 1570–1920 and its interpretation / Ed. by A. Wilson. Manchester, New York, 1993.
- The International Conference on data bases in the Humanities and Social Sciences / Ed. by R. F. Allen. Osprey, Fla, 1985. Vol. 2.
- Kaiser D. H.* Urban Household Composition in Early Modern Russia // Journal of interdisciplinary History. 1992. Vol. 23, № 1.

- Kaiser D. H.** The Poor and Disabled in Early Eighteenth-Century Russian Towns // *Journal of Social History*. 1998. Vol. 32, № 1.
- Kaiser D.H., Engel P.** Time- and Age-Awareness in Early Modern Russia // *Study of Society and History*. 1993.
- Kivelson V.** Bitter Slavery and Pious Servitude: Moscovite Freedom and Its Critics // *Russische und Ukrainische Geschichte vom 16.-18. Jahrhundert*. Wiesbaden, 2001.
- Kollmann N. Sh.** By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia. Ithaca, 1999.
- Laslett P.** Introduction: The History of the Family // *Household and Family in Past Time* / Ed. by P. Laslett, R. Wall. Cambridge, UK, 1972.
- Melton J. Van Horn.** The emergence of «society» in eighteenth- and nineteenth-century Germany // *Language, History and Class* / Ed. by P. J. Corfield. Cambridge, MA, 1992.
- Miller W. I.** Humiliation: and other essays on Honor, Social Discomfort and Violence. Ithaca, NY, 1993.
- Mitterauer M.** Servants and Youth // *Continuity and Change*. 1990. Vol. 5.
- Mitterauer M., Kagan A.** Russian and Central European Family structures: a comparative view // *Journal of family history*. 1982. Vol. 7, Spring.
- Moch L.P.** Regional Migration in Nineteenth-Century France. Beverly Hills (London), New Delhi, 1983.
- Modern urban history research in Europe, USA, and Japan; A handbook / Ed. by Ch. Engeli, H. Matzerath. Oxford, 1989.
- Morrison D.** «Trading peasants» and Urbanization in Eighteenth Century Russia. The Central Industrial Region. NY and London. 1987.
- The New Urban history: Quantitative Explorations by American Historians / Ed. by L. F. Schnore. Princeton, 1975.
- The Oxford companion to local and family history / Ed. by D. Hey. Oxford etc., 1996.
- Peterson C.** Peter the Great's administrative and juridical reforms. Stockholm, 1979.
- Plakans A.** Parentless Children in the Soul Revision: A Study of Methodology and Social Fact // *The Family in imperial Russia* / Ed. by D. Ransel. Illinois, 1978.
- Ransel D.** Mothers of Misery. Child abandonment in Russia. Princeton, NJ, 1988.
- Roche D.** The People of Paris. An Essay in Popular Culture in the 18-th Century / Transl. by M. Evans. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1987.

- Sabean D.* Property, production and Family in Neckarshausen, 1700–1870. Cambridge, 1990.
- Sabean D.* Peasant Voices and Bureaucratic Texts: Narrative Structure in Early Modern German Protocols // Little Tools of Knowledge. Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices / Ed. by Peter Becker and William Clark. Ann Arbor: University of Michigan, 2001.
- Schmidt C.* Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft (1694–1785). Stuttgart, 1996. (Quellen und Studien zur Geschichte des Ostlichen Europas; Bd. 44).
- Sokoll Th.* The Household position of elderly widows in poverty // Poor Women and Children in the European Past. London; New York, 1994.
- Stone L.* Family History in the 1980s // Journal of interdisciplinary History. 1981. Vol. 22.
- Surveying the People. The interpretation and use of document sources for the study of population in the later seventeenth century / Ed. by K. Schurer, T. Arkell. Oxford, 1993.
- The study of Urban History. The proceedings of an international round-table conference of the Urban History Group at Gilbert Murray Hall, University of Leicester. London; Southampton, 1975.
- Tadmor N.* The concept of the Household-Family in Eighteenth-Century England // Past and Present. 1996. № 51, May.
- Tilly Ch.* What good is urban history? // Journal of Urban History. 1996. Vol. 22, № 6, September.
- Time, Space and Man. Essays on micro-demography. Report from the symposium in Umea, Sweden, June, 1977 / Ed. J. Sundin, E. Soderlung. Stockholm, 1979.
- Verletzte E.* Ehr Konflikte in Gesellschaften des Mittelalters und der fruhen Neuzeit / K. Shreiner, G. Schwerhof (red.) Cologne, 1995.
- Wirtschafter E.* Structures of society: Imperial Russia's «people of various ranks». Northern Illinois Univ. Press, 1994.
- Wirtschafter E.* Social Identity in Imperial Russia. Northern Illinois, 1997.
- Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976.

Список сокращений

- Архив СПб. ИИ — Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории
- МГАРХИ — Московский государственный архитектурный институт
- ОЛДП — Общество любителей древнерусской письменности
- ПЗС — Полное собрание законов Российской империи
СПб., 1830
- ПРП — Памятники Русского права.
- РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- РОРНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

Указатель имен

- Абакумов Антон, солдат 312
Абакумов К., надсмотрщик Оружейной канцелярии 135
Аввакумов К., замочный мастер 102
Авлич Альен Йоган (Ильин Иван) портной, саксонец 234
Аврамов Михаил Петрович, цейх-директор Оружейной канцелярии 29, 80–82, 103, 110, 159, 236, 282, 287
Автомонов Яков, посадский 226
Агеева О.Г. 41, 45, 55, 60, 68, 84, 88, 96, 111, 118, 122, 213, 286, 291, 297
Агриков Антон, приказчик 211, 332
Адольский (Одольский) Иван Григорьевич, живописец 59, 238, 241
Азизбаева Р.Е. 174
Акимов Спиридон, купец 376
Акимова Марья, дворовая, шведка 202, 333
Акинфиев Иван, посадский 221, 227
Акишин М.О. 47, 49, 210, 284, 400, 421
Акишин, купец 162
Аксенов А.И. 221
Алексеев Матвей, матрос 244
Алексеев, крестьянин 416
Алексеева М.А. 241
Алексей Михайлович, царь 403
Алексей Петрович, царевич 37, 109, 130, 298
Алферьев В.Н., подьячий 338
Андреев Иван, матрос 193
Андреев Илья, бобыль 416
Андреев Марк, подьячий 135

Прямым шрифтом данны жители; курсивом — исследователи.

- Андреев Степан, посадский 67
Аникеев Афанасий, купец 222
Аникеев, кузнец 129, 130
Аников, гренадер 393
Анисимов Е.В. 32, 36, 50, 60–61, 65, 107, 110, 114, 115, 122, 129, 156, 195, 199, 232, 233, 242, 266, 267, 269, 272, 314, 316, 325, 398, 400
Анна Иоанновна, императрица 36, 384
Анофриев Лев, священник 295
Антипьев Ф., купец 209
Антонов Василий, холоп, поляк 334
Антропова Марья, посадница 244
Апраксин Петр Матвеевич, граф, боярин 255, 422
Апраксин Федор Матвеевич, граф, адмирал, сенатор 139, 211
Арина, нянька 312, 415
Аристов Афанасий, дворянин 362
Артамонов Игнатий, крестьянин 260
Артемьев Афанасий (см. Мельников Афанасий Артемович), церковный староста 66, 295
Артемьев Клим, дворовый 62
Афанасьев, садовник 333
Ачкин Андрей, английский купец 118
Бабич М.В. 39, 46, 50
Бакутин (Бакатин) Яков Иванович, крестьянин-подрядчик 116, 252–254
Бакутин Фома, крестьянин-подрядчик 252
Балакирева Л.М. 50, 101
Балда Иван, бобыль 257
Банний И., посадский 134
Баранов П., подъячий 199
Басманов Петр, подъячий 312
Бассевич фон Г.-Ф., тайный советник 132
Бахмеотов Я.И., капитан крепости 129, 130
Бахрушин С.В. 257
Бельский Иван Никитич, купец 225
Беляев Иван, монастырский стряпчий 422
Беляев Нил, певчий дьяк 69
Беляев Осип, певчий дьяк 69
Беляев Петр, певчий дьяк 69

- Беляева Катерина, жена певчего дьяка 345, 346
Берген фон Готлиб, немец (торговец?) 282, 243
Бердыш Матвей, заплочных дел мастер 314
Березин Александр, крестьянин 362, 263
Берк К. Р. 288, 289, 291
Берхгольц Ф.-В., камер-юнкер герцога Голштинского 118,
119, 131, 132, 289
Бестужев, капитан, квартирмейстер 128
Бестужев-Рюмин Д.А., кн. 79
Беспярых Ю. Н. 25, 29, 30, 32, 36, 56, 111, 112, 114, 122, 288,
289, 378, 379, 426
Бешенцев Иван Михайлович, прапорщик 51, 334, 373, 374
Бешенцов Михаил, судья 334
Бибииков Иван, прокурор 139, 140
Битка см. Иоанн Хрисантьевич
Бланки Марта, иноземка 393
Богданов А.И. 23, 25, 28–30, 36, 111, 114, 138, 281, 287, 375,
378, 379, 426, 429
Богданов Федор, дьяк 51, 373
Богдановы, братья 200
Богословский М. М. 46, 48
Богоявленский С. К. 396
Бойцов М.А. 19, 284
Болес Герман фон, архитектор 234, 345, 376
Болотин Яков, купец 85
Борисов Анофрий, гравер 241
Борисов Федор, священник 373
Борисова Прасковья, солдатка 334
Борков Павел, стряпчий 199
Борятинский Иван Федорович, князь 252
Бохин Иван, подьячий 273, 320
Бранденбург Н.Е. 80, 228, 236
Браунштейг, архитектор 254
Бредихин Алексей, гардемарин 417, 418
Бройтман Л.И. 245
Брюс П.Г. 32
Брюс Роман Вилимович, комендант крепости 36, 79, 81, 99,
260
Брюс Яков Вилимович, генерал 57

- Брянчанинов Михаил, дворянин, комиссар 91, 92
Булыгин И.А. 446
Бутурлин Петр Иванович, ближний боярин 79
Бутурлины, дворяне, братья 102
Бушуев Иван, подьячий 102
Бушуев Стефан, живописец 241
Быховцев Трофим, подьячий 104, 105, 269
Бычков Борис, капрал 192
Вандомская (Висленева) Агафья Тимофеевна, дворянка 320
Варасов Илья, посадский 226
Вареникин, подьячий 370
Варламова Н.А. 55, 147, 156, 220, 225, 228
Васильев Семен, священник 299
Васильев Федор, художник 18, 33, 428
Василевская Марфа Дементьевна 104
Вебер Ф.-Х., ганноверский резидент 27, 28, 30, 112, 119, 122, 378
Веленин Никон, купец 85
Вельяминов Петр, полковник 367, 395, 396
Вельяминов-Зернов Ф.Л., полковник 176, 198, 329
Венюков Иван Никифорович, подьячий 129, 180, 274, 275, 312, 415
Вердеревский Ф.П., стольник 79, 175
Верилов, дворецкий 209
Веселкин Сидор, подьячий 312
Вешнякова Я., вдова поручика 109
Вигилев А.Н. 89
Викулин Кузьма, посадский 226
Вилькин Питер, содержатель вольного дома, швед 375
Виртшафтер Э. 152, 161, 163, 196, 219, 235
Витворт, английский посол 224
Власьев Трофим, колодник 317
Внуков И.К., брат М.К.Внукова 100
Внуков М.К., подьячий 100
Водарский Я. 446
Восейков Федор, дворянин 282
Войт (Трофим), дворовый 201
Волков Андрей Андреевич, дворянин 188
Волков Борис, ученик 282

- Волков Григорий, ученик 282
Волков Дмитрий Никонович, посадский 343
Волков Никон Иванович, посадский 343
Волков Петр, ученик 282
Волков Федор Зиновьевич, крестьянин 259
Волконский Григорий Григорьевич, князь 255
Волконский Никита Федорович, князь, гардемарин 209, 210
Волконский Федор Михайлович, князь 120, 208, 210
Володимеров Григорий Егорьевич, купец 201
Володимеров Михайла, канцелярист 398
Волосов Никита, дворянин 312
Волынский В.И. 255
Воронов Федор, дьяк 109, 269
Воронова Матрена Ивановна, золотошвейка 178, 343–345, 358, 391, 392
Воскресенский Н.А. 47, 206, 266, 309,
Выморков (Степан) Самуил Осипович, монах 191
Высоцкий И.П. 446
Вяземская Мария, княгиня 334
Гаврилова Е.И. 18
Гаврилова Ксения, подрядчица 178
Гагарин М.П., князь, сибирский губернатор 36, 83, 85, 112, 284, 301, 350
Гайсинович А.И. 228, 248, 252
Гарцин (Гарсин) Самойла Исаков, английский купец 224
Гейман В.Г. 30
Геннин Вилим, подполковник 80, 81, 99, 259
Герасимов Иван, гулящий человек 420
Гербель Николай, архитектор 134
Гибсон, трактирщик, француз 362, 396
Глазов Е., дворянин 422
Глазьев В.Н. 74
Глебов В.М. 79
Голембовский П. С., переводчик 162
Голенищев-Кутузов М., князь 79
Голенищева-Кутузова А.Н., дворянка 201
Голикова Н.Б. 221, 257
Голицын В.А., князь 330, 338, 367
Голицын Дмитрий Михайлович, князь 333

- Голицын М. М. 30
Голицын П. М., князь 284
Голицын Федор Алексеевич, князь 255
Головачев, подъячий 196
Головин А. 422
Головин М.А., стольник 176, 255
Головин Николай Федорович, граф 254, 255
Головин Федор Алексеевич, боярин 113, 283
Головкин Гаврила Иванович, граф, канцлер 79, 112, 113, 406, 407
Гольдберг А.Л. 447
Гордеев Иван, подъячий 70
Гордеев Сергей, посадский 109, 136
Гордон Патрик, вице-адмирал 132
Горохов Дмитрий, подъячий 276
Горская Н. А. 53, 203
Горский В., бурмистр 88
Грабарь И. Э. 447
Гренди Э. 72
Гречушкин С.И. 24, 95
Григорьев Алексей, дворовый 377
Григорьев Иван, дворовый 373
Григорьев Иван, священник 293, 301
Григорьев Иван, слесарь 101
Григорьев Никифор, крестьянин 260, 261
Григорьев Спиридон, крестьянин 262
Гробов Михайло, крестьянин 204
Грובה Лукерья, крестьянка 204
Грот Я.К. 447
Губарев, фискал 414
Губин Иван Алексеевич, секретарь 407
Гуляев Антон Никифорович, посадский 72, 308, 351–360, 391
Гуляев Михаил, дьяк 393, 423
Гуляев Никифор, посадский 204
Гуляев Тимофей, столяр 239, 333
Гусев Степан, купец 224, 225, 227, 424
Давыдов Давыд, денщик 309, 391
Давыдов Н.В. 46

- Даненбург Ганс, выборгский житель 224
Даниил Заточник 214
Данилевский И.Н. 214
Данилов Семен, дворовый 422
Данилов Федор, извозчик 336, 369
Дарков Иван, подьячий 272
Девьер Антон Мануйлович, обер-полицеймейстер 41, 42, 45,
46, 97, 121, 128, 130, 132, 136, 139, 140, 200, 417
Девит Г., гравер 32
Дементьев Е., помещик 203
Демидов Демид, ямщик 92
Демидова Н.Ф. 267, 271, 272
Демин А.С. 262
Денисов Федор, солдат 379
Денисова Арина, дворовая 330, 331, 349
Десятов Иван, подьячий 104, 105
Дингес М. 392
Дмитриев Афонасий, торговец 415
Дмитриев Ф. 46
Дмитриев Иван, подьячий 103
Дмитриев-Мамонов Иван Ильич, дворянин 284
Дмитриева Т.Г. 186
Дмитриевский А.А. 186
Днепров Э.Д. 19, 267
Докудовский Александр Федорович, дьяк 187, 201
Долгово-Сабуров Василий Андреевич, стольник 176
Долгорукий Василий Владимирович, князь 81, 108, 254, 284
Долгорукий Иван Иванович, князь 209
Долгорукий Михаил Владимирович, князь, сенатор 186, 187,
209
Долгорукий Яков Федорович, князь 114, 209, 368
Домороцкий Ерофей, солдат 315
Дорн Петер Феликс, учитель-иностранец 223
Достоевский Ф.М. 17
Дробышев Прокофий, заплочных дел мастер 336
Дробышева Марта Гавриловна, посадская 336
Дудоров Иван, артиллерийский ученик 365
Дуренков, подьячий 420
Дуркин Семен Иванов, крестьянин 259

- Дьяков Алексей Самсонович, комиссар 201
Евдокимов Яков, портной 239
Евдокимова Стефанида, дворовая 205, 333
Евстафьев Е. 260
Евреинов Федор Григорьевич, купец 222
Езопова Мария, шведка, вдова 203
Екатерина Алексеевна, императрица 293
Елагин Алексей, вахмистр драгунского эскадрона 308, 309
Елизабет Анна, вдова 369
Елпатьевская Е.А. 19
Емельянов Андрей, секретарь 398
Ерофеев Иоанн, церковнослужитель 294
Ерофеев Лев, сын дьякона 188
Есипов Г. В. 71
Ефимова Мария, просвирня 294
Ефремова Н.Н. 46
Жданов Иван, подьячий 101
Жданов Никита, сын подьячего 363, 364, 370
Жданов Семен, подьячий 101
Жданова Анна, вдова подьячего 363, 364
Жельвис В.И. 402, 406
Жемайлов Василий, стольник 56, 79, 155
Жирово-Засекин Александр, князь, матрос 329
Журавин Василий Иванович, адъютант 59
Забелин И.Е. 215, 387, 402
Заборовский, капитан 51
Завадьё А.С. 19
Заварзин Петр, живописец 396
Загоровский А.И. 448
Задубский, Лазарь, мастер серебряного дела 135
Зайцев Андрей, крестьянин 259
Зайцев Василий, ученик 308, 397
Зайцев, каменщик 192
Заозерская Е.И. 222, 230
Заозерский А.И. 282
Зарецкий Ю. П. 19
Засекин Н.М., князь, окольный 82, 110
Захаров Аким, посадский 165
Захаров Александр Иванович, живописец 241

Захаров В.Н. 224

Захаров Н., стрелецкий пятидесятник 420, 421

Захаров Федор, дьяк 311

Захарова Ксения, посадская 165, 178

Зверев Иван, подьячий 420

Зевакин, купец 263

Зеленин В., подпрапорщик 397

Зеленин Иван, солдат 192, 334

Зеленская Е. 19

Змаевич М.Х., вице-адмирал 51, 133

Зорин Иван, подьячий 277

Зотиков Иван, дворовый 66

Зотов Василий Никитич, бригадир 212, 213, 332,

Зотов Никита, дядька Петра I, князь-папа 113, 290

Зотов Федор, посадский 226

Зубов Алексей Федорович, гравер 26, 32–34, 241

Зыбин Михаил Михайлович, гардемарин 257

Иван Афанасьевич, дворцовый дьякон 297

Иванов Алексей, канцелярист 199, 276

Иванов Алексей, подьячий 280, 337

Иванов Андрей, каменного дела подмастерье 103

Иванов Андрей, подьячий 161

Иванов Андрей, посадский 233

Иванов Василий, писарь 371

Иванов Василий, подьячий 268

Иванов Влас, котельник 369

Иванов Густав, ученик конфетного мастера 394, 395

Иванов Ерофей, псаломщик, дьякон 163

Иванов Иван, подьячий 268, 333

Иванов Лукьян, мастеровой, иноземец 234

Иванов Никита, торговец 244, 416

Иванов Петр, подьячий 187

Иванов Семен, ассессор 391

Иванов Семен, посадский 163

Иванов, солдат 132, 418

Иванов, кузнец 239

Иванова Авдотья, дворовая 272

Иванова Алена, иноземка 134, 368, 369

Иванова Анна 318, 414

- Иванова Ирина, солдатка 372
Иванова Марья, дворовая 194
Игнатьев (Ягнатьев) Дмитрий, поручик 45
Иевлев Григорий, дворовый 332
Иездинов В.М., дворянин 84
Иерофей, архимандрит Новоспасского монастыря 106
Ижорин Петр Алексеевич, канцелярист 273
Измайлов Андрей Петрович, посланник в Берлине 283
Ильин Иван, портной, иноземец 234
Ильин Матвей, пятидесятский 121
Ильин Никифор, посадский 80
Ильин Сергей Гордеевич 136
Ильин, солдат Преображенского полка 121, 371
Инглис, полковник 108
Индова Е.И. 257, 258
Иоанн Хрисанфович (Крисантьев) Битка, священник 290,
297
Иогансен М.В. 29, 35, 36, 99
Исаев Гаврила, торговец 375
Исаев Илья Иванович, купец 222, 223
Кабузан В.М. 449
Каганов Г.З. 123
Кадеев, ученик 376
Казанцев Григорий, солдат 374
Казимеров Иван, бомбардир 365, 366
Кайзер Д. 19, 53, 124, 165, 172, 173, 177, 179, 183, 187
Калинин Максим, посадский 94, 95
Каменский А.Б. 19, 449
Кантемир Дмитрий, князь 323, 375
Капустин С.Я. 449
Кар Алексей Филиппович, майор 349–351
Кардасей, мастер 254
Карнеги Э. 423
Карпов Афанасий, цирюльник 231
Карпов Григорий, ямщик 91
Карпов Сафон 91
Карпов Фома 91
Карпова Дарья 91
Карыхалов Тимофей, купец 222

- Кафенгауз Б.Б. 261
Кашин Н.И. 231, 232, 287, 290
Кашинцев Иван, посадский 226
Квашнин-Самарин Г.Я., ученик 109
Кеттен П.И. 449
Кизеветтер А.А. 83, 233
Кириллов Аверкий, думный дьяк 210
Кириллова Татьяна, дворовая 212
Киселев Яков, солдат 420
Кисловский Григорий Матвеевич, поручик 241
Кисляков И.Я., капитан 240
Клокачов Степан Тимофеевич, вице-губернатор Петербурга
40, 120, 210, 268, 310, 319, 321
Клочков М.В. 53, 54, 55
Ключарев Яков, подьячий 398, 401
Князев Иван, солдат 299, 336
Князева Авдотья, солдатка 299, 336, 337
Князьков С. 46, 160, 308
Кобелев, матрос 104
Кожин И. В., обер-комиссар 183
Козлов Иван, комиссар 162
Козлов Филат, воронежец 74
Козлова Н. В. 128, 129, 131, 160, 222, 223, 235
Козминский Петр, откупщик 221, 227
Коле Франц, английский купец 118
Колесников Кузьма Иванович, посадский 190
Колесникова Агафья Елисеевна, посадская 190
Коллманн Н. 383, 384, 387, 389, 390, 392, 397, 405, 407
Колобов Б.В. 88, 220, 230, 238
Колошин Лука, подьячий 59, 152
Колушкин И., ученик 282
Колычев Степан, Азовский вице-губернатор 130
Кольчева Е.И. 213
Кольцов Алексей, дворовый 198, 329
Кольцова-Мосальская, княжна, вдова 372
Колюбакина Аграфена, помещица 205, 346–348
Колягин Ларион, дворовый 176
Комар Мартьян, солдат 336
Комаров Е., фискал 201

Комелова Г.Н. 240

Кондратов Н., канцелярист 273

Константинов Алексей, дьякон 292, 293

Копанев А.И. 34, 35, 56, 70

Копейкин, солдат 194, 299

Копор Индрик, переводчик 345

Копосов Н.Е. 147, 156

Коренев Г., подъячий 334

Корженецкий В., школьник 330

Корзин Афонасий, работник 366

Корова Василий, посадский 227

Короваев (Караваев) Козьма, крестьянин 250

Корсаков, дворянин 397

Костоусов, подъяческий сын 315

Костюрин Иван Прокофьевич, дворянин 212

Костюрины, дворяне 212

Костяшов Ю.В. 281

Кох Н. 450

Кочергин Алексей, посадский 45

Кошелев Герасим Иванович, полковник 108, 338

Кошелева О.Е. 98, 111, 118, 122, 213, 286, 291, 297

Краснова Е.И. 245

Красовская Мавра, жена дворецкого 346

Красовский Михайло, дворецкий 346

Крекшин, дворянин 163, 397

Кретицин Г.В. 281

Криницин Михайло Камаевич, судья 321, 421

Кротов П.А. 242

Крылов Герасим, корабельный бомбардир 377, 397, 398

Крюйс К.И., вице-адмирал 129, 368

Кудрявцев Никита Алферьевич, казанский вице-губернатор 132

Кудрявцев Петр, подъячий 277

Кузмин Игнатий, повар 315

Кузмин Михаил, дворовый 315, 316, 335, 336

Кузмин Степан, работник 419

Кукушкина В.В. 24

Куликов Константин, посадский, десятский 352–354

Куракин Борис Иванович, князь 153, 249, 255

Куракин Л.Р. 59, 123, 146, 156

- Курбатов Алексей Александрович, Архангелогородский
вице-губернатор 133, 288, 314
Курбатов П.В., ученик 282
Кучин Лазарь, подьячий 68
Кушева Е.Н. 200
Лавров А.С. 158, 223, 297, 300, 380, 418
Лавров Яков, комендант 334
Лакирева Л. М. 416
Ланге Н.И. 450
Лапин, капитан 314
Лапотников Афанасий, пушкарь 80
Лаптев Авдей, посадский 419
Лаптев Илья, посадский 44
Ларионов Михаил Родионович дьяк 280, 282
Ларионов Петр Михайлович, ученик 282
Ларионов С., крестьянин 348, 349
Ларионов Федор, крестьянин 80, 262
Ласлетт П. 181
Лебедев Григорий, крестьянин 259
Лебедева Е.А. 450
Лебедянский А.П. 25
Леблон Ж.Б.А., архитектор 35
Лебядников, поручик 155
Левашов Семен, солдат 312
Леонтьев И., ученик 282
Лихачев Осип, солдат 370
Лобанов-Ростовский Яков Иванович, князь 135, 251
Лобачев Сергей Назарьевич, подьячий 369
Логачов К. 32
Логинова Варвара, посадская 380
Лодыженский Петр Ефимович, Архангелогородский вице-
губернатор 130
Лозины, крестьяне 257
Лотман Ю.М. 229
Лошаков Иван Григорьевич, комиссар 67, 205
Лукиянов Г. Г. 202, 399
Лукиянов Дмитрий, фискал 204, 336, 418
Лукиянов Петр, купец 365, 366
Лупандина, жена поручика 370

- Лутцов С.П. 41, 56, 60, 114, 117, 145, 146, 156
Лутовинов И., драгун 106
Львов И.Б., князь 255
Люботой, шпажный мастер, француз 344
Лысова Е. Ю. 87, 98, 219, 222, 228, 248
Макаров Федор Петрович, крестьянин 254
Максимов А., кузнец 239
Максимов Иоанн, священник 118, 295, 296
Макулев Константин, крестьянин 107, 259
Макулев Михаил, крестьянин 107, 259
Макулев Федор, крестьянин 107, 259
Малыгин Лев, подьячий 374
Малышкин Алексей, бомбардир 133, 368
Мальцова Василиса Андреевна, наемная работница, вдова 346
Мануков Федосей Семенович, обер-ландрихтер 40, 102, 103, 321
Манукова Фекла, вдова 413
Маракушев Роман, подьячий 72, 204, 351–359, 391
Маракушева Фекла 353
Мараш Федос, крестьянин 255
Мардефельд фон, барон, прусский посланник 132, 417
Марков Алексей, подьячий 56
Мартемьянов Ф.Л., стольник 109, 110
Марья Борисова, дворовая 192
Маслаев Федор Никитич, дьяк 187
Масленников Алексей, подьячий 135
Маслов Анисим Семенович, дьяк, обер-секретарь 162, 268, 284, 391
Маслов Михаил Семенович, капитан 45, 162
Маслов Михайло, солдат 373
Матвеев Герасим, посадский 128
Матвеев Игнатий, священник 297
Матвеев Никита, дворовый 192
Матвеев Никита, посадский 66
Матвеев М., кузнец 239
Матвеев Семен, посадский 104
Матвеев Федор, певчий 136
Матвеева Акулина, дворовая 192
Матюшкин И. П., стольник 135
Матюшкин К. С., стольник 251, 255

- Матюшкин, лейб-гвардии майор 51
Мельников, церковный староста (см. Артемов Афанасий) 66,
295
Меньшов Иван, подьячий 204, 276, 371
Меншиков Александр Данилович, светлейший князь,
губернатор Санкт-Петербурга 28, 39, 57, 58, 81, 91, 92, 110,
120, 152, 200, 232, 284, 289, 296, 309, 391, 393
Меншов Иван, канцелярист 204
Мещерский Михаил Иванович, князь, школьник 314
Мизгирев Федор, капитан 373
Мизгирева Марфа, вдова капитана, торговка 178, 372, 373
Миль Курланец Петер, английский купец 224
Милюков П. Н. 451
Милюков С., посадский 200
Миненко Н. А. 179
Минин М., посадский 67, 166
Миронов Андрей, гончарный мастер 67, 239
Миронов Б. Н. 53, 147, 156, 179, 263
Миронов Степан, ученик 239
Миронова Авдотья, солдатка 337
Михайлов, слесарь 239
Михайлов Гаврила, крестьянин 259, 260
Михайлова Алена 62, 196
Михайлова Анна, торговка 414
Мокеев Григорий, плотник 380
Монс Вилим, камергер 284
Мордвинов Андрей, комиссар 397
Мордвинов Семен Алексеевич, капитан 62
Мордвинова Дарья Иудишна 62
Мошкова Л. В. 57
Мрочек-Дроздовский П. 40
Муллов П. А. 451
Муравьев Е., дворянин 343
Муравьев М. А., дворянин 186
Муравьева Л. Л. 258
Мурзин Прокофий Васильевич, гвардии поручик 107
Муסיкийский Григорий Семенович, живописец 240
Муסיкийский Матвей, сын живописца 240
Мушников Иван, купец 221, 222

- Мушников Никита, купец 222
Мыльников Алексей, мыловар-заводчик 225
Мыльников Григорий, мыловар-заводчик 225
Мякинин Иван, генерал-фискал, новгородский дворянин 48.
132, 133, 168
Мякинина Пелагея Павловна, дворянка 178, 368, 369, 393
Мякишев Иван, мастер ствольного дела 239
Навроцкий Аврам, подьячий 223
Навроцкий Ефим 223
Нагибин И., посадский 88
Назарьев Данила, подьячий 277
Назарьев Илларион, пономарь 295
Назимов Иван, канцелярист 318
Нармацкий Андрей, стольник 107, 259
Нарышкин А.А., стольник 210, 255
Нарышкин Александр Львович, дворянин 253
Наталья Алексеевна, княжна 259, 297
Наумов И.Н., стольник 184
Наумов Никита, подьячий 345
Нащокин Василий Андреевич, дворянин 232
Негаусин, майор 318
Негоновский А.Ф., провинциал-фискал 271
Неелов С., дьяк 116, 252, 423
Немиров Г.А. 25
Немтиновы М. и Ф., братья, дворяне 282
Несвицкий И.Г., князь 184
Нестеров Алексей, обер-фискал 85, 223
Неупокоев, крестьянин 254
Никитин А., подьячий 200
Никитин Иван, живописец 118
Никитин Иван, портной 390
Никитин Иван Фролов сын, гончар 238, 342, 343
Никитин Петр, дьяк 102, 311
Никитин Роман, живописец 118
Никитин Сергей, тередорщик 239
Никитина Ирина, солдатка 346
Никифоров Ефим Саввинович, крестьянин 261
Никифоров Иван, живописец 238, 342, 344
Никифоров, отставной солдат 104

- Никулина Пелагея, дворовая 346–348, 358, 414
Новокшенов, купец 128
Ногаев Василий, дворовый 330
Норов Авраам, капитан, квартирмейстер 128
Норов Гаврила Васильевич, капитан 209
О де ля Мотрэ 379
Оболенский Михаил Матвеевич, князь 79
Обрютин Василий, дворянин 65
Обухов Иван, посадский 95
Овинов Дмитрий Никитич, дьяк 40, 102, 216, 309, 321, 391, 422
Оглоблин Н.Н. 418
Одинцов, крестьянин 136
Одольский Иван Григорьевич (см. Адольский)
Окуньков Дмитрий, дьяк 349, 373
Оплечьев В.А., дворянин 240
Опсентьев, дворянин 423
Опухтин Василий, дворянин, квартирмейстер 232, 299, 323, 330, 367
Ордин-Нащокин Афанасий Лавреньевич, боярин 152
Орлов Василий, подьячий 365
Ортемьев Полуехт, лекарский ученик 66
Осипихин Стахей, посадский, целовальник 94, 422
Осипов Тимофей, дьяк 130
Остапов Антип, подпоручик 205, 348, 414
Остерман Андрей Иванович, тайный советник 66
Отто Иван Андреевич, лекарь 133, 362, 396
Павлов Василий, священник 202, 333
Павлов Филипп, гуляющий человек 376
Павлов Яков, поручик 223
Павлович М.К. 238, 241
Пажитнов К.А. 218
Палилов Василий Федотович, канцелярист 116
Палкин Андрей Михайлович, солдат 62
Панин Александр, поручик 308, 391
Панкратьев Илья, подьячий 392
Панкратьев Семен Иванович, купец 203, 223
Панов Иван, подьячий 281, 282
Панов Иван, ученик лекаря 107, 390

- Панов Никита, солдат 336
Пестрилов В., школьник 162
Петр I passim
Петр Петрович, царевич 37
Петров Василий, дворовый 203
Петров Василий, священник 163, 331
Петров Иван, дворовый 253
Петров Никита, дворовый 335, 336
Петров П.Н. 24, 30, 56, 112
Петрова Катерина, работница, финка 345
Петронен Лаврентий, торговец 375
Петухов Иван, солдат 117
Пикарт П., гравер 32
Пиминов Евстрат, ратушный подьячий 104
Пичугин (Пичюгин) Иван Трофимович, посадский 243
Пичугин Петр Дмитриевич, посадский 44, 164, 243, 244, 247
Плаканс А. 175
Платонов С.Ф. 224, 291
Плотников Влас, крестьянин 260
По М. 19
Подолецкий Иван, дворовый 343
Полетаев Федор, посадский человек 332
Полтев Иван, стольник 339
Поляков Антроп, крестьянин 348
Полчанинов Алексей, дворовый 200
Полчанинов Семен, дворовый 200
Полянский Н.Н. 46
Поплевин Иван Филатович, купец 249
Попов И.Г. 452
Попов Конон, подьячий 420
Попов Федор, крестьянин 315, 316
Попов Федор, подьячий 116
Попугаев Василий Максимович, купец 135, 136, 372, 373, 374, 414
Попцов Савва Федорович, подьячий 273
Послуживцев Дементий, подьячий 418
Посников Петр Семенович, гравер 241
Постниковы, братья, ученики 282

- Посошков Иван Тихонович, крестьянин, прожектор,
писатель 18, 69, 101, 107, 157—160, 166, 196, 231, 233, 261,
262, 268, 269, 272, 284, 298—300, 381, 386, 428
- Потемкин Иван Степанович, стольник 79, 201
- Потехин Петр, поручик 364
- Потресов Степан, подьячий (?) 422
- Поярков Василий, подьячий 199, 348
- Предтеченский А.В.* 29
- Приэр, француз 396
- Прокопченко А. М.* 19
- Проскуринов Л.И., крестьянин 240
- Протасов Федор, подьячий 318, 414
- Протасьев Л., дьяк 100
- Пряжников Иван, купец 225
- Пряжников Игнатий, купец 60
- Пузиков Петр, конюх 367
- Пучков Степан, подьячий 282
- Пушкин Александр Петрович, дворянин 300
- Пушкин А. С.* 300
- Пушкин Иван Иванович, стольник 300
- Рабинович М. Г.* 172
- Растрелли Б.К., граф, архитектор 345
- Резвов (Резвой) Евстрат Федорович, торговец 187, 242
- Резвов (Резвой) Назар Сергеевич, торговец 227, 243
- Резвов (Резвой) Сергей Андреевич, крестьянин, рыбный
торговец 148, 242—244, 255
- Резвов (Резвой) Терентий Сергеевич, торговец 243, 245, 255
- Рейфман И.* 425, 429
- Ремезов Григорий, священник 404
- Ремезов Иван Семенович, священник 295, 296, 300, 301
- Ремезов Семен, канцелярист 365, 366
- Ретин Н.Н.* 97, 251
- Репнин Никита Иванович, князь 79
- Ржевская Дарья Гавриловна, князь-игуменья 113, 291
- Ржевский В.А., дворянин, судья 84, 255
- Ржевский Иван Иванович, стольник 113, 186
- Ржевский Илья, подпоручик 155
- Римский-Корсаков Яков, вице-губернатор Санкт-Петербурга
55, 108

- Рискин, ландрихтер 202
Родичев Федор Козмич, подьячий 202, 331
Рожбат (Ражбат) Иван, кроватный мастер, француз 344, 345, 391
Ролицкий Максим, дворовый 309
Роман Иванович, дьякон 297
Ростовцев А., гравер 31, 32
Роше Д. 120
Рубан В. Г. 23
Рукин, поручик 393
Русинов Иван, крестьянин 255, 338, 420
Рыбников Иван Алексеевич, купец, посадский 190, 191, 227, 243, 245–247, 397
Рыбников Прокофий Алексеевич, посадский 243
Рыбникова Анна Андреевна, посадская, москвичка 191
Рыбникова Евдокия Ивановна, дочь посадского 190
Рыбникова Прасковья Васильевна, посадская 190, 191, 243
Рябчиков Данило, посадский 336, 423
Сабуан Д. 181, 396, 404
Саблин, сын боярский Софийского дома 376
Савастий Антоний Филиппович, врач 106
Савельев Юрий, боцман, грек 375, 390
Савельев Иван, дворовый 348
Савостьянов Иван, капитан 251
Савостьянов М., оружейный мастер 238
Садоскин, посадский 93
Садыков Семен Ильич, подьячий 251
Сакович С.И. 228
Салтыков Василий Федорович, кравчий 252, 253, 255, 367
Салтыков С. А., майор 284, 376
Самаренок Федор, солдат 352
Самарины, дворяне 315, 316
Самойлов Михайло, священник 201, 293, 295, 296
Сапин Гаврила Родионович, работник 262
Сапогов, подьячий 49
Сафонов Иван, подьячий 397
Сафроенко К.Н. 46
Сахаров Иван Яковлевич, купец 43, 166, 225, 424
Сахаров Матвей, дворовый 308, 397

- Свечин Степан, посадский 204
 Свечин Семен Леонтьевич, комиссар Старой Руссы 130
 Свешников Иван, дьяк 58, 151, 152
 Свинцова Марина, посадская 313, 337
 Свинцова Фекла, сержантская вдова 313, 337
 Севергин Андрей, подьячий 117, 245
Седов П.В. 452
 Селезнев Алексей, солдат 376
 Селиванов, посадский 51
 Селуянов Федор, капрал 379
Семевский М.И. 71, 192, 285, 301, 317, 372, 375, 376
 Семенов Иван, надсмотрщик за слоном 193
 Семенов Иван, подьячий 109
 Семенов Иван, священник 294, 296
 Семенов Никита, кузнец 184
 Семенов Павел, дворовый 323
 Семенов Семен, кузнец 184
 Семенов Тимофей, священник 295, 300
 Семенов Максим, солдат 104
Семенова Л.Н. 17, 36, 54, 55, 59–61, 88, 145, 171, 172, 189, 190,
 201, 218, 220, 228–232, 234, 235, 237, 240, 250, 286–288,
 290, 315, 320, 419
Семенцов С.В. 453
 Сергеев Иван, крестьянин 249, 250
Середа Н.В. 217
Серов Д.О. 19, 40, 50, 52, 60, 113, 152, 210, 212, 228, 236, 267,
 270, 272, 273, 275, 282, 284, 288, 321, 407, 408
 Сидельников Иван, дворовый, швед 323
 Сидоров Никита, посадский (?) 314
Сизиков М.И. 453
 Симонов Петр, купец 222
 Синявин Ульян Акимович, обер-комиссар 110, 114, 224
 Синявин Федор Акимович, комиссар 110
 Синявич Яков, переводчик 204, 333
 Скобельников Никита, прапорщик 337
 Скорняков Иван, канцелярист 363, 364, 370
 Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич, майор 180, 377
 Скорняков-Писарев Иван 180
 Скорнякова-Писарева Настасья 180

- Скрипицин А., помещик 259
Смилянская Е.Б. 453
Смирнов Борис, подьячий 308, 391
Согомонов А.Ю. 157
Соколов Михаила, дворник 176
Соколов Н.И. 453
Соколовский Алексей Григорьевич, купец 222
Соколовский Григорий, купец 222
Солимская Евдокия, посадская вдова 393, 394
Солимский Максим Григорьевич, сержант 393
Солимский Максим, служитель 393–395
Солнцев-Засекин, стольник 332
Соловьев М., дворовый 166
Соловьевы, предприниматели 132, 210
Солодовников Максим, посадский 204
Сорокин, замочник 239
Софья Алексеевна, царевна 122
Спиридонов Иван, дьяк 202, 268
Сташенко Л.А. 46
Степанов Василий Васильевич, дьяк, советник 284, 299, 407, 408
Степанов Иван, дьяк 196, 271, 295
Степанов Козьма, подьячий 278
Степанов Никита, купец 279
Стерлин Вилим, английский купец 224
Стефанов Иван, священник 236, 296
Столпянский П. Н. 24
Стрежнев Василий, купец 133
Стрежнев Иван, купец 339
Стрешнев Иван Иванович, стольник 79, 199
Стрешнев Тихон Никитич, тайный советник, сенатор 255
Строгановы 253
Строев Иван Петрович, обер-провиантмейстер 92, 100
Стронский Я., подполковник 110
Сумароков Иван, стольник 362
Сумароков Панкратий Богданович, стряпчий с ключом 106, 176, 332
Супонев Дмитрий, квартирмейстер 335
Сычов Семен, посадский (?) 353, 354

Таратин, Василий Елизарьевич, подьячий 105
Тарбеев Иван Дмитриевич, фискал 239, 335
Тарбеев Петр, капитан 309
Татаринов Лаврентий, крестьянин 262
Татищев В.Н. 157, 385, 386, 399
Теглев Яков, посадский 414
Терентьев Никита, посадский 390
Тетерин Никита, солдат 244
Тимофеев Иван, иерей, 295, 296
Тимофеев Степан, священник 291
Тимофеев Ф., дьяк 273
Тимофей Осипович, дьяк 130
Толстая Аграфена Петровна, графиня 180
Толстая Александра Петровна, графиня 180
Толстая Марья Петровна, графиня 180
Толстая Прасковья Петровна, графиня 180
Толстой Василий Петрович, граф 180
Толстой Петр Андреевич, граф, тайный советник 37, 139, 180, 186, 310, 428
Толстой Федор Петрович, граф 180
Томилин Сидор Астафьевич, купец 221, 225
Тормасов Ф., дворянин 213, 214
Торопов В.Н. 454
Требухов Федор Яковлевич, крестьянин 252
Трезини Доменико, архитектор 29, 80, 81, 99, 220, 237, 291
Третьяков Анисим, плотник 415
Третьяков Дмитрий, дворовый 68
Третьякова Агафья, жена плотника 415
Трофимов Прохор, дьяк 276
Трубецкой Юрий Юрьевич, князь 383
Тряпицын Иван, солдат 192
Тулубеев Федор, гарнизонный комиссар 177
Турчанинов Филипп, заводчик 210
Тыдман Л.В. 454
Уваров П.Ю. 157
Уланов Андрей, подьячий 56
Унковский Федор, капрал 399
Успенский Б.А. 288, 402
Уткин Иван, солдат 399

- Ушаков Андрей Иванович, генерал-майор 211
Ушаков П. 102
Фатьянов, посадский 226
Федоров Алексей, подьячий 270, 319
Федоров Антип, подрядчик 254
Федоров Гаврила, денщик 352
Федоров Гаврила, посадский 193
Федоров Дмитрий, священник 292, 294
Федоров Кирилл, сотский 121
Федоров Леон, пленный швед 202
Федоров Леонтий, живописец 241
Федорова Софья, посадская 193
Федосеев Степан, дьякон 292, 295, 301
Фелштин Захар Захарович, толмач 234
Феодосий Яновский, архимандрит Невского монастыря 287, 320, 337
Феофан Прокопович, архиепископ 289
Филатов Григорий, крестьянин 260
Филиппов Василий Дементьевич, подьячий 163, 330, 331
Филиппов Дементий, крестьянин 260
Филиппов Иван, крестьянин 249–351, 358
Фирсов, подьячий 416
Флоря Б.Н. 383
Фролов Илья, подьячий 319, 355, 356, 358
Фрязина Варвара 214
Харзеев Федор, прапорщик 399
Харламов Миня, подьячий 281
Хвастливый Кандратий Федорович, купец 221, 222
Хватков Афанасий, подьячий 397
Хвостов Григорий, подполковник 320
Хелли Р. 106
Хилков Юрий Яковлевич, князь, стольник 68, 79
Хилкова А., княгиня 251, 255
Хитрово Богдан Матвеевич, боярин 212, 407
Хованская Прасковья Андреевна, княгиня 202
Хованский Петр Иванович, князь 399
Хованский Федор Семенович, князь 209
Хозле Матвей, конфетный мастер 232, 393–395
Хозякова, жена наборщика 390

Хок С. 454

Холентцев Илья, подьячий 319

Хомутов Терентий, солдат 240

Хоперцов, посадский 93

Хоррет Аврам, подполковник 201

Храмцовский Андрей Иванович, подьячий 163, 279

Хрисанфов Сергей, дворовый человек 338

Хрущев Семен, дворянин 102

Худошин, помещик 192

Цатурова М.К. 50, 188–190, 192

Чаадаев Василий Иванович, стольник 254, 255

Чебышев Семен Обросимович, судья 79

Чемезова Марья Афанасьевна, дворянка 257

Чемесов Осип Михайлович, полковник,
комендант Санкт-Петербурга 34, 80, 81, 99, 186

Черкасов Семен, подьячий 101

Черкасский Алексей Михайлович, князь, стольник 29, 114,
208, 209, 255

Черкасский Петр, князь, подпоручик 340

Черкасская Анна Михайловна, кн. 209

Черкасская Варвара Алексеевна, кн. 209

Черная Л.А. 383, 389, 405

Черноусов Иван Иванович, купец 227

Черноусовы, посадские 184

Чернышев Г.П., майор, генерал 58, 106, 112

Чичерин Кирилл Лаврентьевич, судья 188

Чукаринов Федор, поручик 205, 333

Чуправый, матрос, дворовый 359

Шамшев Д.С., дворянин 91

Шати́ро А.Л. 258

Шапошников Федор, крестьянин 376

Шарапов Кирилл, подьячий 67

Шарунин Кирилл, крестьянин 259

Шафиров Петр Павлович, барон, вице-канцлер 37, 112, 113,
134, 152, 153, 206, 208, 212, 284, 340, 346, 406, 407

Шаховцова И. Г. 19, 57

Шевнус Франц, переводчик 282

Шевцов, курьер 333

Шепилов Спиридон, крестьянин 255, 261, 375, 377, 397, 398

Шереметев А.П. 255

- Шереметев Борис Петрович, фельдмаршал 153, 255, 259, 262, 332, 418
- Шереметьев Ф. П., стольник 343
- Шереметева Анна, вдова фельдмаршала 210
- Шершнев Андрей, сын истопника 323
- Шершнев Илья, истопник 323
- Шестаков Иван, крестьянин 133
- Шилков В.Ф.* 454
- Шипулин Р., наборщик типографии 236
- Шишкин И., школьник 330
- Шкамилов Григорий, заплочных дел мастер 314
- Шлюмбом Ю.* 19
- Шмидт П.И., полковник 80
- Шоер Ганс, Выборгский житель 224
- Шорохов А.П.* 454
- Шубин Федор, подрядчик 132
- Шульгин Козьма, подьячий 250
- Шурлов Григорий, подьячий 392
- Щеголин Владимир Петрович, купец 221, 222
- Щеголин Сергей 221
- Щедрин Максим Ефимьевич, посадский 200
- Щепотев Василий, подпоручик 367
- Щербатов Михайло Михайлович, князь 177
- Щербатов Михайло Юрьевич, князь, полковник 177
- Щукин А., обер-секретарь Сената 284
- Щербатов Юрий Федорович, князь, окольничий 79, 208, 209
- Юган Эрик (Илья) дворовый 202
- Юганов А.Л.* 392
- Юрьев Петр, дьяк 80, 260
- Юрьева Авдотья, крепостная 333
- Юсупов А.* 455
- Юсупов Княжево Г.Д. 284
- Юшков Алексей Александрович, стольник 186
- Юшков, помещик 313, 314
- Яганова Ирина, дворовая, полячка 333
- Ягнатъев (Игнатъев) Дмитрий, поручик 121, 371
- Ягужинский Павел Иванович, генерал-прокурор 139, 140
- Языков, помещик 194
- Якимов, солдат 340

Якимовский Василий Дмитриевич, посадский 100
Яковлев Андрей, дворовый 192
Яковлев Антон, дворовый 330
Яковлев Иван, посадский 63
Яковлев Петр, замочник 67, 239
Яковлев Семен, подьячий 56
Яковлев Степан, замочник 67
Яковлева Акси́нья, дворовая 192
Якушкин Г. Р. 186
Якушкина М. М. 186
Янков Данило, дворовый 211
Янцевич А. С. 17
Янышев, пыльщик 17
Ярошенский (Ерошевский) Василий, живописец 241
Ярцов Илья, подьячий 269
Ястребицкая А. Л. 17
Яцкой Николай, дворовый 368
Яшинский Григорий, посадский 85

Anderson M. 455
Barth G. 15
Berkner K. 455
Bisha R 192
Cohen E. S. 404
Corfield P. 150, 157, 159
Cust R. 406
Czap P. 179
Davidoff L. 187
Davis N. Z. 71,
Dewey H. W. 324, 409, 411, 412
Economakis E. 219
Engel P. 165
Ewbank G. 165
Garroch D. 404
Gilmore D. D. 404
Hatch E. 404
Hellie R. 54, 106, 141, 195
Hill B. 456
Hittle M. 456

- Hodghin A. 118
Hughes L. 456
Innes J. 389
Kagan A. 179
Kaiser D. H. см. Кайзер Д.
Kivelson V. 214, 328, 417
Kleimola A. M. 411, 412
Kollmann N. см. Колманн Н.
Laslett P. 181, 183
Martin G. H. 23
Melton J. 457
Miller W. I. 404
Mitterauer M. 179
Moch L. P. 457
Morrison D. 252, 257, 258
Peristiany J. G. 404
Peterson C. 46, 48, 48
Plakans A. 175
Ransel D. 174
Roche D. 120
Schmidt Th. 458
Schwerhof G. 404
Shreiner K. 404
Sokoll Th. 183
Styles J. 389
Tadmor N. 458
Tilly Ch. 458
Wirtschaftler E. см. Вуртшафтер Э.
Wortman R. S. 458

НАЦИЯ И КУЛЬТУРА
новые исследования

Ольга Кошелева
ЛЮДИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОСТРОВА
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Истории Санкт-Петербурга посвящено неисчислимое множество трудов, однако автор этой книги полагает, что усилия нескольких поколений исследователей стерли не все «белые пятна». Книга О.Е. Кошелевой — о людях, по воле Петра Великого неожиданно оказавшихся жителями Санкт-Петербурга, об их заботах и проблемах. Свидетельства трехсотлетней давности об обыденной жизни петербуржцев сохранились в архивных документах, значительная часть которых впервые учтена в данной работе. Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей — на всех, кто интересуется историей России.

ISBN 5-94282-262-X

9 785942 822620